

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

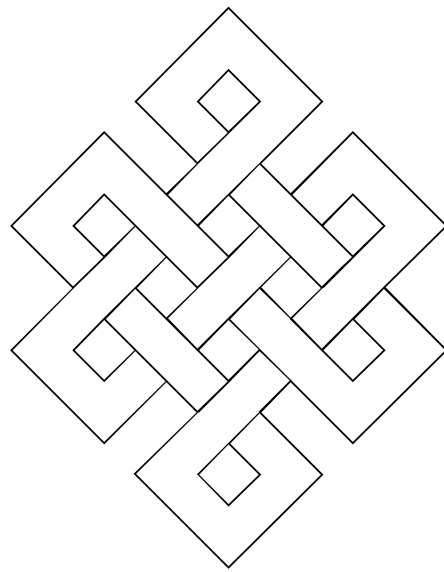
THE NEW RESEARCH OF TUVA

2025

№ 2

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

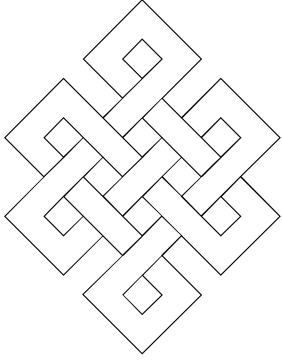

Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

№2
2025

nit.tuva.asia

НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH
OF TUVA

2025

№ 2

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Харитонов В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ерекешева Л. Г., Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан

Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
Монгуш М. В., Российский государственный архив

Российской Федерации
Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
Отрощенко И. В., Институт востоковедения имени А. Е. Крымского

Национальной академии наук Украины
Чулуун Сампилдондов, Институт истории и археологии

Академии наук Монголии
Харунова М. М.-Б., Институт востоковедения РАН, Россия

Бакаева Э. П., Калмыцкий научный центр РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук

Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Россия

Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Хомушку О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Россия
Левин Т., Дартмаус колледж, США

Ксения Пименова, Парижский университет Нантерр, Франция

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр Республики Тыва, Россия

Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия

Бахтикиреева У. М., Российский университет дружбы народов
Туймебаев Ж. К., Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Папын А. С., редактор, администратор

Макаров В. С., редактор

Гайдин Б. Н., редактор

Журнал публикует статьи на русском и английском языках. Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIH PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

Издатель: Ч. К. Ламажаа, Россия, 117437, г. Москва, а/я 30, Соиздатель: Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан, Алматы, 050040 пр. Аль-Фараби, д. 71.

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY)

Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Laura G. Yerekesheva, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany

Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
Ivanna V. Otroschchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine

Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia

Marianna M.-B. Harunova, The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Science

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy

Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

Galina F. Balakina, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russia

Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation

Theodore Levin, Dartmouth College, United States

Ksenia Pimenova, l'Université Paris Nanterre, France

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation

Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Uldanay M. Bakhtikireeva, Peoples' Friendship University of Russia
Zhanseyt K. Tuymebaev, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager

Vladimir S. Makarov, Editor

Boris N. Gaydin, Editor

The New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English. The journal is published quarterly.

The journal is indexed in ERIH PLUS, RINTS, CiberLeninka, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

Publisher - Ch. K. Lamazhaa (Postal box 30, Moscow, Russia, 117437); Co-publisher - Al-Farabi Kazakh National University (71 Al-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040).

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial» («Атрибуция — Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТУВИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ламажаа Ч. К. (Казахстан), Майны Ш. Б. (Россия) Узел счастья в социокультурном пространстве Тувы 5

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Стороженко А. А., Нурзат А. А. (Россия) Государственная политика по седентаризации тувинцев в Туvinской Народной Республике в 1930–1940-е гг. 33

Куксин А. Н., Путинцев Н. И., Куксина Д. К., Арчимаева Т. П. (Россия) Ретроспективный анализ сети особо охраняемых природных территорий в Республике Тыва 51

Ситковский А. М., Деловарова Л. Ф. (Россия) Система расселения Республики Тыва: опорные населённые пункты 70

Ойдуп Т. М., Трошкина И. Н., Дилекова С. Д. (Россия) Анализ миграционной привлекательности республик Алтай, Тыва и Хакасии 92

Зарипов А. Я., Ростовская Т. К. (Россия) Подготовка кадров высшей квалификации в национальных регионах России (на примере республик Башкортостан, Татарстан, Тыва) 109

Агарков Н. М., Фабрикантов О. Л., Емельянов С. Г., Титов А. А., Алымова М. В., Шорохова А. А. (Россия) Тенденции и прогнозирование младенческой и перинатальной смертности в Республиках Тыва, Хакасия и в Монголии 129

РОДНОЙ ЯЗЫК

Ryzhikova T. R., Plotnikov I. M., Dobrynina A. A., Ondar Ch. G. (Russia) Intonational means of expressing finality in Tuvan folklore narration 144

Биткеева А. Н., Хохолова И. С., Филиппова В. В. (Россия) Оценка языковой комфортности в городском пространстве северного и арктического города 169

Туймебаев Ж. К. (Казахстан), Кикбаева А. Т. (Казахстан), Сувандии Н. Д. (Россия) Структурные и семантические особенности имен собственных казахов и тувинцев 188

Бисенгали А. З.-Г., Буркитбаева Ш. Д., Манкеева Ж. А., Кулманов С. К. (Казахстан) Когнитивные основы новых словоупотреблений в современных казахском, турецком и тувинском языках 200

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Маткеримова Р. А., Калиева А. К. (Казахстан) Элементы геопоэтики в казахстанской и тувинской литературе 216

Бекмуратова А. Е., Худайбердина Д. А. (Казахстан) Этнокультурные образы повседневности в прозе современных евразийских писателей 231

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР

Dalanbayar B., Buyandelger B., Munguntuul E., Bat-Ochir I. (Mongolia) Mongolian National (Khalkha) Wrestling's Uniforms of the 16th century 246

Сатанар М. Т. (Россия) Образ верховного бога якутского пантеона божеств в эпосе олонхо: семантические признаки статики и динамики 258

Башиева С. К., Бахтикиреева У. М. (Россия) Карачаево-балкарская топонимия как средство кумуляции и хранения этнокультурной информации 280

Баязитова Р. Р. (Россия) Орнаментированные полотенца в традиционной культуре башкир 290

Кенжекожаева А., Мамбетов Ж. О., Ауесбаева П. Т. (Казахстан) Мудрость и юмор Ходжи Насреддина в контексте различных версий притчи о казане 300

Сейтбекова А. А., Фазылжан А. М., Сейдават А. К., Абаева М. К., Мурсал А. (Казахстан) Историко-поэтический подкорпус Национального корпуса казахского языка 312

Бахтикиреева У. М., Башиева С. К. (Россия) Этнокультурный смысл артефактов карачаево-балкарской свадьбы: процессы десемантизации и приращения 339

Булатова А. К., Булатова М. Р. (Россия) Семантические особенности многозначных слов в народных говорах (на материале среднего и западного диалектов татарского языка) 354

Кадирова Э. Х., Валиева М. З., Сагдеева Ф. К. (Россия) Лексема ай (луна, месяц) в старотатарских письменных текстах (XIII — начало XIX в.) 365

CONTENTS

ENCYCLOPEDIA OF TUVAN CULTURE

Lamazhaa Ch. K. (Kazakhstan), Mainy Sh. B. (Russia) The knot of happiness in the socio-cultural space of Tuva 5

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Storozhenko A. A., Nurzat A. A. (Russia) State policy on the sedentarization of Tuvans in the Tuvan People's Republic in the 1930s and 1940s 33

Kuksin A. N., Putintsev N. I., Kuksina D. K., Archimaeva T. P. (Russia) The retrospective analysis of the network of specially protected natural territories in the Republic of Tuva 51

Sitkovskiy A. M., Delovarova L. F. (Russia) The settlement system of the Republic of Tuva: central places 70

Oydup T. M., Troshkina I. N., Dilekova S. D. (Russia) Analysis of the migration attractiveness of the Altai Republic, Tuva and Khakassia 92

Zaripov A. Ya., Rostovskaya T. K. (Russia) Training of highly qualified personnel in national regions of Russia (the case of the Republic of Bashkortostan, Tatarstan, Tuva) 109

Agarkov N. M., Fabrikantov O. L., Yemelyanov S. G., Titov A. A., Alymova M. V., Shorokhova A. A. (Russia) Trends and forecasting of infant and perinatal mortality in the Republics of Tuva, Khakassia and Mongolia 129

NATIVE LANGUAGE

Ryzhikova T. R., Plotnikov I. M., Dobrynina A. A., Ondar Ch. G. (Russia) Intonational means of expressing finality in Tuvan folklore narration 144

Bitkeeva A. N., Khokhlova I. S., Filippova V. V. (Russia) Assessment of linguistic comfort in the urban space of the northern and Arctic cities 169

Tuimebayev Zh. K. (Kazakhstan), Kikbayeva A. T. (Kazakhstan), Suvandii N. D. (Russia) Structural and semantic features of proper names of Kazakhs and Tuvans 188

Bissengali A. Z.-G., Burkhitbayeva Sh. D., Mankeyeva Zh. A., Kulmanov S. K. (Kazakhstan) Cognitive foundations of new lexical usages in modern Kazakh, Turkish and Tuvan languages 200

DIALOGUE OF CULTURES

Matkerimova R. A., Kaliyeva A. K. (Kazakhstan) Elements of geopolitics in Kazakh and Tuvan literature 216

Bekmuratova A. E., Khudaiberdina D. A. (Kazakhstan) Ethnocultural images of everyday life in the prose of modern Eurasian writers 231

TURKIC-MONGOLIAN WORLD

Dalanbayar B., Buyandelger B., Munguntuul E., Bat-Ochir I. (Mongolia) Mongolian National (Khalkha) Wrestling's Uniforms of the 16th century 246

Satanar M. T. (Russia) The Image of the Supreme god of the Yakut Pantheon of Deities in the Olonkho epic: semantic signs of statics and dynamics 258

Bashieva S. K., Bakhtikireeva U. M. (Russia) Karachay-Balkarian toponymy as a means of accumulation and storage of ethnocultural information 280

Baiazitova R. R. (Russia) Ornamental towels in the traditional Bashkir culture 290

Kenzhekozhayeva A., Mambetov Zh. O., Auesbayeva P. T. (Kazakhstan) The wisdom and humor of Hodja Nasreddin in the context of various versions of the parable of kazan 300

Seitbekova A. A., Fazylzhan A. M., Seydamat A. K., Abaeva M. K., Mursal A. (Kazakhstan) Historical and Poetic Subcorpus of the National Kazakh Language Corpus 312

Bakhtikireeva U. M., Bashieva S. K. (Russia) The ethnocultural meaning of the artifacts of the Karachay-Balkarian wedding: the processes of desemantization and increment 339

Bulatova A. K., Bulatova M. R. (Russia) Semantic features of polysemous words in folk dialects (based on the material of the middle and Western dialects of the Tatar language) 354

Kadirova E. H., Valeeva M. Z., Sagdeeva F. K. (Russia) The lexeme *ai* (moon, month) in Old Tatar written texts (XIII — early XIX century) 365

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТУВИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.25178/nit.2025.2.1

Статья

Узел счастья в социокультурном пространстве Тувы

Чимиза К. ЛамажааКазахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан,
Шенне Б. Майны

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье собраны и систематизированы примеры распространения «өлчей удазыны» 'узла счастья' в социокультурной жизни Тувы. Анализ основан на собранных авторами в течение 2023–2024 гг. полевых материалах (в т. ч. в фотографиях) в городе Кызыл, других территориях республики, а также информации, которая распространяется в масс-медиа, социальных сетях в Интернете.

На основе анализа научной литературы рассматриваются: этимология термина, вопросы его появления в Туве, исследованность. Отмечается, что тувинский орнамент, широко распространенный в Азии и за его пределами, в очередной раз свидетельствует о том, что Тува входит в ареалы буддийской, азиатской культур.

Сегодня административные здания, общественные и развлекательные заведения, коммерческие, промышленные и жилые строения, заборы, перила и пр. г. Кызыла обильно декорированы различными орнаментальными мотивами, в первую очередь өлчей удазыны. Показано, что орнамент присутствует в декоративно-прикладном искусстве, в одежде, украшениях, сувенирах, логотипах, эмблемах.

Делается вывод, что орнамент стал одним из ярких выразителей этнокультурной самоидентификации, самопрезентации тувинцев, понимается и как общий маркер культурного мира Тувы для всех его жителей. Широкое использование орнамента, в том числе в этноиндустрии, позволяет говорить о том, что, расширяя традиционное пространство для существования, он переживает определенный период расцвета, особой востребованности.

Ключевые слова: Тува; Кызыл; тувинская культура; орнамент; узор; өлчей удазыны; узел бесконечности; узел счастья

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К., Майны Ш. Б. Узел счастья в социокультурном пространстве Тувы // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 5-32. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.1>

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, приглашенный профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050000, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: lamazhaa@tuv.a.sia

Майны Шенне Борисовна — кандидат культурологии, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9В. Эл. адрес: shenne85@mail.ru

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Visiting Professor, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71/27 al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. E-mail: lamazhaa@tuv.a.sia

ORCID: 0000-0003-1813-3605

MAINY, Shenne Borisovna, Candidate of Cultural Studies, Senior Researcher, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Tuvan State University. Postal address: 9/B, Mongush Sat St., 667000 Kyzyl, Russia. E-mail: shenne85@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9106-2148

ENCYCLOPEDIA OF TUVAN CULTURE

Article

The knot of happiness in the socio-cultural space of Tuva

Chimiza K. Lamazhaa*Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan,***Shenne B. Mainy***Tuvan State University, Russian Federation*

The article compiles and systematizes examples of the dissemination of the ornament “ölçey udazyny” (‘knot of happiness’) in the sociocultural life of Tuva (Russia).

The analysis is based on field materials (including photographs) collected by the authors during 2023–2024 in the city of Kyzyl and other areas of the Republic of Tuva, as well as information distributed through mass media and social networks.

Drawing on a review of scholarly literature, the article discusses the etymology of the term, the question of its emergence in Tuva, and the extent of its academic study. It is noted that the Tuvan ornament, which is widely spread across Asia and beyond, once again attests to Tuva’s inclusion in the cultural spheres of Buddhism and broader Asian traditions.

Today, administrative buildings, public and entertainment facilities, commercial, industrial and residential structures, fences, railings, and other objects in the city of Kyzyl are abundantly decorated with various ornamental motifs — primarily with “ölçey udazyny”. The study demonstrates that this ornament appears in decorative and applied arts, clothing, jewelry, souvenirs, logos, and emblems.

It is concluded that the ornament has become one of the vivid expressions of Tuvan ethnocultural self-identification and self-representation and is also understood as a shared marker of Tuva’s cultural world for all its inhabitants.

The widespread use of the ornament, including in the ethno-industrial sector, suggests that by expanding the traditional spaces of its existence, it is currently experiencing a period of flourishing and heightened demand.

Keywords: Tuva; Kyzyl; Tuvan culture; ornament; pattern; ölçey udazyny; endless knot; knot of happiness

For citation:

Lamazhaa Ch. K. and Mainy Sh. B. The knot of happiness in the socio-cultural space of Tuva. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 5–32. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.1>

Введение

Одним из интересных явлений в современной социокультурной жизни Тувы стало стихийное возвращение символов тувинской этнической культуры, традиционного прошлого, которыми жители республики самостоятельно окружают общественные и личные пространства. Например, мы писали и анализировали актуализацию юрты — как целиком, так ее образа и отдельных элементов (Lamazhaa, 2023; Тувинцы. Родные ... , 2022: 118–137). Жители Тувы, прежде всего тувинцы, стремятся устанавливать юрты в самых разных местах и для разных предназначений, они используют элементы юрты в архитектуре, в дизайне помещений, в искусстве, в сувенирной продукции и пр. И мы собрали многочисленные примеры этого в визуальных документах — фотографиях, подборку которых издали отдельной фотокнигой¹. Данное явление мы охарактеризовали как ностальгический нomaдизм, когда люди, потомки кочевников, стали рассматривать юрту как ностальгический образ дома, как элемент связи с предками, с корнями, с прошлым своей культуры.

¹ Өөвүс. Возвращение тувинской юрты / сост. Ч. К. Ламажаа и др.; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл, 2022.

При этом юрта — далеко не единственный такой образ и символ. Тувинская этническая культура имеет и другие элементы, которые стали очень популярными в самых разных сферах общественной и культурной жизни жителей Тувы. Так, еще одним мы можем назвать орнамент с тувинским названием *өлчей удазыны* ‘узел счастья’¹ — один из древних символов, который встречается в культурах различных регионов мира.

Орнамент *өлчей-удазын* символизирует счастье, благополучие, долголетие. Его также называют часто бесконечным узлом из-за его формы: если провести по линиям данного узора, он бесконечен, у него нет ни начала, ни конца. Поэтому, пишет О. Х. Ноозун, счастье имело для тувинцев широчайшее значение, смысл которого сводился к бесконечности (Ноозун, 2016: 75). Он встречался и в орнаментах прошлого, а сегодня, если оглядеться в Туве, его можно увидеть на улицах населенных пунктов республики, в архитектуре, в дизайне, в одежде, на мебели и пр.

Наш интерес к этой теме стал естественным продолжением уже начатого анализа процесса возвращения символов этнической культуры. Исследования тем этнической идентификации тувинцев не могут ограничиваться вопросами самосознания людей, их предпочтений, мотиваций и пр., которые оказались в центре внимания авторов на рубеже XX–XXI в. Спустя пару десятков лет исследователями стало признано, что важным звеном в передаче и интерпретации информации, формировании и выражении этнической самопрезентации являются и предметы материальной культуры, визуальные образы, в связи с чем появились и стали активно развиваться исследования вещей, визуальные исследования (Grasmuck, Martin, Zhao, 2009; Dekel-Dachs, Moorlock, 2020; Bij de Vaate, Veldhuis, Konijn, 2022; и др.).

Цель данного исследования — систематизация примеров распространения *өлчей удазыны* ‘узла счастья’ в социокультурной жизни Тувы, которые мы рассматриваем как маркеры этнокультурного мира региона.

В соответствии с поставленной целью мы:

- 1) рассмотрим вопросы исследованности темы и терминологии,
- 2) опишем примеры использования орнамента в архитектуре и дизайне помещений Кызыла,
- 3) также опишем примеры использования орнамента в искусстве, дизайне и сувенирной продукции производителей Тувы,
- 5) проанализируем данные примеры как единое явление.

Объектами исследования выступают различные объекты материальной культуры, на которых присутствует в том или ином виде рассматриваемый орнамент *өлчей удазыны*. Эти примеры мы группируем в практически том же порядке, что и объекты с элементами юрты². Предмет исследования — присутствие, распространенность орнамента *өлчей удазыны* на данных объектах.

Изучение орнамента различных эпох и народов уже давно перешагнуло через рамки только искусствоведения. Орнаменты рассматриваются как сложные семиотические системы, которые и отражают мировоззрение людей, и выступают посредниками коммуникативных актов, и побуждают к определенным действиям. Поэтому поле исследований здесь чрезвычайно широкое: здесь работают и специалисты в области искусствоведения, этнографии, антропологии, психологии, социологии; орнаменты анализируются и рядом специализированных научных направлений (*memory studies*, *visual studies* и пр.). Учитывая наш исследовательский интерес, в теоретико-методологических основаниях работы мы ориентируемся на работы, обсуждающие связь между орнаментами и этнической идентичностью, однако не ограничиваемся только ими (см. обзор литературы).

Анализ основан на собранных авторами в течение 2023–2024 гг. полевых материалах (в т. ч. в фотографиях) в городе Кызыл, других территориях республики, а также информации, которая распространяется в масс-медиа, социальных сетях в Интернете.

¹ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 336.

² Өөвүс. Возвращение тувинской юрты ...

Обзор литературы

Общая география распространения орнамента, который в тувинской культуре носит название *өлчей удазыны* ‘узел счастья’, достаточно широк. Поэтому в нашем обзоре литературы мы рассмотрим важные для нас публикации по трем группам. К первой группе относятся исследования орнамента в тувинской культуре. Вторая группа охватывает исследования орнамента в культуре других народов. И поскольку мы учитываем определенное поле теоретико-методологических исследований орнамента, мы также остановимся на ряде работ, в которых поднимаются вопросы функций орнаментов, визуальных образов и этнической идентичности (третья группа).

Первая группа. В первую очередь обратимся к терминологии, которая обсуждается в словарях и этнографической литературе. Словарь тувинско-русского языка под редакцией Э. Р. Тенишева сообщает нам, что общее определение *өлчей-удазын* — ‘узел счастья’¹. При этом слово *өлчей* означает ‘счастье’, и, по версии этого же словаря, используется только в сочетании со словом *кежик* ‘дар, благо’² — *өлчей-кежик* ‘счастье; благодать’³. Вторая часть определения образована от слова *удазын* ‘нить’⁴. Тем самым буквально фраза означает «нить счастья», однако в переводах более распространена фраза «узел счастья».

В этимологическом словаре Б. И. Тенишева отмечается и другая форма названия *өлзей-удазын* ‘узел счастья’⁵, которую тюрколог разделяет на фольклорный термин *өлчей* ‘счастье’ и *удазын* ‘нить’. Происхождение термина (так же как и *өлчей-кежик*) автор определяет как монгольское, восходящее в первой части к слову *өлзий* ‘мир и счастье; благоденствие, блаженство; благо, благополучие’⁶. Тувинская версия слова с шипящей *ч* — *өлчей* Татаринцевым классифицируется как более старая, отражающая также старую монгольскую форму *öljei*⁷.

С. И. Вайнштейн также подчеркивает, что тувинский «өлчей удазын» представляет собой один из примеров взаимного переплетения тувинской, монгольской и бурятской орнаментики, что подтверждается семантической сходностью названий (Вайнштейн, 1974: 147).

Сам орнамент, считает С. И. Вайнштейн, является одним из орнаментальных мотивов, которые проникли в Туву вместе с буддизмом (там же: 159). Тем не менее, он также подчеркивает, что мотив узла известен в археологических памятниках Тувы периода поздних кочевников, «и его происхождение здесь скорее связано с древними культурами степной зоны» (там же). По мнению О. Х. Ноозун, современной исследовательницы тувинского декоративно-прикладного искусства, в тувинской орнаментике менее отражены мотивы буддийского искусства, чем в узорах монголов и бурят (Ноозун, 2016: 75).

Распространенность орнамента *өлчей-удазын* в тувинской культуре отмечалась и продолжает отмечаться многими авторами. Они пишут о его присутствии в самых разных местах, но упоминания эти весьма разрозненны:

- в архитектурной среде г. Кызыла⁸;
- на изделиях из войлока в традиционном убранстве тувинской юрты⁹;

¹ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 336.

² Там же. С. 235.

³ Там же. С. 336.

⁴ Там же. С. 433.

⁵ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2008. Т. IV. С. 383.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Мандыынчы Ч. Ч., Куулар А. А., Майны Ш. Б. Декорация тувинскими национальными элементами архитектурной среды г. Кызыла // Научные высказывания. № 14 (22). 2022. С. 9–11.

⁹ Монгуш Ч. К. Орнамент изделий из войлока в традиционном убранстве тувинской юрты // Декоративно-прикладное искусство, дизайн и народная художественная культура. Образовательные и творческие аспекты: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Красноярск, 2017. С. 61–68; Монгуш Ч. К. Традиционная посуда и домашняя утварь тувинцев, их виды, орнаментация // Культура Тувы: прошлое и настоящее: сб. материалов науч.-практ. конф. (2013–2019 гг., г. Кызыл) / отв. ред. А. Д.-Б. Барынмаа Кызыл: КЦО «Аныяк», 2021. Вып. 4. С. 34–37; Керттик-оол Ш. С. Знаково-символическая природа узоров на войлоке в традиционном укладе жизни тувинцев // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая: Материалы VI-й международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. Кызыл, 30 июня 2020 года. Кызыл: Тувинский государственный университет, 2020. С. 17–19.

- в украшении деревянных сундуках¹;
- на традиционных подушках (Монгуш, 2019: 150–153);
- на национальной посуде и домашней утвари (Вайнштейн, 1961: 162; и др.²);
- на праздничных угощениях во время Нового года (Потапов, 1969: 196);
- на традиционном костюмном комплексе тувинцев (Сиянбиль, 2000: 28; Ховалыг, 2018: 35, 219, 242–243; и др.³), и его в современных интерпретациях (Майны, Кухта, 2021: 61–70; Ондар, 2016: 124–127);
- на ювелирных изделиях (Айжы, Нан-Хоо, 2021: 81, 86);
- в сувенирной продукции⁴;
- в тамговых знаках (Ондар, Бырыннай, Тюлюш, 2021: 117); и мн. др.

Узел бесконечности упоминается в рамках общих исследований традиционной орнаментики, декоративно-прикладного искусства тувинцев. Например, отдельный раздел ему посвящен в тувиноязычной монографии Л. С. Адыг-Тюлюш «Тыва чоннуң угулзалары, хээлери» («Тувинские народные узоры») (Адыг-Тюлюш, 2017: 19–22). Здесь перечисляются разновидности этого орнамента. В работе О. Х. Ноозун о тувинском декоративно-прикладном искусстве данному орнаменту также посвящена отдельная информация и есть много упоминаний (Ноозун, 2016: 75, 76 и др.).

Однако, при этом отдельного исследования орнамента в тувиноведении еще не было.

В отличие от научных работ, в публицистике ситуация иная. Интерес тувинцев к традициям своей культуры, который развернулся с 1990-х гг. и сохраняется ко всему этнокультурному, также выражается в регулярных публикациях в средствах массовой информации, в выходе популяризаторских изданий разного формата. Среди них можно встретить и публикации, посвященные самому орнаменту *өлчей удазыны*: разъяснения смысла, воспевания и пр.⁵

Вторая группа работ, которую мы должны учитывать, обращаясь к теме орнамента *өлчей удазыны*, это исследования бытования данного орнамента в других культурах. Считается, что он распространен в Тибете, Монголии, Китае, Индии, Японии, Непале, Бутане, то есть в странах, где значительное влияние имеет буддизм. Узел бесконечности (на санскрите *śrīvatsa*, на тибетском *dpal be'u*) является одним из восьми благих символов буддизма (*аштамангала*) (Бир, 2011: 187–191; см. также: Альфонсо, 2019). Поэтому мы можем обнаружить много его упоминаний в связи с его вплетением в традиции систем орнаментов народов буддийского культурного мира: монгольского (Гантулга, 2020; Альфон-

¹ Топча Ч. М. Художественная обработка предметов из дерева (по фондовым материалам национального музея имени Алдан-Маадыр) // Ермолаевские чтения: материалы VI научно-практической конференции с международным участием, посвященной 130-летию В. П. Ермолаева, Буян-Бадырғы Монгуша, 70-летию Н. К. Рушевой. Кызыл. 10–11 июня 2022 года. Кызыл: Национальная библиотека имени А. С. Пушкина Республики Тыва, 2022. С. 191.

² Сат С. Б., Ондар А. Б. Особенности национальной утвари «мешочек счастья» // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая: Материалы II международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященной 100-летию единения России и Тувы и в рамках реализации мероприятий Программы развития деятельности студенческих объединений. Кызыл, 26–30 июня 2014 года. Кызыл: Тувинский государственный университет, 2014. С. 115–116.

³ Ондар А. Б. Актуализация историко-культурного наследия тувинцев музейными средствами (на материалах традиционного костюма): дисс. ... канд. культ. Кемерово, 2019. С. 159–160; Донгак С. Ч. Сакральные аспекты тувинской шапки // Современные этнические процессы на территории Центральной Азии: проблемы и перспективы: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию со дня образования исторического факультета Тувинского государственного университета, Кызыл, 17–18 октября 2019 года. Кызыл: Тувинский государственный университет, 2019. С. 48–50.

⁴ Оржежик Ч. М. Сувенирная продукция Национального музея Республики Тыва история появления и современный ассортимент // Ермолаевские чтения: материалы VI научно-практической конференции с международным участием, посвященной 130-летию В. П. Ермолаева, Буян-Бадырғы Монгуша, 70-летию Н. К. Рушевой. Кызыл. 10–11 июня 2022 года. Кызыл: Национальная библиотека имени А. С. Пушкина Республики Тыва, 2022. С. 208.

⁵ Бадаа С. Тываларнын ыдыы: хээ-угулза — «өлчей удазын» // Шын. 1991. № 217 (14717). Ар. 4; Олчей удазынын дугайында тайылбыр // Шын. 2020. № 26 (19365). Ар. 11; Сотпа С. Чижек, хемчээлдиг болур (Идет разговор о прекрасном о тувинском орнаменте) // Шын. 1974. № 110 (9484). Ар. 4; Болгум-оол А. Тыва угулзалар, каасталгалар // Кадын. 1998. № 1. Ар. 7–8.

со, 2019: 63, 64; и др.); калмыцкого (Ковалев, 1970: 79; Батырева, 2019; и др.); бурятского (Бекетова, Акинфеева, Юрасова, 2018: 9; и др.). Уже есть исследование присутствия данного орнамента в современной геральдике России, в основном, в гербах национально-территориальных образований страны южной Сибири (см.: Трипольская, Чистяков, 2024).

Тем не менее, распространенность узлового орнамента выходит за пределы географии буддийского культурного мира, в том числе на шаманистский ареал Южной Сибири. Как пишет, например, С. В. Баштанник, здесь мотив «узла счастья» распространился в IX в. благодаря уйгурскому манихейству, впитавшему зороастрийские и буддийские элементы (Баштанник, 2019: 35). В последующем эти взгляды были переняты и распространялись кыргызами (там же). Также аналогичный символ встречается и других древних культурах Европы, например, в кельтской (Ивановская, 2003).

Все эти работы и описания важны для нашего понимания тувинского орнамента как локальной версии распространенного орнамента, а также интереса к тем работам, где также обсуждается его актуализация в современных условиях в разных регионах мира.

Третья группа работ, необходимая для нас, сама по себе достаточно разрозненна, учитывая сказанное — это обширное поле междисциплинарных исследований. Поэтому мы отметим только несколько тематизмов: исследования орнамента как сложной системы выражения культурных явлений, имеющей разнообразный функционал (Trilling, 2003; Moussavi, Kubo, 2006; Valsiner, 2008; Glăveanu, 2014; и др.); исследования применения традиционных орнаментов в различных сферах социокультурной жизни (Glăveanu, 2014; Николенко, 2015; Мальчик, 2015; Suraganov, 2021; Смоленская, Куликова, 2023; Шалагина, 2024; Макарова, Габдрахманова, 2024; Маничкин, 2024; и др.), исследования визуальных образов, выражающих этническую идентичность людей (Антропология города, 2013; Головнев и др., 2022; и др.).

Все эти публикации стали для нас теоретической, методологической опорой в анализе. Общая же схема «топографии» поисков, как мы уже упоминали, была задана подобным нашим исследованием, связанным с образами юрт, когда мы сначала осматривали общественные пространства, улицы, помещения, внутреннее убранство, затем — последовательно отдельные сферы культуры, экономики и пространство частных помещений.

Архитектура и дизайн помещений

Исследование архитектуры и дизайна мы провели, прежде всего, в пространстве столицы Тувы — города Кызыла и его пригорода. Административные здания, общественные и развлекательные заведения, коммерческие, промышленные и жилые строения, заборы, перила и пр. — здесь сегодня часто декорированы различными орнаментальными мотивами, в первую очередь *өлчей удазыны*, которые часто используются как подсвеченные, люминесцентные знаки, вывески, эмблемы. Назовем такие примеры, в том числе некоторые из них мы показываем и в иллюстрациях, другие можно увидеть в иллюстративном материале публикаций, на которые мы даем ссылки.

Оригинальная 17-метровая стела с орнаментом *өлчей удазыны* на верхушке (рис. 1) с 2021 г. встречает путников при въезде в город Кызыл со стороны федеральной трассы «Енисей», соединяющую Туву с другими регионами России. Автором монументального памятника является известный скульптор Байза Ондар¹. Кстати, на южных границах Тувы, рядом с пограничным пунктом пропуска Хандагайты на российской границе с Монголией адресная вывеска с официальными государственными символами Российской Федерации и Республики Тыва и с надписями: «Россия» и «Тыва» увенчана орнаментом *өлчей удазыны*².

¹ Новая 17-метровая Стелла при въезде в город Кызыл с символом «Узел бесконечного счастья–Олчей удазыны» [Электронный ресурс] // НЕТИПИЧНАЯ ТЫВА КЫЗЫЛ — ДТП — НОВОСТИ — 24/7. ВКонтakte. 2021. 30 декабря. URL: https://vk.com/wall-119791352_2750 (дата обращения: 04.07.2024).

² Глава Тувы Ш. Кара-оол придал скорость проекту преобразования погранперехода Хандагайты — Боршоо [Электронный ресурс] // Московский Комсомолец в Тыве — все новости Тывы. 2020. 2 ноября. URL: <https://www.mk-tuva.ru/economics/2020/11/02/glava-tuvy-sh-karaool-pridal-skorost-proektu-preobrazovaniya-pogranperekhoda-khandagayty-borshoo.html> (дата обращения: 06.07.2024).

Рис. 1. Стела с орнаментом өлчей удазыны. Фото А. Папына, г. Кызыл, 2022 г.
Fig. 1. The stele with the knot of happiness ornament. Photo by A. Papun, Kyzyl, 2022.

Рис. 2ab. a — главные ворота буддийского храма Тубтен Шедруб Линг; b — парадная дверь главного здания храма.
Фото Ш. Майны, г. Кызыл, 2024 г.

Fig. 2ab. a is the main gate of the Thubten Shedrub Ling Buddhist Temple; b is the front door of the main temple building. Photo by Sh. Mainy, Kyzyl, 2024.

Ожидаемо, что буддийский храм Тубтен Шедруб Линг, возведенный в 2023 г. (ул. Московская, д. 72), богато украшен орнаментами, в том числе и *өлчей удазыны*: на двери парадного входа в молельный зал, в интерьере; на поверхностях малых архитектурных форм (культурных сооружений) (рис. 2ab).

Также объяснимо, что и здания культуры, имеющие в названии слова «национальный», «тувинский», «народный» и пр., стали украшенными этнокультурным декором:

- на деревянных рамах окон здания Центра развития тувинской традиционной культуры и ремёсел имени К. Б. Ондара (ул. Ленина, д. 7), вырезаны различные виды «узла счастья»;
- здание Национального музыкально-драматического театра им. В. Кок-оола (ул. Ленина, д. 35) в центре города орнаментировано и в экстерьере¹, и в интерьере (рис. 3);

¹ Национальный музыкально-драматический театр Республики Тыва имени Виктора Кок-оола [Электронный ресурс] // Национальный музыкально-драматический театр Республики Тыва имени Виктора Кок-оола. Официальный сайт. URL: <https://theatre-tuva.ru/> (дата обращения: 11.07.2024).

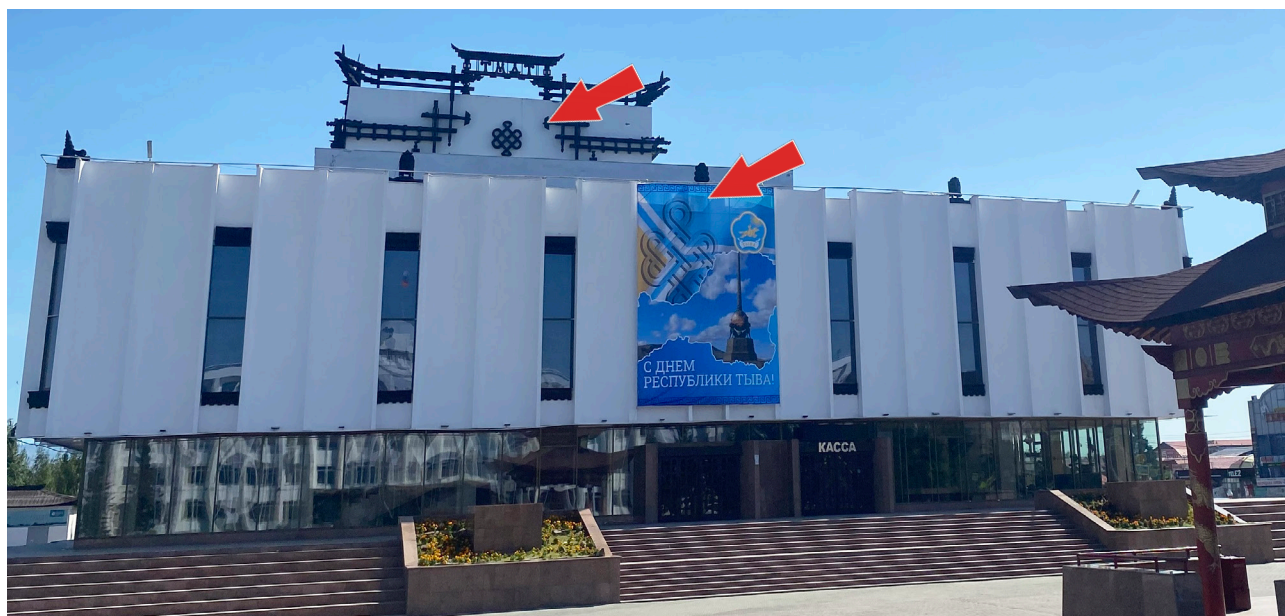

Рис. 3. Передний фасад здания Национального музыкально-драматического театра им. В. Кок-оола Республики Тыва. Орнамент вырезан из дерева и украшает купол здания, также он присутствует на временном баннере. Фото Ш. Майны, г. Кызыл, 2024 г.
 Fig. 3. The front facade of the building of the V. Kok-ool National Musical and Drama Theater of the Republic of Tuva. The ornament is carved from wood and adorns the dome of the building, and it is also present on a temporary banner. Photo by Sh. Mainy, Kyzyl, 2024.

Рис. 4. Парадные двери Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва. Фото Ш. Майны, г. Кызыл, 2024 г.
 Fig. 4. Front doors of the Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Photo by Sh. Mainy, Kyzyl, 2024.

Рис. 5. Малые архитектурные формы Национального парка культуры и отдыха Тувы. Фото Ш. Майны, г. Кызыл, 2024 г.

Fig. 5. Small architectural forms of the National Park of Culture and Recreation of Tuva. Photo by Sh. Mainy, Kyzyl, 2024.

Рис. 6. Металлические ограждения сквера «Центр Азии». Фото Ш. Майны, г. Кызыл, 2024 г.

Fig. 6. Metal fences of the park "Center of Asia". Photo by Sh. Mainy, Kyzyl, 2024.

Рис. 7. Фасад здания аэропорта г. Кызыла и прилегающая территория. Фото Ш. Майны, г. Кызыл, 2024 г.

Fig. 7. The facade of the airport building in Kyzyl and the surrounding area. Photo by Sh. Mainy, Kyzyl, 2024.

— здание Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва (ул. Титова, д. 30) также имеет этот орнамент; особо богато им украшены парадные двери музея (рис. 4);

— руководство Национального парка культуры и отдыха Тувы (ул. Кочетова, д. 1) красочно оформляет с помощью орнаментов, в том числе рассматриваемого, малые архитектурные формы (рис. 5), а также свои информативные стенды¹;

— здание Национального Банка Республики Тыва (на двери парадного входа и на заборе)²;

— здание Республиканского центра народного творчества и досуга (ул. Щетинкина-Кравченко, д. 46);

— одна из достопримечательностей столицы парк «Центр Азии» (ул. Красных партизан, д. 18), расположенный на набережной реки Енисей, также «окружен» «узлами счастья»: на металлическом заборе вокруг парка имеются кованые элементы в виде данного орнамента, которые в темное время суток светятся; узор выкован и в решетке ограждения набережной (рис. 6);

— новое здание Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, в котором мансарда выполнена в форме стеклянной юрты — крыши для конференц-зала³ (Тувинцы. Родные ... , 2022: 123), центральное окно конференц-зала декорировано «узлом счастья»; металлические периллы для лестниц и ограждения для забора института также украшены *өлчей удазыны*.

Но этническое, культурное своеобразие не ограничивается архитектурой зданий религиозного, культурного, научно-образовательного предназначения. Оригинальная инсталляция-многогранник с орнаментальными мотивами «узла счастья» украшает площадь Дворца молодежи (ул. Кочетова, д. 72)⁴.

Эмблема с *өлчей удазыны* в виде светящейся вывески находится перед зданием бизнес-отеля «Кызыл Гранд Отель и СПА» (ул. Чульдума, д. 2). Также можно встретить использование *өлчей* на перилах балконов номеров жильцов данного отеля⁵.

Настоящим украшением центральной площади Арата — главном месте для проведения главных культурно-массовых мероприятий республиканского масштаба, — является великолепный фонтанный комплекс. Он состоит из пяти чаш, извергающих ввысь мощные струи воды⁶. Чаши декорированы резьбой по камню в характерном национальном стиле, также вырезаны «узлы счастья».

Өлчей удазыны можно увидеть на фасадах зданий (органов власти, образовательных, медицинских учреждений, жилых многоквартирных домов, отдельных частных домов). Так, мы обнаружили разновидности орнамента: на центральной металлической двери одного из зданий Федеральной налоговой службы (ул. Ленина, д. 11); на здании Управления Роспотребнадзора по Республике Тыва (ул. Калинина, д. 116); на здании Управления федеральной службы государственной регистрации кадастра и картографии (ул. Ленина, д. 10); на здании регионального аэропорта (ул. Московская, д. 145) (рис. 7), расположенного в 6 км к юго-западу от города Кызыла⁷ (малые архитектурные формы пространства аэропорта также декорированы орнаментальными мотивами).

На входных группах различных организаций, учреждений, зданий торговых комплексов можно встретить на металлических перилах лестниц вариации кованых элементов в виде «узла счастья». Такие формы украшают перила зданий министерства внутренних дел по Республике Тыва (ул. Ленина, д. 18), управления Пенсионного фонда России в г. Кызыл (ул. Красноармейская, д. 146), торгового центра «Курай курай» (ул. Московская, д. 30/2) и др.

¹ Национальный парк культуры и отдыха Республики Тыва [Электронный ресурс] // Национальный парк культуры и отдыха Республики Тыва. ВКонтакте. URL: <https://vk.com/parktuva17> (дата обращения: 11.07.2024).

² О здании Национального Банка Республики Тыва [Электронный ресурс] // СГЖИ и СН Республики Тыва. ВКонтакте. 2023. 3 февраля. URL: https://vk.com/wall-107746715_1516 (дата обращения: 04.07.2024).

³ Өөвүс. Возвращение тувинской юрты ... С. 32, 49.

⁴ Фотография архитектурной формы, выполненная Ш. Б. Майны в 2024 г., украшает обложку текущего номера. — ред.

⁵ Кызыл. Гранд отель и СПА [Электронный ресурс] // Кызыл. Гранд отель и СПА. URL: <https://kyzylgrandhotel.ru/gallery/> (дата обращения: 09.07.2024).

⁶ Какие достопримечательности посмотреть в городе Кызыл [Электронный ресурс] // TUR-RAY.RU. URL: <https://tur-ray.ru/dostoprimechatelnosti-kyzyla.html> (дата обращения: 11.07.2024).

⁷ Аэропорт Кызыл [Электронный ресурс] // Аэропорт Кызыл. ВКонтакте. URL: <https://vk.com/tuvaairport> (дата обращения: 04.07.2024).

Рис. 8. Фасад подстанции «Вавилинская» компании «Россети Сибирь Тываэнерго». Фото Ш. Майны, г. Кызыл, 2024 г.
8. Facade of the Vavilinskaya substation of Rosseti Siberia Tyvaenergo. Photo by Sh. Mainy, Kyzyl, 2024.

Рис. 9. Панорамный мемориал «Кызыл кош», посвященный труженикам тыла из Тувы и щедрому вкладу Тувинской Народной Республики в Победу в Великой отечественной войне (1941–1945 гг.). Фото Ш. Майны, г. Кызыл, 2024 г.
9. The panoramic memorial “Kyzyl Kosh”, dedicated to the home front workers from Tuva and the generous contribution of the Tuvan People’s Republic to the Victory in the Great Patriotic War (1941–1945). Photo by Sh. Mainy, Kyzyl, 2024.

Светящаяся вывеска в виде *өлчей* красуется на главном фасаде медицинской клиники «Алдан» (ул. Ленина, д. 60). Здания городской поликлиники (ул. Дружба, д. 36а), терапевтического корпуса Республиканской больницы № 1 (ул. Титова, д. 88) украшены орнаментами¹.

«Узел» присутствует: на заборах и прочих объектах на территории образовательного центра «Индиго» (ул. Рабочая, д. 161)², на подстанции «Вавилинская» компании «Россети Сибирь Тываэнерго»³ (рис. 8), на перилах для лестниц зданий банно-прачечного комбината г. Кызыл (ул. Комсомольская, д. 35; Улуг-Хемская, д. 12).

В 2019 г. в центре Кызыла на небольшой благоустроенной площади между Домом народного творчества и зданием Тувинской станции переливания крови был открыт панорамный мемориал «Кызыл кош» («Красный обоз»)⁴, посвященный труженикам тыла из Тувы и вкладу Тувинской Народной Республики в Победу в Великой отечественной войне (1941–1945 гг.) (рис. 9). Полотно, созданное на основе фотографий и экспонатов Национального музея Республики Тыва, декорировано по всему периметру орнаментом *өлчей удазыны*.

В зале бракосочетания органа ЗАГС Министерства юстиции Республики Тыва на стенах, на текстиле имеются удачные решения с различными видами *өлчей удазыны* (ул. Кочетова, д. 72)⁵. Интерьер кабинета для приема гостей Главы правительства Республики Тыва в Доме правительства РТ также украшен «узлами счастья»⁶. Доска почета мэрии г. Кызыла, размещенная возле здания городской администрации (ул. Ленина, д. 32), с фотографиями лучших работников города, также украшена по центру орнаментом⁷.

В Кызыле можно встретить множество магазинов и различных кафе, банкетных залов с одноименным тувинским названием «узла счастья» «Өлчей». Соответственно на их зданиях, на вывесках *өлчей удазыны* обязательно присутствует.

Ресторан-юрта тувинской кухни «Чеди-Хаан» колоритно декорирован и в экстерьере, и интерьере. Барную стойку ресторана украшает полка для вина и бокалов в виде *өлчей удазыны* (рис. 10). На улице мы можем также увидеть «узел счастья» на металлических периллах, которые ограждают саму юрту⁸. Такие же решения используют владельцы тувинских кафе и в других населенных пунктах: кафе тувинской национальной кухни «Salgal» (г. Абакан, ул. Ленина, д. 75; пос. Танзыбей, Ермаковский район, Красноярский край, ул. ДРП, д. 17).

¹ В Кызыле в Республиканской больнице заработал инфекционный госпиталь [Электронный ресурс] // Московский Комсомолец в Тыве — все новости Тывы. 2021. 01 июня. URL: <https://www.mk-tuva.ru/incident/2021/06/30/v-kyzyle-v-respublikanskoy-bolnice-zarabotal-infekcionnyu-gospital.html> (дата обращения: 04.07.2024); В столице Тувы новое здание терапевтического корпуса передано в ведение Ресбольницы №1 [Электронный ресурс] // Московский Комсомолец в Тыве — все новости Тывы. 2019. 15 октября. URL: <https://www.mk-tuva.ru/social/2019/10/15/v-stolice-tuvy-novoe-zdanie-terapevticheskogo-korpusa-peredano-v-vedenie-resbolnicy-1.html> (дата обращения: 04.07.2024).

² Что делать, если в школе для вас нет мест? [Электронный ресурс] // Репетиторы Кызыл школа «ИНДИГО». 2017. 23 августа. ВКонтakte. URL: https://vk.com/video-152301390_456240044 (дата обращения: 04.07.2024).

³ Знаковое событие для Тувы [Электронный ресурс] // РОССЕТИ. СИБИРЬ. Тываэнерго. 2017. 31 октября. URL: <https://tuvaenergo.ru/press/news.php?ID=2456> (дата обращения: 04.07.2024).

⁴ В Кызыле открыли мемориал «Красный обоз», посвященный трудовому подвигу тувинского народа в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 2019. 12 декабря. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/culture/41267/ (дата обращения: 12.08.2024).

⁵ Церемония дарения новой тувинской колыбели молодой семье [Электронный ресурс] // Органы ЗАГС Министерства юстиции Республики Тыва. Официальный сайт. 2024. 2 июля URL: <https://uzags.rtyva.ru/events/27955/> (дата обращения: 04.07.2024).

⁶ Встретился с Владимиром Николаевичем Ешеевым, президентом Российской федерации стрельбы из лука, и Марией Сергеевной Ларькиной, начальником сборной команды России [Электронный ресурс] // Владислав Ховалыг. ВКонтakte. 2024. 8 июля. URL: https://vk.com/wall360104045_67217 (дата обращения: 09.07.2024).

⁷ На доске Почета — Сат Елена Хунаевна, отличник образования [Электронный ресурс] // МБОУ СОШ № 12 г. Кызыла. ВКонтakte. 2021. 5 февраля. URL: https://vk.com/wall-135172122_3085 (дата обращения: 11.07.2024).

⁸ Өвүс. Возвращение тувинской юрты ... С. 39.

Рис. 10. Полка в виде өлчей удазыны ресторана «Чеди-Хаан». Фото Ш. Майны, г. Кызыл, 2024 г.
 Fig. 10. Shelf in the form of a thread of happiness of the Chedi-Haan restaurant. Photo by Sh. Mainy, Kyzyl, 2024.

Орнаментированные городские ограждения на центральных улицах — Ленина, Кочетова — придают пространству столицы и его центра дополнительную красоту. Мы видим также, что кабины остановок общественного транспорта декорированы «узлом счастья».

Если новые строения органов власти и различных организаций украшены были относительно недавно, то балконы жилых многоквартирных домов центральных улиц города (ул. Кочетова и Ленина) имеют разновидности *өлчей удазыны* еще с советских времен. При этом некоторые жильцы данных домов переделывают, обшивают данные «исторические балконы» по современным технологиям. Мы заметили, что на зданиях новостроек столицы¹ орнаменты не наносятся. Тем не менее, частный сектор широко украшен «узлами счастья»: они присутствуют на дверях, на воротах, на балконах домов. Также горожане для своих квартир, частных домов устанавливают натяжные потолки в этническом стиле, в том числе и с узлом счастья. То же делают и хозяева банкетных залов².

Искусство, дизайн, сувениры

Во время различных празднеств на площадях, перед зданиями в Кызыле и по всей Туве часто устанавливаются орнаментированные снаружи и изнутри юрты. Также *өлчей удазыны* присутствует как украшение на выставочных предметах традиционного быта. Поэтому мы рассмотрим такие примеры как элементы декоративно-прикладного искусства, которые применяются в разных новых вариантах.

¹ В Кызыле идет масштабная застройка жилых домов [Электронный ресурс] // Шын. 2023. 27 мая. URL: <https://shyn.ru/medeeler/v-kyzyle-idet-masshtabnaya-zastrojka-zhilyh-domov/> (дата обращения: 04.07.2024).

² Натяжные потолки | Кызыл | Тыва [Электронный ресурс] // Натяжные потолки | Кызыл | Тыва. ВКонтакте. 2014. 5 марта. URL: <https://vk.com/planeta17> (дата обращения: 04.07.2024).

Рис. 11. Авторская коллекция А.-Д. Сат «Сияние узора». Фото А.-Д. Сат, 2019 г.
Fig. 11. The author's collection of A.-D. Sat "The radiance of the pattern". Photo by A.-D. Sat, 2019.

7 июля 2024 г. в рамках Евразийского фестиваля колыбельной культуры «Колыбель моя. Кавай» была организована выставка колыбелей и оберегов¹. На данном мероприятии можно было увидеть различные *кавай* 'колыбели' и множество оберегов *хин хавы* 'мешочков для пуповины ребенка', декорированных «узлом счастья».

19 июля 2024 г. в рамках празднования национального праздника животноводов «Наадым-2024» и в честь 80-летия вхождения ТНР в состав СССР состоялся III Республиканский фестиваль-конкурс предпринимателей в сфере творчества и народного искусства Тувы «Мой бизнес. Ус-Куш-2024»². Среди конкурсных работ мы встретили красочные изделия с *өлчей*: изделия из дерева (*хааржак* 'шкатулка', *аптара* 'сундук', ритуальная ложка *тос-карак* 'девятиглазка' и пр.), изделия из камня, из войлока, наконские украшения для женщин, дамские сумки, броши из бисера, музыкальные инструменты.

В рамках национального праздника животноводов Наадым 18–21 июля 2024 г. был проведен конкурс «Лучшая юрта» (Тувинцы. Родные ..., 2022: 122). Орнамент присутствует широко как на юртах, так и в их убранстве, на предметах мебели.

Артисты творческих коллективов республики, ведущие культурных мероприятий во время праздников надевают сценические костюмы, украшенные вышитыми разновидностями *өлчей*. При этом сами сценические площадки также оформляются узорными декоративными элементами.

¹ «Колыбель моя. Кавай»: В Туве продолжается праздник колыбели [Электронный ресурс] // Тувамедиагрупп. 2024. 7 июля. URL: <https://tmgnews.ru/novosti/kolybel-moya-kavaj-v-tuve-prodolzhaetsya-prazdnik-kolybeli/> (дата обращения: 11.07.2024).

² Фестиваль-конкурс предпринимателей в сфере творчества и народного искусства Тувы «МОЙ БИЗНЕС. Ус-Куш-2024» [Электронный ресурс] // Центр тувинской культуры. ВКонтakte. 2024. 21 июня. URL: https://vk.com/wall-64833533_23771 (дата обращения: 14.08.2024).

Например, в стилизованных коллекциях этнических костюмов молодого дизайнера из Тувы Андрея Неверицкого можно встретить самобытные работы декорированные бисером, бусами бесконечный узел¹. Оригинальны авторские работы еще одного дизайнера Ай-Даша Сата (Майны, Кухта, 2021: 63–67). Так, в одной из его коллекций «Дух шаманки»² интересна стилизованная обувь в виде деревянной платформы «конные копыта», которые декорированы узлом счастья. Особенностью другой коллекции вечерних стилизованных платьев «Хээлер» является то, что на платьях используются тувинские орнаменты и этнические мотивы. Коллекция «Узорчатая линия» представляет собой летнюю молодежную стилизованную одежду с применением узорчатых линий. Красочна авторская коллекция «Отражение скифского золота» с использованием этнических элементов и орнаментов. Креативна творческая работа «Сияние узора», где привлекает внимание, утрированный образ современной молодежи, который украшен сияющими узорами и яркими неоновыми тканями (рис. 11).

В целом, орнамент стал чрезвычайно распространенным для дизайнеров не только одежды, но и логотипов, эмблем, отдельных изображений.

В первую очередь следует упомянуть об орнаментах в геральдике, о чем уже написали А. А. Трипольская и А. Ю. Чистяков (Трипольская, Чистяков, 2024). Как они отмечают, «узел счастья» присутствовал в гербе г. Кызыла еще в советское время — с 1974 по 1994 гг. (там же: 436). Затем он частично вернулся в герб 2016 г. (там же: 437, 438). Среди современных муниципальных гербов Республики Тыва узел счастья используют городской округ Ак-Довурак и Дус-Дагский сумон (там же).

Для 100-летия единения России и Тувы, который отмечался в 2013 г., был создан специальный логотип, центральной фигурой которой стал узор *өлчей удазыны*. Помимо него, на лого изображен и обелиск «Центр Азии», орнамент меандра, кольцо из флагов Тувы и России³.

Популярный Международный фестиваль живой музыки и веры «Устуу-Хурээ»⁴ имеет красочную эмблему с узлом счастья и с ритуальным белым кадаком. В 2017 г. во время летнего национального праздника животноводов Наадым проходил гастрономический форум фестиваль по тувинской баранине в местечке Тос-Булак (Мал-маган ... , 2023: 18). В его логотипе есть разновидности «узла счастья»⁵, а также образы тувинской юрты и барана. Эмблему, информационные вывески, объявления самого Наадым также украшают различные вариации «узла счастья»⁶.

¹ Показ модельного агентства «Он-Кум». Руководитель Андрей Неверицкий [Электронный ресурс] // Администрация Каа-Хемского кожууна Республики Тыва. 2018. 6 марта. URL: <http://kaa-hem.ru/about/info/news/3704/> (дата обращения: 14.08.2024); Образцовый театр моды и костюма «Он-Кум» [Электронный ресурс] // Культурное наследие Тувы. 2022. 21 марта. URL: <https://old.kntuva.ru/2022/03/21/образцовый-театр-моды-и-костюма-он-кум/> (дата обращения: 14.08.2024).

² Айдаш САТ коллекция «Дух шаманки» [Электронный ресурс] // Youtube.com. sayana.mongush. 2022, 11 мая. URL: <https://youtu.be/unKPDlrMoGs?si=5O2T-epvKs5uOGS> (дата обращения: 25.05.2024); Коллекция Ай-Даша Сата «Дух шаманки» получила диплом 3 степени в направлении «Мода» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Кызылского педагогического института им. Народного писателя РТ А. А. Даржая ТувГУ. 2022. 26 мая. URL: <http://kpi.tuvsu.ru/news/8641/> (дата обращения: 25.05.2024).

³ У 100-летия единения Тувы с Россией появился свой логотип [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 2013. 18 марта. RTYVA.RU. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/konkursy/1513/ (дата обращения: 25.06.2024).

⁴ Фестиваль ~Устуу-Хурээ~ | 9–11 июля [Электронный ресурс] // Фестиваль ~Устуу-Хурээ~ | 9–11 июля. ВКонтакте. URL: <https://vk.com/ustuhure> (дата обращения: 25.06.2024); ПРОГРАММА XXI Международного фестиваля живой музыки и веры «Устуу-Хурээ-2024» [Электронный ресурс] // УСТУУ-ХУРЭЭ 9–11 июля. Международный фестиваль живой музыки и веры. ВКонтакте. 2024. URL: <http://ustuhure.com/index.php/istoriya-festivalya/2024-g/508-programma-khkhi-mezhdunarodnogo-festivalya-zhivoj-muzyki-i-very-ustuu-khuree-2024> (дата обращения: 25.06.2024).

⁵ В Туве пройдет II Международный гастрономический форум «Тувинская баранина» [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 2019. 10 июля. RTYVA.RU. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/culture/40113/ (дата обращения: 25.06.2024).

⁶ Наадым-2021 состоится в онлайн-формате [Электронный ресурс] // Тыванын аныяктары. Молодежь Тувы. 2021. 16 сентября. URL: <http://anyiaktar.ru/obshhestvo/naadym-2021-sostoitsya-v-onlajn-formate/> (дата обращения: 11.07.2024); План спортивных мероприятий, посвященных Дню Республики Тыва и празднику животноводов «Наадым-2022» [Электронный ресурс] // Министерство спорта Республики Тыва. Официальный сайт. 2022. 26 июля. URL: <https://minsport.rtyva.ru/events/20889/> (дата обращения: 11.07.2024).

Большинство рекламных объявлений культурных, спортивных мероприятий, посвященных к национальным праздникам, органично включают орнамент *өлчей удазыны*. Например, в тексте объявления Республиканского поэтического онлайн-челленджа «Колыбель поэзии» организаторы органично добавили «узлы счастья»¹. Адресные папки региональных государственных наград, грамоты чаще всего украшаются орнаментами. Вариации узора также встречаются на адресных табличках аудиторий образовательных учреждений, кабинетов, конференц-залов различных организаций.

Изображения *өлчей удазыны* — излюбленный вариант для оформления и иллюстраций о Туве, тувинской культуре. Они украшают обложки художественных, популярных, научных изданий:

- научного журнала «Новые исследования Тувы»²,
- научно-методического журнала для учителей «Башкы»³,
- женского журнала «Тувиночка»⁴.

Различные издания по тувинской культуре также имеют орнаментальные мотивы бесконечного узла на обложках, форзацах, колонцифрах, в дизайне страниц⁵.

Орнамент также активно используется в тувинском онлайн-пространстве (Ламажаа, 2021), прежде всего в социальных сетях ВКонтакте: в сообществах тувинских землячеств, музыкальных студий, творческих объединений, популярных сообществ⁶.

¹ Республиканский поэтический онлайн-челлендж «Колыбель поэзии» — часть Евразийского фестиваля колыбельной культуры «Колыбель моя. Кавай». Он проводится при поддержке ООГО «Российский фонд культуры» и приурочен к Году семьи в России. [Электронный ресурс] // Национальная библиотека им. А. С. Пушкина РТ. ВКонтакте. 2024. 24 июня. URL: https://vk.com/wall-86179920_21420 (дата обращения: 09.07.2024).

² См. на обложке номера, в «шапке» сайта журнала, в дизайне макета номеров журнала. — *ред.*

³ «БАШКЫ» СЕТКҮҮЛҮНҮҢ ИЙИГИ ДУГААРЫ [Электронный ресурс] // Институт развития национальной школы. ВКонтакте. 2024. 3 июля. URL: https://vk.com/wall-113735841_9773 (дата обращения: 11.07.2024).

⁴ Журнал «Тувиночка» [Электронный ресурс] // Журнал «Тувиночка». ВКонтакте. 2017. 8 декабря. URL: https://vk.com/smi_tuvinochka (дата обращения: 25.06.2024).

⁵ Духовные творения Шагаа / сост. Г. Д. Сундуй. Кызыл: ИРНШ, 2017; Намзал, Э. Холу чемзиг авам сөнү. Хлебосольная юрта. Кызыл: Новости Тувы, 1995. С. 9, 34; Национальный ансамбль песни и танца Республики Тыва «Саяны» / сост. С. С. Сурун, под общ. ред. А. А. Лачугиной. Новосибирск: ООО «Типография Колорит», 2020; Ховалыг Р. Б. Тувинская традиционная одежда. Новосибирск: Наука, 2018; Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Абакан: ООО «ИПП «Журналист», 2023.

⁶ Санкт-Петербургское Тувинское земл-во АНЬЯК ТЫВА [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургское Тувинское земл-во АНЬЯК ТЫВА. ВКонтакте. URL: <https://vk.com/goospbtzat> (дата обращения: 25.06.2024). Тувинское Землячество «Энерел» в Хакасии [Электронный ресурс] // Тувинское Землячество «Энерел» в Хакасии. ВКонтакте. URL: <https://vk.com/public215382483> (дата обращения: 25.06.2024); Тувинское Землячество города Улан-Удэ [Электронный ресурс] // Тувинское Землячество города Улан-Удэ. ВКонтакте. URL: https://vk.com/enesai_baihol (дата обращения: 25.06.2024); Тувинское студенческое землячество Новосибирска [Электронный ресурс] // Тувинское студенческое землячество Новосибирска. ВКонтакте. URL: https://vk.com/nsk_tsz17 (дата обращения: 25.06.2024); Благовещенское молодежное тувинское землячество [Электронный ресурс] // Благовещенское молодежное тувинское землячество. ВКонтакте. URL: <https://vk.com/bmtz28> (дата обращения: 25.06.2024); Тувинское землячество в г. Владивосток [Электронный ресурс] // Тувинское землячество в г. Владивосток. ВКонтакте. URL: https://vk.com/tuva_in_vdk (дата обращения: 25.06.2024); Иркутское тувинское землячество [Электронный ресурс] // Иркутское тувинское землячество. ВКонтакте. URL: https://vk.com/itz_tuva (дата обращения: 25.06.2024); РОО РСМ «Союз Молодежи Тувы» [Электронный ресурс] // РОО РСМ «Союз Молодежи Тувы». ВКонтакте. URL: https://vk.com/youth_union_of_tuva (дата обращения: 25.06.2024); Студия «DOLMA Promotion» / Студия ДОЛМА Промоушен [Электронный ресурс] // Студия «DOLMA Promotion» / Студия ДОЛМА Промоушен. ВКонтакте. URL: <https://vk.com/dolmapromotion> (дата обращения: 25.06.2024); «АНАЙ-ХААК» — Музыкальная студия [Электронный ресурс] // «АНАЙ-ХААК» — Музыкальная студия. ВКонтакте. URL: <https://vk.com/studioanayhaak> (дата обращения: 25.06.2024); Тыва подслушано в Москве [Электронный ресурс] // Тыва подслушано в Москве. ВКонтакте. 2015, 27 октября. URL: <https://vk.com/club105538771> (дата обращения: 25.06.2024); ТЫВА ПОДСЛУШАНО В НОВОСИБИРСКЕ [Электронный ресурс] // ТЫВА ПОДСЛУШАНО В НОВОСИБИРСКЕ. ВКонтакте. URL: <https://vk.com/secret17nsk> (дата обращения: 25.06.2024); Read.Kyzyl [Электронный ресурс] // Read.Kyzyl. ВКонтакте. URL: https://vk.com/read_kzl (дата обращения: 25.06.2024).

Украшаются орнаментом также логотипы различных организаций, творческих коллективов. Особенно это распространено сегодня у культурных, образовательных, научных и медицинских учреждений. Среди них:

- Тувинский национальный театр музыки и танца «Саяны»¹;
- Тувинский государственный театр кукол²;
- Союз Писателей Республики Тыва³.

Эмблемы медицинских организаций, учреждений с магическим бесконечным узлом также имеют место у:

- медицинского центра «Клиника Алдан» (ул. Ленина, д. 60)⁴;
- Республиканского консультативно-диагностического центра⁵.

Ведомства, научные и образовательные учреждения региона, использующие данный орнамент в своих логотипах:

- министерство по делам молодежи Республики Тыва⁶,
- Институт развития национальной школы⁷,
- Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук⁸,
- МАОО лицей «Олчей» г. Ак-Довурак⁹,
- Тувинский техникум информационных технологий¹⁰.

И, конечно, такая популярность орнамента не могла обойти сувенирную продукцию. В сувенирных лавках, киосках, магазинах продаются самые разнообразные изделия с использованием различных орнаментальных мотивов «узла счастья».

Интересно то, что сувенирная продукция с данным узором часто предназначена для домашнего хозяйства. Это:

- *туткууш* 'кухонная прихватка',
- *шай, дус хавы* 'мешочки для чая и соли',

¹ Театр музыки и танца «САЯНЫ» [Электронный ресурс] // Театр музыки и танца «САЯНЫ». ВКонтакте. URL: <https://vk.com/sayanytheatre> (дата обращения: 25.06.2024).

² Волшебство, которое всегда с тобой [Электронный ресурс] // Лента новостей Тыва. Tuva-news.net. 2024. 22 апреля. URL: <https://tuva-news.net/society/2024/04/22/40241.html> (дата обращения: 25.06.2024); Тувинский государственный театр кукол [Электронный ресурс] // Тувинский государственный театр кукол. ВКонтакте. URL: <https://vk.com/tyvaruppettheatre> (дата обращения: 25.06.2024).

³ ТР-ниң Чогаалчылар эвилели [Электронный ресурс] // ТР-ниң Чогаалчылар эвилели. ВКонтакте. URL: <https://vk.com/chogaalchular> (дата обращения: 26.06.2024).

⁴ Клиника Алдан [Электронный ресурс] // Клиника Алдан. ВКонтакте. URL: <https://vk.com/aldanclinic> (дата обращения: 25.06.2024).

⁵ Республиканский консультативно-диагностический центр [Электронный ресурс] // Республиканский консультативно-диагностический центр. Официальный сайт. URL: <https://www.gpkyzyl.ru/> (дата обращения: 26.06.2024); Консультативно-диагностический центр РКДЦ Кызыл [Электронный ресурс] // Консультативно-диагностический центр РКДЦ Кызыл. ВКонтакте. URL: https://vk.com/rkdc_tuva (дата обращения: 26.06.2024).

⁶ Министерство по делам молодежи Республики Тыва [Электронный ресурс] // Министерство по делам молодежи Республики Тыва. ВКонтакте. URL: https://vk.com/molodej_tuva (дата обращения: 26.06.2024).

⁷ Институт развития национальной школы. Главная страница [Электронный ресурс] // Институт развития национальной школы. URL: <http://irnsh.ru/> (дата обращения: 26.06.2024).

⁸ Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук. Главная страница [Электронный ресурс] // Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук. URL: <https://tikopr.sbras.ru/> (дата обращения: 26.06.2024).

⁹ МАОО лицей «ОЛЧЕЙ» г. Ак-Довурак [Электронный ресурс] // МАОО лицей «ОЛЧЕЙ» г. Ак-Довурак. ВКонтакте. URL: https://vk.com/school4_thebest (дата обращения: 26.06.2024).

¹⁰ Тувинский техникум информационных технологий [Электронный ресурс] // Тувинский техникум информационных технологий 2020, 1 июля. ВКонтакте. URL: <https://vk.com/ttit17> (дата обращения: 26.06.2024).

Рис. 12. Тыва сыртык 'тувинская подушка'. Фестиваль-конкурс предпринимателей в сфере творчества и народного искусства Тувы. Фото Ш. Майны, г. Кызыл, 2024 г.

Fig. 12. Tuva syrtyk 'Tuvan pillow'. The festival is a competition of entrepreneurs in the field of creativity and folk art of Tuva. Photo by Sh. Mainy, Kyzyl, 2024.

Рис. 13. Разновидности аптара 'сундуков'. Конкурс «Лучшая юрта» на национальном празднике животноводов «Наадым-2024». Фото Ш. Майны, г. м. Тос-Булак, Кызылский район, 2024 г.

Fig. 13. Varieties of aptara 'chests'. The "Best Yurt" competition at the Tuvan National livestock festival "Naadim-2024". Photo by Sh. Mainy, Tos-Bulak city, Kyzylsky district, 2024.

Рис. 14. Деспи 'корыто'. Фестиваль-конкурс предпринимателей в сфере творчества и народного искусства Тувы. Фото Ш. Майны, г. Кызыл, 2024 г.

Fig. 14. Despi 'trough'. The festival is a competition of entrepreneurs in the field of creativity and folk art of Tuva. Photo by Sh. Mainy, Kyzyl, 2024.

- ритуальная ложка тос-карак 'девятитлазка',
- тыва сыртык 'тувинская подушка' (рис. 12),
- кожаная фляжка көгээржик для молока, молочной водки араки и кумыса,
- аптара 'сундук', один из главных предметов мебели тувинской юрты (рис. 13),
- деспи 'корыто' (рис. 14) и мн. др.

Тувинские безрукавки (кандаазы) шьются из шелка с данным узором и предназначены как мужчинам, так и женщинам, а также детям всех возрастов. Также выполняются и головные уборы по этническим мотивам.

Рис. 15. Женские накосные украшения. Фестиваль-конкурс предпринимателей в сфере творчества и народного искусства Тувы. Фото Ш. Майны, г. Кызыл, 2024 г.

Fig. 15. Women's beveled jewelry. The festival is a competition of entrepreneurs in the field of creativity and folk art of Tuva.

Photo by Sh. Mainy, Kyzyl, 2024.

Рис. 16. Заколка для волос из кости¹. Фото Ш. Майны, г. Кызыл, 2024 г.

Fig. 16. Bone hair clip. Photo by Sh. Mainy, Kyzyl, 2024.

Рис. 17. Брошь из бисера. Фото Ш. Майны, г. Кызыл, 2024 г.

Fig. 17. A bead brooch. Photo by Sh. Mainy, Kyzyl, 2024.

Ювелирные изделия для женщин (серьги, кольца, подвески, накосные украшения *чавага*, *салбактар* (рис. 15), заколки для волос (рис. 16), броши (рис. 17), колье) сопровождаются орнаментами *олчей удазыны* разных видов и форм (см. также: Ноозун, 2019; и др.²).

¹ Можно заметить на одном из изделий сразу два интересных элемента: здесь не только орнамент «узел счастья», но и олень, выполненный в скифском стиле — также ставший популярным в современном тувинском искусстве, в том числе ювелирном (см.: Айжы, Нан-Хоо, 2021).

² Сегодня, 14 июня, свой юбилей отмечает член СХР, художник-ювелир Олчей Айбес Сергеевич! [Электронный ресурс] // Союз художников Республики Тыва. ВКонтакте. 2024. 14 июня. URL: https://vk.com/wall-212967096_554 (дата обращения: 09.07.2024).

На различных выставках изделий мастеров, на мастер-классах по традиционным настольным играм тувинцев можно встретить оригинально художественно оформленные коробки национальных игр. Это *даалы*, *хорул*, *буга-шыдыраа*. На коробках данных настольных игр для декорации используется, как правило, «узел счастья». Он же часто украшает тувинские традиционные музыкальные инструменты *игил*, *бызаанчы*.

Помимо предметов традиционного быта, которые снова стали популярными, востребованными среди населения, данный орнамент «освоил» и новые объекты:

— канцелярские товары (блокноты, обложки, сумочки, кошельки, календари, часы-песочницы и различные шкатулки, подставки, изготовленные по технологии лазерной гравировки по коже или дереву),

— кондитерские изделия (например, декорированные торты) и мн. др.

Как мы видим, данный орнамент может изображаться и на предметах традиционной культуры, и далеко за их пределами.

Узел счастья как маркер этничности и этнокультурного мира

Очевидно, что традиционный орнамент *өлчей удазыны* не просто продолжает окружать жизнь тувинцев, жителей Тувы. Сами люди старательно расширяют пространство его использования, увеличивая число объектов, на которые можно нанести этот узор — объектов современного им мира. Если внимательно оглядеться вокруг, находясь в Туве, особенно в городской среде, то, как мы уже показали, практически мы находимся в некотором, если можно так выразиться, микрокосме «узла счастья».

Почему это происходит? Современное гуманитарное знание, признав многоаспектность культурного феномена орнамента, сегодня активно изучает психологические процессы, связанные с ним, в частности восприятие, креативность, идентичность и память (Valsiner, 2008; Glăveanu, 2014; и др.). Поэтому данный вопрос имеет несколько аспектов.

Во-первых, очевидно, что орнамент стал одним из ярких выразителей этнокультурной самоидентификации, самопрезентации тувинцев. Несмотря на то, что, как мы уже подчеркнули, орнамент, называемый у тувинцев *өлчей удазыны*, широко распространен в культурах Евразии, тувинцы считают его «своим», выразителем «тувинского». То есть восприятие его не ограничивается только эстетическими чувствами или пониманием его как символа счастья, благополучия и долголетия. Тувинцы считают его маркером тувинской этнической культуры, поскольку для них это элемент традиционной культуры. Для описания таких процессов демонстрации самобытности этноса в городской среде А. А. Бобрин даже использует термин «ре-этнификация» (Бобрин, 2010).

Данный аспект тесно связан с аспектом памяти. Распространение орнамента очевидно свидетельствует о том, что тувинцы актуализируют в том числе с помощью такой символики память о своем традиционном прошлом, показывают свою общность с культурой предков, в том числе религиозной (Ассман, 2004: 149–154).

Во-вторых, русские жители Тувы также перенимают этот символ как маркер своей территории — малой Родины. Например, межрегиональный фестиваль русской культуры на Малом Енисее «Верховьё» имеет особую эмблему, где красивыми старославянскими буквами напечатано название фестиваля «Верховьё» и центральная буква О совмещена с «узором счастья»¹. То есть орнамент стал пониматься и как общий маркер культурного мира. Поскольку ядром которого безусловно является тувинская этническая культура, это позволяет нам говорить об «этнокультурном мире» Тувы.

То есть размещение узора в социокультурном пространстве — общественном и частном — в таких масштабах, или, как об этом пишет Дж. Васинер, «орнаментация в ее изобилии» (Valsiner, 2008: 71), является не просто выражением желания людей иметь счастья, благополучие и долголетие, но и массовым подчеркиванием этнокультурной принадлежности, маркером этнокультурного мира.

¹ Фестиваль на Малом Енисее «Верховьё» начнется 29 июня [Электронный ресурс] // Министерство культуры Республики Тыва. ВКонтакте. 2018. 15 мая. URL: https://vk.com/wall-20358661_23602 (дата обращения: 25.06.2024).

Причем это явление, также, как и актуализация образа юрты (Lamazhaa, 2023), происходит стихийно — без каких-либо указаний, регулирующих норм со стороны региональных властей и кого бы то ни было.

Масштабность явления заметна наблюдательным туристам, которые посещают республику и находят здесь обилие орнамента. Так, об этом пишет московская журналист М. Лянге в блоге «Национального акцента» на платформе «Дзен» после посещения Тувы:

«... Когда на стенах аэропорта что внутри, что снаружи видишь замысловатый узор — сложно переплетенный узел — то сначала думаешь, что это просто элемент дизайна. Но когда такой же орнамент замечаешь на деревянных и металлических заборах, на балконах и лацканах пиджаков, да и вообще практически на любой поверхности, понимаешь, что это не просто».

Все становится понятно, когда заходишь в буддийский храм — там этот орнамент буквально на каждом шагу. Символизирует он счастье и благополучие! А на самом деле это ключ к пониманию взгляда на мир местных жителей самых разных национальностей¹.

Поскольку «узел счастья» считается символом макромира также и монгольских кочевников, номад Внутренней Азии (Гантулга, 2020), очевидно, что, декларируя таким образом свой особый этнокультурный мир Тувы, жители республики одновременно обозначают принадлежность к этнокультурному миру номад более широкого культурного ареала.

Функциональное предназначение орнамента *өлчей удазыны* не исчерпывается только функциями выразителя, репрезентации. Оно сегодня дополняется и педагогическими, воспитательными функциями, также вошедшими в поле внимания исследователей². Узор стал одним из важных инструментов передачи этнической идентичности и в целом этнических традиций и активно используется педагогами.

В образовательных учреждениях Тувы часто проводятся занятия по изучению технологии изготовления изделий из *өлчей удазыны* такие как, «Дошка», «Узел счастья», «Дошка — загадочный узел»³. Среди творческих работ участников Регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников по технологии «Культура дома, дизайн и технологии» (26 февраля 2024 г.) можно встретить красочные изделия с использованием *өлчей*⁴.

Учитывая понимание исследователями не просто факта существования орнамента в традиционных культурах, но и его эволюции (Николенко, 2015), как и любого элемента культуры, можно сказать, что орнамент *өлчей удазыны* в тувинской культуре переживает определенный период расцвета, особой востребованности, расширения пространства для существования. Он *сопровождает тувинцев всю жизнь* буквально с пеленок (рис. 18) — до похоронного венка (рис. 19) и украшения на погребальных памятниках.

¹ Тува: узел счастья [Электронный ресурс] // Dzen.Ru. 2023. 6 апреля. URL: <https://dzen.ru/a/ZC0pGBTV4nTXpBPB> (дата обращения: 04.07.2024).

² Муллакаева И. Р. Общеобразовательная функция орнамента в обучении учащихся младших классов основам ДПИ (на примере школ Башкортостана) : дисс.... канд. пед. н. М., 2008; Плиев В. Е. Общеобразовательная функция осетинского национального орнамента // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества. 2014. № 5. С. 179–187; Есбоганова Е. Д. Использование орнамента в процессе преподавания этнопсихологии и этнопедагогики // Мир современной науки. 2015. № 2. С. 40–42; Зубрилин К. М., Аманжолов С. А., Скворцов К. А. Изучение орнаментального искусства в нравственном и эстетическом развитии студентов педагогических вузов художественнографических факультетов // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 4 (81). С. 327–329; и др.

³ Пример таких занятий см.: Мастер-класс: «Дошка — загадочный узел» [Электронный ресурс] // nsportal.ru. URL: <https://nsportal.ru/user/983111/page/master-klassy-pedagoga-shagdyr-d-k> (дата обращения: 14.08.2024); Мастер-класс «Узел счастья» [Электронный ресурс] // nsportal.ru. URL: <https://pptcloud.ru/tehnologi/uzel-schastyu> (дата обращения: 14.08.2024); Шагдыр Д. К. Дошка — загадочный узел (разработка открытого занятия) // Башкы. Научно-методический журнал для учителей. 2024. № 2. С. 64–66.

⁴ В КПИ прошел Региональный этап Всероссийской олимпиады школьников по технологии «Культура дома, дизайн и технологии» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ТувГУ. 2024. 26 февраля. URL: <http://tuvsu.ru/press-center/news/osnovnoy/v-kpi-proshel-regionalnyy-etap-vserossiyskoy-olimpiady-shkolnikov-po-tehnologii-kultura-doma-dizayn/> (дата обращения: 14.08.2024).

Рис. 18. Комплект для новорожденного для выписки из роддома. Фото магазина «Тыва стиль», 2017, г. Кызыл¹.
Fig. 18. A set for a newborn to be discharged from the hospital. Photo of the Tyva Style store, 2017, Kyzyl.

Рис. 19. Траурный венок магазина ритуальных услуг «Чула», г. Кызыл. Фото Н. Монгуш, 2025 г.
Fig. 19. Funeral wreath of the funeral services store "Chula", Kyzyl. Photo by N. Mongush, 2025.

¹ Тыва приданое [Электронный ресурс] // Тыва стиль. 2017, 19 декабря. URL: <https://vk.com/photo-86800083456240008> (дата обращения: 14.08.2024).

Надо сказать, что использование архаической символики сегодня может сопровождаться и проявлениями небрежного отношения к ней, о чем пишут, например, Т. С. Бекетова и ее коллеги, анализируя оформление пространства г. Улан-Удэ, столицы Бурятии (Бекетова, Акинфеева, Юрасова, 2018). В нашем случае мы не фиксировали такие моменты, тем не менее, при углубленном изучении возможно, полагаем, нахождение и подобного в Туве.

При этом мы можем подтвердить наблюдение петербургских исследователей (А. В. Головнева и др.), что широкое использование орнамента, в том числе в этнодизайне и сувенирной продукции, свидетельствует: современной этничности свойственен сдвиг к консюмеризму и созданию многообразной этноиндустрии, что включает приемы рекламной наглядности и изобразительности (Головнев и др., 2022: 138). Многочисленные примеры сувениров, создаваемых в Туве, с орнаментом *өлчөй удазыны*, указывают на развитие в регионе этноиндустрии, которая стала откликаться на соответствующий спрос населения — желание окружать себя символами и образами этнической культуры.

Заключение

В данном исследовании мы систематизировали примеры распространения *өлчөй удазыны* ‘узла счастья’ в социокультурной жизни Тувы. Основным пространством нашего анализа была городская среда — столицы республики — г. Кызыла. Тем не менее, поскольку мы рассматривали не только архитектуру, но и другие сферы использования орнамента (этнодизайн, искусство и пр.), опираясь на самые разные типы источников, то не ограничивались только городскими акторами, охватывали и примеры из районов Тувы.

Широкое и масштабное использование орнамента как в общественных пространствах, так и личных помещениях, в соотнесении с результатами подобных исследований как в России, так и в мире, позволило нам максимально полно раскрыть, описать тувинский кейс. Он не является уникальным, не отличается от подобных ситуаций в других регионах страны и странах мира. Поэтому основная ценность и новизна нашего исследования связаны с максимально подробным описанием, введением в научный оборот самых свежих примеров из социокультурной жизни современной Тувы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адыг-Тюлюш, Л. С. (2017) Тыва чоннуң угулзалары, хээлери [Тувинские народные узоры]. Новосибирск : б. и. 180 с. (На тув. яз.).
- Айжы, Ж. Э., Нан-Хоо, Я. А. (2021) Скифские сюжеты и мотивы в традиционном и современном ювелирном искусстве Тувы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 73–90. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.4>
- Альфонсо, Н. Г. (2019) Благопожелательные символы в буддийской традиции // Человеческий капитал. № 11(131). С. 61–69.
- Антропология города (2013). Вып. 1. Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность / отв. ред. И. Л. Жеребцов и др. Сыктывкар : Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. 189 с.
- Ассман, Я. (2004) Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности : пер. с нем. М. : Языки славянской культуры. 368 с.
- Батырева, С. Г. (2019) Пространственное мировидение тюрко-монгольских народов (по материалам коллекций узорного войлока музеев России) // Искусство Евразии. № 3 (14). С. 87–104. DOI: <https://doi.org/10.25712/ASTU.2518-7767.2019.03.006>
- Баштанник, С. В. (2019) Буддийская символика на средневековой торевтике Южной Сибири // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 11. № 3. С. 31–38. DOI: <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2019-11-3-31-38>
- Бекетова, Т. С., Акинфеева, И. И., Юрасова, М. А. (2018) Орнаменты и символы в световом оформлении городского пространства Улан-Удэ // Дизайн и технологии. № 67 (109). С. 6–14.
- Бир, Р. (2011) Энциклопедия тибетских символов и орнаментов. М. : Ориенталия. 488 с.
- Бобрин, А. А. (2010) Рецензентации этнической идентичности в современном мире // Международный журнал исследований культуры. № 1. С. 31–36.
- Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы: историко-этнографические очерки. М. : Издательство Восточной литературы. 218 с.

- Вайнштейн, С. И. (1974) История народного искусства Тувы. М. : Наука. 219 с.
- Гантулга, Д. (2020) Улзий — символический орнамент благополучия и центр макромира монгольских кочевников // Этнодиалоги. № 3(61). С. 196–202. DOI: <https://doi.org/10.37492/ETNO.2020.61.3.012>
- Головнев, А. В., Албогачиева, М. С.-Г., Белоруссова, С. Ю., Беляева-Спичук, В. А., Киссер, Т. С., Перевалова, Е. В. (2022) Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции. СПб. : МАЭ РАН. 200 с.
- Ивановская, В. И. (2003) Кельтские орнаменты. М. : Издательство «В. Шевчук». 169 с.
- Ковалев, И. Г. (1970) Калмыцкий народный орнамент. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 168 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>
- Майны, Ш. Б., Кухта, М. С. (2021) Концептуальный дизайн одежды по традиционным этническим мотивам Тувы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. № 44. С. 61–70. DOI: <http://doi.org/10.17223/22220836/44/5>
- Макарова, Г. И., Габдрахманова, Г. Ф. (2024) О проблематике этносоциальности в городе: введение // Историческая этнология. Т. 9. № 3. С. 327–335. DOI: <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.327-335>
- Мал-маган. Тувинцы — скот — мясо (2023) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ч. Х. Санчай, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны, А. В. Монгуш; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 152 с.
- Мальчик, А. Ю. (2015) Кыргызский орнамент в прикладном искусстве и архитектуре: истоки, пути развития, национальные особенности // Искусство и культура. № 1 (17). С. 37–40.
- Маничкин, Н. А. (2024) Народный орнамент в советской кинодокументалистике Казахстана и Кыргызстана: этапы фиксирования и осмысления исторической памяти // Новые исследования Тувы. № 2. С. 285–299. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.17>
- Монгуш, Ш. Х. (2019) О некоторых тувинских подушках из коллекции Национального музея Республики Тыва // Искусство Евразии. № 3(14). С. 149–157. DOI: <http://doi.org/10.25712/ASTU.2518-7767.2019.03.010>
- Николенко, Н. Н. (2015) Традиционный орнамент номадов как визуальный архетип // Universum: Филология и искусствоведение. № 9–10 (22). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/2655> (дата обращения: 01.12.2024).
- Ноозун, О. Х. (2016) Тувинское декоративно-прикладное искусство: вехи историко-культурного развития. Кызыл : Тываполиграф. 153 с.
- Ондар, А. Б. (2016) Символика и декорирование тувинского стилизованного национального костюма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 12–2 (74). С. 124–127.
- Ондар, Ч. Г., Бырыннай, С. Л., Тюлюш, А. Ч. (2021) Тамгопользование в культуре тувинцев: древность, традиционность и современность // Новые исследования Тувы. № 1. С. 107–130. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.6>
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 401 с.
- Сиянбиль, М., Сиянбиль, А. (2000) Традиционный тувинский костюм (История Символика). Кызыл : Типография Госкомитета печати и массовой информации РТ. 72 с.
- Смоленская, Е. О., Куликова, А. С. (2023) Современные приемы применения орнамента в городской среде // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Архитектура и градостроительство : Сборник статей 80-й юбилейной Всероссийской научно-технической конференции, Самара. 17–22 апреля 2023 года / под ред. М. В. Шувалова и др. Самара : Самарский государственный технический университет. 1186 с. С. 1080–1085.
- Трипольская, А. А., Чистяков, А. Ю. (2024) Узел счастья: элемент этнической символики в современной территориальной геральдике России // Геральдика: исследования и практика : Материалы научной конференции, Санкт-Петербург. 18–19 февраля 2022 г. / под общ. ред. Г. В. Вилинбахова. СПб.: Государственный Эрмитаж. Т. 119. 460 с. С. 435–440.
- Тувинцы. Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны; отв. ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб.: Нестор-История. 360 с.
- Ховалыг, Р. Б. (2018) Тувинская традиционная одежда. Новосибирск : Наука; НГОПО Союза писателей России. 336 с.

Шалагина, Г. Э. (2024) История и современность, материальное и духовное, модерн и постмодерн: социально-философский анализ современной урбанистики на примере Казани // Историческая этнология. Т. 9. № 3. С. 489-499. DOI: <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.489-499>

Bij de Vaate, N. A. J. D., Veldhuis, J., Konijn, E. A. (2022) Ethno-racial identity and digitalisation in self-presentation: a large-scale Instagram content analysis // Behaviour & Information Technology. Vol. 42. № 13. P. 2210–2225. DOI: <https://doi.org/10.1080/0144929X.2022.2112613>

Dekel-Dachs, O., Moorlock, E. (2020) Visual mapping of identity: negotiating ethnic identity // European Journal of Marketing. Vol. 54. № 11. P. 2747–2775. DOI: <https://doi.org/10.1108/EJM-02-2019-0143>

Glăveanu, V. (2014) The function of ornaments: A cultural psychological exploration // Culture & Psychology. Vol. 20 (1). P. 82–101. DOI: <http://doi.org/10.1177/1354067x13515937>

Grasmuck, Sh., Martin, J., Zhao, Sh. (2009) Ethno-Racial Identity Displays on Facebook // Journal of Computer-Mediated Communication, Volume 15, Issue 1. P. 158–188. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2009.01498.x>

Lamazhaa, Ch. (2023) The New Life of the Yurt. The Tuvan Version of Nostalgic Nomadism // Inner Asia. Vol 25. P. 248-276. DOI: <https://doi.org/10.1163/22105018-02502022>

Moussavi, F., Kubo, M. (2006) The Function of Ornament. Editorial actar. 192 p.

Suraganov, S. K. (2021) The leading ornamental motif koshkar muyiz in Kazakh ornamentation: in search of the primordial // Turkic Studies Journal. № 2(3). P. 99–110. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2021-2-99-110>

Trilling, J. (2003) Ornament: A modern perspective. Seattle, Washington : University of Washington Press. 265 p.

Valsiner, J. (2008) Ornamented worlds and textures of feeling: The power of abundance // Critical Social Studies. № 1. P. 67–78. DOI: <http://doi.org/10.7146/ocps.v10i1.1967>

Дата поступления: 20.10.2024 г.

Дата принятия: 13.01.2025 г.

REFERENCES

- Adyg-Tyulyush, L. S. (2017) *Tuvan folk ornaments*. Novosibirsk, s. n. 180 p. (In Tuv.)
- Aizhy, Zh. E. and Nan-Khoo, Ya. A. (2021) Scythian plots and motifs in traditional and modern jewelry art of Tuva. *New Research of Tuva*, no.1, pp.73–90. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.4>
- Alfonso, N. G. (2019) Auspicious symbols in the Buddhist tradition. *Chelovecheskii kapital*, no. 11(131), pp. 61–69. (In Russ.)
- Antropologiya goroda* (2013) Issue 1. Cultural symbols and images in urban space. Ethnicity and urban identity. I. L. Zherebtsov (ed.). Syktyvkar, Institut YALI Komi NTs UrO RAN. 189 p. (In Russ.)
- Assmann, J. (2004) *Kulturgedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen* [Cultural memory: Writing, memory of the past, and political identity in ancient high cultures]. Transl. from German. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury. 368 p. (In Russ.)
- Batyreva, S.G. (2019) Spatial worldview of Turkic-Mongolian peoples (based on the collections of patterned felt in Russian museums). *Iskusstvo Evrazii*, no. 3(14), pp. 87–104. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25712/ASTU.2518-7767.2019.03.006>
- Bashtannik, S. V. (2019) Buddhist symbolism on medieval toreutics of Southern Siberia. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, vol. 11, no. 3, pp. 31–38. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2019-11-3-31-38>
- Beketova, T. S., Akinfeeva, I. I. and Yurasova, M. A. (2018) Ornaments and symbols in the light design of urban space in Ulan-Ude. *Dizain i tekhnologii*, no. 67 (109), pp.6–14. (In Russ.)
- Bir, R. (2011) *Encyclopedia of Tibetan symbols and ornaments*. Moscow, Orientalija. 488 p. (In Russ.)
- Bobrikhin, A. A. (2010) Representations of ethnic identity in the modern world. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kultury*, no. 1, pp. 31–36. (In Russ.)
- Vainshtein, S. I. (1961) *The Tuvans-Todzha: Historical and ethnographic essays*. Moscow, Izd-vo Vostochnoi literatury. 218 p. (In Russ.)
- Vainshtein, S. I. (1974) *History of folk art of Tuva*. Moscow, Nauka. 219 p. (In Russ.)
- Gantulga, D. (2020) Ulzii – the symbolic ornament of well-being and the center of the macrocosm of Mongolian nomads. *Etnodialogi*, no. 3(61), pp. 196–202. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.37492/ETNO.2020.61.3.012>

- Golovnev, A. V., Albogachieva, M. S.-G., Belorussova, S. Yu., Belyaeva-Spichuk, V. A., Kisser, T. S. and Perevalova, E. V. (2022) *Indigenous small-numbered peoples of Russia: ethnocultural projections*. St. Petersburg, MAE RAN. 200 p. (In Russ.)
- Ivanovskaya, V. I. (2003) *Celtic ornaments*. Moscow, V. Shevchuk. 169 p. (In Russ.)
- Kovalev, I. G. (1970) *Kalmyk folk ornament*. Elista, Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo. 168 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2021) Social culture of Tuvans and online space. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>
- Mainy, Sh. B. and Kukhta, M. S. (2021) Conceptual clothing design based on traditional ethnic motifs of Tuva. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedenie*, no. 44, pp. 61–70. (In Russ.) DOI: <http://doi.org/10.17223/22220836/44/5>
- Makarova, G. I. and Gabdrakhmanova, G. F. (2024) On the issues of ethnosociality in the city: an introduction. *Istoricheskaya etnologiya*, vol. 9, no. 3, pp. 327–335. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.327-335>
- Mal-magan. Tuvans — livestock — meat* (2023) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Ch. Kh. Sanchai, Sh. Yu. Kuzhuget, Sh. B. Mainy, A. V. Mongush; eds. Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 152 p. (In Russ.)
- Malchik, A. Yu. (2015) Kyrgyz ornament in applied art and architecture: origins, development paths, national features. *Iskusstvo i kul'tura*, no. 1 (17), pp. 37–40. (In Russ.)
- Manichkin, N. A. (2024) Folk ornament in Soviet documentary cinema of Kazakhstan and Kyrgyzstan: stages of recording and comprehension of historical memory. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 285–299. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.17>
- Mongush, Sh. Kh. (2019) On some Tuvan pillows from the collection of the National Museum of the Republic of Tuva. *Iskusstvo Evrazii*, no. 3(14), pp. 149–157. (In Russ.) DOI: <http://doi.org/10.25712/ASTU.2518-7767.2019.03.010>
- Nikolenko, N. N. (2015) Traditional ornament of nomads as a visual archetype. *Universum: Filologiya i iskusstvovedenie*, no. 9–10 (22) [online] Available at: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/2655> (accessed: 01.12.2024). (In Russ.)
- Noozun, O. Kh. (2016) *Tuvan decorative and applied art: milestones of historical and cultural development*. Kyzyl, Tyvapoligraf. 153 p. (In Russ.)
- Ondar, A. B. (2016) Symbolism and decoration of the stylized national costume of the Tuvans. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12–2(74), pp. 124–127. (In Russ.)
- Ondar, Ch. G., Byrynnaay, S. L. and Tyulyush, A. Ch. (2021) Use of tamgas in Tuvan culture: antiquity, tradition and modernity. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 107–130. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.6>
- Potapov, L. P. (1969) *Essays on the folk life of the Tuvans*. Moscow, Nauka. 401 p. (In Russ.)
- Siyanbil, M. and Siyanbil, A. (2000) *Traditional Tuvan Costume (History, Symbolism)*. Kyzyl, Typography of the State Committee for Press and Mass Information of the Republic of Tuva. 72 p. (In Russ.)
- Smolenskaya, E. O. and Kulikova, A. S. (2023) Modern methods of using ornament in the urban environment. In: Shuvalov, M.V. et al. (eds.) *Traditions and Innovations in Construction and Architecture. Architecture and Urban Planning: Proceedings of the 80th Anniversary All-Russian Scientific and Technical Conference*, Samara. April 17–22, 2023. Samara, Samara State Technical University. Pp. 1080–1085. (In Russ.)
- Tripolskaya, A. A. and Chistyakov, A. Yu. (2024) Knot of happiness: an element of ethnic symbolism in modern territorial heraldry of Russia. In: Vilinbakhov, G. V. (ed.) *Heraldry: Research and Practice*. Proceedings of the Scientific Conference, Saint Petersburg. February 18–19, 2022. Vol. 119. St. Petersburg: State Hermitage. Pp. 435–440. (In Russ.)
- Tuvans. Native People* (2022) / Lamazhaa, Ch. K., Suvandii, N. D., Kuzhuget, Sh. Yu. and Mainy, Sh. B. St. Petersburg, Nestor-History. 360p. (In Russ.)
- Khovalyg, R. B. (2018) *Tuvan Traditional Clothing*. Novosibirsk, Nauka; NGOPO Union of Writers of Russia. 336 p. (In Russ.)
- Shalagina, G. E. (2024) History and modernity, material and spiritual, modern and postmodern: a socio-philosophical analysis of modern urbanism on the example of Kazan. *Istoricheskaya Etnologiya*, vol. 9, no. 3, pp. 489–499. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.489-499>
- Bij de Vaate, N. A. J. D., Veldhuis, J. and Konijn, E. A. (2022) Ethno-racial identity and digitalisation in self-presentation: a large-scale Instagram content analysis. *Behaviour & Information Technology*, vol. 42, no. 13, pp. 2210–2225. DOI: <https://doi.org/10.1080/0144929X.2022.2112613>

Dekel-Dachs, O. and Moorlock, E. (2020) Visual mapping of identity: negotiating ethnic identity. *European Journal of Marketing*, vol. 54, no. 11, pp. 2747–2775. DOI: <https://doi.org/10.1108/EJM-02-2019-0143>

Glăveanu, V. (2014) The function of ornaments: A cultural psychological exploration. *Culture & Psychology*, vol. 20 (1), pp. 82–101. DOI: <http://doi.org/10.1177/1354067x13515937>

Grasmuck, Sh., Martin, J. and Zhao, Sh. (2009) Ethno-Racial Identity Displays on Facebook. *Journal of Computer-Mediated Communication*, vol. 15, issue 1, pp. 158–188. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2009.01498.x>

Lamazhaa, Ch. (2023) The New Life of the Yurt. The Tuvan Version of Nostalgic Nomadism. *Inner Asia*, vol. 25, pp. 248-276. DOI: <https://doi.org/10.1163/22105018-02502022>

Moussavi, F. and Kubo, M. (2006) *The Function of Ornament*. Editorial actar. 192 p.

Suraganov, S. K. (2021) The leading ornamental motif koshkar muyiz in Kazakh ornamentation: in search of the primordial. *Turkic Studies Journal*, no. 2(3), pp. 99–110. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2021-2-99-110>

Trilling, J. (2003) *Ornament: A modern perspective*. Seattle, Washington, University of Washington Press. 265 p.

Valsiner, J. (2008) Ornamented worlds and textures of feeling: The power of abundance. *Critical Social Studies*, no. 1, pp. 67–78. DOI: <http://doi.org/10.7146/ocps.v10i1.1967>

Submission date: 20.10.2024.

Acceptance date: 13.01.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.2.2

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Статья

Государственная политика по седентаризации тувинцев в Тувинской Народной Республике в 1930–1940-е гг.**Алена А. Стороженко, Аржаана А. Нурзат**

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье проанализирован начальный процесс седентаризации тувинцев 1930–1940-х гг. в Туве, завершившийся в конце 1950-х гг. Особенностью процесса было более позднее начало по сравнению с другими кочевыми регионами. Попытка ускоренного массового перевода тувинцев на оседлость и «коллективные рельсы» в конце 1920-х гг. была достаточно быстро прекращена. В 1933 г. начался переход к новому политико-хозяйственному курсу, который поощрял частно-хозяйственную инициативу граждан. Свой отпечаток накладывал особый статус русского населения ТНР как граждан СССР.

Совершившийся в итоге переход тувинцев на оседлость во многом стал результатом деятельности республиканского и хошунных комитетов оседания, образованных в Тувинской Народной Республике в 1940 г. На основе вновь вводимых архивных документов (Национального архива Республики Тыва и др.) установлено, что главной задачей деятельности комитетов оседания в ТНР было отыскание мест или земельной территории, удобной для развития хозяйств, соответствующей всем жизненным условиям как для людей, так и для животноводства.

Отказ от подходов форсирования и массового перехода на оседлость в начале 1930-х гг. и в целом запоздалое начало этого процесса позволили тувинцам выиграть некоторое время для выработки инструментов адаптации.

Ключевые слова: седентаризация; оседлость; коллективизация; внутренняя миграция; кочевники; Тувинская Народная Республика; арат; тувинцы; колхоз; совхоз; комитет оседания

Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках проекта «Зеркальные лаборатории НИУ ВШЭ» «Миграции в социально-экономическом, демографическом, культурном и человеческом измерении (кейсы Пермского края и Республики Тыва в 1920-х — начале 1960-х гг.)».

Для цитирования:

Стороженко А. А., Нурзат А. А. Государственная политика по седентаризации тувинцев в Тувинской Народной Республике в 1930–1940-е гг. // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 33-50. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.2>

Стороженко Алена Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Эл. адрес: alstorozhenko@yandex.ru

Нурзат Аржаана Андреевна — старший преподаватель кафедры всеобщей истории, археологии и документоведения Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Эл. адрес: arzhaananurzat@mail.ru

STOROZHENKO, Alena Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of National History, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenina St., Kyzyl, 667000. E-mail: alstorozhenko@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9986-8966

NURZAT, Arzhana Andreevna, Senior Lecturer, Department of General History, Archeology and Documentation of Tuvan State University. Postal address: 36 Lenina St., Kyzyl, 667000. E-mail: arzhaananurzat@mail.ru

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

State policy on the sedentarization of Tuvans in the Tuvan People's Republic in the 1930s and 1940s

Alena A. Storozhenko, Arzhaana A. Nurzat
Tuvan State University, Russian Federation

The article analyzes the initial process of the sedentarization of the Tuvans during the 1930s–1940s in Tuva, which was completed by the late 1950s. A distinctive feature of this process was its relatively late start compared to other nomadic regions. An attempt at a rapid, mass transition of the Tuvans to a sedentary lifestyle and onto “collective rails” at the end of the 1920s was rather quickly abandoned. In 1933, a shift to a new political and economic course began, which encouraged citizens’ private economic initiative. The special status of the Russian population in the Tuvan People’s Republic (TPR) as citizens of the USSR also had an influence.

The eventual transition of the Tuvans to a sedentary lifestyle was largely the result of the activities of the republican and khoshun settlement committees established in the Tuvan People’s Republic in 1940. Based on newly introduced archival documents (from the National Archives of the Republic of Tuva, among others), it has been established that the primary task of the settlement committees in the TPR was to locate sites or land areas suitable for the development of farms, meeting all the necessary living conditions for both people and livestock breeding.

The abandonment of the policy of forced and mass sedentarization in the early 1930s, along with the overall delay in the beginning of the process, allowed the Tuvans to gain some time to develop their own adaptive mechanisms.

Keywords: *sedentarization; settlement; collectivization; internal migration; nomads; Tuvan People’s Republic; arat; Tuvans; kolkhoz; sovkhos; settlement committee*

Financing:

The article was prepared during a study conducted within the framework of the HSE Mirror Laboratories project “Migration in socio-economic, demographic, cultural and human dimensions (cases of the Perm Region and the Republic of Tuva in the 1920s and early 1960s)”.

For citation:

*Storozhenko A. A. and Nurzat A. A. State policy on the sedentarization of Tuvans in the Tuvan People’s Republic in the 1930s and 1940s. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 33-50. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.2>*

Введение

«Нужно помнить, что оседлый образ ведения хозяйства мыслим только в том случае, если мы для людей создадим все условия, при помощи которых люди успешно могли бы обеспечить свой скот кормом, а себя пищей, одеждой и жилищем. Это главное и основное условие при переходе аратского населения на оседлый образ жизни» (Национальный архив Республики Тыва — далее НА РТ, ф. 101, оп. 2, д. 16, л. 10; курсив источника. — *Авт.*).

Вот такая незамысловатая и понятная по сути формулировка открывает «Инструкцию о работе хосунных Комитетов оседания» в Тувинской Народной Республике (далее — ТНР). Документ был предложен к публикации в газету «Шын» советским агрономом И. Антоновым, направленным 20 июня 1940 г. на работу в Министерство животноводства и земледелия ТНР. Это было необходимо для того, чтобы довести до тувинского населения серьезность проводимой работы. Предполагаемым автором самого документа был руководитель Республиканского комитета оседания, министр животноводства и земледелия ТНР М. Кызыл-оол.

Несмотря на то что, это был официальный документ, регламентирующий деятельность республиканского и хошунных комитетов оседания в Тувинской Народной Республике, его содержание «наполнено жизнью», формулировки еще не «застывшие», довольно далекие от партийного бюрократического языка XX века. Учреждение этих структур не было новацией. Подобные комитеты уже действовали в Казахстане (Алтаев, 2015), Бурятии (Могородоев, 1972), Монголии (Грайворонский, 1979) и др. Одним из первых районов, где советская власть еще в 1920 г. начала осуществлять «переход к оседлому, земледельческому хозяйству», стал советский Туркестан (Протокол заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 29.06.1920 г. См.: Российский государственный архив социально-политической истории — далее РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 92, л. 4). К началу 1940-х гг. этот опыт был уже «обкатан» на Алтае, в соседней Монголии, но в Туве были свои особенности реализации этого направления государственной политики.

Примечательной особенностью седентаризации в Туве было ее более позднее начало по сравнению с другими собственно советскими кочевыми регионами, в связи с более поздним вхождением в состав СССР. Попытка ускоренного массового перевода тувинцев на оседлость и «коллективные рельсы» в конце 1920-х гг. была достаточно быстро прекращена и в 1933 г. начался переход к новому политико-хозяйственному курсу, который поощрял частно-хозяйственную инициативу граждан (История Тувы, 2007: 195–196). Кроме того, свой отпечаток накладывал особый статус русского населения ТНР как граждан СССР. Советские граждане получили равные права только в 1941 г. Только с 1931 г. в единый Колхозцентр были переданы полномочия по руководству русскими и тувинскими сельскохозяйственными коллективами (Моллеров, 2022: 132).

Седентаризация тувинцев, начавшаяся в 1930-е гг., приняла массовый характер только со второй половины 1940-х гг. и продолжалась вплоть до конца 1950-х гг.

Очевидный перекося исследовательского поля на изучение седентаризации в связке с коллективизацией, с преимущественным вниманием к последней, сосредоточение внимания ученых на советском периоде этого процесса, а также не изученность конкретного содержания и организации деятельности комитетов оседания в 1940-е гг. — вот тот общий комплекс проблем, заставивших нас обратить внимание на эти аспекты такого, казалось бы, понятного в целом вопроса. Рассмотрение основных задач, стоявших перед Комитетами оседания в ТНР, не должно сводиться только к анализу их деятельности по отысканию мест или земельной территории, удобной для развития животноводческих хозяйств, для развития оседлой инфраструктуры в целом. На примере деятельности комитетов в регионе можно понять, в чем конкретно выражалась в 1940-е гг. смена подходов к организации и проведению перевода тувинцев на оседлость.

Анализ содержания, форм и подходов государственной политики по седентаризации тувинцев в 1930–1940-х гг. «в новом формате» (Синицын, 2019: 160) является целью настоящей статьи. Политика менялась под влиянием разных факторов, в том числе находилась под непосредственным контролем партийных органов всесоюзного уровня. Анализ трудностей и условного характера прогресса темпов и масштабов седентаризации тувинцев в первой половине рассматриваемого периода в 1930-х гг., установление территориальной неравномерности оседания населения, выявление конкретных форм и подходов реализации государственной политики по седентаризации посредством комитетов оседания в 1940-е гг. — это основные задачи настоящего исследования.

Хронологические рамки статьи включают период с 1930-х и первую половину 1940-х гг. Выбор продиктован началом в 1930-х гг. активного перевода тувинского населения на оседлость и развернувшейся далее в 1940-х гг. деятельности комитетов оседания в регионе.

Источниковая база исследования преимущественно основана на неопубликованных архивных материалах, отложившихся в следующих фондах Национального архива Республики Тыва: фонд 101 «Министерство животноводства и земледелия ТНР», фонд 203 «Сельхозартель “Красный партизан” Тандинского хошуна», фонд П-1 «Центральный комитет Тувинской народно-революционной партии (1916–1944)». Эти материалы позволили выявить противоречия и недостатки начального периода седентаризации в Туве, а также реконструировать логику, формы и основные подходы государственной политики по седентаризации тувинцев в 1930–1940-е гг. Также в статье использованы материалы фонда 17 «Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991)» РГАСПИ, в частности, Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О Танна-Туве», определившее суть государственной политики по коллективизации и переводу тувинцев на оседлость.

Седентаризация тувинцев в исторической литературе

Переход аратов-кочевников на оседлый образ жизни в Туве являлся традиционным историографическим сюжетом советского времени. Ожидаемо и, во многом справедливо, в работах ученых советского времени подчеркивалась особая роль партийных и советских органов власти в организации седентаризации тувинцев (Сейфулин, 1954; Гребнев, 1955; Шаунова, Лиханов, 1955; Иезуитов, 1956; Каплунов, 1959; Бажутин, 1964; Сердобов, 1977; Аранчин, 1982; Моллеров, 1989). 11-й выпуск периодического издания Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (далее — ТНИИЯЛИ) — «Ученых записок» 1964 г. практически полностью был посвящен анализу успехов социалистического строительства в Туве. Его авторы подчеркивали важность партийных и государственных решений в советизации тувинского общества, в том числе организации перехода на оседлость. Обозначенные ими успехи социалистического строительства в Туве можно отнести к трансформационным процессам в ходе седентаризации¹.

Вопросы перевода тувинцев на оседлость в контексте коллективизации в 1930–1940-е гг. нашли свое отражение во втором томе фундаментального обобщающего труда «История Тувы» (История Тувы, 2007). В нем указано, что Комитет по оседанию был создан при Совете министров. Сама работа по переводу кочевников на оседлость «...проводилась систематическая и более организованная», в сумонах и арбанах возникали центры оседлости, но это не означало «окончательного перехода» (там же: 233).

Специальных научных работ, посвященных седентаризации тувинцев, кроме монографии «Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость» Л. В. Гребнева (Гребнев, 1955), до сих пор практически нет. Его труд для своего времени был разносторонним, ведь автор, введя в научный оборот широкий пласт архивных документов, статистических данных, умело сочетал их с материалами собственных полевых исследований, собранных в местах оседания тувинцев. Безусловно, изучение этого вопроса было проведено основательно, масштабно и серьезно. Но основные выводы в современной историографии считаются дискуссионными в силу методологической приверженности автора идеологизированному классовому подходу (Харунова, 2011: 17) и поверхностному анализу проблем, образовавшихся в стране и связанных с коллективизацией и переводом аратов на оседлость (Нурзат, 2024). Кроме того, исследование Л. В. Гребнева, опубликованное в 1955 г., считается «незавершенным» в силу того, что коллективизация и перевод тувинцев на оседлость продолжались до конца 1950-х гг. (Сердобов, 1977: 28).

Важным этапом осмысления вопроса стали работы С. И. Вайнштейна, который развил типологию тувинских традиционных типов хозяйствования, составленную Л. П. Потаповым (Потапов, 1969: 80), и предложил классификацию переходных форм кочевого хозяйства на оседлость, более точно отражающую особенности кочевания скотоводов Центральной Азии и Тувы (Вайнштейн, 1972: 8). Выделяя три хозяйственно-культурных типа: кочевые скотоводы горно-степной зоны; кочевые и полукочевые охотники-скотоводы горной таёжно-степной зоны; охотники-оленоводы горно-таёжной зоны (там же: 9, 10), Вайнштейн подчеркивает состоявшийся успешный переход от кочевых форм хозяйства к оседлости, который имеет общеисторическое значение для тувинского народа (там же: 286–287).

¹ Бакулин А. К. Земледелие Тувы на пути к интенсификации // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XI. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1964. С. 137–152; Бажутин Б. П. Руководство ТНРП колхозным строительством // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XI. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1964. С. 242–257; Кызыл-оол И. Т. Овцеводство Тувинской АССР // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XI. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1964. С. 152–161; Мендуме М. К. Народное хозяйство Советской Тувы за 20 лет и перспективы его развития // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XI. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1964. С. 18–28; Солдатов В. П. К вопросу о размещении и специализации сельского хозяйства в Туве // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XI. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1964. С. 161–179; Толгар-оол О. А. Образование и идейно-организационное укрепление Тувинской народно-революционной партии (1921–1929 гг.) // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XI. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1964. С. 223–242; Тульчинский Л. И. Социально-экономический анализ материалов переписи населения Тувы 1959 года // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XI. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1964. С. 205–223.

Анализ взглядов советских историков по вопросам изучения «кочевого феодализма» подробнейшим образом был сделан в постсоветское время известным российским кочевниковедом Н. Н. Крадиным (Крадин, 1992), что избавляет нас от необходимости детального историографического обзора этого периода в целом. Важным для нас является выделение автором особого, своеобразного пути социальной эволюции кочевого мира и определения степени развития земледелия, исходя из наличия оседлых поселений у кочевых племен, с ведущей ролью скотоводства (там же: 74).

В современной историографии вопросу седентаризации кочевых народов в Центральной Азии уделяется серьезное внимание и он до сих пор остается дискуссионным (Бадмаева; Омакаева 2022; Сеницын, 2019). Предметное рассмотрение процесса оседания в контексте аграрной политики советского государства в Туве привело Н. Г. Самарину к выводу о том, что тувинцы в результате седентаризации пережили «... ломку образа жизни, но не стереотипов» (Самарина, 2011: 124). Это созвучно более глубокому выводу М. М.-Б. Харуновой о том, что «... посредством политических решений древняя цивилизация кочевых скотоводов трансформировалась в оседлую цивилизацию скотоводов-земледельцев» (Харунова, 2011: 114).

Признанный специалист в этой области Ф. Л. Сеницын выделил экономические, политические и политико-демографические причины седентаризации кочевых народов. Так, одной из причин переезда кочевых народов на оседлость в условиях советской действительности автор считает улучшение обороноспособности страны. С этой целью население «привязывалось» к земле, прекращались откочевки внутри страны (Сеницын, 2019: 97). Согласно переписи населения 1931 г., как указывал С. И. Вайнштейн, большинство кочевков совершались на расстояние свыше 5 км по четыре перекочевки, а средние расстояния перекочевок в Каа-Хемском районе колебались от 6 км, в Тодже — до 30 км (Вайнштейн, 1972: 61). Плотное заселение территорий (особенно приграничных) «надежными» и «советизированными» выходцами из центральных регионов страны с точки зрения властей, пишет Ф. Л. Сеницын, могло помочь в улучшении обороноспособности страны (Сеницын, 2019: 98).

Серьезным методологическим этапом в осмыслении вопросов изучения необходимой связи кочевников с оседлыми обществами стала работа А. М. Хазанова «Кочевники и внешний мир» (Хазанов, 2002). Достаточно взвешенно автором рассмотрены вопросы о том, что специализированная кочевая экономика нуждалась в земледельческих и ремесленных продуктах, но и кочевые культуры влияли на оседлые: часто подражали оружию, украшениям; кочевники выступали в качестве организаторов и посредников различного вида культурных обменов. Исследователь осуждает политику седентаризации советского времени, которая оказалась разрушительна как для скотоводов, так и для стран, вынуждавших их к оседлости (там же: 604).

Переход кочевых народов на оседлость по-разному назывался в историографии, иногда различаясь по смыслу: *седентаризация* (Хазанов, 2002), *обоседление* (Сеницын, 2019).

Седентаризация, в широком понимании А. М. Хазанова, — это один из наиболее радикальных видов адаптации кочевников к внешнему миру, сопровождающийся ломкой стереотипа мышления, поведения, традиционной системы ценностей и образа жизни. Важным фактором седентаризации является увеличение земледельческого производства, развитие ремесел, но в случае массовой седентаризации происходит определенная дезинтеграция кочевого общества, с существенной трансформацией его социальной организации (Хазанов, 2002: 324–325).

Наименее часто встречающийся термин *обоседление*, являющийся, по сути, синонимом *седентаризации* и *перехода на оседлость*. Во всяком случае Ф. Л. Сеницыным он понимается именно так (Сеницын, 2019: 16–17). Применительно к Туве автор обозначает переход на оседлость в советский период как «*модернизацию кочевничества*», когда население приграничных регионов привязывалось к земле, но традиционное животноводство не исчезло (Сеницын, 2019: 188–189).

Оказалось непросто установить первоначальный смысл этого и термина, и процесса одновременно. Седентаризация¹ как термин практически описывает процесс перехода населения от кочевого образа жизни к оседлому. Но методологически значимый для нас смысл заключается в понимании, что «седентаризация означает необходимость ломки стереотипа мышления, поведения, традицион-

¹ Седентаризация (от англ. *sedentary* 'оседлый') означает расселение кочевого населения; оседлый образ жизни, появление оседлости.

ной системы ценностей и традиционного образа жизни» (Хазанов, 2002: 324). Именно этому процессу, явлению суждено было коренным образом изменить социокультурный облик Тувы в XX столетии.

Анализ степени исследованности показал, что собственно направления и подходы государственной политики по седентаризации тувинцев в 1930–1940-х гг. до сих пор не стали отдельным историографическим сюжетом. Больше внимания уделялось изучению вопроса перевода кочевников на оседлость в более поздний, уже советский период второй половины 1940–1950-х гг. в контексте завершения коллективизации. В то же время деятельность комитетов оседания, как управленческих структур осталась практически вне поля исследователей.

Особенности хозяйственной деятельности населения Тувы в первой четверти XX столетия

Традиционный вид хозяйственной деятельности тувинцев — кочевое скотоводство — определяло специфику социальных отношений в тувинском обществе: образ жизни, систему родства и иерархии. К числу его важнейших особенностей относятся: 1) скотоводство как преобладающий вид хозяйственной деятельности; 2) его экстенсивный характер, связанный с круглогодичным внестойловым содержанием скота на подножном корму; 3) связанная с потребностями скотоводческого хозяйства периодическая подвижность в пределах определенных пастбищных территорий (Хазанов, 2002: 84).

В этих условиях сложно развивались взаимоотношения со все прибывающим в Туву с конца XIX в. русским населением. Переселенцы старались первоначально не вторгаться в хозяйственные ниши, занятые тувинцами, предпочитая долины рек и другие участки, пригодные для хлебопашества, но, как писала М. П. Татаринцева, «...с появлением русских крестьян-земледельцев, по сути дела, столкнулись два совершенно разных типа хозяйствования и землепользования, выявилась культурно-хозяйственная разнонаправленность: природосберегающая этика коренного кочевого населения и природопользовательская, природопреобразующая деятельность крестьян-земледельцев» (Татаринцева, 2017: 154).

Будучи результатом адаптации к природному окружению (Хазанов, 2002: 215), номадизм в социальном отношении оставался способен к трансформации под воздействием культурного (социального) окружения. Земледельческая культура, будучи ассоциированной с *оседлым* образом жизни, в условиях достаточного количества свободной для освоения территории, превращается в культуру *подвижного*, первопроходческого земледелия. При этом сохраняется специфика ее социальных и экономических отношений, характерная для стационарного проживания. В свою очередь, «...главный феномен номадизма ..., — подчеркивает А. М. Хазанов, — и заключается в его неразрывной и необходимой (коль скоро он остается номадизмом) связи с внешним миром, т. е. с иными в хозяйственном, культурном и социальном отношениях обществами (там же: 79).

Усилившийся в первое десятилетие XX в. наплыв русских переселенцев неизбежно повлек земельные споры и недоразумения, а также пересечение и взаимопроникновение хозяйственных интересов, возникновение и развитие новой, не характерной для предшествующего этапа развития, поселенческой системы.

Интересна в этом отношении периодизация Е. В. Середкиной, которая выделила четыре основных этапа развития оседлых поселений на территории Тувы:

- 1) 1800–1845 гг. — период появления первых оседлых поселений — буддийских монастырей и отдельных русских заимок;
- 2) 1845–1890 гг. — период развития буддийских и образование первых оседлых русских населенных пунктов — золотопромышленных приисков, заимок и факторий;
- 3) 1890–1914 гг. — период развития линейной системы буддийских монастырей, образование сети русских поселений из деревень, заимок и факторий;
- 4) 1914–1944 гг. — период формирования системы населенных мест¹.

Собственно, новая поселенческая структура, основанная русскими переселенцами в соответствии с их хозяйственными потребностями, и стала каркасом системы оседания тувинцев. Своеобразный

¹ Середкина Е. В. Архитектурно-планировочное освоение территории Тувы в XVIII — середине XX вв.: автореф. дисс. ... канд. архитектуры. Новосибирск, 2005. С. 7.

«ползучий» характер хозяйственного освоения русскими территории Тувы во взаимодействии с местными опорными пунктами — монастырями и ставками нойонов — сформировал в результате первый слой стационарных поселений. Эта система соседства оседлых поселений с местами кочевого хозяйства в итоге привела к постепенному переходу отдельных тувинских хозяйств на полuosедлый образ жизни.

Ссылаясь на В. П. Ермолаева, С. И. Вайнштейн отмечал, что в конце XIX — начале XX в. отдельные (очень немногие) тувинские хозяйства переходили к оседлости. «Это были хозяйства бедняков, владевшие незначительным количеством скота и засевавшие небольшие участки пашни. Такое явление было характерно особенно для Западной Тувы, в первую очередь для района Чадаана, где остро чувствовалась нехватка пастбищ — главного условия скотоводства, в особенности кочевого» (Вайнштейн, 1972: 60). Кочевое скотоводство как ведущий вид хозяйственной деятельности тувинцев входило в это время в стадию трансформации. «На Чадаане, — писал Ермолаев, — по сравнению с другими местами Кемчикского бассейна чувствуется земельная теснота. ... много есть юрт, имеющих зимники и стоянку общую для всего теплого периода года, есть и хозяйства, стоящие круглый год на одном месте» (цит. по: Вайнштейн, 1972: 60, см.: Государственный архив Красноярского края — далее ГАКК, ф. 217, оп. 2, д. 85, лл. 46–47).

В западных районах русские практически не занимались сельским хозяйством, но торговля, в которой, прежде всего, заинтересована тувинская элита, развита была весьма хорошо. Внешние связи с оседло-земледельческими обществами, к которым кочевое общество стремится по экономическим причинам, одновременно больше всего могут способствовать росту и укреплению социальной дифференциации, при наличии соответствующих условий, превращают статусные различия в ранговые, сословные и даже классовые. Поэтому те, кого условно можно назвать «кочевой элитой», «кочевой знатью» или «кочевой аристократией» стремятся к этим связям не только по экономическим, но и по социальным причинам (Хазанов, 2002: 278) (фото 1).

К началу 1930-х гг. территория западных районов Тувы была наиболее плотно заселена тувинцами с развитым кочевым хозяйством и социальными отношениями. По переписи кочевых хозяйств Тувинской Аратской Республики (прежнее название ТНР, далее — ТАР) 1931 г. видно, что общее ко-

Фото 1. Кочующее аратское хозяйство, п. Торгалык. ТНР, 1930 г. Фото В. П. Ермолаева (НА РТ, ф. 101, оп. 1, д. 3, л. 10)
Photo 1. Nomadic Arat farm, village of Torgalyk, TPR, 1930. Photo by V. P. Ermolaev (NA RT, f. 101, op. 1, d. 3, l. 10).

личество хозяйств по республике составляло 15648, в которых проживало 64911 тувинцев. Самыми густонаселенными районами были Дзун-Хемчикский район — 4369 хозяйств с населением 18869 чел. и Барун-Хемчикский — 3640 хозяйств (16673 чел.). В этой части республики было сосредоточено около 70% кочевых хозяйств, в которых проживало более 70% всего тувинского населения. Восточные и центральные районы были менее плотно заселены: в Улуг-Хемском районе насчитывалось всего 2950 хозяйств (11473 чел.), в Каа-Хемском — 2476 (9445 чел.), в наименьшей степени были заселены Тес-Хем — 1645 хозяйств (6336 чел.) и Тоджа — 568 хозяйств (2115 чел.) (НА РТ, ф. 101, оп. 2, д. 15, л. 15).

Стоит отметить, что общее количество неkochующих хозяйств составило 1847. На первый взгляд, это немного, но показательно в части общей тенденции потенциально возможного обоседления тувинцев вследствие действия разных факторов: социальных, экономических, политических. Собственно их сочетание, при преимущественном преобладании последних, приведет впоследствии к существенной трансформации социокультурного ландшафта Тувы.

Успехи и трудности перехода на оседлость в 1930-е гг.

Переход на оседлость осуществлялся практически во всех регионах страны, где советская власть поставила задачу «привязать» кочевников и другое население к земле. И происходило это в тесной связи с коллективизацией и другими социалистическими переменами.

Так, в 1929 г. VIII съезд Тувинской народно-революционной партии (далее — ТНРП) выработал программу действий по осуществлению социалистических преобразований в Туве, провозгласив усиление борьбы «...с остатками феодализма, с кабально-эксплуататорскими отношениями. В этих целях коллективизация сельского хозяйства, переход от отсталого кочевого скотоводства к оседлому хозяйству должны занимать особое внимание партийных, государственных и общественных организаций» (НА РТ, ф. П-1, оп. 1, д. 583, л. 3–4). Собственно, до этого времени задачи в массовом порядке принуждать к коллективизации и оседлости тувинцев не было. В основном, решались задачи коллективизации советских граждан Русской самоуправляющейся трудовой колонии (далее — РСТК), которые старались всеми способами обойти требования властей.

В газете «Красный пахарь» в декабре 1929 г. были опубликованы итоги работы третьего пленума Исполкома РСТК и отмечалось, что «...хозяйство должно коренным образом перестроиться — из мелких крестьянских хозяйств должны образоваться культурные коллективные хозяйства — наиболее выгодные, как для самого населения, так и для государства...»¹. На бумаге в первые годы коллективизации колхозы образовывались быстро. Разные источники дают противоречивую количественную картину. Так, например, охват населения колхозами с 2,2% на 1 января 1930 г. вырос до 16% по 1 июня 1930 г. (НА РТ, ф. 203, оп. 1, д. 1, л. 11). На 1 октября 1930 г. в коллективах было уже 253 хозяйства, что составляло 1,7% всех аратских хозяйств. Через год, к моменту первого колхозного съезда 1931 г., по республике насчитывалось уже 2748 колхозов или 22,5% (НА РТ, ф. 101, оп. 2, д. 2, л. 30). В любом случае, рост числа коллективных хозяйств был существенный. В то же время, на 1 января 1942 г. в колхозах состояло всего 38 аратских хозяйств (Суцевский, 1942: 29).

Несмотря на впечатляющие цифры колхозного строительства в начале 1930-х гг., зачастую под видом колхозов объединялись коллективы родственников. Это были, по сути, лже-колхозы «...с преимущественно- родственным составом, в некоторых случаях игнорирование середняков и наоборот — наличие в отдельных случаях исключительно середняцких коллективов, в которые бывает закрыт доступ для батраков и бедняков» (НА РТ, ф. 101, оп. 2, д. 2, л. 4). Исполкомы и хошунные советы еще не знали, как именно нужно руководить колхозами, какие культурные и агрономические мероприятия проводить (НА РТ, ф. 203, оп. 1, д. 1, л. 11).

На Первой всеколониетской конференции групп бедноты и батрачества в 1930 г. в докладе колхозницы Черепановой было отмечено, что

«...работа с беднотой проводится от случая к случаю кампанейским порядком... слабая защита интересов батрацко-бедняцких и маломощных середняцких слоев населения (семенной материал вместо бедноты попадал зажиточным, отказ в кредите и пр.), часто беднота вынуждена была обращаться за помощью к

¹ Итоги работы 3-го пленума Исполкома РСТК // Красный пахарь (газета). 1929. № 38 (207) от 17 декабря. С. 2.

кулакам и находится под их влиянием... Батрачество в большинстве своем представлено самому себе и очень часто подвергается жестокой эксплуатации со стороны зажиточной части населения и кулаков и многое другое» (НА РТ, ф. 203, оп. 1, д. 1, л. 9).

Этап завершения форсированного перехода на оседлость на рубеже 1920-х и 1930-х гг. не только не способствовал развитию животноводства, а был направлен «...на ограничение и вытеснение вплоть до ликвидации эксплуататорских и зажиточных хозяйств, являющихся крупными животноводами» (НА РТ, ф. 101, оп. 2, д. 2, л. 12). Подушевое распределение сенокосных угодий ограничивало производственные возможности хозяйств, особенно в условиях запрета внутриселенной аренды и найма рабочей силы (НА РТ, ф. 101, оп. 2, д. 2, л. 13). Животноводство оставалось основной отраслью хозяйства, но кредиты шли на развитие земледелия, игнорируя частно-хозяйственные инициативы.

В период массовой коллективизации русского населения Тувы райбюро ВКП(б) допускало колебания и шараханье из стороны в сторону. «Оно то прекращало перегибы, то допускало их вновь» (Молле-ров, 2022: 43). Нередко нарушался принцип добровольности вступления в сельхозартель, обобществления скота, животноводческих помещений и семян, недостаточно эффективно использовалась материально-техническая и финансовая помощь государства (Аранчин, 1982: 310).

Все это привело в 1930 и 1932 гг. к вооруженным конфликтам в Туве — в Шагонарском и Туранском совхозах (История Тувы, 2007: 165), а также на Хемчике и в Тере-Холе (История Тувы, 2016: 194; Самдан, 2020). Такие же антисоветские настроения наблюдались и у староверов Тувы, «нежелание становиться частью советской хозяйственной и социокультурной системы порождало в среде крестьянства не только недовольство, отсутствие инициативы, но и реальные действия — саботаж, недосдачи, уход в тайгу...» (Стороженко, 2023: 117).

Проблема коллективизации и перехода тувинцев на оседлость стала предметом специального рассмотрения на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 августа 1933 г. Было принято специальное постановление «О Танна-Туве», в котором, в частности, говорилось о необходимости рекомендовать тувинскому правительству «...в области народного хозяйства сосредоточить главное внимание на развитии животноводства, как основной отрасли хозяйства, исходя из существующей формы кочевого скотоводства» (Российский государственный архив социально-политической истории, далее — РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 15, л. 62). Для перевода аратов на оседлость необходимо было подготовить земельный фонд, организовать машинно-сенокосные станции и МТС простейшего типа.

Было решено «...заменить **совершенно не соответствующую условиям тувинского кочевого и охотничье-промыслового хозяйства политику сплошной коллективизации и административного насаждения оседлости** постепенным и осторожным внедрением простейших форм хозяйственной кооперации (товарищества по совместному сенокосению, по охоте, по постройке хошанов, хлебобулочные товарищества и проч.) (РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 15, л. 67–68; выделено нами. — *Авт.*). Собственно, это и была формулировка нового направления государственной политики седентаризации в ТНР.

Несмотря на ее недостатки можно привести примеры успешного оседания и развития постоянного пашенного земледелия. В Улуг-Хемском, Тандынском, Пий-Хемском, Каа-Хемском, Барун-Хемчикском хошунах советские граждане сеяли от 8–10, бывали случаи — до 29 га, тувинские араты — от 6 до 10 га. Некоторые передовые араты имели свои машины — самосброски, сенокосилки, грабли.

Например,

«...арат Модроол (Барун-Хемчикский хошун, сумон Шекпер) сеял 6 га. Начал сеять 1 апреля, сеет сортовыми семенами опытной станции¹ и меняет их аратам на рядовые. Снимает урожай выше всех в хошуне. Премирован как образцовый хозяин хошуном... арат Тамба (Улуг-Хемский хошун, сумон Шаганарыг) к 25 мая кончил сеять. Посеял 6 га. Ачазы (отец его) — старик сеет 4 га» (НА РТ, ф. 101, оп. 2, д. 10, л. 19).

К 1937 г. удельный вес аратских посевов составлял 16404 га, т. е. на каждую юрту в среднем приходилось по 1 гектару (*фото 2*).

¹ Тувинская сельскохозяйственная опытная станция была открыта в 1932 г. в с. Теве-Хаяа (современный Дзун-Хемчикский район).

Фото 2. Аратское хозяйство, имеющее войлочную юрту и деревянную избушку, г. Шагонар, ТНР. 1930 г.

Фото В. П. Ермолаева (НА РТ, ф. 101, оп. 1, д. 3, л. 18)

Photo 2. Arat farm, with a felt yurt and a wooden hut, Shagonar, TPR. 1930.

Photo by V. P. Ermolaev (NA RT, f. 101, op. 1, d. 3, l. 18)

По сути, 1930-е гг. стали своеобразной временной передышкой от политики предыдущих лет, емко выраженной в архивных документах как попытки форсированного и массового «перехода от отсталого кочевого скотоводства к оседлому хозяйству» (НА РТ, ф.П-1, оп. 1, д. 53, лл. 3–4; курсив наш. — Авт.). Коллективизация и перевод тувинцев на оседлость продолжились, но государственная политика стала приобретать черты постепенности и осторожности.

Деятельность комитетов оседания в ТНР в 1940-е гг.

Для координации деятельности хошуновых комитетов по созданию центров оседлости в сумонах и арбанах при Совете Министров ТНР в 1940 г. был сформирован Республиканский комитет по оседанию. Работа по оседанию тувинских аратов планировалась серьезная, с должной подготовкой.

Переход на оседлость в отдельных хошунах в 1940 г. по отчетам Комитета оседания описан как достаточно стихийный процесс. Так, в Улуг-Хемском хошуне намечалось оседание в 14 местах, в Каа-Хемском — в 11, в Барун-Хемчикском — в 12, Пий-Хемском, в Тес-Хемском, Дзун-Хемчикском — по 10 в каждом соответственно, в Тодже и Танды — по 6 в каждом соответственно, в Кызыле — в 3, в Тере-Холе — в 2. Некоторые сумонные названия не были отмечены, потому что на этих территориях необходимо было дополнительное обследование для поиска хороших мест для оседания специалистами-агрономами (НА РТ, ф. 101, оп. 2, д. 17, л. 73). Специалисты комитета на местах оценивали пригодность выделенных для оседания участков, получая указания о том количестве хозяйств, которые можно разместить в данной местности (НА РТ, ф. 101, оп. 2, д. 16, л. 10).

Таб. 1. Оседание тувинского населения в ТНР в 1940 г., в разрезе хошунов¹
 Table 1. Settlement of the Tuvan population in the TPR in 1940, in the context of the khoshuns

№	Хошуны	Всего осевшие хозяйства (примитивно)	Полуосевшие хозяйства	Осевшие в центре сумонов	Намеченные к оседанию
1	Барун-Хемчик	5	39	19	5
2	Дзун-Хемчик	5	111	13	4
3	Улуг-Хем	26	1025	15	-
4	Тес-Хем	9	-	-	-
5	Бий-Хем	92	397	5	2
6	Тоджа	23	126	6	-
7	Каа-Хем	11	-	4	-
8	Танды	18	29	-	3
9	Тере-Холь	-	-	-	-
10	Кызыл	-	34	2	-
	ИТОГО	189	1761	64	14

Таблица 1 целиком заимствована (НА РТ, ф. 101, оп. 1, д. 14, л. 65), публикуется в архивном виде, при этом документ не содержит пояснений относительно терминов. Поэтому предлагается следующая авторская трактовка использованных терминов:

Осевшие примитивно — это насильственно или механически прикрепленные к определённым местам проживания без учёта традиционных хозяйственных практик (сезонных перекочёвок), природно-климатических условий и социально-культурных потребностей кочевники;

Полуосевшие — тувинцы, которые сохранили сезонные перекочёвки, но имели постоянные зимние стоянки с элементами стационарного жилья (деревянные или глинобитные постройки);

Осевшие в центре сумона — тувинцы, перешедшие на оседлый образ жизни в центре сельских поселений (сумонов, арбанов), ставшие впоследствии основой для создания коллективных хозяйств;

Намеченные к оседанию — тувинцы, желающие перейти на оседлый образ жизни.

Динамика приобщения тувинцев к оседлому образу жизни в начале 1940-х гг. все же присутствовала, но видна неравномерность этого процесса в разрезе по районам. Всего хозяйств осевших в разной степени насчитывалось чуть больше 2 тысяч в 10 административно-территориальных образованиях, включая г. Кызыл. Наибольшее количество осевших и полуосевших хозяйств отмечено в районах давнего расселения русского населения — Бий-Хеме, Улуг-Хеме, Тодже, но меньше, чем в Танды и Каа-Хеме, что странно само по себе (см. таб. 1). По общему количеству резко выделяется Улуг-Хем, на долю которого приходится больше половины осевших хозяйств — 1066, но большая часть из них все-таки полуосевшие — 1025. В Бий-Хеме больше всего по региону осевших примитивно — 92 хозяйства, но в целом осевших вдвое меньше, чем в Улуг-Хеме — 487. В двух западных хошунах переход на оседлость всех типов не был активным и в целом не превышал 400 хозяйств. При этом интересно, что интенсивность седентаризации в Тодже была выше и составляла более 150 хозяйств, чем в Каа-Хеме и в Танды, где их насчитывалось всего по 15 и 47 соответственно.

По «Инструкции» успешное оседание кочевых аратов и переход их на так называемый «культурный» образ жизни и ведения хозяйства были возможны при соблюдении следующих условий. Араты должны были иметь возможность «обеспечить свой скот кормом, а себя пищей, одеждой и жилищем», что считалось главным условием для перехода на оседлость (см. НА РТ, ф. 101, оп. 2, д. 16, л. 10). Хозяйство должно было быть обеспечено участками для сенокосения и производства посевов (НА РТ, ф. 101, оп. 2, д. 16, л. 10) (фото 3).

¹ Данная таблица заимствована из архивного документа: НА РТ, ф. 101, оп. 1, д. 14, л. 65.

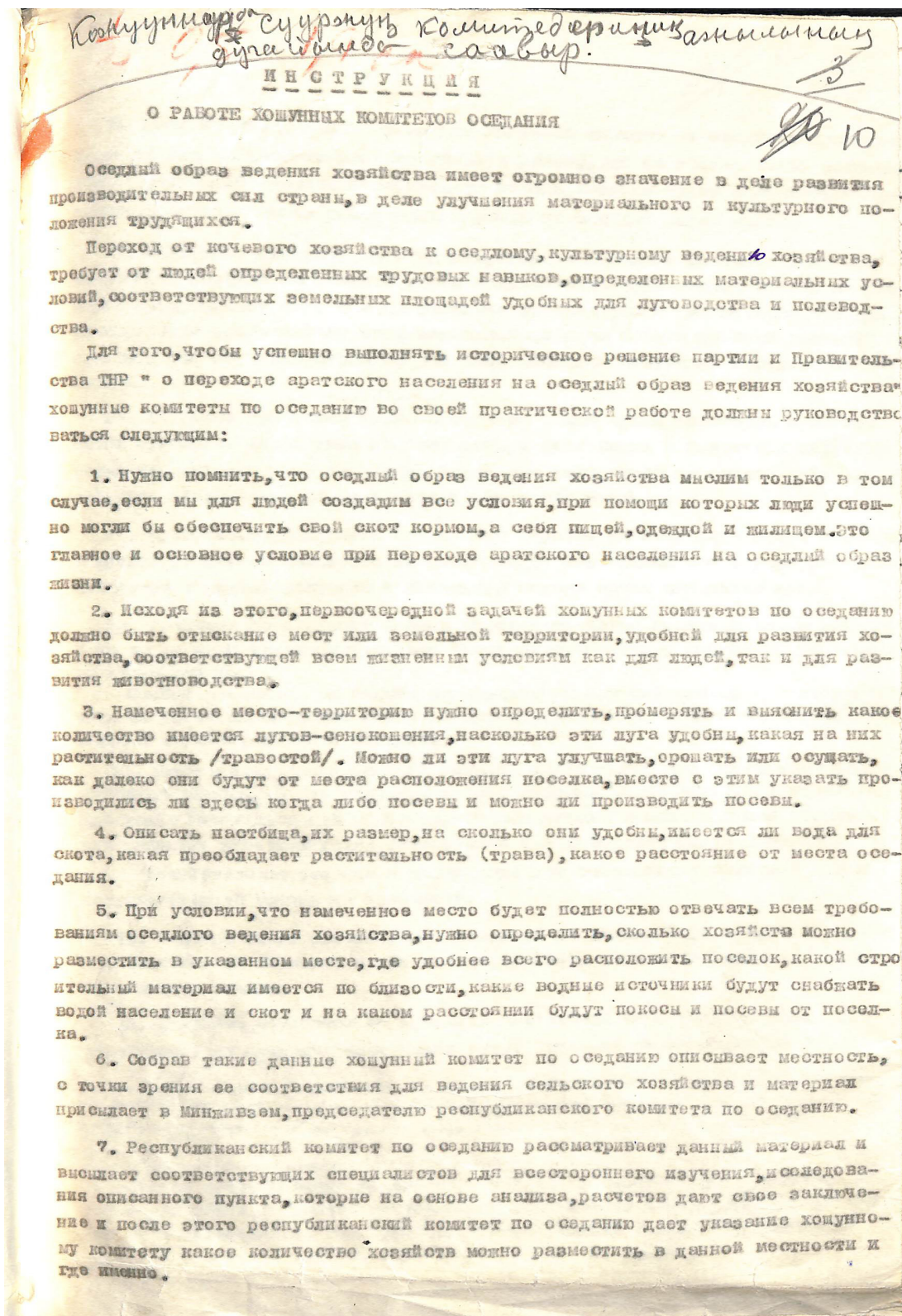

Фото 3. Инструкция о работе хошунных комитетов оседания. 1940 г. (НА РТ, ф. 101, оп. 2, д. 16, лл. 10–11)¹
 Photo 3. Instructions on the work of hooshun settling committees. 1940 (NA RT, f. 101, op. 2, 16, l. 10–11)

¹ Разрешение на публикацию документа от НА РТ имеется, находится в архиве редакции. — ред.

Хошунные комитеты были обязаны «описать пастбища, их размер, насколько они удобны, имеется ли вода для скота, какая преобладает растительность (трава), какое расстояние от места оседания» (НА РТ, ф. 101, оп. 2, д. 16, л. 10). После этого определялось количество хозяйств, которые «...нужно разместить в указанное место, где удобнее всего расположить поселок, какой строительный материал имеется поблизости, какие водные источники будут снабжать водой население и скот» (НА РТ, ф. 101, оп. 2, д. 16, л. 10). Предполагалось, что таких хозяйств должно быть не менее 10.

Хошунные комитеты оседания были обязаны обеспечить хозяйство, перешедшее на оседлость инвентарем, сельскохозяйственными машинами (НА РТ, ф. 101, оп. 2, д. 16, л. 11), разрешалось возводить деревянные жилые дома и другие постройки, а также на первое время использовать юрты (НА РТ, ф. 101, оп. 2, д. 16, л. 11) и предусмотрена была выдача безвозвратных и возвратных кредитов с одним условием, что они должны быть реализованы на приобретение сельскохозяйственных машин и строительство жилых и животноводческих построек (НА РТ, ф. 101, оп. 2, д. 16, л. 11).

На деле многое понималось и осуществлялось по-иному. Так, в сумоне Хайыракан Дзун-Хемчикское хошунное управление, не интересуясь местом застройки и планом заседания и выдав ссуду, дальше не следило, как использовались государственные деньги и где арат построил дом. В свою очередь сумонный *тарга* (начальник) не сигнализировал о недостатках и строительство шло зачастую своим чередом. Как мы уже писали, «арат, получивший ссуду и не имеющий указания относительно места оседания и постройки, строит там, где ему выгоднее для себя, не учитывая обстоятельства места, подвергает себя и свою семью, а также скот опасности» (Нурзат, 2024: 125). Было принято решение, что государственная помощь не будет оказываться тем хозяйствам, которые оседали в местах, где нет возможности селиться другим (НА РТ, ф. 101, оп. 2, д. 16, л. 11).

Отнюдь не все араты желали переселения в соответствии с указаниями местной администрации. Например, председатель сумона Кудеч Хайыракан Дзун-Хемчикского хошуна постоянно жил в своей юрте в 1,5 км от города Чадана и на этом месте был образован центр сумона Хайыракан. Арат Ногай сумона Кооп-Сек Барун-Хемчикского хошуна выстроил дом, а двор для скота находился под горой в 2 км от места застройки. Три человека в сумоне Чаа-Холь осело по своему усмотрению, но только не в точке оседания (Нурзат, 2024: 125).

Во время обследования 1940 г. специалистами из Комитета оседания не было найдено ни одного арата, у которого постройка была бы произведена в черте отведенного места оседания. «Арат обязательно строился от точки оседания в 1 км, а то и больше. При постройке дома арат забывал о своем скоте, а руководство не напоминало ему об этом, а потому выстроенный дом не обязывал и не привязывал тувинского арата к месту нового жилья, так как скот его находился от места застройки 2–3 км, а иногда и за 10 км» (НА РТ, ф. 101, оп. 2, д. 14, л. 5).

Препятствием для оседания был также выбор центра сумонов без учета запросов населения сумона, а ведь именно он задумывался как точка притяжения. Строительство домов, школ, скотных дворов проходило без соответствующего руководства, техники безопасности. Оседающее аратское население нуждалось буквально во всем. Для полноценной оседлой жизни и нового образа жизни и хозяйства требовались машины, плуги, бороны, конные грабли и другой с/х инвентарь, телеги, сани, хомуты, предметы домашнего обихода: кровати, столы, стулья, ведра, строительный материал и инструмент (НА РТ, ф. 101, оп. 2, д. 14, л. 6).

Из более чем 54 тыс. посеянных гектар в 1943 г. в ТНР почти половина — 23 тыс. га — пришлось на единоличные кочевые хозяйства и только 7 тыс. га — на единоличные оседлые хозяйства. Еще половина была посеяна совокупно госхозами, колхозами, тожземами и общественными организациями (Тадар-оол, 1945: 65). Налицо сохранение эффективной традиционной системы хозяйствования, которая подверглась трансформации, но не была разрушена полностью.

Переход на оседлость: а был ли выбор?

После вхождения ТНР в состав СССР в 1944 г. коллективизация сельского хозяйства и перевод аратов-кочевников на оседлый образ жизни были продолжены. Государство предоставило различные льготы и помощь, включая жилищно-производственное строительство и выдачу строительных материалов (Аранчын, 1982: 297, 301). В отличие от других регионов, в Туве в новых исторических условиях коллективизация сельского хозяйства была осуществлена без раскулачивания. Вытеснение байско-кулацких хозяйств проходило путем осуществления экономических мер: передачи лучших

земель колхозам и совхозам, повышенного обложения налогами, запрещения найма батраков (Кандан, 2017). На это повлияло более позднее начало этого процесса.

Государство, привязывая кочевников к земле, формировало удобную для себя, с точки зрения экономики, новую поселенческую структуру. Организуемые поселки должны были насчитывать не меньше 10 хозяйств и зависели от наличия удобных сенокосно-пахотных земель (НА РТ, ф. 101, оп. 2, д. 16, л. 11). Сразу крупных поселков старались не создавать, потому что главным вопросом было насколько они сами себя при новом способе ведения хозяйства, без возможности вести кочевое хозяйство, которое было для них более привычным, могли обеспечивать. В этих новых оседлых населенных пунктах строились не только жилые дома, но и создавалась вся социальная инфраструктура: клубы, столовые, бани, школы и пр. Тувинцы, впервые жившие в деревянных домах, не умели должным образом с ними обращаться, и пожары случались часто.

Зимние пастбища, то есть зимние откочевки, не отменялись и перевод на оседлость поначалу не сопровождался запретом на ведение традиционного кочевого хозяйства. Но кочевать должна была не вся семья или род, а только «...выделенные люди, которые нужны были для ухода за скотом и его охраны ... до тех пор, пока они не будут способны заготавливать корма столько, сколько требуется для их скота» (НА РТ, ф. 101, оп. 2, д. 16, л. 11).

Для создания благоприятных условий ведения оседлого хозяйства, хошунные (районные) комитеты тщательно выбирали благоприятные для ведения земледелия и скотоводства намеченные места, учитывая размер, расстояние от населенного пункта, наличие водных, растительных и прочих ресурсов. Государственные органы помогали колхозам правильно выбирать места для колхозных поселков и научно правильно планировать их застройку и благоустройство (Сейфулин, 1954: 139). Грамотно разработанный принцип работы хошунных комитетов оседания стал важным условием плавного перехода аратских хозяйств на оседлость в 1950-е без перегибов 1930-х гг.

Интересную особенность процесса оседания того времени отметила Е. Д. Прокофьева: «...оседают в основном тувинцы, переходящие на работу в государственные, административные и промышленные предприятия, переселяются в областной и районные (тогда хошунные) центры. Очень **невелик процент аратов**, переходящих на оседлость» (Прокофьева, 2011: 160; выделено нами. — *Авт.*). Тувинцы долго не могли привыкнуть к оседлой жизни. И вплоть до середины XX в. многие чабаны оставались жить в юртах, особенно в наиболее отдаленных от центра районов, противясь новым порядкам.

На протяжении 1930–1940-х гг. нередко были случаи, когда

«некоторые аратские хозяйства селятся на отдельных островах, в тайге, живя отдельно от массы аратских поселений, поэтому не приобщаются к культуре и не учатся организованной жизни, а поэтому хозяйства этих отдельных единиц не изменилось, осталось как и раньше. Нельзя умолчать о том, что некоторые аратские хозяйства, живущие в сумонах уже несколько лет, не изменили своего быта в сторону улучшения. По сей день у них наблюдаем — арат, живущий в доме, не имеет пола и даже не имеет никакой подстилки на полу, а о скотных дворах и говорить нечего» (Докладная записка агронома И. Антонова министру животноводства и земледелия ТНР М. Кызыл-оолу // НА РТ, ф. 101 оп. 2 д. 14, л. 65).

Процесс оседания тувинцев, а также отказ от «старых» привычек и обычаев совершался постепенно, но неуклонно. С 1939 по 1942 гг. в Туве возникло 70 новых населенных пунктов, хошунных, сумонных административных центров и рабочих поселков (на местах горнорудных разработок). «Но и в 1944 г. целый ряд сумонов не имели еще постоянных центров, — писала Е. Д. Прокофьева, — а большинство ТОЖЗЕМов республики также были кочевыми, не имели пунктов, которые могли бы стать центрами массового оседания» (Прокофьева, 2011: 126). Этому способствовала серьезная и упорная работа комитетов оседания в центре и хошунах, которые стремились стать эффективным инструментом по седентаризации тувинцев.

Заключение

Переход тувинских кочевников к оседлому образу жизни оказался сложным и длительным процессом, который сопровождался изменением социальных, экономических и культурных аспектов жизни общества в 1930–1940-е гг. В этот период он происходил при прямом участии и заинтересованности государства и являлся по своему характеру «модернизацией кочевания». В то время как на предшествующем этапе частичный переход на оседлость был формой адаптации кочевого населения к новым формам социально-экономических отношений, получивших свое развитие в начале XX в.

Отказ от подходов форсирования и массового перехода на оседлость в начале 1930-х гг. и в целом запоздалое начало этого процесса позволили тувинцам выиграть некоторое время для выработки инструментов адаптации. Территориальная неравномерность оседлости была, с одной стороны, следствием предшествующего этапа развития, когда расселение русских сосредоточилось в приграничных с Россией территориях, а с другой — Пий-Хемский район и Улуг-Хемская котловина были наиболее пригодны для развития земледелия. Стремление государства перевести тувинцев на оседлость в таких же масштабах в других районах успеха в этот период не имело. Это заставляло искать новые, более гибкие формы и подыскивать места, удобные для развития животноводческих хозяйств, для развития оседлой инфраструктуры в целом.

Этот переход от подвижного образа жизни к постоянному проживанию на определённой территории характеризуется следующими особенностями, кардинально изменившими уклад жизни тувинцев:

1. изменением системы хозяйства: кочевники начинают заниматься земледелием и животноводством, что позволяет им обеспечивать себя продовольствием и создавать стабильные источники дохода;

2. формированием новых социальных структур: возникают новые социальные институты, такие как деревни, города и местные сообщества, которые способствуют развитию общественных отношений и укреплению связей между людьми;

3. изменением культурных традиций: кочевники адаптируют и интегрируют элементы своей традиционной культуры с культурой оседлого населения, что приводит к формированию новых культурных образцов и норм.

Седентаризация означает необходимость ломки стереотипа мышления, поведения, традиционной системы ценностей и традиционного образа жизни (Хазанов, 2002: 324). Проводившаяся в Туве государственная политика по седентаризации населения была направлена именно на изменение этих ведущих концептов, составлявших своеобразие тувинского общества в 1920-1950-е гг.

Тувинцы так и не смогли полностью отказаться от традиционного кочевого образа жизни и ведения хозяйства и текущий «мобильный поворот» у кочевников, о котором пишет А. В. Головнев (Головнев, 2020: 150), вносит свои коррективы в наши представления об эффективных структурах хозяйствования. Вариативность исторического развития 1930–1940-х гг. не была предусмотрена железной логикой государственной политики по коллективизации и седентаризации.

В целом, переход кочевников к оседлому образу жизни является сложным и многогранным процессом, который оказал значительное влияние на развитие тувинского общества и формирование новых социальных, экономических и культурных реалий.

Благодарности

Авторы выражают благодарность кандидату исторических наук, доценту кафедры всеобщей истории, археологии и документоведения Тувинского государственного университета Вере Монгушевне Дамдынчап за помощь в поиске материалов и консультации по терминологическому аппарату.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алтаев, А. Ш. (2015) Седентаризация в земельной политике советского правительства в Казахстане // Вестник КазНУ. Серия Историческая. № 4. С. 122–126.

Аранчын, Ю. Л. (1982) Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск : Наука. 337 с.

Бадмаева Е. Н., Омакаева Э. У. (2022) Кочевание и седентаризация номадов Евразийской степи во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. // Nomadic civilization: historical research. № 2(1). С. 18–27. DOI: <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2022-2-1-18-27>

Бажутин, Б. П. (1964) Руководство ТНРП колхозным строительством // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XI. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 404 с. С. 242–257.

Вайнштейн, С. И. (1972) Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М. : Наука. 314 с.

Головнев, А. В. (2020) Перевод кочевников на оседлость: ревизия идеи // Terra Eurasica: к 60-летию академичка Б. В. Базарова: сборник научных статей / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. Иркутск : Изд-во «Оттиск». 300 с. С. 134–151.

- Грайворонский, В. В. (1979) От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М. : Наука. 179 с.
- Гребнев, Л. В. (1955) Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 100 с.
- Иезуитов, В. М. (1956) От Тувы феодальной к Туве социалистической. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 208 с.
- История Тувы (2007): в 3-х т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.
- История Тувы (2016): в 3-х т. / под общ. ред. Н. М. Моллерова. Новосибирск : Наука. Т. III. 455 с.
- Кандан, Ч. С. (2017) Историко-правовой анализ совершенствования социальных гарантий животноводов Тувы (1944–1978 гг.) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». Т. 39. С. 1411–1415.
- Каплунов, А. И. (1959) Бюджет Советской Тувы // Ученые записки / ТНИИЯЛИ. Вып. VII. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 304 с. С. 39–44.
- Крадин, Н. Н. (1992) Кочевые общества. Владивосток: Дальнаука. 240 с.
- Могородоев, М. О. (1972) Переход бурят от кочевья к оседлости. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. 135 с.
- Моллеров, Н. М. (1989) Истоки братства. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 143 с.
- Моллеров, Н. М. (2022) История советской зарубежной колонии в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.). Кызыл : Аныяк. 376 с.
- Нурзат, А. А. (2024) Деятельность Комитетов оседания в Тувинской Народной Республике // VI Центральноазиатские исторические чтения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Кызыл, 20–21 июня 2024 г.) / отв. ред. З. Ю. Доржу. Кызыл : Издательство ТувГУ. 229 с. С. 122–126.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука, 402 с.
- Прокофьева, Е. Д. (2011) Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб. : Наука. 538 с.
- Самарина, Н. Г. (2011) Кочевое скотоводство и оседлость тувинцев в советский период // Вестник Томского государственного университета. История. № 4 (16). С. 123–126.
- Самдан, А. А. (2020) Вооруженное восстание в Туве в 1930 г. // Новые исследования Тувы. № 3. С. 66–80. DOI: <http://doi.org/10.25178/nit.2020.3.5>
- Сейфулин, Х. М. (1954) Образование Тувинской автономной области РСФСР. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 157 с.
- Сердобов, Н. А. (1977) Рабочий класс и социально-экономическое развитие Тувы // Великий Октябрь и проблемы новейшей истории / отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 146 с. С. 17–51.
- Синицын, Ф. Л. (2019) Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917–1991. М. : Центрполиграф. 318 с.
- Стороженко, А. А. (2023) Староверы и колхозы в Туве: традиционное общество в условиях советской действительности // Научные труды Тувинского государственного университета: сборник трудов конференции, посвященной Году педагога и наставника в Российской Федерации, Году народной сплоченности в Республике Тыва / отв. ред. Е. Д. Монгуш. Кызыл : Тувинский государственный университет. 288 с. С. 116–119.
- Сущевский, М. Г. (1942) Колхозы ТНР в годы Великой Отечественной войны // Под знаменем Ленина-Сталина / отв. ред. С. К. Тока. Кызыл : Государственное издательство. 94 с. С. 28–52.
- Татаринцева, М. П. (2017) Особенности земледелия русских переселенцев в Туву в начале XX века // Новые исследования Тувы. № 1. С. 151–161. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.10>
- Тадар-оол, О. И. (1945) Итоги весеннего сева и задачи подготовки к уборке урожая в 1943 г. // Под знаменем Ленина-Сталина / отв. ред. С. К. Тока. Кызыл : Государственное издательство. 96 с. С. 65–74.
- Хазанов, А. М. (2002) Кочевники и внешний мир. 3-е изд. Алматы : Дайк-Пресс. 604 с.
- Харунова, М. М.-Б. (2011) Социально-политические преобразования в Тувинской автономной области (1944–1961 гг.). Новосибирск : Наука. 135 с.
- Шахунова, П. А., Лиханов, Б. Н. (1955) Советская Тува. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 156 с.

Дата поступления: 04.10.2024 г.

Дата принятия: 09.12.2024 г.

REFERENCES

- Altaev, A. Sh. (2015) Sedentarization in the land policy of the Soviet government in Kazakhstan *Vestnik KazNU Series Historical*, no. 4, pp. 122–126 (In Russ.).
- Aranchyn, Yu. L. (1982) *The historical path of the Tuvan people towards socialism*. Novosibirsk, Nauka. 337 p. (In Russ.)
- Badmaeva, E. N. and Omakaeva, E. U. (2022) Nomadism and sedentarization of Eurasian steppe nomads in the second half of the 18th — first half of the 19th centuries. *Nomadic civilization: historical research*, no. 2(1), pp. 18–27. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2022-2-1-18-27>
- Bazhutin, B. P. (1964) Leadership of the TNRP in collective farm construction *Uchenye zapiski TNIIYALI*. Vol. XI. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 404 p. Pp. 242–257 (In Russ.)
- Vainshtein, S. I. (1972) *Historical ethnography of the Tuvans Problems of nomadic economy*. Moscow, Nauka. 314 p. (In Russ.)
- Golovnev, A. V. (2020) Sedentarization of nomads: revision of the idea. In: *Terra Eurasica : to the 60th anniversary of Academician B.V. Bazarov collection of scientific articles*. ed. N. N. Kradin and L. V. Kuras Irkutsk, Ottisk Publishing. 300 p. Pp. 134–151. (In Russ.)
- Graivoronsky, V. V. (1979) *From a nomadic way of life to sedentarization (on the experience of the MPR)*. Moscow, Nauka. 179 p. (In Russ.)
- Grebnev, L. V. (1955) *Transition of Tuvan nomadic arats to sedentarization*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 100 p. (In Russ.)
- Iezuitov, V. M. (1956) *From feudal Tuva to socialist Tuva*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 208 p. (In Russ.)
- The history of Tuva* (2007): in 3 vols. Ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. II. 430 p. (In Russ.)
- The history of Tuva* (2016): in 3 vols. Ed. by N. M. Mollerov. Novosibirsk, Nauka. Vol. III. 455 p. (In Russ.)
- Kandan, Ch. S. (2017) Historical and legal analysis of the improvement of social guarantees for livestock breeders of Tuva (1944–1978). *Koncept*, vol. 39, pp. 1411–1415 (In Russ.)
- Kaplunov, A. I. (1959) Budget of Soviet Tuva. In: *Uchenye zapiski TNIIYALI*. Vol. VII. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 304 p. P. 39–44. (In Russ.)
- Kradin, N. N. (1992) *Nomadic societies*. Vladivostok, Dalnauka. 240 p. (In Russ.)
- Mogorodoev, M. O. (1972) *Transition of Buryats from nomadism to sedentarization*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house. 135 p. (In Russ.)
- Mollerov, N. M. (1989) *Origins of brotherhood*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 143 p. (In Russ.)
- Mollerov, N. M. (2022) *History of the Soviet foreign colony in the Tuvan People's Republic (1921–1944)*. Kyzyl, Anyak. 376 p. (In Russ.)
- Nurzat, A. A. (2024) Activities of Settlement Committees in the Tuvan People's Republic. In: *VI Central Asian Historical Readings: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference (Kyzyl June 20–21 2024)*. Ed. by Z. Yu. Dorzhu. Kyzyl, Tuvan State University Publishing House. 229 p. Pp. 122–126 (In Russ.)
- Potapov, L. P. (1969) *Essays on the folk life of the Tuvans*. Moscow, Nauka 402 p. (In Russ.)
- Prokofyeva, E. D. (2011) *The process of national consolidation of the Tuvans*. St. Petersburg, Nauka. 538 p. (In Russ.)
- Samarina, N. G. (2011) Nomadic cattle breeding and sedentarization of the Tuvans in the Soviet period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Istoriya*, no. 4(16), pp. 123–126 (In Russ.)
- Samdan, A. A. (2020) Armed uprising in Tuva in 1930. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 66–80. (In Russ.) DOI: <http://doi.org/10.25178/nit.2020.3.5>
- Seifulin, Kh. M. (1954) *Formation of the Tuvan Autonomous Region of the RSFSR*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 157 p. (In Russ.)
- Serdobov, N. A. (1977) The working class and the socio-economic development of Tuva. In: Aranchyn Yu. L. (ed.) *The Great October and the problems of modern history*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 146 p. Pp. 17–51 (In Russ.)
- Sinitsyn, F. L. (2019) *The Soviet state and nomads. History, politics, population. 1917–1991*. Moscow, Tsentrpoligraf. 318 p. (In Russ.)
- Storozhenko, A. A. (2023) Old Believers and collective farms in Tuva: traditional society in the conditions of Soviet reality In: Mongush E. D. ed. *Scientific works of Tuvan State University: proceedings of the conference dedicated to*

the Year of the Teacher and Mentor in the Russian Federation, the Year of National Unity in the Republic of Tuva. Kyzyl, Tuvan State University. 288 p. Pp. 116–119 (In Russ.)

Sushevsky, M. G. (1942) Collective farms of the TNR during the Great Patriotic War. *Pod znamenem Lenina-Stalina*. Ed. by S. K. Toka. Kyzyl, State Publishing House. 94 p. Pp. 28–52 (In Russ.)

Tatarintseva, M. P. (2017) Features of agriculture of Russian settlers in Tuva at the beginning of the 20th century. *New Research of Tuva*, no.1, pp.151–161. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.10>

Tadar-ool, O. I. (1945) Results of the spring sowing and tasks for preparing for the harvest in 1943. In: *Under the banner of Lenin-Stalin*. Ed. by S. K. Toka. Kyzyl, State Publishing House. 94 p. Pp. 65–74 (In Russ.)

Khazanov, A. M. (2002) *Nomads and the outside world*. 3rd ed. Almaty, Daik-Press. 604 p. (In Russ.)

Kharunova, M. M.-B. (2011) *Socio-political transformations in the Tuvan Autonomous Region (1944–1961)*. Novosibirsk, Nauka. 135 p. (In Russ.)

Shakhunova, P. A. and Likhanov, B. N. (1955) *Soviet Tuva*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 156 p. (In Russ.)

Submission date: 04.10.2024.

Acceptance date: 09.12.2024.

Ретроспективный анализ сети особо охраняемых природных территорий в Республике Тыва

Александр Н. Куксин

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Российская Федерация,

Николай И. Путинцев, Долаана К. Куксина

Тувинский государственный университет, Российская Федерация,

Татьяна П. Арчимаева

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Российская Федерация

В статье рассмотрена история развития сети особо охраняемых природных территорий (ООПТ), расположенных на территории Республики Тыва. Источниками исследования стали данные документов из Национального архива Республики Тыва, государственных учреждений управления ООПТ РТ, документы, опубликованные в Интернете, а также собственный опыт авторов, принимавших непосредственное участие в создании, управлении и функционировании данных объектов.

С 1958 г. рассмотрен генезис 53-х ООПТ, из них 2 (3,8%) — государственные природные заповедники, 5 (9,4%) — природные парки, 30 (56,6%) — государственные природные заказники регионального значения, 15 (28,3%) — памятники природы регионального значения и 1 (1,9%) — памятник природы муниципального значения.

При анализе развития сети по десятилетиям стало очевидно, что наибольшее количество организовано в период 1971–1980 гг. — 19 (36,5%) от всех созданных в регионе, и в 1981–1990 гг. — 20 (38,4%). В последующие периоды вплоть до 2024 г. создавалось не более 4 ООПТ за десятилетие.

На 1 августа 2024 г. под управлением дирекции по ООПТ РТ в Тыве функционирует 35 особо охраняемых природных территорий общей площадью 2931,1 тысяч га или 17,3% от площади региона. Она состоит из категорий: государственные природные заповедники, природный парк, государственные природные заказники регионального значения, памятники природы регионального значения, памятник природы муниципального значения. Наблюдается дальнейший процесс расширения сети ООПТ.

Ключевые слова: Республика Тыва; особо охраняемая природная территория; экологический каркас; государственный природный заповедник; природный парк; государственный природный заказник; памятник природы

Работа выполнена по государственному заданию ТувИКОПР СО РАН, проект № 121040600378-0 (FUFS-2021-0004)

Для цитирования:

Куксин А. Н., Путинцев Н. И., Куксина Д. К., Арчимаева Т. П. Ретроспективный анализ сети особо охраняемых природных территорий в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 51–69. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.3>

Куксин Александр Николаевич — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории биоразнообразия и геоэкологии Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117а. Эл. адрес: kuksintuva@yandex.ru

Путинцев Николай Иванович — заведующий экологическим музеем Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Эл. адрес: bkafedra@list.ru

Куксина Долаана Кызыл-ооловна — кандидат биологических наук, доцент, заведующая кафедрой биологии и экологии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Эл. адрес: kdolaana@yandex.ru

Арчимаева Татьяна Петровна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории биоразнообразия и геоэкологии Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117а. Эл. адрес: heavenlybird@mail.ru

Article

The retrospective analysis of the network of specially protected natural territories in the Republic of Tuva

Alexander N. Kuksin

Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources SB RAS, Russian Federation,

Nikolai I. Putintsev, Dolaana K. Kuksina

Tuvan State University, Russian Federation,

Tatiana P. Archimaeva

Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources SB RAS, Russian Federation

The article examines the history of the development of the network of specially protected natural areas (SPNAs) located within the territory of the Republic of Tuva. The sources for the study included documents from the National Archives of the Republic of Tuva, materials from state institutions managing SPNAs of the Republic of Tuva, documents published on the Internet, as well as the personal experience of the authors, who were directly involved in the establishment, management, and operation of these areas.

Since 1958, the genesis of 53 SPNAs has been considered, among which 2 (3.8%) are state nature reserves, 5 (9.4%) are natural parks, 30 (56.6%) are state nature sanctuaries of regional significance, 15 (28.3%) are natural monuments of regional significance, and 1 (1.9%) is a natural monument of municipal significance.

The analysis of the network's development by decade revealed that the highest number of SPNAs was established during the periods 1971–1980 – 19 sites (36.5% of the total created in the region), and 1981–1990 – 20 sites (38.4%). In subsequent decades up to 2024, no more than 4 SPNAs were established per decade.

As of August 1, 2024, 35 specially protected natural areas are operating under the management of the SPNAs Directorate of the Republic of Tuva, with a total area of 2,931.1 thousand hectares, representing 17.3% of the region's territory. The network includes the following categories: state nature reserves, a natural park, state nature sanctuaries of regional significance, natural monuments of regional significance, and a natural monument of municipal significance. The process of expanding the SPNAs network continues.

Keywords: Republic of Tuva; specially protected natural area; ecological framework; state nature reserve; natural park; state nature sanctuary; natural monument

The work was performed according to the state assignment of TuvIKOPR SB RAS Project No. 121040600378-0 (FU FS-2021-0004)

For citation:

Kuksin A. N., Putintsev N. I., Kuksina D. K. and Archimaeva T. P. The retrospective analysis of the network of specially protected natural territories in the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 51-69. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.3>

KUKSIN, Aleksandr Nicolaevich, Candidate of Biological Sciences, Senior Researcher, Laboratory of Biogeocoecology, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources SB RAS. Postal address: 117a, Internatsiolanaya St., 67001, Russia, Kyzyl. E-mail: kuksintuva@yandex.ru

PUTINTSEV, Nikolay Ivanovich, Head, Ecological Museum, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenina St., 667000, Russia, Kyzyl. E-mail: bkafedra@list.ru

KUKSINA, Dolaana Kyzyl-oolovna, Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Head, Department of Biology and Ecology, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenina St., 667000, Russia, Kyzyl. E-mail: kdolaana@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4071-9883

ARCHIMAEVA, Tatyana Petrovna, Candidate of Biological Sciences, Senior Researcher, Laboratory of Biogeocoecology, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources SB RAS. Postal address: 117a, Internatsiolanaya St., 67001, Russia, Kyzyl. E-mail: heavenlybird@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4200-5155

Введение

Особо охраняемые природные территории (ООПТ) согласно Федеральному закону об ООПТ (№ ФЗ-33) — это участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение. Эти участки изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования, и для них установлен режим особой охраны¹.

Экологическая доктрина России рассматривает развитие системы особо охраняемых природных территорий как одно из ключевых направлений государственной политики в области экологии. Миссия всех ООПТ разных уровней и категорий едина — это сохранение биологического и ландшафтного разнообразия как основы биосферы².

Экологическая сеть есть результат целенаправленной природоохранной деятельности, она представляет собой защищенную (правовыми и иными мерами) систему экологически взаимосвязанных природных территорий. В отечественной практике в близком значении используется понятие «экологический каркас»³. Суть такой сети, либо сетей, заключается в том, что ООПТ в них становятся узловыми элементами, сохраняя наиболее ценные и уязвимые местообитания видов, либо ценозов, а между ними располагаются экологические коридоры, представляющие, как правило, пути миграций животных. И, от того, как грамотно устроена сеть ООПТ (а не обособленные ООПТ), зависит экологическое благополучие определённого региона, либо государства, позволяющее минимизировать всё нарастающее воздействие антропогенного воздействия на природные комплексы.

17 мая 2023 г. исполнилось 65 лет ООПТ Республики Тыва, с момента создания первой официальной ООПТ — государственного природного заказника «Балгазынский» на территории Каа-Хемского и Тандинского районов общей площадью 150 тысяч гектаров. Это первая из особо охраняемых природных территорий региона. Он был организован с целью охраны мест концентрации сибирской косули и имеет биологический (зоологический) профиль⁴.

Целью статьи является ретроспективный анализ формирования сети ООПТ (экологической сети) Республики Тыва со дня образования первой такой территории до настоящего времени. Данный вопрос является актуальным для научного исследования, так как до настоящего времени нет научных литературных источников, освещающих историю сети ООПТ региона в целом. Имеется лишь несколько публикаций, посвящённых истории создания отдельных ООПТ (Самбуу, Биче-оол, 2019; Биче-оол, 2021).

На территории современной Республики Тыва прототипы ООПТ существовали с древних времён в виде сакральных мест, на которые накладывались табу и которые могли посещать в исключительных случаях лишь шаманы. Позднее появились родовые священные территории, имевшие выделяющиеся природные объекты (необычной формы скалы, деревья, горные перевалы, родники и т. п.) на которых проводились ежегодные действия по преподношению даров духам местности ради процветания рода. На таких территориях полностью запрещалась добыча животных, сбор не древесного лекарственно-технического сырья, вырубка деревьев, замусоривание и захламление. М. И. Скобеев отмечал существование таких территорий в Тоджинской котловине Тувы, связанных с охотой (Скобеев, 1925: 115). Также были и священные охотничьи территории, на которых при снижении численности промысловых видов животных запрещалась их добыча на определённое время. Как пишет Ж. К. Чистик, «...такие места были аналогичны заповедникам, с той лишь разницей, что их никто не охранял» (Чистик, 2010: 125). Такие территории и связанные с ними запреты сохранились в регионе до сих пор,

¹ Федеральный закон от 14.03.1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/10107990/> (дата обращения 09.04.2024).

² Степаницкий, В. Б. Развитие системы ООПТ в регионах России и сохранение биоразнообразия // Заповедная Россия. 2016. [Электронный ресурс] URL: https://doopt-rb.ucoz.ru/news/razvitie_sistem_oopt_v_regionakh_rossii_i_sokhranenie_bioraznoobrazija/2016-03-10-253 (дата обращения 13.09.2024).

³ Черных Д. В. Особо охраняемые природные территории и основы территориальной охраны природы: учебное пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014.

⁴ Решение ОблИсполкома ТувАвтОбл от 17 мая 1958 г. N 266 «О мерах по улучшению состояния охотничьего хозяйства в области» (Национальный архив Республики Тыва. — далее НА РТ, ф. 264, оп.1, д. 645, л. 50–58).

а в последние годы религиозные верования в духов природы, основанные на шаманизме, активно возрождаются. Это приводит к восстановлению древних обрядов по освящению и обереганию родовых мест (Дагылга: тувинские ..., 2021).

Согласно федеральному закону об ООПТ № ФЗ-33¹ особо охраняемые природные территории подразделяются на следующие категории: а) государственные природные заповедники, в том числе биосферные; б) национальные парки; в) природные парки; г) государственные природные заказники; д) памятники природы; е) дендрологические парки и ботанические сады; ж) лечебно-оздоровительные местности и курорты. Из них в рассматриваемом регионе представлены 4 категории: государственные природные заповедники, в том числе биосферные, природные парки, государственные природные заказники, памятники природы (см. *таблицу 2*).

При этом заказники могут иметь уровни федерального и регионального значения. Они также могут иметь различный профиль: а) комплексный (ландшафтный); б) биологический (ботанический и зоологический); в) палеонтологический; г) гидрологический; д) геологический. Однако, на период становления первых ООПТ в рассматриваемом регионе, данный закон отсутствовал, в связи с чем создавались заказники местного и республиканского значения, а профиль у всех был либо комплексный, либо охотничий.

Первыми из категорий ООПТ в регионе появились, как указывалось ранее, заказники, затем — памятники природы, после которых в 1985 и 1993 гг. были организованы два заповедника и, наконец, самыми последними стали организовываться природные парки.

История становления и развития системы ООПТ в Туве своеобразна, как, собственно и в любом другом регионе. Однако она отражает стремление руководства региона сохранения природного богатства и наследия. Мы рассмотрим историю развития сети ООПТ в регионе в хронологическом порядке с их краткими характеристиками и некоторыми особенностями процесса создания и дальнейшего генезиса.

Материалами ретроспективного анализа формирования сети ООПТ в Республике Тыва послужили данные Национального архива РТ (НА РТ), государственных учреждений управления ООПТ РТ, научные библиографические источники, официальные Интернет ресурсы, собственный опыт авторов, принимавших непосредственное участие в создании некоторых из ООПТ и имеющих опыт в их управлении и функционировании. Всего с 1958 г. рассмотрен генезис 53-х ООПТ различных категорий и статусов, из которых 2 (3,8%) — государственные природные заповедники, 5 (9,4%) — природные парки, 30 (56,6%) — государственные природные заказники регионального значения, 15 (28,3%) — памятники природы регионального значения и 1 (1,9%) — памятник природы муниципального значения.

Авторы попытались максимально охватить документацию по организации различных ООПТ и проследить их функционирование до настоящего периода, либо до ликвидации по тем или иным причинам. В публикации указаны ссылки на все имеющиеся официальные документы по каждой из существовавших, либо действующих до сих пор ООПТ, которые удалось получить в ходе обращений в Национальный архив Республики Тыва, официальные сайты профильных ведомств в области охраны природы и системы ООПТ Российской Федерации и Республики Тыва, а также хранящиеся в личных архивах авторов.

Начало организации государственных ООПТ

Первой государственной ООПТ в Туве является заказник «Балгазынский»² (*фото 1*). Целью его создания явилось сохранение природных комплексов Балгазынского соснового бора и прилегающих к нему горно-степных территорий в естественном состоянии, сохранение, воспроизводство и восстановление природных ресурсов, поддержание необходимого экологического баланса и стабильности функционирования экосистем. Заказник действует до сих пор и является старейшей ООПТ в регионе.

¹ Федеральный закон от 14.03.1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/10107990/> (дата обращения 09.04.2024 г.).

² Решение ОблИсполкома ТувАвтОбл от 17 мая 1958 г. N 266 «О мерах по улучшению состояния охотничьего хозяйства в области» (НА РТ, ф. 264, оп. 1, д. 645, л. 50–58).

Фото 1. Заказник «Балгазынский» — одно из основных мест обитания сибирской косули в Республике Тыва. Фото А. Куксина, 2024 г.
Photo 1. Balgazynsky Reserve is one of the main habitats of the Siberian roe deer in the Republic of Tuva. Photo by A. Kuksin, 2024.

В 1961 г. с целью охраны мест концентрации промысловых копытных на территории Кызылско-го района создаётся второй заказник, имеющий профиль видового местного значения — «Тапсинский» — площадью 109 тысяч гектаров¹. В 1978 г. профиль заказника изменен с видового на комплексный². В дальнейшем заказник был упразднён для включения его территории в зону деятельности государственного специализированного охотничьего хозяйства «Тапса»³. Но в 1993 г. он был восстановлен в прежних границах⁴. Территория заказника охватывает бассейн реки Тапсы, он сохранил свою актуальность до настоящего времени.

В 1975 в Тувинской АССР создано три заказника⁵:

1. «Хутинский» видовой (105,5 тысяч га) на территории Пий-Хемского района. Цель создания — сохранение мест обитания лося, марала (благородного оленя) и сибирской косули. Необходимо отметить актуальность и репрезентативность данной ООПТ, особенно для сохранения сибирской косули. Именно здесь проходит сезонный миграционный коридор этого представителя оленей, связывающий летние станции в верховьях р. Амыл (северный макросклон хр. Западный Саян) и зимние в бассейне правых притоков р. Бий-Хем (Хут, Севи, Сейба);

2. «Шанский» комплексный, площадью 30,6 тысяч га на территории Каа-Хемского района. Целью создания заказника явилась охрана и воспроизводство охотничьих животных: лось марал, кабарга, косуля, медведь, соболь, рысь, глухарь, рябчик;

3. Видовой заказник «Тере-Холь» для сохранения водоплавающей дичи и диких копытных животных (42,4 тысяч га) на территории Кызыльского горисполкома. Заказник просуществовал до 1985 г., когда он был упразднён в соответствии с окончанием срока действия⁶.

¹ Решение ОблИсполкома ТувАвтОбл от 13.11.1961 г. № 572 (НА РТ, ф. 264, оп. 1, д. 813, л. 72–91).

² Постановление Совета Министров Тувинской АССР от 05.10.1978 г. № 425 «О переименовании Тапсинского видового заказника в комплексный и продление срока заказника Балгазынского, Тере-Хольского и Тапсинского комплексных заказников местного значения (НА РТ, ф. 270, оп. 1, д. 746, л. 51).

³ Постановление Совета Министров Тувинской АССР от 06.09.1989 г. № 140 (НА РТ, ф. 270, оп. 1, д. 1342, л. 20).

⁴ Постановление Правительства РТ от 10.01.1993 г. № 14 «О продлении сроков действия государственных видовых и комплексных охотничьих заказников и создании государственных комплексных охотничьих заказников «Хан-Дээр» и «Кара-Хольский». (НА РТ, ф. 784, оп. 1, д. 105, л. 69–76).

⁵ Постановление Совета Министров Тувинской АССР от 31.03.1972 г. № 205 «Об организации государственных охотничьих заказников республиканского значения» (НА РТ, ф. 270, оп. 1, д. 441, л. 121).

⁶ Постановление Совета Министров Тувинской АССР от 11.10.1985 г. № 305 «Об организации государственных комплексных охотничьих заказников местного значения и упразднении заказников по окончании сроков их действия» (НА РТ, ф. 270, оп. 1, д. 1153, л. 60–61).

В Постановлении Совета министров Тувинской АССР 1972 г.¹ мы находим сведения о видовом заказнике «Азасский», где он представлен в перечне действующих на тот период заказников. Однако первичной даты создания данного заказника установить не удалось. Впоследствии в 1975 г. заказник переименовывается в государственный комплексный охотничий заказник республиканского значения «Азас» в Тоджинском районе на площади 180,3 тысяч га². Целью создания явилась охрана природных комплексов, аборигенной колонии верхнеенисейских речных бобров, пушных зверей и диких копытных животных. В дальнейшем на территории данного заказника 11.01.1985 г. был организован первый в республике государственный природный заповедник «Азас».

В 1973 г. на территории Улуг-Хемского района создаётся государственный комплексный охотничий заказник местного значения «Чаа-Хольский» площадью 20 тысяч га³. Цель создания — усиление охраны природы, проведения биотехнических мероприятий для воспроизводства охотничьей фауны, расселения охотничье-промысловых животных. Заказник действует и в настоящее время.

В 1974 г. Постановлением Совета министров Тувинской АССР⁴ создан заказник местного значения «Дерзиг» площадью 25 тысяч га с целью усиления охраны, проведения биотехнических мероприятий, увеличения численности, расселения охотничье-промысловых животных и обогащения ими смежных с заказником угодий. Заказник сохранился до настоящего времени.

В 1975 г. создан заказник «Хиндиктиг-Холь»⁵, который действовал до 1985 г., когда Постановлением Совета министров Тувинской АССР⁶ он был упразднён в соответствии с окончанием срока действия.

В этом же году организуется два государственных комплексных заказника местного значения с целью усиления охраны, расселения охотничье-промысловых животных и обогащения ими смежных с заказником угодий⁸:

1. «Кара-Холь» — на территории Бай-Тайгинского района площадью 15 тысяч га;
2. «Уш-Белдирский» — на территории Кызылского района (ныне — Каа-Хемский) площадью 15 тысяч га.

Заказник «Кара-Холь» просуществовал до 1985 г., когда был упразднён в соответствии с окончанием срока действия. Однако впоследствии он был воссоздан под названием «Кара-Хольский»⁸ и действовал до 2000 г., после чего его территория вошла в виде кластера «Кара-Холь» в состав заповедника «Убсунурская котловина»⁹.

Заказник «Уш-Белдирский» действовал до 2004 г.¹⁰, когда на занимаемой им территории был создан первый природный парк в Республике Тыва — природный парк «Уш-Белдир» (Самбуу, Биче-оол, 2019).

¹ Постановление Совета Министров Тувинской АССР от 25.10.1972 г. № 652 «Об утверждении правил производства охоты и заготовок охотпродукции на территории Тувинской АССР» (НА РТ, ф. 270, оп. 1, д. 454, л. 76–92).

² Постановлением Совета Министров Тувинской АССР от 20.11.1975 г. № 661 «Об организации государственного комплексного охотничьего заказника республиканского значения “Азас” в Тоджинском районе» (НА РТ, ф. 270, оп. 1, д. 575, л. 88–91).

³ Постановление Совета Министров Тувинской АССР от 08.08.1973 г. № 494 «Об организации Чаа-Хольского государственного комплексного охотничьего заказника на территории Улуг-Хемского района» (НА РТ, ф. 270, оп. 1, д. 491, л. 46).

⁴ Постановление Совета Министров Тувинской АССР от 27.06.1974 г. № 349 «Об организации государственного комплексного заказника “Дерзиг” на территории Каа-Хемского района» (НА РТ, ф. 270, оп. 1, д. 48, доп. 1, л. 55).

⁵ Постановление Совета Министров Тувинской АССР от 20.11.1975 № 660 (НА РТ, ф. 270, оп. 1, д. 575, л. 83–87).

⁶ Постановление Совета Министров Тувинской АССР от 11.10.1985 г. № 305 «Об организации государственных комплексных охотничьих заказников местного значения и упразднении заказников по окончании сроков их действия» (НА РТ, ф. 270, оп. 1, д. 1153, л. 60–61).

⁷ Постановление Совета Министров Тувинской АССР от 20.11.1975 г. № 664 «Об организации государственных комплексных заказников “Кара-Холь” на территории Бай-Тайгинского района и “Уш-Белдир” Кызылского района» (НА РТ, ф. 270, оп. 1, д. 575, л. 100).

⁸ Постановление Правительства РТ от 10.01.1993 г. № 14 «О продлении сроков действия государственных видовых и комплексных охотничьих заказников и создании государственных комплексных охотничьих заказников “Хан-Дээр” и “Кара-Хольский”» (НА РТ, ф. 270, оп. 1, д. 105, л. 69–76).

⁹ Приложение к Постановлению от 31.05.2008 г № 336 Положение. Положение о государственном природном заказнике республиканского значения республики тыва «Дургенский» [Электронный ресурс] // Архив документов Республики Тыва. URL: <https://tuva-gov.ru/doc/4329> (дата обращения: 01.08.2024).

¹⁰ Постановление Правительства Республики Тыва от 19.10.2004 г. № 934 «О создании природного парка “Уш-Белдир”» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/28702154/> (дата обращения: 01.08.2024).

В октябре 1978 г. были продлены сроки действия заказников «Балгазынский», «Тере-Хольский», «Хутинский», «Шанский», «Чаа-Хольский», «Хиндиктиг-Хольский» и «Тапсинский»¹.

Заказник «Хемчикский» создан в 1978 г. площадью 64,5 тысяч га. В дальнейшем он был упразднён для включения его территории в зону деятельности государственного специализированного охотничьего хозяйства «Тапса»². Но в 1993 г. заказник был восстановлен в прежних границах³. В связи с организацией участков заповедника «Убсунурская котловина» заказник «Хемчикский» был упразднён окончательно⁴.

Государственные комплексные заказники «Тайга» и «Шеминский» были созданы⁵ с целью усиления охраны, расселения охотничье-промысловых животных и обогащения ими смежных с заказником угодий.

Впоследствии заказник «Тайга» был упразднён в связи с организацией на данной территории природного парка «Тайга»⁶.

В 1979 г. создан видовой заказник на водоплавающую дичь местного значения «Сут-Хольский» в целях сохранения животного мира⁷.

В этом же году в целях упорядочения использования целебных озёр и источников республики шесть водных объектов объявлены заказниками⁸:

- «Чагытай» площадью 5 тысяч га, расположенный на одноимённом озере с трёхкилометровой прибрежной полосой;
- «Дус-Холь» в пределах акватории одноимённого озера;
- «Хадын» площадью 5 тысяч га, охватывающий акваторию озера Хадын с прибрежной трёхкилометровой зоной;
- «Шивилиг» на территории Бай-Тайгинского района площадью 10 тысяч га, охватывающий одноимённый целебный источник;
- «Северный аржаан» (Уш-Белдир);
- «Южный аржаан» (Тарыс).

Какого-либо нормативно-правового акта об упразднении этих заказников в архиве нами не найдено, но в Постановлении Правительства РТ от 10.01.1993 № 14 в списках заказников с продлеваемыми сроками действия они уже отсутствуют, в связи с чем, видимо, это постановление и можно считать датой упразднения вышеуказанных заказников.

¹ Постановление Совета Министров Тувинской АССР от 05.10.1978 г. № 425 «О переименовании Тапсинского видового заказника в комплексный и продление срока действия заказников Балгазынского, Тере-Хольского, Хутинского видовых, Шанского, Чаа-Хольского, Хиндыктыг-Хольского и Тапсинского комплексных заказников местного значения» (НА РТ, ф. 270, оп. 1, д. 746, л. 51).

² Постановление Совета Министров Тувинской АССР от 18.10.1978 г. № 446 «О запрете охоты на сибирского козерога на территории Тувинской АССР и организации государственного комплексного заказника на территории Дзун-Хемчикского и Улуг-Хемского районов» (НА РТ, ф. 270, оп. 1, д. 747, л. 33); Постановление Совета Министров Тувинской АССР от 06.09.1989 г. № 140 (НА РТ, ф. 786, оп. 1, д. 105, л. 69–76).

³ Постановление Правительства РТ от 10.01.1993 г. № 14 «О продлении сроков действия государственных видовых и комплексных охотничьих заказников и создании государственных комплексных охотничьих заказников «Хан-Дээр» и «Кара-Хольский»» (НА РТ, ф. 784, оп. 1, д. 105, л. 69–76).

⁴ Постановление Правительства РТ от 27.06.2000 г. № 586 «О создании государственных природных заказников «Дурген» и «Аянгаты» и передаче государственных природных заказников» (НА РТ, ф. 784, оп. 1, доп. 4: д. 61, л. 89–90).

⁵ Постановление Совета Министров Тувинской АССР от 14.11.1978 г. № 486 «Об организации Шеминского государственного комплексного заказника на территории Дзун-Хемчикского района и государственного комплексного заказника «Тайга» на территории Пий-Хемского района» (НА РТ, ф. 270, оп. 1, д. 749, л. 11–14).

⁶ Постановление Правительства Республики Тыва от 15.09.2009 г. № 468 «Об образовании Природного парка «Тайга»» [Электронный ресурс] // Архив документов Республики Тыва. URL: <https://tyva-gov.ru/doc/6777> (дата обращения: 20.08.2024).

⁷ Постановление Совета Министров Тувинской АССР от 21.09.1979 г. № 373 «Об утверждении границ государственных охотничьих заказников местного значения» (НА РТ, ф. 270, оп. 1, д. 804, л. 33–34).

⁸ Постановление Совета Министров Тувинской АССР от 09.08.1979 г. № 318 «Об упорядочении использования целебных озёр и источников республики» (НА РТ, ф. 270, оп. 1, д. 800, л. 29–30).

Расширение сети ООПТ новыми категориями

Как видим, вплоть до начала 1980-х годов для сохранения объектов природы ООПТ в регионе организовывались исключительно в виде заказников. К этому времени их насчитывалась 21 единица и они охватывали разнообразные ландшафты и природные зоны от западной границы республики (заказник «Кара-Холь») до восточной, где функционировало сразу четыре заказника.

С начала 1982 г. в регионе начали появляться и другие категории ООПТ — памятники природы и заповедники. Так, в 1982 г. на основании Постановления Совмина РСФСР от 12 сентября 1974 г. № 501 «О порядке признания водных объектов памятниками природы и культуры» официальный статус памятника природы регионального значения РТ получили 15 объектов¹ (таблица 2, фото 2). В 2007 г. памятникам природы утверждены индивидуальные Положения с официальными границами, запрещёнными и разрешёнными видами деятельности². Для всех памятников природы определён профиль — «водный», так как все они представлены водными объектами: озёрами, речным порогом (Хутинский) и минеральными источниками.

В начале 2000-х гг. Комитетом экологии Республики Тыва (далее — РТ) проводилась активная работа по сбору информации от районных администраций региона по представлению природных объектов, которые могли бы быть представлены памятниками природы регионального или местного значения. Из всего многообразия предложенных объектов было отобрано 70 объектов. Они вошли в список

Фото 2. Памятник природы «Озеро Хадын» — ключевая орнитологическая территория международного значения.

Фото А. Куксина, 2024 г.

Photo 2. The natural monument “Lake Khadyin” is a key ornithological territory of international importance.

Photo by A. Kuxsin, 2024.

¹ Постановление Совета Министров Тувинской АССР от 09.04.1982 г. № 137 «Об утверждении памятников природы на территории республики» (НА РТ, ф. 270, оп. 1, д. 993, л. 77–78).

² Постановление Правительства РТ от 28 февраля 2007 г. № 294 «О памятниках природы республиканского значения на территории Республики Тыва» [Электронный ресурс] // Архив документов Республики Тыва. URL: <https://tyva-gov.ru/doc/2820> (дата обращения: 20.08.2024).

планируемых ООПТ Алтае-Саянского Экорегiona для расширения и оптимизации Сети ООПТ АСЭР (Система особо ... , 2001). Однако, до настоящего времени они не утверждены в составе экологического каркаса региона.

В 1990 г. к памятнику природы отнесена р. «Донмас-Суг» с прилегающим пойменным болотом, расположенные в черте г. Кызыла без указания площади территории¹. Основанием явилось то, что данная территория представляет «сложный, уникальный экологический комплекс с эндемичными видами редких растений и богатой травянистой растительностью, выделяющей огромное количество кислорода¹». На наш запрос в мэрию г. Кызыла в 2023 г. был получен ответ о том, что мэрии неизвестна судьба данного памятника природы.

В 1985 г. в целях дальнейшего улучшения организации охраны и воспроизводства охотничье-промысловых животных в охотничьих угодьях Тувинской АССР организовано три государственных комплексных охотничьих заказника местного значения²:

- «Хаак» («Каькский») на территории Улуг-Хемского и Тандинского районов площадью 60 тысяч га.
- «Ондумский» на территории Каа-Хемского района площадью 47 тысяч га;
- «Ээрбекский» на территории Пий-Хемского района площадью 28,8 тысяч га (Самбуу, Биче-оол, 2019).

Этим же постановлением упразднены заказники «Тере-Холь», «Кара-Холь» и «Хиндиктиг-Холь».

Впервые для региона в 1993 г. принимаются типовые положения о государственных (видовом и комплексном охотничьем) заказниках Республики Тыва³.

В 1985 г. на территории Тоджинского района создаётся первый для региона Государственный природный заповедник «Азас» площадью 337300 га⁴. Идея создания бобрового заповедника в Урянхайском крае впервые была опубликована в начале XX в. в Санкт-Петербургском журнале «Наша охота»⁵. Но изначально был организован заказник «Азас» в 1962 г., в 1976 г. он переименовывается в заказник «Азасский». С 1985 г на территории данного заказника был организован первый в регионе государственный природный заповедник «Азас».

В начале 1993 г. принимается решение о продлении сроков действия государственных видовых и комплексных охотничьих заказников⁶. Этим же постановлением создан государственный комплексный охотничий заказник «Хан-Дээр». В дальнейшем в связи с организацией участков заповедника «Убсунурская котловина» данный заказник был упразднён⁷.

А 24 января 1993 г. Постановлением Правительства Российской Федерации от № 52 создаётся государственный природный биосферный заповедник «Убсунурская котловина» площадью 39640 га (фото 3). Впоследствии Постановлением Правительства Российской Федерации от 21.04.2000 № 372⁸ площадь заповедника увеличилась на 283558,4 га за счёт включения земель в Монгун-Тайгинском,

¹ Постановление Исполнительного Комитета Кызылского Городского Совета от 12.08.1990 г. № 391 «Об отнесении к памятникам природы р. Тонмас-Суг с прилегающим пойменным болотом» (НА РТ, ф. 37, оп. 1, д. 1040, л. 40–41).

² Постановление Совета Министров Тувинской АССР от 11.10.1985 г. № 305 «Об организации государственных комплексных охотничьих заказников местного значения и упразднении заказников по окончании сроков их действия» (НА РТ, ф. 270, оп. 1, д. 1153, л. 60–61).

³ Постановление Правительства РТ от 10.01.1993 г. № 13 «Об утверждении Положения о государственном видовом и комплексном охотничьих заказниках Республики Тыва» (НА РТ, ф. 784, оп. 1, д. 105, л. 65–68).

⁴ Постановление Совета Министров РСФСР от 11.01.1985 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт заповедника «Азас». URL: <http://zapovednik-azas.ru/index.php/o-zapovednike/istoria> (дата обращения: 14.08.2024 г.).

⁵ Тугаринов А. Я. Бобр в бассейне Енисея // Наша охота. 1914. № 3. С. 30–32.

⁶ Постановление Правительства РТ от 10.01.1993 г. № 14 «О продлении сроков действия государственных видовых и комплексных охотничьих заказников и создании государственных комплексных охотничьих заказников «Хан-Дээр» и «Кара-Хольский»» (НА РТ, ф. 784, оп. 1, д. 105, л. 69–76).

⁷ Постановление Правительства РТ от 27.06.2000 г. № 586 «О создании государственных природных заказников «Дурген» и «Аянгаты» и передаче государственных природных заказников» [Электронный ресурс] // Архив документов Республики Тыва. URL: <https://tyva-gov.ru/doc/4329> (дата обращения: 14.08.2024).

⁸ Постановление Правительства РФ от 21 апреля 2000 г. № 372 «О расширении территории государственного природного биосферного заповедника «Убсунурская котловина»» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/2157683/> (дата обращения: 04.05.2019).

Фото 3. Н. И. Путинцев (слева) и А. Н. Куксин во время мониторинга гнездования водоплавающих птиц на оз. Убсу-Нур (заповедник «Убсунурская котловина»). Фото А. Куксина, 2018 г.

Photo 3. N. I. Putintsev (left) and A. N. Kuksin during the monitoring of nesting of waterfowl on the lake Ubsu-Nur (Ubsunur Basin Nature Reserve). Photo by A. Kuksin, 2018.

Овюрском, Тес-Хемском, Бай-Тайгинском и Сут-Хольском районах. В настоящее время она составляет 323198,4 га. Заповедник имеет кластерную структуру, состоящую из 9 участков в различных природных зонах. Целью создания является сохранение и изучение естественного хода природных процессов и явлений, генетического фонда растительного и животного мира, отдельных видов и сообществ растений и животных, типичных и уникальных экологических систем (Курбатская, Аракчаа, 2013; Канзай, Анхбаяр, 2013: 10).

Постановлением Правительства РТ от 27.07.1995 г. № 362¹ создан государственный биолого-гидрологический заказник «Чагытай».

В 1996 г. в связи с изменением государственного управления охотничьим хозяйством в РФ и РТ заказники были переданы в ведение различных управленческих образований².

В 2000 г. созданы два заказника³:

- «Дурген» на территории Тандинского района площадью 35 тысяч га,
- «Аянгаты» на территории Барун-Хемчикского района.

Разработка индивидуальных положений о заказниках была поручена Управлению по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных РТ.

¹ Постановление Правительства РТ от 27.07.1995 г. № 362 «О создании государственного биолого-гидрологического заказника «Чагытай»» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: https://base.garant.ru/28709101/#block_13000 (дата обращения: 04.05.2019).

² Постановление Правительства РТ от 02.02.1996 г. № 63 «О передаче государственных заказников Республики Тыва» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/906700023>. (дата обращения: 06.11.2023).

³ Постановление Правительства РТ от 27.06.2000 г. № 586 «О создании государственных природных заказников «Дурген» и «Аянгаты» и передаче государственных природных заказников» [Электронный ресурс] // Архив документов Республики Тыва. URL: <https://tyva-gov.ru/doc/4329> (дата обращения: 04.05.2019).

Усиление государственного контроля за Схемой размещения региональных ООПТ

Согласно действующему законодательству различные категории ООПТ могут иметь различный уровень подчинённости от федерального до местного, в связи с чем в регионе начинают формироваться специально уполномоченные контролирующие органы в сфере деятельности ООПТ регионального значения к которым в настоящее время относятся все действующие государственные природные заказники, природный парк «Тыва» и памятники природы, имеющие региональный статус (таблица 2).

В 1998 г. в регионе разработана и принята первая в истории ООПТ Схема развития и размещения особо охраняемых природных территорий регионального значения в Республике Тыва¹ на период до 2005 г., включавшая собственно схему, а также перечень планируемых к организации ООПТ в республике.

В 2004 г. руководством региона была предпринята попытка изменения уровня заказников «Хутинский», «Ондумский», «Дерзигский», «Дургенский», «Аянгатинский» с регионального на федеральный путём передачи их в федеральное управление и финансирование². Однако это решение не было осуществлено.

В этом же постановлении впервые для региона приводится список из 16 государственных природных заказников, их площадей и профиля. Примечательно, что здесь названия 15 заказников, кроме «Тайги», приведены в виде прилагательных. С этого времени наименования заказников не изменялись.

История создания природных парков (далее — ПП) в Тыве начинается с 2004 г., когда была создана первая ООПТ данной категории — ПП «Уш-Белдир» на территории Каа-Хемского района общей площадью 327900 га³. В 2005 г. создаётся второй в Тыве ПП «Шуй» на территории Бай-Тайгинского района общей площадью 380000 га⁴. Однако, при создании данных природных парков были допущены нарушения экологического законодательства Российской Федерации при организации ООПТ и они были ликвидированы в 2006 г.⁵

В 2006 г. утверждён перечень 15 государственных природных заказников РТ, а вместо заказника «Шеминский» указано название «Чыргакский», хотя правового акта по переименованию данного заказника не принималось⁶. В последующем название «Шеминский» было возвращено.

В 2007 г. в регионе принята Схема развития и размещения особо охраняемых природных территорий регионального значения в Республике Тыва (далее — Схема) на период до 2015 г.⁷, разработанная в соответствии с: федеральными законами «Об охране окружающей среды», «Об особо охраняемых природных территориях», Законом Республики Тыва «Об особо охраняемых природных территориях в Республике Тыва», Земельным кодексом Российской Федерации, Лесным кодексом Российской Федерации, международными соглашениями Российской Федерации в сфере сохранения

¹ Постановление Правительства Республики Тыва от 16.12.1998 г. № 815. «О схеме развития и размещения особо охраняемых природных территорий регионального значения в Республике Тыва на период до 2015 г. [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/28708172/> (дата обращения: 12.07.2024).

² Постановление Правительства РТ от 24.03.2004 г. № 300 «О продлении сроков режима охраны государственных природных заказников на территории Республики Тыва» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/28707254/> (дата обращения: 12.07.2024).

³ Постановление Правительства Республики Тыва от 19.10.2004 г. № 934 «О создании природного парка “Уш-Белдир”» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/28702154/> (дата обращения: 12.07.2024).

⁴ Постановление Правительства Республики Тыва от 13.05.2005 г. № 600 «О создании государственного учреждения «Природный парк “Шуй” на территории Бай-Тайгинского кожууна» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/28704445/> (дата обращения: 12.07.2024).

⁵ Постановление Правительства Республики Тыва от 06.04.2006 № 439 «О признании утратившими силу некоторых Постановлений Правительства Республики Тыва» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/28704607/> (дата обращения: 12.07.2024).

⁶ Постановление Правительства РТ от 11.01.2006 г. № 1 «Об утверждении перечня государственных природных заказников Республики Тыва» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/28704055/> (дата обращения: 12.07.2024).

⁷ Постановление Правительства Республики Тыва от 01.12.2007 г. № 1002 «Об утверждении Схемы развития и размещения особо охраняемых природных территорий регионального значения в Республике Тыва на период до 2015 г.» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/28708172/> (дата обращения: 12.07.2024).

биологического и ландшафтного разнообразия и другими федеральными и республиканскими нормативными актами.

Основной целью Схемы является сохранение (в некоторых случаях — восстановление) воспроизводственного потенциала природных систем в условиях организации устойчивого природопользования и экономического развития Республики Тыва. Согласно этой Схеме до 2015 г. планировалось организовать 7 ООПТ регионального значения, из которых: 4 — природные парки («Тайга», «Уш-Белдир», «Шуй», «Шанчы») и 3 — государственные природные заказники («Аржаан Чойган», «Аржаан Тарыс», «Саглы»).

В 2009 г. на территории Пий-Хемского района был создан третий ПП «Тайга» за счёт ликвидации одноимённого государственного комплексного заказника и включивший его территорию площадью 23297,9 га¹.

Природный парк «Шуйский» был вновь создан на территории Бай-Тайгинского района общей площадью 98000 га на территории ликвидированного ПП «Шуй»².

В 2012 г. в регионе создаётся первая Дирекция природных парков, в управление которой вошли оба существовавших на тот период природных парка «Шуйский» и «Тайга». При этом функции Дирекции осуществлялись на базе Республиканского государственного бюджетного учреждения «Природный парк «Шуйский», а оба парка стали его кластерными участками. По прошествии двух лет после этого «ПП «Шуйский» был переименован в «ПП «Тыва» (фото 4) без изменения целей и задач деятельности, его территория парка определяется двумя кластерными участками «Шуй» и «Тайга»³.

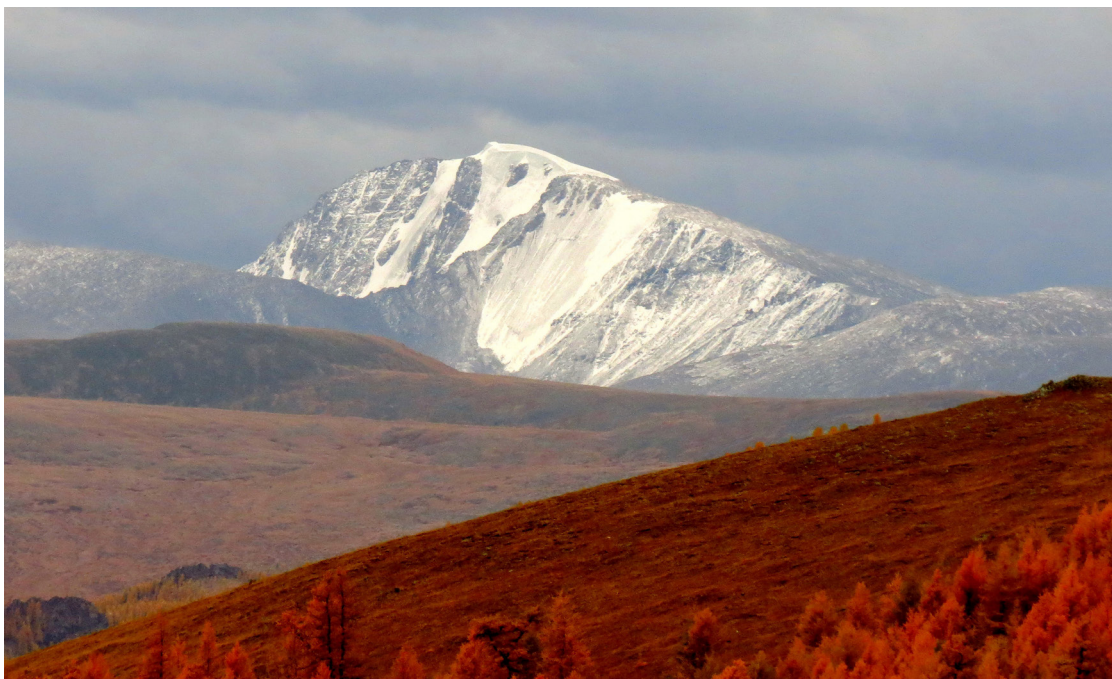

Фото 4. Гора Мунхулик — популярный туристический объект участка «Шуй» природного парка «Тыва». Фото А. Кукунина, 2014 г.
Photo 4. Mount Munkhulik is a popular tourist attraction in the Shui section of the Tyva Nature Park. Photo by A. Kuskina, 2014.

¹ Постановление Правительства Республики Тыва от 15.09.2009 г. N 468 «Об образовании Природного парка «Тайга» площадью 24,0 тыс. га» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/28711610/> (дата обращения: 19.07.2024).

² Постановление Правительства Республики Тыва от 23 декабря 2011 г. № 757 «Об образовании природного парка «Тыва»» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/28714529/> (дата обращения: 19.07.2024).

³ Постановление Правительства Республики Тыва от 10.04.2014 г. № 149 «О переименовании республиканского государственного бюджетного учреждения «Природный парк «Шуйский» и внесении изменений в некоторые постановления Правительства Республики Тыва». [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/412305023> (дата обращения 25.07.2024).

Далее ПП «Тыва» расширяет территорию организацией двух новых кластерных участков: «Уш-Белдир»¹ и «Шанчы»². При этом общая площадь «ПП «Тыва» увеличилась до 621059,46 га и данная ООПТ в регионе является в настоящее время самой крупной по площади.

Очередная Схема развития и размещения особо охраняемых природных территорий регионального значения в Республике Тыва на период до 2030 г. принята в 2018 г.³ В ней обозначены цели и задачи идентичные таковым в Схеме до 2015 г. Данным документом предполагалось создание четырех новых ООПТ: кластер «Шанчы» Природного парка «Тыва» и три заказника регионального значения «Буура», «Саглы», «Ак-Хайырыкан». На период 2024 г. из запланированных ООПТ создано три, а вместо заказника «Саглы» создан заказник «Улуг-Ооруг» в Бай-Тайгинском районе.

В 2019 г., после значительного перерыва, был создан очередной заказник республиканского значения «Буура» на территории Улуг-Хемского и Чаа-Хольского районов площадью 54,8 тысяч га⁴.

В 2022 г. в регионе предпринята попытка закрытия двух заказников регионального значения. Были прекращены действия государственных природных заказников регионального значения «Аянгатинский» и «Шеминский»⁵. Позднее данные государственные природные заказники восстановлены на основании протеста прокуратуры Республики Тыва⁶.

В 2024 г. создано два заказника регионального значения: «Ак-Хайыракан» и «Улуг-Ооруг».

Государственный природный заказник «Ак-Хайыракан» создан на территории Эрзинского района общей площадью 22192,72 га⁷. Основными целями его являются: сохранение комплексов горных и предгорных ландшафтов южного склона хребта Хорумнуг-Тайга, примыкающего к западному крылу хребта Сангилен; сохранение природных комплексов южно-сибирских горно-таежных ландшафтов в естественном состоянии; сохранение, воспроизводство и восстановление природных ресурсов; сохранение мест гнездований дрофы (восточносибирский подвид); охрана мест обитания диких копытных животных, восстановление и сохранение их численности.

Государственный природный заказник «Улуг-Ооруг» (фото 4) создан на территории Бай-Тайгинского района общей площадью 62467 га⁸. Основными целями являются: сохранение комплексов высокогорных ландшафтов малых хребтов крайних южных отрогов Западного Саяна, природных

¹ Постановление Правительства Республики Тыва от 23.12.2015 г. № 592 «Об образовании кластерного участка “Уш-Белдир”» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/432839110?marker> (дата обращения 25.07.2024).

² Постановление Правительства Республики Тыва от 31.01.2019 г. № 61 «Об образовании кластерного участка Шанчы». [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/553106741?marker> (дата обращения 25.07.2024).

³ Распоряжение Правительства Республики Тыва от 23.10.2018 г. № 444-р «Об утверждении Схемы развития и размещения особо охраняемых природных территорий регионального значения в Республике Тыва на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/72830932/> (дата обращения 16.06.2023).

⁴ Постановление Правительства РТ от 09.10.2019 г. № 486 «О создании особо охраняемой природной территории республиканского значения — государственного природного заказника “Буура”» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/72830932/> (дата обращения 16.06.2023).

⁵ Постановление Правительства Республики Тыва от 12 октября 2022 г. № 646 «О прекращении действия государственных природных заказников регионального значения и внесении изменений в постановление Правительства Республики Тыва от 31 мая 2008 г. № 336» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1700202210140003> (дата обращения 18.06.2023).

⁶ Постановление Правительства Республики Тыва от 13 апреля 2023 г. № 241 «О признании утратившим силу постановления Правительства Республики Тыва от 12 октября 2022 г. № 646» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1700202304170003> (дата обращения 18.06.2023).

⁷ Постановление Правительства Республики Тыва от 10.04.2024 № 161 «О создании особо охраняемой природной территории республиканского значения — государственного природного заказника “Ак-Хайыракан”» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1700202404120014> (дата обращения 14.06.2024).

⁸ Постановление Правительства Республики Тыва от 10.04.2024 № 162 «О создании особо охраняемой природной территории республиканского значения — государственного природного заказника “Улуг-Ооруг”» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1700202404120013> (дата обращения 14.06.2024).

Фото 5. Студенты естественно-географического факультета Тувинского государственного университета во время полевых работ в долине реки Улуг-Ооруг. Фото Д. Куксиной, 2022 г.

Photo 5. Students of the Faculty of Natural Geography of Tuvan State University during field work in the valley of the Ulug-Oorug River. Photo by D. Kuksina, 2022.

комплексов южно-сибирских горно-таежных ландшафтов в естественном состоянии, сохранение, воспроизводство и восстановление природных ресурсов, в том числе, редких флаговых видов животных и растений. Также территория данной ООПТ рассматривается как полигон для реинтродукции сюда архара — дикого горного барана, обитавшего здесь вплоть до конца XX в.

Основные периоды развития системы ООПТ в Республике Тыва

Вся прослеженная ретроспектива генезиса Сети ООПТ в Республике Тыва может быть разбита на 10-летние разделы для более удобного понимания темпов её развития.

В соответствии с этим можно отметить первые «скромные» шаги в становлении Сети в первый 13-летний цикл (1958–1970 гг.), когда было создано всего два заказника (*график 1, табл. 1*). Но, уже в следующую 10-летку, наблюдается всплеск организации этой категории ООПТ, когда было создано 19 заказников (*график 1, табл. 1*). В период 1981–1990 гг. в Сети ООПТ появляется новая категория ООПТ — памятники природы, когда в 1982 г. их было создано 16. Заказников в этот период создано гораздо меньше, всего 3, как и в последующие 10 лет. Очередная 10-летка (1991–2010 гг.) в развитии Сети ознаменовалась введением новой категории — природный парк, которых было создано 3. И последний этап с 2011 г. по настоящее время ознаменовался созданием 4 заказников и 2 природных парков, но в дальнейшем природные парки были реорганизованы и объединены в кластерные участки природного парка «Тыва».

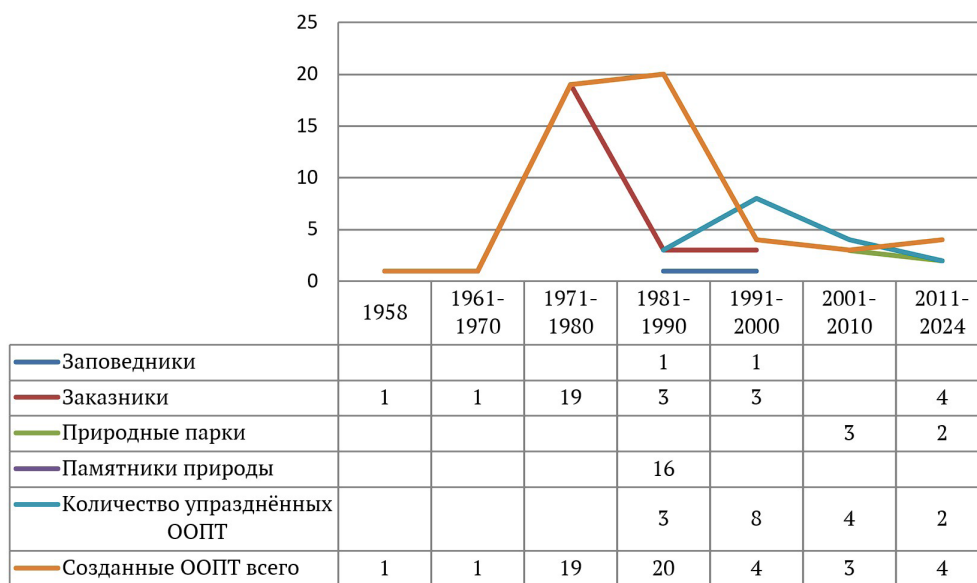

Рис. 1. Динамика развития сети ООПТ в Республике Тыва за период 1958–2024 гг.

Fig. 1. Dynamics of the development of a network of protected areas in the Republic of Tuva for the period 1958–2024.

Тем самым на 1 августа 2024 г. в Республике Тыва действует сеть ООПТ (экологический каркас) общей численностью 35 единиц ООПТ из 4 категорий в соответствии с Федеральным законом № ФЗ-33¹ (Об ООПТ) от 14.03.1995 г. и законом Республики Тыва № 645² (Об ООПТ РТ) от 09.12.1996 г. (таблица 2).

В ходе генезиса Сети часть ООПТ упразднялись либо реорганизовались в другие формы ООПТ в целях оптимизации ландшафтно территориального размещения для увеличения эффективности сохранения природных ресурсов региона (рис. 1; табл. 1, 2). Так, два первых природных парка были упразднены в связи с нарушением экологического законодательства при организации ООПТ (табл. 1), а последующие два — реорганизованы в природный парк «Тыва» в виде кластерных участков. Из 13 упразднённых заказников 6 были реорганизованы в связи с организацией на занимаемых ими территориях иных категорий ООПТ: заповедников и природного парка. Ещё два заказника упразднены в связи с окончанием срока действия. Остальные пять упразднены по не выясненной причине, т. к. нам не удалось найти сведения об этом в архивных материалах Национального архива Республики Тыва.

Таблица 1. Сведения об упразднённых ООПТ в Республике Тыва

Table 1. Information on abolished protected areas in the Republic of Tuva

№ п/п	Название	Год создания	Год упразднения	Основание
Природные парки				
	«Уш-Белдир»	2004	2006	Нарушение экологического законодательства при организации ООПТ
	«Шуй»	2005	2006	
	«Тайга»	2009	2011	Создание природного парка «Шуйский»

¹ Федеральный закон от 14.03.1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/10107990/> (дата обращения 09.04.2024).

² Закон Республики Тыва от 09.12.1996 г. № 645 «Об особо охраняемых природных территориях Республики Тыва» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/28700588/> (дата обращения 09.04.2024).

	«Шуйский»	2011	2014	Переименование в природный парк «Тыва»
Государственные природные заказники				
	Азасский (Азас)	1972 (1975)	1985	Организация заповедника «Азас»
	Тере-Холь	1972	1985	Окончание срока действия
	Хиндиктиг-Холь	1975	1985	
	Кара-Холь		2000	Организация заповедника «Убсунурская котловина»
	Уш-Белдирский		2004	Организация природного парка «Уш-Белдирский»
	Хемчикский	1978	2000	Организация заповедника «Убсунурская котловина»
	Тайга		2009	Организация природного парка «Тайга»
	Дус-Холь	1979	1993	Отсутствуют в списке заказников с продлённым сроком действия
	Северный аржаан			
	Южный аржаан			
	Хадын			
	Шивилиг			
	Хан-Дээр	1993	2000	Организация заповедника «Убсунурская котловина»

Краткие данные о современном состоянии Сети ООПТ в Республике Тыва

В настоящее время Сеть ООПТ РТ состоит из четырех различных категорий, а их доли в заповедном фонде региона выглядят следующим образом (рис. 2): 2 (5,7% от общего количества ООПТ) государственных природных заповедника общей площадью 660,5 тыс. га, 1 (2,8%) природный парк площадью 621 тыс. га, 17 (45,7%) государственных природных заказников регионального значения общей площадью 800,8 тыс. га, 15 (42,8%) памятников природы регионального значения общей площадью 48 га и 1 (2,8%) — памятник природы муниципального значения.

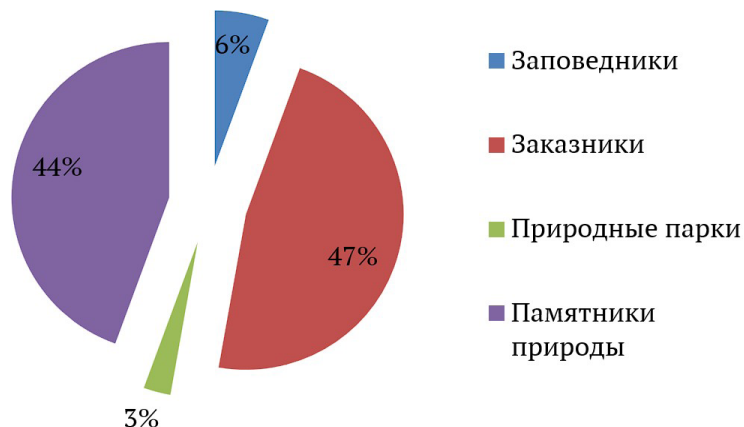

Рис. 2. Доля различных категорий существующих ООПТ в Республике Тыва по состоянию на 01 августа 2024 г.
 Fig. 2. The share of various categories of existing protected areas in the Republic of Tuva as of August 01, 2024.

Таблица 2. Действующие ООПТ в Республике Тыва на 01 августа 2024 г.
Table 2. Active protected areas in the Republic of Tuva as of August 01, 2024.

	Название	Год создания	Профиль	Площадь, тыс. га
Государственный природный заповедник федерального значения				
1	Азас	1985		337,3
2	Убсунурская котловина	1993		323,2
Всего:				660,5
Природный парк регионального значения				
1	Тыва	2014		621
Государственный природный заказник регионального значения				
1	Балгазынский	1958	биологический	119,7
2	Тапсинский	1961	комплексный	109
3	Хутинский	1972	биологический	108
4	Шанский	1972	комплексный	29,3
5	Чаа-Хольский	1973	комплексный	24
6	Дерзигский	1974	комплексный	26,4
7	Шеминский	1978	комплексный	31,5
8	Сут-Хольский	1979	комплексный	28
9	Чагытай (Чагытайский)	1979 (1995)	биолого-гидрологический	12
10	Хаак (Каъкский)	1985	комплексный	64,4
11	Ондумский	1985	комплексный	25,5
12	Ээрбекский	1985	комплексный	25
13	Дургенский	2000	комплексный	32
14	Аянгатинский	2000	комплексный	26,3
15	Буура	2019	комплексный	55
16	Улуг-Ооруг	2023	комплексный	62,5
17	Ак-Хайыракан	2023	комплексный	22,2
Всего:				800,8
Памятники природы регионального значения				
1	Озеро Азас	1982	водный	8,5
2	Озеро Тере-Холь		водный	7,4
3	Озеро Торе-Холь		водный	8,3
4	Озеро Хадын		водный	5,4
5	Озеро Сут-Холь		водный	3,8
6	Озеро Чагытай		водный	5,1
7	Озеро Чедер		водный	2,1
8	Озеро Белое		водный	1,5

	Тарыские источники	1982	водный	0,3
	Бай-Тальский источник (Шивилиг)		водный	0,3
	Суг-Бажынский источник		водный	0,05
	Озеро Кара-Холь		водный	4,2
	Озеро Дус-Холь		водный	0,7
	Уш-Белдирские источники		водный	0,1
	Хутинский порог		водный	0,1
	Ручей Донмас-Сут		водный	-
Всего:				49

Заклучение

Таким образом наше исследование показало, что экологический каркас или сеть ООПТ Республики Тыва в 2024 г. насчитывает 66 лет истории формирования. В ходе его создавались и ликвидировались различные ООПТ из четырех категорий: государственные природные заповедники, природные парки, государственные природные заказники и памятники природы.

Современная общая площадь заповедного фонда Тувы на 1 августа 2024 г. составляет 2931,1 тыс. га, что составляет 17,3% от площади региона. Это соответствует международной практике на основе решений Всемирного конгресса национальных парков в Каракасе 1992 г., где минимально приемлемым значением считается 10% площади территории¹.

Рассматривая ООПТ республики с точки зрения ландшафтного разнообразия, нельзя не заметить, что сеть охватывает преимущественно горно-таежные, горно-лесостепные ландшафты, водные объекты, представлены также горные тундры, скальные останцы и песчаные массивы. При этом, из сети ООПТ практически «выпали» основные ландшафты котловин: настоящие степи, степи сухие и опустыненные, которые являются местообитаниями для таких флаговых краснокнижных видов, как тарбаган, манул, степной орел, степная пустельга, дрофа и джек, журавль-красавка, восточный зук, монгольский жаворонок, а также многих краснокнижных растений. В связи с этим мы считаем целесообразным расширить существующую сеть ООПТ за счет организации нескольких степных видовых заказников либо особо охраняемых территорий другого статуса для сохранения уникальных степных экосистем республики с обитающими в них редкими и исчезающими видами животных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Биче-оол, Т. Н. (2021) Особо охраняемые природные территории Республики Тыва // Вестник Московского университета. Сер. 5. География № 5. С. 24–35.

Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.

Канзай, В. И., Анхбаяр, М. (2013) Трансграничным Российско-Монгольским заповедникам Убсунурской котловины 20 лет // Биоразнообразие Алтае-Саянского экорегиона: изучение и сохранение в системе ООПТ: Мат-лы межрегиональной научно-практической конференции (27.06-01.07 2013 г., Кызыл) / под ред. А. Н. Куксина и др. Кызыл : Тываполиграф. 176 с. С. 10–14.

Курбатская, С. С., Аракчаа, Л. К. (2013) Эксперимент Убсу-Нур и заповедник «Убсунурская котловина» // Биоразнообразие Алтае-Саянского экорегиона: Изучение и сохранение в системе ООПТ: Мат-лы межрегиональной научно-практической конференции (27.06-01.07 2013 г., Кызыл) / под ред. А. Н. Куксина и др. Кызыл : Тываполиграф. 176 с. С. 4–10.

Самбуу А. Д., Биче-оол С.-Э. А. (2019) Создание и расширение ООПТ регионального значения в Республике Тыва и сохранение биоразнообразия // Вопросы степеведения. № XV. С. 286–290.

¹ Черных Д. В. Особо охраняемые природные территории и основы территориальной охраны природы: учебное пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014.

Система особо охраняемых природных территорий Алтае-Саянского Экорегiona (2001) / под ред. А. Н. Куприянова. Кемерово : Азия. 176 с.

Скобеев, М. И. (1925) Промысловая охота в Урянхайском крае и ее особенности // Северная Азия. № 5. С. 115-122.

Чистик, Ж. К. (2010) Экологическая культура тувинского этноса. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 125 с.

Дата поступления: 09.10.2024 г.

Дата принятия: 02.03.2025 г.

REFERENCES

Biche-ool, T. N. (2021) Specially protected natural areas of the Republic of Tuva, *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Issue 5 Geografiya*, no. 5, pp. 24–35. (In Russ.)

Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century (2021). Ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ.)

Kanzai, V. I. and Ankhbayar, M. (2013) 20 years to the transboundary Russian Mongolian reserves of Ubsunur hollow. In: *Biodiversity of the Altai-Sayan ecoregion: study and conservation in the system of protected areas: Proceedings of the interregional scientific and practical conference (27.06-01.07 2013, Kyzyl)*. Ed. by A. N. Kuksin et al. Kyzyl, Tyvapoligraf. 176 p. Pp. 10–14. (In Russ.)

Kurbatskaya, S. S. and Arakchaa, L. K. (2013) Ubsu-Nur experiment and Ubsunur Hollow Reserve. In: *Biodiversity of the Altai-Sayan ecoregion: study and conservation in the system of protected areas: Proceedings of the interregional scientific and practical conference (27.06-01.07 2013, Kyzyl)*. Ed. by A. N. Kuksin et al. Kyzyl, Tyvapoligraf. 176 p. Pp. 4–10. (In Russ.)

Sambu, A. D. and Biche-ool, S.-E. A. (2019) Establishment and expansion of regional protected areas in the Republic of Tuva and biodiversity conservation, *Voprosy stepevedeniya*, no. XV, pp. 286–290. (In Russ.)

The system of specially protected natural territories of the Altai-Sayan Ecoregion (2001). Ed. by A. N. Kupriyanov. Kemerovo, Aziya. 176 p. (In Russ.)

Skobeev, M. I. (1925) Commercial hunting in the Uryankhai region and its features. *Severnaya Aziya*, no. 5, pp. 115–122. (In Russ.)

Chistik, Zh. K. (2010) *Ecological culture of the Tuvan ethnic group*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 125 p. (In Russ.)

Submission date: 09.10.2024.

Acceptance date: 02.03.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.2.4

Статья

Система расселения Республики Тыва: опорные населённые пункты

Арсений М. Ситковский

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Лейла Ф. Деловарова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье представлен анализ опорного каркаса расселения Республики Тыва. Методологическую базу составляют методы исследования статистики, геоинформационные методы (построение карт-схем, метод изохрон). Для подготовки и обработки данных использовались MS Excel и MS Power BI, для построения карт — Yandex DataLens и EverGis. Источниками данных выступили краеведческие источники, данные Всероссийской переписи населения 2010 г., а также оценочные данные о численности населения в населённых пунктах по итогам 2020 г.

Предложена методика выявления «опорного каркаса расселения», который в данном случае представлен как сеть наиболее устойчивых населённых пунктов с точки зрения их демографической динамики. Методика позволила выявить и визуализировать опорный каркас расселения Республики Тыва. Он включает в себя один «средний город» — Кызыл и 12 его периферийных населённых пунктов, 15 опорных населённых пунктов, а также 78 прилегающих населённых пунктов. Результат представлен в виде карты-схемы. Проанализированы и визуализированы зоны 60-минутной транспортной доступности от всех 16 центров «опорного каркаса».

Также выявлены и проанализированы значительные расхождения между официальным перечнем «опорных» и «прилегающих населённых пунктов» Республики Тыва и результатами данного исследования, внесены предложения по доработке первого.

Методика может служить инструментом для принятия обоснованных управленческих решений по формированию приоритетов в финансировании и модернизации узловых центров.

Ключевые слова: сельская территория; система расселения; демографическая динамика; опорный каркас расселения; опорный населённый пункт; прилегающий населённый пункт; Республика Тыва

Для цитирования:

Ситковский А. М., Деловарова Л. Ф. Система расселения Республики Тыва: опорные населённые пункты // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 70-91. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.4>

Ситковский Арсений Михайлович — младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Динамика языков в миноритарной ситуации» Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Эл. адрес: omnistat@yandex.ru

Деловарова Лейла Федоровна — и. о. доцента кафедры международных отношений и мировой экономики факультета международных отношений Казахского национального университета им. аль-Фараби. Адрес: 050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. Аль-Фараби, 71. Эл. адрес: delovarova@mail.ru

SITKOVSKIY, Arseniy Mikhailovich, Junior Researcher, Research laboratory “Dynamics of languages in a minority situation”, Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: omnistat@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8725-6580

DELOVAROVA, Leila Fedorovna, Acting Associate Professor, International Relations and World Economy Chair, Faculty of International Relations, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71 Al-Farabi Ave., Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan. E-mail: delovarova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3163-5933

The settlement system of the Republic of Tuva: central places

Arseniy M. Sitkovskiy

RUDN University, Russian Federation,

Leila F. Delovarova

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

The article presents an analysis of the settlement framework of the Republic of Tuva. The methodological basis includes statistical research methods and geoinformation methods (such as schematic mapping and the isochrone method). Data preparation and processing were carried out using MS Excel and MS Power BI; cartographic visualizations were created using Yandex DataLens and EverGis. The data sources comprised local history materials, the 2010 All-Russian Population Census, and estimated population data in settlements as of 2020.

A methodology for identifying the “settlement framework” is proposed, which in this case is understood as a network of the most demographically stable settlements. The methodology enabled the identification and visualization of the settlement framework of the Republic of Tuva. It includes one “medium-sized city”— Kyzyl — and its 12 peripheral settlements, 15 central places, and 78 adjacent settlements. The result is presented as a schematic map. Zones of 60-minute transport accessibility from all 16 centers of the “settlement framework” were analyzed and visualized.

The study also identified and analyzed significant discrepancies between the official list of “central” and “adjacent” settlements of the Republic of Tuva and the results of this research and proposes recommendations for revising the former.

The proposed methodology may serve as a tool for informed decision-making in setting priorities for the financing and modernization of key settlement centers.

Keywords: rural area; settlement system; demographic dynamics; settlement framework; central place; adjacent settlement; Republic of Tuva

For citation:

Sitkovskiy A. M. and Delovarova L. F. The settlement system of the Republic of Tuva: central places. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 70-91. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.4>

Введение

Настоящее исследование посвящено именно опорным населённым пунктам (далее — ОНП) Тувы, однако они не могут быть определены в отрыве от исследования всей системы расселения республики.

Система расселения представляет собой сложившуюся структуру распределения населённых пунктов по географическому ареалу, а также структуру и динамику населения внутри населённых пунктов. Концепции системы расселения рассматривают соотношение населённых пунктов, разницу в социально-экономических показателях и их динамику. Наиболее известным и актуальным подходом к исследованию систем расселения является определение «опорного каркаса расселения» территории, под которым понимается иерархически распределённая система населённых пунктов различного уровня, в зависимости от их социально-экономических характеристик.

Опорный каркас расселения— это «сочетание крупных центров, фокусов экономической, политической и культурной жизни страны (региона) и соединяющих их магистралей» (Лаппо, 1997: 13).

Соответственно, он представлен перечнем наиболее крупных (значимых) населённых пунктов территории, а также соединяющими их транспортными коридорами.

С точки зрения сегодняшнего понимания данной концепции и в соответствии с действующей «Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года»¹ (далее — Стратегия), опорный каркас расселения субъекта РФ представлен населёнными пунктами соподчинённых категорий:

- «городская агломерация» (включая «ядро городской агломерации» и «периферию городской агломерации»);
- «средний город» (с численностью населения свыше 50 тыс. человек, а также его «периферию»);
- «опорный населённый пункт» и «прилегающую территорию» (периферию опорного населённого пункта).

Каждый населённый пункт может относиться только к одному из элементов опорного каркаса расселения территории, либо не быть его частью. Для удобства в рамках настоящего исследования элементы опорного каркаса расселения (городскую агломерацию, средний город и опорный населённый пункт) будем также именовать «центрами». В исследованиях социально-экономических отношений между населёнными пунктами считается общепринятой терминологией именовать более крупный центр «ядром», а окружающие и зависящие от него населённые пункты «периферией».

«Периферия» — это населённые пункты, находящиеся в зоне эффективной транспортной доступности по дорогам общего пользования, которая будет отличаться для уровней опорного каркаса расселения, а также в зависимости от плотности населения исследуемой территории. Поскольку предполагается, что население в этих зонах предпочтёт получать услуги социальной сферы на базе крупнейшего близлежащего центра, то населённые пункты в «перифериях» не могут быть элементами опорного каркаса расселения, т. е. не могут быть центрами.

Определение из упомянутой Стратегии гласит, что ОНП — это «населённый пункт, приоритетное развитие которого способствует достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности, в том числе за счет обеспечения доступности образования, медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализации иных потребностей для жителей прилегающей территории»². Определение из другого документа, посвящённого именно ОНП, гласит, что это «населённый пункт, расположенный вне границ городских агломераций, на базе которого осуществляется ускоренное развитие инфраструктуры, обеспечивающей реализацию гарантий в сфере образования, доступность медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализацию иных потребностей населения территории одного или нескольких муниципальных образований»³.

С точки зрения социально-экономического содержания, ОНП — это «наиболее крупные населённые пункты территории, которые, как правило, являются административным центром муниципального образования, либо сопоставимы с таковым по численности населения или уровню инфраструктурной обеспеченности, на базе которых населению предоставляются услуги социальной сферы» (Козлова, Ситковский, 2023а: 34). Соответственно, ОНП — это наиболее приближенный к населению (малый) элемент опорного каркаса расселения, имеющий свою периферию, называемую в нормативных правовых актах «прилегающей территорией».

В соответствии с упомянутой Стратегией, «прилегающая территория» — это «территория, прилегающая к границам опорного населённого пункта, которая включает территорию (или часть территории) одного или нескольких муниципальных образований»⁴, согласно другому определению

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/53917/> (дата обращения: 05.01.2025).

² Там же.

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2022 г. № 4132-р. «Методические рекомендации по критериям определения опорных населённых пунктов и прилегающих территорий» // Правительство РФ. 2022. URL: <http://government.ru/docs/all/145166/> (дата обращения: 26.01.2025).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/53917/> (дата обращения: 05.01.2025).

из методических рекомендаций — это «территория населенных пунктов, население которых имеет возможность получения медицинской помощи, образования, услуг в сфере культуры и реализации иных потребностей на базе инфраструктуры опорного населенного пункта, и межселенная территория»¹. Поскольку ни в одном из представленных определений нет чёткого критерия определения границ прилегающих территорий, это позволяет применять авторский научно-исследовательский инструментарий к определению их перечня.

Целью настоящего исследования является анализ опорного каркаса расселения Республики Тыва. Система расселения каждого субъекта РФ — уникальна, поэтому его исследование, а также определение перечня ОНП обладает новизной для каждой территории, в отношении которой такого исследования не проводилось. Задачами исследования являются: 1) разработка научно-обоснованной методики определения ОНП Тувы и прилегающих территорий, которая бы не противоречила действующим нормативным правовым актам; 2) анализ системы расселения Тувы, включающий как исследование всех населённых пунктов, так и определение элементов опорного каркаса расселения различных уровней и динамики их развития; 3) определение перечней ОНП Тувы и «прилегающих территорий» для каждого из них, анализ их демографической динамики и пространственных характеристик; 4) соотнесение полученных перечней ОНП Тувы и прилегающих территорий с уже утверждённым официально опубликованным республиканским перечнем², внесение предложений по его модернизации.

Объектом исследования являются населённые пункты Тувы, предметом — центры (элементы опорного каркаса расселения) Республики Тыва с акцентом на исследование наиболее многочисленных и малоизученных из них — ОНП.

Именно в соответствии с обновлённой Стратегией пространственного развития РФ можно считать, что на сегодняшний день ОНП играют ключевую роль в обеспечении территориальной связности, предоставлении социальных услуг и стимулировании экономического роста. Стратегия начала своё действие только в январе 2025 г., что иллюстрирует актуальность и практикоориентированность настоящего исследования.

На сегодняшний день нет общепринятой методики выявления ОНП и прилегающих территорий. Существуют упомянутые ранее официальные «методические рекомендации по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий»³, которые были созданы при участии членов авторского коллектива настоящей статьи. Кроме того, есть ряд исследований одного из соавторов по выявлению перечней ОНП на примерах других субъектов РФ: Челябинской области и Чувашской республики (Ситковский, 2019ab, 2022; Козлова, Ситковский, 2023ab).

В настоящем исследовании предложены обновлённые методики определения ОНП на основе социально-демографических факторов, а также определения прилегающих территорий на основе оценки зон эффективной транспортной доступности, которые базируются на совокупности проведённых ранее исследований и практических наработок и впервые апробированы на материалах Республики Тыва.

Обзор литературы

Исследования системы расселения являются междисциплинарными и основаны на подходах и инструментах, позаимствованных из демографии и экономгеографии. Основоположниками эконо-

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2022 г. № 4132-р. «Методические рекомендации по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий» // Правительство РФ. 2022. URL: <http://government.ru/docs/all/145166/> (дата обращения: 26.01.2025)

² Приложение № 2 «Перечень опорных населенных пунктов, прилегающих к ним населенных пунктов и сельских агломераций» к постановлению Правительства Республики Тыва от 14 марта 2023 г. № 156 «Об утверждении перечня сельских территорий, опорных населенных пунктов, прилегающих населенных пунктов и сельских агломераций Республики Тыва [Электронный ресурс] // Правительство Республики Тыва. URL: http://www.mintrud.tuva.ru/sites/default/files/get_pdf/568.99%20КБ.pdf (дата обращения: 05.01.2025).

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2022 г. № 4132-р. «Методические рекомендации по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий» // Правительство РФ. 2022. URL: <http://government.ru/docs/all/145166/> (дата обращения: 26.01.2025).

мической географии считаются В. Лаунхардт (Launhardt, 1872), А. Вебер (Weber, 1922), И. Тюнен (Тюнен, 1926) и В. Кристаллер (Christaller, 1933), заложившие основы научного подхода к исследованию территориальных структур (см.: Голубчик и др., 2020: 192–202). Термин «система расселения» многогранен, его интерпретации зависят от преобладающих научных парадигм, а также социально-экономического контекста времени исследования. Подробное исследование эволюции термина представлено в работе А. А. Ткаченко (Ткаченко, 2018). В наиболее распространённом толковании под «системой расселения» понимается группа населённых пунктов, объединённых функциональными связями (социально-экономическим, социокультурными, транспортно-логистическими) (Леконцев, 2023: 33).

Современные исследования подчёркивают зависимость систем расселения от экономических и демографических факторов. В. Л. Глазычев отмечал значимость первичного каркаса расселения, который предопределяет хозяйственное развитие территории (Глазычев, 2005: 122). Исторические и географические особенности играют ключевую роль в его формировании, тогда как управленческое вмешательство может только направить процессы в определённой ограниченной степени (Киселева, Маркварт, Стародубровская, 2018: 35).

В рамках изучения социально-демографических факторов важным является понятие «демографический потенциал региона», отражающее стремление к созданию условий для стабильного воспроизводства населения и повышения качества жизни (Маркварт, Киселева, Соснин, 2022: 32). Термин «демографическая ситуация», предложенный Д. И. Валентеем¹, охватывает социальные, экономические и культурные взаимодействия, влияющие на воспроизводство населения (Зверева, 2015). Н. Т. Агафонов ввёл понятие «демографической обстановки», подчеркивая влияние экономических факторов на демографические показатели территории (Агафонов, 1982). Таким образом, демографическая ситуация с одной стороны, во многом составляет содержание «системы расселения», с другой стороны, «система расселения» ограниченно влияет на демографическую ситуацию региона.

Концепция «геодемографии», разработанная Г. М. Федоровым, рассматривает многогранную совокупность демографических, экономических и пространственных факторов. Концепция интегрирует анализ демографических процессов с компонентами социально-экономической структуры региона (Федоров, 2014: 10). Геодемографический подход применим для анализа систем расселения, особенно в условиях трансформации территории.

Центральное место в настоящем исследовании уделяется концепции «опорного каркаса расселения», сформулированной Г. М. Лаппо в его «географии городов» (Лаппо, 1997: 123–125). Каркас рассматривается как сеть ключевых узловых центров и соединяющих их магистралей, определяющих пространственную организацию региона. Подход основывается на классификации населённых пунктов и выделении наиболее перспективных из них («опорных»). Данная концепция во многом базируется на теории «центральных мест» В. Кристаллера и в англоязычной литературе обычно встречается именно под таким названием («опорные населённые пункты», англ. *central places*) (Дмитриев, 2021).

Среди зарубежных исследователей теории «центральных мест» следует выделить её автора В. Кристаллера (Christaller, 1933), а также Э. Ульмана (Ullman, 1941), К. Л. Крамли (Crumley, 1976), Л. Берга (Berg et al., 1982) и Б. Хиллера (Hillier, 1999). Существенный вклад в формирование и развитие отечественной методологии «опорного каркаса расселения» внесли Н. Н. Баранский (Баранский, 1980), О. К. Кудрявцев (Кудрявцев, 1989), И. М. Маергойз (Маергойз, 1975), П. М. Полян (Полян, 1988), Ю. Г. Саушкин (Саушкин, 1973) и Б. С. Хорев (Хорев, 1975). Среди современных авторов значимы работы В. А. Безвербного (Безвербный, 2023), Н. В. Зубаревич (Zubarevich, 2012), Н. Н. Киселевой (Киселева, 2016), Т. Г. Нефёдовой (Nefedova, 2023).

Методологический подход «управляемого сжатия», предложенный Э. Марквартом (Маркварт, 2016) и А. Н. Швецовым (Shvetsov, 2019), акцентирует внимание на возможностях корректировки управленческих решений и пересмотра территориальной планировки в условиях трансформации системы расселения в следствие демографической динамики. Данный подход предполагает адаптацию территориальных структур к объективным процессам, минимизацию негативных последствий и поддержку наиболее перспективных населённых пунктов, под которыми понимаем «опорные».

¹ Валентей Д. И. Демографический энциклопедический словарь. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1985. С. 502.

Методология и концепция опорных населённых пунктов являются относительно новыми для России, вследствие чего фундаментальные исследования в данном направлении представлены в основном работами авторского коллектива, в том числе соавтора данной статьи (Ситковский, 2019ab, 2022; Козлова, Ситковский, 2023ab). Кроме того, присутствует небольшая терминологическая путаница вследствие того, что законодательно закреплены «опорные населённые пункты Арктической зоны Российской Федерации», под которыми понимаются «муниципальные образования, выполняющие функции по обеспечению национальной безопасности и (или) функции базы для развития минерально-сырьевых центров, реализации экономических и (или) инфраструктурных проектов в Арктике»¹. Исследования ОНП Арктики, которые являются муниципальными образованиями, а не населёнными пунктами и несут в себе несколько иное смысловое содержание, представлены прежде всего работами: А. Н. Пилясова (Пилясов, 2023), С. М. Никонорова (Никоноров, 2023), А. В. Смирнова (Смирнов, 2023), В. В. Фаузера (Фаузер, 2022).

Исследования расселения населения Тувы — многочисленны. Данную проблематику затрагивает в своих исследованиях В. Г. Логинов (Логинов, 2019). Ключевым исследователем расселения населения Тувы на сегодняшний день является М. К. Мандыт, которая опубликовала диссертацию² и ряд статей в соавторстве по данной проблематике (Гончиков, Гамбоев, Мандыт, 2022; Мандыт, Гончиков, 2019; Мандыт, Гончиков, 2015). В её работах утверждается, что демографические процессы в Туве подвержены сильному влиянию естественной миграции из сельских районов в столицу республики — г. Кызыл, а также в другие крупные населённые пункты, что обусловлено наличием в них более развитой социальной инфраструктуры и возможностей трудоустройства. М. К. Мандыт выявила важность пространственной интеграции удалённых населённых пунктов в единую систему расселения региона. Она подчёркивает, что для уменьшения миграционного оттока необходимо развивать инфраструктурные связи между районами, что позволит сделать менее населённые территории более привлекательными для проживания. В своих исследованиях она зачастую использует анализ транспортной доступности как индикатор пространственной связанности системы расселения Республики Тыва.

Несмотря на проведенные исследования, методика определения ОНП в современной России продолжает носить дискуссионный характер и требует адаптации и апробации для различных территорий. Одной из таких территорий является Республика Тыва, система расселения и опорный каркас расселения которой являются практически не представленными в научной литературе.

Методика исследования и источники данных

Поскольку, как уже отмечалось, каждый населённый пункт может относиться только к одному уровню опорного каркаса расселения, необходимо произвести анализ всей системы расселения субъекта РФ: от большего к меньшему.

На первом (наивысшем) уровне опорного каркаса расселения располагаются городские агломерации. Для их определения можно воспользоваться либо утверждённым в предшествующей Стратегии пространственного развития РФ³ перечнем крупных и крупнейших городских агломераций, либо воспользоваться определением из актуальной Стратегии, которое гласит, что: «городская агломерация — это форма расселения, включающая одно или несколько ядер городской агломерации и прилегающую территорию, на которой расположены населённые пункты в пределах не более чем

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28 ноября 2023 г. № 3377-р «Об утверждении перечня опорных населённых пунктов (муниципальных образований) Арктической зоны РФ, в том числе выполняющих функции по обеспечению национальной безопасности и (или) функции базы для развития минерально-сырьевых центров, реализации экономических и (или) инфраструктурных проектов в Арктике» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/swH5WxRwFOGjLhqUigoDpo4NAIqmMfJe.pdf> (дата обращения: 04.03.2025).

² Мандыт М. К. Территориальные особенности формирования и расселения населения Республики Тыва: дисс. ... канд. геогр. н. Иркутск, 2021.

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г.» [Электронный ресурс] // Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/4c23e6ff2c4a61f0f9cf135e668d7e22/proekt_strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_respubliki_mordoviya_na_period_do_2035_goda.pdf (дата обращения: 04.03.2025).

1,5-часовой транспортной доступности до ядра городской агломерации, объединенные интенсивными экономическими, в том числе трудовыми, и социальными связями», в свою очередь «ядро городской агломерации — это город с численностью населения более 250 тыс. человек»¹.

На втором (среднем) уровне опорного каркаса расселения располагаются средние города, которые ранее также именовались городами с численностью населения свыше 50 тысяч человек². Согласно определению из актуальной Стратегии: «средний город — это город с численностью населения от 50 тыс. до 100 тыс. человек»³. Здесь сразу выявляется методическое упущение новой Стратегии: городские агломерации начинаются с 250 тыс. человек (численность населения ядра), тогда как средние города не должны превышать 100 тыс. человек, а понятия крупные города и критерии их определения в Стратегии отсутствуют.

Поскольку исследование опорного каркаса расселения направлено на выявление характера социально-экономических взаимоотношений населённых пунктов, каждому населённому пункту должен быть присвоен соответствующий статус. При этом очевидно, что населённые пункты с численностью населения от 100 тыс. человек и не являющиеся городскими агломерациями представляются элементами опорного каркаса расселения. В связи с этим, в данном исследовании под «средними городами» будем понимать города, с численностью населения от 50 тыс. и до 250 тыс. человек (т. е. не являющиеся ядрами городских агломераций, а также не входящими в их периферию).

На третьем уровне опорного каркаса расселения (местном, сельском) располагаются ОНП. В Стратегии не приводятся критерии их определения, вместе с тем существуют официальные «методические рекомендации по критериям определения опорных населённых пунктов и прилегающих территорий»⁴. Слово «рекомендации» говорит о необязательности их повсеместного применения, что обусловлено значительной спецификой территорий России, однако они являются ориентиром общего методического подхода, равно как и Стратегия. По мнению множества авторитетных исследователей, в т. ч. академика А. И. Татаркина, численность населения территории и её динамика являются иллюстрацией характера всего многообразия внутренней социально-экономической динамики (Татаркин, 2012). Поскольку ОНП не могут быть одновременно другими элементами опорного каркаса расселения, то численность населения в них не должна превышать 50 тыс. человек. В методических рекомендациях указано, что нижняя граница численности населения — 3 тыс. человек, верхняя — 50 тыс. человек. Данный диапазон принимается авторским коллективом настоящего исследования.

Кроме того, ОНП должны демонстрировать устойчивость численности населения, поскольку её изменение является характеристикой и результатом всей совокупности социально-экономических процессов территории. Здесь применяется методология «управляемого сжатия», о которой говорилось в обзоре литературы. В методических рекомендациях указано, что численность населения ОНП должна сокращаться не более чем на 5% за предшествующие 5 лет. Ранее в другом исследовании при участии одного из соавторов статьи к «сжимающимся территориям» относят те населённые пункты, которые демонстрируют убыль населения более чем на 1% в год за предшествующие 10 лет (т. е. более чем на 10% за 10 лет) (Маркварт, Безвербный, Ситковский, 2021: 73). Критерий убыли населения в 1% в год считаем обоснованным, однако также полагаем, что при исследовании системы расселения для

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». С. 3. [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/53917/> (дата обращения: 05.01.2025).

² В соответствии с: Приказом Минстроя России от 30.12.2016 № 1034/пр «СП 42.13330.2016. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89*» [Электронный ресурс] // Минстрой России. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/165/sp-42.pdf> (дата обращения: 26.01.2025).

³ Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». С. 4. [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/53917/> (дата обращения: 05.01.2025).

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2022 г. № 4132-р. «Методические рекомендации по критериям определения опорных населённых пунктов и прилегающих территорий» [Электронный ресурс] // Правительство РФ. 2022. URL: <http://government.ru/docs/all/145166/> (дата обращения: 26.01.2025).

нивелирования временных статистических колебаний (вызванных, например, увеличением смертности в связи пандемией COVID-19) необходимо исследовать временной интервал хотя бы в 10 лет. Кроме того, численность населения в разрезе населённых пунктов публикуется только по результатам Всероссийской переписи населения, которая проходит раз в 10 лет, что делает технически невозможным исследование убыли населения в населённых пунктах за предшествующие 5 лет.

Для каждого из трёх названных уровней опорного каркаса расселения определяется периферия, которую в соответствии со сложившейся практикой и терминологией будем называть: периферия городской агломерации, периферия среднего города и прилегающая территория (она же — периферия ОНП). Населённые пункты, оказавшиеся в зоне эффективной транспортной доступности центров по дорогам общего пользования, считаются их периферией и не могут быть наделены статусом центра.

Для центров Тувы в данном исследовании под «эффективной» понимается транспортная доступность в радиусе 60-минут движения на автомобиле со средней разрешённой скоростью от условного географического центра населённого пункта, вследствие трёх соображений. Во-первых, из определения Стратегии следует, что для городских агломераций этот показатель составляет 1,5 ч., т. е. 90 минут. Из логики выстраивания единого многоуровневого опорного каркаса следует, что у более крупного центра должна быть наибольшая зона эффективной транспортной доступности, у нижестоящих центров — меньшая. Во-вторых, в методических рекомендациях указано, что прилегающие территории располагаются в зоне 50 км вокруг ОНП, что также является близким по смыслу к 60-минутной транспортной доступности на легковом автомобиле (при средней скорости движения 50 км/ч). В-третьих, в предшествующих исследованиях обосновывалось, что эффективная транспортная доступность должна варьироваться в зависимости от плотности населения субъекта РФ: чем ниже плотность, тем больше зона (Ситковский, 2021). Поскольку Республика Тыва обладает низкой плотностью населения (1,96 чел./км²), то в случае применения классической типологии эффективной транспортной доступности (90, 60 и 30 мин для центров трёх уровней) в периферии ОНП просто не окажется населённых пунктов.

Обобщая вышеизложенное, методика определения ОНП предполагает последовательно следующие действия:

1. выделяем *городские агломерации*:

1.1. определяем ядра городских агломераций: выявляем города с численностью населения свыше 250 тыс. человек;

1.2. определяем периферию городских агломераций: выявляем перечень населённых пунктов, входящих в зону их 90-минутной транспортной доступности;

2. выделяем *средние города*:

2.1. определяем средние города: выявляем города с численностью населения от 50 тыс. до 250 тыс. человек;

2.2. определяем периферию средних городов: выявляем перечень населённых пунктов, входящих в зону их 60-минутной транспортной доступности;

3. выделяем *опорные населённые пункты*:

3.1. определяем населённые пункты численностью от 3 тыс. до 50 тыс. человек;

3.2. исключаем те, которые теряют >10% за 10 лет;

3.3. исключаем те, которые располагаются в зоне эффективной транспортной доступности более крупных центров;

3.4. выбираем один наиболее крупный, если два ОНП находятся в зоне 60-минутной транспортной доступности друг друга;

3.5. определяем прилегающие территории: выявляем перечень населённых пунктов, входящих в зону 60-минутной транспортной доступности ОНП, в случае пересечения зон двух ОНП выбираем ближайший;

4. признаём нуждающимися в разработке *индивидуальных траекторий социально-экономического развития* те населённые пункты, которые сами не являются центрами и не входят в зоны их эффективной транспортной доступности.

Кроме названных, также встречаются геостратегические территории (ЗАТО¹, военные городки, приграничные населённые пункты государственной границы РФ и т. д.), которые не могут быть отнесены ни к одному из перечисленных выше вариантов, но в Туве таковых не наблюдаем.

С целью определения и анализа опорного каркаса расселения Тувы была подготовлена база данных всех 142 населённых пунктов Республики Тыва в формате MS Excel. Она включает в себя социально-демографические данные: оценочная численность населения в населённых пунктах Тувы за 2020 г.², фактическая численность населения в населённых пунктах Тувы за 2010 г.³, динамика численности населения в населённых пунктах за период между 2010 и 2020 гг. (рассчитана авторами), а также административно-территориальные и географические характеристики: наименования и типы населённых пунктов; вхождение их в поселения (городские и сельские), муниципальные образования; геоданные (широту и долоту условного географического центра).

Сведение разнородной информации в формате базы данных, включая использование автоматизированных алгоритмов сведения и унификации, производилось с помощью Microsoft Power BI⁴. В статье представлены картодиаграммы, подготовленные с использованием инструментария геоинформатики и программного средства Yandex DataLens⁵.

При подготовке зон 60-минутной транспортной доступности был использован метод изохрон, который представляет собой математическую модель движения объекта на плоскости во всех возможных направлениях, учитывая максимально допустимую скорость движения и время, необходимое для преодоления расстояния по общедоступным дорогам. Результатом расчёта являются линии маршрутов движения, называемые изохронами. Совокупность всех изохрон формирует геополигон, то есть плоскость на карте, в любой точке которой объект может находиться в пределах установленных ограничений. Для автоматизации расчётов и построения карты использовался программный продукт EverGis⁶.

Анализ системы расселения Тувы

Система расселения Республики Тыва представляет собой сложное территориальное образование, сформированное под воздействием природных условий, этнокультурных особенностей и исторических процессов (Тиникова, 2018). Регион характеризуется высокой степенью территориальной разобщённости, где значительная часть населения сосредоточена в нескольких крупных центрах, в то время как малонаселённые пункты наиболее остро испытывают на себе демографические вызовы и трудности социально-экономического развития (Мандыт, Гончиков, 2023).

Общая численность населения Республики Тыва в 2020 г. оценивалась в 322 644 чел., в 2010 г. — в 301 945 чел., соответственно численность населения увеличилась за 10 лет на 6,9%. Муниципальное устройство Тувы представлено 19 муниципальными образованиями, 119 поселениями и 142 населёнными пунктами. Таким образом, на каждое поселение (городское или сельское) в среднем приходится 1,2 населённых пункта, что говорит об атомизированной, разряженной системе расселения, а также о значительном потенциале оптимизации административно-территориального деления.

Большая часть населения республики проживает в административном центре, столице — г. Кызыле. В 2020 г. его население оценивалось в 116 983 чел., что составляло 36,3% от общей численности населения Тувы. По типам населённых пунктов: 83,8% всех населённых пунктов — сёла, 8,5% — арбаны (историческая административно-территориальная единица Тувы с численностью жителей до 500 чел.), 3,5% — города, 4,2% — другие типы.

¹ ЗАТО — закрытое административно-территориальное образование.

² Населённые пункты России: численность населения [Электронный ресурс] // Инфраструктура научно-исследовательских данных (ИНИД). 2020. URL: <https://data-in.ru/data-catalog/datasets/160/> (дата обращения: 29.06.2024).

³ Итоги «Всероссийской переписи населения-2010» [Электронный ресурс] // Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 29.01.2025).

⁴ Power BI [Электронный ресурс] // Microsoft. URL: <https://powerbi.microsoft.com/ru-ru/> (дата обращения: 29.01.2025).

⁵ DataLens [Электронный ресурс] // Yandex Cloud. URL: <https://datalens.yandex.cloud/> (дата обращения: 29.01.2025).

⁶ EverGis [Электронный ресурс] // EverPoint. URL: <https://evergis.ru/> (дата обращения: 29.01.2025).

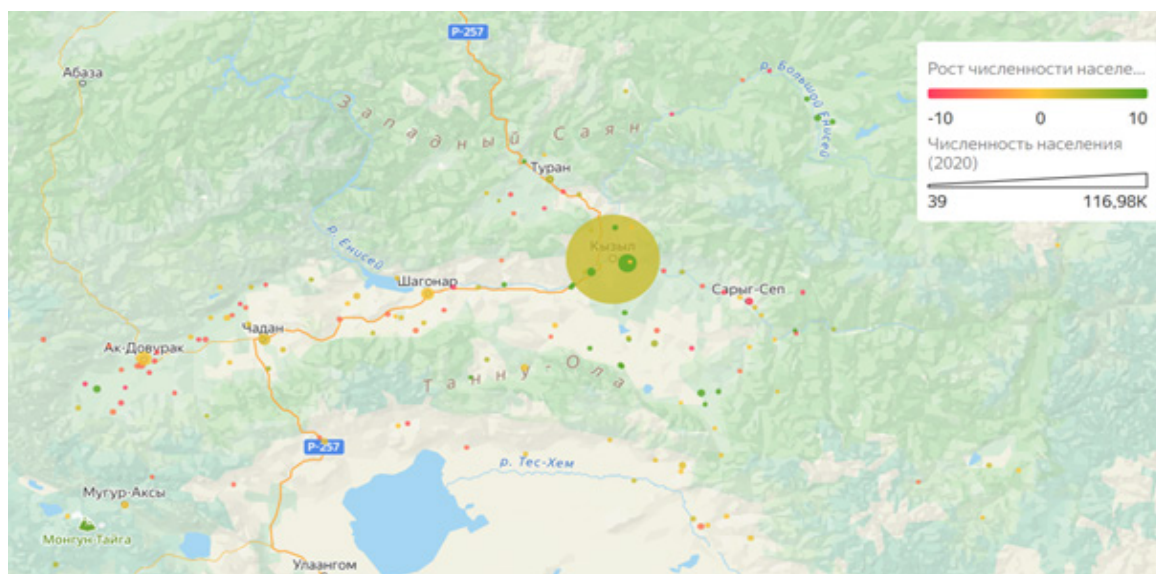

Рис. 1. Картодиаграмма населённых пунктов Тувы: размер окружности пропорционален численности населения в 2020 г., цвет — динамике численности населения в 2010–2020 гг.»¹
 Fig. 1. Cartodiagram of Tuva’s populated areas: the size of the circle is proportional to the population size in 2020, the color is proportional to the population dynamics in 2010–2020.

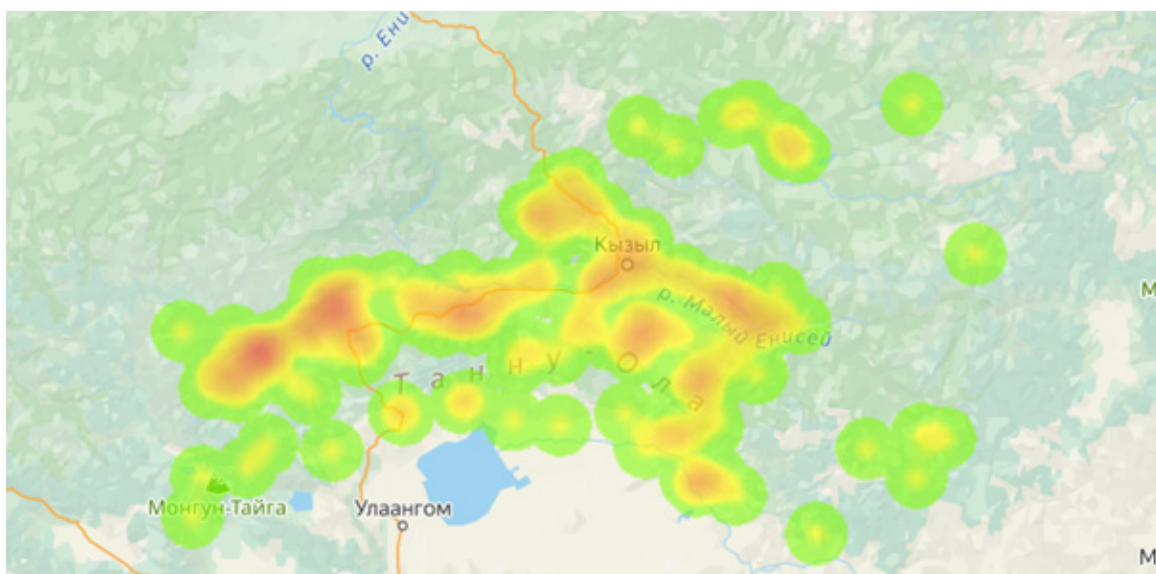

Рис. 2. Тепловая карта расселения населённых пунктов Тувы: тёмный цвет обозначает наибольшее скопление, 2020 г.²
 Fig. 2. Heat map of settlement distribution in Tuva: dark color indicates the largest concentration, 2020.

Республика Тыва обладает уникальным географическим положением, сочетая горные и равнинные территории, что создаёт значительные логистические и экономические барьеры (Кужугет, 2011). В целом хорошая демографическая ситуация в регионе усугубляется низкой плотностью населения, миграционным оттоком из сельских районов и концентрацией населения в административном центре — городе Кызыле (Безвербный, Микрюков, Ситковский, 2024). В таких условиях формирование

¹ Подготовлено с помощью: DataLens [Электронный ресурс] // Yandex Cloud. URL: <https://datalens.yandex.cloud/> (дата обращения: 29.01.2025).

² Также.

опорного каркаса расселения приобретает стратегическое значение для сохранения территориальной целостности и повышения качества жизни населения, особенно отдалённых от центра территорий.

Площадь Республики Тыва составляет 168 604 км², тогда как плотность населения субъекта РФ составляет 1,96 чел./км², по данному показателю республика входит в десятку регионов России с наименьшей плотностью населения. Наиболее плотное расселение населённых пунктов наблюдается вблизи берегов реки Малый Енисей, параллельно которой проходит федеральная автомобильная дорога Р257 «Енисей» (до 1 января 2018 года — М54). Судя по всему, более старые населённые пункты возводились ближе к реке, тогда как более новые (в западной части региона) — ближе к федеральной трассе.

Исследовав имеющиеся данные о численности населения, приходим к выводу, что в опорном каркасе расселения Тувы: во-первых, отсутствуют городские агломерации; во-вторых, присутствует один «средний город» — столица республики г. Кызыл. В зоне 60-минутной транспортной доступности Кызыла (рис. 3) находятся населённые пункты: с. Бурен-Хем, тер. ДНТ Серебрянка, пгт. Каа-Хем, с. Кара-Хаак, с. Кочетово, с. Сесерлиг, с. Суг-Бажы, с. Сукпак, с. Суш, с. Усть-Элегест, с. Целинное, с. Ээрбек. Среди перечисленных только пгт. Каа-Хем и с. Сукпак обладают численностью населения свыше 3 тыс. чел. (18,8 тыс. чел. и 5,1 тыс. чел. в 2020 г. соответственно), а также положительным приростом численности населения (+24,7% и +20,8% за 10 лет соответственно) и могли бы претендовать на статус ОНП, но пространственный анализ позволяет заключить, что они близко расположены к г. Кызылу и является периферией среднего города.

Определение перечня опорных населённых пунктов Тувы

Исключив из выборки «средний город» Кызыл и населённые пункты из его периферии, определяем перечень населённых пунктов с численностью населения 3 тыс. человек и более. К таковым относятся 17 населённых пунктов Тувы (по убыванию численности населения в 2020 г.): г. Ак-Довурак, г. Шагонар, г. Чадан, г. Туран, с. Кызыл-Мажалык, с. Тээли, с. Мугур-Аксы, с. Сарыг-Сеп, с. Балгазын, с. Хову-Аксы, с. Самагалтай, с. Чаа-Холь, с. Бай-Хаак, с. Хандагайты, с. Суг-Аксы, с. Тоора-Хем, с. Эрзин. Следует уточнить, что несколько близкорасположенных населённых пунктов (не более 5 км в соответствии с методическими рекомендациями) могут также рассматриваться как единый центр (путём суммирования их показателей), претендующий на включение его в опорный каркас расселения, но в Республике Тыва таковых не наблюдаем.

Далее необходимо произвести оценку динамики численности населения. Группировка всех населённых пунктов Тувы по критерию демографической динамики представлена в таблице 1. В соответствии с полученными данными, в 64,1% всех населённых пунктов республики наблюдается рост численности населения. В 35,9% населённых пунктов наблюдается сокращение численности населения. Более чем на 10% за 10 лет) численность населения сокращается только в 5 населённых пунктах Тувы, которые не могут претендовать на статус ОНП. К сжимающимся населённым пунктам относятся (от худшего к лучшему): арбан Севи, с. Шамбалыг, с. Ырбан, м. Эр-Хавак, с. Хайыракан.

Таблица 1. Группировка населённых пунктов Тувы по критерию динамики численности населения за период с 2010 г. по 2020 г.

Table 1. Grouping of settlements of Tuva according to the criterion of population dynamics for the period from 2010 to 2020

Группа	Растущие	Тенденция к росту	Тенденция к сжатию	Сжимающиеся
Темп роста населения 2020 к 2010 гг.	≧ +10%	0% < +10%	-10% < 0%	≧ -10%
Кол-во нас. пунктов	22	69	46	5
Доля нас. пунктов	16,9%	47,2%	32,4%	3,5%

Среди населённых пунктов, обладающих тенденцией к сжатию, к первым 10 наиболее сжимающимся относятся: с. Кызыл-Даг, с. Авыйган, с. Сарыг-Сеп, с. Кызыл-Тайга, арбан Ленинка, с. Хорум-Даг, с. Уюк, с. Аржаан, с. Бояровка, с. Эрги-Барлык.

К растущим населённым пунктам относятся (по убыванию): с. Тээли, с. Тоора-Хем, арбан Усть-Хадын, с. Успенка, с. Балгазын, с. Сосновка, пгт. Каа-Хем, с. Дурген, с. Межегей, с. Сукпак, с. Кызыл-Арыг, с. Владимировка, арбан Шивилиг, с. Кочетово, с. Усть-Элегест, с. Адыр-Кежиг, с. Баян-Кол, с. Холчук, с. Кара-Хаак, с. Ий, арбан Эржей, с. Бай-Хаак. Среди населённых пунктов, обладающих тенденцией к росту, к первым 10 наиболее растущим относятся: с. Хондергей, арбан Усть-Ужеп, с. Шанчы, с. Кызыл-Хая, с. Ак-Тал, арбан Чкаловка, с. Эрбек, с. Бурен-Хем, с. Сайлыг, с. Элдиг-Хем. Любопытно отметить, что все 20 населённых пунктов Тувы с численностью населения более 3 тыс. человек увеличили численность населения (включая г. Кызыл, пгт. Каа-Хем и с. Сукпак).

Третий критерий определения ОНП — их пространственное расположение: близость друг к другу и взаимовхождение в зоны транспортной доступности, близость к г. Кызылу и наличие прилегающих населённых пунктов. Пространственный анализ позволяет исключить из перечня ОНП: пгт. Каа-Хем и с. Сукпак, т. к. они являются периферией г. Кызыла; с. Кунгуртуг и с. Мугур-Аксы, т. к. в их зонах 60-минутной транспортной доступности нет других населённых пунктов; с. Кызыл-Мажалык, т. к. находится в непосредственной близости от более крупного центра — г. Ак-Довурак. На *рис. 3* представлено распределение сформированного перечня из 15 ОНП Республики Тыва, а также отмечен 1 «средний город» — Кызыл и справочно 2 потенциальных ОНП без прилегающих территорий (с. Кунгуртуг и с. Мугур-Аксы), проиллюстрированы зоны их 60-минутной транспортной доступности.

Опорный каркас расселения Тувы в *таблице 2* представлен: 1 «средним городом» и 15 ОНП. ОНП Тувы и зоны их транспортной доступности в своём большинстве выстраиваются в линию с запада на восток, параллельно реке Малый Енисей и федеральной автодороге Р257. Просматривается два относительно крупных анклава: севернее Кызыла — район города Туран, южнее — район сёл Самагалтай и Эрзин. 36 из 142 населённых пункта расположены вне зон эффективной транспортной доступности и нуждаются в индивидуальных программах и подходах социально-экономического и инфраструктурного развития.

Рис. 3. Картодиаграмма населённых пунктов и карта зон 60-минутной транспортной доступности от опорных населённых пунктов Республики Тыва и г. Кызыла¹.

Fig. 3. Cartodiagram of populated areas and map of 60-minute transport accessibility zones from the main populated areas of the Republic of Tuva and the city of Kyzyl.

¹ С полной интерактивной онлайн-версией карты и исходными данными можно ознакомиться по ссылке: Система расселения Республики Тыва [Электронный ресурс] // EverGis. URL: <https://evergis.ru/shared/omnstat.0kg3jp56y1bt/layers> (дата обращения: 06.03.2025).

Таблица 2. Перечень опорных населённых пунктов Тувы и «средний город» Кызыл
Table 2. List of central (reference) settlements of Tuva and the “medium-sized city” of Kyzyl

№	Муниципальное образование	Поселение	Тип	Наименование	Численность населения		
					2010	2020	прирост, в %
0.	Городской округ г. Кызыл	–	г	Кызыл	109918	116983	+ 6,4
1.	Городской округ г. Ак-Довурак	–	г	Ак-Довурак	13468	13630	+1,2
2.	Улуг-Хемский кожуун	Городское поселение	г	Шагонар	10956	11063	+1,0
3.	Дзун-Хемчикский кожуун	Городское поселение	г	Чадан	9035	9400	+4,0
4.	Пий-Хемский кожуун	Городское поселение	г	Туран	4981	5309	+6,6
5.	Бай-Тайгинский кожуун	Сельское поселение	с	Тээли	3390	4602	+35,8
6.	Каа-Хемский кожуун	Сельское поселение	с	Сарыг-Сеп	4417	4038	-8,6
7.	Тандинский кожуун	Сельское поселение	с	Балгазын	3096	3889	+25,6
8.	Чеди-Хольский кожуун	Сельское поселение	с	Хову-Аксы	3672	3731	+1,6
9.	Тес-Хемский кожуун	Сельское поселение	с	Самагалтай	3233	3347	+3,5
10.	Чаа-Хольский кожуун	Сельское поселение	с	Чаа-Холь	3250	3345	+2,9
11.	Тандинский кожуун	Сельское поселение	с	Бай-Хаак	2981	3279	+10,0
12.	Овюрский кожуун	Сельское поселение	с	Хандагайты	3207	3278	+2,2
13.	Сут-Хольский кожуун	Сельское поселение	с	Суг-Аксы	3184	3219	+1,1
14.	Тоджинский кожуун	Сельское поселение	с	Тоора-Хем	2387	3192	+33,7
15.	Эрзинский кожуун	Сельское поселение	с	Эрзин	3191	3141	-1,6

Суммарно в г. Кызыле и 15 ОНП Тувы проживает 195,5 тыс. чел. (по оценкам на 2020 г.), что составляет 60,6% от общей численности населения республики. Почти все ОНП Тувы демонстрируют устойчивый рост численности населения, за исключением с. Эрзин муниципального района Чеди-Хольский кожуун (-1,6% за 10 лет) и с. Сарыг-Сеп муниципального района Каа-Хемский кожуун (-8,6% за 10 лет). На с. Сарыг-Сеп следует обратить наиболее пристальное внимание, т. к. наблюдаемая демографическая динамика пускай и находится в пределах допустимой нормы (не более 10% убыли за 10 лет), но вплотную приближена к ней и является крайне нетипичной для территорий республики.

Наибольший рост численности населения среди ОНП наблюдается в с. Тоора-Хем муниципального района Тоджинский кожуун (+33,7% за 10 лет) и с. Тээли муниципального района Бай-Тайгинский кожуун (+35,8% за 10 лет). В среднем прирост численности населения в ОНП Тувы составил порядка 8% за 10 лет, что свидетельствует о высоком потенциале развития этих территорий как центров. Следует также отметить, что демографическая ситуация Республики Тыва, при которой сельские территории демонстрируют устойчивый демографический рост, является уникальной для Российской Федерации.

Важно подчеркнуть, что некоторые города, такие как Ак-Довурак, Шагонар и Чадан, обладают значительно большей численностью населения, чем остальные ОНП, что делает их наиболее значимыми центрами опорного каркаса расселения Тувы. Вследствие более высокой численности населения, в них концентрируются рабочие места, объекты социальной инфраструктуры и транспортные магистрали.

В таблице 3 представлен перечень элементов опорного каркаса расселения Тувы, а также населённые пункты, входящие в их периферию: 1 «средний город» Кызыл, в периферию которого входит ещё 12 населённых пунктов, а также 15 ОНП, суммарно насчитывающая в своей периферии ещё 78 населённых пунктов, также именуемые законодателем «прилегающими территориями». Всего в перечисленных населённых пунктах Тувы проживает 299 530 чел. (по данным на 2020 г.), что составляет 92,8% от общей численности населения республики (60,6% в «ядрах», 32,2% в «периферии»).

Расселение населения между «ядром» и его «периферией» также неравномерно, что продемонстрировано в таблице 3. Наибольшая концентрация населения в «ядре» наблюдается в крупных центрах. В Кызыле 77,9% населения проживает в «ядре», что подчёркивает его доминирующее положение как административного, экономического и культурного центра региона. В случае с селом Хандагайты высокая доля «ядра» объясняется наличием лишь одного «прилегающего» населённого пункта в каждом случае.

Таблица 3. Перечень элементов опорного каркаса расселения и периферийных (прилегающих) населённых пунктов Тувы
 Table 3. List of elements of the supporting framework for the settlement and adjacent settlements of Tuva

№	Наименование	Наименование населённых пунктов в зоне 60-минутной транспортной доступности	Численность населения, 2020 г.				
			Ядро, чел.	Периферия, чел.	Всего, чел.	Доля ядра, %	Доля периферии, %
0.	г. Кызыл	с. Бурен-Хем, ДНТ Серебрянка, пгт. Каа-Хем, с. Кара-Хаак, с. Кочетово, с. Сесерлиг, с. Суг-Бажы, с. Сукпак, с. Суш, с. Усть-Элегест, с. Целинное, с. Эрбек	116983	33283	150266	77,9	22,1
1.	г. Ак-Довурак	с. Аксы-Барлык, с. Аянгаты, с. Барлык, с. Бижиктиг-Хая, с. Дон-Терезин, с. Кызыл-Мажалык, с. Хорум-Даг, с. Чыраа-Бажы, с. Шекпээр, с. Эрги-Барлык	13630	13677	27307	49,9	50,1
2.	с. Бай-Хаак	с. Дурген, с. Межегей, с. Сайлыг, с. Сосновка, с. Успенка, арбан Усть-Хадын	3279	6389	9668	33,9	66,1
3.	с. Балгазын	с. Владимировка, с. Ильинка, арбан Краснояровка, арбан Куран, с. Кызыл-Арыг, с. Шамбалыг	3889	3167	7056	55,1	44,9
4.	с. Самагалтай	с. Белдир-Арыг, с. Берт-Даг, с. Булун-Бажы, с. Шуурмак	3347	3699	7046	47,5	52,5
5.	с. Сарыг-Сеп	м. Бельбей, с. Бояровка, с. Бурен-Бай-Хаак, с. Дерзиг-Аксы, с. Кок-Хаак, с. Кундустуг, с. Сизим, с. Усть-Бурен, арбан Эржей	4038	4639	8677	46,5	53,5
6.	с. Суг-Аксы	с. Ак-Даш, с. Алдан-Маадыр, с. Баян-Тала, с. Бора-Тайга, с. Ийме, с. Кара-Чыраа, с. Кызыл-Тайга	3219	5109	8328	38,7	61,3
7.	с. Тоора-Хем	с. Адыр-Кежиг, с. Ий	3192	2827	6019	53,0	47,0
8.	г. Туран	с. Аржаан, арбан Билелиг, с. Тарлаг, г. Туран, с. Уюк, с. Хадын, арбан Шивилиг	5309	2304	7613	69,7	30,3
9.	с. Тээли	с. Бай-Тал, с. Кызыл-Даг	4602	2643	7245	63,5	36,5
10.	с. Хандагайты	с. Солчур	3278	926	4204	78,0	22,0
11.	с. Хову-Аксы	с. Ак-Тал, с. Холчук, с. Чал-Кежиг, с. Элегест	3731	2972	6703	55,7	44,3
12.	с. Чаа-Холь	с. Ак-Дуруг, с. Иштии-Хем, с. Кызыл-Даг, с. Чаа-Холь, с. Шанчы	3345	3364	6709	49,9	50,1
13.	г. Чадан	с. Бажын-Алаак, с. Теве-Хая, с. Хайыракан, с. Хондергей, с. Шеми	9400	6579	15979	58,8	41,2
14.	г. Шагонар	с. Арыг-Бажы, с. Арыг-Узуу, с. Арыскан, с. Ийи-Тал, м. Ооруг, с. Торгалыг, с. Хайыракан, с. Чодураа, с. Эйлиг-Хем	11063	7738	18801	58,8	41,2

15.	с. Эрзин	с. Бай-Даг, с. Морен, с. Нарын	3141	4126	7267	43,2	56,8
-----	----------	--------------------------------	------	------	------	------	------

Прим.: Жирным шрифтом выделены данные г. Кызыла, поскольку он относится к «среднему городу», а остальные данные в таблице — к опорным населённым пунктам Тувы.

Большинство ОНП Тувы имеют практически паритетное соотношение численности населения «ядра» и «периферии». Подобное соотношение является наиболее устойчивым с точки зрения обеспечения населения прилегающих территорий услугами социальной сферы на базе центра.

В неоднократно упомянутых «методических рекомендациях» сказано, что «совокупная численность населения населенных пунктов, расположенных на прилегающих территориях, составляет не более 100% численности населения опорного населенного пункта»¹. Позволим себе не согласиться с данной формулировкой, поскольку предоставление услуг на базе центра предполагается для всех жителей прилегающих территорий, но не одномоментно, а по мере необходимости. Модернизация социальной инфраструктуры центра должна производиться с расчётом на то количество населения, которое в этих услугах нуждается, а не на то, которое установлено методическими рекомендациями.

Наиболее заметный перевес населения прилегающих территорий наблюдается в периферии ОНП с. Бай-Хаак (66,1%) и с. Суг-Аксы (61,3%). В местах их присутствия ОНП оказывает наиболее значимый позитивный социально-экономический агломерационный эффект. В случае определения приоритета в финансировании именно ОНП с наибольшей долей «периферийного» населения должны быть в приоритете.

Общий анализ показывает, что «ядра» опорного каркаса расселения Тувы обладают значительным потенциалом для концентрации социально-экономической активности и распространении позитивного социально-экономического эффекта на «периферии». Однако, развитие «периферийных» территорий требует дополнительных усилий для достижения сбалансированного пространственного развития. В первую очередь, необходимо усиление транспортных связей между «ядрами» и их «периферией», а также последующая модернизация социальной инфраструктуры в «ядре», чтобы способствовать повышению качества жизни во всей зоне 60-минутной доступности вокруг ОНП.

Анализ официального республиканского перечня опорных и прилегающих населённых пунктов Тувы

Помимо представленного в работе авторского перечня ОНП и прилегающих территорий Тувы, существует также официальный «Перечень сельских территорий, опорных населенных пунктов, прилегающих населенных пунктов и сельских агломераций Республики Тыва», утверждённый постановлением Правительства Республики Тыва от 14 марта 2023 г. № 156². Полученные в настоящем исследовании результаты в значительной степени отличаются от официального перечня ОНП, что требует отдельного рассмотрения и пояснения. При сравнении перечней ОНП в рамках настоящего исследования и официально утверждённого наблюдается пять содержательных отличий:

1) с. Кунгуртуг муниципального района Тере-Хольский кожуун выделено в официальном перечне как ОНП, тогда как по результатам исследования оно не может быть таковым. Во-первых, численность населения в 1,5 тыс. чел. (в 2020 г.) значительно ниже, чем рекомендуемые 3 тыс. чел., несмотря на прирост численности населения +5,9% за 10 лет. Во-вторых, у данного села нет прилегающих населённых пунктов в зоне 60-минутной транспортной доступности, что противоречит концепции опорного каркаса расселения, когда услуги социальной сферы для жителей «периферии» оказываются на базе инфраструктуры «ядра»;

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2022 г. № 4132-р. «Методические рекомендации по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий» [Электронный ресурс] // Правительство РФ. 2022. URL: <http://government.ru/docs/all/145166/> (дата обращения: 26.01.2025).

² Постановление Правительства Республики Тыва от 14 марта 2023 г. № 156 «Об утверждении перечня сельских территорий, опорных населенных пунктов, прилегающих населенных пунктов и сельских агломераций Республики Тыва» [Электронный ресурс] // Правительство Республики Тыва, 2023. URL: http://www.mintrud.tuva.ru/sites/default/files/get_pdf/568.99%20KB.pdf (дата обращения: 29.01.2025).

2) с. Кызыл-Мажалык муниципального района Барун-Хемчикский кожуун, выделенное в официальном перечне как ОНП, соответствует всем предъявляемым требованиям (население 4,9 тыс. чел. в 2020 г., убыль -3,5% за 10 лет), однако оно находится в непосредственной близости от г. Ак-Довурак, который значительно крупнее с точки зрения численности населения (13,6 тыс. чел. в 2020 г.) и демонстрирует лучшую динамику численности населения (прирост +1,2% за 10 лет). При этом г. Ак-Довурак выделяется в официальном перечне не как ОНП, а как «периферия» с. Кызыл-Мажалык. Поскольку не было обнаружено никаких специальных режимов и ограничений транспортной доступности г. Ак-Довурак, в нашем исследовании именно этот город является более крупным центром и выделяется как опорный, тогда как с. Кызыл-Мажалык — является его периферией;

3) Дискуссионным остаётся вопрос о включении в перечень ОНП тех населённых пунктов, которые соответствуют всем предъявляемым критериям, однако не имеют прилегающих населённых пунктов. К таким относится с. Мугур-Аксы муниципального района Монгун-Тайгинский кожуун. Несмотря на достаточную численность населения (4,2 тыс. чел. в 2020 г.) и положительную динамику численности населения (+1,7% за 10 лет), в нашем понимании он не может называться опорным, т. к. является опорным только для самого себя, что противоречит изначальной идее и самому замыслу опорного каркаса расселения;

4) с. Балгазын муниципального района Тандинский кожуун не является ОНП в официальном перечне, но был определён нами как опорный, поскольку обладает достаточной численностью населения и положительной его динамикой (3,9 тыс. чел. в 2020 г., +25,6% за 10 лет). Более того, пространственный анализ показал, что он находится на достаточном удалении от других ОНП и в его периферию входит 6 населённых пунктов. В официальном перечне Балгазын указывается как прилегающий к с. Бай-Хаак. Полагаем, что наделение с. Балгазын статусом ОНП является необходимым для выстраивания единого, сбалансированного и пространственно-распределённого опорного каркаса расселения Тувы;

5) Представленные в *таблице 3* прилегающие населённые пункты, определённые с помощью анализа транспортной доступности в пределах ≈ 60 -минут на легковом автомобиле также значительно отличаются от официального перечня. Правительство Тувы, очевидно, руководствовалось потребностью распределить как можно больше населённых пунктов среди опорных. В официальном перечне 16 ОНП и 120 прилегающих, т. е. 136 из 142 населённых пунктов. В официальный перечень не вошли г. Кызыл и прилегающие к нему населённые пункты Кызылского муниципального района. В предложенном нами перечне 15 ОНП (не считая г. Кызыла и его «периферии») и 78 «прилегающих», т. к. только эти населённые пункты находятся в пределах эффективной транспортной доступности. Полагаем, что транспортная доступность свыше 60 минут на автотранспорте — не даёт возможности для регулярного и своевременного получения услуг социальной сферы жителями «периферии» на базе «ядра» и противоречит изначальной замыслу концепции опорного каркаса расселения.

С учётом вышеизложенного считаем, что официальный перечень ОНП и прилегающих территорий Тувы нуждается в модернизации. Во-первых, разработчики официального перечня очевидно исходили из того, что в каждом муниципальном образовании должно быть не более одного ОНП, по аналогии с административным центром. Опорный каркас расселения, напротив, как раз призван уйти от привычного административно-территориального деления и сосредоточиться на социально-экономическом потенциале населённого пункта. Таким образом, количество ОНП должно определяться именно их характеристиками, а не удобством управления или финансирования.

Во-вторых, разработчики официального перечня ОНП и прилегающих территорий Тувы, судя по всему, ставили перед собой задачу распределить как можно больше «прилегающих территорий» среди ОНП, выбирая ближайший центр. Такой формальный подход ведёт к не выработке индивидуальных траекторий развития для отдалённых населённых пунктов, которые в этом действительно нуждаются. Определение «прилегающих территорий» должно основываться на оценке реальной возможности для населения комфортно доехать до ОНП и обратно в течение дня для получения услуг социальной сферы более высокого качества.

Модернизация официального перечня ОНП и прилегающих территорий Тувы в соответствии с предложениями, представленными в настоящей работе, приведёт его в соответствие с замыслом и содержанием концепции опорного каркаса расселения и повлечёт за собой реальное улучшение условий и качества жизни населения на всей территории Республики Тыва.

Заключение

Проведённое исследование позволило определить перечень опорных населённых пунктов Республики Тыва, формирующих основу её системы расселения. Полученные результаты подтверждают высокий уровень территориальной разобщённости региона и ключевую роль опорных населённых пунктов в поддержании связности системы расселения.

В рамках исследования удалось выделить 1 «средний город» — столицу республики г. Кызыл, 12 населённых пунктов, находящихся в его «периферии», 15 ОНП Республики Тыва, а также 78 «прилегающих» к ОНП населённых пункта. Ключевым центром, концентрирующим значительную часть населения и ресурсов Тувы, остаётся г. Кызыл. Анализ транспортной доступности подтвердил необходимость дальнейшего развития инфраструктуры для обеспечения связности между «ядрами» и «периферийными территориями».

Выявленные диспропорции указывают на необходимость разработки стратегий пространственного развития, направленных на модернизацию инфраструктуры опорных населённых пунктов и стимулирование распространения их социально-экономического потенциала на «периферию».

Представленная методика, апробированная на примере Республики Тыва, может быть применена и в других регионах для оптимизации систем расселения и формирования приоритетов финансирования в условиях бюджетных ограничений. Практическое применение концепции опорного каркаса расселения позволит обеспечить доступ к базовым услугам для большинства населения и способствовать равномерному территориальному развитию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агафонов, Н. Т. (1982) Региональная экономико-демографическая обстановка (основные положения концепции) // Социальная география Калининградской области / отв. ред. Н. Т. Агафонов. Калининград : Изд-во КГУ. 126 с. С. 25–42.
- Баранский, Н. Н. (1980) Становление советской экономической географии. М. : Мысль. 286 с.
- Безвербный, В. А. (2023) Демографическое развитие российских городов по данным переписей населения 1897–2020 гг // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 3. № 3. С. 131–152. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.9>
- Безвербный, В. А., Микрюков, Н. Ю., Ситковский, А. М. (2024) Образовательные межрегиональные миграции в России в 2017–2019 гг.: гендерные и пространственные аспекты // Новые исследования Тувы. № 3. С. 226–239. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.13>
- Глазычев, В. Л. (2005) Ловушка регионального подхода // Логос. № 1. С. 102–123.
- Голубчик, М. М., Макара, С. В., Носонов, А. М., Файбусович, Э. Л. (2020) Социально-экономическая география. 2-е изд., испр. и доп. М. : Издательство Юрайт. 475 с.
- Гончиков, Ц. Д., Гомбоев, Б. О., Мандыт, М. К. (2020) Концепция мобильного каркаса расселения населения (на примере Республики Тыва) // Вестник Бурятского государственного университета. Биология, география. № 2. С. 49–57. DOI: <https://doi.org/10.18101/2587-7148-2020-2-49-57>
- Дмитриев, Р. В. (2021) Системы центральных мест: формирование популяционной и пространственной структур // Географический вестник. № 4 (59). С. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2021-4-6-17>
- Зверева, Н. В. (2015) Университетская школа исследований народонаселения Д. И. Валентя // Федерализм. № 2 (78). С. 113–124.
- Киселева, Н. Н. (2016) Анализ социально-экономического развития городов-курортов Кавказских Минеральных Вод // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. № 1. С. 250–257.
- Козлова, О. А., Ситковский, А. М. (2023a) Методический подход к анализу социально-демографических факторов формирования опорного каркаса расселения // Вопросы управления. № 4 (83). С. 33–52. DOI: <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-4-33-52>
- Козлова, О. А., Ситковский, А. М. (2023b) Социально-демографические аспекты определения опорного каркаса расселения // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. Т. 16, № 4. С. 118–133. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-118-133>

- Кудрявцев, О. К. (1989) Глобальный каркас расселения // Известия АН СССР. Серия географическая. № 4. С. 68–76.
- Кужугет, К. С. (2011) О первых исследованиях по изучению геологического строения и полезных ископаемых Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. № 2–3. С. 81–88.
- Лаппо, Г. М. (1997) География городов. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. 480 с.
- Лекомцев, А. Л. (2023) Транспортная инфраструктура и система расселения // Географические основы изучения инфраструктуры : сборник статей / отв. ред. В. П. Сидоров. Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет». 237 с. С. 33–44.
- Логинов, В. Г. (2019) Коренные малочисленные народы Севера: динамика и особенности воспроизводства // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. № 1. С. 136–149. DOI: <https://doi.org/10.34130/2070-4992-2019-1-136-149>
- Маергойз, И. М. (1975) Территориальная структура народного хозяйства и некоторые подходы к ее исследованию в социалистических странах в свете социалистической экономической интеграции // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 4. С. 3–21.
- Мандыт, М. К., Гончиков, Ц. Д. (2015) Региональные особенности динамики численности населения Республики Тыва // Вестник Бурятского государственного университета. Биология, география. № 4. С. 248–252.
- Мандыт, М. К., Гончиков, Ц. Д. (2023) Мобильный каркас расселения как основная историческая форма жизнедеятельности кочевой цивилизации в центре Азии (на примере Республики Тыва Российской Федерации) // Естественные науки и образование: достижения и перспективы : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 60-летию Естественно-географического факультета (1963–2023 гг.), 300-летию Российской академии наук, Кызыл, 06–07 октября 2023 года / отв. ред. Е. Д. Монгуш. Кызыл : Тувинский государственный университет. 185 с. С. 112–115.
- Маркварт, Э. (2016) Депопуляция — один из вызовов государственному и муниципальному управлению в современном мире // Муниципальная власть. № 5. С. 73–74.
- Маркварт, Э., Безвербный, В. А., Ситковский, А. М. (2021) Пространственное сжатие территорий Российской Федерации: понятие, критерии, система показателей // Города будущего: пространственное развитие, соучаствующее управление и творческие индустрии / отв. ред. Д. П. Соснин М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 376 с. С. 63–93.
- Маркварт, Э., Киселева, Н. Н., Соснин, Д. П. (2022) Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты // Власть. Т. 30. № 2. С. 95–111.
- Никоноров, С. М. (2023) Специфика современных социально-экономических процессов и экологических проблем регионов АЗРФ // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 4 (75). С. 20–25. DOI: <https://doi.org/10.52897/2411-4588-2023-4-20-25>
- Полян, И. М. (1988) Методика выделения и анализа опорного каркаса расселения : в 2 ч. М. : ИГ АН СССР. Ч. 1. 220 с.
- Пилясов, А. Н. (2023) Алгоритм одоления монопрофильности арктического города: случай Норильска // Арктика и Север. № 53. С. 101–134. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.53.101>
- Саушкин Ю. Г. (1973) Экономическая география: история, теория, методы, практика. М. : Мысль. 559 с.
- Ситковский, А. М. (2019а) Методические аспекты развития малых центров социальных услуг муниципального образования // Муниципалитет: экономика и управление. № 4 (29). С. 31–39.
- Ситковский, А. М. (2019б) Методика и практика формирования многоуровневой системы центров социальных услуг // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. № 1 (3). С. 48–62.
- Ситковский, А. М. (2021) Многомерная типологизация субъектов РФ на основе социально-экономических и природно-климатических характеристик // Сегодня и завтра Российской экономики. № 103–104. С. 43–61. DOI: <https://doi.org/10.26653/1993-4947-2021-103-104-03>
- Ситковский, А. М. (2022) Система расселения Чувашской Республики: Чебоксарская агломерация // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. Т. 15. № 6. С. 189–203. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-6-189-203>
- Смирнов, А. В. (2023) Демография российской Арктики в цифровую эпоху. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство “Экон-Информ”». 239 с.

Татаркин, А. И. (2012) Формирование региональных институтов пространственного развития Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 6 (24). С. 42–59.

Тиникова, Е. Е. (2018) Трансформация городского расселения в национальных республиках Южной Сибири в середине XX — начале XXI века // Новые исследования Тувы. № 4. С. 235–257. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.13>

Ткаченко, А. А. (2018) Ключевые понятия теории расселения: попытка переосмысления // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 2. С. 10–15.

Тюнел, И. (1926) Изолированное государство. М. : Изд. газеты «Экономическая жизнь». 326 с.

Фаузер, В. В. (2022) Российская и Мировая Арктика в поле научных интересов демографов, социологов и экономистов // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. Т. 2. № 1. С. 128–130. DOI: <https://doi.org/10.34130/2070-4992-2022-2-1-128>

Федоров, Г. М. (2014) Об актуальных направлениях геодемографических исследований в России // Балтийский регион. № 2 (20). С. 7–28.

Хорев, Б. С. (1975) Проблемы городов (урбанизация и единая система расселения в СССР). Изд. 2-е, доп. и перераб. М. : Мысль. 428 с.

Berg, L., Drewett, R., Klaasen, L. H., Rossi, A., Vijverberg, C. H. T. (1982) Urban Europe. A Study of Growth and Decline: in 1 vol. Oxford : Pergamon Press. Vol. 1. 184 p.

Christaller, W. (1933) Die zentralen Orte in Süddeutschland: Eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmäßigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischen Funktionen. Jena : G. Fischer. 331 p.

Crumley, C. (1976) Toward a Locational Definition of State Systems of Settlement // American Anthropologist. Vol. 78. P. 59–73. DOI: <https://doi.org/10.1525/AA.1976.78.1.02A00050>

Hillier, B. (1999) Centrality as a process: accounting for attraction inequalities in deformed grids // URBAN DESIGN International. Vol. 4. P. 107–127. DOI: <https://doi.org/10.1057/UDI.1999.19>

Launhardt, W. (1872) Theorie der Kommerziellen Trassierung der Verkehrswege // Zeitschrift des Hannoverschen Architekten — und Ingenieurvereins. Vol. 18. P. 515–534.

Nefedova, T. G. (2023) Russia's Agroindustrial Complex in the New Geopolitical Conditions: Sectoral and Regional Dimensions // Regional Research of Russia. Vol. 13. № 2. P. 225–238. DOI: <https://doi.org/10.1134/s207997052370068>

Shvetsov, A. N. (2019) Structural Transformations of the Municipal Space: Substantiation of Expediency and Evaluation of Efficiency // Regional Research of Russia. Vol. 9. № 4. P. 304–310. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2079970519040055>

Weber, A. (1922) Ueber den Standort der Industrien. Tübingen : J.C.B. Mohr (Paul Siebeck). 264 p.

Ullman, E. (1941) A Theory of Location for Cities // American Journal of Sociology. Vol. 46. P. 853–864. DOI: <https://doi.org/10.1086/218800>

Zubarevich, N. V. (2012) Cities as the centers for the modernization of the economy and human capital // Sociological Research. Vol. 51. № 4. P. 3–27.

Дата поступления: 21.02.2025 г.

Дата принятия: 11.03.2025 г.

REFERENCES

Agafonov, N. T. (1982) Regional economic and demographic situation (main provisions of the concept). In: Agafonov N. T. (ed.) *Social geography of the Kaliningrad region*. Kaliningrad, Kaliningrad State University Publishing House. 126 p. Pp. 25–42. (In Russ.)

Baransky, N. N. (1980) *Formation of Soviet economic geography*. Moscow, Mysl. 286 p. (In Russ.)

Bezverbny, V. A. (2023) Demographic development of Russian cities based on census data from 1897 to 2020. *DEMIS. Demographic Research*, vol. 3, no. 3, pp. 131–152. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.9>

Bezverbny, V. A., Mikryukov, N. Yu. and Sitkovsky, A. M. (2024) Educational interregional migrations in Russia in 2017-2019: gender and spatial aspects. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 226–239. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.13>

- Glazychev, V. L. (2005) The trap of the regional approach. *Logos*, no. 1, pp. 102–123. (In Russ.)
- Golubchik, M. M., Makar, S. V., Nosonov, A. M. and Faibusovich, E. L. (2020) *Socio-economic geography*. 2nd ed. Moscow, Yurayt Publishing House. 475 p. (In Russ.)
- Gonchikov, Ts. D., Gomboev, B. O. and Mandyt, M. K. (2020) Concept of a mobile settlement framework (on the example of the Republic of Tuva). *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Biology, Geography*, no. 2, pp. 49–57. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18101/2587-7148-2020-2-49-57>
- Dmitriev, R.V. (2021) Central place systems: formation of population and spatial structures. *Geograficheskiy Vestnik*, no. 4 (59), pp. 6–17. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2021-4-6-17>
- Zvereva, N. V. (2015) The university school of population studies of D. I. Valentei. *Federalism*, no. 2 (78), pp. 113–124. (In Russ.)
- Kiseleva, N. N. (2016) Analysis of socio-economic development of resort cities of the Caucasian Mineral Waters. *Integrated Communications in Sports and Tourism: Education, Trends, International Experience*, no. 1, pp. 250–257. (In Russ.)
- Kozlova, O. A. and Sitkovsky, A. M. (2023a) Methodological approach to analyzing socio-demographic factors in the formation of a settlement framework. *Voprosy Upravleniya*, no. 4 (83), pp. 33–52. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-4-33-52>
- Kozlova, O. A. and Sitkovsky, A. M. (2023b) Socio-demographic aspects of determining the settlement framework. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-Ekonomicheskie Nauki*, vol. 16, no. 4, pp. 118–133. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-118-133>
- Kudryavtsev, O. K. (1989) Global settlement framework. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Seriya Geograficheskaya*, no. 4, pp. 68–76. (In Russ.)
- Kuzhuget, K. S. (2011) On the first studies of the geological structure and mineral resources of the Tuvan People's Republic. *New Research of Tuva*, no. 2–3, pp. 81–88. (In Russ.)
- Lappo, G. M. (1997) *Geography of cities*. Moscow, Vldos Publishing Center. 480 p. (In Russ.)
- Lekomtsev, A. L. (2023) Transport infrastructure and settlement system. In: Sidorov, V. P. (ed.) *Geographical foundations of infrastructure studies: collection of articles*. Izhevsk, Udmurt University Publishing House. 237 p. Pp. 33–44. (In Russ.)
- Loginov, V. G. (2019) Indigenous small-numbered peoples of the North: dynamics and features of reproduction. *Corporate Governance and Innovative Development of the Economy of the North: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University*, no. 1, pp. 136–149. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.34130/2070-4992-2019-1-136-149>
- Maergoiz, I. M. (1975) Territorial structure of the national economy and some approaches to its study in socialist countries in the light of socialist economic integration. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no. 4, pp. 3–21. (In Russ.)
- Mandyt, M. K. and Gonchikov, Ts. D. (2015) Regional features of population dynamics in the Republic of Tuva. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Biology, Geography*, no. 4, pp. 248–252. (In Russ.)
- Mandyt, M. K. and Gonchikov, Ts. D. (2023) Mobile settlement framework as the main historical form of life of the nomadic civilization in the center of Asia (case of the Republic of Tuva, Russian Federation). In: *Natural Sciences and education: achievements and prospects: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation dedicated to the 60th anniversary of the Faculty of Natural Geography (1963–2023), the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences, Kyzyl, October 06–07, 2023*. Ed. by E. D. Mongush. Kyzyl, Tuvan State University. 185 p. Pp. 112–115 (In Russ.)
- Markvart, E. (2016) Depopulation as one of the challenges to state and municipal governance in the modern world *Munitsipalnaya vlast*, (5), pp.73–74 (In Russ.)
- Markvart, E., Bezverbny, V. A. and Sitkovskiy, A. M. (2021) Spatial compression of the territories of the Russian Federation: concept, criteria, system of indicators In: Sosnin D. P. (ed.) *Goroda budushchego: prostranstvennoe razvitie, souchastvuyushchee upravlenie i tvorcheskie industrii*. Moscow, Izdatelskiy dom Delo RANHiGS. 376 p. Pp. 63–93 (In Russ.)
- Markvart, E., Kiseleva, N. N. and Sosnin, D. P. (2022) System of key settlements as a mechanism of spatial development management: theoretical and practical aspects. *Vlast*, 30(2), pp. 95–111. (In Russ.)
- Nikonorov, S. M. (2023) Specifics of modern socio-economic processes and environmental problems of the Arctic zone regions of the Russian Federation *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya*, no. (4)75, pp. 20–25. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.52897/2411-4588-2023-4-20-25>

- Polyan, I. M. (1988) *Methodology of allocation and analysis of the basic framework of settlement* : in 2 parts. Moscow, IG AN SSSR. Part 1. 220 p. (In Russ.)
- Pilyasov, A. N. (2023) Algorithm for overcoming the monoprotile nature of an Arctic city: the case of Norilsk. *Arktika i Sever*, no. 53, pp. 101–134. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.53.101>
- Saushkin, Yu. G. (1973) *Ekonomicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody, praktika*. Moscow, Mysl. 559 p. (In Russ.)
- Sitkovskiy, A. M. (2019a) Methodological aspects of the development of small centers of social services in municipalities *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie*, no. 4 (29), pp. 31–39. (In Russ.)
- Sitkovskiy, A. M. (2019b) Methodology and practice of building a multilevel system of social service centers. *Nauchnyy ezhegodnik Tsentra analiza i prognozirovaniya*, no. 1 (3), pp. 48–62. (In Russ.)
- Sitkovskiy, A. M. (2021) Multidimensional typology of Russian regions based on socio-economic and natural-climatic characteristics *Segodnya i zavtra Rossiyskoy ekonomiki*, no. 103–104, pp. 43–61. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26653/1993-4947-2021-103-104-03>
- Sitkovskiy, A. M. (2022) Settlement system of the Chuvash Republic: Cheboksary agglomeration *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsialno-ekonomicheskie nauki*, no. 15(6), pp. 189–203. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-6-189-203>
- Smirnov, A. V. (2023) *Demography of the Russian Arctic in the digital age*. Moscow, Ekon-Inform. 239 p. (In Russ.)
- Tatarkin, A. I. (2012) Formation of regional institutions of spatial development of the Russian Federation. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, no. 6 (24), pp. 42–59 (In Russ.)
- Tinikova, E. E. (2018) Transformation of urban settlement in the national republics of Southern Siberia in the mid-20th – early 21st centuries. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 235–257. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.13>
- Tkachenko, A. A. (2018) Key concepts of settlement theory: an attempt at rethinking *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya*, no. 2, pp.10–15 (In Russ.)
- Thünen, I. (1926) *An isolated state*. Moscow, Ekonomicheskaya zhizn. 326 p. (In Russ.)
- Fauzer, V. V. (2022) Russian and global Arctic in the field of scientific interests of demographers, sociologists and economists. In: *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2(1), pp. 128–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34130/2070-4992-2022-2-1-128>
- Fedorov, G. M. (2014) On relevant directions of geodemographic research in Russia. *Baltiyskiy region*, no. 2 (20), pp. 7–28 (In Russ.)
- Khorev, B. S. (1975) *Urban problems (urbanization and the unified settlement system in the USSR)*. 2nd ed. Moscow, Mysl. 428 p. (In Russ.)
- Berg, L., Drewett, R., Klaasen, L. H., Rossi, A., Vijverberg, C. H. T. (1982) *Urban Europe. A Study of Growth and Decline*: in 1 vol. Oxford, Pergamon Press. Vol. 1. 184 p.
- Christaller, W. (1933) *Die zentralen Orte in Süddeutschland: Eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmässigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischen Funktionen*. Jena, G. Fischer. 331 p.
- Crumley, C. (1976) Toward a Locational Definition of State Systems of Settlement. *American Anthropologist*, vol. 78, pp. 59–73. DOI: <https://doi.org/10.1525/AA.1976.78.1.02A00050>
- Hillier, B. (1999) Centrality as a process: accounting for attraction inequalities in deformed grids. *URBAN DESIGN International*, vol. 4, pp. 107–127. DOI: <https://doi.org/10.1057/UDI.1999.19>
- Launhardt, W. (1872) Theorie der Kommerziellen Trassierung der Verkehrswege. *Zeitschrift des Hannoverschen Architekten — und Ingenieurvereins*, vol. 18, pp. 515–534.
- Nefedova, T. G. (2023) Russia's Agroindustrial Complex in the New Geopolitical Conditions: Sectoral and Regional Dimensions. *Regional Research of Russia*, vol. 13, no. 2, pp. 225–238. DOI: <https://doi.org/10.1134/s207997052370068>
- Shvetsov, A. N. (2019) Structural Transformations of the Municipal Space: Substantiation of Expediency and Evaluation of Efficiency. *Regional Research of Russia*, vol. 9, no. 4, pp. 304–310. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2079970519040055>
- Weber, A. (1922) *Ueber den Standort der Industrien*. Tübingen, J.C.B. Mohr (Paul Siebeck). 264 p.
- Ullman, E. (1941) A Theory of Location for Cities. *American Journal of Sociology*, vol. 46, pp. 853–864. DOI: <https://doi.org/10.1086/218800>

Zubarevich, N. V. (2012) Cities as the centers for the modernization of the economy and human capital. *Sociological Research*, vol. 51, no. 4, pp. 3–27.

Submission date: 21.02.2025.

Acceptance date: 11.03.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.2.5

Статья

Анализ миграционной привлекательности республик Алтай, Тыва и Хакасии

Тана М. Ойдуп

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Российская Федерация,

Ирина Н. Трошкина

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Российская Федерация,

Сурайя Д. Дилекова

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, Российская Федерация

В статье приводится сравнительный анализ миграционной привлекательности республик Сибирского федерального округа — Алтай, Тыва и Хакасия. Сохранение миграционного оттока и высокие миграционные настроения среди выпускников школ свидетельствуют о том, что республики становятся непривлекательными для проживания. Этот факт обусловлен в первую очередь показателями по жилищным условиям, уровню доходов населения, состоянию рынка труда, развитию социальной сферы.

На основе статистических данных, с использованием корреляционного и кластерного анализа были выявлены показатели, которые имеют влияние на миграционный прирост. При выборе региона для возможного переселения в качестве ориентиров рассматриваются четыре фактора: жилье, размеры заработной платы, наличие рабочих мест и объектов социальной инфраструктуры. Сочетание данных факторов повышают миграционную привлекательность региона. В СФО регионы распределены по трем кластерам в зависимости от уровня миграционной привлекательности. Республики Южной Сибири объединены в одном третьем кластере с низким уровнем миграционной привлекательности.

В наиболее выгодном положении находится Хакасия, где ряд показателей превышает средние по Южной Сибири, при этом наличествует потребность в росте среднедушевых денежных доходов, уровне валового регионального продукта, объеме отгруженных товаров собственного производства, основных фондов в экономике; в республиках Алтай, Тыва — спектр показателей должен быть расширен по всем направлениям.

Ключевые слова: миграционная привлекательность; Южная Сибирь; Тыва; Алтай; Хакасия; миграция

Работа выполнена в рамках государственного задания ТувИКОПР СО РАН Проект № 121031300230-2 (FUS-2021-0001); в рамках государственного задания ХакНИИЯЛИ на 2025 г.; в рамках государственного задания №7 БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова» на 2025 г.

Для цитирования:

Ойдуп Т. М., Трошкина И. Н., Дилекова С. Д. Анализ миграционной привлекательности республик Алтай, Тыва и Хакасии // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 92-108. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.5>

Ойдуп Тана Михайловна — кандидат социологических наук, ученый секретарь, ведущий научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117а. Эл. адрес: tana_o@mail.ru

Трошкина Ирина Николаевна — кандидат философских наук, заведующий сектором экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, ул. Щетинкина, д. 23. Эл. адрес: i.troschkina2012@yandex.ru

Дилекова Сурайя Дмитриевна — заместитель директора, научный сотрудник научно-исследовательского отдела истории, этнографии (этнологии) Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова. Адрес: 649000, Россия, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, д. 6 Эл. адрес: dilekova_s@mail.ru

Analysis of the migration attractiveness of the Altai Republic, Tuva and Khakassia

Tana M. Oydup

Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian Branch of RAS, Russian Federation,

Irina N. Troshkina

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russian Federation,

Suraya D. Dilekova

S. S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies, Russian Federation

The article presents a comparative analysis of the migration attractiveness of the republics in the Siberian Federal District – Altai, Tuva, and Khakassia. The persistence of migration outflow and high migration sentiments among high school graduates indicate that these republics are becoming unattractive for residence. This fact is primarily determined by indicators related to housing conditions, income levels, the state of the labor market, and the development of the social sphere.

Based on statistical data and using correlation and cluster analysis, the factors influencing migration growth were identified. When choosing a region for potential relocation, four factors are considered as benchmarks: housing, wage levels, availability of jobs, and social infrastructure. The combination of these factors enhances the migration attractiveness of the region. In the Siberian Federal District, regions are distributed into three clusters depending on the level of migration attractiveness. The republics of Southern Siberia are grouped into the third cluster, characterized by low migration attractiveness.

Khakassia is in the most favorable position, where a number of indicators exceed the average levels for Southern Siberia, while there is a need to increase per capita income, gross regional product, volume of shipped domestic products, and capital assets in the economy. In the Republics of Altai and Tuva, the range of indicators should be expanded across all directions.

Keywords: migration attractiveness; Southern Siberia; Tuva; Altai; Khakassia; migration

Financing

The work was performed within the framework of the state assignment TuvIKOPR SB RAS Project No. 121031300230-2 (FUPS-2021-0001); within the framework of the state assignment KHAKNIYALI for 2025; within the framework of the state assignment No. 7 of the BNU of the Republic of Armenia “S. S. Surazakov Research Institute of Altaistics” for 2025.

For citation:

Oydup T. M., Troshkina I. N. and Dilekova S. D. Analysis of the migration attractiveness of the Altai Republic, Tuva and Khakassia. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 92-108. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.5>

OYDUP, Tana Mihajlovna, Candidate of Sociology, Scientific Secretary, Leading Researcher, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian Branch of RAS. Postal address: Bldg. 117a, International St., 667007 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: tana_o@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3125-3361

TROSHKINA, Irina Nikolaevna, Candidate of Philosophy, Head, Department of Economics and Sociology, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History. Postal address: 23 Schetinkina St., 655017, Abakan, Russian Federation. E-mail: i.troschkina2012@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1650-0590

DILEKOVA, Suraya Dmitrievna, Depute Director, Research Associate, Scientific Research Department of History, Ethnography (Ethnology), S. S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies. Postal address: 6 Socialisticheskaya St., Gorno-Altaysk, 649000, Russian Federation. E-mail: dilekova_s@mail.ru

ORCID: 0009-0008-7540-7899

Введение

В современном мире миграционная привлекательность является одним из ключевых факторов, обеспечивающих сохранение численного состава человеческого капитала и формирование миграционного прироста территории. Национальные регионы в составе Российской Федерации, которые представлены республиками, автономными округами, краями, являются традиционным местом проживания коренных этносов и других народов. Однако общероссийская тенденция миграции населения из периферийных регионов в центральные также затронула коренных жителей республик. Данная тенденция была спровоцирована последствиями политических преобразований 1990-х годов, и усилившимся социально-экономическим неравенством регионов в 2000-х годах, ростом социальных рисков развития регионов, под которыми понимаются «вероятные негативные последствия социальной и экономической политики, представляющие угрозу человеческому развитию» (Калугина, 2020: 118). Одним из видов социального риска является в том числе активный миграционный отток населения из регионов.

Сегодня можно говорить о тенденции к сокращению социально-экономических различий между центральными регионами и Сибирью. В этом направлении руководством страны ведется активная работа. Внедряются единые стандарты транспортной и социальной инфраструктуры. Активно вводятся объекты образования, медицины, спортивно-развлекательной сферы, общественные пространства и многое другое. Однако миграционный поток из отдаленных регионов страны в центральные не удается остановить и направить в обратную сторону. Не исключением являются и республики Южной Сибири. По данным Росстата за 2023 г. коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. чел. населения в республиках Туве, Алтае и Хакасии был отрицательным, в том числе и средний показатель по СФО (–20). Наиболее сильный отток из Республике Тыва — 61, в Республике Алтай — 17 и в Республике Хакасия — 13¹. В СФО только два региона сохраняют положительный миграционный прирост, это Новосибирская область и Красноярский край.

Миграционные настроения отмечаются в позиции выпускников школ 9 и 11 классов данных республик. По результатам социологического опроса², проведенного авторами статьи в 2023 г. среди них, больше половины респондентов ответили, что после получения диплома о среднем профессиональном или высшем образовании они не хотели бы жить и работать в своих республиках (Ойдуп, Трошкина, Дилекова, 2023; Ойдуп, 2023).

Интерес к анализу миграционной привлекательности республик Сибирского федерального округа (СФО) не случайный и ключевой вопрос лежит в плоскости проблемы восполнения человеческого капитала регионов, которая осложняется рядом причин. В силу историко-экономических особенностей миграционный прирост республик был связан с периодом активного освоения и присоединения территорий к России, куда переселялись преимущественно крестьяне из центральных губерний. Далее вопрос связан с активным промышленным освоением и строительством крупных промышленных комбинатов и новых городов в советский периодом в истории страны. Однако, в современной истории республик, как и у большей территории Сибири и Дальнего Востока, отмечается миграционная убыль населения. Также ситуация осложняется периферийностью, территориальной удаленностью от крупных центров страны, что понижает миграционную привлекательность республик. Можно и дальше выделять другие возможные причины низкой миграционной привлекательности.

Основной фактор, который подталкивает население к смене места жительства — это лучшие условия жизни в другом регионе. О. Д. Воробьева указывает, что понятием «условия жизни» объединяется вся окружающая человека среда — природная и социальная. Под факторами понимается лишь часть условий, которые воздействуют на процесс миграции. В этом их вторичность. Становится ли тот или иной компонент окружающих человека условий фактором миграции, всецело зависит от природы конкретных явлений и процессов. Но не все факторы трансформируются в непосредственные причины, заставляющие свершиться само явление — миграцию (Воробьева, 2003: 11).

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. / Росстат: М., 2024. С. 94.

² Социологическое исследование «Социально-профессиональные ориентации выпускников школ республик Южной Сибири» 2023 г. в Республике Алтай, Республике Тыва и Республике Хакасия. Всего было опрошено 2522 чел.

Таким образом, цель нашего исследования определить основные факторы, влияющие на миграционную привлекательность регионов, куда уезжают, в том числе и жители трех республик, а также по данным показателям, характеризующим миграционную привлекательность, провести сравнительный анализ республик Южной Сибири и постараться найти решения для повышения их миграционной привлекательности.

Для этого были решены следующие задачи: во-первых, были отобраны основные социально-экономические показатели положения регионов; во-вторых, проведен корреляционный анализ и определены те показатели, которые имеют наибольшее влияние на показатель миграционного прироста; в-третьих, на основе отобранных релевантных показателей был проведен кластерный анализ и определены кластеризуемые регионы, имеющие наибольшую тесноту связей между собой; в-четвертых, сделаны выводы о том, какие показатели больше всего оказывают воздействие на миграционную привлекательность региона, выделены регионы с высоким, средним и низким уровнем миграционной привлекательности.

Источниковая база исследования представляет собой работы по вопросам миграции, в том числе в республиках Южной Сибири. Большое внимание уделено анализу работ, предлагающих авторские методики оценки миграционной привлекательности регионов. Информационной базой настоящей работы являются данные Федеральной службы государственной статистики РФ за 2020–2023 гг., размещенные в свободном доступе на сайте ведомства в сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели»¹.

Обзор литературы

Проблемы миграции и территориального перемещения населения всегда были и остаются актуальной проблемой социальных наук. Особое внимание стоит уделить работам региональной направленности, раскрывающим миграционные особенности в Сибири и национальных республиках. Миграционные процессы Республики Алтай затрагиваются в работе «Современные трансформационные процессы в регионах Большого Алтая» под редакцией Ю. В. Винокурова (Современные трансформационные ..., 2014: 125–126). В ней анализируются миграционные процессы с начала 1990-х гг., указываются основные страны, откуда прибывают мигранты, описываются особенности внутреннего перемещения жителей по территории республики. Э. В. Енчинов исследует особенности внутренней и внешней миграции Республики Алтай (Енчинов, 2018). На основе проведенных опросов в Горно-Алтайске и районах Республики Алтай он описывает процессы внутренней и внешней трудовой миграции, а также рассматривает их влияние на формирование гражданской, региональной и этнической идентичности у жителей региона (там же: 41).

С. П. Тухтенева акцентирует внимание на ситуации с трудовой миграцией населения из Республики Алтай, подчеркивая важность этой проблемы в контексте переписи населения 2021 г. (Тухтенева, 2021). Она отмечает, что трудовая миграция из региона растет, и этому способствуют как общемировые причины миграции, такие как бедность, безработица и отсутствие перспектив на малой родине, так и локальные особенности региона. Республика Алтай, являясь аграрным регионом, сталкивается с ограниченными возможностями для трудоустройства. Автор приходит к выводу, что на фоне трудовой миграции и низкой рождаемости, муниципальные образования региона могут столкнуться с ухудшением социально-экономической ситуации, включая проблемы в образовании и здравоохранении.

Кроме того, стоит отметить работу Д. А. Аткуновой, в которой рассматривается миграционная ситуация в Республике Алтай в контексте общественного мнения (Аткунова, 2020). Автор акцентирует внимание на том, что проблемы миграции в регионе связаны прежде всего с трудовой миграцией, как пришлое населения, так и собственного и подчеркивает, что данные миграционные процессы оказывают значительное влияние на социальную структуру, экономическое развитие и культурные аспекты жизни в республике.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. / Росстат: М., 2020–2024 гг. [Электронный ресурс]// Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 10.01.2025).

В Республике Хакасия вопросы миграции также актуальны и учеными уделяется существенное внимание. Так, например, Е. Е. Тиникова рассматривает взаимосвязь уровня развития социальной инфраструктуры городов республики и усиления миграционных установок жителей. В разнице социально-инфраструктурного развития города и села лежит причина роста внутренней миграции и урбанизации региона (Тиникова, 2018). Е. П. Мамышева проводит анализ внутрироссийских и международных миграционных потоков, динамики прибытия и выбытия населения Хакасии за 2009–2018 гг. (Мамышева, 2019). В. А. Кышпанак, рассматривая современные миграционные процессы, отмечает снижение коэффициента интенсивности миграции в связи с динамикой внешней миграционной активности, изменением географического вектора миграционных потоков (Кышпанак, 2021: 36; 2022: 225–228).

Анализ миграционных процессов Республики Тыва проводит З. В. Анайбан, которая отслеживает миграционную ситуацию на протяжении нескольких десятилетий, сопоставляет изменения с социально-экономическими преобразованиями и этнокультурными изменениями (Анайбан, 2013). Исследованием общей миграционной ситуации в регионе занимались также М. А. Хольшина (Хольшина, 2010), анализом эмиграции в Туву — С. А. Сарыглар (Сарыглар, 2019). С. И. Абылкаликов и его коллеги недавно провели исследования на основе миграционного баланса, который позволяет оценить соотношение между естественным и миграционным приростом как для всего населения, так и для городского и сельского, а также анализ пожизненных миграций населения по данным информации о месте рождения и месте проживания (Абылкаликов, 2021; Абылкаликов, Баймурзина, Баталов, 2023). По их мнению, «пожизненной миграцией является та, которая выявлена на основе переписи населения по критерию несовпадения места рождения и места жительства. Считается, что данная миграция совершена в течение жизни, до момента проведения переписи» (Абылкаликов, 2023).

Проблемам миграции и региональным особенностям миграционных процессов посвящено значимое количество работ, что говорит об актуальности и высоком социальном риске, заложенном в данном демографическом процессе. Однако, стоит отметить, что работ по измерению уровня миграционной привлекательности республик СФО на данный момент не отмечается. При этом остаются открытыми вопросы не только анализа причин и последствий оттока населения, но и изучения факторов, способствующих притоку мигрантов в определённые регионы, мотивации выбора нового места жительства, а также выработки рекомендаций по повышению миграционной привлекательности этих территорий.

Новизна нашего исследования заключается в том, что был предложен новый взгляд на проблему миграционного оттока жителей из республик Южной Сибири через оценку миграционной привлекательности регионов прибытия — других регионов СФО, имеющих положительный миграционный прирост. С помощью статистических методов анализа данных нам удалось выявить социально-экономические показатели, которые в большой степени оказывают влияние на миграционный отток.

Теоретико-методологическая часть

Согласно теории трёхстадийности миграционного процесса, разработанной отечественными учеными Т. И. Заславской и Л. Л. Рыбаковским в 1970–1980-е гг. (Заславская, Рыбаковский, 1978) миграционный процесс делится на три стадии (фазы): исходную (на этой стадии происходит формирование миграционной подвижности, определённых миграционных установок, психологической готовности к переселению); основную (происходит собственно миграция населения); заключительную (наступает сразу же после завершения акта переселения в местах вселения мигрантов).

Зафиксированные нами высокие миграционные настроения выпускников школ (Ойдуп, Трошкина, Дилекова, 2023; Ойдуп, 2023), по нашему мнению, являются первым исходным этапом формирования будущего миграционного потока, когда происходит формирование миграционных настроений и установок. На принятие решения об окончательном переезде у школьников есть 5–7 лет, и в случае, если внешние и внутренние факторы будут склонять молодого человека больше к переезду, то наступит вторая и третья стадии миграционного процесса. Большая доля молодых людей, не желающих связывать свое будущее с малой родиной, должна рассматриваться как социальный риск, что в будущем может оказать негативное влияние на формировании человеческого капитала регионов.

В целях определения основных факторов, которые влияют на формирование миграционной привлекательности и разработки собственной методики, был проведен анализ уже опубликованных методик. Рассмотрим некоторые из них.

Д. В. Тиханова, В. Н. Мякшин провели оценку миграционной привлекательности Архангельской области на основе сбалансированной системы показателей, сгруппированных по четырем составляющим: экономической, социальной, демографической и природной. Каждая из групп раскрывается своими внутренними показателями. По мнению авторов, «полученный таким образом интегральный показатель является искомым индикатором, характеризующим миграционную привлекательность» (Тиханова, Мякшин, 2021: 45).

Э. Л. Вдовина, А. В. Круглова на примере депрессивных регионов средней полосы России с применением метода взвешенных баллов провели оценку зависимости миграционной привлекательности от условий жизни в регионе. «Преимущество метода, — пишут они, — заключается в наличии так называемых “коэффициентов взвешивания”, то есть, коэффициентов, показывающих значимость каждого показателя для миграционной привлекательности» (Вдовина, Круглова, 2009: 108).

Е. В. Макарова и В. Р. Ганеева выделили пять блоков статистических показателей, характеризующие миграционную привлекательность субъектов РФ: уровень доходов населения, состояние рынка труда, развитие социальной сферы, жилищные условия, экология. На основании показателей ученые рассчитали сводный индекс миграционной привлекательности регионов РФ (Макарова, Ганеева, 2019: 27–33).

С помощью анкетирования населения К. Ю. Волошенко, А. В. Лялина исследовали высокую миграционную привлекательность Калининградской области (Волошенко, Лялина, 2022). Анкета включала в себя 38 вопросов, объединенных в пять тематических блоков факторов притяжения Калининградской области: индивидуальные экономические, индивидуальные социальные, факторы экономико-географического положения и истории региона, административные, общие факторы социально-экономического положения (там же: 109).

Также исследователи предлагают при оценке миграционной привлекательности учитывать разнообразные показатели. Например, В.А. Шабашев, С. И. Шорохов и др. считают важным для расчета учитывать 16 показателей (Шабашев и др., 2017). Помимо основных социально-экономических индикаторов величина прожиточного минимума и уровень экономической активности, исследователи предлагают учитывать такие показатели, как потребление водки и ликеро-водочных изделий (на душу населения), соотношение разводов и браков (там же: 391–404).

В рамках нашего исследования мы постарались составить алгоритм действий по оценке миграционной привлекательности регионов, который отталкивается от понимания миграции как территориального перемещения, происходящего под давлением одновременно притягивающих и отталкивающих факторов.

Впервые о факторах, которые удерживают людей в пределах одной территории или привлекают их к ней, и о других факторах, их отталкивающих, написал Э. Ли в 1966 г. (Lee, 1966), которого считают основоположником теории «притяжения-выталкивания». Данная теория легла в основу многих отечественных исследований, в том числе О. В. Воробьевой (Воробьева, 2003), А. И. Кузьмина и др. (Кузьмин и др., 2016), Г. Ф. Ахметовой (Ахметова, 2022) и др.

Согласно основному постулату данной теории, регионы обладают набором притягивающих и выталкивающих факторов, влияющие либо на приток мигрантов, либо на миграционный отток населения. В своем исследовании мы будем придерживаться определения, данного О. В. Воробьевой, и ее деления факторов:

- факторы притягивающие, побуждающее население переселяться в те регионы, где качество жизни, благодаря набору природных и экономических условий будет выше, чем в регионе предыдущего проживания;
- факторы выталкивающие, природного или экономического характера, воздействие которых делает невозможным дальнейшее проживание в данном регионе (Воробьева, 2003: 13).

Например, наличие рабочих мест — это притягивающий фактор, а отсутствие рабочих мест — уже отталкивающий и т. д. Также в качестве отталкивающих факторов предлагается рассматривать природные и социальные явления, которые носят неконтролируемый форс-мажорный характер:

вооруженные конфликты, техногенные катастрофы, угроза жизни и безопасности, политические решения. Данная группа факторов в основном носит случайных характер, не может приниматься в качестве основы для аналитической оценки миграционной привлекательности региона, а служит толчком для вынужденного переселения.

В своем исследовании мы сосредоточимся на социально-экономических показателях, которые можно характеризовать как контролируемые явления, с целью выработки мер по улучшению социально-экономической ситуации, способной положительно повлиять на миграционные процессы. В этой связи необходимо провести поэтапный отбор и оценку статистических показателей, которые больше всего влияют на миграционные процессы в регионах. Методика исследования включает в себе определение показателей, имеющих наибольшее влияние на миграционную привлекательность региона. В качестве методов анализа нами были выбраны статистические методы – корреляция, регрессия и кластерный анализ.

Отбор основных социально-экономических показателей

Первоначально было выбрано 22 показателя – независимых переменных X. Это основные социально-экономические показатели, которые, согласно гипотезе нашего исследования, оказывают влияние на миграционную привлекательность региона. Зависимая переменная (Y) – коэффициент миграционного прироста на 10 000 человек населения (табл. 1).

Таблица 1. Первичные показатели для определения миграционной привлекательности регионов
Table 1. Primary indicators for determining the migration attractiveness of regions

Показатели	Переменные
Численность населения на 1 января 2023 г., тыс. человек	X1
Среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.	X2
Потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц), руб.	X3
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	X4
Валовой коэффициент охвата дошкольным образованием, в процентах от численности детей в возрасте 1 – 6 лет	X5
Удельный вес обучающихся во вторую и третью смены в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования	X6
Число больничных коек на 10 000 человек населения	X7
Ввод в действие жилых домов, тыс. м ² общей площади жилых помещений	X8
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников (тысяч тонн)	X9
Число организаций (на конец года)	X10
Среднегодовая численность занятых, тыс. человек	X11
Оборот розничной торговли, млрд руб.	X12
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций, млрд руб.	X13
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	X14

Основные фонды в экономике (по полной учетной стоимости; на конец года), млрд. руб.	X15
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности, млрд руб.: добыча полезных ископаемых;	X16
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности, млрд руб.: обрабатывающие производства	X17
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности, млрд руб.: обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	X18
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности, млрд руб.: водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	X19
Продукция сельского хозяйства - всего, млрд руб.	X20
Продукция сельского хозяйства, в том числе растениеводства	X21
Продукция сельского хозяйства, в том числе животноводства	X22
Валовой региональный продукт в 2021 г., млрд руб.	X23

Данные показатели характеризуют состояние социальной и производственной инфраструктуры в регионах, уровень доходов населения, уровень потребления, количество потенциальных рабочих мест, состояние окружающей среды.

Следующим этапом стал анализ результатов корреляционного анализа и определение показателей с наибольшим коэффициентом корреляции между X и Y с прямой и обратной связью. Критерий для дальнейшего отбора коэффициент корреляции от 1 до 0,4. Определить какой из этих показателей носит притягивающий или отталкивающий характер мы предлагаем с помощью корреляционного анализа. В случае, если будет получена прямая связь между переменными, то данные факторы являются притягивающими, а если обратная — отталкивающими.

Корреляционный анализ

В результате проведенного корреляционного анализа было выявлено, что только у одного показателя наблюдается обратная связь между миграционным приростом. Это — «Удельный вес обучающихся во вторую и третью смены в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования» (-0,29). Влияние незначительное, но тем не менее указывающее, что при увеличении обучающихся во вторую и третью смены в школах, увеличивается миграционный отток населения из региона.

Остальные показатели — притягивающие. Наибольшее влияние на миграционный прирост оказывает ввод в действие жилых домов, коэффициент 0,67. Потребительские расходы в среднем на душу населения и Число организаций (на конец года) имеют коэффициент 0,59. От 0,54 до 0,50 получили показатели: оборот розничной торговли, млрд руб.; среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.; основные фонды в экономике (по полной учетной стоимости; на конец года), млрд руб.; объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности, млрд руб.: обрабатывающие производства. Остальные показатели имеют коэффициент корреляции, который показывает низкий уровень связи меньше 0,40, для дальнейшего анализа мы исключили их из расчетов.

Таблица 2. Результаты корреляционного анализа
Table 2. Correlation analysis results

Переменные	Коэффициент корреляции	Переменные	Коэффициент корреляции
X8	0,67	X22	0,39
X3	0,59	X18	0,38
X10	0,59	X9	0,35
X12	0,54	X19	0,32
X2	0,51	X14	0,26
X15	0,50	X20	0,26
X17	0,50	X4	0,21
X13	0,46	X16	0,18
X23	0,45	X21	0,18
X1	0,44	X5	0,16
X11	0,44	X6	-0,29
X7	0,41		

Таким образом, самым весомым показателем при формировании образа миграционно привлекательного региона являются объемы ввода жилых квадратных метров. Перспектива решить жилищный вопрос, приобретя новую квартиру, в большей степени, чем другие показатели, вдохновляет жителей других регионов на переселение. Далее население ориентируется на уровень потребительских расходов, оборот розничной торговли, среднедушевые расходы и, чем они выше, тем более привлекательным такой регион кажется. Логика простая: чем больше тратят, значит выше заработные платы и общие доходы населения. Количество организаций, их успешная деятельность, численность занятых и общая численность населения также привлекают жителей других регионов. Больше организаций — значит больше мест для возможного трудоустройства. Основные фонды экономики, к которым относятся все объекты социальной, транспортной, инженерной инфраструктуры, также делают регион привлекательным. Сюда же можно отнести и наличие в должном количестве детских садов, школ, больниц и поликлиник, объектов культуры и спорта и пр. — все то, что обеспечивает досуг, медицинское обеспечение и развлечение.

Можно предположить, что при выборе региона для возможного переселения в качестве ориентиров рассматриваются четыре фактора: наличие в регионе активного жилищного строительства, размеры заработной платы, наличие рабочих мест и объектов социальной инфраструктуры. Сочетание данных факторов повышают миграционную привлекательность региона.

Далее мы рассмотрим, какие регионы СФО по данным факторам имеют наибольшее сходство между собой.

Кластерный анализ

На основе выбранных показателей мы провели кластерный анализ регионов СФО, который выполнили в несколько этапов:

1. Сформирована выборка для кластеризации данных. Анализируемых регионов СФО в 2024 г. насчитывалось десять, три из которых республики Алтай, Тыва и Хакасия;
2. Определено множество переменных, которые имеют значимое влияние на показатели миграционного прироста. Это 12 показателей, которые представлены в *таблице 3*;

Таблица 3. Показатели миграционной привлекательности для кластеризации регионов СФО
Table 3. Indicators of migration attractiveness for clusterization of the Siberian Federal District regions

Показатели	Переменные
Численность населения на 1 января 2023 г., тыс. чел.	X1
Среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.	X2
Потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц), руб.	X3
Число больничных коек на 10 000 человек населения	X7
Ввод в действие жилых домов, тыс. м ² общей площади жилых помещений	X8
Число организаций (на конец года)	X10
Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	X11
Оборот розничной торговли, млрд. руб.	X12
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций, млрд руб.	X13
Основные фонды в экономике (по полной учетной стоимости; на конец года), млрд. руб.	X15
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности, млрд руб.: обрабатывающие производства	X17
Валовой региональный продукт в 2021 г., млрд руб.	X23

3. Вычленены значения той или иной меры сходства (или различия) между регионами СФО. В нашем случае согласно методике исследования близость показателей статистических данных свидетельствуют, что регионы имеют сходство между собой и наоборот. Например, по показателю «Ввод в действие жилых домов, тыс. м² общей площади жилых помещений» Иркутская область с 1 251,3 м², введенных в 2022 г. имеет больше сходств с Красноярским краем, который ввел в 2022 г. 1 396,5, чем с Республикой Тыва построившая только 139,7 м²;

4. Применен кластерный анализ для создания групп сходных объектов. В программе Statistica с помощью метода ближайшего соседа было рассчитано евклидово расстояние между регионами СФО. Далее была выполнена иерархическая классификация с целью выяснить, формируют ли регионы «естественные» кластеры, которые будут в дальнейшем анализироваться, — построена вертикальная дендограмма (рис. 1). Кластеризация методом k-средней позволила на основе средних значений переменных рассмотреть расхождения между кластерами (рис. 2);

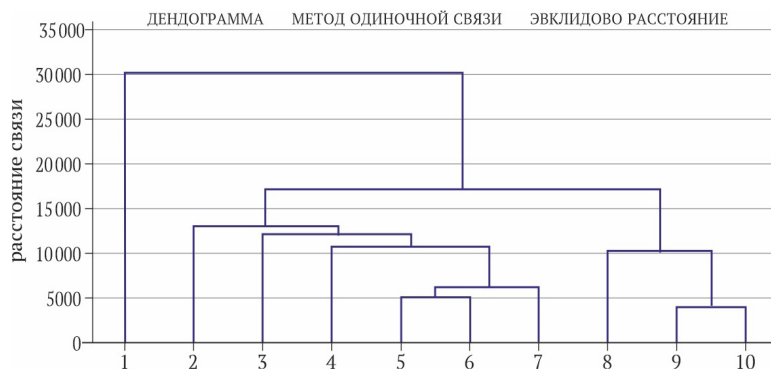

Рисунок 1. Кластерный анализ: группировка регионов СФО в соответствии с показателями миграционной привлекательности
Figure 1. Cluster analysis: grouping of Siberian Federal District regions according to indicators of migration attractiveness.

Прим.: 1. Новосибирская область; 2. Красноярский край; 3. Томская область; 4. Иркутская область; 5. Омская область; 6. Кемеровская область; 7. Алтайский край; 8. Республика Тыва; 9. Республика Хакасия; 10. Республика Алтай.

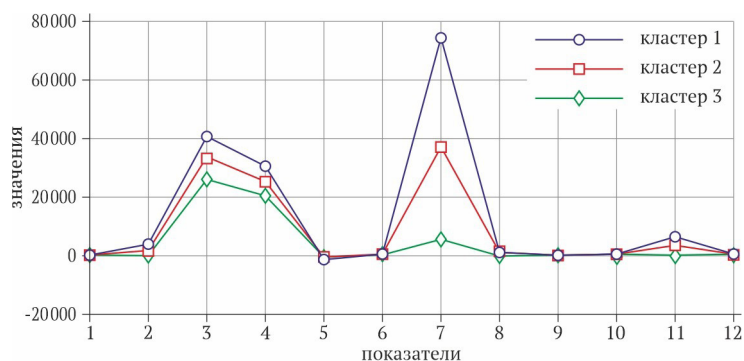

Рисунок 2. Кластерный анализ значений: расхождение средних значений относительно показателей миграционной привлекательности

Figure 2. Cluster analysis of values: the discrepancy of the average values relative to the indicators of migration attractiveness

Прим.: 1. Численность населения на 1 января 2023 г., тыс. чел., 2. Среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб., 3. Потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц), руб., 4. Число больничных коек на 10 000 чел. населения, 5. Ввод в действие жилых домов, тыс. м² общей площади жилых помещений, 6. Число организаций (на конец года), 7. Среднегодовая численность занятых, тыс. чел., 8. Оборот розничной торговли, млрд. руб., 9. Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций, млрд. руб., 10. Основные фонды в экономике (по полной учетной стоимости; на конец года), млрд. руб., 11. Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности, млрд. руб.: обрабатывающие производства, 12. Валовой региональный продукт в 2021 г., млрд. руб.

5. Проверена достоверность кластерного анализа на основе дисперсного анализа для определения значимости различий между полученными кластерами. Коэффициент детерминации показывает, в какой мере вариация результата обусловлена влиянием факторов, включенных в рассматриваемое уравнение корреляционной зависимости. Различия и значимость различий оценены посредством измерения внутри и межгрупповых дисперсий при включении переменных при кластеризации (табл. 4);

Таблица 4. Дисперсионный анализ переменных
Table 4. Analysis of variance of variables

Переменные	Между SS	Степень свободы	Внутри SS	F-статистика	P-значение
X1	2	1437311	7	20,19876	0,001238
X2	2	33558640	7	25,57876	0,000605
X3	2	73668100	7	7,35974	0,019005
X7	2	2652	7	0,83143	0,474273
X8	2	798256	7	13,69016	0,003809
X10	2	823000300	7	24,60594	0,000681
X11	2	306894	7	22,62355	0,000880
X12	2	63732	7	31,61051	0,000313
X13	2	443458	7	2,08658	0,194637
X15	2	9996474	7	15,67832	0,002597
X17	2	667985	7	9,44421	0,010280
X23	2	2461873	7	8,28313	0,014283

6. Вычислены сходства и различия между регионами. Можно сказать, что миграционно привлекательные регионы — это те регионы, в которых ведется активное жилищное строительство, отмечаются высокие среднедушевые доходы населения, активно развивается розничная торговля, основные фонды региона, к которым относятся здания, сооружения, машины и оборудование, транспортные средства, многолетние насаждения и другие виды. Все то, что характеризует инфраструктуру региона. Развита обрабатывающая промышленность.

Далее на основе отобранных показателей проведен кластерный анализ и определены кластеризуемые регионы, имеющие наибольшую тесноту связей между собой. В результате проведенного кластерного анализа мы получили три кластера в зависимости от уровня миграционной привлекательности регионов:

- первый кластер «Высокая миграционная привлекательность» – Новосибирская область.
- второй кластер «Средняя миграционная привлекательность» – Омская, Кемеровская, Иркутская, Томская области, Красноярский и Алтайский края.
- третий кластер «Низкая миграционная привлекательность» – Республика Тыва, Республика Алтай, Республика Хакасия.

Республики Южной Сибири по уровню миграционной привлекательности кластеризуются в одну группу. Несмотря на то, что Республика Хакасия по уровню миграционного оттока имеет показатель (–13) ниже среднего значения по СФО (–20), а также по объемам ввода жилья находится на уровне средних значений по округу, Хакасия находится в третьем кластере вместе с главными аутсайдерами СФО – Республикой Тыва и Республикой Алтай. Красноярский край по многим показателям является лидером в округе и превышает результаты Новосибирской области. По уровню среднедушевых денежных доходов в месяц в округе лидирует Красноярский край и Новосибирская область, в которых по данным 2023 г. показатель составлял 41783 руб. и 39845 руб. соответственно. Однако, Новосибирская область попала в первый кластер, а Красноярский край – во второй, в котором коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. человек населения стал положительным только с 2015 г., а в Новосибирской области не опускался в отрицательные значения. Это свидетельствует о том, что миграционная привлекательность региона не формируется на основе одного или двух показателей, это совокупность индикаторов, которые комплексно характеризуют регион и делают его привлекательным для переезда.

Таблица 5. Показатели миграционной привлекательности трех кластеров
Table 5. Indicators of migration attractiveness of the three clusters

Показатель		Первый кластер	Второй кластер	Третий кластер		
		Новосибирская область	Средние значения по шести регионам	Республика Алтай	Республика Тыва	Республика Хакасия
Численность населения на 1 января 2023 г., тыс. чел.	X1	2 794,3	2 128,87	210,8	337,3	530,2
Среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.	X2	39 845,0	35 017,83	27 940	23 049	28 963
Потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц), руб.	X3	32 658,0	27 196,67	23 272,0	14 320,0	24 919,0
Число больничных коек на 10000 чел. населения	X7	107,9	111,88	132,8	91,5	156,5
Ввод в действие жилых домов, тыс. м ² общей площади жилых помещений	X8	2 243,5	903,13	164,7	139,7	321,0
Число организаций (на конец года)	X10	89 576	40 898,50	4 563	3 694	7 895

Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	X11	1 307,5	1 013,47	83,0	111,2	233,3
Оборот розничной торговли, млрд руб.	X12	782,6	479,15	42,6	34,1	109,4
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций, млрд. руб.	X13	253,9	333,77	47,9	11,1	61,3
Основные фонды в экономике (по полной учетной стоимости; на конец года), млрд. руб.	X15	5 523,0	4 164,33	240,0	248,0	931,0
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности, млрд. руб.: обрабатывающие производства	X17	824,5	792,75	10,9	1,2	163,1
Валовой региональный продукт в 2021 г., млрд. руб.	X23	1 617,0	1 533,50	71,0	89,0	308,0

В таблице 5 представлены показатели миграционной привлекательности трех кластеров. Данные второго кластера расчетные, представлены средние показатели по шести регионам, которые вошли во второй кластер. Наглядно видно, что по большинству значений республики СФО значительно отстают от первых двух кластеров. В непростой ситуации находится Тува, в которой по всем четырем факторам значения ниже, чем у соседних республик: жилье, доходы населения, количество рабочих мест и наличие объектов инфраструктур.

Сделаны выводы о том, какие показали больше всего оказывают воздействие на миграционную привлекательность региона, выделены регионы с высоким, средним и низким уровне миграционной привлекательности.

Заключение

Миграционный отток населения можно назвать одним из главных социальных рисков развития регионов, поскольку приводит к сокращению народонаселения, трудовых ресурсов, снижает возможность накопления человеческого капитала, который мог бы участвовать в социально-производственных процессах в регионах, в том числе с целью повышения миграционной привлекательности.

В ходе нашего исследования мы выяснили какие основные показатели коррелируют с ростом миграции: численность населения; среднедушевые денежные доходы; потребительские расходы в среднем на душу населения; число больничных коек; ввод в действие жилых домов; число организаций; среднегодовая численность занятых; оборот розничной торговли; сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций; основные фонды в экономике; объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности: обрабатывающие производства; валовой региональный продукт.

Предложенная методика, без расчета дополнительных коэффициентов, индикаторов, дает прямой ответ на вопрос о том, какие факторы и в какой степени влияют на миграционную привлекательность, а какие несут обратный эффект.

Мы определили три группы регионов СФО с высокой, средней и низкой миграционной привлекательностью. В первую группу с высокой миграционной привлекательностью вошла Новосибирская область. Вторая группа со средней миграционной привлекательностью представлена следующими регионами: Омская, Кемеровская, Иркутская, Томская области, Красноярский и Алтайский края. В третью группу с низкой миграционной привлекательностью вошли республики Южной Сибири — Республика Тыва, Республика Алтай, Республика Хакасия.

Регионы Южной Сибири имеют более выраженный отток населения в сравнении с иными территориями СФО, входят в третий кластер с низкой миграционной привлекательностью по ряду показателей: жилье, размер заработной платы, наличие рабочих мест и объектов социальной инфраструктуры. Для повышения миграционной привлекательности территории Хакасии необходимо увеличить среднедушевые денежные доходы, уровень валового регионального продукта, объем отгруженных товаров собственного производства, основных фондов в экономике; республикам Алтай, Тыва — показатели по всем 12-и категориям.

Таким образом, для успешного решения проблемы миграционного оттока необходимо комплексное развитие регионов, включающее улучшение экономических условий, создание рабочих мест, развитие социальной инфраструктуры и повышение качества жизни. Эти меры могут способствовать не только привлечению новых жителей, но и удержанию существующего населения, что в итоге приведет к более устойчивому и развитию регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р., Баталов, Р. О. (2023) Миграция населения в Туве по данным Всероссийской переписи населения 2020 года // Новые исследования Тувы. № 2. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1>
- Анайбан, З. В. (2013) Особенности современных миграционных процессов в городских поселениях Республики Тыва // X конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов / отв. ред. М. Ю. Мартынова и др. М. : Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. 300 с. С. 228–230.
- Аткунова, Д. А. (2020) Республика Алтай. Миграционная ситуация в общественном восприятии // Межэтнические отношения и миграционная ситуация в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад по изучению общественного мнения в 2019 году / отв. ред. В. А. Тишков и др. М. ; Омск : Издательский центр КАН. 182 с. С. 37–45.
- Ахметова, Г. Ф. (2022) Миграционные процессы в национальных республиках с разным уровнем развития человеческого потенциала (на примере Башкортостана, Татарстана и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 53–69. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>
- Вдовина, Э. Л., Круглова, А. В. (2009) Оценка миграционной привлекательности депрессивных регионов Средней России // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. № 18. С. 105–110.
- Волошенко, К. Ю., Лялина, А. В. (2022) Привлекательность Калининградской области: факторы притяжения и причины разочарования мигрантов из регионов России // Балтийский регион. № 14 (3). С. 102–128. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-6>
- Воробьева, О. Д. (2003) Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. № 9. С. 9–22.
- Енчинов, Э. В. (2018) Миграционные процессы факторы и тенденции // Конструирование общероссийской, региональной и этнической идентичности в Республике Алтай (конец XX — начало XXI веков) / редколл.: Н. О. Тадышева, Э. В. Енчинов. Горно-Алтайск : БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова». 336 с. С. 33–59.
- Заславская, Т. И., Рыбаковский, Л. Л. (1978) Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. № 1. С. 56–65.
- Калугина, З. В. (2020) Социальные риски развития Сибири // Регион: экономика и социология. № 3 (107). С. 117–134. DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20200305>

Кузьмин А. И., Бедрина Е. Б., Тухтарова Е. Х., Носов А. А. (2016) Формирование потоков трудовой миграции из Узбекистана в Свердловскую область // Народонаселение. № 4(74). С. 14–23.

Кышпанаков, В. А. (2021) Миграция как фактор формирования населения Хакасии в постсоветский период // Актуальные вопросы социально-экономического и культурного развития Республики Хакасия (1991–2021): материалы Региональной научно-практической конференции, посвященной 30-летию образования Республики Хакасия / отв. ред. Н.С. Майнагашева. Абакан : Изд-во: Хакаское книжное издательство имени В. М. Торова. 228 с. С. 29–38.

Кышпанаков, В. А. (2022) Население Хакасии: из прошлого к современности (1897–2022). Абакан : Хакаское кн. изд-во. 320 с.

Макарова, Е. В., Ганеева, В. Р. (2019) Анализ миграционной привлекательности Республики Татарстан и роли миграционных потоков в социально-экономическом развитии региона // Казанский экономический вестник. № 3 (41). С. 27–33.

Мамышева, Е. П. (2019) Современные миграционные процессы в Республике Хакасия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 11. С. 87–91. DOI: <https://doi.org/10.23672/SAE.2019.11.41479>

Ойдуп, Т. М. (2023) Особенности социально-профессиональных ориентаций выпускников городских и сельских школ Южной Сибири // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. № 3. С. 152–173. DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2023-3-27-152-173>

Ойдуп, Т. М., Трошкина, И. Н., Дилекова, С. Д. (2023) Социально-профессиональная ориентация школьников республик Южной Сибири // Society and Security Insights. Т. 6. № 4. С. 178–197. DOI: [https://doi.org/10.14258/SSI\(2023\)4-11](https://doi.org/10.14258/SSI(2023)4-11)

Сарыглар, С. А. (2019) Социологический анализ миграционной ситуации в Республике Тыва // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. Т. 2. № 8. С. 233–238.

Современные трансформационные процессы в регионах Большого Алтая (2014) / отв. ред. Ю. И. Винокурова. Новосибирск : Из-во СО РАН. 214 с.

Тиникова, Е. Е. (2018) Трансформация городского расселения в национальных республиках Южной Сибири в середине XX — начале XXI века // Новые исследования Тувы. № 4. С. 235–257. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.13>

Тиханова, Д. В., Мякшин, В. Н. (2021) Оценка миграционной привлекательности Архангельской области на основе сбалансированной системы показателей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. № 15 (2). С. 43–49.

Тюхтенева, С. П. (2021) Трудовая миграция из Республики Алтай в преддверии переписи населения 2021 г. // Власть и управление на Востоке России. № 1 (94). С. 209–218. DOI: <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-94-1-209-218>

Хольшина, М. А. (2010) Анализ миграционных процессов в Республике Тыва // Актуальные вопросы экономических наук. № 12–1. С. 218–222.

Шабашев, В. А., Шорохов, С. И., Верхозина, М. Ф., Челомбитко, А. Н. (2017) Экономические, социальные и демографические факторы миграционной привлекательности российских регионов // Региональная экономика: теория и практика. Т. 15. № 2 (437). С. 391–404. DOI: <https://doi.org/10.24891/re.15.2.391>

Lee, E. S. (1966) A Theory of Migration // Demography. Vol. 3. No. 1. P. 47–57.

Дата поступления: 05.02.2025 г.

Дата принятия: 25.02.2025 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. (2021) Features of demographic development of Tuva: the contribution of migration to demographic balance. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Abylkalikov, S. I., Baymurzina, G. R. and Batalov, R. O. (2023) Population migration in Tuva according to the 2020 All-Russian Population Census. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–16. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1>

Anaiban, Z. V. (2013) Features of modern migration processes in urban settlements of the Republic of Tuva. In: *X kongress etnografov i antropologov Rossii*. Abstracts of reports. Ed. M. Yu. Martynova et al. Moscow, Institut etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya RAN. 300 p. Pp. 228–230. (In Russ.)

Atkunova, D. A. (2020) The Altai Republic. Migration situation in public perception. In: *Interethnic relations and the migration situation in the regions of the Urals, Siberia and the Russian Far East. Expert report on public opinion research in 2019*. Ed. V. A. Tishkov et al. Moscow; Omsk: Izdatelskii tsentr KAN. 182 p. Pp. 37–45. (In Russ.)

Akhmetova, G. F. (2022) Migration processes in national republics with different levels of human development (a case study of Bashkortostan, Tatarstan and Tuva). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 53–69. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>

Vdovina, E. L. and Kruglova, A. V. (2009) Assessment of migration attractiveness of depressed regions of Central Russia. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo*, no. 18, pp. 105–110. (In Russ.)

Voloshenko, K. Yu. and Lyalina, A. V. (2022) Attractiveness of the Kaliningrad region: pull factors and reasons for migrants' disappointment from Russian regions. *Baltic Region*, vol. 14, no. 3, pp. 102–128. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-6>

Vorobyeva, O. D. (2003) Migration processes of the population: issues of theory and state migration policy. *Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii Federalnogo Sobraniya RF*, no. 9, pp. 9–22. (In Russ.)

Enchinov, E. V. (2018) Migration processes, factors and trends. In: *The construction of national, regional and ethnic identity in the Altai Republic (late XX — early XXI centuries)*. Ed. by N. O. Tadyshva, E. V. Enchinov. Gorno-Altaysk, BNU RA "Nauchno-issledovatel'skii institut altaistiki im. S. S. Surazakova". 336 p. Pp. 33–59. (In Russ.)

Zaslavskaya, T. I. and Rybakovskii, L. L. (1978) Migration processes and their regulation in a socialist society. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 56–65. (In Russ.)

Kalugina, Z. V. (2020) Social risks of Siberia's development. *Region: Ekonomika i sotsiologiya*, no. 3 (107), pp. 117–134. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20200305>

Kuzmin, A. I., Bedrina, E. B., Tukhtarova, E. Kh. and Nosov, A. A. (2016) Formation of labor migration flows from Uzbekistan to Sverdlovsk region. *Narodonaselenie*, no. 4(74), pp. 14–23. (In Russ.)

Kyshpanakov, V. A. (2021) Migration as a factor in the formation of the population of Khakassia in the post-Soviet period. In: *Actual Issues of Socio-Economic and Cultural Development of the Republic of Khakassia (1991–2021): materials of the Regional Scientific and Practical Conference dedicated to the 30th anniversary of the formation of the Republic of Khakassia* / ed. by N. S. Maynagasheva. Abakan, Khakassian Book Publishing House named after V. M. Torosov. 228 p. Pp. 29–38. (In Russ.)

Kyshpanakov, V. A. (2022) *Population of Khakassia: from the past to the present (1897–2022)*. Abakan, Khakassian Book Publishing House. 320 p. (In Russ.)

Makarova, E. V. and Ganeeva, V. R. (2019) Analysis of the migration attractiveness of the Republic of Tatarstan and the role of migration flows in the socio-economic development of the region. *Kazan Economic Bulletin*, no. 3 (41), pp. 27–33. (In Russ.)

Mamyshva, E. P. (2019) Modern migration processes in the Republic of Khakassia. *Humanitarian, Socio-Economic, and Social Sciences*, no. 11, pp. 87–91. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.23672/SAE.2019.11.41479>

Oidup, T. M. (2023) Features of socio-professional orientations of graduates from urban and rural schools of Southern Siberia. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, no. 3, pp. 152–173. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2023-3-27-152-173>

Oidup, T. M., Troshkina, I. N. and Dilekova, S. D. (2023) Socio-professional orientation of schoolchildren in the republics of Southern Siberia. *Society and Security Insights*, vol. 6, no. 4, pp. 178–197. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.14258/SSI\(2023\)4-11](https://doi.org/10.14258/SSI(2023)4-11)

Saryglar, S. A. (2019) Sociological analysis of the migration situation in the Republic of Tuva. *Social Integration and Development of Ethnocultures in the Eurasian Space*, vol. 2, no. 8, pp. 233–238. (In Russ.)

Modern Transformational Processes in the Regions of the Greater Altai (2014) / ed. Yu. I. Vinokurova. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 214 p. (In Russ.)

Tinikova, E. E. (2018) Transformation of urban settlement in the national republics of Southern Siberia in the mid-20th to early 21st century. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 235–257. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.13>

Tikhanova, D. V. and Myakshin, V. N. (2021) Assessment of migration attractiveness of the Arkhangelsk region based on a balanced system of indicators. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management* no. 15 (2), pp. 43–49. (In Russ.)

Tyukhteneva, S. P. (2021) Labor migration from the Republic of Altai on the eve of the 2021 population census. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 1 (94), pp. 209–218. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-94-1-209-218>

Holshina, M. A. (2010) Analysis of migration processes in the Republic of Tuva. *Actual Issues of Economic Sciences*, no. 12–1, pp. 218–222. (In Russ.)

Shabashev, V. A., Shorokhov, S. I., Verkhovina, M. F. and Chelombitko, A. N. (2017) Economic, social, and demographic factors of migration attractiveness of Russian regions. *Regional Economics: Theory and Practice* vol. 15, no. 2 (437), pp. 391–404. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24891/re.15.2.391>

Lee, E. S. (1966) A Theory of Migration. *Demography*, vol. 3, no. 1, pp. 47–57.

Submission date: 05.02.2025.

Acceptance date: 25.02.2025.

Подготовка кадров высшей квалификации в национальных регионах России (на примере республик Башкортостан, Татарстан, Тыва)

Айрат Я. Зарипов

Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация,

Тамара К. Ростовская

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН;

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье анализируются проблемы подготовки научных кадров высшей квалификации в национальных регионах Российской Федерации, на примере Башкортостана, Татарстана и Тувы. Исследование проведено с использованием широкой источниковедческой базы, с привлечением статистических данных, итогов переписей населения, информационных сайтов учебных заведений, образовательных учреждений, государственных органов.

Подчеркивается, что существуют объективные причины снижения интереса молодежи к научно-педагогической и исследовательской деятельности, которые носят экономический и социальный характер. Авторы приводят данные назначаемых в регионах разных видов стипендий для аспирантов, подчеркивая их малые размеры и недостаточное количество. Для сравнения делается также экскурс в историю финансирования науки и назначения стипендий в СССР.

Отмечается, что в регионах принимаются соответствующие законодательные акты, оказывается всесторонняя поддержка науке и научным исследованиям, расширяется образовательная среда, создаются новые научные и инновационные центры. Тем не менее проблемы носят комплексный характер и требуют соответствующего решения.

Подготовка кадров по гуманитарным направлениям в республиках снижается, что негативно влияет и на будущие поколения этнических общностей, воспроизводство, общественное развитие.

Ключевые слова: реформа высшего образования; национальный кадр; высшая квалификация; аспирантура; регион; научно-педагогическая деятельность; российское образование; Башкортостан; Татарстан; Тыва

Для цитирования:

Зарипов А. Я., Ростовская Т. К. Подготовка кадров высшей квалификации в национальных регионах России (на примере республик Башкортостан, Татарстан, Тыва) // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 109-128. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.6>

Зарипов Айрат Янсурович — доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 3/2. Эл. адрес: a-y-zaripov@yandex.ru

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; директор Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций Российского университета дружбы народов. Адреса: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: rostovskaya.tamara@mail.ru

Zaripov, Ayrat Yansurovich, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 3/2 K. Marx St., Ufa, Russia, 450076. E-mail: a-y-zaripov@yandex.ru

Rostovskaya, Tamara Kerimovna, Doctor of Sociology, Professor; Deputy Director, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; Director, Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, RUDN University. Postal addresses: Bldg. 1, 6, Fotievoi St., 119333 Moscow, Russian Federation; 6, Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1629-7780

Article

Training of highly qualified personnel in national regions of Russia (the case of the Republic of Bashkortostan, Tatarstan, Tuva)

Ayrat Ya. Zaripov

Ufa University of Science and Technology, Russian Federation,

Tamara K. Rostovskaya

*Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;
RUDN University, Russian Federation*

The article analyzes the challenges of training highly qualified academic personnel in the national regions of the Russian Federation, using the examples of Bashkortostan, Tatarstan, and Tuva. The study is based on a wide range of sources, including statistical data, national census results, and information from educational institutions and government agencies.

It is emphasized that there are objective reasons for the declining interest of young people in academic and research careers, which are rooted in economic and social factors. The authors present data on various types of postgraduate scholarships allocated in the regions, highlighting their small amounts and limited availability. For comparison, a retrospective analysis is provided on the funding of science and scholarship provision in the USSR.

The article notes that legislative measures are being adopted at the regional level to support science and research. There is also a growing educational environment, with new scientific and innovation centers being established. Nevertheless, the existing problems are complex and require comprehensive solutions.

The article also highlights the declining number of humanities graduates in the republics, which negatively impacts the future of ethnic communities, their continuity, and broader societal development.

Keywords: *higher education reform; national personnel; higher qualification; postgraduate studies; region; academic activity; Russian education; Bashkortostan; Tatarstan; Tuva*

For citation:

Zaripov A. Ya. and Rostovskaya T. K. Training of highly qualified personnel in national regions of Russia (the case of the Republic of Bashkortostan, Tatarstan, Tuva). *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 109-128. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.6>

Введение

Присоединение России к Болонской системе образования в 2003 г. сопровождалось реформами в системе ее высшего образования — она стала 3-уровневой (бакалавриат — магистратура — аспирантура). Если по первым двум ступеням дискуссии и возникали, но не получили большого резонанса. А третья ступень — аспирантура — стала наиболее обсуждаемой темой в печати, академической среде и научных исследованиях (Бедный, 2017; Резник, Чемезов, 2018; Тезиел, 2018; Сергеев, 2021; и др.). Дискуссия привела к пониманию наличия проблем с организацией обучения, мотивацией обучающихся, защитой диссертационных работ, работой диссертационных советов, и в итоге возник вопрос о статусе аспирантуры в целом (Терентьев, Бекова, Малошонок: 2018; Малошонок, Терентьев, 2019).

В России, как и в СССР, аспирантура ассоциировалась и до сих пор ассоциируется не с получением высшего образования, а как самостоятельная ступень после вузовского образования, цель которой — подготовка научных и научно-педагогических кадров (Захарова, 2021). Но после реформы 2012 г. выяснилось, что смена приоритетов ни привела к желаемому эффекту.

Результаты выпускников аспирантуры по новой системе оказались шокирующими с точки зрения защиты диссертаций. Так, если в 2010 г. защитились около 28,5% аспирантов из всех выпускников, а в 2015 г. — только 18% (Грибовод, Ковба, 2023: 113). В 2016 г. Министерство образования РФ заявило о

необходимости изменений в данной системе¹. В 2018 г. уже глава Российской академии наук заявил о реформе аспирантуры². Но только в конце 2020 г. был принят новый закон о внесении изменений в систему образования³, который подкорректировал некоторые положения об аспирантуре (напр., отмену дипломов за обучение в аспирантуре, изменение программ обучения, отмену итоговой аттестации и др.), но не вывел ее из системы высшего образования.

Целью данного исследования является анализ положения дел в сфере подготовки научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации в национальных регионах РФ (Башкортостан, Татарстан, Тува), выявление причин снижения интереса молодежи к научной и научно-педагогической деятельности, роли региональной кадровой политики в сфере науки и их заинтересованности в поддержке научных, научно-педагогических работников и науки в целом. Региональные проблемы специфичны, поскольку они относятся к подготовке кадров для учреждений культуры, образования, воспитания, связанных с национальным языком, традициями, ментальностью, идентичностью. С другой стороны, представленность в аспирантуре, защита диссертаций, получение ученых степеней важны для роста самосознания членов этноса, его модернизации, раскрытия творческого и духовного потенциала представителей коренных этносов. С этой точки зрения, проблема подготовки кадров высшей квалификации и изучение состояния дел в национальных регионах представляется важной.

В ходе исследования предполагается решить ряд задач:

- выявление экономических причин падения интереса молодого поколения к продолжению обучения в аспирантуре;
- характеристика состояния дел в национальных регионах страны с подготовкой научно-педагогических кадров;
- анализ кадровой политики региональных властей по привлечению молодых людей в науку.

Объектом исследования является система подготовки кадров высшей квалификации в национальных регионах, предметом — роль научных кадров в поддержании регионального научного потенциала и развитие высшего образования путем подготовки научно-педагогических кадров для вузов. Хронологически исследование охватывает первую четверть XXI в., период реформ в аспирантуре и последовавшие за ними проблемы.

Новизна исследования заключается в том, что работы, посвященные изучению состояния третьей ступени высшего образования в регионах страны в современных условиях, практически отсутствуют. Имеются работы по отдельным вузам (Багдасарьян, Балужева, 2022; Фот, 2009), но в региональном плане анализ отсутствует.

Основной теоретико-методологической базой исследования выступает комплексный подход, опирающийся на классические работы исследователей в области социальной философии, социологии, истории, педагогики; сравнительный анализ, который позволит увидеть общие и частные проблемы региональной политики в данном вопросе.

В работе проанализированы и использованы результаты предшествующих научных исследований по теме, общедоступные материалы региональной статистики, электронные ресурсы, сайты образовательных и научно-исследовательских учреждений Башкортостана, Татарстана, Тувы, что позволило создать целостную картину по состоянию дел в сфере подготовки кадров высшей квалификации, как по стране в целом, так и в указанных регионах.

¹ Минобрнауки заявило о реформах в вузовской аспирантуре [Электронный ресурс] // РБК. Татарстан. 2016. 22 сентября. URL: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/freenews/57e392069a79471318d98270> (дата обращения: 18.01.2025).

² Глава РАН рассказал о предстоящей реформе аспирантуры. [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/06/06/2018/5b174ac89a7947c9c8cda61d> (дата обращения: 18.01.2025).

³ Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 517-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46283> (дата обращения: 15.01.2025).

Обзор литературы

Образовательный процесс в РФ давно стал объектом изучения многих наук (Горев, 1994; Овсянников, 1999; Бикметов, 2004; Вяземский, 2013; Маркевич, Зарипов Н., Зарипов А., 2018; Валиахметов, Зарипов, Вахитов, 2025; и др.) и уже сложились определенные традиции в его исследовании. Авторы выделяют несколько подходов, среди которых приоритетными признаются педагогический, философский, экономический, социологический (Зборовский, 2000). Каждый из подходов раскрывает специфические стороны получения образования в системе аспирантуры: взаимодействие обучающегося с обществом и его институтами, с научными сообществами, исследовательскими программами; анализ имеющихся данных и их интерпретация; определение траекторий личностного развития и др.

Основной массив работ, посвященных обучению в аспирантуре, касается общих проблем организационного, правового, статусного положения данного уровня образования (Вершинин, 2015; Беккова, Терентьев, 2020; Сенашенко, 2020; Сероштан и др., 2022; Кузнецова, Ахметьянова, Кузнецов: 2023; Ростовская и др., 2023¹; и др.). В них анализируются современное состояние аспирантуры, содержание и необходимость имеющихся программ обучения, раскрываются проблемы аспирантов, относящиеся к написанию и защите диссертаций, работа диссертационных советов, которых не хватает как в центральных научных учреждениях, так и в регионах. Общей чертой исследований, проведенных в период с 2016 по 2022 гг. является их алармистский характер, пронизанный опасением за состояние не только аспирантуры, но и будущего всей науки в целом.

В ряде исследований присутствует сравнительный анализ организации подготовки кадров высшей квалификации в зарубежных странах и России (Кривцова, 2012: Электр. ресурс; Видревич, Завирюха, 2017; Рубан, 2020). Имплицированная мысль этих работ — предложение обратиться к зарубежному опыту с целью инкорпорации их достижений в современный российский институт аспирантуры.

Региональные аспекты проблемы освещены слабо. В имеющихся работах авторы затрагивают проблемное поле данной ситуации, анализируя количественные показатели поступивших, защитивших диссертации в послереформенный период в отдельных регионах (Бедарева, Полушкина, 2021; Кокшаров, Агарков, Мельник, 2022) или же в федеральных округах (Закиров, Орехов, 2023). Монографические исследования пока отсутствуют.

В целом, исследования, проведенные в регионах представителями местного ученого сообщества, можно объединить по следующим группам:

- 1) исследования по общим проблемам науки и кадров в регионах (Ахметова, 2020; Гамилова и др., 2018; Тува. Родная ..., 2023: 28–41);
- 2) выявление научного потенциала республик (Мажитова, 2015; Рабцевич, 2019; Лебедев, 2011; Ахунов и др., 2021; Кузнецова, 2022; Валиахметов, Зарипов, Туракаев, 2022);
- 3) подготовка научных и научно-педагогических кадров в отдельных учебных заведениях и научных учреждениях (Доржу, 2014; Фархшатов, Рахматуллина, Псянчин, 2022; Сергачева, 2016: Электр. ресурс).

Отдельно можно отметить группу исследований, посвященных истории создания научных учреждений для подготовки научных кадров высшей квалификации (Фахрутдинов, 2011; Каримов, 2014; Сулейманова, Исянгулов, 2019).

Несмотря на наличие исследований, они не раскрывают причинно-следственные связи снижения интереса молодежи к аспирантуре и подготовки научных и научно-педагогических кадров в национальных республиках. Аспирантура является важным источником пополнения научного и педагогического потенциала республик, способствует поднятию их научного престижа, экономического статуса, социального рейтинга, общественного имиджа в конкуренции за привлечение молодого поколения. Выявление конкретных причин снижения интереса молодежи к научной деятельности в национальных регионах составляет основную новизну данной работы.

Основные экономические мотивы

Причин, по которым приток молодежи в аспирантуру сократился в течение 2010–2020 гг., достаточно много, но основным, на наш взгляд является экономический фактор, в т. ч. уровень стипендий,

¹ См. также: Ростовская Т. К. Методика работы над диссертационным исследованием. Демография : учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2025.

выделяемых аспирантам на период их обучения. Стипендия аспиранта и уровень заработной платы, которые существуют в сфере научно-исследовательской и преподавательской деятельности, не гарантируют финансовой обеспеченности и независимости, а потому не слишком привлекательны. Стартовые размеры государственной стипендии аспирантов колеблются от 4071 до 9770 руб. без учета районного коэффициента¹ в 2024 г. Окончательный размер стипендии устанавливается ученым советом вузов, либо организацией, проводящей обучение аспирантов, с учетом мнения совета обучающихся и, при наличии, первичной профсоюзной организации.

В регионах в целях поддержки аспирантов существуют стипендии региональных властей. С 2019 г. в Республике Башкортостан назначается стипендия Главы Республики Башкортостан — 30 стипендий в сумме 8050 руб.²; в Республике Татарстан с 2023 г. назначаются специальные государственные стипендии в сумме 8062 руб.³; в Туве университетская стипендия в 2021 г. составила 11920,21 руб.⁴ (года данных указаны разные в силу доступности источников и информации). Эти стипендии назначаются сроком на 1 год, но тоже не способны создать нормальные условия для учебы. Существуют также именные стипендии, учрежденные различными государственными и частными структурами. Суммы их могут варьироваться от 10 до 30 тыс. руб. и более. Так, в Башкирском государственном аграрном университете за достижения в учебе и научно-исследовательской деятельности вручается стипендия Россельхозбанка в размере 20 тыс. руб.⁵; в Казанском национальном исследовательском техническом университете им. А. Н. Туполева — КАИ на конкурсной основе можно получать стипендию имени Ю. А. Гагарина в сумме 15 тыс. руб.⁶; в Уральском федеральном университете назначается стипендия имени К. А. Валиева в сумме 75 тыс. руб.⁷

Как свидетельствуют сами аспиранты, для того чтобы достичь более-менее равновесного социально-экономического состояния и удовлетворения экзистенциальных потребностей, они «часто совмещают работу, зачастую в области, отличной от их специализации, с учебой, что существенно отвлекает их от полного погружения в учебный процесс» (Шевченко, 2024: 110). И это характерно для аспирантов во всех регионах РФ.

Существует еще и стипендия Президента Российской Федерации, которая назначается сроком от одного года до четырех лет в размере 75 тыс. руб. для тех, кто проводит научные исследования в рамках реализации приоритетов научно-технологического развития страны⁸. Она лимитирована (2000 чел. ежегодно) и для ее получения нужно иметь очень высокие показатели, которые в условиях регионов труднодостижимы — участие в перспективных научных исследованиях на федеральном уровне, наличие статей в высокорейтинговых научных журналах и т. д.

¹ Письмо Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 21 августа 2024 г. № МН-11/2470 «О стипендиальном обеспечении с 1 сентября 2024 г.» [Электронный ресурс] // Гарант.ру. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410460416/> (дата обращения: 24.01.2025).

² Указ Главы Республики Башкортостан от 18.03.2019 № УГ-80 «О стипендиях Главы Республики Башкортостан». [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0200201903210001> (дата обращения: 24.01.2025).

³ Об установлении нормативов для формирования стипендиального Фонда за счет бюджетных ассигнований бюджета Республики Татарстан и стоимости дневного рациона питания обучающихся профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования, получающих образование за счет средств бюджета Республики Татарстан, на 2024–2026 годы [Электронный ресурс] // Официальный портал правовой информации Республики Татарстан. URL: https://pravo.tatarstan.ru/npa_kabmin/post/?npa_id=1252581 (дата обращения: 24.01.2025).

⁴ Приказ ректора ТувГУ от 03.08.2021 [Электронный ресурс] // Тувинский государственный университет. URL: <http://tuvsu.ru/sveden/grants/> (дата обращения: 25.01.2025).

⁵ Ведущий аграрный банк вручил стипендии лучшим студентам и аспирантам БашГАУ. [Электронный ресурс] // Министерство сельского хозяйства РБ. URL: <https://agriculture.bashkortostan.ru/presscenter/news/500639/> (дата обращения: 26.02.2025).

⁶ Конкурс на соискание стипендии имени Ю. А. Гагарина. 22.08.2024. [Электронный ресурс] // Языковой центр. URL: <https://kai.ru/web/language-centre/news/new?id=13309353> (дата обращения: 26.02.2025).

⁷ Именные стипендии [Электронный ресурс] // Официальный сайт УрФУ. URL: <https://aspirant.urfu.ru/ru/aspirantura/imennye-stipendii/> (дата обращения: 26.02.2025).

⁸ Указ Президента РФ от 27 ноября 2023 г. № 902 «О стипендии Президента Российской Федерации для аспирантов и адъюнктов, проводящих научные исследования в рамках реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Гарант.ру. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407978913/> (дата обращения 24.01.2025)

Региональную аспирантскую стипендию можно проиллюстрировать на конкретных примерах 2024 г.:

— Тувинский госуниверситет — 6333 руб. для аспирантов социального и гуманитарного направления и 14011 руб. для аспирантов по техническим и естественным направлениям с учетом районного коэффициента¹;

— Казанский федеральный университет — 5192 и 11 144 руб.² соответственно;

— Уфимский нефтяной университет — 4710 и 11250 руб.³ соответственно.

При этом величина прожиточного минимума на 2024 г. в Кызыле составила 15608 руб. — на душу населения⁴, в Казани — 13135 руб.⁵, в Уфе — 13 576 руб.⁶ Уровень средних зарплат за тот же период, по данным городского аналитического портала ГородРабот.ру составил: в Кызыле — 79 988 руб., в Казани — 69 855 руб., в Уфе — 76 030 руб.⁷

И не удивительно, что аспиранты вынуждены искать подработку в доступных местах, не сопряженную с основным видом деятельности в аспирантуре. Средний уровень оплаты труда по городам тоже не отражает истинных размеров зарплат в самих учебных заведениях, т. к. они гораздо ниже среднестатистического. Аспиранты, даже если они интегрированы в кафедры, научные лаборатории, исследования, не могут получать желаемый размер оплаты своего труда.

Ретроспективный взгляд на историю аспирантской стипендии в СССР показывает, что положение советского аспиранта было финансово достаточно устойчивым и государство заботилось о том, чтобы аспиранты и докторанты не испытывали больших финансовых проблем и занимались наукой.

В 1930-х гг. в СССР стипендия аспирантов составляла 200–250 руб. в зависимости от успеваемости и 300 руб. выделялось аспирантам-ассистентам научно-исследовательских институтов⁸. Для сравнения: преподаватели вузов получали зарплату в 336 руб., в научно-исследовательских учреждениях — 302 руб.

В 1939 г. в СССР была учреждена Сталинская стипендия, размер которой составлял 1000 руб. для аспирантов (100 стипендий) и 1500 руб. (50 стипендий) для докторантов⁹. В годы Великой Отечествен-

¹ Приказ ректора ТГУ от 09.08.2024 [Электронный ресурс] // Тувинский государственный университет. URL: <http://old.tuvsu.ru/upload/files/7ca720cb-e486-4eb5-8b06-046660ea7e2f.pdf> (дата обращения: 25.01.2025).

² Об установлении размера стипендии студентам, аспирантам и ординаторам, обучающимся по очной форме обучения за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, на 2024/25 учебный год. Приказ ректора КФУ от 29.08.2024. [Электронный ресурс] // Казанский федеральный университет. URL: <https://students.kpfu.ru/sites/default/files/2024-09> (дата обращения: 25.01.2025).

³ Размер стипендиальных выплат в осеннем семестре 2024-2025 учебного года [Электронный ресурс] // Сайт УГНТУ. URL: <https://usptu.ru/sites/default/files/2024-09/2024-2025> (дата обращения: 25.01.2025).

⁴ Постановление Правительства Республики Тыва от 14 сентября 2023 г. № 690 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Республике Тыва на 2024 год» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/tyva/1648789/> (дата обращения: 25.01.2025).

⁵ О величине прожиточного минимума на 2024 год. Постановление Кабинета министров РТ от 16.12.2023 [Электронный ресурс] // Официальный портал правовой информации Республики Татарстан. URL: https://pravo.tatarstan.ru/file/npa/2023-12/1326242/npa_1326243.pdf (дата обращения: 25.01.2025).

⁶ Постановление правительства Республики Башкортостан от 7 ноября 2023 года № 631 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Республике Башкортостан на 2024 год» [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0200202309130013> (дата обращения: 25.01.2025).

⁷ Статистика зарплат в Кызыле за 2024 год [Электронный ресурс] // ГородРабот.ру. URL: <https://kyzyl.gorodrabot.ru/salaries#salary-statistics-chart-item-1> (дата обращения: 25.01.2025); Статистика зарплат в Казани за 2024 год [Электронный ресурс] // ГородРабот.ру. URL: <https://kazan.gorodrabot.ru/salaries#salary-statistics-chart-item-1> (дата обращения: 25.01.2025); Статистика зарплат в Уфе за 2024 год [Электронный ресурс] // ГородРабот.ру. URL: <https://ufa.gorodrabot.ru/salaries#salary-statistics-chart-item-1> (дата обращения: 25.01.2025).

⁸ Оклады преподавателей и стипендии аспирантов и студентов советских ВУЗов, ноябрь 1937 г. [Электронный ресурс] // Живой журнал. URL: <https://ihistorian.livejournal.com/> (дата обращения: 27.01.2025).

⁹ Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР «Об учреждении премий и стипендий имени Сталина». 20 декабря 1939 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/257828#mode/inspect/page/3/zoom/4> (дата обращения: 27.01.2025).

ной войны Совет Народных Комиссаров с 1.09.1943 г. установил размеры стипендий для аспирантов вузов и научно-исследовательских институтов Академии Наук СССР — 700 руб. в месяц, для аспирантов остальных высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов — 600 руб. в месяц¹.

В 1960 г. была учреждена Ленинская стипендия. Для аспирантов она составляла 1110 руб., а после денежной реформы 1961 г. — 110 руб. Обычная стипендия составляла 100 руб. в месяц². В 1970-х гг. аспиранты получали 85 руб. в месяц, а именные стипендиаты — 125 руб.³ Средняя зарплата по стране в 1970 г. составляла 122 руб. В конце 1980-х гг. размер стипендии колебался от 110 до 150 руб. (Ходеева, Рыбаков, Бедный, 2023: 229). Также аспирантам за высокие учебные и научные достижения могли быть назначены стипендии им. В. И. Ленина и им. К. Маркса в размере 180 руб. в месяц⁴. Средняя зарплата по стране в 1987 г. была 201 руб., работники науки получали 167 руб.⁵

В СССР аспиранты, получавшие государственные стипендии, могли работать только на тех кафедрах и лабораториях, к которым были прикреплены. Работа не должна была быть полный день. Подработка на стороне официально не разрешалась.

С распадом СССР в 1991 г., система социалистического распределения и благополучия в науке закончилась. В 1991 г. в последний раз была повышена Ленинская стипендия для аспирантов до 260 руб., а обычная стипендия была около 200 руб. В последующие годы инфляция в стране резко возросла, и размер стипендии правительство привязало к минимальному размеру оплаты труда (МРОТ). С 1996 г. размер стипендий аспирантов соответствовал 3-кратному размеру МРОТ (в январе 1996 г. МРОТ составил 63250 руб., в апреле — 75900 руб.⁶), т. е. стипендия составляла 189750 руб., с повышением до 227700 руб.

В 1995 г. было учреждено 300 стипендий Правительства РФ для аспирантов, и ее сумма в 1996 г. равнялась 6-кратному размеру МРОТ⁷ (379500 руб.). Средняя зарплата за этот год в январе составляла 654,8 тыс. руб., а в декабре — 1017,0 тыс. руб.⁸ Другими словами, аспиранты находились в очень затруднительном положении. Но, несмотря на это, количество аспирантов не уменьшалось, а нао-

¹ Постановление Совета Народных Комиссаров «О размерах и порядке назначения стипендий в высших учебных заведениях и техникумах и об освобождении студентов от призыва в Красную Армию». 15.09.1943. [Электронный ресурс] // Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/20313> (дата обращения: 28.01.2025).

² Положение об аспирантуре при высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях. 31.7.1962 г. [Электронный ресурс] // Музей истории российских реформ им. П. А. Столыпина. URL: <http://museumreforms.ru/node/13869#ref-18> (дата обращения: 28.01.2025).

³ О мерах по дальнейшему улучшению материальных и жилищно-бытовых условий студентов высших и учащихся средних специальных учебных заведений. Постановление ЦК КПСС, СМ СССР от 18 октября 1971 года № 755 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 27.01.2025).

⁴ Положение о подготовке научно-педагогических и научных кадров. Приказ Минвуза СССР № 637, Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР № 63 от 15.09.1987 «О подготовке научно-педагогических и научных кадров в системе непрерывного образования (вместе с «Положением о подготовке научно-педагогических и научных кадров в системе непрерывного образования»». [Электронный ресурс] // Консультант. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8122#nAkLibUVISGI1po4> (дата обращения: 29.01.2025).

⁵ Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства [Электронный ресурс] // Исторические материалы. https://istmat.org/files/uploads/20568/sssр_1987_zр.pdf (дата обращения: 29.01.2025).

⁶ МРОТ — таблица величин минимального размера оплаты труда МРОТ в РФ, установленная правительством на сегодня. [Электронный ресурс] // Юриус. Юридическая коллегия. URL: <https://www.urius.net/minimalnyj-razmer-oplaty-truda-uroven-ustanovlennij-pravitelstvom-na-segodnya/> (дата обращения: 31.01.2025).

⁷ О повышении стипендий для аспирантов государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования и научно-исследовательских учреждений Российской Федерации [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9016337> (дата обращения: 31.01.2025).

⁸ Таблица среднемесячной заработной платы в стране для конвертации пенсионных прав в расчетный пенсионный капитал [Электронный ресурс] // Visa.Sam.ru. URL: <https://visasam.ru/russia/rabotavrf/sredniaya-zarplata-v-rossii-po-godam.html> (дата обращения: 27.02.2025).

борот, росло. В 1991 г. в Башкортостане было 569 аспирантов, а в 1995 г. — 823; в Татарстане — 1187 и 1602 соответственно, в Туве — 0 и 10 соответственно¹.

После деноминации в 1998 г. (1000 старых рублей = 1 новому рублю) стипендия аспирантов приравнивалась 5-кратному размеру МРОТ. С 1998 г. по 2000 г. аспирантская стипендия была 417,45 руб., при средней зарплате по стране 760 руб. В дальнейшем аспирантские стипендии определялись постановлениями Правительства РФ и не были привязаны к МРОТ. С 1 января 2001 г. стипендия устанавливалась в размере 500 руб.; с 1 сентября 2003 г. в размере 1000 руб.; с 1 января 2006 г. в размере 1500 руб.; с 1 сентября 2011 г. в размере 2500 руб. (при средней зарплате — 20 952 руб.²)³.

В наши дни для улучшения финансового и экономического положения аспирантов, преподавателей, исследователей формально имеются и другие возможности — гранты. Но, как подчеркивают исследователи, «грантовый процесс не может решить всех проблем финансовой обеспеченности отечественной науки ...» (Фадеева, Алексуткина, 2022: 60). Получать гранты тоже не просто, поскольку существует большая конкуренция, многочисленные бюрократические препоны и др. Гранты не только государство выделяет, но и частные фонды и их размеры различны.

Также есть региональные гранты. В Башкортостане — гранты главы региона, в Татарстане и Туве — председателя Правительства Республик. Суммы их не превышают 500000 руб. и рассчитаны на определенный период для проведения исследований, прохождения стажировок, обмена опытом. С. Ю. Демиденко констатирует, что «на деле суммы выплат не так велики, как фиксируются в ряде документов, получить их довольно сложно, чаще всего это сопровождается дополнительной работой на кафедре в позиции лаборанта и включением в исследовательские проекты. И эти суммы также значительно меньше средних зарплат по стране ...» (Демиденко, 2021: 69). В Татарстане и Башкортостане молодым ученым предлагают получить сертификат на улучшение жилищных условий или поездки на стажировку в ведущие вузы страны и мира. Еще одной мерой поддержки молодых ученых являются премии, выделяемые правительствами регионов за достигнутые успехи в научной, исследовательской, инновационной деятельности. Но они — одноразовы и их размеры не столь существенны.

Основной проблемой не только аспирантуры, но и современной российской науки является ее недофинансированность. Если когда-то кадры решали все, то сейчас для кадров финансы решают все. От финансовой обеспеченности складывается и социальный имидж науки. Большинство современных молодых людей успех оценивают в материальном эквиваленте, а поскольку, занимаясь научной деятельностью добиться этого быстро сложно, то и предпочтения отдаются тем видам деятельности, которые приносят материальное благополучие в достаточно близкой перспективе. Научная деятельность — это, говоря экономическим языком, долгосрочные вложения, эффект от которых возможен лишь в долгосрочной перспективе.

Общие проблемы аспирантуры нашли отражение и в регионах. Они усугубляются социальными и экономическими проблемами регионального масштаба: низким уровнем доплат, сложностями с оформлением и получением грантов, необходимостью участия в федеральных исследовательских проектах, необходимостью трат на командировки, на конференции, симпозиумы, форумы. Отсутствие или малочисленность диссертационных советов на местах вынуждает соискателей искать их в других регионах, что тоже сопряжено с финансовыми проблемами и тоже влияет на сокращение количества защит. Кроме вышеуказанных экономических трудностей имеются и другие проблемы нематериального характера (психологические, душевные, эмоциональные), поскольку все это порождает некоторую неуверенность в собственных силах, дискомфорт в связи с переездами, в т. ч. в случае отсутствия моральной поддержки со стороны коллег, родственников — в стрессовых ситуациях это является немаловажным фактором. Сокращение количества обучающихся в аспирантуре и защищенных диссертаций негативно влияет и на общий региональный ландшафт научного потенциала регионов, воспроизводство научных и научно-педагогических кадров, уровень высшего образования в регионах, что в свою очередь приводит к оттоку абитуриентов.

¹ Численность аспирантов [Электронный ресурс] // Народная энциклопедия городов и регионов России «Мой Город». URL: <https://mojgorod.ru/stat/region/tabR1534.html> (дата обращения: 15.11.2024).

² Средняя зарплата в России по годам [Электронный ресурс] // Fincan.ru. URL: http://fincan.ru/articles/49_srednyaja-zarplata-v-rossii-po-godam/ (дата обращения: 30.01.2025).

³ Решение Верховного суда: Решение № ГКПИ11-1219 от 23.08.2011 Судебная коллегия по гражданским делам, первая инстанция [Электронный ресурс] // Кодексы и законы. Правовая навигационная система. URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/af8e18804b34b13b2c58996949914241/> (дата обращения: 30.01.2025).

Потенциал повышения подготовки кадров высшей квалификации

В СССР аспирантура считалась самостоятельным этапом послевузовского обучения и ее завершение предусматривало защиту диссертации. Но, чтобы упростить процесс завершения обучения в аспирантуре, в 1957 г. было принято решение о необязательной защите диссертаций в срок (Цеховой, 2012: 114), что привело к резкому падению показателей по защите диссертаций. В 1962 г. положение об обязательной защите диссертаций было возвращено. До 1967 г. в аспирантуру принимали молодых людей до 35 лет, имеющих 2 года стажа работы, а с 1967 г. можно стало поступать в аспирантуру сразу после окончания вуза. В постсоветский период, количество аспирантов (таб. 2) и организаций, ведущих подготовку аспирантов (таб. 1) как в стране, так и в национальных республиках, колебалось в зависимости от внутренней политики в сфере образования, реформ и преобразований.

Таблица 1. Количество организаций, ведущих подготовку аспирантов в республиках Башкортостан, Татарстан, Тыва¹

Table 1. Number of organizations providing postgraduate training in the Republics of Bashkortostan, Tatarstan, and Tuva

Регион	2005	2010	2015	2017	2018
Республика Башкортостан	18	30	30	27	18
Республика Татарстан	40	40	34	36	36
Республика Тыва	2	2	2	1	1

Таблица 2. Количество аспирантов в республиках Башкортостан, Татарстан, Тыва²

Table 2. Number of graduate students in the Republics of Bashkortostan, Tatarstan, Tuva

Регион	2000	2005	2010	2015	2020	2023
Республика Башкортостан	2 025	2 329	3 156	2 249	1 444	1 870
Республика Татарстан	2 743	3 345	4 233	3 464	2 921	3 837
Республика Тыва	36	39	137	75	59	60

Развитие аспирантуры в национальных регионах РФ в первые годы советской власти было связано с необходимостью в расширенном воспроизводстве квалифицированных специалистов в разных отраслях народного хозяйства, а также науки, просвещения, медицины, искусства. В 1920–1930-х гг. в СССР шел процесс формирования высшего образования, открывались вузы, а при них создавалась аспирантура. В первоначальный период, в регионах аспирантура работала как курсы подготовки слушателей к поступлению в профильные аспирантуры ведущих вузов страны. Защиты кандидатских и докторских диссертаций проводились на большом ученом совете определенного профильного вуза, а диссертационные советы появились лишь в 1970-е гг. (Новиков, 2010: 125).

В Башкортостане первые курсы по подготовке к поступлению в аспирантуру были открыты при педагогическом университете им. К. А. Тимирязева в 1930 г.³, а в 1933 г. они были преобразованы в аспирантуру. Первый институт аспирантуры был открыт в 1931 г. при Башкирском коммунистическом университете в Уфе, первая защита диссертации в Уфе состоялась в Башкирском медицинском университете в июне 1944 г.⁴, когда там была открыта аспирантура. В том же году в педагогическом

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019 Статистический сборник Росстата. М., 2019. 1204 с. [Электронный ресурс] // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2019.pdf (дата обращения 21.01.2025).

² Численность аспирантов [Электронный ресурс] // Народная энциклопедия городов и регионов России «Мой город». URL: <https://mojgorod.ru/stat/region/tabR1534.html> (дата обращения: 24.01.2025)

³ Плох тот студент, который не мечтает стать аспирантом [Электронный ресурс] // Республика Башкортостан. 27.11.2009. URL: <https://bash.rosmu.ru/activity/events/557.html> (дата обращения: 31.01.2025).

⁴ История БГМУ — доклад по истории медицины. [Электронный ресурс] // Интернет-архив. URL: <https://web.archive.org/web/20140419013821/http://bsmy.ru/2780> (дата обращения: 1.02.2025).

институте открылась аспирантура по специальности «башкирский язык и литература»¹. После Великой Отечественной войны аспирантура открылась практически во всех вузах, научно-исследовательских институтах, филиалах академии наук СССР, ведомственных учреждениях. Большую роль в формировании академической науки в Республике Башкортостан сыграло открытие в 1951 г. Башкирского филиала академии наук СССР (Юсупов, Хайбуллин, 2021; Фархшатов, Рахматуллина, Псянчин, 2022).

В 1925 г. Казанский государственный университет и Казанский институт ветеринарии получили возможность открыть свою аспирантуру. В 1930 г. открылась аспирантура в Татарском коммунистическом университете. В 1933 г. в Казанском авиационном институте (образован на базе аэродинамического отделения КГУ) состоялась первая защита диссертации на звание кандидата наук². В 1941 г. в Институте языка, литературы и истории была написана первая диссертация по синтаксису татарского языка³. В 1944 г. в Казани был открыт Казанский филиал Академии наук СССР, что стало мощным стимулом для дальнейшего роста и консолидации научно-исследовательских сил и важнейшей вехой в развитии академической науки в Татарстане.

Тува вошла в состав СССР в 1944 г. и до этого не имела собственной аспирантуры. Подготовка кадров высшей квалификации осуществлялась за пределами региона — в научных и учебных центрах Сибирского региона, Москве, Ленинграде и др. городах СССР. Первая аспирантура в г. Кызыл была открыта в 1994 г. по специальности «Отечественная история» (Доржу, 2014: 19). Спустя два года «на филологическом и естественно-географическом факультетах открылись аспирантуры по специальностям 10.02.02. — языки народов РФ, 03.00.16. — экология» (Сат, 2015: 35). Диссертационных советов по защите не было, и выпускники аспирантуры защищались в разных городах Сибири — Красноярске, Улан-Уде, Абакане, Кемерово, Иркутске. И сегодня своего диссертационного совета в Туве нет, есть только объединенный диссертационный совет Тувинского государственного университета и Сибирского федерального университета (с 2015 г.)⁴. При этом сами защиты проходят в Красноярске.

В период реформ в сфере высшего образования подготовка научных кадров высшей квалификации в стране и регионах привела к сокращению количества исследователей. В 2023 г. численность исследователей, имевших научную степень в регионах исследования, распределилась следующим образом: в Башкортостане насчитывалось всего 1332 чел., из них докторов наук — 328, кандидатов наук — 1004; в Татарстане из 1534 чел., докторов наук — 313, кандидатов наук — 1221⁵; в Туве из 346 чел. докторов наук — 31, кандидатов — 315⁶. Научный потенциал регионов разный, но главная задача заключается в эффективном его использовании.

Кроме научного потенциала, существуют и критерии оценки научно-технического потенциала регионов. В него входят многие показатели, которые включают: состояние кадров, финансовое обеспечение и материально-технические ресурсы, публикационную и патентную активность. Финансирование научных исследований и разработок, результативность научных исследований и разработок иллюстрирует отношение регионов к проблемам науки и подготовки кадров. В этом рейтинге самое высокое положение имеет Республика Татарстан, занимая 14 место среди всех субъектов РФ; Республика Башкортостан занимает 20-е, Республика Тува — 81-е⁷.

¹ Филологическое образование [Электронный ресурс] // Региональный интерактивный энциклопедический портал Башкортостан. URL: <https://bashenc.online/ru/articles/80242/> (дата обращения: 1.02.2025).

² Они стояли у истоков. Первые преподаватели КАИ [Электронный ресурс] // Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева — КАИ. Официальный сайт. URL: <https://rt-online.ru/p10081442/> (дата обращения: 31.01.2025).

³ Яруллин Э. И. Проблемы изучения синтаксического строя татарского языка в трудах академика М. З. Закиева: дис. ... к. филол. н. Казань, 2011.

⁴ Диссертационный совет [Электронный ресурс] // Тувинский государственный университет. URL: <http://tuvsu.ru/nauka/dissertatsionnyy-sovet/> (дата обращения: 27.02.2025).

⁵ Численность исследователей (по областям науки; по возрастным группам; по ученым степеням; по субъектам Российской Федерации) (с 2010 г.) [Электронный ресурс] // Наука, инновации и технологии. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 3.02.2025).

⁶ В Туве научное сообщество в 2024 году пополнили 1 доктор наук и 10 кандидатов наук. [Электронный ресурс] // ИА Туваонлайн. 2025, 9 февраля. URL: https://www.tuvaonline.ru/2025/02/09/v-tuve-nauchnoe-sooobschestvo-v-2024-godu-popolnili-1-doktor-nauk-i-10-kandidatov-nauk.html?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 28.02.2025).

⁷ Научно-технический потенциал [Электронный ресурс] // Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 9. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/949132853.pdf> (дата обращения: 26.01.2025).

Подготовке кадров высшей квалификации уделяется пристальное внимание со стороны государства. Но тем не менее, общая экономическая ситуация вносит свои коррективы в эти планы. На уровне субъектов федерации предпринимаются усилия по недопущению снижения кадрового и научно-технического потенциала, оказывается поддержка молодым ученым. В вузах, научных учреждениях открываются советы по защите диссертаций. Аспирантура остается базой подготовки новых кадров для науки и педагогического сообщества, несмотря на все сложности, которые она переживает.

Кадровая политика регионов по привлечению молодежи в науку

Потенциал к созданию, адаптации, освоению и реализации инноваций, оценка экономического, образовательного и цифрового развития регионов выражается в индексе социально-экономических условий инновационной деятельности (ИСЭУ), который был введен в 2012 г. Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ (Дубровский, Кирюхина, 2016: 54, 55). По этому показателю республики занимают следующие позиции в РФ: Татарстан — 3, Башкортостан — 12, Тува — 81¹. Он учитывает такие индикаторы, как: основные макроэкономические показатели, образовательный потенциал населения, потенциал цифровизации.

Важной составляющей для инновационного развития региона является образовательный потенциал, поскольку именно он создает базу для формирования дальнейших векторов развития региона.

В 2024 г. школы Башкортостана окончили 15,5 тысячи одиннадцатиклассников. Вузам республики было выделено 14,8 тысяч бюджетных мест. По сообщению Министерства образования республики, в вузы было принято 25 638 чел., из них на бюджетные места 13085, по квоте на целевое обучение — 1 378 чел., иностранных граждан — 2584 чел., 266 участников СВО и детей, чьи родители являются участниками СВО².

В Татарстане выпускников 11-х классов в 2024 г. было 14604, на поступление в вузы было предоставлено 23 083 бюджетных мест. В вузы Татарстана было зачислено 17 015 чел.³ В Туве на бюджетные места в Тувинском государственном университете было принято 1073 абитуриента, при этом в вуз было подано более 9 тысяч заявлений⁴. Общее количество выпускников в республике насчитывалось 2110 чел. В регионах отмечают, что выпускники стали больше ориентироваться на местные вузы, т. к. количество бюджетных мест в регионах ежегодно увеличивается, а в столичных престижных вузах сокращается и не все победители олимпиад, а также «стобальники⁵» могут попасть в них на бюджет.

После многолетней критики ЕГЭ, на подготовку школьников обратили серьезное внимание в школах, и система подготовки выпускников стала постепенно улучшаться. В школах вводятся инновационные формы обучения, развивается их техническая оснащенность. Рынок вынуждает адаптировать методы образования под свои потребности. Создается более эффективная образовательная среда. Одним из передовых трендов в образовательном процессе является мультимодальная педагогика — сочетание классических методов текстового, визуального и аудиального обучения с перцептивным восприятием, что делает обучение более привлекательным, интересным и более глубоко погружает обучающегося в процесс получения знаний.

Выпускники университетов, в свою очередь, являются базой для пополнения аспирантуры. В 2023 г. в Башкортостане было подготовлено и выпущено 18,7 тысяч бакалавров, специалистов и магистров, в Татарстане — 28,7 тыс., в Туве — 1,0 тыс. В том же году в аспирантуру в Башкортостане поступили

¹ Научно-технический потенциал [Электронный ресурс] // Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 9. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/949132853.pdf> (дата обращения: 26.01.2025).

² Студенческая семья Башкортостана пополнилась почти на 62 тысячи человек [Электронный ресурс] // Панорама Башкортостана. URL: <https://panoramarb.ru/> (дата обращения: 05.02.2025).

³ Татарстан вошел в пятерку регионов России по числу принятых студентов в вузы [Электронный ресурс] // KAZANFIRST. URL: <https://kazanfirst.ru/news/606108> (дата обращения: 5.02.2025).

⁴ В ТувГУ на бюджет поступило больше тысячи абитуриентов [Электронный ресурс] // Тувинская правда. URL: <https://tuvpravda.ru/novosti/v-tuv-gu-na-byudzheth-postupilo-bolshe-tysyachi-abiturientov/> (дата обращения: 5.02.2025).

⁵ «Стобальники» — выпускники школ, сдавших ЕГЭ (единый государственный экзамен) на 100 баллов по профильным предметам.

148 чел., в Татарстане — 435, в Туве — 12¹. Институт аспирантуры Татарстана для соискателей оказался более привлекательным, т. к. по сравнению с 2022 г. в 2023 г. на 51 чел. поступило больше. В Туве 2022 г. по показателям аспирантуры оказался не совсем удачным по сравнению с 2021 г., т. к. количество аспирантов сократилось на 9 чел.; в 2023 г. уже обучалось 12 чел. В Башкортостане наблюдался обратный процесс — в 2022 г. на обучение в аспирантуру поступило на 101 чел. больше, чем в 2023 г.²

Привлекательность аспирантуры связана и с привлекательностью инновационной деятельности региона. В сфере инновационной деятельности в рейтинге субъектов федерации Республика Татарстан находится на 1 месте, Башкортостан — на 4 месте, Тува — на 22 месте³. В них создана законодательная база, регулирующая деятельность учебных, научных, научно-исследовательских, научно-правовых организаций в инновационной деятельности, есть органы, координирующие эту деятельность, регионы участвуют в федеральных программах.

В рамках национальных проектов «Наука и университеты», «Приоритет 2030» происходит обновление и расширение образовательного пространства вузов, меняется их инфраструктура.

Проект «Наука и университеты» (с 2018 г.) включает в себя 4 федеральных проекта:

1. Развитие человеческого капитала в интересах регионов, отраслей и сектора исследований и разработок. Направлена на решение задач по повышению привлекательности российской науки и образования для ведущих российских и зарубежных ученых, молодых исследователей и обучающихся;

2. Развитие масштабных научных и научно-технологических проектов по приоритетным исследовательским направлениям;

3. Развитие интеграционных процессов в сфере науки, высшего образования и индустрии. Основная задача проекта — усиление мер по стимулированию и развитию объединений вузов, научных организаций и организаций реального сектора экономики;

4. Развитие инфраструктуры для научных исследований и подготовки кадров. Предусматривает обеспечение передовой инфраструктурой для научных исследований⁴.

В ходе реализации этого проекта в Республике Башкортостан создан Евразийский научно-образовательный центр (НОЦ) мирового уровня, который в 2023 г. по показателям своей деятельности среди 15 НОЦ в РФ занял 1 место⁵. Евразийский НОЦ создан на базе одного региона, объединяет 6 университетов, 3 научные организации, 29 индустриальных организаций. В рамках данного проекта республика поддерживает молодых ученых, помогая со стажировками в стране и за рубежом, улучшением жилищных условий, грантами, созданием научно-исследовательских лабораторий мирового уровня. Реализуются социальные проекты «Импульс университета», «Импульс инноваций».

В Республике Татарстан реализация данного национального проекта позволила увеличить численность молодых ученых до 4,5 тыс. чел., что составляет 60,4% от общего количества ученых (в среднем по России их количество составляет около 45%), развернута сеть научных лабораторий, привлечены почти 12 млрд. рублей с учетом финансирования 2024 г., осуществляется материальная поддержка ученых⁶. Построены и обновлены общежития, открыты новые исследовательские центры, про-

¹ Выпуск бакалавров, специалистов, магистров (тысяч человек). Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. М., 2024 [Электронный ресурс] // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf (дата обращения: 5.02.2025).

² Там же.

³ Научно-технический потенциал [Электронный ресурс] // Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 9. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/949132853.pdf> (дата обращения: 26.01.2025).

⁴ Цели национального проекта «Наука и университеты» [Электронный ресурс] // Сайт Министерства образования и науки РФ. URL: https://minobrnauki.gov.ru/nac_project/ (дата обращения: 28.02.2025).

⁵ Научные итоги года в Башкирии. Главные достижения Евразийского НОЦ в 2023-м [Электронный ресурс] // Башинформ. URL: <https://www.bashinform.ru/articles/social/2023-12-29/nauchnye-itogi-goda-v-bashkirii-glavnyedostizheniya-evraziyskogo-nots-v-2023-m-3586071> (дата обращения: 28.02.2025).

⁶ Рустам Минниханов подвел итоги нацпроекта «Наука и университеты» публикацией ролика о молодом ученом [Электронный ресурс] // Татарстан — республика достижений. URL: <https://tatarstan.top/news/rustam-minnikhanov-podvel-itogi-natsproekta-nauka-i-universitety-publikatsiyey-rolika-o-molodom-uchenom> (дата обращения: 28.02.2025).

ведены олимпиады по различным научным направлениям, улучшена инфраструктура вузов, расширяется международное сотрудничество вузов с другими странами, исследовательскими центрами и др.

Республика Тыва в рамках проекта «Наука и университеты» в 2021 г. вошла в состав Научно-образовательного центра мирового уровня «Енисейская Сибирь» совместно с Красноярским краем и Республикой Хакасия¹. В Тувинском государственном университете расширяются связи с ведущими вузами страны (Московским физико-техническим институтом, Сибирским федеральным университетом, Томским государственным университетом) и зарубежных стран (Монгольским Национальным Университетом, г. Улан-Батор, Монголия; Ховдским государственным университетом, г. Ховд, Монголия; Евразийским Инновационным университетом, г. Павлодар, Казахстан), реализуются студенческие стартапы, проект по созданию научно-исследовательского карбонового полигона в Туве «Карбоновый полигон «Танды-Уула» на хребте Восточный Танну-Ола в составе НОЦ «Енисейская Сибирь»², планируется строительство студенческого кампуса и др. Данный национальный проект реализуется в рамках государственной программы «Развитие науки и инновационной деятельности в Республике Тыва» (2023–2027 гг.)³.

Программа «Приоритет 2030» (стартовала в 2021 г.) — масштабная государственная программа, рассчитанная на развитие университетов через грантовую систему, которые смогут обеспечить вклад «в достижение национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г., повысить научно-образовательный потенциал университетов и научных организаций, а также обеспечить участие образовательных организаций высшего образования в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации»⁴. Цель программы — сформировать в России более 100 прогрессивных современных университетов — центров научно-технологического и социально-экономического развития страны к 2030 г.

В Башкортостане в этой программе участвуют 4 вуза — Уфимский нефтяной университет, Башкирский медицинский университет, Уфимский университет науки и технологий, Башкирская сельскохозяйственная академия. Первым 3 университетам в 2024 г. выделили около 1 млрд рублей на развитие своих программ — базовую и специальные части (спецчасти) гранта⁵.

В Татарстане 5 вузов участников этой программы. В 2024 г. в программу вошел Казанский государственный медицинский университет, который ранее в ней не был. Вуз получит 100 миллионов рублей для развития своей программы; КФУ — 185,6 млн руб. базовой и 529,4 млн руб. спецчасти, КГЭУ и КНИТУ-КАИ 171,4 и 142,9 млн соответственно — в базовой. КНИТУ-КХТИ — 145,2 и 317,6 миллионов рублей⁶.

Гранты дают возможность университетам развивать инновационные виды деятельности, создавать новые технологии и технологические цепочки в приоритетных направлениях развития науки, концентрироваться на стратегических проектах, устанавливать долгосрочное партнерство с реальным сектором экономики и научно-исследовательскими организациями, решать задачи импортозамещения и технологического суверенитета страны.

¹ Сергей Ондар рассказал о реализации нацпроекта «Наука и университеты» [Электронный ресурс] // TMGnews. URL: <https://tmgnews.ru/novosti/sergej-ondar-rasskazal-o-realizaczii-naczproekta-nauka-i-universitety/> (дата обращения: 28.02.2025).

² Программа развития ФГБОУ ВО ТувГУ 2023-2032 [Электронный ресурс] // URL: <http://tuvsu.ru/upload/iblock/290/7btnyao50njw2hi1agb79knyuwg458cu/Программа%20развития%20ФГБОУ%20ВО%20ТувГУ%202023-2032.pdf> (дата обращения: 28.02.2025).

³ Постановление Правительства Республики Тыва от 08.11.2023 № 814 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Развитие науки и инновационной деятельности в Республике Тыва» и о признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства Республики Тыва» [Электронный ресурс] // Правительство Республики Тыва. URL: <http://www.npa.rtyva.ru/page/5927.html> (дата обращения: 28.02.2025).

⁴ Программа «Приоритет 2030» [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://priority2030.ru/analytics> (дата обращения: 28.02.2025).

⁵ Вузы Башкирии в 2024 году получат миллиард рублей по программе «Приоритет-2030» [Электронный ресурс] // Башинформ. URL: <https://www.bashinform.ru/news/economy/2023-12-19/vuzy-bashkirii-v-2024-godu-poluchat-milliard-rubley-po-programme-prioritet-2030-3574184> (дата обращения: 28.02.2025).

⁶ Вузы Татарстана усилили позиции в федеральной программе «Приоритет 2030». [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. Казань. https://kazan.aif.ru/society/vuzy_tatarstana_usilili_pozicii_v_federalnoy_programme-prioritet_2030 (дата обращения: 28.02.2025).

В целом, государство и региональные власти стремятся привлечь молодежь в науку, проводя активную политику в научно-исследовательской сфере. Благодаря такой государственной политике в Башкортостане, Татарстане, Туве за последние годы увеличивается количество школьников, студентов, принимающих участие в исследовательской деятельности. В рамках и при поддержке государственных программ в вузах регионов создаются молодежные лаборатории, оснащенные передовым технологическим оборудованием для проведения широкого спектра исследований по разным темам; на базе технических вузов создаются передовые инженерные школы, чтобы молодые учёные могли создавать инновационные разработки прямо во время учёбы и проходить стажировки и практики в ведущих предприятиях страны (Уфа, Казань, Альметьевск, Набережные Челны); активно привлекаются к сотрудничеству бизнес структуры. Для школьников проводятся различные конкурсы, создаются кванториумы, оснащённые высокотехнологичным оборудованием, которые позволяют учащимся не только изучать теорию, но и применять полученные знания на практике, создавая собственные проекты; в школах в рамках профориентации создаются предуниверсарии. Учебные заведения все больше и больше становятся регионоориентированными и направляют усилия на подготовку тех специалистов, в которых нуждается регион, участвуют в разработке актуальных стратегий социально-экономического развития территорий, таким образом повышая свой конкурентный потенциал.

Заключение

Подготовка кадров высшей квалификации в национальных республиках РФ имеет свои специфические моменты, хотя в целом отражает общие тенденции, присущие всей системе высшего образования страны. В период реформирования аспирантуры в национальных республиках система подготовки кадров претерпела существенные изменения, следствием которых стало значительное сокращение притока в науку и научно-педагогическую отрасль молодых людей из числа представителей титульных этносов этих регионов. Многие учебные дисциплины в вузах, готовившие кадры для национальных систем образования, культуры, воспитания закрылись или были переориентированы, количество обучающихся значительно сократилось, что негативно сказалось и на тех научных направлениях в аспирантуре, которые были ориентированы на подготовку кадров именно в данных отраслях. В республиках сократилось количество организаций, готовивших аспирантов, бюджетных мест в аспирантуре, а обучение на платной основе стало доступно не для всех желающих. Уменьшилось количество диссертационных советов, а их поиск в других регионах увеличило экономические расходы соискателей научных степеней, стипендии которых и так являются значительно ниже прожиточного минимума.

Научный и научно-технический потенциал национальных регионов, который тоже зависит от притока молодых ученых, проявил тенденцию к снижению. Региональные выплаты, которые установлены правительствами, главами, не отвечают ожиданиям молодых ученых и не всегда могут покрыть расходы, связанные с обучением, командировками, оплатами статей, участием в конференциях и симпозиумах. Гранты, премии, субсидии и иные выплаты носят разовый характер и не решают проблему в целом. Государственные программы, участниками которых являются и региональные вузы, помогают молодым ученым тоже фрагментарно, эпизодически. Проблемы, связанные с подготовкой молодых научных и научно-педагогических кадров в регионах, носят комплексный характер и требуют соответствующего решения.

Естественно-научные, технические направления аспирантуры не содержат национальной компоненты в своих программах обучения, чего нельзя сказать о гуманитарном цикле и особенно о лингвистике, истории, культурологии. Они отражают этнические особенности народов, влияют на выбор идентичности, способствуют сохранению этноса, его культуры, языка, менталитета. В условиях тотального господства позитивистских настроений в современной научной сфере подготовка кадров по гуманитарным направлениям в республиках снижается, что не может не тревожить, т. к. это негативно влияет и на будущие поколения этнических общностей, их самочувствие, воспроизводство, общественное развитие. Научный потенциал республик — это не только количественный показатель докторов и кандидатов наук, а еще и воспроизводство знаний во всем его объеме. Но если будут утрачены позиции в сфере гуманитарного и национального знания — это может привести к невосполнимым потерям в культурной и духовной жизни регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахметова, Э. И. (2020) Молодые ученые региона: возможности и перспективы // Социальная компетентность. Т. 5. № 1. С. 74–85.
- Ахунов, Р. Р., Ислакаева, Г. Р., Гумерова, Г. Т., Михайлов, В. С. (2021) Сравнительный анализ научного потенциала Республики Башкортостан с регионами — научными центрами страны // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 4 (160). С. 16–26. DOI: <https://doi.org/10.34773/EU.2021.4.3>
- Багдасарьян, Н. Г., Балугева, Т. В. (2022) Аспирантура регионального вуза: проблемы и пути решения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5 (171). С. 373–393.
- Бедарева, Л. Ю., Полушкина, Е. А. (2021) Анализ эффективности работы аспирантуры в системе высшего образования регионов Российской Федерации // Образование и общество. № 2 (127). С. 17–26.
- Бедный, Б. И. (2017) Новая модель аспирантуры: pro et contra // Высшее образование в России. № 4 (211). С. 5–16.
- Бекова, С. К., Терентьев, Е. А. (2020) Аспирантское образование: международный опыт и возможности его применения в России // Высшее образование в России. Т. 29. № 6. С. 51–64.
- Бикметов, Е. Ю. (2004) О самооптимизирующейся модели развития образования // Социально-гуманитарные знания. № 1. С. 220–233.
- Валиахметов, Р. М., Зарипов, А. Я., Вахитов, Р. Р. (2025) Становление и развитие национального образования в Республике Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 1. С. 172–187. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.13>
- Валиахметов, Р. М., Зарипов, А. Я., Туракаев, М. С. (2022) Проблемы развития человеческого потенциала в республиках Российской Федерации (по результатам опроса экспертов в Дагестане и Туве) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 170–185.
- Вершинин, И. В. (2015) Развитие аспирантуры в России: решения в области повышения адресности отбора поступающих по программам подготовки кадров высшей квалификации // Наука. Инновации. Образование. № 18. С. 61–72.
- Видревич, М. Б., Завирюха, М. И. (2017) Реформирование третьей ступени высшего образования на основании зарубежного опыта // Управленец. № 1 (65). С. 66–71.
- Вяземский, Е. Е. (2013) Образовательная политика постсоветской России и реформа общего исторического образования // Проблемы современного образования. № 3. С. 5–26.
- Гамилова, Д. А., Валянова, Е. К., Лавренюк, Н. М., Третьякова, К. В. (2018) Анализ состояния и тенденций развития высшего образования в Республике Башкортостан // Управление экономическими системами. Электронный научный журнал. № 1 (107). С. 1–14.
- Горев, В. К. (1994) Образование в условиях рыночных отношений. М. : Исслед. центр пробл. качества подгот. специалистов. 165 с.
- Грибовод, Е. Г., Ковба, Д. М. (2023) Изменение траектории развития российской аспирантуры // Вестник Российской Академии наук. Т. 93. № 2. С. 131–140. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869587323020056>
- Демиденко, С. Ю. (2021) К вопросу о воспроизводстве научных кадров // Управление наукой: теория и практика. Т. 3. № 4. С. 65–73. DOI: <https://doi.org/10.19181/sntp.2021.3.4.8>
- Доржу, З. Ю. (2014) О подготовке историков высшей квалификации в Тувинском государственном университете // Вестник Тувинского государственного университета. № 1. Социальные и гуманитарные науки. № 1 (20). С. 19–25.
- Дубровский, В. Ж., Кирюхина, И. В. (2016) Развитие инновационного предпринимательства в регионе в контексте общемировых тенденций // Известия УрГЭУ. № 4(66). С. 52–65.
- Закиров, И. В., Орехов, С. Ю. (2023) Дифференциация регионов России по численности аспирантов (2005–2021 гг.) // Московский экономический журнал. № 2. С. 460–470.
- Захарова, Л. Н. (2021) Наука начинается в аспирантуре // Вестник ТГИК. № 3 (21). С. 24–28.
- Зборовский, Г. Е. (2000) Образование: научные подходы к исследованию // Социологические исследования. № 6. С. 21–29.
- Каримов, К. К. (2014) Формирование научных кадров Башкирии в послевоенные годы // Вестник Академии наук РБ. Т. 19. № 1. С. 63–69.

Кокшаров В. А., Агарков Г. А., Мельник А. Д. (2022) Университетский и региональный ландшафт российской аспирантуры, финансовые траектории обучающихся. Экономика региона, 18 (4). С. 1089–1104. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-9>

Кривцова, Н. Л. (2012) Подготовка научных кадров в России и США [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7657> (дата обращения: 18.01.2025).

Кузнецова, А. Р. (2022) Основные направления воспроизводства научного потенциала в Республике Башкортостан // Уфимский гуманитарный научный форум. № 3. С. 35–51.

Кузнецова, А. Р., Ахметьянова, А. И., Кузнецов, А. И. (2023) Тенденции подготовки кадров высшей квалификации в Российской Федерации // Siberian Socium. Т. 7. № 1 (23). С. 71–87. DOI: <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2023-7-1-71-87>

Лебедев, В. И. (2011) Формирование и кадровое обеспечение регионального научно-образовательного комплекса Республики Тыва // Успехи современного естествознания. 2011. № 2. С. 71–74.

Мажитова, А. Р. (2015) Научный потенциал и его современное состояние на примере Республики Башкортостан // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». № 3. С. 265–269.

Малошонок, Н. Г., Терентьев, Е. А. (2019) На пути к новой модели аспирантуры: опыт совершенствования аспирантских программ в российских вузах // Вопросы образования. № 3. С. 8–42.

Маркевич, А. Г., Зарипов, Н. А., Зарипов, А. Я. (2018) Гуманитарное образование как фактор развития современного общества // Евразийский юридический журнал. № 4 (119). С. 442–444.

Новиков, В. Е. (2010) Из истории первого диссертационного совета СГМА // Вестник Смоленской медицинской академии. № 3. С. 125–127.

Овсянников, А. А. (1999) Система образования в России и образование России // Мир России. N3. С. 73–132.

Рабцевич, А. А. (2019) Проблемы формирования научного потенциала региона в системе высшего образования республик Башкортостан и Татарстан // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика. № 3 (29). С. 114–125.

Ростовская, Т. К., Скоробогатова, В. И., Селиванов, Л. И., Черникова, А. А. (2023) Востребованность российских образовательных программ высшего образования на мировом рынке образовательных услуг // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. Т. 16. № 3. С. 79–88.

Резник, С. Д., Чемезов, И. С. (2018) Институт аспирантуры российского вуза: состояние, проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. № 430. С. 159–168. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/430/22>

Рубан, Л. С. (2020) Компаративный анализ российской и западной системы образования и подготовки научных кадров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». № 2. С. 416–429.

Сат, А. К. (2015) Открытие Тувинского государственного университета — важный этап в становлении высшего образования в Туве // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 1 (24). С. 34–36.

Сенашенко, В. С. (2020) Особенности реформирования отечественной аспирантуры как предмет дискуссии // Высшее образование в России. № 3. С. 58–73.

Сергачева, Е. В. (2016) Историко-теоретические предпосылки и этапы развития аспирантуры в техническом вузе [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26033> (дата обращения: 16.12.2024).

Сергеев, А. М. (2021) Проблемы формирования научного кадрового потенциала Российской Федерации и пути их решения // Вестник РАН. № 12. С. 1093–1097.

Сергеева, Н. М. (2021) Утрата своей социальной сущности современной аспирантурой как один из факторов, определяющих негативные тенденции в численности кадров высшей школы // Азимут научных исследований: педагогика и психология. № 1 (34). С. 230–233.

Сероштан, М. В., Артамонова, К. А., Акимова, Г. З., Бережная, Е. В., Сероштан, Е. В. (2022) Российская аспирантура: проблемы и ключевые факторы развития в контексте глобальных трендов // Высшее образование в России. Т. 31. № 5. С. 46–66. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-5-46-66>

Судейманова, Р. Н., Исянгулов, Ш. Н. (2019) Подготовка научных кадров в Башкирии в 1960–1980-е годы // Научный диалог. № 8. С. 376–389. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-8-376-389>

Теziel, А. Х. (2018) Российская аспирантура после её реформирования: сравнительный анализ и оценка результатов // Государственное управление. Электронный вестник. № 68. С. 493–512.

Терентьев, Е. А., Бекова, С. К., Малошонок, Н. Г. (2018) Кризис российской аспирантуры: источники проблем и возможности их преодоления // Университетское управление: практика и анализ. № 5. С. 54–66.

Тува. Родная земля (2023) / Ламажаа Ч. К., Сувандии Н. Д., Кужугет Ш. Ю., Майны Ш. Б., Санчай Ч. Х.; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб.: Нестор-История. 340 с.

Фадеева, И. М., Алексуткина, В. С. (2022) Как российские исследователи оценивают гранты — инструмент развития науки? // Университетское управление: практика и анализ. Т. 26. № 4. С. 56–70. DOI: <https://doi.org/10.15826/umpra.2022.04.030>

Фархшатов, М. Н., Рахматуллина, З. Я., Псянчин, А. В. (2022) Институционализация академической гуманитарной науки в Башкортостане в XX — начале XXI в.: этапы, участники, результаты (к 100-летию ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН) // Oriental Studies. Т. 15. № 2. С. 310–332. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-60-2-310-332>

Фахрутдинов, Н. Ф. (2011) Подготовка научно-педагогических кадров в Татарской АССР в 1920-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 2–2 (8). С. 188–192.

Фот, А. П. (2009) Система подготовки кадров высшей квалификации в университете // Вестник Оренбургского государственного университета. № 1 (95). С. 154–164.

Ходеева, Н. А., Рыбаков, Н. В., Бедный, Б. И. (2023) Подготовка кадров высшей квалификации для индустрии: анализ опыта советской аспирантуры // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «социальные науки». № 4 (72). С. 226–235.

Шевченко, В. С. (2024) Интеграция молодых ученых: проблемы и перспективы // Российский научный журнал «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». № 2 (14). С. 107–112.

Цеховой, Н. П. (2012) Организационно — правовое оформление системы советской аспирантуры: основные этапы и особенности // Вестник Томского государственного университета. № 362. С. 111–115.

Юсупов, Р. Г., Хайбуллин, А. Р. (2021) Институт истории, языка и литературы: первые шаги в составе башкирского филиала АН СССР (1951–1953) // Вестник академии наук РБ. Т. 38. № 1(101). С. 51–60.

Дата поступления: 14.02.2025 г.

Дата принятия: 01.04.2025 г.

REFERENCES

Akhmetova, E. I. (2020) Young scientists of the region: opportunities and prospects. *Sotsialnaya kompetentnost*, vol. 5, no. 1, pp. 74–85 (In Russ.)

Akhunov, R. R., Islakayeva, G. R., Gumerova, G. T. and Mikhailov, V. S. (2021) Comparative analysis of the scientific potential of the Republic of Bashkortostan and scientific centers of the country. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskiy zhurnal*, no. 4(160), pp. 16–26 (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.34773/EU.2021.4.3>

Bagdasaryan, N. G. and Balueva, T. V. (2022) Postgraduate studies at a regional university: problems and solutions. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no. 5(171), pp. 373–393 (In Russ.)

Bedareva, L. Yu. and Polushkina, E. A. (2021) Analysis of the effectiveness of postgraduate studies in the higher education system of Russian regions. *Obrazovanie i obshchestvo*, no. 2(127), pp. 17–26 (In Russ.)

Bednyy, B. I. (2017) A new model of postgraduate studies: pro et contra. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, no. 4(211), pp. 5–16 (In Russ.)

Bekova, S. K. and Terentyev, E. A. (2020) Postgraduate education: international experience and opportunities for its application in Russia. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, vol. 29, no. 6, pp. 51–64 (In Russ.)

Bikmetov, E. Yu. (2004) On a self-optimizing model of educational development. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*, no. 1, pp. 220–233 (In Russ.)

Valiakhmetov, R. M., Zaripov, A. Ya. and Vakhitov, R. R. (2025) Formation and development of national education in the Republic of Bashkortostan. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 172–187. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.13>

Valiakhmetov, R. M., Zaripov, A. Ya. and Turakayev, M. S. (2022) Problems of human potential development in the republics of the Russian Federation (based on expert surveys in Dagestan and Tuva). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 170-185 (In Russ.)

Vershinin, I. V. (2015) Development of postgraduate studies in Russia: targeted selection for programs of highly qualified personnel training. *Nauka. Innovatsii. Obrazovanie*, no. 18, pp. 61-72 (In Russ.)

Vidrevich, M. B. and Zaviryukha, M. I. (2017) Reforming the third stage of higher education based on foreign experience. *Upravlenets*, no. 1(65), pp. 66-71 (In Russ.)

Vyazemskiy, E. E. (2013) Educational policy of post-Soviet Russia and the reform of general historical education. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, no. 3, pp. 5-26 (In Russ.)

Gamilova, D. A., Valiyanova, E. K., Lavrenyuk, N. M. and Tretyakova, K. V. (2018) Analysis of the state and trends of higher education development in the Republic of Bashkortostan. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami*, no. 1(107), pp. 1-14 (In Russ.)

Gorev, V. K. (1994) *Education in a market economy*. Moscow, Issled. tsentr probl. kachestva podgot. Spetsialistov. 165 p. (In Russ.)

Gribovod, E. G. and Kovba, D. M. (2023) Changing the trajectory of the development of Russian postgraduate studies. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk*, vol. 93, no. 2, pp. 131-140. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869587323020056>

Demidenko, S. Yu. (2021) On the reproduction of scientific personnel. *Upravlenie naukoj: teoriya i praktika*, vol. 3, no. 4, pp. 65-73 (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/smt.2021.3.4.8>

Dorzhu, Z. Yu. (2014) On the training of highly qualified historians at Tuvan State University. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialnye i gumanitarnye nauki*, no. 1(20), pp. 19-25 (In Russ.)

Dubrovskiy, V. Zh. and Kiryukhina, I. V. (2016) Development of innovative entrepreneurship in the region in the context of global trends. *Izvestiya UrGEU*, no 4 (66), pp 52-65. (In Russ.)

Zakirov, I. V. and Orekhov, S. Yu. (2023) Differentiation of Russian regions by the number of postgraduate students (2005-2021). *Moskovskiy ekonomicheskij zhurnal*, no. 2, pp. 460-470 (In Russ.)

Zakharova, L. N. (2021) Science begins in graduate school. *Vestnik TGIK*, no. 3 (21), pp. 24-28. (In Russ.)

Zborovskiy, G. E. (2000) Education: scientific approaches to research. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 6, pp. 21-29 (In Russ.)

Karimov, K. K. (2014) Formation of scientific personnel in Bashkiria in the post-war years. *Vestnik Akademii nauk RB*, vol. 19, no. 1, pp. 63-69 (In Russ.)

Koksharov, V. A., Agarkov, G. A. and Melnik, A. D. (2022) University and regional landscape of Russian postgraduate studies and financial trajectories of students. *Ekonomika regiona*, vol. 18, no. 4, pp. 1089-1104 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-9>

Krivtsova, N. L. (2012) Training of scientific personnel in Russia and the USA. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*, no. 6 [online] Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7657> (accessed 18.01.2025) (In Russ.)

Kuznetsova, A. R. (2022) Main directions of reproduction of scientific potential in the Republic of Bashkortostan. *Ufimskiy gumanitarnyy nauchnyy forum*, no. 3, pp. 35-51 (In Russ.)

Kuznetsova, A. R., Akhmet'yanova, A. I. and Kuznetsov, A. I. (2023) Trends in training highly qualified personnel in the Russian Federation. *Siberian Socium*, vol. 7, no. 1(23), pp. 71-87 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2023-7-1-71-87>

Lebedev, V. I. (2011) Formation and staffing of the regional scientific and educational complex of the Republic of Tuva. *Uspekhi sovremennogo yestestvoznaniya*, no. 2, pp. 71-74 (In Russ.)

Mazhitova AR (2015) Scientific potential and its current state: the case of the Republic of Bashkortostan. *Vestnik Omskogo universiteta Seriya Ekonomika*, no. 3, pp. 265-269 (In Russ.)

Maloshonok, N. G. and Terent'ev, E. A. (2019) Towards a new model of postgraduate studies: experience of improving doctoral programs in Russian universities. *Voprosy obrazovaniya*, no. 3, pp. 8-42 (In Russ.)

Markevich, A. G., Zaripov, N. and Zaripov, A. Y. (2018) Humanitarian education as a factor in the development of modern society. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, no. 4 (119), pp. 442-444 (In Russ.)

Novikov, V. E. (2010) From the history of the first dissertation council of SGMA. *Vestnik Smolenskoj meditsinskoj akademii*, no. 3, pp. 125-127 (In Russ.)

- Ovsyannikov, A. A. (1999) Education system in Russia and education of Russia. *Mir Rossii*, no. 3, pp. 73–132 (In Russ.)
- Rabtsevich, A. A. (2019) Problems of forming scientific potential in the system of higher education of the Republics of Bashkortostan and Tatarstan. *Vestnik UGNTU Nauka obrazovaniye ekonomika Seriya Ekonomika*, no 3 (29), pp. 114–125 (In Russ.)
- Rostovskaya, T. K., Skorobogatova, V. I., Selivanov, L. I. and Chernikova, A. A. (2023) Demand for Russian higher education programs in the global market of educational services. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta Seriya Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki*, vol. 16, no. 3, pp. 79–88 (In Russ.)
- Reznik, S. D. and Chemezov, I. S. (2018) The postgraduate institute of a Russian university: condition, problems and prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 430, pp. 159–168 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/430/22>
- Ruban, L. S. (2020) Comparative analysis of the Russian and Western education systems and training of scientific personnel. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov Seriya Sotsiologiya*, no. 2, pp. 416–429 (In Russ.)
- Sat, A. K. (2015) Opening of Tuvan State University as an important stage in the development of higher education in Tuva. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki*, no. 1(24), pp. 34–36 (In Russ.)
- Senashenko, V. S. (2020) Features of the reform of domestic postgraduate education as a subject of discussion. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, no. 3, pp. 58–73 (In Russ.)
- Sergacheva, E. V. (2016) Historical and theoretical prerequisites and stages of development of postgraduate education in technical universities. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*, no 6 [online] Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26033> (accessed 16.12.2024) (In Russ.)
- Sergeev, A. M. (2021) Problems of formation of the scientific personnel potential in the Russian Federation and ways to solve them. *Vestnik RAN*, no. 12, pp. 1093–1097 (In Russ.)
- Sergeeva, N. M. (2021) Loss of the social essence of modern postgraduate education as one of the factors determining negative trends in the number of academic staff. *Azimut nauchnykh issledovaniy Pedagogika i psikhologiya*, no. 1(34), pp. 230–233 (In Russ.)
- Seroshtan, M. V., Artamonova, K. A., Akimova, G. Z., Berezhnaya, E. V. and Seroshtan, E. V. (2022) Russian postgraduate education: problems and key development factors in the context of global trends. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, vol. 31, no. 5, pp. 46–66 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-5-46-66>
- Suleymanova, R. N. and Isyangulov, Sh. N. (2019) Training of scientific personnel in Bashkiria in the 1960s–1980s. *Nauchnyy dialog*, no. 8, pp. 376–389 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-8-376-389>
- Teziel, A. Kh. (2018) Russian postgraduate education after its reform: comparative analysis and evaluation of results. *Gosudarstvennoye upravleniye*, no. 68, pp. 493–512 (In Russ.)
- Terent'ev, E. A., Bekova, S. K. and Maloshonok, N. G. (2018) The crisis of Russian postgraduate studies: sources of problems and ways to overcome them. *Universitetskoye upravleniye Praktika i analiz*, no. 5, pp. 54–66 (In Russ.)
- Tuva. Native Land* (2023) / Ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 340 p. (In Russ.)
- Fadeeva, I. M. and Aleksutkina, V. S. (2022) How do Russian researchers evaluate grants as a tool for science development? *Universitetskoye upravleniye Praktika i analiz*, vol. 26, no. 4, pp. 56–70 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15826/umpa.2022.04.030>
- Farkhshatov, M. N., Rakhmatullina, Z. Ya. and Psyanchin, A. V. (2022) Institutionalization of academic humanities in Bashkortostan in the 20th – early 21st centuries: stages, actors, results (on the 100th anniversary of the Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre RAS). *Oriental Studies*, vol. 15, no. 2, pp 310–332 (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-60-2-310-332>
- Fakhrutdinov, N. F. (2011) Training of scientific and pedagogical personnel in the Tatar ASSR in the 1920s. *Istoricheskiye filosofskiyе politicheskoye i yuridicheskoye nauki, Kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, no. 2–2(8), pp. 188–192 (In Russ.)
- Fot, A. P. (2009) System of training highly qualified personnel at the university. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (95), pp. 154–164 (In Russ.)
- Khodyeva, N. A., Rybakov, N. V. and Bednyy, B. I. (2023) Training of highly qualified personnel for industry: analysis of Soviet postgraduate experience. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im NI Lobachevskogo Seriya Sotsial'nyye nauki*, no. 4(72), pp 226–235 (In Russ.)

Shevchenko, V. S. (2024) Integration of young researchers: problems and prospects. *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal Teleskop Zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*, no. 2(14), pp. 107–112 (In Russ.)

Tsekhovoy, N. P. (2012) Organizational and legal framework of the Soviet postgraduate education system: main stages and features. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 362, pp. 111–115 (In Russ.)

Yusupov, R.G. and Khaibullin, A.R. (2021) Institute of History, Language and Literature: first steps within the Bashkir branch of the USSR Academy of Sciences (1951–1953). *Vestnik Akademii nauk RB*, vol. 38, no. 1(101), pp. 51–60 (In Russ.)

Submission date: 14.02.2025.

Acceptance date: 01.04.2025.

Тенденции и прогнозирование младенческой и перинатальной смертности в Республиках Тыва, Хакасия и в Монголии

Николай М. Агарков

Юго-Западный государственный университет; Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация,

Олег Л. Фабрикантов

Тамбовский филиал НМИЦ «МНТК «Микрохирургия глаза» имени академика С. Н. Федорова», Российская Федерация,

Сергей Г. Емельянов, Антон А. Титов, Мария В. Алымова, Анастасия А. Шорохова

Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация

В статье представлены результаты анализа динамики младенческой и перинатальной смертности, а также прогнозируемые уровни этих специальных демографических показателей в двух российских республиках Тыва, Хакасия и соседнем с ними государстве — Монголии. Исследование базируется на данных официальной статистики названных территорий за 2019–2022 гг. Для оценки динамики использованы интенсивные показатели, количественные показатели динамики — абсолютный прирост (убыль), темп прироста (убыли), темп роста (убыли), рассчитанные общепринятыми методами.

Представлен сравнительный анализ динамики показателей младенческой и перинатальной смертности в двух Республиках Российской Федерации и соседнем государстве Монголия. Установлено, что средний уровень младенческой смертности статически значимо выше в Монголии, чем в Республике Хакасия и Республике Тыва. Рассчитанные показатели абсолютного прироста (убыли) и темпа прироста (убыли) свидетельствуют о снижении младенческой смертности в Республике Тыва за 2019–2022 гг. и об увеличении в Республике Хакасия при незначительных изменениях в Монголии.

Уровень перинатальной смертности в Республиках Тыва и Хакасия не имел значимых различий и в обеих республиках достоверно повысился по величине абсолютного прироста, по величине темпа прироста, то есть более существенно в Республике Хакасия. В Монголии перинатальная смертность была достоверно выше.

В ближайшие годы прогнозируется увеличение перинатальной смертности в Республиках Тыва и Хакасия, увеличение младенческой смертности в Республике Хакасия и снижение её в Республике Тыва, а в Монголии данные показатели останутся практически без изменений.

Ключевые слова: Республика Тыва; Республика Хакасия; Монголия; младенческая смертность; перинатальная смертность; прогнозирование

Для цитирования:

Агарков Н. М., Фабрикантов О. Л., Емельянов С. Г., Титов А. А., Алымова М. В., Шорохова А. А. Тенденции и прогнозирование младенческой и перинатальной смертности в Республиках Тыва, Хакасия и в Монголии // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 129-143. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.7>

Агарков Николай Михайлович — доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры биомедицинской инженерии Юго-Западного государственного университета; профессор кафедры пропедевтики внутренних болезней и клинических информационных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета. Адреса: Российская Федерация, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 96; Российская Федерация, 305015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85. Эл. адрес: vitalaxen@mail.ru

Фабрикантов Олег Львович — доктор медицинских наук, профессор, директор Тамбовского филиала Национального медицинского исследовательского центра «Межотраслевого научно-технического комплекса «Микрохирургия глаза» имени академика С. Н. Федорова» Минздрава России. Адрес: Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, Рассказовское ш., д. 1. Эл. адрес: mntk@mntk-tambov.ru

Емельянов Сергей Геннадьевич — доктор технических наук, профессор, ректор Юго-Западного государственного университета. Адрес: Российская Федерация, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 96. Эл. адрес: rector@swsu.ru

Титов Антон Андреевич — студент кафедры биомедицинской инженерии факультета фундаментальной и прикладной информатики Юго-Западного государственного университета. Адрес: Российская Федерация, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 96. Эл. адрес: anton-titov-2001@mail.ru

Алымова Мария Витальевна — студент кафедры биомедицинской инженерии факультета фундаментальной и прикладной информатики Юго-Западного государственного университета. Адрес: Российская Федерация, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 96. Эл. адрес: lqmpl@yandex.ru

Шорохова Анастасия Алексеевна — студент кафедры биомедицинской инженерии факультета фундаментальной и прикладной информатики Юго-Западного государственного университета. Адрес: Российская Федерация, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 96. Эл. адрес: shorohova20015@gmail.com

Trends and forecasting of infant and perinatal mortality in the Republics of Tuva, Khakassia and Mongolia

Nikolay M. Agarkov

Southwestern State University; Belgorod State National Research University, Russian Federation,

Oleg L. Fabrikantov

Tambov branch, National Medical Research Center “Interdisciplinary Scientific and Technical Complex “Eye Microsurgery” named after Academician S. N. Fedorov”, Russian Federation,

Sergey G. Yemelyanov, Anton A. Titov, Maria V. Alymova, Anastasia A. Shorokhova

Southwestern State University, Russian Federation

The article presents the results of an analysis of the dynamics of infant and perinatal mortality, as well as the projected levels of these specific demographic indicators in two Russian republics — Tuva and Khakassia — and in the neighboring country of Mongolia. The study is based on official statistical data from these territories for the period 2019–2022. To assess the dynamics and intensity of changes, authors used a variety of indicators, including absolute growth (or decrease), growth rates, and rates of change, calculated using standard methods.

A comparative analysis of the trends in infant and perinatal mortality in the two republics of the Russian Federation and in Mongolia is presented. It was found that the average level of infant mortality is statistically significantly higher in Mongolia than in the Republic of Khakassia and the Republic of Tuva. The calculated indicators of absolute change and growth rate indicate a decrease in infant mortality in the Republic of Tuva from 2019 to 2022 and an increase in the Republic of Khakassia, while changes in Mongolia were negligible.

The level of perinatal mortality in the Republics of Tuva and Khakassia showed no significant differences, although in both republics there was a statistically significant increase in absolute growth and growth rate, with a more substantial increase observed in the Republic of Khakassia. In Mongolia, perinatal mortality was significantly higher.

In the coming years, an increase in perinatal mortality is projected for the Republics of Tuva and Khakassia, along with a rise in infant mortality in the Republic of Khakassia and a decrease in the Republic of Tuva. In Mongolia, these indicators are expected to remain largely unchanged.

Keywords: Republic of Tuva; Republic of Khakassia; Mongolia; infant mortality; perinatal mortality; forecasting

For citation:

Agarkov N. M., Fabrikantov O. L., Yemelyanov S. G., Titov A. A., Alymova M. V. and Shorokhova A. A. Trends and forecasting of infant and perinatal mortality in the Republics of Tuva, Khakassia and Mongolia. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 129-143. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.7>

AGARKOV, Nikolay Mikhailovich, Doctor of Medical Sciences, Professor, Professor of the Department of Biomedical Engineering, Southwest State University; Professor, Department of Propaedeutics of Internal Medicine and Clinical Information Technologies, Belgorod State National Research University. Postal addresses: 96, 50 let Oktyabrya St., Kursk, 305040, Russian Federation; 85, Pobedy St., Belgorod, 305015, Russian Federation. E-mail: vitalaxen@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4821-3692

FABRIKANTOV, Oleg Lvovich, Doctor of Medical Sciences, Professor, Director, Tambov branch, National Medical Research Center “Interdisciplinary Scientific and Technical Complex “Eye Microsurgery” named after Academician S.N. Fedorov” of the Ministry of Health of the Russian Federation. Postal address: 1, Rasskazovskoe shosse, Tambov, 392000, Russian Federation. E-mail: mntk@mntk-tambov.ru

ORCID: 0000-0003-0097-991X

YEMELYANOV, Sergey Gennadievich, Doctor of Technical Sciences, Professor, Rector, Southwest State University. Postal address: 96, 50 let Oktyabrya St., Kursk, 305040, Russian Federation. E-mail: rector@swsu.ru

ORCID: 0000-0002-3012-0383

TITOV, Anton Andreevich, Student, Departments of Biomedical Engineering, Faculty of Fundamental and Applied Informatics, Southwest State University. Postal address: 96, 50 let Oktyabrya St., Kursk, 305040, Russian Federation. E-mail: anton-titov-2001@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4209-3930

ALYMOVA, Maria Vitalievna, Student, Departments of Biomedical Engineering, Faculty of Fundamental and Applied Informatics, Southwest State University. Postal address: 96, 50 let Oktyabrya St., Kursk, 305040, Russian Federation. E-mail: lqmpl@yandex.ru

ORCID: 0009-0009-3450-1392

SHOROKHOVA, Anastasia Alekseevna, Student, Departments of Biomedical Engineering, Faculty of Fundamental and Applied Informatics, Southwest State University. Postal address: 96, 50 let Oktyabrya St., Kursk, 305040, Russian Federation. E-mail: shorokhova20015@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2390-1739

Введение

Прошедший 2024 г., провозглашённый Указом Президента Российской Федерации №875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи»¹ предусматривал популяризацию государственной политики в сфере защиты семьи, сохранение традиционных семейных ценностей. В соответствии с данным указом в регионах Российской Федерации, в том числе рассматриваемых в настоящем исследовании, — Республике Тыва и Республике Хакасия разработаны планы проведения Года семьи² и реализованы многочисленные мероприятия, направленные на совершенствование диспансеризации, лечебно-профилактической помощи беременным и роженицам, улучшению демографической ситуации.

В этом контексте особое значение приобретает анализ младенческой и перинатальной смертности, являющихся специальными показателями, которые наиболее полно отражают качество организации родовспомогательной службы и ведения беременных, рожениц и родильниц в период деторождения. Младенческая смертность представляет важный показатель качества жизни населения (Гоицинская, Омзар, 2012). Перинатальная смертность отражает уровень мертворождаемости и раннюю неонатальную смертность новорожденных (то есть на первой неделе жизни) и это важно, поскольку из числа детей, умерших на 1-м году жизни наибольшее количество умирает на 1-м месяце и 1-й неделе жизни (Нурова, Мирзоева, Бердыш, 2022; Иванов, Ветров, Курдынко, 2022). Однако, несмотря на это, перинатальная и младенческая смертность редко анализируются в отдаленных территориях с суровыми климатическими условиями и с высокой этнической компактностью. К таким территориям, безусловно, относятся Республики Тыва и Хакасия на территории Российской Федерации, которые, несмотря на указанную общность отличаются естественным приростом. Последний в Республике Тыва положительный, а в Республике Хакасия — отрицательный.

В настоящее время, благодаря проведенному комплексу социальных мер нашим государством, социально-экономическая ситуация в Республиках Тыва и Хакасия позитивно изменились. Повысилась техническая оснащенность родовспомогательных медицинских учреждений, открылись перинатальные центры. Деторождение активно поощряется материнским капиталом со стороны государства. В этих позитивно изменившихся условиях научный интерес представляет изучение младенческой и перинатальной смертности в Республиках Тыва и Хакасия, имеющих общие социально-культурные условия, и сравнение данных специальных демографических показателей с соседней страной — Монголией. Актуальность исследования определяется также отсутствием прогнозных оценок младенческой и перинатальной смертности на ближайшие годы, необходимых для перспективного планирования и улучшения деятельности перинатальных центров, центров охраны материнства и детства.

Цель нашего исследования — выявление тенденций за 2019–2022 годы и прогнозирование младенческой и перинатальной смертности в Республиках Тыва, Хакасия и в Монголии.

Среди задач исследования определены анализ динамики младенческой и перинатальной смертности, расчет количественных показателей динамики младенческой и перинатальной смертности и выполнение краткосрочного прогнозирования этих специальных демографических показателей в исследуемых территориях.

Анализ младенческой и перинатальной смертности выполнен за 2019–2022 гг. ретроспективным методом по данным официальной статистики. Для этого использовались статистические сайты и сборники: статистические годовые сборники и ежегодники Республики Тыва³, статистические го-

¹ Указ Президента Российской Федерации № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013> (дата обращения: 17.12.2024).

² План мероприятий по проведению года семьи в Республике Тыва [Электронный ресурс] // 2024. Год семьи. URL: <https://семья2024.рф/documents/327> (дата обращения 17.12.2024); План мероприятий по проведению года семьи в Республике Хакасия [Электронный ресурс] // 2024. Год семьи. URL: <https://семья2024.рф/documents/346> (дата обращения 17.12.2024).

³ Статистические годовые сборники и ежегодники Республики Тыва [Электронный ресурс] // Росстат. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/45814> (дата обращения 17.12.2024).

довые сборники и ежегодники Республики Хакасия¹, статистические годовые сборники и ежегодники Монголии², статистическое издание «Регионы России. Социально-экономические показатели»³.

Обзор литературы

Среди демографических показателей в Республиках Тыва и Хакасия, в последние годы всесторонне изучены рождаемость (Тиникова, Лушникова, Канзычакова, 2018; Баранцева, 2021; Ростовская, Золотарева, Давлетшина, 2023), продолжительность жизни (Григорьев, Баран, 2017), рождаемость и смертность (Третьякова, Хасанова, 2017; Тиникова, Лушникова, Канзычакова, 2018; Гладкая, Грицинская, 2023; Абылкаликов, Баймурзина, 2022). Однако, несмотря на существующий в отечественной науке и практике опыт по изучению рождаемости, имеющиеся методологические подходы к оценке динамики рождаемости и полученные результаты, в настоящее время недостаточно релевантных публикаций по оценке происходящих демографических процессов, что определяет актуальность выполнения новых исследований.

В одной из фундаментальных публикаций в Республике Тыва подробно рассмотрены особенности рождаемости и выделены объективно два периода демографического развития Республики Тыва (Ростовская, Золотарева, Давлетшина, 2023), но изучение младенческой и перинатальной смертности в Республике Тыва не являлось объектом исследования авторов данной статьи. Проведенный Т. К. Ростовской, О. А. Золотаревой, Л. А. Давлетшиной углубленный анализ рождаемости в Республике Тыва за постсоветский период позволил установить позитивный тренд показателя рождаемости с расширенным воспроизводством населения и выделить две фазы демографического развития Республики Тыва: фаза стагнации, охватывающая период с 1991 по 2006 г. и фазу роста (2007–2021 гг.) с периодами в 2007–2010 гг. и 2011–2021 гг. Авторами выявлены также негативные тенденции, наблюдаемые в последнее десятилетие: снижение на 28% рождаемости, повышение модальности возрастных коэффициентов рождаемости со смещением их в сторону увеличения возраста.

Сообщается, что Республики Тыва и Хакасия на протяжении 1990–2015 гг. среди регионов Сибирского федерального округа являлись лидерами в области рождаемости, а также и в России в целом (Третьякова, Хасанова, 2017). Однако в период с 2015 по 2022 гг. в Республике Тыва отмечается снижение рождаемости, смертности и естественного прироста населения (Эрдыниева, Шожат, 2023). В частности, рождаемость снизилась с 23,8‰ в 2015 г. до 17,9‰ в 2022 г., смертность — с 10,3‰ до 8,6‰, а естественный прирост — с 13,5‰ до 9,3‰ соответственно. При этом особенностью смертности населения Республики Тыва является высокий процент внешних причин, занимающих второе место, но их доля за 9 лет с 2012 г. по 2020 г. имеет устойчивую тенденцию к снижению и сократилась на 37,7% (Донгак, Аракчаа, 2022). В Республике Хакасия уровень рождаемости неуклонно снижается, составив в 2017 г. 12,3‰ против 24,8‰ в 2013 г. (Тиникова, Лушникова, Канзычакова, 2018).

Однако рождаемость в целом в Республике Хакасия остаётся относительно высокой и превышает всероссийский уровень, а также уровень рождаемости в Сибирском федеральном округе с максимальной величиной в сельской местности. В последние годы рождаемость в Республике Хакасия достигает 10,1‰ в 2020 г. (Баранцева, 2021).

В отличие от общих демографических показателей, изучение младенческой и перинатальной смертности в Республиках Тыва и Хакасия осуществлялось реже, в том числе за последние годы. В более ранних публикациях (Трибунский и др., 2011) указывалось о сложности устойчивого снижения младенческой смертности в сельских территориях Республики Тыва, которые продолжали оставаться также высокими в Республике Хакасия. В 1999–2008 гг. уровень младенческой смертности выше средней величины Сибирского федерального округа (16,44‰) сохранялся в Республике Тыва (23,6‰), Республике Хакасия (23,33‰). Высокий уровень младенческой смертности в Республике Тыва выявлен и в других исследованиях, в частности, М. А. Хольшиной (Хольшина, 2011), показавшей превышение среднероссийского показателя в 1,7 раза.

¹ Статистические годовые сборники и ежегодники Республики Хакасия [Электронный ресурс] // Росстат. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/45808> (дата обращения 17.12.2024).

² Статистические годовые сборники и ежегодники Монголии [Электронный ресурс] // National Statistics Office of Mongolia. URL: <https://www.nso.mn/en/statistic/file-library/annual> (дата обращения 17.12.2024).

³ Статистическое издание «Регионы России. Социально-экономические показатели» [Электронный ресурс] // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 17.12.2024).

В единичных ранее выполненных публикациях, относящихся 2011 г. сообщается только о младенческой смертности в Республике Тыва (Гоицинская, Омзар, 2012; Хольшина, 2011), а в Республике Хакасия и Монголии она, как и перинатальная смертность, не рассматривались.

Отдельными исследованиями (Селина, Романова, 2018) было показано неустойчивое уменьшение младенческой смертности в Республике Хакасия. Начиная с 2010 г. отмечается неуклонное снижение младенческой смертности в Республике Хакасия (Гладкая, Грицинская, Медведева, 2017; Гладкая, Грицинская, 2023). В Республике Тыва уровень младенческой смертности с 1996г. снизился с 33,1‰ до 13,7‰ в 2011 г., причём наиболее существенно в 2008 г., составляя 13,1‰ (Гоицинская, 2013). Однако наиболее существенное снижение младенческой смертности в Республике Тыва начало происходить в 2006 г., когда она достигла 15,1‰ (Гоицинская, Омзар, 2012).

В исследованиях, относящихся к данной тематике, редко сравниваются уровни младенческой и перинатальной смертности между регионами, а тем более — с соседним государством Монголией, что в определенной степени определяет новизну настоящего исследования.

Методы исследования

Младенческая и перинатальная смертность изучены в рассматриваемых регионах за идентичный период времени. Для анализа динамики младенческой и перинатальной смертности во всех случаях использованы интенсивные показатели на 1000 родившихся живыми, представленные в вышеперечисленных электронных статистических изданиях и на соответствующих сайтах. При анализе динамики младенческой и перинатальной смертности, помимо интенсивных величин, применялись количественные показатели динамики: абсолютный прирост (убыль) в ‰, темп прироста (убыли) в %, темп роста (убыли) в %.

Показатели абсолютного прироста (убыли), темпа роста (убыли) рассчитывались по общепринятым формулам¹. Так, абсолютный прирост (убыль) определялся как разница между уровнем младенческой или перинатальной смертности в данном году и предыдущем году в ‰. Темп прироста (убыли) младенческой и перинатальной смертности определялся как отношение абсолютного прироста в данном году к уровню младенческой или перинатальной смертности предыдущего года и выражался в процентах. Темп роста (убыли) младенческой и перинатальной смертности определялся как отношение уровня младенческой или перинатальной смертности в этом году к уровню младенческой или перинатальной смертности в предыдущем году и выражается в процентах.

Прогнозирование младенческой и перинатальной смертности осуществлялось методом Брауна (Айвазян, 2001; Белокриницкая, Сидоркина, Мудров, 2024) после предварительного создания электронных таблиц в программе Microsoft Excel и использования рассчитанных величин абсолютного прироста (убыли) младенческой и перинатальной смертности.

Обработка полученных данных выполнена на персональном компьютере типа «Pentium» с использованием программы Statistica 10.0. Проведен расчёт необходимых показателей и ошибок средних и относительных величин. Оценка статистической значимости сравниваемых групп территорий выполнена по непараметрическому критерию X^2 . Различие принималось достоверным при $p < 0,05$.

Результаты исследования

Среди специальных демографических показателей младенческая смертность занимает особое место, так как отражает влияние на неё как антенатальных, так и постнатальных факторов (Нурова, Мирзоева, Бердыш, 2022; Иванов, Ветров, Курдынко, 2022). Средняя частота младенческой смертности среди рассматриваемых трёх популяций за 2019–2022 гг. максимальна в Монголии (рис. 1).

¹ Агарков Н. М., Гонтарев С. Н., Зубарева Н. Н., Куликовский В. Ф., Кича Д. И. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник / Серия Высшее образование: Специалитет. М.: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2019.

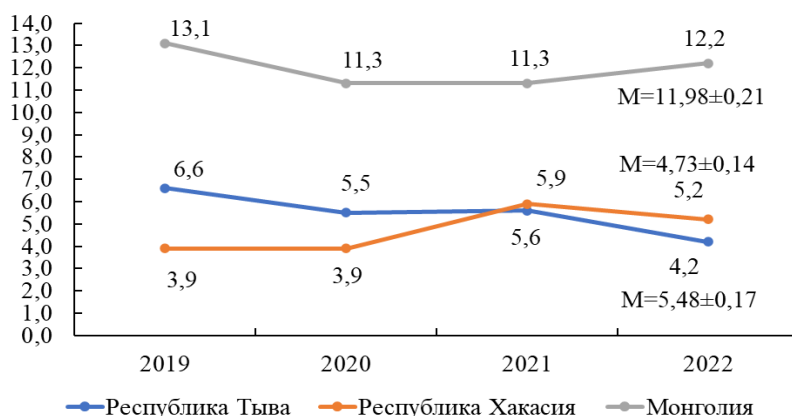

Рисунок 1. Динамика младенческой смертности в Республиках Тыва, Хакасия и в Монголии в 2019–2022 гг., в ‰

Figure 1. Dynamics of infant mortality in the Republics of Tuva, Khakassia and Mongolia in 2019–2022, in ‰

За обсуждаемый временной интервал средняя частота младенческой смертности в Монголии составила $11,98 \pm 0,21\%$, что в 2,19 раза статистически значимо выше аналогичного параметра в Республике Тыва ($p < 0,001$) и в 2,53 раза статистически значимо выше, чем в Республике Хакасия ($p < 0,001$).

Следовательно, наиболее негативная ситуация по младенческой смертности среди трёх анализируемых территорий установлена в Монголии и существенно ниже уровень младенческой смертности с достоверным различием в российских республиках Тыва и Хакасия. Такое многократное различие в уровне младенческой смертности в Российской Федерации и Монголии свидетельствует о более высоком качестве стационарной родовспомогательной службы в Республиках Тыва и Хакасия, а также о лучшей организации и качестве диспансерного наблюдения беременных на амбулаторном этапе в этих республиках — в женской консультации и одновременно указывает на возможные резервы снижения младенческой смертности в Монголии, имеющей частично тождественные этнические, культурные и религиозные характеристики. Вместе с тем уровень младенческой смертности за 2019–2022 гг. в Республике Хакасия репрезентативно ниже, чем в Республике Тыва ($p < 0,01$) в 1,16 раза, но это различие, несмотря на статистическую значимость менее существенно, нежели относительно соседнего иностранного государства — Монголия.

По интенсивным показателям младенческая смертность в 2019–2022 гг. имела различную направленность динамики (рисунок 1). Так, в Республике Тыва частота младенческой смертности за исследуемый период неуклонно снижалась и достоверно в 2022 г. снизилась по сравнению с изначальным периодом наблюдения и достигла минимального значения ($p < 0,01$). Аналогичная направленность частоты младенческой смертности выявлена в Монголии, но тенденция к снижению в 2022 г. в сравнении с исходным показателем не достигла статистической значимости ($p > 0,05$). Напротив, в Республике Хакасия относительно рассмотренных Республики Тыва и Монголии отмечалось достоверное ($p > 0,05$) увеличение уровня младенческой смертности.

Более конкретно динамику младенческой смертности в рассматриваемых регионах характеризуют рассчитанные нами количественные параметры динамики — абсолютный прирост, тем прироста и темп роста (табл. 1).

Величина абсолютной убыли показывает наиболее существенное уменьшение младенческой смертности в Республике Тыва, чем в Монголии в среднем на $-2,4 \pm 0,09$ случаев на 1000 родившихся живыми за 2019–2021 гг., чем в Монголии, в которой абсолютная убыль уровня младенческой смертности оказалась достоверно меньшей — $(-0,9 \pm 0,06$ случаев на 1000 родившихся живыми). В Республике Хакасия, напротив, выявлен абсолютный прирост уровня младенческой смертности.

Во всех анализируемых территориях абсолютный прирост (убыль) младенческой смертности изменялись неодинаково в исследуемые 2019–2021 гг. Так, в Республике Тыва наибольшая абсолютная убыль младенческой смертности зарегистрирована в 2022 г., в Монголии — в 2020 г., а наивысший абсолютный прирост уровня младенческой смертности в Республике Хакасия — в 2021 г.

Таблица 1. Количественные показатели динамики младенческой смертности в Республиках Тыва, Хакасия и Монголия
Table 1. Quantitative indicators of infant mortality dynamics in Republics of Tuva, Khakassia and Mongolia

Исследуемые территории и годы	Абсолютный прирост (убыль) на 1000 случаев	Темп прироста (убыли), в %	Темп роста (убыли), в %
Республика Тыва			
2019	–	–	–
2020	-1,1	-16,7	83,3
2021	+0,1	+1,8	101,8
2022	-1,4	-25,0	75,0
Всего за 4 года (1)	-2,4±0,09	-36,4±2,1	63,6±2,4
Республика Хакасия			
2019	–	–	–
2020	0,0	0,0	100,0
2021	+2,0	+51,3	151,3
2022	-0,7	-11,9	88,1
Всего за 4 года (2)	+1,3±0,07	+33,3±2,4	133,3±4,1
Монголия			
2019	–	–	–
2020	-1,8	-13,7	86,3
2021	0,0	0,0	100,0
2022	+0,9	+7,9	107,9
Всего за 4 года (3)	-0,9±0,06	-6,9±0,07	93,1±3,8
p1-2	<0,001	>0,05	<0,001
p1-3	<0,001	<0,001	<0,01
p2-3	<0,01	<0,001	<0,001

Показатель темпа прироста (убыли) в Республиках Тыва, Хакасия и Монголия изменялся неоднозначно и с большей вариабельностью — от $-6,9\pm 0,07\%$ в Монголии до $-36,4\pm 2,1\%$ в Республике Тыва ($p < 0,001$). В последней максимальный темп убыли отмечен в 2022 г., составивший $-25,0\%$ по сравнению с 2021 г., в Монголии — в 2020 г., составивший $-13,7\%$, а максимальный темп прироста в Республике Хакасия — в 2021 г., составивший $+51,3\%$.

Темп роста (убыли) младенческой смертности в трёх территориях был наивысшим в Республике Хакасия и минимальным в Республике Тыва ($p < 0,001$) по средним показателям за 2019–2021 гг. Однако максимальный темп роста в Республике Хакасия зарегистрирован в 2021 г., аналогично Республике Тыва. В Монголии наивысший темп роста отмечался в 2022 г., когда младенческая смертность повысилась на $107,9\%$.

Таким образом, количественные показатели динамики младенческой смертности свидетельствуют о существенном снижении младенческой смертности в Республике Тыва по сравнению с Монголией ($p < 0,001$). Это подтверждается как величинами абсолютной убыли, так темпа убыли в данной Республике. Однако вышеназванные показатели динамики показывают увеличение младенческой смертности в Республике Хакасия на 1,3 случаев на 1000 родившихся живыми и на $33,3\%$ к начальному периоду исследования.

Другой специальный демографический показатель — перинатальная смертность — среди исследованных трёх территорий за 2019–2022 гг. оказался наивысшим в Монголии (рис. 2) со статистически достоверным различием к Республикам Российской Федерации — Тыва ($p < 0,001$) и Хакасия ($p < 0,001$), в которых уровень перинатальной смертности был в 1,6–1,7 раза ниже соответственно такого в Монголии. Однако перинатальная смертность в Республиках Тыва и Хакасия существенно не отличалась между собой ($p > 0,05$) с недостоверным превышением в Республике Тыва.

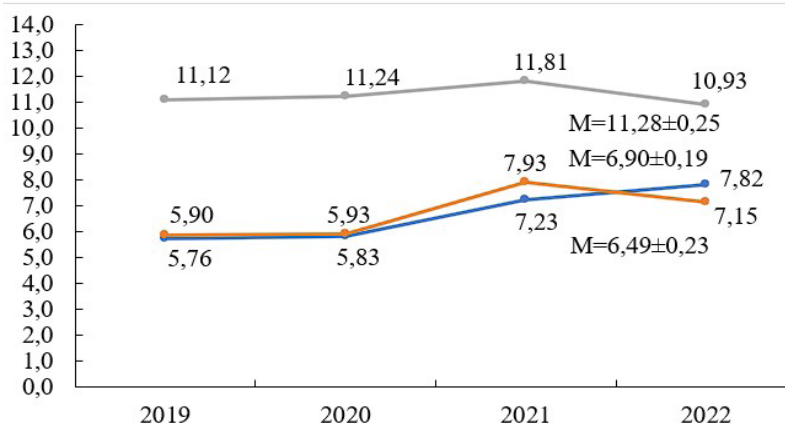

Рисунок 2. Динамика перинатальной смертности в Республике Тыва, Хакасия и в Монголии в 2019–2022 гг., в %

Figure 2. Dynamics of perinatal mortality in the Republics of Tuva, Khakassia and Mongolia in 2019–2022, in %

В Республике Тыва уровень перинатальной смертности в 2019–2022 гг. постепенно повышался и достиг в 2022 г. наивысшего значения, которое было статистически значимо выше, чем в 2019 г. При этом наибольший подъём перинатальной смертности в Республике Тыва произошел с 2020 г. по 2021 г. В Республике Хакасия динамика перинатальной смертности практически совпадала с таковой Республики Тыва в 2019–2021 гг., когда в обеих республиках происходило постепенное повышение перинатальной смертности. Также как в Республике Тыва, в Республике Хакасия наибольший подъём уровня перинатальной смертности отмечался с 2020 г. по 2021 г. ($p < 0,05$). В целом в Республике Хакасия за 2019–2021 гг. произошло достоверное увеличение перинатальной смертности, то есть аналогично, как и в Республике Тыва за 2019–2021 гг.

В отличие от республик Тыва и Хакасия уровень перинатальной смертности в Монголии за исследуемый период времени практически не изменился, его незначительные колебания в 2019–2022 гг. были нерепрезентативными ($p > 0,05$), но на всём протяжении оставался выше, чем в Республиках Тыва и Хакасия ($p < 0,001$).

Однако изменения перинатальной смертности на протяжении 2019–2022 гг. в Республиках Тыва, Хакасия и Монголия, как свидетельствуют количественные показатели динамики были неодинаковыми (табл. 2). Наибольший абсолютный прирост перинатальной смертности зафиксирован в Республике Хакасия со статистически значимым различием как к Республике Тыва, так и к Монголии. Из проанализированных временных отрезков максимальный абсолютный прирост выявлен в 2021 г. Сказанное относится ко всем трём изученным территориям и особенно к Республике Хакасия, где абсолютный прирост перинатальной смертности был в 1,4 раза выше, чем в Республике Тыва на тот же период.

Таблица 2. Количественные показатели динамики перинатальной смертности в Республиках Тыва, Хакасия и Монголия

Table 2. Quantitative indicators of perinatal mortality dynamics in Republics of Tuva, Khakassia and Mongolia

Исследуемые территории и годы	Абсолютный прирост (убыль) на 1000 случаев	Темп прироста (убыли), в %	Темп роста (убыли), в %
Республика Тыва			
2019	–	–	–
2020	+0,07	+1,22	101,22
2021	+1,40	+24,01	124,01
2022	-0,08	-1,11	98,89
Всего за 4 года (1)	+1,39±0,11	+24,13±1,7	124,13±2,5

Республика Хакасия			
2019	–	–	–
2020	+0,03	0,51	100,51
2021	+2,00	+33,73	133,73
2022	–0,11	–1,39	98,61
Всего за 4 года (2)	+1,92±0,13	+32,54±1,6	132,54±2,4
Монголия			
2019	–	–	–
2020	+0,12	+1,08	101,08
2021	+0,57	+5,07	105,07
2022	–0,88	–7,45	92,55
Всего за 4 года (3)	–0,19±0,04	–1,71±0,08	98,29±2,1
p1-2	<0,01	<0,001	<0,05
p1-3	<0,001	<0,001	<0,001
p2-3	<0,01	<0,001	<0,001

Темп прироста перинатальной смертности в Республике Хакасия был также наивысшим за четыре года, составляя почти 33%, что достоверно выше идентичных параметров, зарегистрированных для Республики Тыва (24,13%) и Монголии — (–1,71%). Кроме того, если в Республиках Тыва и Хакасия отмечался значительный темп прироста перинатальной смертности, то в Монголии — низкий темп убыли перинатальной смертности. Однако, по-прежнему, наибольший темп прироста перинатальной смертности за исследуемые годы наблюдался в 2021 г. как в Республике Тыва, так и Республике Хакасия.

Темп роста коррелирует с показателем темпа прироста перинатальной смертности в анализируемых территориях и наиболее высокий в Республике Хакасия, чем в Республике Тыва и особенно в Монголии. При этом средний темп роста в Республиках Хакасия и Тыва за 2019–2022 гг. существенно не отличался от темпа роста перинатальной смертности в каждой Республике, зарегистрированного в 2021 г.

Выполненное прогнозирование младенческой и перинатальной смертности на период до 2029 г. показывает, что показатели младенческой смертности в Республике Тыва будут снижаться в 2025–2028 гг. со средней абсолютной убылью –0,6‰. В Республике Хакасия младенческая смертность, напротив, будет повышаться со средним абсолютным приростом +0,3‰. В Монголии прогнозируется снижение младенческой смертности со средней абсолютной убылью –0,2‰ (рис. 3).

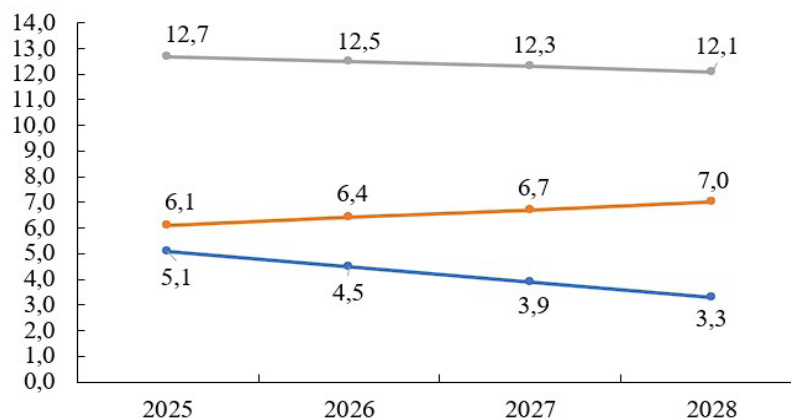

Рисунок 3. Прогнозируемый уровень младенческой смертности в Республиках Тыва, Хакасия и Монголия в 2025–2028 гг., в ‰
 Figure 3. Projected infant mortality rate in Republics of Tuva, Khakassia and Mongolia in 2025–2028, in ‰

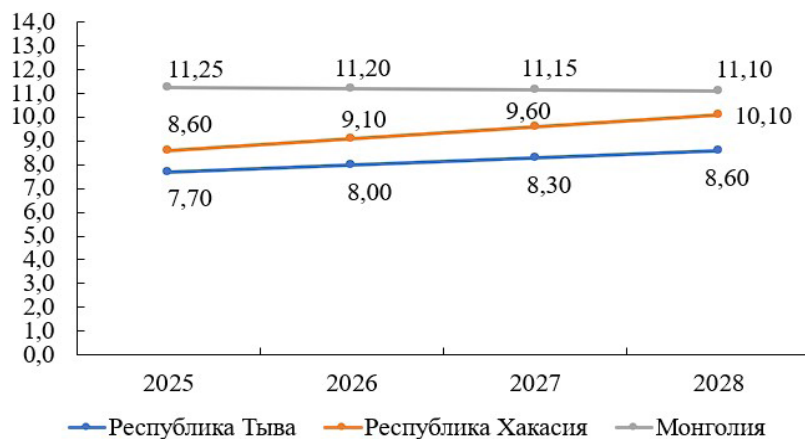

Рисунок 4. Прогнозируемый уровень перинатальной смертности в Республиках Тыва, Хакасия и Монголия в 2025–2028 гг., в %
 Figure 4. The projected perinatal mortality rate in Republics of Tuva, Khakassia and Mongolia in 2025–2028, in %

Следовательно, полученные результаты краткосрочного прогнозирования показывают увеличение младенческой смертности в 2025–2028 гг. в Республике Хакасия и снижение её в Республике Тыва и Монголии. Однако более значимое уменьшение младенческой смертности в указанные годы будет происходить в Республике Тыва.

Перинатальная смертность, согласно прогнозным оценкам, в 2025–2028 гг. будет повышаться в Республиках Тыва и Хакасия, но с большим абсолютным приростом в последней (+0,5%) и менее существенно в Республике Тыва — (+0,3% в год) (рис. 4). В Монголии уровень перинатальной смертности практически не изменился.

Обсуждение

Младенческая смертность определяется экспертами Всемирной организации здравоохранения в качестве ведущего показателя, характеризующего медико-демографическую ситуацию, происходящие в стране социальные изменения, экономические процессы и уровень развития страны (Альбицкий, Терлецкая, 2016). Младенческая смертность отражает не только социально-экономическое благополучие общества, но и представляет общественный критерий результативности реализуемой репродуктивной политики. Уровень младенческой смертности зависит как от социально-экономических условий жизни населения, так и медико-организационных факторов, деятельности специализированной акушерско-гинекологической службы (Пелеганчук и др., 2018).

Важность анализа младенческой и перинатальной смертности обусловлена тем, что наибольшее число детей умирает именно на первом году жизни и в первом месяце жизни (Пелеганчук и др., 2018). Выполненное нами одновременное исследование младенческой и перинатальной смертности в Республиках Тыва, Хакасия и в Монголии позволило установить особенности динамики этих специальных демографических показателей и осуществить прогнозирование их на краткосрочный период. Установлен наивысший уровень младенческой смертности за анализируемый идентичный временной период в Монголии, составивший $11,98 \pm 0,21\%$, что статистически значимо выше, чем в Республике Тыва — $5,48 \pm 0,17\%$ и в Республике Хакасия — $4,73 \pm 0,14\%$.

Такие низкие уровни младенческой смертности в наших Республиках связаны с последовательной и активно реализуемой демографической политикой Российской Федерации во главе с Президентом Российской Федерации. За последние годы в Республиках Хакасия и Тыва зарегистрирована низкая младенческая смертность, что связано с расширением материально-технической базы родовспомогательных медицинских учреждений и с открытием перинатальных центров (Гладкая, Грицинская, 2023), в составе которых организованы отделения реанимации для новорожденных. За рассматриваемый нами период младенческая смертность в Республике Хакасия была минимальной в 2019–2020 гг.

В предыдущие годы уменьшению уровня младенческой и перинатальной смертности способствовала реализация национального проекта «Здоровье». На фоне этих мероприятий в 2010–2015 гг. достигнута стабилизация уровня младенческой смертности в Республике Хакасия (Гладкая, Грицинская, Медведева, 2017), когда ее уровень оставался практически неизменным и колебался от 8,47‰ в 2010 г. до 8,80‰ в 2015 г. ($p > 0,05$). По мнению В. С. Гладкой и В. Л. Гриницинской (Гладкая, Грицинская, 2023), в Республике Хакасия, начиная с 2010 г., отмечается неуклонное снижение младенческой смертности, и в 2020 г. зарегистрирован ее минимальный уровень (3,9‰), что ниже по Российской Федерации (4,5‰). В целом же за 2004–2011 гг. в Республике Хакасия младенческая смертность уменьшилась с 15,6 в 2004 г. до 9,48 случаев на 1000 родившихся живыми — в 2011 г. (Селина, Романова, 2018). В последующем в 2012 г. в связи с переходом на новые критерии регистрации живорождения уровень младенческой смертности вырос с 9,48‰ в 2011 г. до 12,87‰ в 2012 г., но за 2012–2016 гг. младенческая смертность в Республике Хакасия вновь уменьшилась до 8,75‰ в 2016 г., то есть на 32%. При этом изучение динамики в разрезе территорий Республики Хакасия выявило достоверность различий младенческой смертности с более высоким уровнем в г. Абакан, Саяногорск и низкие показатели в Аскидском, Боградском, Таштыпском и Ширинском районах (Селина, Романова, 2018).

Аналогичные тенденции установлены в изменении младенческой смертности и в Республике Алтай, находящейся в близости от Республики Тыва и имеющей некоторые этнокультурные и этносоциальные сходства (Пелеганчук и др., 2018). Анализ младенческой смертности показал, что имеют место существенные колебания среднего показателя младенческой смертности за пятилетний период по муниципальным образованиям. По результатам анализа за период с 2012 по 2016 гг. показатели младенческой смертности превышают среднереспубликанский показатель (11,2 на 1000 родившихся живыми) в 7 сельских муниципальных районах (Кош-Агачский — 12,2‰, Онгудайский — 12,4‰, Улаганский — 20,0‰, Усть-Канский — 13,0‰, Усть-Коксинский — 15,2‰, Чойский — 13,3‰, Шебалинский — 13,1‰). При этом средний уровень младенческой смертности в Республике Алтай (11,2‰) в 2012–2016 гг. был ниже такового в Республике Тыва в 2019 г. и практически одинаков в 2020–2021 гг. в Республике Тыва. В 4-х районах Республики Алтай отмечен среднегодовой прирост показателя за период с 2012 по 2016 гг. (Кош-Агачский — 8,6%, Усть-Коксинский — 21,0%, Турочакский — 19,0%, Улаганский — 10,2%) (Пелеганчук и др., 2018).

Помимо анализа интенсивных показателей младенческой и перинатальной смертности нами проведен расчет количественных показателей динамики младенческой и перинатальной смертности, который позволил объективно установить, что младенческая смертность за 2019–2021 гг. характеризуется абсолютной убылью, составившей за эти годы — 2,4 случаев на 1000 родившихся живыми в Республике Тыва, и абсолютным приростом младенческой смертности в Республике Хакасия за 4 года на +1,3 случаев на 1000 родившихся живыми и без существенных изменений в Монголии.

При сравнении уровня младенческой смертности с перинатальной смертностью в Республике Алтай выявлено, что в течение первых трех лет (2012–2014 гг.) уровень младенческой смертности был выше перинатальной (Пелеганчук и др., 2018), однако в 2015–2016 гг. перинатальная смертность превысила младенческую смертность, отражая рост мертворождаемости в репродуктивных потерях. Согласно результатам нашего исследования, уровень перинатальной смертности в Республике Тыва в 2019 г. и 2022 г. был ниже величины младенческой смертности, а в 2020–2021 гг. не имел достоверных различий. При этом в странах Евросоюза показатель перинатальной смертности превышает уровень младенческой из-за того, что уровень мертворождаемости выше суммы поздней неонатальной (в возрасте 7–27 дней) и постнеонатальной (28–65 дней) смертности. Данное соотношение показателей представляется более обоснованным с медико-организационных позиций, поскольку постнеонатальные и поздние неонатальные потери (компоненты младенческой смертности) обусловлены в большей степени экзогенными причинами и снижаются существенно быстрее, чем компонент перинатальной смертности — мертворождаемость менее предотвратимая: известно, что внутриутробная гибель плода (мертворождаемость) является механизмом естественного отбора, сформировавшимся в процессе эволюции и направленным на устранение из популяции генотипов со сниженной жизнеспособностью.

Перинатальная смертность в изученных нами республиках достоверно повысилась с 2019 г. по 2020 г., более существенно в Республике Хакасия, о чем свидетельствуют количественные показатели динамики. В частности, в Республике Хакасия абсолютный прирост и темп прироста перинатальной смертности составили +1,92‰ и +32,54% соответственно ниже ($p < 0,01$), чем в Республике

Тыва — (+1,39‰) и +24,13% ($p < 0,001$), а в 2021 г., как установлено в исследовании В. С. Гладкой и В. Л. Гриницинской (Гладкая, Грицинская, 2023), уровень перинатальной смертности превосходил среднюю величину перинатальной смертности в Российской Федерации, хотя в предыдущие годы уровень перинатальной смертности в Республике Хакасия снижался благодаря внедрению системы трехуровневого оказания медицинской помощи беременным (Гладкая, Грицинская, 2023). На снижение перинатальной смертности в этот период оказало также влияние уменьшение числа врожденных аномалий развития (Гладкая, Грицинская, Медведева, 2017), что обусловлено внедрением в Республике Хакасия пренатального скрининга с охватом до 97,3% (Гладкая, Грицинская, 2023).

Новый импульс снижению младенческой, а также и перинатальной смертности, на наш взгляд, придадут предложенные мероприятия, реализация которых осуществлена в 2024 г., обозначенным Годом семьи¹. В частности, для уменьшения младенческой и перинатальной смертности в Российской Федерации, предусмотрен комплекс превентивных мероприятий, указанный в планах проведения Года семьи в Республиках Тыва² и Хакасия³.

Именно врожденные аномалии развития при низком охвате (60%) пренатальным скринингом не удается диагностировать их значительную часть, и каждый пятый младенец умирает от указанной причины, что приводит к повышению перинатальной смертности (Пелеганчук и др., 2018). Низкая диагностика врожденных аномалий развития, по мнению авторов, обусловлена недостаточной квалификацией врачей и использованием аппаратов УЗИ среднего класса.

В Монголии на протяжении периода исследования частота перинатальной смертности оставалась без существенных изменений ($p > 0,05$), но значительно превосходила таковую в Республиках Хакасия и Тыва, что связано с отсутствием внедрения в Монголии пренатального скрининга. В Монголии, несмотря на проводимые мероприятия по снижению младенческой и материнской смертности с 2001 г. с участием специалистов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), проводимые ежегодные конференции губернаторов, улучшение акушерской и неонатальной помощи, внедрение на всех уровнях рекомендаций ВОЗ «Ведение осложнений во время беременности и родов», уровень младенческой и перинатальной смертности остаётся высоким (Yadamsuren et al., 2010) и превышает одноимённые показатели в Республиках Тыва и Хакасия.

Более высокие уровни младенческой и перинатальной смертности в Монголии по сравнению с Республиками Тыва и Хакасия, на наш взгляд, связаны с медленной модернизацией акушерско-гинекологической службы Монголии, более низкой материально-технической оснащённостью и обеспеченностью населения страны акушер-гинекологами. На это, по-видимому, влияют и недостаточное использование скрининговых методов выявления врождённых аномалий развития и в целом отставание социально-экономического развития Монголии от Республик Тыва и Хакасия.

Вместе с тем подчёркивается, что снижение младенческой смертности в Монголии в последние годы реально, как это произошло в Азербайджане, Бразилии, Китае, Египте, Мексике. Однако в настоящее время, как свидетельствует выполненный нами поиск, проблема младенческой и перинатальной смертности в Монголии освещается крайне редко. Известно лишь, что уровень младенческой смертности в Монголии в 2019 г., по данным Всемирного Банка⁴, составлял 15,6 случаев на 1000 живорождённых и к 2022 г. снизился до 13,4 случаев на 1000 живорождённых, что незначительно выше результатов, представленных в монгольских статистических ежегодниках⁵.

¹ Указ Президента Российской Федерации №875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013> (дата обращения 17.12.2024).

² План мероприятий по проведению года семьи в Республике Тыва [Электронный ресурс] // 2024. Год семьи. URL: <https://семья2024.рф/documents/327> (дата обращения 17.12.2024).

³ План мероприятий по проведению года семьи в Республике Хакасия [Электронный ресурс] // 2024. Год семьи. <https://семья2024.рф/documents/346> (дата обращения 17.12.2024).

⁴ Mortality rate, under-5 (per 1,000 live births [Электронный ресурс] // World Bank Group. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=SH.DYN.MORT> (дата обращения 17.12.2024).

⁵ Статистические годовые сборники и ежегодники Монголии [Электронный ресурс] // National Statistics Office of Mongolia. URL: <https://www.nso.mn/en/statistic/file-library/annual> (дата обращения 17.12.2024).

Заключение

Проведенное исследование показало позитивную динамику младенческой и перинатальной смертности в современных условиях в Республиках Российской Федерации — Тыва и Хакасия — по сравнению с соседним государством — Монголией, где указанные специальные демографические показатели остались без изменений. За период исследования произошло достоверное снижение младенческой смертности в Республике Тыва с существенными показателями средней абсолютной убыли и темпа убыли. Младенческая смертность в Монголии превышала таковую в Республике Тыва и в Республике Хакасия с достоверным различием в обоих случаях.

Средний уровень перинатальной смертности был также ниже в Республике Хакасия и Республике Тыва, чем в Монголии. Вместе с тем в Республиках Хакасия и Тыва за исследованный период времени наметилась тенденция к росту перинатальной смертности с незначительным абсолютным приростом. В 2025–2028 гг. прогнозируется увеличение перинатальной смертности в этих республиках, что диктует необходимость принятия превентивных мероприятий.

Вклад авторов:

Агарков Н. М. — написание и научное редактирование статьи,
Фабрикантов О. Л. — написание текста статьи,
Емельянов С. Г. — обоснование методов статистической обработки данных и проведение обработки полученных результатов,
Титов А. А. — поиск научной литературы,
Алымова М. В. — сбор статистических данных,
Шорохова А. А. — сбор статистических данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р. (2022) Особенности демографических процессов в городах Кызыл и Элиста в 2011–2020 годы: сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. № 2. С. 34–52. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>

Айвазян, С. А. (2001) Прикладная статистика. Основы эконометрики. М. : Юнити. 432 с.

Альбицкий, В. Ю., Терлецкая, Р. Н. (2016) Младенческая смертность в Российской Федерации в условиях новых требований к регистрации рождения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. Т. 24. № 6. С. 340–345. DOI: <https://doi.org/10.18821/0869-866-2016-24-6-340-345>

Баранцева, Н. А. (2021) Динамика рождаемости в республике Хакасия в 2010-е гг. (в контексте осуществления демографической политики) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. № 3. С. 85–92. DOI: <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2021-3-85-92>

Белокриницкая, Т. Е., Сидоркина, А. Г, Мудров, В. А. (2024) Возможности ранней диагностики поражений ЦНС плода в антенатальном периоде (обзор) // Научные результаты биомедицинских исследований. Т. 10. № 4. С. 589–605. DOI: <https://doi.org/10.18413/2658-6533-2024-10-4-0-8>

Гладкая, В. С., Гриницинская, В. Л., Медведева, Н. Н. (2017) Современные тенденции репродуктивного здоровья и репродуктивного поведения женского населения в России // Мать и дитя в Кузбассе. № 1. С. 10–15.

Гладкая, В. С., Гриницинская, В. Л. (2023) Современные тенденции репродуктивного и демографического потенциала в Республике Хакасия // Вятский медицинский вестник. № 1. С. 67–73. DOI: <https://doi.org/10.24412/2220-7880-2023-1-67-73>

Григорьев, Ю. А., Баран О. И. (2017) Гендерные различия в смертности и продолжительности жизни в Сибирском Федеральном округе // Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. № 1. С. 42–47.

Гоицнская, В. Л., Омзар, О. С. (2012) Врожденные пороки развития в структуре младенческой смертности в Республике Тыва // Здравоохранение Российской Федерации. № 5. С. 40–42.

Гоицнская, В. Л. (2013) Резервы снижения младенческой смертности в Республике Тыва // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. № 1. С. 26–28.

Донгак, И. И., Аракчаа, К. Д. (2022) Опыт экстраполяции трендов при прогнозе смертности населения Тувы от внешних причин // Азиатские исследования. № 3. С. 92–99. DOI: <https://doi.org/10.24412/2782-6139-2022-3-92-99>

Иванов, Д. О., Ветров, В. В., Курдынко, Л. В. (2022) История и перспективы показателя перинатальной смертности в России (обзор литературы) // Педиатр. Т. 13. № 1. С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.17816/PED1315-18>

Нурова, А. А., Мирзоева, Р. К., Бердыш, Д. С. (2022) Современная ситуация по перинатальной и младенческой смертности в России // Вестник биомедицина и социология. Т. 7. № 2. С. 59–66. DOI: <https://doi.org/10.26787/nydha-2618-8783-2022-7-2-59-66>

Пелеганчук, В. А., Трибунский, С. И., Колядо, В. Б., Колядо, Е. В. (2018) Анализ младенческой смертности на территории Республики Алтай // Медицина в Кузбассе. Т. 17. № 2. С. 47–52.

Ростовская, Т. К., Золотарева, О. А., Давлетшина, Л. А. (2023) Особенности рождаемости в Республике Тыва (1991–2021) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 34–49. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.3>

Селина, А. А., Романова, И. П. (2018) Младенческая смертность как интегральный показатель благополучия населения на территории Республики Хакасия // Сборник трудов XXII Международной научной школы-конференции студентов и молодых ученых «Экология южной Сибири и сопредельных территорий» / отв. ред. В. В. Аношин. Абакан : Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова. 196 с. С. 139–140.

Тиникова, Е. Е., Лушникова, О. Л., Канзычакова, Н. Г. (2018) Особенности урбанизации национальных республик востока России в постсоветский период (на примере Республики Хакасия) // Евразийское научное обозрение. № 8–2. С. 82–85.

Третьякова, Е. А., Хасанова, Р. Р. (2017) Тенденции рождаемости и смертности в Сибирском Федеральном округе // Мир экономики и управления. Т. 17. № 4. С. 122–141. DOI: <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2017-17-4-122-141>

Трибунский, С. И., Колядо, В. В., Асанова, Т. А., Колядо, Е. В. (2011) Младенческая смертность в городских и сельских поселениях Сибирского Федерального округа // Сибирский медицинский журнал. Т. 26. № 3–1. С. 168–172.

Хольшина, М. А. (2011) Современные особенности медико-демографической ситуации населения Республики Тыва // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. Т. 16. № 6–1. С. 1539–1542.

Эрдыниева, Л. С., Шожат, О. М. (2023) Медико-демографическая ситуация в Республике Тыва за период 2015–2022 гг. // Вестник этической медицины. № 1–2. С. 7–12. DOI: <https://doi.org/10.62501/2949-5180-2023-1-2-7-12>

Yadamsuren, B., Meriardi, M., Davaadorj, I., Requejo, J. H., Betran, A. P., Ahmad, A., Nymadawa, P., Erkhembaatar, T., Barcelona, D., Ba-Thike, B., Hagan, R. J., Prado, R., Wagner, W., Khishgee, S., Sodnompil, T., Tsedmaa, B., Soyoltuya, B., Johnson, B.R., Fajans, P., Look, P. F., Otgonbold, A. (2010) Tracking maternal mortality declines in Mongolia between 1992 and 2007: the importance of collaboration // Bulletin of the World Health Organization. Vol. 88. № 3. P. 192–198. DOI: <https://doi.org/10.2471/blt.08.061747>

Дата поступления: 15.01.2025 г.

Дата принятия: 10.03.2025 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. and Baymurzina, G. R. (2022) Features of demographic processes in the cities of Kyzyl and Elista in 2011–2020: comparative analysis. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 34–52. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>

Aivazian, S. A. (2001) *Applied statistics. Basics of econometrics*. Moscow, Yuniti. 432 p. (In Russ.)

Albitsky, V. Yu. and Terletskaia, R. N. (2016) Infant mortality in the Russian Federation under the new requirements for birth registration. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*, vol. 24, no. 6, pp. 340–345. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18821/0869-866-2016-24-6-340-345>

Barantseva, N. A. (2021) The dynamics of the birth rate in the Republic of Khakassia in the 2010s in the context of demographic policy implementation. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*, no. 3, pp. 85–92. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2021-3-85-92>

Belokrinskaya, T. E., Sidorkina, A. G. and Mudrov, V. A. (2024) Possibilities for early diagnosis of fetal central nervous system lesions in the antenatal period (review). *Nauchnye rezul'taty biomeditsinskikh issledovaniy*, vol. 10, no. 4, pp. 589–605. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18413/2658-6533-2024-10-4-0-8>

Gladkaya, V. S., Grinitsinskaya, V. L. and Medvedeva, N. N. (2017) Current trends in reproductive health and reproductive behavior of the female population in Russia. *Mat' i ditya v Kuzbasse*, no. 1, pp. 10–15. (In Russ.)

Gladkaya, V. S. and Grinitsinskaya, V. L. (2023) The current trends in reproductive and demographic potential in the Republic of Khakassia. *Vyatskii meditsinskii vestnik*, no. 1, pp. 67–73. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24412/2220-7880-2023-1-67-73>

Grigor'ev, Yu. A. and Baran, O. I. (2017) Gender differences in mortality and life expectancy in the Siberian Federal District. *Byulleten' Natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N. A. Semashko*, no. 1, pp. 42–47. (In Russ.)

Goitsinskaya, V. L. and Omzar, O. S. (2012) Congenital malformations in the structure of infant mortality in the Republic of Tuva. *Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii*, no. 5, pp. 40–42. (In Russ.)

Goitsinskaya, V. L. (2013) Reserves for reducing infant mortality in the Republic of Tuva. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*, no. 1, pp. 26–28. (In Russ.)

Dongak, I. I. and Arakchaa, K. D. (2022) Experience of trend extrapolation in forecasting mortality from external causes in Tuva. *Aziatskie issledovaniya*, no. 3, pp. 92–99. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24412/2782-6139-2022-3-92-99>

Ivanov, D. O., Vetrov, V. V. and Kurdynko, L. V. (2022) History and prospects of the perinatal mortality indicator in Russia: literature review. *Pediatr*, vol. 13, no. 1, pp. 5–18. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17816/PED1315-18>

Nurova, A. A., Mirzoeva, R. K. and Berdysh, D. S. (2022) Current situation in perinatal and infant mortality in Russia. *Vestnik biomeditsina i sotsiologiya*, vol. 7, no. 2, pp. 59–66. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.26787/nydha-2618-8783-2022-7-2-59-66>

Peleganchuk, V. A., Tribunskii, S. I., Kolyado, V. B. and Kolyado, E. V. (2018) Analysis of infant mortality in the Republic of Altai. *Meditsina v Kuzbasse*, vol. 17, no. 2, pp. 47–52. (In Russ.)

Rostovskaya, T. K., Zolotareva, O. A. and Davletshina, L. A. (2023) Fertility characteristics in the Republic of Tuva (1991–2021). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 34–49. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.3>

Selina, A. A. and Romanova, I. P. (2018) Infant mortality as an integral indicator of population well-being in the Republic of Khakassia. In: *Proceedings of the 22nd International Scientific School-Conference for Students and Young Scientists "Ecology of Southern Siberia and Adjacent Territories"*, ed. by V. V. Anyushin. Abakan, Katanov Khakass State University. 196 p. Pp. 139–140. (In Russ.)

Tinikova, E. E., Lushnikova, O. L. and Kanzychakova, N. G. (2018) Features of urbanization in the national republics of eastern Russia in the post-Soviet period: the case of the Republic of Khakassia. *Evrasiiskoe nauchnoe obozrenie*, no. 8–2, pp. 82–85. (In Russ.)

Tretyakova, E. A. and Khasanova, R. R. (2017) Birth and mortality trends in the Siberian Federal District. *Mir ekonomiki i upravleniya*, vol. 17, no. 4, pp. 122–141. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2017-17-4-122-141>

Tribunskii, S. I., Kolyado, B. V., Asanova, T. A. and Kolyado, E. V. (2011) Infant mortality in urban and rural areas of the Siberian Federal District. *Sibirskii meditsinskii zhurnal*, vol. 26, no. 3–1, pp. 168–172. (In Russ.)

Khol'shina, M. A. (2011) Modern features of the medico-demographic situation of the population of the Republic of Tuva. *Vestnik Tambovskogo universiteta Seriya: Estestvennyye i tekhnicheskie nauki*, vol. 16, no. 6–1, pp. 1539–1542. (In Russ.)

Erdynieva, L. S. and Shozhat, O. M. (2023) Medico-demographic situation in the Republic of Tuva for the period 2015–2022. *Vestnik eticheskoi meditsiny*, no. 1–2, pp. 7–12. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.62501/2949-5180-2023-1-2-7-12>

Yadamsuren, B., Merialdi, M., Davaadorj, I., Requejo, J. H., Betran, A. P., Ahmad, A., Nymadawa, P., Erkhembaatar, T., Barcelona, D., Ba-Thike, B., Hagan, R. J., Prado, R., Wagner, W., Khishgee, S., Sodnompil, T., Tsedmaa, B., Soyoltuya, B., Johnson, B. R., Fajans, P., Look, P. F. and Otgonbold, A. (2010) Tracking maternal mortality declines in Mongolia between 1992 and 2007: the importance of collaboration. *Bulletin of the World Health Organization*, vol. 88, no. 3, pp. 192–198. DOI: <https://doi.org/10.2471/blt.08.061747>

Submission date: 15.01.2025.

Acceptance date: 10.03.2025.

Intonational means of expressing finality in Tuvan folklore narration

Tatiana R. Ryzhikova, Ilya M. Plotnikov, Albina A. Dobrynina

Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,

Choigan G. Ondar

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research

under the Government of the Republic of Tuva; Tuvan State University, Russian Federation

The presented study is a continuation of the authors' previous work on Tuvan intonation, which was concerned with prosodic markers as means of structuring a folklore text. The purpose of this article is to examine the manifestation of intonational universals associated with the expression of completeness in Tuvan narrative utterances, which has not previously been subjected to a dedicated analysis employing corpus and statistical methods. The theoretical and methodological basis of the study is formed by the principles that have been established in Russian linguistics, including identifying language-level oppositions between intonational units and a multi-aspect analysis of the utterance as a syntactic unit.

The material of the study consists of four audio recordings of Tuvan folklore texts, which were segmented into utterances and annotated using Praat. The resulting corpus was examined in order to identify prosodic characteristics that can be considered significant in terms of expressing completeness of an utterance, with the analysis taking into account both the syntactic structure of the utterances in question and their role in the formation of the folklore text.

Several intonation patterns typical of Tuvan folklore texts have been identified and associated with specific communicative functions. This allowed us to demonstrate the opposition of final and non-final, as well as clause-internal and clause-final constituents of the utterances in terms of their intonation. As a result, it is shown that the completeness of an utterance is usually expressed by falling tone and intensity, although there are several examples of a level or rising tone at the end of an utterance. This implies the necessity of a further development of the thought expressed by the utterance. The results are consistent with the authors' previous studies of the Siberian Turkic languages and support the universality of falling tone marking the completeness of an utterance.

Keywords: Tuvan language; intonation; finality; intonational universal; folklore

For citation:

Ryzhikova T. R., Plotnikov I. M., Dobrynina A. A. and Ondar Ch. G. Intonational means of expressing finality in Tuvan folklore narration. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 144-168. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.8>

RYZHIKOVA, Tatiana Raisovna, Candidate of Philology, Senior Research Fellow, V. M. Nadelyaev Laboratory of Experimental Phonetic Research, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolayeva St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: tanya12@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6337-725X

PLOTNIKOV, Ilya Mikhailovich, Junior Research Fellow, Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolayeva St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: iliaplotnikov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6416-689X

DOBRYNINA, Albina Albertovna, Candidate of Philology, Senior Research Fellow, V. M. Nadelyaev Laboratory of Experimental Phonetic Research, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolayeva St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ekinur@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5841-4714

ONDAR, Choigan Gennadievich, Candidate of Philology, Researcher, Linguistic Sector, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva; Lecturer, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuvan State University. Postal addresses: 4 Kochetova St., 667000 Kyzyl, Russian Federation; 36 Lenina St., 667000, Kyzyl, Russia. E-mail: choygandi@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5779-4217

РОДНОЙ ЯЗЫК

Статья

**Интонационные средства выражения завершенности
в тувинском фольклорном повествовании****Татьяна Р. Рыжикова, Илья М. Плотников, Альбина А. Добрынина**

Институт филологии СО РАН, Российская Федерация,

Чойган Г. ОндарТувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва; Тувинский государственный университет, Российская Федерация

Представленное исследование является продолжением предыдущей работы авторов, посвященной интонации тувинских фольклорных текстов, результатом которой стал анализ комплекса интонационных средств, выступающих в роли маркеров значимых разделов текста. Целью данной статьи является изучение проявления в тувинском языке интонационных универсалий, связанных с выражением законченности повествовательных высказываний. Новизну проделанного исследования составляет то, что способы маркирования завершенности высказывания не становились ранее предметом отдельного исследования, проводимого с применением корпусных и статистических методов. Теоретической и методологической базой исследования являются устоявшиеся в российском языкознании принципы выделения единиц интонации, основанные на методе выявления оппозиций и многоаспектном анализе высказывания как синтаксической единицы.

В качестве основного материала исследования используются аудиозаписи четырех фольклорных текстов на тувинском языке, которые были разделены на высказывания и проаннотированы с помощью программного обеспечения Praat. Полученный таким образом корпус был проанализирован с целью выявления просодических характеристик, которые могут рассматриваться как значимые с точки зрения выражения законченности высказывания. При анализе учитывались как синтаксическая структура рассматриваемых высказываний, так и их роль в формировании фольклорного текста.

В результате исследования был выделен ряд интонационных конструкций, реализующихся в текстах, каждая из которых ассоциирована с определенными коммуникативными функциями. Это позволило продемонстрировать использование интонации для противопоставления финальных и нефинальных компонентов высказываний. Результаты анализа показали, что завершенность высказывания обычно выражается нисходящим движением тона и падением интенсивности, однако имеются несколько примеров ровного или восходящего тона в конце высказывания в контекстах, в которых требуется подчеркнуть необходимость дальнейшего продолжения выраженной высказыванием мысли. Полученные выводы согласуются с предыдущими исследованиями интонации тюркских языков Сибири и подтверждают универсальность употребления нисходящего тона для обозначения завершенности высказывания.

Ключевые слова: тувинский язык; интонация; завершенность; интонационная универсалия; фольклор

Для цитирования: Ryzhikova T. R., Plotnikov I. M., Dobrynina A. A. and Ondar Ch. G. Intonational means of expressing finality in Tuvan folklore narration // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 144-168. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.8>

Рыжикова Татьяна Раисовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева Института филологии СО РАН. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Эл. адрес: tanya12@mail.ru

Плотников Илья Михайлович — младший научный сотрудник Сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Эл. адрес: iliaplotnikov@gmail.com

Добрынина Альбина Альбертовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева Института филологии СО РАН. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Эл. адрес: ekinur@mail.ru

Ондар Чойган Геннадиевич — кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языкознания Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва; преподаватель кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского государственного университета. Адреса: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4; 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Эл. адрес: choygandi@mail.ru

Introduction

The problem of linguistic universals is not a new one but is still rather disputable. The list of cultural universals was first proposed by G. P. Murdock in 1959 and included language, folklore, mythology, rituals, and music universals as well (Murdock, 1959). His ideas were further developed by many researchers, including C. Lévi-Strauss (Lévi-Strauss, 1966), D. E. Brown (Brown, 1991), and others. A special list of linguistic universals was put forward at a conference in New York in 1961, in the proceedings and *Memorandum Concerning Language Universals* published by J. H. Greenberg et al. in 1963 (Greenberg, 1963b). This work seems to have become the turning point in studying linguistic universals at all language levels, as despite earlier publications on this problem (see, e.g.: Buht, Aginsky, 1948), it is since the time of this conference that linguists all over the world have started investigating the phenomenon of language universals.

We shall concentrate our attention only on intonational universals. R. Jakobson (Jakobson, 1962) was one of the first to introduce binary oppositions in a language structure and to use them extensively in phonetic studies. B. A. Uspenskiy, in his *Structural Typology of Languages* (Uspenskiy, 1965: 186–222), summarized the previous results of other linguists (Troubetzkoy, 1949; Greenberg, 1962, 1963a; Jakobson, 1962; Ferguson, 1963; Hockett, 1963; etc.) and presented an extensive list of linguistic universals, including 139 phonico-phonological units and 65 grammatical ones. As for intonational universals, only one seems to have been taken into account: the distinction between a general question and a statement by a certain intonation pattern at the end of an utterance (Uspenskiy, 1965: 209).

Since that time, a number of phoneticians have been engaged in deriving intonational universals based on different parameters. An interested reader can find this information elsewhere (Pike, 1945; Cohen, Collier, t' Hart, 1982; Cooper, Sorensen, 1981; Cruttenden, 1981; Lieberman, 1967; Liberman, Pierrehumbert, 1984; Lindau, 1986; and many others). D. R. Ladd (Ladd, 2001) tried to systematize them and distinguished the following instances:

- “(1) pitch tends to decline from the beginning of an IP¹ to the end, a tendency known as declination... (2) the beginning of an IP may be marked by a local sharp rise in pitch or ‘reset’... (3) in IPs that are utterance-final and/or in statements, there may be a local drop in pitch at the end of the IP in addition to any overall declination spanning the IP as a whole... (4) in IPs that are in questions and/or are not utterance-final, declination may be moderated, suspended or even reversed, i.e. the overall trend may be less steeply declining, level, or even slightly rising... (5) in addition to exhibiting reduced declination, non-final and interrogative IPs may also have a local rise in pitch at the end, or at least have no local drop...” (ibid.: 1381).

These observations prove to be true for many languages where a low pitch signals finality and completeness, whereas a high pitch implies a further continuation or response of an addressee.

Several attempts have been made to explain this postulate. For example, D. L. Bolinger (Bolinger, 1964, 1978) followed by A. Cruttenden (Cruttenden, 1981) accounted for this phenomenon by “a universal, prelinguistic ‘meaning’ of high and low pitch, part of a universal code for signalling states of the organism”, in which “high pitch signals interest, tension, incompleteness, etc., while low pitch signals resolution, completeness, and rest” (Ladd, 2001: 1382).

Likewise, J. J. Ohala has suggested the existence of a universal cross-species pitch code referred to as the *frequency code*, wherein “high frequencies signal the vocalizer’s apparent smallness, and, by extension, his nonthreatening, submissive, or subordinate attitude” while “low-frequency vocalizations signal apparent largeness and thus threat, dominance, self-confidence” (Ohala, 1983: 15). It is for this reason that “high, and particularly high-ending utterances seem to sound dependent, appealing, questioning, etc., while conversely, low and low-ending utterances seem to sound authoritative, powerful, and assertive” (Gussenhoven, Chen, 2000: 92). J. J. Ohala’s theory was further developed by C. Gussenhoven (Gussenhoven, Gösta, 1999; Gussenhoven, 2002; 2004) who supplemented the *frequency code* with the so-called *effort code*, implying that “greater effort creates more elaborate, more explicit realisations... In the context of pitch variation, greater effort corresponds with wider excursions, and as a result, a higher peak will sound more emphatic than a lower peak” (Gussenhoven, Chen, 2000: 92). A. Chen confirmed the ideas of C. Gussenhoven in her dissertation *Universal and Language-specific Perception of Paralinguistic Intonational Meaning*².

¹ An intonational phrase.

² Chen A. *Universal and language-specific perception of paralinguistic intonational meaning*: Diss. ... Ph.D. Radboud University Nijmegen. Utrecht: LOT, 2005.

Russian linguists T. M. Nikolaeva (Nikolaeva, 1977, 1984), N. V. Cheremisina (Cheremisina, 1982), M. K. Rumyantsev (Rumyantsev, 1997), A. V. Bel'skiy (Bel'skiy, 1956), V. I. Petryankina¹, S. S. Khromov (Khromov, 2013), and others tried to build a system of intonational universals, and generally their findings coincide with those of their foreign colleagues. To the best of our knowledge, there is still no complete and exhaustive list of intonational universals.

The purpose of the article is to discuss to what extent intonational universals, specifically (3) and (4) as described by D. R. Ladd, apply to the Tuvan language.

The Tuvans are the native inhabitants of the Republic of Tuva and the southern part of the Krasnoyarsk Krai, Russian Federation. Several Tuvan ethnic groups also live in Mongolia and in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China (Bavuu-Syuryun, 2010: 58). They speak Tuvan, a Turkic language previously referred to as Uriankhai, Soyot, and Tanu-Tuvan, which 98% of the Tuvans living on the territory of Tuva consider their mother tongue (ibid.). According to the All-Russian Population Census of 2020, 303 thousand Tuvans live in the Russian Federation, of whom 249 thousand people (82.35%) speak Tuvan, including 248 thousand people who report using Tuvan in everyday life. Tuvans in the Russian Federation are predominantly bilingual, as 281 thousand (93%) of Tuvans also speak Russian (Oorzhak et al., 2024: 65–66). The number of Tuvan speakers outside the Russian Federation is estimated to be around 10,000 in Mongolia, and around 5,000 in China (Simchit, 2017).

While there are different approaches to classifying the Turkic languages, we accept the view of A. M. Shcherbak who considered Tuvan to belong to the Siberian group of the Turkic family of the Altai macrofamily of languages (Shcherbak, 1994: 39). A more detailed classification proposed by L. Johanson relates it to the northeastern (or Siberian) branch of the Turkic languages, specifically its southern sub-branch consisting of Sayan Turkic, i.e. Tuvan, Tofan, Soyot, Dukhan, Tuhan, etc., and non-Sayan Turkic, i. e. Khakas, Shor, North Altay, Chulym, etc. (Johanson, 1998: 83). The Tuvan language is traditionally divided into four dialects: Central, Western, North-Eastern (Todzhinsky) and South-Eastern.

Materials and methods

The material for analysis consisted of audio recordings of Tuvan folklore narrations published in the *Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East* series, volume 28 entitled *Myths, Legends, Historical Stories of Tuvans*². The texts were chosen on the criterion that the narrators were native speakers of Tuvan. The metadata of four texts under consideration is presented in *Table 1*³.

Table 1. The metadata of the texts chosen for analysis
Таблица 1. Метаданные текстов, выбранных для анализа

Title	Title translation	Genre	Narrator ⁴	Occupation of the narrator	Duration, min
Chadyrlyg diireng	Diireng in the hut	myth	B.D.S., male, b. 1917	professional storyteller (<i>toolchu</i>) and shaman	3.41
Khemchik	Khemchik	legend	S.N.K., female, b. 1938	teacher of the Tuvan language	3.38
Bai-Taiga dugaïynda chugaa	The story of Bai-Taiga	legend	K.M.S., male, b. 1931	Buddhist temple abbot	4.55
Aran-Chula dugaïynda chugaa	The story of Aran-Chula	legend	V.Sh.S., male, b. 1946	stone carver	9.38

¹ Petryankina V. I. Functional and semantic analysis of intonation: Theoretical and experimental phonetic research : Diss. ... Doctor of Philology, Moscow, 1990. (In Russ.)

² *Myths, legends, historical stories of Tuvans* / comp. by N. A. Alekseev, D. S. Kuular, Z. B. Samdan and Zh. M. Yusha. Novosibirsk, Nauka, 2010. 372 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East, vol. 28). (In Russ. and Tuvan).

³ The data analyzed in this article was initially transcribed as part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences "Cultural Universals of Verbal Traditions of the Peoples of Siberia and the Far East: Folklore, Literature, Language" supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract No 075-15-2019-1884.

⁴ The names of the narrators were abbreviated due to ethical considerations.

The audio files were converted from WMA into WAV and then segmented into utterances (154 units in total) with Audacity¹. For further analysis, segment boundaries and pauses were marked manually in Praat². Two levels of segmentation were implemented: word and syllable. The analysis was carried out mainly at the syllabic level, by comparing the values of pitch and intensity of neighboring syllables. In this article, only declarative utterances are considered.

Our approach to analyzing intonation mainly stems from the traditions of Russian intonology, which are in turn heavily influenced by those of the Prague Linguistic Circle. Thus, the first principle of our study is opposition, which is based on the idea of phonological oppositions developed by N. S. Troubetzkoy (Troubetzkoy, 1949) and R. Jakobson (Jakobson, 1962). By contrasting similar utterances with different meanings, one can identify the intonation oppositions that are relevant for the specific language under consideration. In Russian linguistics, this method was used by E. A. Bryzgunova to construct the system of intonation patterns (*intonatsionnye konstruksii*), sets of prosodic characteristics that are associated with specific functions (Bryzgunova, 1971, 1973). Therefore, the second principle is functionalism, as oppositions are used to differentiate utterances on the basis of their functions. A comprehensive list of the functions of intonation was suggested by F. Daneš (Daneš, 1960) and further developed by Russian linguists T. M. Nikolaeva (Nikolaeva, 1977) and N. D. Svetozarova (Svetozarova, 1982).

Though the functions of intonation are various, all of them can be described in terms of distinguishing constituent parts of the text (its segments) and ascribing them meaning and interrelations. In this way, the study of intonation is primarily concerned with its syntactic functions, particularly those in the field of communicative syntax which deals with the organization of the structure of utterances, as opposed to sentences³. One of the main goals of communicative syntax is studying the division of utterances into two parts: theme (topic) and rheme (focus, comment) which are often expressed with the means of intonation.

Based on this framework, any study of intonation should first and foremost be aimed at examining correlations between prosodic and syntactic phenomena. Due to this, our research also includes a thorough analysis of the syntactic structure of the utterances under consideration. As the focus of this study is the intonation marking of the utterance endings, it is important to be able to compare them to the endings of other constituents. Bearing this in mind, we have additionally segmented the utterances into clauses and examined the internal structure of the clauses and the communicative roles of their components: core arguments, periphery and especially the predicates that form the nucleus of a clause (Van Valin, LaPolla, 1997; Fernandez-Vest, Van Valin, 2016).

Preliminary data on the Tuvan intonation

Intonation is traditionally considered as a constituent part of the articulatory-acoustic base (AAB), a term proposed by V. M. Nadelyaev to describe a dynamic stereotype that is developed at an early stage of an ethnic group's existence and provides means of expression in verbal communication. Changing with the course of an ethnos's development, AAB preserves its constituent (dominant) features provided that the ethnic community continues to settle compactly (Nadelyaev, 1980: 5–6; 1986). The AAB of Tuvan was experimentally described on the segmental sublevel (Bicheldey, 1989ab, 2001; Dambyra, 2005; Kechil-ool, 2006; Urtegeshev et al., 2021), but the suprasegmental one remained completely undescribed.

The intonation and accentuation of Tuvan is briefly discussed in a monograph by Sh. Ch. Sat⁴ through general remarks based on auditory perception. The Tuvan declarative sentence is characterized by the linguist as having almost level or rising-falling general movement of tone without sharp rises and falls of F_0 ⁵. He gives the following schematic representation (*Fig. 1*):

¹ <https://audacityteam.org/>

² Boersma P. and Weenink D. (2021) Praat: Doing phonetics by computer: [Computer program]. Version 6.1.54. Available at: <http://praat.org/> (accessed 09.10.2021).

³ In our work, we distinguish the terms *sentence* and *utterance*. A sentence is understood as an abstract grammatical unit, while an utterance is a unit of both written and oral speech, serving as a realization of a sentence in a specific context of communication. As the defining characteristic of an utterance is conveying a complete thought, it can be, depending on the speaker's intentions, expressed both by one word (e.g. *Great!*) and by a whole passage of text.

⁴ Sat Sh. Ch. *Amgy tyva literaturlug dyl. Sintaksis [Modern Tuvan literary language. Syntax]*. Kyzyl, Tyvanyng nom ündürer cheri [Tuvan Book Publishing House], 1983. (In Tuvan).

⁵ F_0 — fundamental frequency, the physical characteristic associated with what we perceive as pitch.

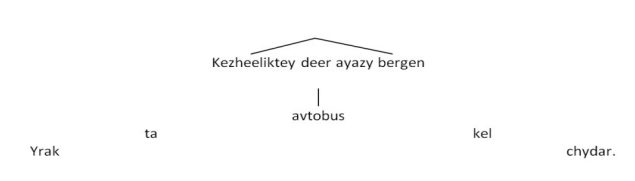

Fig. 1. Tone movement in Tuvan utterances *Kezheeliktey deer ayazy bergen* 'By the evening, the sky cleared' and *Yrakta avtobus kel chydar* 'Far away a bus is coming' as described by Sh. Ch. Sat

Рис. 1. Изменение тона в тувинском высказывании «Кежээликтей дээр аязы берген» 'К вечеру небо прояснилось' и «Ыракта автобус кел чыдар» 'Вдалеке едет автобус' по описанию Ш. Ч. Сата

According to Sh. Ch. Sat, a word can be stressed to emphasize its function within an utterance. Such words are characterized by a high tone. Therefore, the intonation contour of an utterance changes depending on the position of its logical stress¹. Our interpretation of this fact is that the logical stress is a means of marking rheme. In order to verify this data on the material of minimal pairs of utterances, we have conducted a small experimental study by recording a native speaker of Tuvan pronouncing different utterances with the same meaning but different stress that were used as examples by Sh. Ch. Sat.

(2) *Bis Kyzyl dan keldi vis.*²

bis Kyzyl=dan kel=di=vis
 we Kyzyl=ABL come=PAST.FIN=1PL

'We came from Kyzyl.'

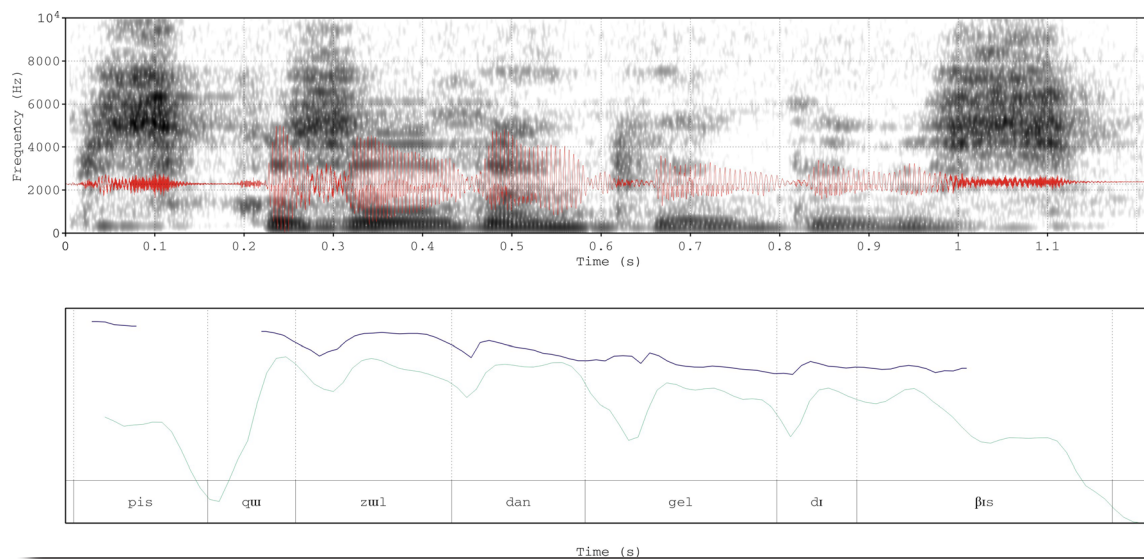

Fig. 2a. Intonogram of the Tuvan utterance *Bis Kyzyl dan keldi vis* 'We came from Kyzyl' (neutral)³

Рис. 2a. Интонация тувинского высказывания «Бис Кызылдан келдивис» 'Мы приехали из Кызыла' (нейтральное)

¹The term *logical stress* (*logicheskoe udarenie*) is traditionally used in Russian linguistics to denote prosodic events correlating with emphasis on specific parts of utterance. See: Sat Sh. Ch. Op. cit. Pp. 28–31.

²The structure and semantics of Tuvan utterances are represented in this article by interlinear glosses, with the following abbreviations and symbols used: = – morpheme separation; 1 – 1st person subject ('I', 'we'); 2 – 2nd person subject (singular and plural 'you'); 3 – 3rd person subject ('he', 'she', 'it', 'they'); ABL – ablative; ACC – accusative; CV – converb on =p; CV2 – converb on =a; CV3 – converb on =gash; DAT – dative; GEN – genitive; INFIX – infix; INSTR – instrumental; LAT – lative; LOC – locative; NEG.PrP – negative participle on =bas; PAST.FIN – finite past form on =dy; PERF – perfective; PL – plural; POSS – possessive marker; PP – past participle on =gan; PrP – present participle on =ar; PRTCL – particle; QUOT – quotation marker; RECIP – reciprocal; SG – singular.

³All the intonograms used in this article are obtained by the authors via Praat software.

In Fig. 2a, the intonation is neutral; this is a statement that informs the hearer that the group of people including the speaker came from Kyzyl. Here one can see almost level descending F_0 contour: it starts with a maximum of 16.6 st¹ and gradually reaches 9 st at the very end. The intensity contour is rather interesting, as it is rather low at the first pronoun *bis*, while on *Kyzyl*, there are three equal peaks, and *keldivis* also has three peaks but with a smaller amplitude. Though the affix =*dan* is aurally perceived as stressed, the intonogram does not show its prominence.

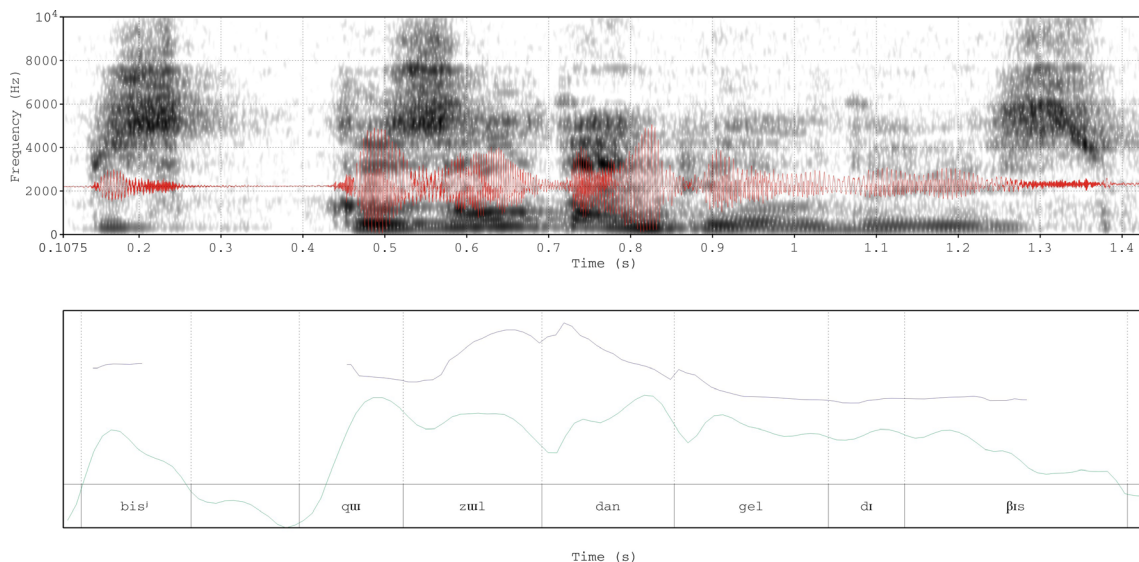

Fig. 2a. Intonogram of the Tuva utterance *Bis KYZYLDAN keldivis* 'We came from KYZYL'
 Рис. 2a. Интонограмма тувинского высказывания «Бис КЫЗЫЛДАН келдивис» 'Мы приехали из КЫЗЫЛА'

In Fig. 2b, the word *Kyzyl* is stressed, and there is also a pause before it. F_0 is level from the beginning; then it rises on the syllable -*zyl*-, and on the affix =*dan* it starts to decline. Judging by the intensity curve, one can see that it reaches its maximum on the first and the last syllables of *Kyzyl*.

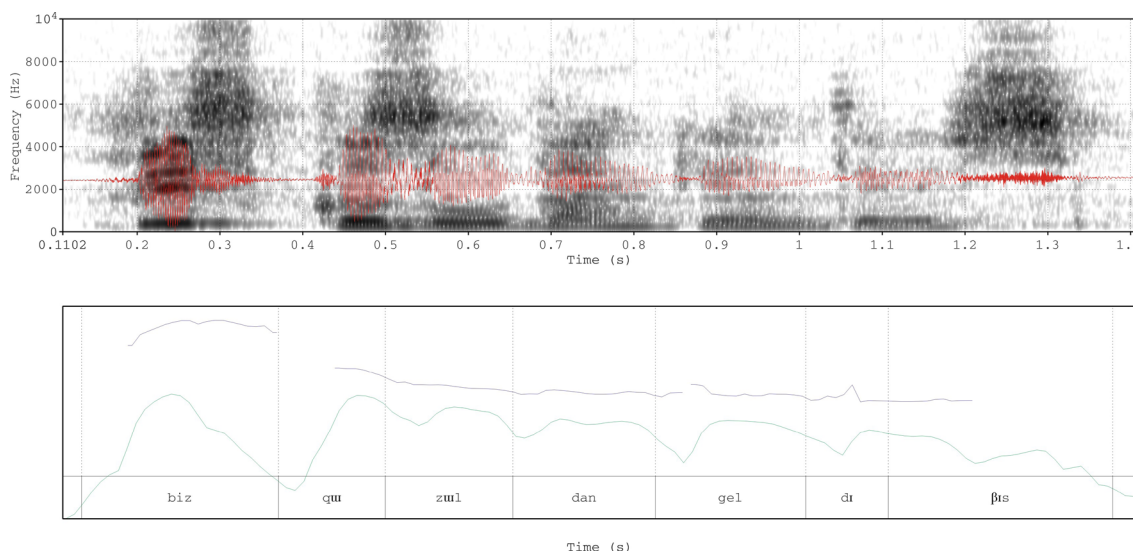

Fig. 2b. Intonogram of the Tuva utterance *BIS Kyzyl dan keldivis* 'WE came from Kyzyl'
 Рис. 2b. Интонограмма тувинского высказывания «БИС Кызылдан келдивис» 'МЫ приехали из Кызыла'

¹st – semitones.

In Fig. 2c, the first word *bis* ‘we’ is emphasized and marked with a high tone (22 st), the second word starts lower than the first one (from 15 st), and F_0 is declining up to the end of the sentence (8 st). Intensity is also high on the pronoun *bis*, but it also has the same level as at the first syllable of *Kyzyldan* ‘from Kyzyl’. All the other intensity peaks are lower.

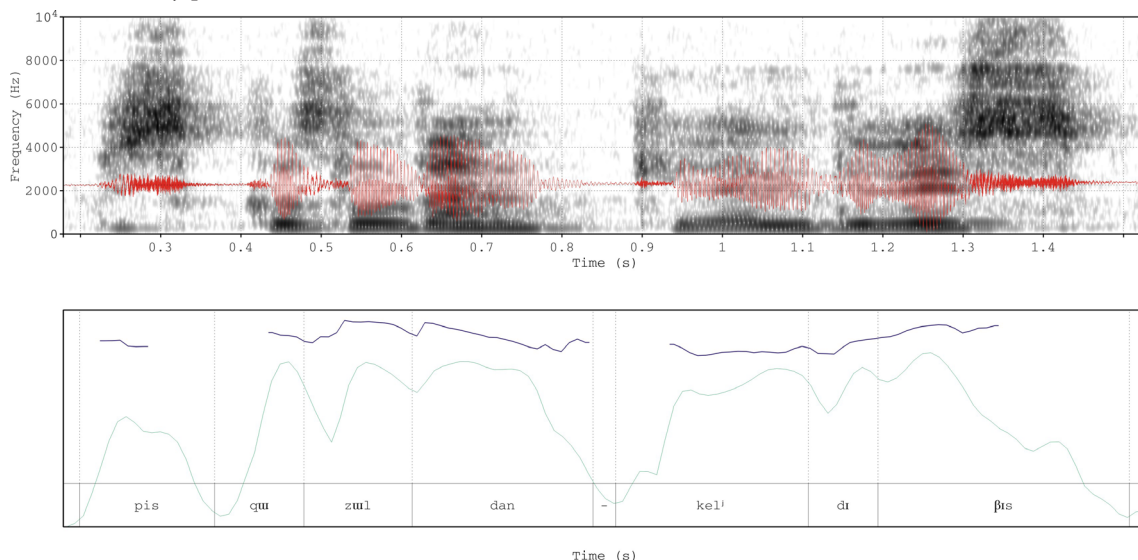

Fig. 2d. Intonogram of the Tuvan utterance *Bis Kyzyldan KELDIVIS* ‘We CAME from Kyzyl’
 Рис. 2d. Интонаграмма тувинского высказывания «Бис Кызылдан КЕЛДИВИС»
 ‘Мы ПРИЕХАЛИ из Кызыла’

The utterance (Fig. 2d) starts rather low (from 13 st) and then has an almost level tone until the last syllable *keldivis* where it rises to 15 st. There are several peaks of intensity, but the highest one is also on the syllable =*vis*. Thus, the rhematic role of the predicate is expressed by a rise both in tone and intensity.

The results obtained coincide with Sh. Ch. Sat’s statement¹ that a word with a logical stress is intonationally marked. This is schematically represented in Fig. 3 given by the researcher.

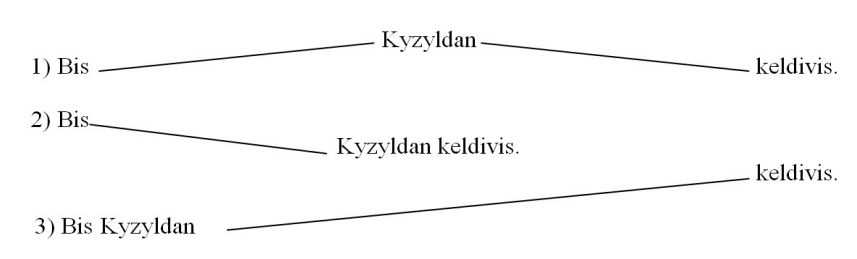

Fig. 3. Opposition of tone movements in utterances with the same meaning
 Рис. 3. Противопоставление движения тона в высказываниях с одинаковым значением

Thus, the data of the experiment suggest that rhematic components are usually marked by high tone and intensity. This supports Sh. Ch. Sat’s observation.

Another monograph fundamental for Tuvan linguistics (Iskhakov, Palmbakh, 1961), although covering both grammar and phonetics of Tuvan, makes no mention of its prosodic characteristics. Recently there have appeared a number of articles that deal with intonation of different types of utterances in the Turkic languages of Sothern Siberia (including Tuvan) published by T. R. Ryzhikova et al. Some of them are concerned

¹Sat Sh. Ch. Op. cit. P. 31.

with the problem of intonation in modal questions (also known as general or yes/no questions). The authors did not manage to establish any definite correlation between intonation pattern and modal interrogativity in Tuvan, as the F_0 can either rise, remain level, or even fall on the special interrogative particle *be* (Ryzhikova, Dobrinina, Plotnikov, 2020), unlike the Altai language, in which analogous particle *ba* is obligatory marked with rising F_0 (Ryzhikova et al., 2020), or Khakas, in which similar utterances are characterised by falling F_0 movement in their final part (Ryzhikova, Plotnikov, Shamrin, 2021). Another study conducted by a group of researchers led by T. R. Ryzhikova is concerned with the role that intonation plays in forming the structure of a coherent Tuvan narrative text, with its results indicating that intonation is used to emphasise lexical means of marking the progression of the text (Ryzhikova et al., 2021).

Intonation patterns of the Tuvan language

In continuation of the long-lasting tradition in Russian intonation studies, exemplified by E. A. Bryzgunova (Bryzgunova, 1973), we analyze intonation in terms of intonation patterns (IPts). Here IPT is defined as a complex of prosodic characteristics that can be used in a specific language in order to distinguish communicative roles of the components of utterances. In this study, we are mainly paying attention to the boundary changes in tone and intensity of the IPts, rather than the overall movement, as it seems to be dependent on the length of a constituent and the position of its lexical stresses. As a result, almost every word is accompanied by noticeable tone and intensity movements. In order to examine only those conditions, under which these movements can be considered meaningful, we are analyzing the boundary intonation of the meaningful segments of utterances that are most often accompanied by a pause.

According to our data, it is possible to distinguish two conditions under which different IPts can be used in Tuvan: 1) at the end of a clause, and 2) on separate constituents, which can be either clause-internal or clause-external. These cases are differentiated by the functions performed by the IPts.

The intonation of clause-internal constituents correlates with their individual functions within a clause. Such constituents may be realized in one of two ways:

- 1) by being integrated into an IPT of the clause ending, marking them as a part of its rheme;
- 2) by using a separate realization of an IPT.

A group of clause-internal constituents often realized as a separate IPT usually appears to be noun phrases (NPs) performing the roles of subject, object or adverbial modifier. Two intonation patterns of NPs are found to exist in Tuvan (Table 2). The main distinction between these IPts seems to be their predictability, with IPT-1 suggesting the importance of the NP for understanding the utterance.

Table 2. Intonation patterns 1 and 2 (prosodic properties and functions)
Таблица 2. Интонационные конструкции 1 и 2 (просодические характеристики и функции)

Intonation pattern	Last syllable movement		Constituent function
	Tone	Intensity	
Ipt-1	rising	rising	contrastive theme
Ipt-2	rising	falling	non-contrastive theme

Presented below are some examples of IPT-1 and IPT-2.

(4) Oon bөөr Baı-Taıga=nynḡ ęęzi kheręęzhen kizhi dep chüveni chon ynchaandyr [bilip, chugaalazhy bergen yndyg].

oon bөөr	Baı-Taıga=nynḡ	ęę=zi	kheręęzhen	kizhi
since that time	Baı-Taıga=GEN	host=POSS.3SG	woman	person
dep	chüve=ni	chon	ynchaandyr	bil=ip
QUOT	thing=ACC	people	thus	know=CV
chugaala=zh=y	ber=gen	yndyg		
tell=RECIP=CV2	give=PP	such		

‘Since then, [people have learned that] the owner of Baı-Taıga is a woman.’

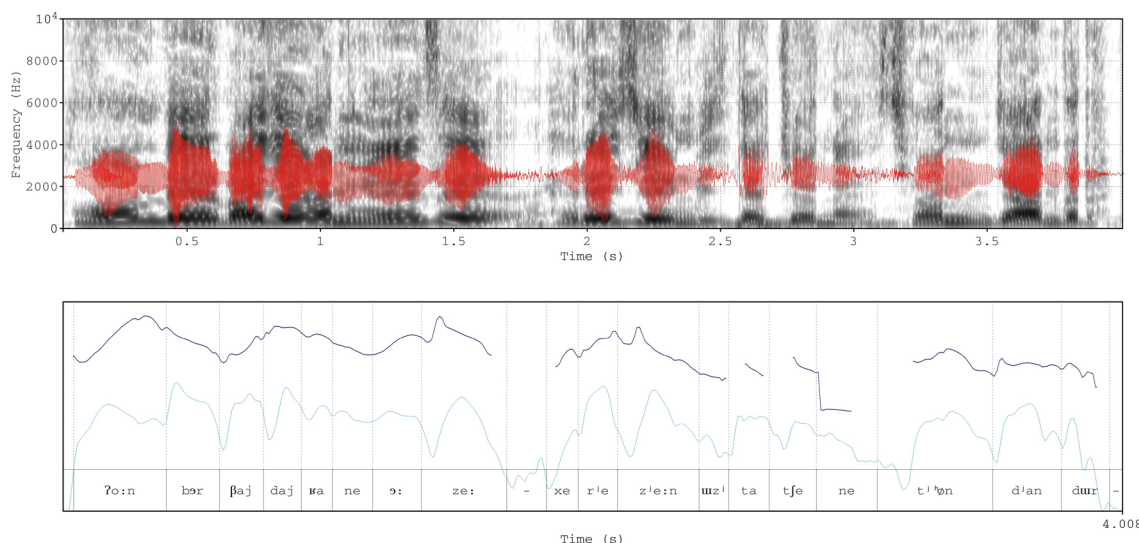

Fig. 4. Intonogram including a realization of IPT-1 on the NP *Baï-Taïganyň äëzi* ‘the owner of Baï-Taïga’¹
 Рис. 4. Пример интонограммы с реализацией ИК-1 на именной фразе «Бай-Тайганың ээзи» ‘Хозяйка Бай-Тайги’

In Fig. 4, the thematic NP *Baï-Taïganyň äëzi* ‘the owner of Baï-Taïga’ is a typical example of IPT-1. Though the first part of the NP has a rising-falling tone and intensity movement with both peaks located on the second syllable, the overall contour of the NP is determined by a sudden rise in tone and intensity to the last syllable. It is also separated by a pause that marks the boundary between the theme and rheme of the utterance.

(6) *Silerning am chylgynarda Aran-Chula mal bar-dyr.*

siler=ning	am	chylgy=n̄gar=da	Aran-Chula	mal	bar-dyr
you=GEN	now	herd of horses=POSS.2PL=LOC	Aran-Chula	cattle	be-PRCL

‘Now in your herd there is a horse Aran-Chula, it turns out.’

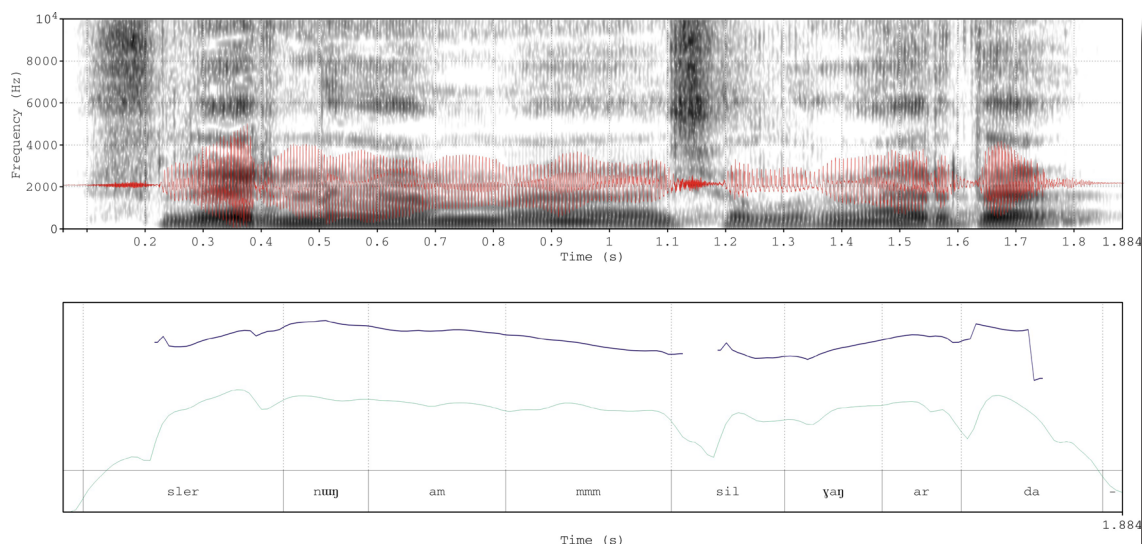

Fig. 5. Intonogram including a realization of IPT-1 on the NP *Silerning am chylgynarda* ‘Now in your herd’
 Рис. 5. Пример интонограммы с реализацией ИК-1 на именной фразе «Силерниң ам чылгыңарда» ‘Сейчас в твоём табуне’

¹ Here and further on the figures are made by the authors of the article.

Another example of IPT-1 is Fig. 5. The overall contour is quite similar to the previous one. The utterance starts with the possessive pronoun *silerning* ‘your’ with a rising tone, then it falls on the adverb *am* ‘now’ and the pause filler *mmm*. On *chylgynġarda*, the tone rises again, with local maximums of tone and intensity on the last syllable, once again before a pause.

(6) *Ol üede Moolda VIII (ses) dugaar Bogda-kegëen törüttüngen.*

ol üe=de Mool=da ses dugaar Bogda-kegëen törüttün=gen
 that time=LOC Mongolia=LOC eight number Bogd Gegen be born=PP
 ‘At that time, in Mongolia Bogd Gegen VIII was born.’

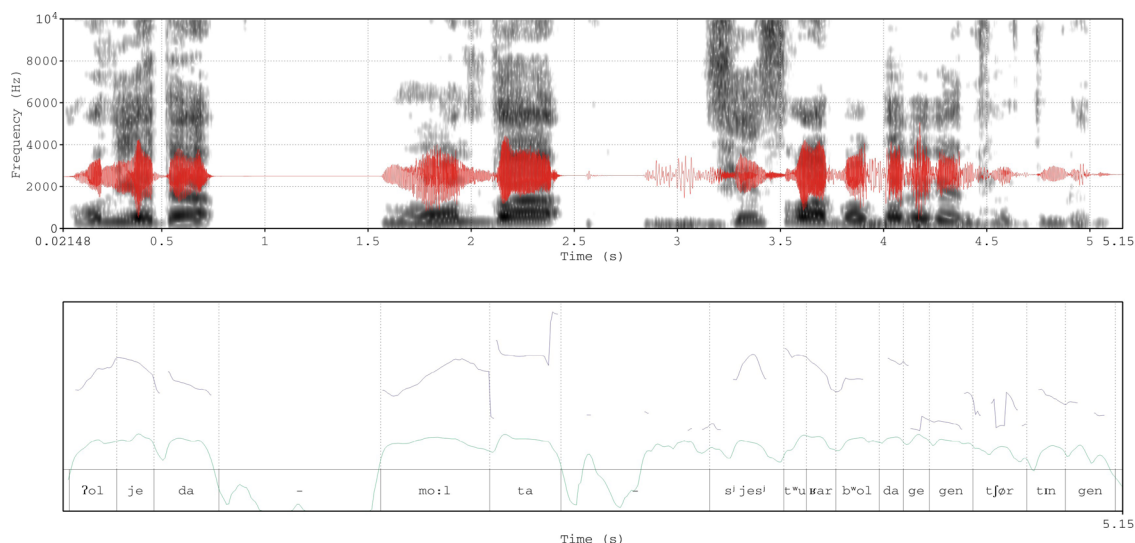

Fig. 6. Intonogram including a realization of IPT-1 on the word *Moolda* ‘in Mongolia’
 Рис. 6. Пример интонограммы с реализацией ИК-1 на слове «Моолда» ‘в Монголии’

In Fig. 6, there are two adverbial modifiers that can be contrasted on the basis of their functions. The utterance starts with the adverbial modifier *ol üeda* ‘at that time’, which is not marked by IPT-1, as it does not convey any information and serves as a marker of the narration’s beginning. Its intonation is typical for such constructions: the F_0 contour is rising-falling, the intensity peak is on the second syllable. The adverbial NP *Moolda* ‘in Mongolia’, on the other hand, is the contrastive theme of the utterance, conveying important information about the location of the action (*in Mongolia, not in Tuva*). Its intonation contour adheres to IPT-1, with both pitch and intensity rising.

(7) *Khemchik ooldaryn kandyg arga-bile kamgalap aar dep dop-doraan bodap kaapkash: <...>.*

Khemchik	ool=dar=y=n	kandyg	arga-bile	kamgala=p
Khemchik	son=PL=POSS.3=ACC	which	way-INSTR	save=CV
aar	dep	dop-doraan	boda=p	kaap=kash
take.PrP	QUOT	PRTCL-immediately	think=CV	put.PERF=CV

‘Khemchik immediately came up with a plan to save her children:<...>.’

In Fig. 7, there are also two types of NPs. The utterance starts with the subject expressed by the name of the character *Khemchik*. It is marked by IPT-1, as the character is contrasted to another actor who is mentioned in a preceding utterance as wanting to eat the sons of *Khemchik*. Thus, the tone contour is rising, with intensity peak and change in tone on the last syllable. Then the object *ooldaryn* ‘her sons’ follows, which also has a rising tone, but the intensity is falling, as typical for IPT-2.

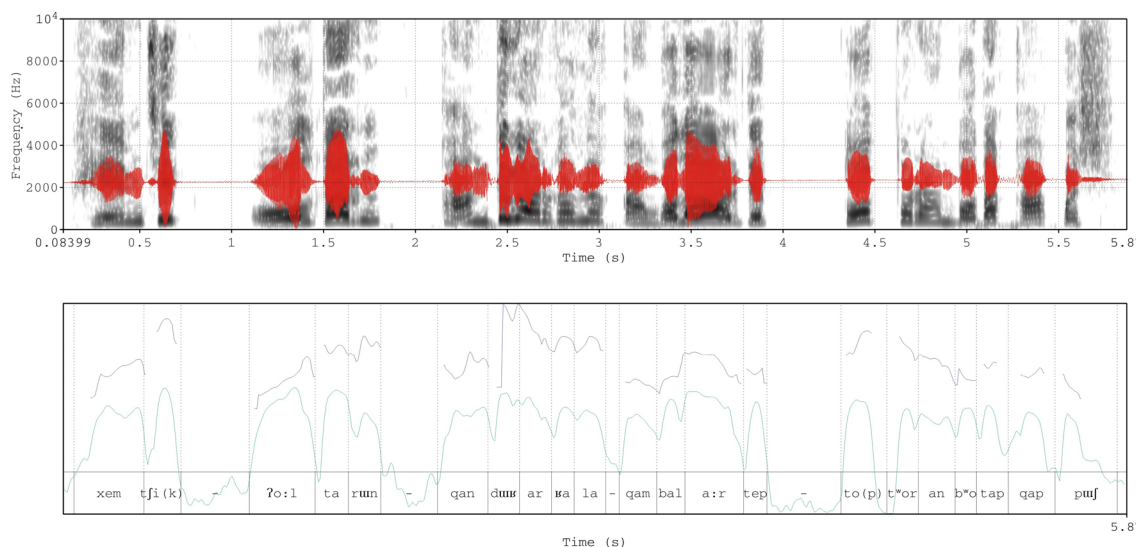

Fig. 7. Intonogram including a realization of IPT-2 on the word ooldaryn ‘her sons’
 Рис. 7. Пример интонограммы с реализацией ИК-2 на слове «оолдарын» ‘ее сыновей’

Discourse markers prove to be one more type of utterance components that are often realized as a separate IPT. Such markers can include the words *ynchangash* ‘therefore’, *ynchaarga* ‘then’, *oong sölünde* ‘thereafter’, *oon bër* ‘since then’ and comprise a specific IPT which resembles IPT-1 (Table 3). The intonation and functions of these markers have been examined in a separate article (Ryzhikova et al., 2021).

Table 3. Intonation pattern 1* (prosodic properties and functions)
 Таблица 3. Интонационная конструкция 1* (просодические характеристики и функции)

Intonation pattern	Last syllable movement		Constituent function
	Tone	Intensity	
Ipt-1*	even or slightly rising	even or slightly rising	discourse marker

Ipt-1* seems to be a special functional variant of IPT-1 with a lower level of tone and intensity rise. Considered further is a realization of IPT-1*.

(8) *Ynchangash Khemchikting iis ooldary – Dashtyg-Khöl, Kara-Khöl.*

ynchangash Khemchik=ting iis ool=dar=y Dashtyg-Khöl Kara-Khöl
 therefore Khemchik=GEN twins=PL=POSS.3 Dashtyg-Khöl Kara-Khöl

‘Therefore, Khemchik has twin sons – Dashtyg-Khöl, Kara-Khöl.’

The Fig. 8 starts with the discourse marker *ynchangash* ‘therefore’, characterized by a rising tone, and though it begins at the same level as *Khemchik* in Fig. 7, the F₀ rise is not as high (18 st vs 26 st). The intensity is also a bit lower, but not falling.

Thus, the IPT-1 is most often used at the very beginning of an utterance, has a rising tone and intensity contour and can be used to highlight either contrastive theme NPs (with a higher tone) or discourse markers (with a lower tone).

Having examined the intonation of the main types of separate constituents, we will turn to the intonation of clause-final constituents and demonstrate the opposition of IPTs marking the ending of an utterance to those found across different non-utterance-final clauses. In accordance with the Tuvan sentence word order, the clause ending usually coincides with its predicate. Therefore, the final intonation of a clause may perform a number of functions:

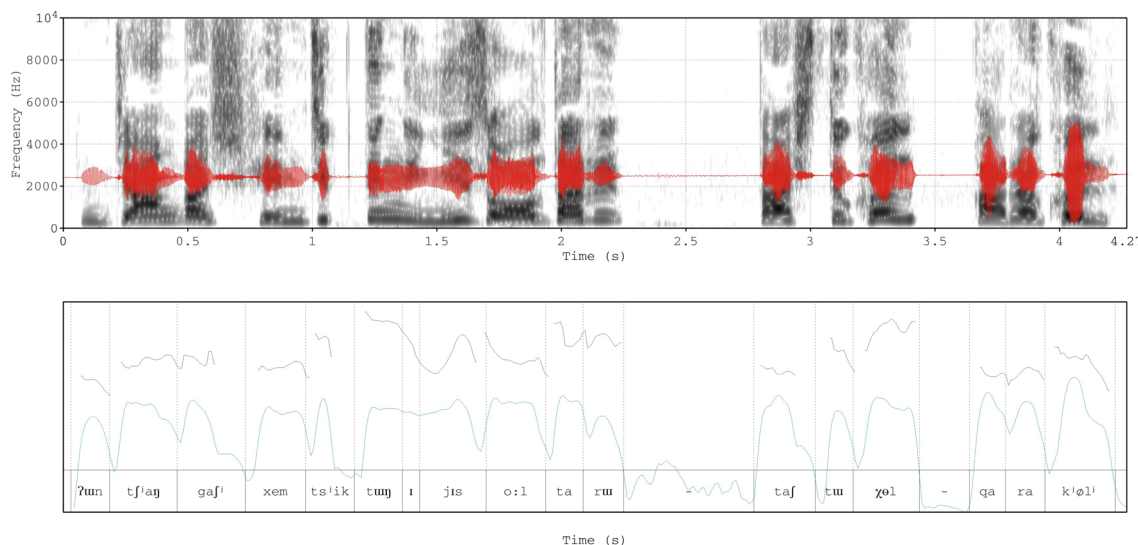

Fig. 8. Intonogram including a realization of IPT-1* on discourse marker yunchangash ‘therefore’
 Рис. 8. Пример интонограммы с реализацией ИК-1* на метатекстовом маркере «ынчангаш» ‘поэтому’

1) delimitative function, which a) indicates the position of the clause within the utterance, marking it as complete or incomplete; b) distinguishes the clause as a separate part of the structure of the utterance;

2) significant function, indicating a) the role of the clause in the communicative structure of the utterance; b) the role of the predicate within the clause.

These functions allow distinguishing five IPTs (Table 4). Here, the completeness signifies that the clause is the final one in the utterance; the rhematic clause means that it either functions as a rheme to a thematic clause or includes the main rheme of the utterance.

Table 4. Intonation patterns of clauses (prosodic properties and functions)
 Таблица 4. Интонационные конструкции в синтагмах (просодические характеристики и функции)

Intonation pattern	Last syllable movement		Constituent function		
	Tone	Intensity	Completeness	Rhematic clause	Emphasized predicate
IPT-3	slightly falling	rising at the last syllable	-	+	-
IPT-4	falling	falling	+	+	-
IPT-4*	slightly falling	slightly falling	-	-	-
IPT-5	rising and falling on the last syllable	rising	+	+	+
IPT-5*	slightly rising and falling on the last syllable	rising	-	+	+

Several examples of Tuvan predicative clauses will be discussed below.

(9) [Ögden ünér hamaan chok], aaldar arazynche bezin barbas kadaıy chadyrda chedip kelgen [aʰsh-chemni kylgan bolup-tur evespe].

aal=dar ara=zy=n=che bezin bar=bas
 aal=PL between=POSS.3SG=INFIX=LAT even go=NEG.PrP
 kadaı=y chadyr=da ched=ip kel=gen
 wife=POSS.3SG hut=LOC reach=CV come=PP

‘His wife, [who did not come out of the yurt, and] did not go to the aals¹, came to the hut, [cooking food, it turns out].’

¹ aal – aal, village; tabor; manor; yard.

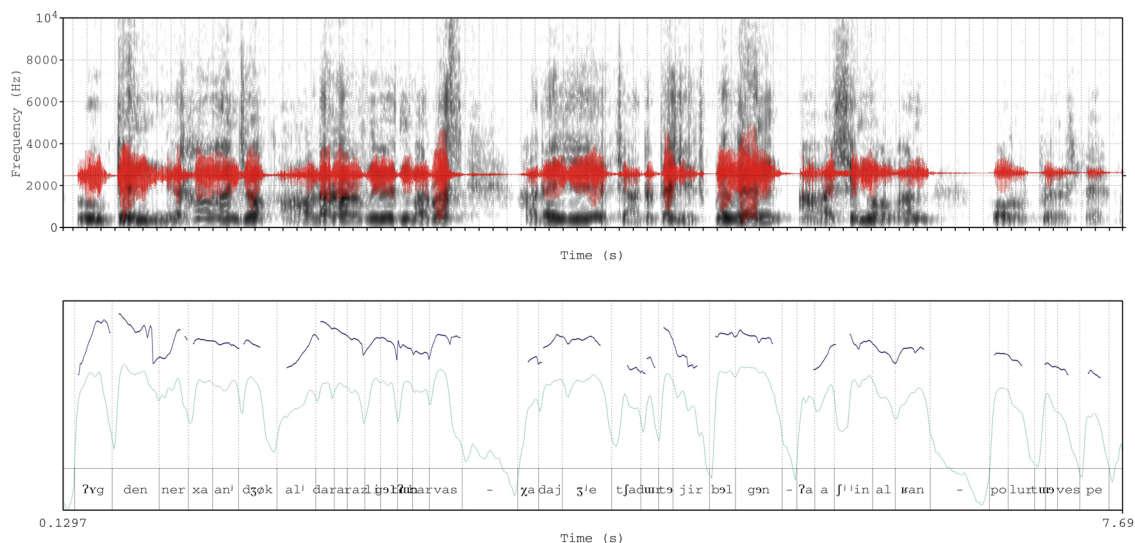

Fig. 9. Intonogram including realizations of IPT-3 on the predicate *chedip kelgen* ‘came’ and IPT-4 on the auxiliary part of the predicate *bolup-tur evespe*

Рис. 9. Пример интонограммы с реализацией ИК-3 на предикате «chedip kelgen» ‘пришел’ и ИК-4 на вспомогательном глаголе предиката «болуп-тур эвеспе»

One of the main oppositions of this system is demonstrated in Fig 9. The last clause of the utterance (*a"sh-chemni kylgan bolup-tur evespe* ‘cooking food, it turns out’) is marked with IPT-4, as it has both falling tone and intensity. However, in the functionally identical non-final clause *kadaŋ chadyrda chedip* ‘his wife came to the hut’, IPT-3 is used: while the tone is falling as well, the intensity remains high. Thus, the opposition of IPT-3 and IPT-4 can be used to convey the completeness of an utterance. Note that in both cases there are maximums of tone and intensity on the main part of the predicates (*chedip kelgen* and *a"sh-chemni kylgan*) that mark them as the rhemes. This is consistent with the data discussed in 3.1.

(10) *Ooldary shoru dorugup özüp orda*, [*Amyrga-Kara-Moos kelgesh, ooldarny chiir deŋ bergen*].

ool=dar=y shoru dorug=up öz=üp or=da
 son=PL=ACC enough become strong=CV grow=CV sit=LOC
 ‘[When] the sons grew up a little [Amyrga-Kara-Moos came, he wanted to eat her sons].’

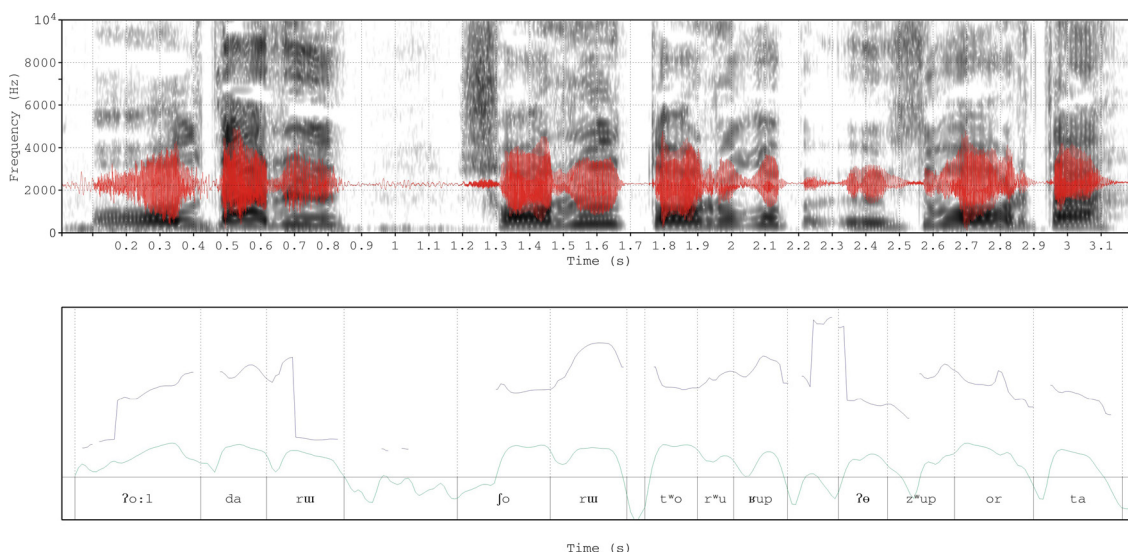

Fig. 10. Intonogram including a realization of IPT-4* on the verb *özüp orda* ‘grew up’

Рис. 10. Пример интонограммы с реализацией ИК-4* на глаголе «өзүп орда» ‘выросли’

On the other hand, IPT-4 can be contrasted with its modified version (IPT-4*). It is seen in Fig. 10, where the clause is describing an event (children growing up) serving as a background for another event (the arrival of Amyrga-Kara-Moos). At the end of the background clause, both the tone and intensity are falling, but not to the level typical for IPT-4, which serves as a mark of both its non-utterance-final position and subordinate role.

(11) [Baï-Taïga ol iïi ooldu hülëp algash, ulashtyr Amyrga-Kara-Mooska berbes dëësh] ooldarny iïi holdap tutkash, chige songgu chükche oktapkan.

ool=dar=ny	iïi	holda=p	tut=kash	chige
boy=PL=ACC	two	hold hands=CV	keep=CV	straight
songgu	chük=che	okta=p=kan		
northern	side=LAT	throw=PERF=PP		

‘[Baï-Taïga immediately accepted those two boys, so as not to give them to Amyrga-Kara-Moos], took the boys by the hands, and threw them to the north side.’

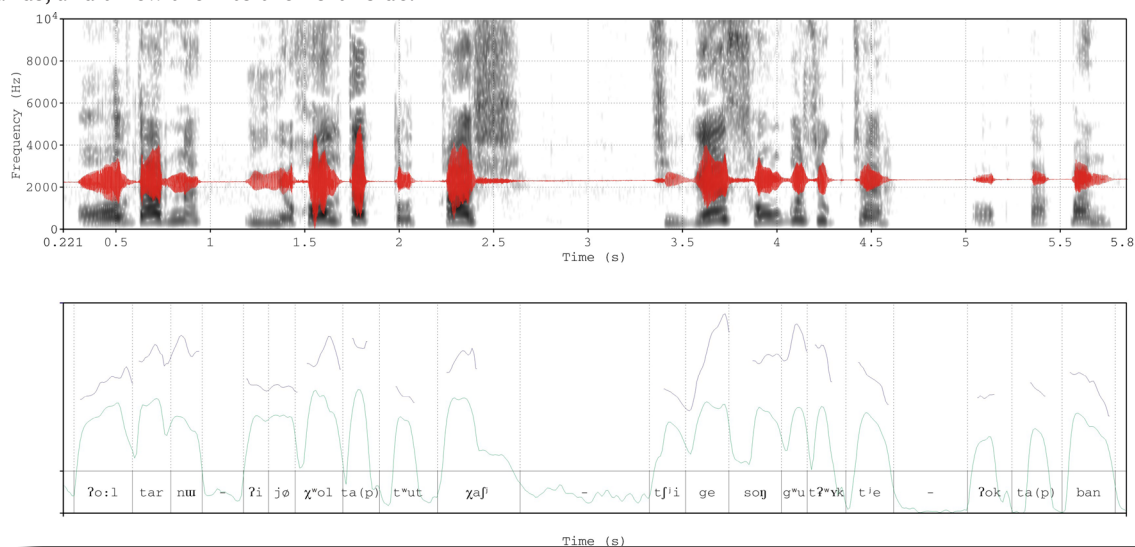

Fig. 11. Intonogram including realizations of IPT-5 on the verbs *holdap tutkash* ‘holding hands’ and *oktapkan* ‘threw’
 Рис. 11. Пример интонограммы с реализацией ИК-5 на глаголах «холдап туткаш» ‘взяла за руки’ и «октапкан» ‘бросила’

In Fig. 11, the last two clauses have similar structure and intonation. Both are characterized by the intensity and tone suddenly rising on the last syllable. These are properties of IPT-5, which is used to emphasize the predicate and to express a kind of incompleteness related to the expectation of a continuation (in this case – the necessity to explain what happened to the children next). There is, however, a slight difference, as in the first clause the tone is high (IPT-5*), while in the second clause the tone is overall lower (IPT-5), which expresses its finality. In both cases, the fact of the action happening is the information most central to the utterance, so the predicates are a part of the rheme, which is conveyed by the local tone and intensity maximum, as has been shown in 3.1.

The same opposition is also found in the second half of Fig. 8. The proper names *Dashtyg-Khöl* and *Kara-Khöl* are pronounced with IPT-5* and IPT-5 accordingly, IPT-5 marking the end of the utterance by a lower tone and both serving as rhemes of the utterance.

IPT-5* is also seen in Fig. 9, where its emphatic nature is most evident. It is used in the clause *aaldar arazynche bezin barbas* ‘[who] did not even go to the aals’, where this emphasis is expressed not only by means of intonation, but also by the limitative particle *bezin* ‘even’.

Among the IPTs considered, IPT-5 is the most interesting one. It forms a remarkable contrast to the IPT-4 generally used to mark the end of an utterance. The usage of IPT-5 at the end of utterances of the texts is somewhat contradictory to the idea of intonation generally falling within an utterance. However, the communicative functions it serves show that it is an exception caused by specific conditions and not a violation of the general rule.

Summarized in *Table 5* are all IPTs distinguished in the Tuvan folklore texts.

Table 5. Intonation patterns found in the Tuvan folklore texts (prosodic properties and functions)
 Таблица 5. Интонационные конструкции, зафиксированные в тувинских фольклорных текстах
 (просодические характеристики и свойства)

Intonation pattern	Last syllable movement		Function
	Tone	Intensity	
IPT-1	rising	rising	contrastive theme NPs
IPT-1*	even or slightly rising	even or slightly rising	discourse markers
IPT-2	rising	falling	non-contrastive theme NPs
IPT-3	slightly falling	rising at the last syllable	non-final clause ending
IPT-4	falling	falling	final clause ending
IPT-4*	slightly falling	slightly falling	non-final auxiliary clause ending
IPT-5	rising and falling on the last syllable	rising	final clause ending with emphasised predicates
IPT-5*	slightly rising and falling on the last syllable	rising	non-final clause ending with emphasised predicates

Therefore, the IPTs identified in the texts demonstrate that the intonation of a Tuvan utterance is primarily dependent on its syntactical and communicative structure, with many IPTs used to distinguish the communicative functions of its constituents. However, the usage of most IPTs appears to be limited to certain types of constituents, which can be contrasted with much more flexible IPTs found, for example, in Russian.

Universality of a falling tone at the utterance end

The falling tone at the end of an utterance was stated above to be an intonational universal. It has also been discussed earlier that the final and complete declination at the very end of an utterance denotes the completeness of a thought and that utterances of such types do not imply any response or continuation. The universality of declination as a marker of completeness will be considered further.

Tuvan sentences can end with a predicate expressed either by a verb or by a predicative construction with dependent words (usually set expressions or personal pronouns that are a part of the predicate). The main tone movements have been found to occur on the verbal constituents.

Our research results witness that not all the utterances in Tuvan narration end with a falling pitch. In some cases, the tone contour is level or even rising, which may seem to contradict the universality of global declination. The further analysis of the texts showed that in some cases the reason for this might be the utterance incompleteness. The structure of Tuvan sentences is rather complicated, and the Tuvan speech is abundant with different clauses and excessive introductory words. The compilers of the volume of Tuvan myths under consideration emphasize that, in the course of their work, they had to divide such complex sentences into several simpler ones¹. Now, the textual level makes it possible to notice the logical borders of the utterances characterized by the completeness of a thought or an idea.

In order to demonstrate this, we shall examine a consequence of utterances from one of the texts.

¹ *Myths, legends, historical stories of Tuvans* / comp. by N. A. Alekseev, D. S. Kuular, Z. B. Samdan and Zh. M. Yusha. Novosibirsk, Nauka, 2010. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East, vol. 28). (In Russ. and Tuvan).

(12) [Ashtaan-suksaan angchy chadyrynga arai dep kalgyp chedip kelgeshting köörge], chadyrynyng dashtynda ulug ot bolza odag bolza hyp turgan.

chadyr=y=nynḡ	dasht=y=n=da	ulug	ot	bolza	odag	bolza
hut=POSS.3SG=GEN	outside=POSS.3SG=INFIX=LOC	big	fire	PRTCL	fire	PRTCL
hy=p	tur=gan					
burn=CV	stand=PP					

‘[The hunter, suffering from hunger and thirst, with difficulty reached his hut and saw that] near his hut a large fire was burning.’

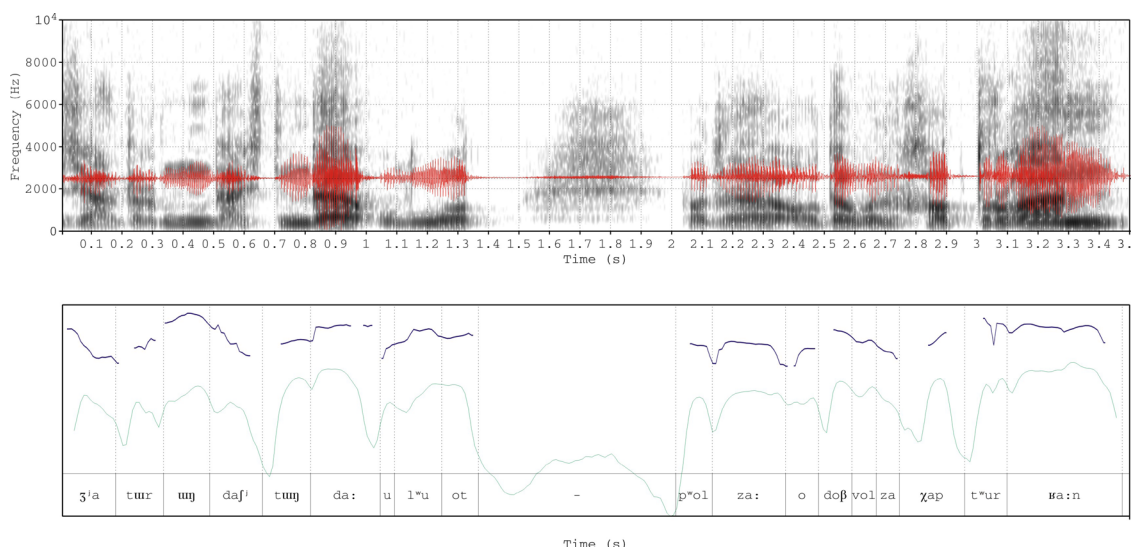

Fig. 12. Intonogram of a Tuvan utterance without prosodic markers of completeness
 Рис. 12. Интонограмма тувинского высказывания без просодических показателей завершенности

At the end of Fig. 12, the tone contour is level, while intensity suddenly rises on the last syllable, which is typical for IPT-3. Moreover, the last syllable of *turgan* (past participle from *tur*= ‘to stand’) is rather prolonged. This not only implies further continuation, but also shows that this phrase does not constitute a complete utterance. This might be the case of an artificial separation of a long utterance into two written sentences by the compilers of the book.

(13) Chadyrynyng ishtinden ysh burunḡainyp turar, oon kylgan a"sh-chemning chyd dēerge ashtaan kizhining özü ettinip turar myndyg boop-tur.

chadyr=y=nynḡ	ish=ti=n=den	ysh
hut=POSS.3SG=GEN	inside=POSS.3SG=INFIX=ABL	smoke
burunḡain=yp	tur=ar	oon
swirl=CV	stand=PrP	then
chyd=y	dēerge	ashtaan
smell=POSS.3SG	PRTCL	starve.PP
ettin=ip	tur=ar	myndyg
recover=CV	stand=PrP	such
		kyl=gan
		do=PP
		person=GEN
		boop-tur
		be.CV-PRTCL
		a"sh-chem=ningḡ
		food=GEN
		öz=ü
		aorta=POSS.3

‘Smoke swirls from the hut, and the smell of cooking food makes the hungry hunter’s stomach clench.’

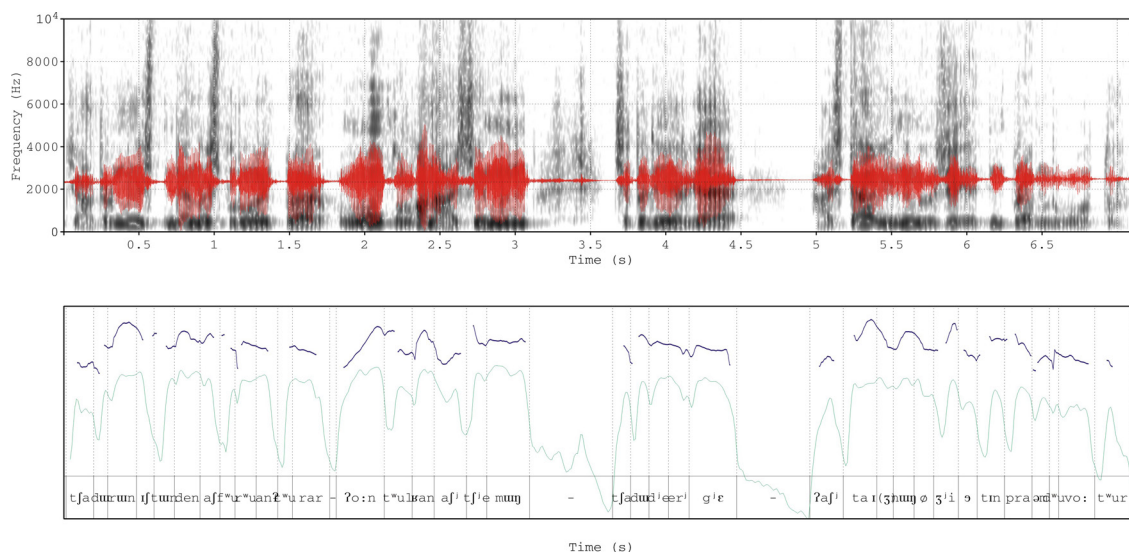

Fig. 13. Intonogram of a complete Tuvan utterance

Рис. 13. Интонограмма завершенного тувинского высказывания

In the next part of the text (Fig. 13), the description of the situation continues, with new details being added. This time, both tone and intensity of the last clause are declining to the lowest point in the utterance, and there is no prolongation of the last syllable. Thus, it is a typical realization of IPT-4, marking the completeness of the utterance.

(14) “Konchug-la eki bolgan-dyr, changgys kizhëë əsh bolur əsh-öör chedip kelgen-dir” – dëësh, angchy amyrap-chelep, ulug odag chanynga haldyp kërge, chüve-daa közülbes.

konchug-la	eki	bol=gan-dyr	changgys	kizhëë			
very-PRTCL	god	be=PP-PRTCL	one	person.DAT			
əsh	bol=ur	əsh-öör	ched=ip	kel=gen-dir	dëësh	angchy	
friend	be=PrP	friends	reach=CV	come=PP-PRTCL	say.CV3	hunter	
amyra=p-chele=p		ulug	odag	chan=y=n=ga			
be happy=CV-do smth=CV		big	fire	near=POSS.3SG=INFIX=DAT			
hald=yp	kër=ge	chüve-daa	közül=bes				
ride=CV	come.PrP=DAT	thing-PRTCL	show up=NEG.PrP				

“It is very good, [when] a lonely person has friends-comrades,”– having said, the hunter was happy, ran up to the big fire, [but] there wasn’t anything.’

The next utterance (Fig. 14) starts with a direct speech followed by the verb *de=* ‘to say’ in the form *dëësh* ‘having said’, which is not marked intonationally, as it continues the pitch contour of the clause and is not separated by pauses. On the other hand, the next clause *angchy amyrap-chelep* ‘the hunter was happy’, which is characterized by a falling-rising F_0 , is separated by a pause accompanied by the speaker’s inhaling for a further continuation of the utterance. The last part is a separate clause, with its predicate being marked by a falling-rising tone and a rise in intensity (IPT-5). In this case, IPT-5 clearly implies a further continuation, as the utterance deals with an unrealized expectation that needs to be explained. The verb *közülbes* ‘did not see’ has the negation affix *=bes* that also occurred in Fig. 9 and happens to be emphasized by pitch and intensity in both cases.

Despite being an exception to the general rule, utterances ending with IPT-5 are found in all the texts. Their percentage varies from text to text, with most of the occurrences in *Chadyrlyg diiheng* (three examples) and *Khemchik* (four examples) and only one in *Bai-Taiga dugaiynda chugaa*. Nevertheless, they constitute about 10% of all the complete declarative utterances in the texts.

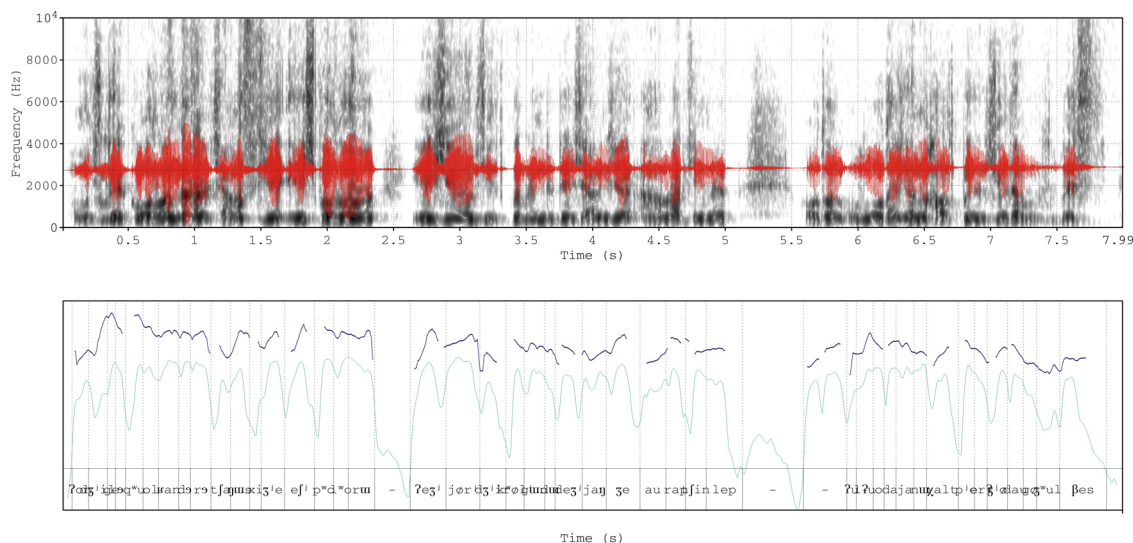

Fig. 14. Intonogram of a Tuvan utterance with an implication of continuation
 Рис. 14. Интонограмма тувинского высказывания с ожиданием продолжения

Ipt-3 as a marker of the incompleteness of an utterance is also found in all the texts, but with a different distribution: it is used only sporadically in *Chadyrlyg diiheng* and *Khemchik* and is quite frequent in *Bai-Taiga dugaiynda chugaa* and *Aran-Chuladugaiynda chugaa* (more than 10% of complete and incomplete utterances). This seems to correlate with the structural properties of the texts: while the former two are straightforward and simple narratives, the latter ones are longer and more complex stories with longer sentences. Those factors could have affected the speakers' narrative strategies, while also prompting the compilers of *Myths, legends, Historical Stories of Tuvans* to divide the sentences into smaller ones.

Thus, the intonational analysis of the texts under consideration confirms the idea that the universal falling tone in the end of an utterance indicates the completeness of the thought conveyed by it. When F_0 movement at the end of an utterance (or clause) is rising (Ipt-5), level, or even slightly falling (Ipt-4*), but the intensity remains rather high (Ipt-3), further development of a thought being expressed is implied (whether in the form of another clause or another utterance). However, if both tone and intensity are falling (Ipt-4), with the latter being lower than in the previous parts of the utterance, this means that the development of the thought has been completed.

Our findings are in good agreement with the work of T. E. Yanko (Yanko, 2008) on the intonation of the coherent Russian text. The Russian language is a well-known example of the so-called *free word order* languages (Van Valin, 1999: 521). The word order of a Russian utterance may vary a lot, but in most cases, it depends on its communicative structure. For example, the basic word order in utterances with an object is SPrO, which is usually used to stress the object, while the OPrS variant is used to emphasize the subject (Adamec, 1966)¹. A word stress in Russian is both qualitative (the spectral vowel characteristics) and quantitative (the length of a vowel)². It does not have a strict place in a word and can move within a wordform with affixation. These factors distinguish Russian from the Turkic languages, in which the word order tends to be rigid, and the existence of lexical stress is still rather disputable. Despite the presence of such systemic differences, the means of expressing incompleteness in Russian are quite similar. T. E. Yanko emphasizes that an accent on a verb marks the incompleteness of a text, i.e. the rising F_0 on a verb is not local but rather discursive: it is intended to make a text an integral unity. If a verb performs both local (rhematic) and discursive functions, both accents (falling and rising) are registered on it, thus forming a falling-rising pattern (Yanko, 2008: 136–137). In Tuvan, a good example of the correlation between incompleteness, a rising tone and a high intensity is the intonation of enumeration, as seen in Fig. 8.

¹ Kovtunova I. I. *The modern Russian language. Word order and actual division of sentences: A textbook*. Moscow, URSS, 2002. (In Russ.). Pp. 170–172.

² Knyazev S. S. and Pozharitskaya S. K. *The modern Russian literary language: Phonetics, orthoepy, graphics, orthography: A textbook for HEIs*. Moscow, Akademicheskii Proekt; Gaudeamus, 2011. Pp. 160–161. (In Russ.).

Conclusion

The problem of intonational universals is widely discussed, but without any decisive conclusions, which can be attributed to the fact that the intonation of many languages remains undescribed. The data on the intonation of Tuvan obtained in our study helps to include one more language into this discourse.

As there have been almost no preceding publications on this topic, excluding general observations of the usage of a high tone to indicate the emphasized parts of an utterance, which we have verified in an experiment, identifying universal characteristics of the Tuvan intonation has required its systematic analysis. As a material for such analysis, four Tuvan folklore texts were chosen. These texts proved to be a valuable material for examining variations in terms of types of utterances. Several intonational oppositions were examined, including oppositions of clause-internal and clause-final constituents. These oppositions manifest themselves in the form of intonation patterns (IPts), sets of intonational characteristics associated with specific communicative functions. IPT-4, which is characterized by a falling tone and intensity, marks final clauses of completed utterances, while other IPts with a rise in tone or intensity are used to express various kinds of non-finality. An evenly rising tone is generally found in non-clause-final constituents (IPT-1, IPT-1*, IPT-2), while non-utterance-final clauses, although usually following the falling tone pattern typical for all clauses, are differentiated by the fact that the tone fall is less pronounced and the intensity can be rising (IPT-3, IPT-4*, IPT-5*). A notable exception is IPT-5, characterized by a rise in tone, which is used in utterance-final clauses to mark the predicate as the rheme (focus) of the utterance, while also implying the need for further continuation of the narration.

Our findings are in general agreement with the studies of other scholars and our studies on other Turkic languages of Siberia, and support the idea of the universality of a falling tone marking the end of an utterance.

Acknowledgments

We would like to thank Dr. A. Bayyr-ool for her precious help in understanding the structure of the Tuvan sentences, for her accurate translation and glossary, and for providing information on Tuvan grammar in general, as well as E. A. Shestera and A. S. Shamrin for their involvement in preparing the data used in this study.

REFERENCES

- Adamec, P. (1966) *The word order in modern Russian*. Prague, Academia. 96 p. (In Russ.).
- Bavuu-Syuryun, M. V. (2010) Tuvan language on modern stage: Educational aspect. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 57-71. (In Russ.).
- Bel'skiy, A. V. (1956) Intonation as a means of determination and predication in the Russian literary language. In: Sukhotin, V. P. (ed.) *Research on the syntax of the Russian literary language* : A collection of articles. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 200 p. Pp. 188-199. (In Russ.).
- Bicheldey, K. A. (1989a) *Vowels of the Tuvan language in the flow of speech* : in 2 parts. Kyzyl, Tuvan Republican Department of Statistics. Part 1. 91 p. (In Russ.).
- Bicheldey, K. A. (1989b) *Vowels of the Tuvan language in the flow of speech* : in 2 parts. Kyzyl, Tuvan Republican Department of Statistics. Part 2. 94 p. (In Russ.).
- Bicheldey, K. A. (2001) *Pharyngealization in the Tuvan language*. Moscow, RUDN Publishing House. 290 p. (In Russ.).
- Bryzgunova, E. A. (1971) On the semantic possibilities of Russian intonation. *Topics in the Study of Language*, no. 4, pp. 42-52. (In Russ.).
- Bryzgunova, E. A. (1973) Basic types of intonation constructions and their functioning in the Russian language. Article 1. *Russkiy yazyk za rubezhom*, no. 1, pp. 75-81. (In Russ.).
- Dambyra, I. D. (2005) *Vocalism of the Kaa-Khem subdialect in a comparison with other subdialects and dialects of the Tuvan language* / ed. by I. Ya. Selyutina. Novosibirsk, Sova Publishing House. 224 p. (In Russ.).
- Iskhakov, F. G. and Palmbakh, A. A. (1961) *Grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology*. Moscow, Publishing House of Oriental Literature. 472 p. (In Russ.).
- Kechil-ool, S. V. (2006) *Typological specificity of the consonantism of Syut-Khol subdialect in the system of subdialects and dialects of the Tuvan language* / ed. by I. Ya. Selyutina. Novosibirsk, Sova Publishing House. 361 p. (In Russ.).

Nadelyaev, V. M. (1980) Articulatory classification of vowels. In: Nadelyaev, V. M. (ed.). *Phonetic studies in Siberian languages* : A collection of articles. Novosibirsk, Institute of History, Philology and Philosophy SB AS USSR. 164 p. Pp. 3–91. (In Russ.).

Nadelyaev, V. M. (1986) On the typology of articulatory and acoustic bases (AAB). In: Ubryatova, E. I. (ed.). *Phonetic structures in Siberian languages* : A collection of articles. Novosibirsk, Institute of History, Philology and Philosophy SB AS USSR. 188 p. Pp. 3–15. (In Russ.).

Nikolaeva, T. M. (1977) *Phrasal intonation of Slavic languages*. Moscow, Nauka. 278 p. (In Russ.).

Nikolaeva T. M. (1984) Functional syntax and semantics. Intonation. Diachronic linguistics. Turning to phrasal prosody: Parallels and divergences. In: Petryankina, V. I. (ed.). *Current issues of intonation* : A collection of articles. Moscow, UDN Publishing House. 133 p. Pp. 3–16. (In Russ.).

Oorzhak, B. Ch., Annai, E. K., Ondar, Ch. G. and Saaia, O. M. (2024) Functioning of the Tuvan and Russian languages in the Republic of Tuva: Analysis experience. *Sayan-Altai Scientific Review*, no. 1 (41), pp. 64–73. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2024.1.41.006>

Ryzhikova, T. R., Dobrinina, A. A., Plotnikov, I. M., Shestera, E. A. and Shamrin, A. S. (2020) Intonation of modal interrogative sentences in the Altai language (on the Altai-Kizhi folklore material). *Siberian Journal of Philology*, no. 2, pp. 149–165. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/71/13>

Svetozarova, N. D. (1982) *Intonation system of the Russian language*. Leningrad, Leningrad University Press. 175 p. (In Russ.).

Simchit, K.-M. A. (2017) The Tuvan language. In: Kravets, S. L. (ed.) *Big Russian encyclopedia*. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia. Vol. 32. 767 p. Pp. 473–474. (In Russ.).

Urtegeshev, N. S., Selyutina, I. Ya., Dobrinina, A. A. and Ryzhikova, T. R. (2021) *Phonetic transformations in analytical forms of the Turkic verb* / ed. by I. V. Shentsova. Novosibirsk, Akademizdat. 252 p. (In Russ.).

Uspenskiy, B. A. (1965) *Structural typology of languages*. Moscow, Nauka. 286 p. (In Russ.).

Khromov, S. S. (2013) Intonation as a universal. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, no. 1 (17), pp. 84–91. (In Russ.).

Cheremisina, N. V. (1982) *Russian intonation: Poetry, prose and colloquial speech*. Moscow, Russkii iazyk. 207 p. (In Russ.).

Shcherbak, A. M. (1994) Introduction into a comparative study of the Turkic languages. St. Petersburg, Nauka; St. Petersburg Publishing Firm. 191, [1] p. (In Russ.).

Yanko, T. E. (2008) Intonational strategies of Russian speech in comparative aspect. Moscow, Languages of Slavic Cultures. 312 p. (In Russ.).

Bolinger, D. L. (1964) Intonation as a universal. In: Lunt, H. G. (ed.). *Proceedings of the Ninth International Congress of Linguists (Cambridge (Mass.), Aug. 27–31, 1962)*. The Hague : Mouton & Co. xxii, 1174 p. Pp. 833–848.

Bolinger, D. L. (1978) Intonation across languages. In: Greenberg, J. H. (ed.). *Universals of human language*. Stanford, Stanford University Press. Vol. 2: Phonology. xvi, 590 p. Pp. 471–524.

Brown, D. E. (1991) *Human universals*. New York, McGraw-Hill. x, 220 p.

Buht, W. and Aginsky, E. G. (1948) The importance of language universals. *Word*, vol. 4, no. 3, pp. 168–172. DOI: <https://doi.org/10.1080/00437956.1948.11659339>

Cohen, A., Collier, R. and t' Hart, J. (1982) Declination: Construct or intrinsic feature of speech pitch? *Phonetica*, vol. 39, no. 4–5, pp. 254–273. DOI: <https://doi.org/10.1159/000261666>

Cooper, W. E. and Sorensen, J. M. (1981) *Fundamental frequency in sentence production*. New York; Heidelberg; Berlin, Springer-Verlag. x, 213 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4613-8093-1>

Cruttenden, A. (1981) Falls and rises: Meanings and universals. *Journal of Linguistics*, vol. 17, no. 1, pp. 77–91. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0022226700006782>

Daneš, F. (1960) Sentence intonation from a functional point of view. *Word*, vol. 16, no. 1, pp. 34–54. DOI: <https://doi.org/10.1080/00437956.1960.11659719>

Ferguson, Ch. A. (1963) Assumptions about nasals; a sample study in phonological universals. In: Greenberg, J. H. (ed.). *Universals of language*. Cambridge, MA, The MIT Press. x, 269 p. P. 42–47.

Fernandez-Vest, M. M. J. and Van Valin, R. D. Jr. (eds.). (2016) *Information structuring of spoken language from a cross-linguistic perspective*. Berlin, Mouton de Gruyter. vi, 333 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110368758>

Greenberg, J. H. (1962) Is the vowel-consonant dichotomy universal? *Word*, vol. 18, no. 1–3, pp. 73–81. DOI: <https://doi.org/10.1080/00437956.1962.11659766>

Greenberg, J. H. (1963a) Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements. In: Greenberg, J. H. (ed.). *Universals of language*. Cambridge, MA, The MIT Press. x, 269 p. Pp. 58–90.

Greenberg, J. H. (ed.) (1963b) *Universals of language. (Report of a conference held at Dobbs Ferry, New York, April 13–15, 1961)*. Cambridge, MA, The MIT Press. x, 269 p.

Gussenhoven, C. (2002) Intonation and interpretation: Phonetics and Phonology. In: Bel, B. and Marlien, I. (eds.). *Speech Prosody 2002 : Proceedings of the 1st International Conference on Speech Prosody (Aix-en-Provence, April 11–13, 2002)*. Aix-en-Provence, Laboratoire Parole et Langage ; SProSIG. xvii, 742 p. Pp. 47–57.

Gussenhoven, C. (2004) *The phonology of tone and intonation*. Cambridge, Cambridge University Press. xxiv, 355 p.

Gussenhoven, C. and Chen, A. (2000) Universal and language-specific effects in the perception of question intonation. In: Yuan, B., Huang, T. and Tang X. (eds.). *Proceedings of the 6th International Conference on Spoken Language Processing*. Beijing, China Military Friendship Publish. Vol. 2. Pp. 91–94.

Gussenhoven, C. and Gösta, B. (1999) Word prosody and intonation. In: van der Hulst, H. (ed.). *Word prosodic systems in the languages of Europe*. Berlin ; New York, Mouton de Gruyter. xxix, 1050 p. Pp. 233–271.

Hockett, Ch. F. (1963) The problem of universals in language. In: Greenberg, J. H. (ed.). *Universals of language*. Cambridge, MA, The MIT Press. x, 269 p. Pp. 1–22.

Jakobson, R. (1962) The phonemic concept of distinctive features. In: Sovijärvi, A. and Aalto, P. (eds.). *Proceedings of the Fourth International Congress of Phonetic Sciences (University of Helsinki, September 4–9, 1961)*. The Hague, Mouton & Co. xxix, 825 p. Pp. 440–455.

Johanson, L. (1998) The history of Turkic. In: Johanson, L. and Csató, É. Á. (eds.). *The Turkic languages*. London; New York, Routledge. xxiii, 474 p. Pp. 81–125.

Ladd, D. R. (2001) Intonational universals and intonational typology. In: Haspelmath, M., König, E., Oesterreicher, W. and Raible, W. (eds.). *Language typology and language universals : An international handbook*. Berlin; New York, Mouton de Gruyter. 1856 p. Pp. 1380–1390.

Lévi-Strauss, C. (1966) *The savage mind*. Chicago, The University of Chicago Press; London, Weidenfeld and Nicolson Ltd. xii, 290 p.

Lieberman, M. and Pierrehumbert, J. (1984) Intonational invariance under changes in pitch range and length. In: Aronoff, M. and Oehrle, R. T. (eds.). *Language sound structure: Studies in phonology presented to Morris Halle by his teacher and students*. Cambridge, MA, The MIT Press. xii, 392 p. Pp. 157–233.

Lieberman, Ph. (1967) *Intonation, perception, and language*. Cambridge, MA, The MIT Press. xiii, 210 p.

Lindau, M. (1986) Testing a model of intonation in a tone language. *The Journal of the Acoustical Society of America*, vol. 80, no. 3, pp. 757–764. DOI: <https://doi.org/10.1121/1.393950>

Murdock, G. P. (1959) *Africa: Its peoples and their culture history*. New York, McGraw-Hill. xiii, 456 p.

Ohala, J. J. (1983) Cross-language use of pitch: An ethological view. *Phonetica*, vol. 40, no. 1, pp. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1159/000261678>

Ohala, J. J. (1994) The frequency code underlies the sound-symbolic use of voice pitch. In: Hinton, L., Nichols, J. and Ohala, J. J. (eds.). *Sound symbolism*. Cambridge, Cambridge University Press. x, 373 p. Pp. 325–347. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511751806.022>

Pike, K. L. (1945) *The intonation of American English*. Ann Arbor, University of Michigan Press. xi, 200 p.

Rumyantsev, M. K. (1997) Emotional intonations in languages of different typologies. In: *The 4th International Conference on the Languages of the Far East, Southeast Asia and West Africa*. Moscow, Institute of Asian and African Studies. Pp. 29–33. (In Russ.).

Ryzhikova, T. R., Dobrinina, A. A. and Plotnikov, I. M. (2020) Preliminaries to the Tuvan interrogative intonation. In: Botinis, A. (ed.). *ExLing 2020: Proceedings of 11th International Conference of Experimental Linguistics (12–14 October 2020, Athens, Greece)*. Athens, National and Kapodistrian University of Athens. vi, 237 p. Pp. 165–168. DOI: <https://doi.org/10.36505/ExLing-2020/11/0041/000456>

Ryzhikova, T. R., Dobrinina, A. A., Plotnikov, I. M., Shestera, E. A. and Shamrin, A. S. (2021) Intonation structuring of coherent Tuvan folklore narration. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 101–118. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.8>

Ryzhikova, T. R., Plotnikov, I. M. and Shamrin, A. S. (2021) Intonation of the Khakas fairytales. In: Botinis, A. (ed.). *ExLing 2021* : Proceedings of the 12th International Conference of Experimental Linguistics (11–13 October 2021, Athens, Greece). Athens, National and Kapodistrian University of Athens. viii, 277 p. Pp. 197–200. DOI: <https://doi.org/10.36505/ExLing-2021/12/0050/000523>

Troubetzkoy, N. S. (1949) *Principes de phonologie*. Paris, Librairie C. Klincksieck. xxxiv, 396 p. (In Fr.).

Van Valin, R. D. Jr. (1999) A typology of the interaction of focus structure and syntax. In: Rakhilina, E. V. and Tes-telets, Ya. G. (eds.). *Typology and linguistic theory: From description to explanation*. Moscow, Languages of Russian Culture. 639 p. Pp. 511–524.

Van Valin, R. D. Jr. and LaPolla, R. J. (1997) *Syntax: Structure, meaning, and function*. Cambridge, Cambridge University Press. xxviii, 713 p. (Cambridge Textbooks in Linguistics).

Submission date: 15.10.2024.

Acceptance date: 13.12.2024.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адамец, П. (1966) Порядок слов в современном русском языке. Praha : Academia. 96 с.
- Бавуу-Сюрюн, М. В. (2010) Тувинский язык на современном этапе: образовательный аспект // Новые исследования Тувы. № 3. С. 57–71.
- Бельский, А. В. (1956) Интонация как средство детерминирования и предцирования в русском литературном языке // Исследования по синтаксису русского литературного языка : сб. статей / отв. ред. В. П. Сухотин. М. : Изд-во Академии наук СССР. 200 с. С. 188–199.
- Бичелдей, К. А. (1989а) Гласные тувинского языка в потоке речи : в 2-х ч. Кызыл : ЦОП «Тувинское республиканское управление статистики». Ч. I. 91 с.
- Бичелдей, К. А. (1989b) Гласные тувинского языка в потоке речи : в 2-х ч. Кызыл : ЦОП «Тувинское республиканское управление статистики». Ч. II. 94 с.
- Бичелдей, К. А. (2001) Фарингализация в тувинском языке. М. : Изд-во РУДН. 290 с.
- Брызгунова, Е. А. (1971) О смысловозначительных возможностях русской интонации // Вопросы языкознания. № 4. С. 42–52.
- Брызгунова, Е. А. (1973) Основные типы интонационных конструкций и их функционирование в русском языке. Статья первая // Русский язык за рубежом. № 1. С. 75–81.
- Дамбыра, И. Д. (2005) Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка / отв. ред. И. Я. Селютина. Новосибирск : ИД «Сова». 224 с.
- Исхаков, Ф. Г., Пальмбах, А. А. (1961) Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М. : Изд-во восточной литературы. 472 с.
- Кечил-оол, С. В. (2006) Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка / отв. ред. И. Я. Селютина. Новосибирск : ИД «Сова». 361 с.
- Наделяев, В. М. (1980) Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам : сб. науч. тр. / отв. ред. В. М. Наделяев. Новосибирск : Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. 164 с. С. 3–91.
- Наделяев, В. М. (1986) К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) // Фонетические структуры в сибирских языках : сб. науч. тр. / отв. ред. Е. И. Убрятова. Новосибирск : Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. 188 с. С. 3–15.
- Николаева, Т. М. (1977) Фразовая интонация славянских языков. М. : Наука. 278 с.
- Николаева, Т. М. (1984) Функциональный синтаксис и семантика. Интонация. Диахроническое языкознание. Обращение к фразовой просодии: параллели и расхождения // Актуальные вопросы интонации : сб. науч. тр. / отв. ред. В. И. Петрянкина. М. : Изд-во УДН. 133 с. С. 3–16.
- Ооржак, Б. Ч., Аннай, Э. К., Ондар, Ч. Г., Саая, О. М. (2024) Функционирование тувинского и русского языков в Республике Тыва: опыт анализа // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1 (41). С. 64–73. DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2024.1.41.006>
- Румянцев, М. К. (1997) Эмоциональные интонации в языках разной типологии // Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. М. : ИСАА. С. 29–33.

Рыжикова, Т. Р., Добрина, А. А., Плотников, И. М., Шестера, Е. А., Шамрин, А. С. (2020) Интонация модальных вопросительных высказываний в алтайском языке (на материале фольклора алтай-кижи) // Сибирский филологический журнал. № 2. С. 149–165. DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/71/13>

Светозарова, Н. Д. (1982) Интонационная система русского языка. Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та. 175 с.

Симчит, К.-М. А. (2016) Тувинский язык // Большая российская энциклопедия / отв. ред. С. Л. Кравец. М. : Большая российская энциклопедия. Т. 32. 767 с. С. 473–474.

Уртегешев, Н. С., Селютина, И. Я., Добрина, А. А., Рыжикова, Т. Р. (2021) Фонетические трансформации в аналитических формах тюркского глагола / отв. ред. И. В. Шенцова. Новосибирск : Академиздат. 252 с.

Успенский, Б. А. (1965) Структурная типология языков. М. : Наука, 286 с.

Хромов, С. С. (2013) Интонация как универсалия // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. № 1 (17). С. 84–91.

Черемисина, Н. В. (1982) Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. М. : Русский язык. 207 с.

Щербак, А. М. (1994) Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб. : Наука ; Санкт-Петербург. изд. фирма. 191, [1] с.

Янко, Т. Е. (2008) Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М. : Языки славянских культур. 312 с.

Bolinger, D. L. (1964) Intonation as a universal // Proceedings of the Ninth International Congress of Linguists (Cambridge (Mass.), Aug. 27–31, 1962) / ed. by H. G. Lunt. The Hague : Mouton & Co. xxii, 1174 p. P. 833–848.

Bolinger, D. L. (1978) Intonation across languages // Universals of human language / ed. by J. H. Greenberg. Stanford : Stanford University Press. Vol. 2: Phonology. xvi, 590 p. P. 471–524.

Brown, D. E. (1991) Human universals. N. Y. : McGraw-Hill. x, 220 p.

Buht, W., Aginsky, E. G. (1948) The importance of language universals // Word. Vol. 4, no. 3. P. 168–172. DOI: <https://doi.org/10.1080/00437956.1948.11659339>

Cohen, A., Collier, R., t' Hart, J. (1982) Declination: Construct or intrinsic feature of speech pitch? // Phonetica. Vol. 39, no. 4–5. P. 254–273. DOI: <https://doi.org/10.1159/000261666>

Cooper, W. E., Sorensen, J. M. (1981) Fundamental frequency in sentence production. N. Y. ; Heidelberg ; Berlin : Springer-Verlag. x, 213 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4613-8093-1>

Cruttenden, A. (1981) Falls and rises: Meanings and universals // Journal of Linguistics. Vol. 17, no. 1. P. 77–91. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0022226700006782>

Daneš, F. (1960) Sentence intonation from a functional point of view // Word. Vol. 16, no. 1. P. 34–54. DOI: <https://doi.org/10.1080/00437956.1960.11659719>

Ferguson, Ch. A. (1963) Assumptions about nasals; a sample study in phonological universals // Universals of language / ed. by J. H. Greenberg. Cambridge, MA : The MIT Press. x, 269 p. P. 42–47.

Fernandez-Vest, M. M. J., Van Valin, R. D. Jr. (eds.). (2016) Information structuring of spoken language from a cross-linguistic perspective. Berlin : Mouton de Gruyter. vi, 333 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110368758>

Greenberg, J. H. (1962) Is the vowel-consonant dichotomy universal? // Word. Vol. 18, no. 1–3. P. 73–81. DOI: <https://doi.org/10.1080/00437956.1962.11659766>

Greenberg, J. H. (1963a) Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements // Universals of language / ed. by J. H. Greenberg. Cambridge, MA : The MIT Press. x, 269 p. P. 58–90.

Greenberg, J. H. (ed.). (1963b) Universals of language. (Report of a conference held at Dobbs Ferry, New York, April 13–15, 1961). Cambridge, MA : The MIT Press. x, 269 p.

Gussenhoven, C. (2002) Intonation and interpretation: Phonetics and phonology // Speech Prosody 2002 : Proceedings of the 1st International Conference on Speech Prosody (Aix-en-Provence, April 11–13, 2002) / ed. by B. Bel, I. Marlien. Aix-en-Provence : Laboratoire Parole et Langage ; SProSIG. xvii, 742 p. P. 47–57.

Gussenhoven, C. (2004) The phonology of tone and intonation. Cambridge : Cambridge University Press. xxiv, 355 p.

Gussenhoven, C., Chen, A. (2000) Universal and language-specific effects in the perception of question intonation // Proceedings of the 6th International Conference on Spoken Language Processing / ed. by B. Yuan, T. Huang, X. Tang. Beijing : China Military Friendship Publish. Vol. 2. P. 91–94.

Gussenhoven, C., Gösta, B. (1999) Word prosody and intonation // Word prosodic systems in the languages of Europe / ed. by H. van der Hulst. Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter. xxix, 1050 p. P. 233–271.

Hockett, Ch. F. (1963) The problem of universals in language // Universals of language / ed. by J. H. Greenberg. Cambridge, MA : The MIT Press. x, 269 p. P. 1–22.

Jakobson, R. (1962) The phonemic concept of distinctive features // Proceedings of the Fourth International Congress of Phonetic Sciences (University of Helsinki, September 4–9, 1961) / ed. by A. Sovijärvi, P. Aalto. The Hague : Mouton & Co. xxix, 825 p. P. 440–455.

Johanson, L. (1998) The history of Turkic // The Turkic languages / ed. by L. Johanson, É. Á. Csató. L. ; N. Y. : Routledge. xxiii, 474 p. P. 81–125.

Ladd, D. R. (2001) Intonational universals and intonational typology // Language typology and language universals : An international handbook / ed. by M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible. Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter. 1856 p. P. 1380–1390.

Lévi-Strauss, C. (1966) The savage mind. Chicago : The University of Chicago Press ; L. : Weidenfeld and Nicolson Ltd. xii, 290 p.

Lieberman, M., Pierrehumbert, J. (1984) Intonational invariance under changes in pitch range and length // Language sound structure: Studies in phonology presented to Morris Halle by his teacher and students / ed. by M. Aronoff, R. T. Oehrle. Cambridge, MA : The MIT Press. xii, 392 p. P. 157–233.

Lieberman, Ph. (1967) Intonation, perception, and language. Cambridge, MA : The MIT Press. xiii, 210 p.

Lindau, M. (1986) Testing a model of intonation in a tone language // The Journal of the Acoustical Society of America. Vol. 80, no. 3. P. 757–764. DOI: <https://doi.org/10.1121/1.393950>

Murdock, G. P. (1959) Africa: Its peoples and their culture history. N. Y. : McGraw-Hill. xiii, 456 p.

Ohala, J. J. (1983) Cross-language use of pitch: An ethological view // *Phonetica*. Vol. 40, no. 1. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1159/000261678>

Ohala, J. J. (1994) The frequency code underlies the sound-symbolic use of voice pitch // Sound symbolism / ed. by L. Hinton, J. Nichols, J. J. Ohala. Cambridge : Cambridge University Press. x, 373 p. P. 325–347. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511751806.022>

Pike, K. L. (1945) The intonation of American English. Ann Arbor : University of Michigan Press. xi, 200 p.

Ryzhikova, T. R., Dobrinina, A. A., Plotnikov, I. M., Shestera, E. A., Shamrin, A. S. (2021) Intonation structuring of coherent Tuvan folklore narration // Новые исследования Тувы. № 4. С. 101–118. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.8>

Ryzhikova, T. R., Dobrinina, A. A., Plotnikov, I. M. (2020) Preliminaries to the Tuvan interrogative intonation // ExLing 2020 : Proceedings of the 11th International Conference of Experimental Linguistics (12–14 October 2020, Athens, Greece) / ed. by A. Botinis. Athens : National and Kapodistrian University of Athens. vi, 237 p. P. 165–168. DOI: <https://doi.org/10.36505/ExLing-2020/11/0041/000456>

Ryzhikova, T. R., Plotnikov, I. M., Shamrin, A. S. (2021) Intonation of the Khakas fairytales // ExLing 2021 : Proceedings of the 12th International Conference of Experimental Linguistics (11–13 October 2021, Athens, Greece) / ed. by A. Botinis. Athens, National and Kapodistrian University of Athens. viii, 277 p. P. 197–200. DOI: <https://doi.org/10.36505/ExLing-2021/12/0050/000523>

Troubetzkoy, N. S. (1949) Principes de phonologie. Paris : Librairie C. Klincksieck. xxxiv, 396 p. (In Fr.).

Van Valin, R. D. Jr. (1999) A typology of the interaction of focus structure and syntax // Typology and linguistic theory: From description to explanation / ed. by E. V. Rakhilina, Ya. G. Testeleets. Moscow : Languages of Russian Culture. 639 p. P. 511–524.

Van Valin, R. D. Jr., LaPolla, R. J. (1997) Syntax: Structure, meaning, and function. Cambridge : Cambridge University Press. xxviii, 713 p. (Cambridge Textbooks in Linguistics).

Дата поступления: 15.10.2024 г.

Дата принятия: 13.12.2024 г.

DOI: 10.25178/nit.2025.2.9

Статья

Оценка языковой комфортности в городском пространстве северного и арктического города

Айса Н. Биткеева

Институт языкознания РАН, Российская Федерация,

Ирена С. Хохолова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова; Институт языкознания РАН,

Российская Федерация,

Виктория В. Филиппова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,

Российская Федерация

В статье представлена разработка инструментария для оценки языковой комфортности в городском пространстве, который применен на примере северного и арктического города. Языковая комфортность понимается как комфорт и потребность в использовании в повседневном обиходе языков — компонентов социально-коммуникативной системы города, наличие условий для их гармоничного софункционирования и широкой функциональной дистрибуции. Источниками выступили материалы комплексного исследования языкового пространства в Республике Саха (Якутия) — гг. Якутск, Мирный и Чукотского автономного округа — гг. Анадырь, Билибино (2023-2024), с анкетированием 800 горожан и интервьюированием 41 чел.

Инструментарий позволяет детально рассмотреть соотношенность социокультурных факторов, являющихся ключевыми в формировании облика города — близость городского сообщества от природы, исторический, политический, экономический факторы, демографическая, коммуникативная и символическая мощности и языковой конкуренции или языковой монополии, языковых идеологий, языкового активизма в условиях Севера и др.

Установлено, что уровень языковой комфортности в городском пространстве определяется взаимообусловленностью правовой и административной поддержки, активностью городского сообщества, языковых активистов, научно проработанного подхода к решению языковой проблемы и социального климата.

Ключевые слова: языковое пространство; город; модель языковой комфортности; языковая ситуация; языковая политика; языковой конфликт; северный город; Арктика; Якутия; Чукотка

Исследование подготовлено в рамках проекта при поддержке гранта РНФ 23-28-01318 «Урбанизация, языковое многообразие и/или языковая конкуренция в Арктической и Субарктической зоне РФ: новые вызовы и перспективы развития», <https://rscf.ru/project/23-28-01318/>

Для цитирования:

Биткеева А. Н., Хохолова И. С., Филиппова В. В. Оценка языковой комфортности в городском пространстве северного и арктического города // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 169-187. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.9>

Биткеева Айса Николаевна — доктор филологических наук, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, пер. Большой Кисловский, д. 1/1. Эл. адрес: an.bitkeeva@iling-ran.ru

Хохолова Ирена Семеновна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики», доцент Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова; научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН. Адреса: 677000, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 141; 125009, Россия, г. Москва, пер. Большой Кисловский, д. 1/1. Эл. адрес: iskhokhlova@mail.ru

Филиппова Виктория Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, и.о. руководителя Центра арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 677027, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1, каб. 402. Эл. адрес: Filippovav@mail.ru

Article

Assessment of linguistic comfort in the urban space of the northern and Arctic cities

Aysa N. Bitkeeva

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,

Irena S. Khokholova

Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov;

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,

Viktoriya V. Filippova

*Institute of Humanitarian Studies and Problems of the Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

The article presents the development of a toolkit for assessing linguistic comfort in urban space, which is applied to the case of a northern and Arctic city. Linguistic comfort is understood as the ease and necessity of using languages — components of the city's socio-communicative system — in everyday life, as well as the presence of conditions for their harmonious co-functioning and broad functional distribution. The study is based on comprehensive research of the linguistic landscape in the Republic of Sakha (Yakutia) — the cities of Yakutsk and Mirny — and in the Chukotka Autonomous Okrug — the cities of Anadyr and Bilibino (2023–2024), involving a survey of 800 urban residents and interviews with 41 individuals.

The toolkit enables a detailed analysis of the interrelation of sociocultural factors that are key in shaping the urban environment: the proximity of the urban community to nature, historical, political, and economic factors, demographic, communicative, and symbolic capacities, as well as linguistic competition or monopoly, language ideologies, and language activism under northern conditions, among others.

It has been established that the level of linguistic comfort in urban space is determined by the interdependence of legal and administrative support, the activity of the urban community and language activists, a scientifically grounded approach to addressing language issues, and the broader social climate.

Keywords: linguistic landscape; city; linguistic comfort model; language situation; language policy; language conflict; northern city; Arctic; Yakutia; Chukotka

Financing

The study was supported by grant No. 23-28-01318 from the Russian Science Foundation “Urbanization, linguistic diversity and/or linguistic competition in the Arctic and Subarctic zones of the Russian Federation: new challenges and development prospects”, <https://rscf.ru/project/23-28-01318/>

For citation:

Bitkeeva A. N., Khokholova I. S. and Filippova V. V. Assessment of linguistic comfort in the urban space of the northern and Arctic cities. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 169-187. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.9>

Bitkeeva, Aysa Nikolaevna, Doctor of Philology, Head, Scientific Research Center for National Language Relations, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 1/1 Bolshoy Kislovsky lane, 125009, Russia, Moscow. E-mail: an.bitkeeva@iling-ran.ru [ORCID: 0000-0003-3765-2144](https://orcid.org/0000-0003-3765-2144)

Khokholova, Irena Semenovna, Candidate of Philology, Senior Researcher, International Research Laboratory “Linguistic Ecology of the Arctic”, Associate Professor, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov; Researcher, Research Center for National Linguistic Relations, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. Postal addresses: office 141, b. 42, Kulakovskiy St., 677000, Russia, Yakutsk; 1/1 Bolshoy Kislovsky lane, 125009, Russia, Moscow. E-mail: iskhokholova@mail.ru [ORCID: 0000-0003-0066-7537](https://orcid.org/0000-0003-0066-7537)

Filippova, Viktoriya Viktorovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Acting Head, Center for Arctic Studies, Institute for Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: office 402, b. 1, Petrovskogo st., 677027, Russia, Yakutsk. E-mail: Filippovav@mail.ru [ORCID: 0000-0002-3900-918X](https://orcid.org/0000-0002-3900-918X)

Введение

Арктика — одна из наиболее важных стратегических территорий Российской Федерации. Северные и арктические территории России занимают большую часть площади страны. При этом подавляющее большинство населения Арктики и Севера — это некоренное население. Современная система расселения Арктики сформирована промышленным характером освоения Арктики, что определило в ней повышенную долю городского населения, специфику арктической урбанизации (Российская и Мировая ... , 2022: 43). Важность сохранения городов состоит в том, что они являются полюсами экономического роста, «связующими транспортными узлами, важными информационными, научными и культурными центрами для прилегающих территорий» (Фраузер, Смирнов, 2018: 13).

В соответствии со статьей 17 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» издан Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 об утверждении «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г.», одним из основных вызовов и угроз, формирующих риски для развития Арктической зоны в России и обеспечения национальной безопасности названы отставание значений показателей, характеризующих качество жизни в Арктической зоне, от общероссийских или средних по субъектам Российской Федерации значений, низкий уровень доступности качественных социальных услуг и благоустроенного жилья, низкий уровень развития транспортной и информационно-коммуникационной инфраструктур¹. К сожалению, в данном документе не учтены особенности культуры и традиций, включая сохранение и развитие языков и культур.

Одним из первых документов, в котором представлена оценка развития человека в Арктике и оценка прогресса будущего, включающие не только социально-экономический, культурный и политический потенциал Арктики, но и самоидентификацию северян, является Доклад о развитии человека в Арктике (Arctic Human Development Report, далее — AHDR)², инициированный на встрече министров иностранных дел в Инари (Финляндия) осенью 2002 г. в рамках программы председательства Исландии в Арктическом Совете. Следующий документ — проект «Арктические социальные индикаторы» (Arctic Social Indicators — ASI), принятый Арктическим институтом Стефансона в 2006 г. в качестве продолжения к «Докладу о развитии Человека в Арктике», был призван заполнить важный пробел в AHDR — разработку социальных показателей для мониторинга тенденции развития человека в Арктике. Во многом это новаторская попытка создания системы отслеживания изменений в качественном состоянии человеческих ресурсов Арктики.

Для ASI были выбраны шесть областей, в которых возможно отследить изменения в состоянии и развитии человека в Арктике: «Здоровье и население», «Материальное благополучие», «Образование», «Культурная целостность», «Контакт с природой» и «Власть над судьбой». На первом этапе проекта ASI (в 2006 г.) был разработан набор показателей для отслеживания развития человеческого потенциала в Арктике. К ним относятся три основных показателя («Здоровье и население», «Материальное благополучие» и «Образование»), используемых в Докладе о развитии человека в Арктике» (Arctic Social Indicators, 2014)³, подготовленном Рабочей группой по устойчивому развитию (Sustainable Development Working Group, далее — SDWG) Арктического совета, и три дополнительных показателя, определяемых как особенно важные для северян: «Контакт с природой», «Культурная целостность» и «Власть над судьбой».

Соответственно, можно говорить о том, что гуманитарная проблематика оценивания этнокультурных и языковых ситуаций недостаточно разработана в отличие от вопросов социально-экономического развития арктических территорий. Учитывая, что язык является основой культуры и самоидентификации народа, его сохранение и развитие должно стать одним из приоритетов в стратегии

¹ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года [Электронный ресурс] // Совет безопасности Российской Федерации. URL: http://www.scrf.gov.ru/security/economic/Arctic_stratery/ (дата обращения: 24.09.2024).

² Arctic Human Development Report Regional Processes and Global Linkages (2014) [Электронный ресурс] // norden.diva-portal.org. URL: <https://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:788965/fulltext03.pdf> (дата обращения: 24.09.2024).

³ Arctic Social Indicators ASI II: Implementation (2014) [Электронный ресурс] [Электронный ресурс] // norden.diva-portal.org. URL: <https://norden.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A789051&dswid=-9897> (дата обращения: 24.09.2024).

развития Арктической зоны России. Для обеспечения языковой комфортности жителей городских поселений необходимо проводить соответствующие мероприятия, включая поддержку и развитие национальных языков, обеспечение доступа к образованию на родном языке, создание условий для использования языка на рабочих местах и в повседневной жизни.

Роль языка как социального показателя благополучного развития человека в Арктике чрезвычайно важна. Однако, как оценить качественные изменения в языковом потенциале северных и арктических городов?

В статье делается попытка развить модель языковой комфортности северных и арктических городов страны с разной численностью населения, разным муниципальным статусом и усовершенствовать методику оценки языковой комфортности (Биткеева, Хохолова, Филиппова, 2023). *Языковая комфортность* понимается нами как комфорт и потребность в использовании в повседневном обиходе идиомов — компонентов социально-коммуникативной системы города, как наличие условий для их гармоничного софункционирования и широкой функциональной дистрибуции. Термин *языковая комфортность* шире термина *языковая витальность* (Казакевич и др., 2022), поскольку включает комплекс социальных показателей, которые сопутствуют созданию условий для комфорта при использовании идиома, языковая витальность — одно из условий языковой комфортности. Кроме того, как правило, языковая витальность таргетно исследуется относительно одного идиома, а в фокусе внимания языковой комфортности — социально-коммуникативная система в целом.

Этнокультурная и языковая комфортность в поликультурном городе проявляется также в запросе на этнизацию городской среды, придании этнического колорита облику городского пространства. Это четко отражено в культурно-символических аспектах городской архитектурной среды как результат менеджмента памяти. В статье рассматривается также роль этнических пространств, символических средств и социальных практик этнизации северных и арктических городов.

За основу модели взяты показатели, включенные в ASI, дополненные индикаторами, влияющими на языковую ситуацию. Разработка комплексной оценки языковой комфортности основана на следующих принципах, которые повлияли на выбор методов расчета и источников данных. Во-первых, комплексная оценка должна охватить все северные и арктические города, а не только отдельные категории по людности или муниципальному статусу. Во-вторых, методика должна включать мониторинг и может быть модифицирована с учетом каких-либо изменений отдельного города. В-третьих, рассмотренные показатели должны быть доступны, открыты и применимы для качественного и количественного выражения комплексного анализа.

В основе анализа в статье представлен материал, полученный в ходе комплексного исследования языкового пространства северных и арктических городов авторами статьи в Анадыре, Якутске, Билибино в апреле и октябре 2023 г., Мирном и Билибино в апреле — мае 2024 г. Исследование включило проведение масштабного анкетирования и интервьюирования разных социальных групп населения городов Республики Саха (Якутия) — Якутск, Мирный и Чукотского автономного округа — Анадырь, Билибино. В России на основе численности населения Якутск относится к крупным городам (от 250 тыс. до 1 млн), остальные города Анадырь, Билибино и Мирный являются малыми городами (до 50 тыс.). В анкетировании приняли участие около 800 информантов — горожан Якутска, Мирного, Анадыря, Билибино разных социальных групп. Было записано 41 интервью в указанных городах (Полевые материалы авторов 2023 г. — далее ПМА-2023); полевые материалы авторов 2024 г. — далее ПМА-2024).

Методика исследования

В предыдущей публикации нами подробно рассмотрен комплекс методов, позволяющих системно подойти к исследованию языковой ситуации городского пространства посредством оценивания языковой комфортности (Биткеева, Хохолова, Филиппова, 2023).

Модель языковой комфортности городского пространства — это комплекс показателей, которые оценивают удобство и доступность использования языков в городской среде. Эта модель учитывает множество факторов, таких как, например, наличие двуязычных или многоязычных указателей, доступность информации на разных языках, языковую политику и поддержку со стороны муниципальных властей, а также отношение жителей к многоязычию и др. (рис. 1).

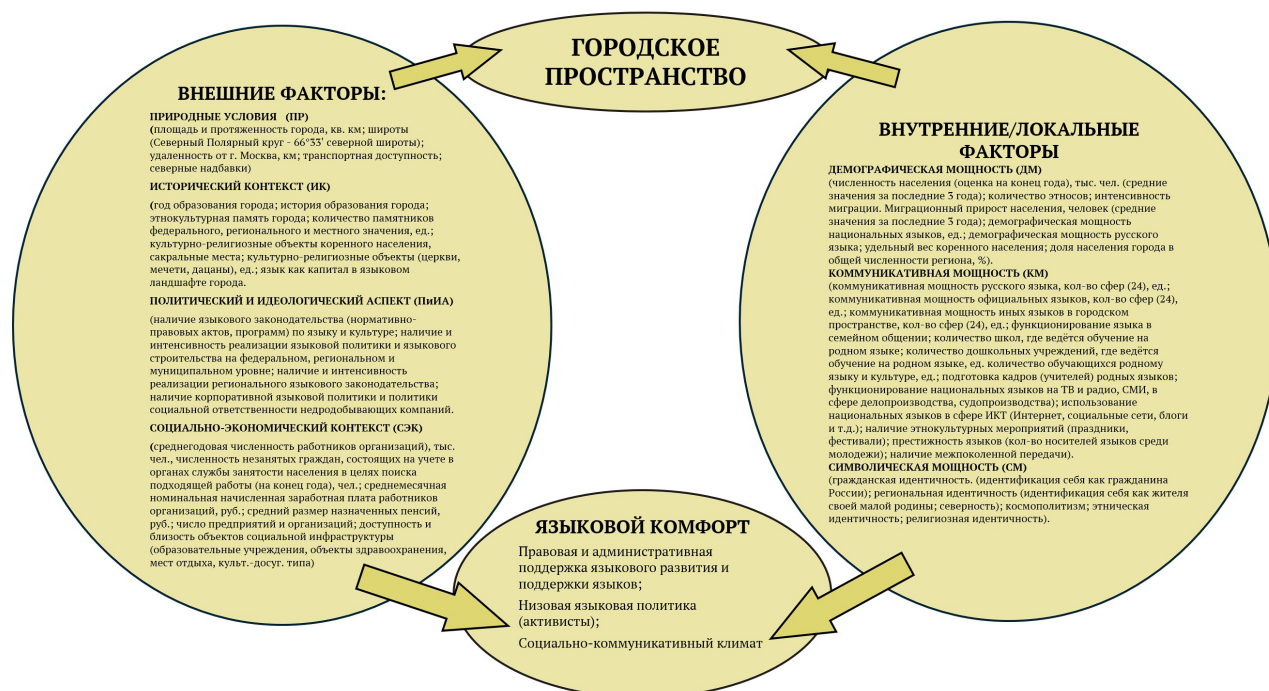

Рис. 1. Модель языковой комфортности в городском пространстве северного и арктического города.

Fig. 1. The model of linguistic comfort in the urban space of the northern and Arctic cities.

Оценку языковой комфортности городского пространства предлагается провести методом комплексной оценки. Напомним, что ранее нами была дана характеристика групп факторов, включающих разные качественные и количественные показатели, и приведена практическая часть применения модели для одного города — на примере г. Якутск. Мы писали, что языковая комфортность городской среды обуславливается многофакторной матрицей, включающей внешние факторы — географический (природно-климатический), исторический (историческая память), политический, идеологический, социально-экономический, пространственные параметры (показатели качества жизни, миграции, местоположение природных и социально значимых объектов), внутренние факторы — демографический, функциональный коммуникативный, конфессиональный, этнокультурный, символический (идентичность), поведенческие компоненты, языковой ландшафт, речевые практики, языковые идеологии. Корреляции между указанными факторами определяют уровень языковой комфортности в городском пространстве, выражающуюся в наличии или возможности языковой конкуренции/языковой монополии, языкового конфликтного потенциала и т. д. (там же: 154).

В данной статье модель языковой комфортности детализирована в части определения оценочных факторов и суммирования их количественных и качественных показателей по формуле:

$$ЯК = (ПУ+ИК+ПиИА+ДМ+СЭК+КМ+СМ) + УС$$

где: ЯК — языковая комфортность, ПУ — природные условия, ИК — исторический контекст, ПиИА — политический и идеологический аспект, ДМ — демографическая мощность, СЭК — социально-экономический контекст, КМ — коммуникативная мощность, СМ — символическая мощность, УС — управление судьбой.

Суммирование численных показателей выраженности исследованных факторов проводится для каждой группы показателей. Ввиду того, что единица измерения у каждого показателя разная, для последующей комплексной оценки применена балльная шкала от 0 до 5. Количественные показатели дополняются качественными показателями (исторический, политический контекст и др.) для определения уровней комфортности. Для качественных показателей принимались два значения: 0 — если показатель отсутствует и 1 — если показатель имеется. Соответственно, уровни комфортности

определяются через суммирование количественных показателей по каждой группе с учетом качественных показателей. В основу модели языковой комфортности положен системный подход, который даёт возможность многостороннего, взаимосвязанного рассмотрения взаимодействующих элементов, характеризующих языковую комфортность городского пространства. Результатом является критерий оценки, осуществленный по подсчету баллов по каждому показателю: критически неблагоприятная; неблагоприятная; относительно благоприятная; благоприятная.

Выбранный способ оценки позволяет детально рассмотреть соотнесенность социокультурных факторов, являющихся ключевыми в судьбе горожан — близость городского сообщества от природы, исторический, политический, экономический факторы, демографическая, коммуникативная и символическая мощности и языковой конкуренции или языковой монополии, языковых идеологий, языкового активизма в условиях Севера и др.

Природные условия

Первая группа показателей «Природные условия» обусловлена географическим положением северных и арктических городов. Города, расположенные на высоких широтах, сталкиваются с особыми климатическими условиями, что влияет на строительство и эксплуатацию социальных объектов.

Для удовлетворения потребностей городских жителей важны площадь и протяженность города. Если город занимает большую площадь, это может привести к разрозненности инфраструктуры. В таких городах могут возникнуть проблемы с транспортной доступностью между районами, что требует развития более сложных транспортных систем. Северные и арктические города характеризуются компактностью по площади, протяженность в основном зависит от рельефа местности.

Города, находящиеся далеко от центра страны, как правило, имеют меньше инвестиций и меньше внимание со стороны центральных властей, что также влияет на развитие их инфраструктуры, в связи с этим в показатели были включены удаленность от столицы страны — г. Москва и транспортная доступность. Последний связан с тем, что удаленные города сталкиваются с проблемами доступа к необходимым ресурсам и услугам. Это также ограничивает возможности для привлечения специалистов и обеспечения высококачественных социальных услуг.

Для привлечения населения в северные и арктические регионы, а также удержания населения в них, применяются надбавки по климатическим параметрам, называемые «районный коэффициент». Районный коэффициент — это доплата за труд в сложных или особых климатических условиях, фиксированная величина надбавки, которая устанавливается Правительством РФ. «Северные» надбавки в контексте социальных и экономических систем включают компенсации и дополнительные меры, направленные на улучшение условий жизни и работы в условиях различных климатических факторов. Ввиду того, что именно природные условия обусловили данные коэффициенты, авторы включили этот индикатор в эту группу показателей.

Северные надбавки и меры помогают компенсировать неудобства и дополнительные затраты, связанные с различными климатическими условиями, и способствуют улучшению качества жизни и работы в таких регионах, а следовательно — это один из каналов привлечения человеческих ресурсов, что ведет к этномиксации населения города. Для привлечения специалистов в регионы с тяжелыми климатическими условиями предлагаются различные льготы, такие как повышение зарплаты, бесплатное жилье или возмещение транспортных расходов. Разрабатываются специальные программы по привлечению и удержанию квалифицированных кадров, включая обучение и развитие, а также поддержку профессионального роста.

Такая социальная сплоченность предполагает построение единого коммуникативного пространства, языком единения и доминирующим языком в подобных сообществах в России становится русский язык.

Исторический контекст

Исторические факторы оказывают значительное влияние на языковую комфортность в различных сообществах, формируя языковую среду и определяя, какие языки становятся доминирующими, поддерживаемыми или находящимися под угрозой исчезновения в конкретных регионах. Понимание этих факторов помогает оценить текущую языковую ситуацию и разрабатывать стратегии для поддержания и улучшения языковой комфортности.

Ключевыми аспектами, влияющими на языковую комфортность, являются такие исторические события и процессы, как миграционные волны, исторические события и традиции, революции и политические изменения и др. Местные языки могут утратить статус и престиж, функционально вытесняясь другими языками, что влияет на языковую комфортность и может привести к снижению использования местных языков в официальной и образовательной сферах. Исторические события и традиции могут поддерживать использование определенных языков в культурных и церемониальных контекстах. Это создает языковую комфортность для тех, кто связывает язык с культурным наследием и историей. Миграция людей из разных регионов и стран в города ведет к языковому разнообразию. При этом влияние истории миграций на языковую комфортность может зависеть от степени интеграции мигрантов в местное общество. Политические изменения и революции могут привести к реформам в языковой политике, таким как изменения в образовательной системе, смене графики языка, функциональной дистрибуции языков и т. д. Это может как улучшить, так и ухудшить языковую комфортность, в зависимости от направленности реформ.

Память — явление социальное, и представления людей о своём прошлом и прошлом своей группы предопределяются социокультурным контекстом (Хальбвакс, 2007). Исторический контекст в языковой комфортности рассматривается через проекцию памяти и идентичности, что значит соотношение индивидуальной и коллективной, социальной и культурной памяти, наличие конфликтов в области памяти о прошлом, чувства коллективной ответственности и др. В указанных концептуальных рамках выстроено исследование языкового пространства города.

Город обладает исторической судьбой, социальной структурой, имеет свое прошлое, которое зашифровано в символах городской среды. Памятники северных и арктических городов рассматриваются как культурно-символические объекты, формирующие в том числе этническую и гражданскую идентичность, и отражающие на сегодняшний день трансформацию представлений о регионе и стране и определяющие имидж города.

Согласно исследованиям, с помощью средств визуальной презентации и коммуникации могут быть определены способы конструирования культурной, национальной, гражданской, религиозной, профессиональной идентичности (Аванесов, 2016; Аванесов, Федотова, 2022). Анализ реестра памятников показывает, что только в Якутске насчитывается 66 памятников регионального значения и 7 памятников местного значения, которые появились в основном в постсоветский период, что символизирует потребность в выражении региональной (этнической идентичности). В Мирном как в промышленном городе количество памятников местного значения также превалирует над количеством памятников федерального и регионального значений, что вызвано локальной промышленной идентичностью города. Самоидентификация арктических городов Анадыря и Билибино почти не выражена в символическом пространстве. При достаточно выраженной религиозной составляющей в символическом пространстве северных арктических городов (18 церквей, храмов, мечети и дацана — в Якутске, а также 6 религиозных объектов — в Мирном, 2 — в Анадыре).

Языковой ландшафт, представленный в названиях улиц городов, позволяет также идентифицировать этнокультурный портрет городского сообщества. В ходе исследования подсчитан удельный вес названий улиц, связанных с этническим/родным языком (в том числе, названия на этом языке), традиционной культурой и историческими личностями. В Якутске из 427 наименований 23% связаны с родными языками, культурой, географией и личностями — якутянами, представителями коренного населения. В Мирном данный показатель составил 10%, в г. Анадырь — 17%, а в г. Билибино — 0. Региональная (этническая) идентичность достаточно ярко представлена в языковом ландшафте Анадыря, несмотря на невыраженное символическое пространство города, представленное памятниками.

Социально-экономический контекст

Языковая жизнь северных и арктических регионов России определяется также социально-экономическими параметрами, имеющими свою специфику в суровых климатических условиях. Так, исследователи указывают, что «Север — удобный «полигон» для изучения миграции, поскольку здесь представлены практически все ее виды — от традиционного кочевания и маятниковой трансграничной миграции до вахтовой» (Вахтин, Лярская, 2019: 346). Активное промышленное освоение природных ресурсов Арктики ведется успешно начиная с советского периода, когда, как уже ука-

зывалось нами выше, уже сложилась структура и традиционный уклад жизни населения. Но, в портере северных городов выделяется коренное население, продолжающее вести традиционную хозяйственную деятельность — оленеводство, рыболовство, морской зверобойный промысел, правда уже в меньшем объеме (см.: Российская Арктика ... , 2016; Головнев, 2022; Вахтин, 2001, 2019; и др.). В условиях активной индустриализации, переезжая в города, коренное население перестает заниматься отраслями традиционной хозяйственной деятельности.

В столицах исследуемых регионов Якутске (РС(Я)) и Анадыре (ЧАО) происходят активные этносоциальные, в том числе этнодемографические, процессы, определяемые, прежде всего, миграционными потоками и оттоками, повышением роли городской «столичной» культуры, экономическим ростом. Якутск и Анадырь — административные центры, транспортные хабы, через которые происходит движение производственных потоков, трудовая миграция. В таких условиях функционально первым становится русский язык (подробнее см.: Биткеева, Хохолова, Филиппова, 2023; Биткеева, Данилова, 2023).

Города Мирный (РС(Я)) и Билибино (ЧАО) характеризуются высокой развитостью промышленности, следовательно, это промышленные центры регионов. В г. Мирном по состоянию на 1 января 2023 г. проживало 34 013 человек, являющихся представителями 73 этнических групп, среди которых многочисленными являются русские (67%), якуты (8%), буряты (3%), киргизы, татары, украинцы (по 2%) и др. По миграционному оттоку Мирнинский район занимает 1 место в регионе. За последние 5 лет численность населения г. Мирный сократилась на 1210 человек¹. Данное явление можно объяснить монопрофильностью города, где все миграционные процессы в основном обусловлены кадровыми изменениями на градообразующем предприятии АК «АЛРОСА» (ПМА, 2024).

В г. Билибино на 1 января 2024 г. проживало 5994 чел., что составляет 73,9% от общей численности населения Чукотского автономного округа. В Билибино же за последние 5 лет миграционный прирост составил 1,5%. Этнический состав городов также является неоднородным: русские — 88,9%, чукчи — 3,3%, якуты — 3,1%, эвены — 2,8%².

Концентрация населения в городах влияет на среднегодовую численность работников организаций. Большое количество предприятий может способствовать языковому разнообразию, особенно в местах, где в компаниях работают представители разных этнических групп. Организации могут внедрять многоязычные политики и предоставлять услуги на разных языках в зависимости от потребностей рынка, внутренней языковой политики, что влияет на использование языка в рабочей среде и взаимодействие с клиентами. Использование среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников и среднего размера назначенных пенсий организаций в качестве показателей обусловлено тем, что более высокие заработные платы могут способствовать доступности языковых ресурсов, таких как курсы и учебники, культурные мероприятия, что влияет на уровень знания и использования различных языков. В регионах с высокой численностью незанятых граждан может наблюдаться рост языковых барьеров, особенно если безработные сталкиваются с трудностями в поиске работы из-за недостатка знания официального языка или профессионального языка. Специальные программы по обучению и переподготовке могут потребовать наличия языковых курсов для повышения квалификации и улучшения шансов на трудоустройство.

Наличие образовательных, медицинских, культурных и досуговых объектов может способствовать языковому разнообразию и интеграции через культурные мероприятия и программы. Наибольшая роль отводится образовательным учреждениям в регионе, которые могут повлиять на распространение и изучение различных языков, предлагаемых в учебных планах.

Демографическая мощность

Демографическая мощность оказывает значительное влияние на языковую комфортность через численность носителей языка, их распределение по районам и способность влиять на языковую ситуацию. Большое количество носителей языка формирует востребованность, условия для расширения функциональной дистрибуции языка, возникает спрос на использование языка в повседневной

¹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). Главная страница [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). URL: <http://14.rosstat.gov.ru> (дата обращения: 24.09.2024).

² Билибинский район [Электронный ресурс] // Муниципальное образование. Билибинский муниципальный район. URL: <https://www.bilchao.ru/index.php?newsid=33> (дата обращения: 24.09.2024).

жизни, в образовательной системе и сфере СМИ. Имея правовые гарантии, языки статусные, с высокой демографической мощностью чаще получают поддержку на уровне государства и общественных организаций. Эти языки имеют специальные образовательные программы, разнообразный медиа-контент и широко функционируют в других официальных сферах, например, в сфере делопроизводства, что способствует повышению языковой комфортности для их носителей. Языки с высокой демографической мощностью часто имеют более значительное культурное и социальное признание, что повышает их видимость и значение в общественной жизни, способствуя улучшению языковой комфортности, так как носители таких языков чувствуют себя более интегрированными и признанными в обществе.

Если носители языка живут дисперсно или в изолированных общинах с низкой демографической мощностью, это ведет к ограниченному доступу к образовательным программам на их языках, ограниченный доступ к медиа и правовым услугам, что снижает языковую комфортность для носителей таких языков. В условиях доминирования более мощных языков миноритарные языки сталкиваются с угрозой исчезновения. Это также связано с недостатком ресурсов и поддержки для сохранения и развития таких языков.

Количество этнических групп в сообществе оказывает значительное влияние на языковую комфортность, проявляясь в различных аспектах, от культурного разнообразия до взаимодействия между различными языковыми группами. В полиэтнических сообществах часто наблюдается языковое разнообразие, что способствует созданию богатой языковой среды, но также может вызвать проблемы с поддержанием языковой комфортности, если не предусмотрены средства поддержки всех языков. Этническое многообразие способствует культурному обмену и повышает интерес к изучению различных языков, приводя к улучшению языковой комфортности для всех групп, если они имеют доступ к ресурсам на своих языках.

Увеличение численности коренного населения в исследуемых городах в результате внутрирегиональной миграции, с разной степенью интенсивности, проявилось в постсоветский период. В Анадыре проживает 15079 чел.¹ При этом численность в городе считается одной из самых низких относительно других столиц арктических регионов, хотя и наблюдается прирост: количество горожан увеличилось на 15,5 % по сравнению с 2010 г. В городе сосредоточено 19,1% населения Чукотки. Население города, по данным переписи 2020 г., представлена 87 этносами, из которых многочисленными являются русские (6,8 тыс. чел.). Коренными народами Чукотки являются чукчи, чуванцы, эскимосы, эвены и юкагиры: в Анадыре они составляет около 15%, тем самым можно сказать, что город является одним из основных мест проживания малочисленных этносов².

Коммуникативная мощность

Известно, что языки коренных малочисленных народов Севера (КМНС) находятся в активной стадии языкового сдвига. Сами представители КМНС отмечают ряд исторических событий в их судьбе, ставших негативным переломным моментом в истории их народов. По мнению самих представителей этнической группы, причины языкового сдвига в чукотском языке, как и в других языках коренных малочисленных народов Севера, берут начало с периода коллективизации, укрупнения поселков, насильственным переселением с традиционных мест обитания, а также с социально-экономическим кризисом 1990-х на Чукотке (см.: Егорова и др., 2013; Коломиец, 2021). Как показал опрос в Анадыре среди представителей чукотской и эскимосской групп, 48,75% респондентов оценивают будущее родного языка с тревогой, хотя чукотский и эскимосский языки преподаются в школах, в средне-специальных учебных заведениях, а также в качестве дополнительных курсов для желающих; активная деятельность по сохранению родного языка Региональной общественной организации любителей чукотского языка «Родное слово». Однако все же в современных условиях дети и родители коренных народов чаще выбирают для изучения и общения русский язык из-за языковой среды большинства населения. Несмотря на толерантное отношение к родному языку, среди молодежи и среднего

¹ Основные итоги Всероссийской переписи населения 2020 года: в 11 т. Анадырь: Чукот-стат., 2022. Т. 5. [Электронный ресурс] // Росстат. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/64095?print=1&ysclid=lqk4juidoi176141029> (дата обращения: 07.09.2024).

² Там же.

поколения отсутствует социальная потребность в знании и использовании этнического языка. Наблюдается переход на русский язык, фиксируется поздняя этническая самоидентификация, что вызывает обеспокоенность среди старшего поколения.

В условиях полиэтничных городов основным языком коммуникации является русский язык. К примеру, языковая ситуация в Якутске с миноритарными языками можно сказать критическая, менее 10% владеют родными языками (долганским, чукотским, эвенкийским), более или менее стабильная картина у эвенов — 30% владеющих родным языком. В Анадыре чукотским как родным владеет лишь 10,9% чукчей, в Билибино — 13,19%.¹

В последнее время в Мирном увеличилась численность якутского населения в результате внутрирегиональной трудовой миграции в городе, соответственно возникает запрос на преподавание якутского языка, создаются условия для расширения его функционирования.

Символическая мощь

Этнос, меняя язык, может сохранить свою идентичность, если остается неизменной основа культуры, представление единства с предками, говорившими на ином языке (Бокаев, 2011: 7). Язык выполняет не только коммуникативную функцию, но и символическую, соотношенную с социокультурным пространством, в котором человек себя определяет.

Как показало наше исследование, большинство информантов — 75,3% в Якутске, 57,6% в Анадыре, 37,3% в Мирном, 29,5% в Билибино — считают, что знание родного языка является наиболее важным при определении своей национальности. Есть и другое мнение среди исследователей, что «северяне-горожане, живущие в русскоязычной среде чаще указывающие родным этнический язык, оказавшиеся вдали от родных мест в иноэтничном окружении, начинают испытывать трудности с этнической самоидентификацией, ощущают недостаток «доказательств» своей принадлежности к группе (так называемых этнических идентификаторов) и выбирают в качестве такого доказательства «родной язык» (Вахтин, 2001: 79–80).

На вопрос «Кем Вы себя считаете прежде всего?» практически во всех исследуемых городах у респондентов превалирует этническая самоидентификация — «представитель своего народа». Тенденция к выраженной этнической самоидентификации, на наш взгляд, вытекает, прежде всего, от осознания дифференциации общности этнокультурных признаков (территории, языка, образа жизни и т. д.), а также значимости этнонима. Иными словами, этнокультурная идентичность является социально-психологическим механизмом сохранения единения с этнической группой, этническим символом. На наш взгляд, это ответ на современные вызовы глобализации, поскольку «в жизни человека есть некоторые стороны, которые не могут быть глобализованы (унифицированы)» (Мясников 2014: 16). Так, гражданами мира себя считают: в Якутске — 15,15%, в Анадыре — 16,35%, в Мирном — 14,74%, в Билибино — 10,2% респондентов. Возможно, тенденция космополитизма среди респондентов связана с возрастом участников опроса, большую часть которого составила молодежь до 30 лет (ПМА, 2023; ПМА, 2024).

Религиозная самоидентификация среди жителей исследуемых городов выражена слабо, так как утверждают исследователи, во-первых, религия утратила решающее влияние на жизнь общества и индивида в связи с ростом уровня и качества жизни людей (Инглхард, 2022), во-вторых, с ростом личной религиозности, духовности, в противовес религиозному институту (Пронина, 2015; Буркова, 2021), как «способ сохранения религиозных принципов и норм на уровне индивидуализированного бытия» (Пронина, 2015: 165). «Двоеверие» коренных народов — традиционные верования (шаманизм, язычество) и христианство, «неопределенность» (Астахова, 2016) могли послужить результатом маловыраженной религиозной идентификации.

Как показал опрос, достаточно большое количество жителей считают себя северянами: в Якутске 61,5%, в Мирном — 67,32%, в Анадыре — 82,971%, в Билибино — 80,7%. 20,45% населения в Якутске не считает себя северянами, по причине того, что проживает в той части Якутии, которая не входит в арктическую зону, быт жителей центральной Якутии отличается от быта жителей арктических рай-

¹ Основные итоги Всероссийской переписи населения 2020 года: в 11 т. Анадырь: Чукот-стат., 2022. Т. 5. [Электронный ресурс] // Росстат. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/64095?print=1&ysclid=lqk4juidoi176141029> (дата обращения: 07.09.2024).

онов республики, ведущих традиционное хозяйство, промыслы (ПМА, 2023; ПМА 2024). Северяне включают как *коренных* жителей (тех, которые испокон веков живут на данной территории, ведут традиционный образ жизнедеятельности), местных жителей (не принадлежат к коренным, но родились в регионе или живут в нем достаточно давно), *приезжих* (приехали в эти места недавно и не считают себя местными). Дихотомия «коренной/некоренной» не является основополагающей (Liangskaya, 2017; и др.). В суровых климатических условиях важна социальная консолидация, которая возможна при наличии единого коммуникативного пространства, в российских условиях инструментом этнокультурного единения является русский язык. Соответственно в условиях северных промышленных районов формируется интегральная идентичность или *северность*, для которой характерна универсализация, стирание в том числе этнических границ.

Индикатор «Управление судьбой»

Индикатор «Управление судьбой» означает механизм успешного функционального развития языков с учетом четырех аспектов, из которых первые три аспекта — *правовая и институциональная поддержка развития языков, деятельность языковых активистов и научный подход* в деле сохранения языков (Кибрик, 2020). Мы к этим аспектам добавляем еще один важный аспект — *социально-коммуникативный климат*, который включает всех участников социально-коммуникативной системы, представляя собой языковой (коммуникативный) баланс в полиязычном, поликультурном сообществе, гармоничное софункционирование идиомов и их широкой функциональной дистрибуции. Социально-коммуникативный климат представляет собой цепь причинно-следственных отношений в софункционировании идиомов. При учете всех этих четырех аспектов возможно оценить языковую комфортность, определить уровни языковой комфортности в городском пространстве.

Правовая поддержка развития языков

Политический фактор играет важную роль в формировании языковой комфортности, влияет на статус языков, их функциональную дистрибуцию, языковую и этническую идентичности, языковые идеологии языковых сообществ. Языки, имеющие социальный статус, пользуются социальным признанием, могут создать более высокую языковую комфортность для своих носителей. Языки, не обладающие статусом, сталкиваются с трудностями в сохранении и поддержке. В регионах, где проживают представители малочисленных этносов, политическая поддержка и защита их языков повышают языковую комфортность. Общины коренных малочисленных народов Севера влияют на развитие арктических городов благодаря имеющимся у них правовым гарантиям. Интеграция этих сообществ в экономическую, социальную и культурную структуру города может привести к более инклюзивному и устойчивому развитию (Российская Арктика: ... , 2016: 7). Как отмечают исследователи, промышленное освоение традиционных мест проживания КМНС вызывает все чаще протестные акции аборигенов, что говорит о существующих противоречиях между традиционным и промышленным природопользованием. Достижение партнерства коренных народов с промышленными компаниями в российской Арктике — одно из условий социального благополучия этих народов и страны в целом (там же). Тема социальной ответственности недродобывающих компаний особенно актуальна в этом контексте. Законодательные инструменты, защищающие права на использование родного языка в официальных документах и образовательных учреждениях, способствуют лучшему социальному включению этих языков.

Промышленные регионы Якутии обладают богатыми промышленными ресурсами, и на их территории работают 40 промышленных компаний. Эти компании оказывают существенное влияние на традиционный уклад жизни коренных малочисленных народов. Существуют правовые гарантии, закрепленные в Конституции Российской Федерации¹ и Федеральном законе «О гарантиях прав ко-

¹ Статья 69 Конституции Российской Федерации // Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 07.09.2024).

ренных малочисленных народов РФ»¹. Основной задачей является идентификация стратегий развития, направленных на минимизацию экологического ущерба при освоении территорий. Хотя полное исключение негативного воздействия не представляется возможным, целью является достижение максимального соответствия экологическим нормам, минимизация ущерба для пастбищ и традиционных форм хозяйствования, а также для культурной среды. Экологи, биологи и зоологи разработали чёткие критерии и методики для проведения экологической экспертизы, которые позволяют точно оценить стоимость земли, стоимость ягеля и других ресурсов, потенциально доступных на исследуемой территории.

Как же оценить ущерб этнокультурный и языковой? В.И. Шадрин, вице-президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Республики Саха Якутия, в интервью отмечает, что на сегодня полностью отсутствует методика расчета ущерба этнокультурным процессам, хотя с 2011 г. началась практическая реализация закона об этнологических экспертизах (ПМА, 2024). Компания, даже если она приходит на территорию с нулевым уровнем этнокультурного развития, обязана проявлять социальную ответственность. Она должна внедрять программы, которые помогут сохранить язык и культуру местных сообществ. Компания обязана принимать меры для поддержки развития местных сообществ.

Здесь показателен пример деятельности Некоммерческой организации «Фонд социального развития “Купол”», учрежденной АО Чукотская горно-геологическая компания в 2009 г. Основной целью деятельности фонда является вклад в социально-экономическое развитие региона и поддержка значимых для жителей Чукотки проектов². Особый акцент фонд делает на проектах, направленных на методы традиционного природопользования, бережное отношение к родному языку и письменности коренных малочисленных народов Севера. На самом предприятии присутствует определенная корпоративная языковая политика. При приеме на работу имеет место ознакомление соискателя работы с уставом предприятия, в котором описываются правила поведения в местной этносреде, разъясняется специфика культуры, ментальности коренных народов региона, организуются курсы изучения языков (Биткеева, Данилова, 2023: 100).

Языковой активизм

Одним из условий языковой комфортности является языковой активизм — действия, направленные на борьбу с языковым неравенством, организованные усилия по увеличению числа носителей языка и расширению областей его функционирования. Языковой активизм направлен на улучшение языковой ситуации в языковом сообществе.

У языкового активизма две противоположные тенденции: с одной стороны языковая некомфортность становится причиной появления языковых активистов, с другой стороны — результат действий языкового активизма может привести к языковой комфортности. В этом заключаются балансирующие свойства языкового активизма. Согласно опросу в Якутске, большее количество языковых активистов проявляется в Якутске (30,55%), среди которых выделяются различные институции: ассамблеи, ассоциации, общины — 6,68%, музеи, театры, Дом Дружбы народов, Центр духовной культуры «Арчы» — 5,68%, Северо-Восточный университет им. Аммосова — 5,68%, Министерство образования, Правительство — 3,41%, «Издательский дом Бичик» — 1,14%, ZEMA — 1,14%; а также событийные культурные мероприятия (Ысыах, «Зима начинается с Якутии») — 2,27%, отдельные лица — языковые активисты, такие блогеры как Sausaqa — 3,41%, Күерэгэй — 1,14% (ПМА-2024).

Согласно опросу в Анадыре, языковой активизм занимает достаточно стабильную позицию — 19,6%, включает такие организации как Дом народного творчества — 10,12%, музей — 1,9%, кафе — 1,9%, библиотека — 1,26%, региональная общественная организация любителей чукотского языка «Чычеткин вэтгав» (языковые курсы) — 0,63%, также проводятся праздники, фестивали «День Чукотки», «День родного языка», фестиваль «Реки Дружбы» — 3,16% (ПМА-2023).

¹ Статьи 5, 6, 7 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Принят Государственной Думой 16 апреля 1999 г. Одобрен Советом Федерации 22 апреля 1999 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102059473> (дата обращения: 07.09.2024).

² Фонд «Купол». Главная страница [Электронный ресурс] // Фонд «Купол». URL: <http://kupolfoundation.ru/> (дата обращения: 29.09.2024).

В Мирном языковой активизм также занимает достаточно стабильную позицию — 17,89%. Указывались информантами организации и/или органы: ассамблеи, ассоциации, общины («Достук») — 11,57%, библиотека — 2,11%, ДК «Алмаз» — 2,11%, администрация — 1,05% (ПМА-2024). Это наталкивает на мысль, что в малом промышленном городе, которому характерно моноязычие, ответственность за функционирование языков перекладывается на органы и/или организации.

Межнациональное согласие и бесконфликтность в промышленном многонациональном городе обеспечивает работа общественного движения Мирнинского отделения Ассамблеи народов Республики Саха (Якутия)¹, возглавляемое Г. А. Бейсембаевой. Основной задачей Ассамблеи является организация поддержки национальных культур и языков, проведение мероприятий с этнокультурным контекстом как праздник «Ысыах», межлусных культурно-спортивных эстафет, концертов, выставок и литературных вечеров. Надо отметить, что для поддержания единства в многообразии здесь делается многое.

Социально-коммуникативный климат

Одной из характерных черт полиэтничного пространства является определенный уровень конфликтогенности. Согласно результатам наших опросов, фиксируются конфликтогенные ареалы в городе, связанные с расселением мигрантского сообщества, приехавшего из ближнего зарубежья (ПМА-2024). Причинами, вызывающими негативное отношение, указываются: незнание языка, культуры и менталитета, что вызывает непонимание, недоверие и страх.

Языковая дистрибуция в целом зависит от этнического распределения населения в городских условиях. Например, в г. Якутске, коммуникация на русском языке превалирует в районах города, где проживает в основном русское население — по сфере трудоузанности (предприятия инфраструктурной сети — аэропорты, речпорт, ГРЭС). Есть исторически сложившиеся якутские кварталы, где проживает в основном коренное якутское население, это сохраняется в целом в первоначальном виде с советского времени. Наблюдается увеличение демографии и расширение территорий города сегодня за счет внутренней миграции.

Согласно результатам опроса по комфортности в коммуникации, мы видим, что современная молодежь (чуть больше половины опрошенных) относится более толерантно к другим культурам (ПМА-2023, ПМА-2024). Комфортность в коммуникации для молодежи не определяется конкретными этническими группами, а зависит от ценностей и поведения человека. Несмотря на преобладающую толерантность к другим этносам среди молодежи, выделяется фактор «Понимания и непонимания в межкультурной коммуникации». Согласно ответам респондентов, выявляются оппозиции «этнотсы, с которыми имеется опыт коммуникации / знакомы — другие этнотсы, незнание языка, культуры, различие в менталитетах», где первая часть содержит положительное значение, вторая часть — отрицательное. Испытуемым комфортно с «этнотсами, с которыми имеется опыт коммуникации / знакомы» (12,5%). Респондентам некомфортно с «Другими этнотсами ввиду незнания языка, культуры, различия в менталитетах» (22,5%). Согласно результатам нашего опроса, существующие или потенциальные конфликтогенные зоны, в основном, проявляются по отношению к мигрантам из Средней Азии (таджики, киргизы, узбеки), а также к кавказцам вследствие незнания языка, культуры и менталитета, что вызывает непонимание, недоверие и страх из-за их поведения. Присутствует настороженность и к другим народам (китайцам, арабам, британцам, американцам, афганцам, иранцам, египтянам, цыганам) ввиду различий в менталитетах, в образе жизни, истории. Причины недоверия — непонимание речи, что естественно вызвано незнанием иностранного языка, меньшим опытом общения, разницей в языке и культуре (религии), географическими, религиозными, политическими обстоятельствами (Биткеева, Хохолова, Филиппова, 2023). Результаты анкетирования показали, что 62,5% респондентов — выходцы из сельских местностей, 35% опрошенных живут в Якутске 5 лет и меньше, им привычен более умеренный и/или спокойный образ жизни (ПМА-2023, ПМА-2024).

¹ Официальный сайт общественного движения Мирнинского отделения Ассамблеи народов Республики Саха (Якутия). Главная страница [Электронный ресурс] // Официальный сайт общественного движения Мирнинского отделения Ассамблеи народов Республики Саха (Якутия). URL: <https://www.myrtex.com/site/ассамблеямирныйсах/> (дата обращения: 29.09.2024).

Приезжие пребывают в Республику Саха (Якутия) в основном по трудовому найму, что безусловно связано с их стороны с установками заработка, с экономическими ресурсами республики. Не происходит взаимоинтеграции, возможно, за исключением некоторых мигрантов, прибывших со своими семьями, у которых дети обучаются в местных школах, в университете.

Якутск является территорией миграционного потока; наибольшую долю среди прибывших на территорию России из стран ближнего зарубежья составляют граждане Кыргызстана — 7190 чел. (19,2%), Таджикистана — 5992 (19,2%), за ними по численности следуют граждане Узбекистана — 3939 (12,6%), Армении — 2201 (7%) и Казахстана — 1860 (5,9%) (Винокурова, Томаска, 2021: 180). Отмечается также большое количество мигрантов из Украины — 2489 чел. (7,9%). Наибольшая доля в числе прибывших иностранных граждан с визовым режимом принадлежит гражданам Китая — 3134 чел. (42,3%), Кореи — 443 (5,9%), Германии — 332 (4,5%), Японии — 279 (3,8%), США — 211 (2,8%), Франции — 177 (2,4%) и Индии — 143 (1,9%) (там же).

Согласно результатам нашего опроса, в категорию «свои» информанты жители обследованных северных городов включают русских и коренных народов Севера, между которыми выявляется положительный опыт взаимодействия в межкультурной коммуникации — добрососедства, взаимопонимания языка и культуры, родства, взаимодействия во время обучения (ПМА-2023, ПМА-2024). Информантам некомфортно с «чужими» (10%), к которым они относят мигрантов, из-за разницы в религии, по экономическим причинам и безопасности по отношению мужчин мигрантов к женщинам локальных этнических сообществ (ПМА-2023, ПМА-2024).

Оценка языковой комфортности в городском пространстве

На основе проведенного исследования нами осуществлена оценка языковой комфортности в городском пространстве по 7 группам индикаторов, что позволило определить следующие уровни: критически неблагоприятная (более 20 баллов); неблагоприятная (15–20 баллов); относительно благоприятная (10–15 баллов) и благоприятная (менее 10).

Каждый фактор включает несколько количественных показателей. В виду того, что единица измерения у каждого показателя разная, для последующей комплексной оценки применена балльная шкала от 0 до 5. Количественные показатели дополняются качественными показателями для определения уровней комфортности/некомфортности. Для качественных показателей принимались два значения: 0 — если показатель отсутствует и 1 — если показатель имелся. Соответственно, уровни комфортности определяются через суммирование количественных показателей по каждой группе с учетом качественных показателей (табл. 1).

Таблица 1. Комплексная оценка языковой комфортности
Table 1. Comprehensive assessment of language comfort

Исследованные города	Баллы по оценочным факторам							Итого баллов	Языковая комфортность
	Природные условия	Политический и идеологический аспект	Демографическая мощность	Социально-экономический контекст	Коммуникативная мощность	Символическая мощность	Управление судьбой		
Якутск	1	1	1	4	1	1	1	10	относительно благоприятная
Мирный	2	2	4	1	2	4	3	18	неблагоприятная
Анадырь	1	3	2	2	3	2	2	15	неблагоприятная
Билибино	3	4	3	3	4	3	4	24	критически неблагоприятная

Прим.: критически неблагоприятные — более 20 баллов, неблагоприятная — 15–20, относительно благоприятная — 10–15, благоприятная — менее 10.

На основе полученной оценочной шкалы каждой группы проведена типология языковой комфортности городского пространства Якутска, Мирного, Анадьря и Билибино. В итоге, на основе суммы баллов по показателям Якутск попал в уровень городов с относительно благоприятной языковой комфортностью, г. Анадьрь и г. Мирный — в группу с неблагоприятными, а г. Билибино — в группу с критически неблагоприятными уровнями языковой комфортности.

Благоприятный уровень языковой комфортности (менее 10 баллов) характерен для городов с относительно хорошими условиями для проживания (транспортная доступность, позволяющая выезжать из города и получать грузы/товары, наличие социальной инфраструктуры, медицинского обслуживания и т. п.), где присутствуют четыре индикатора «Управление судьбой» (имеется правовая и административная поддержка языкового развития и поддержки языков, характерна высокая активность языковых активистов, наличие научной разработанности идиомов и социально-коммуникативный климат). В этот уровень не попал ни один из обследованных городов.

Относительно благоприятный уровень (10–15 баллов) характерен для городов с относительной языковой комфортностью. Якутск отнесен к городам с относительно благоприятной языковой комфортностью. Городу характерна высокая демографическая мощьность представителей коренного населения, отмечается активная институциональная (законодательная) поддержка языков на региональном уровне, в городе ярко выражено формирование городских кварталов по этническому признаку, есть районы с этническими анклавами, что благоприятно отражается на языковой комфортности городского пространства, создает условия для организации системного изучения родного языка (с дошкольного возраста до высшего образования), активна роль языковых активистов и институций в продвижении языков и культур. Как показывает социально-коммуникативный климат, языковая комфортность в городе Якутске напрямую зависит от социально-экономического благополучия. Важное значение имеет безопасность проживания в городском пространстве, наличие развитой инфраструктуры, образовательных и культурных центров, что часто отмечают информанты. Языковую некомфортность чаще информанты отмечали в отдаленных от центра районах, где расселяются мигрантские или вахтовые сообщества, характерна опасность, отсутствие инфраструктуры. Языковая комфортность для многих информантов зависит от социальной открытости, владения несколькими языками (якутским, русским и др.).

В числе городов с *неблагоприятным уровнем языковой комфортности* (15–20 баллов) оказались полиэтничные малые города — Анадьрь, Мирный. Основная часть населения в Анадьре и Мирном представлены русскими. Русский язык является функционально доминирующим в коммуникативном пространстве Анадьря и в Мирного. По данным переписи населения 2020 г., в Анадьре и Мирном количество владеющих этническими языками 10 % от всего населения¹. Компонентами социально-коммуникативной системы Анадьря, помимо русского, являются чукотский, эскимосский языки. В Чукотском автономном округе статус чукотского языка никак не регламентирован, преподается в ряде школ округа, не более 2 часов в неделю, решение о преподавании чукотского языка принимается администрацией школы и родителями учащихся. Миноритарные языки в Анадьре функционируют в сфере культуры, образовательных учреждениях (колледж) и в с. Тавайваам, национальном чукотском селе внутри города Анадьрь, который отмечен респондентами как неблагополучный район, район социальной напряженности, а также как некомфортная зона общения. Такая неблагоприятная характеристика в Тавайвааме связана с экономическим кризисом в 1990-х гг., приведшему к увеличению числа безработных (20%). В г. Мирном одним из компонентов социально-коммуникативной системы города помимо русского является один из официальных языков Республики Саха (Якутия) — якутский, который преподается в сфере дошкольного и школьного образования. В последнее время в связи с активной внутренней (трудоустрой и образовательной) миграцией якутов из ближних районов идет работа по организации обучения якутскому языку в рамках дополнительного образования.

¹ Чукотский автономный округ. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/64095> (дата обращения: 24.09.2024).

Согласно опросу в Анадыре, зоной языковой комфортности является центральная часть города, где сконцентрированы образовательные и культурные локации. Для Анадыря не характерно расселение этническими анклавами по причине острой нехватки жилья. Жилищный фонд города советского периода постройки. Сложность организации новых строительных объектов объясняется особой спецификацией жилья для арктического региона (дома на сваях), а кроме того, осложненной логистикой строительных материалов с материка.

Категории языковой комфортности малых городов сравнительно отличаются от больших городов своими качественными и количественными компонентами. Если в большом северном городе языковая комфортность связана напрямую с социально-экономическими факторами, то в малых городах мы наблюдаем специфику, прежде всего, связанную с географическими климатическими, социальными факторами, и, во вторую очередь по значимости с экономическими, политическими факторами. Например, пространство для жителей Анадыря является значимой категорией. Северянину — анадырцу характерно понимание широты пространства, и главное, чувство своего пространства, и ему некомфортно там, где много незнакомых людей. Но высока способность к адаптации, выработка которой необходима в суровых климатических условиях. Адаптация нами понимается как приспособление к внешним воздействиям, в том числе к арктическим условиям проживания, к холоду. В полиэтничном промышленном городе Мирном, которому характерны внутренняя колонизация (занятие ключевых профессиональных позиций приезжим населением), трудовая миграция, категориями комфортности являются компактность и уют городского пространства (город очень маленький, уютный, все в шаговой доступности, нет суеты), общительность (доброжелательность, открытость жителей Мирного), а дискомфортность вызвана по этническим и социальным признакам (настороженное отношение приезжему населению, настороженность к мигрантским группам и т. д.) (ПМА-2024).

К *критически неблагоприятным* (более 20 баллов) относятся города, в которых наблюдается доминирование одного языка, характерен низкий уровень условий для проживания, отсутствие индикатора «Управление судьбой». В эту группу попал г. Билибино с нестабильной этноязыковой ситуацией.

Управлять и направлять языковое развитие возможно, только опираясь на научный подход в решении возникающих проблем. Как мы уже упоминали, языковая комфортность — достижение баланса в полиязычном, поликультурном сообществе, наличие условий для их гармоничного софункционирования в ареале.

В городском пространстве, как правило, присутствует языковая монополия, соответственно — языковая конкуренция между доминирующим и другими идиомами социально-коммуникативной системы, что ведет к языковым конфликтам. Однако в основе любого языкового конфликта — конфликт социальный. В этой связи, учитывая поликультурный и полисоциальный контекст исследуемых территорий, актуально оценивать конфликтогенный потенциал языковой ситуации, который определяется двумя подтипами: 1) внутренние противоречия в языковом сообществе: быстрые изменения в структуре сообщества, затрагивающие языковые интересы. Конфликты могут возникать из-за отказа части говорящих использовать родной язык даже в семейно-бытовой сфере, что сопровождается переходом на другой язык и негативным отношением консервативной части языкового сообщества. Это обычно сопровождается растущим негативизмом к родному языку и уменьшением языковой лояльности; 2) внешние угрозы благополучию языка подразумевают резкие изменения в языковой политике из-за давления извне, эскалацию языковой дискриминации со стороны доминирующего языкового сообщества, введение ограничений на использование языка или обучение ему внешним языковым сообществам.

Заключение

Таким образом, языковая комфортность заключается во взаимобусловленности правовой, административно-институциональной поддержки языков, деятельности языковых активистов, научного подхода при языковом планировании и благоприятного социально-коммуникативного климата, который в свою очередь зависит от социально-экономического благополучия города. В зависимости от полученных итоговых баллов комплексной оценки показателей выделяются следующие уровни языковой комфортности в городах: критически неблагоприятные — более 20 баллов, неблагопри-

ятная — 15–20, относительно благоприятная — 10–15, благоприятная — менее 10. В исследованных городах отсутствует благоприятная языковая комфортность, что в первую очередь обусловлена суровыми природными условиями, низкими качеством жизни, труднодоступностью и удаленностью.

Предлагаемая модель языковой комфортности носит обобщающий характер, учитывая все многообразие факторов. Данная методика оценивания требует апробации в других городах, модификации с учетом особенностей отдельного города и отдельных языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов, С. С. (2016) Визуальная семиотика города: перспектива исследования городских текстов // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. Вып. 4 (10). С. 9–22.
- Аванесов, С. С., Федотова, Н. Г. (2022) Город в поисках идентичности. СПб. : Алетейя. 408 с.
- Астахова, И. С. (2016) Религиозная идентичность населения Якутии: история и современность // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. № 2 (8). С. 26–31.
- Биткеева, А. Н., Хохолова И. С., Филиппова В. В. (2023) Модель языковой комфортности в городском пространстве: Новые аспекты и методы исследования // Новые исследования Тувы. № 3. С. 151–170. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.10>
- Биткеева, А. Н. (2024) Социокультурные и языковые параметры урбасистемы северных арктических городов РФ // «Огни магистрали»: исторический опыт и стратегии развития регионов Сибири и Дальнего Востока (к 50-летию начала строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали) : сборник научных трудов по материалам всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. Н. С. Байкалова. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета имени Доржи Банзарова. 456 с. С. 232–240.
- Биткеева, А. Н., Данилова, Р. А. (2023) Языковая биография арктического города (материалы полевого исследования в городе Анадырь) // Социоллингвистика. № 4 (16). С. 92–106. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-16-92-106>
- Бокаев, Б. Н. (2011) Язык как фактор этнической идентичности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 5. С. 95–100.
- Буркова, Е. И. (2011) Религиозная идентичность как фактор политического развития России // Дискурс-Пи. № 1 (42). С. 91–113. DOI: <https://doi.org/10.24412/1817-9568-2021-1-91-113>
- Вахтин, Н. Б. (2001) Языки народов Севера в 20 веке: очерки языкового сдвига. СПб. : Дмитрий Буланин. 338 с.
- Вахтин, Н. Б., Лярская, Е. В. (2019) Человеческие и инфраструктурные связи Арктической зоны РФ: Методологические подходы к изучению // Проблемы Арктики и Антарктики. Т. 65. № 3. С. 341–352. DOI: <https://doi.org/10.30758/0555-2648-2019-65-3-341-352>
- Винокурова, Д. М., Томаска, А. Г. (2021) Внутренняя и внешняя миграция в Республике Саха (Якутия): отношение студенческой молодежи // Власть и управление на Востоке России. № 1 (94). С. 177–187. DOI: <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-94-1-177-187>
- Головнев, А. В. (2022) Северность России. СПб. : МАЭ РАН. 450 с.
- Егорова, А. И., Нафанаилова, М. С., Макарова, А. П., Сидорова, Т. Н. (2013) Особенности этнической идентичности чукчей, проживающих в Нижнеколымском районе Республики Саха (Якутия) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Т. 10. № 2. С. 150–158.
- Инглхард, Р. (2022) Неожиданный упадок религиозности в развитых странах. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 237 с.
- Казакевич, О. А., Будянская, Е. М., Евстигнеева, А. П., Коряков, Ю. Б., Мордашова, Д. Д., Покровская, С. В., Поливанов, К. К., Ренковская, Е. А., Халилова, З. М., Шейфер, К. О. (2022) Шкалы языковой витальности и их применимость к материалу конкретных языковых ситуаций // Вопросы языкознания. № 4. С. 7–47.
- Кибрик, А. А. (2020) Сохранение языкового разнообразия России: контуры программы // Социоллингвистика. № 1. С. 17–28.
- Коломиец, О. П. (2021) Современная этноязыковая ситуация на Чукотке // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». Т. 8. № 4 (32). С. 119–131.
- Мясников, А. А. (2014) Российская идентичность: концептуальные аспекты // Западно-Сибирский педагогический вестник. № 1. С. 16–25.

Пронина, Т. С. (2015) Религиозная идентичность как психосоциальный феномен // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 16. Вып. 2. С. 154–166.

Российская Арктика: Коренные народы и промышленное освоение (2016) / под ред. В. А. Тишкова. М. ; СПб. : Нестор-История. 272 с.

Российская и Мировая Арктика: население, экономика, расселение (2022) / сост. В. В. Фаузер, А. В. Смирнов, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер; отв. ред. В. В. Фаузер. М. : Политическая энциклопедия. 215 с.

Хальбвакс, М. (2007) Социальные рамки памяти. Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М. : Новое издательство. 348 с.

Дата поступления: 03.11.2024 г.

Дата принятия: 29.11.2024 г.

REFERENCES

Avanesov, S. S. (2016) Visual Semiotics of the City: the perspective of urban texts research. *Praksema. Problemy vizual'noi semiotiki*, issue 4 (10), pp. 9–22. (In Russ.).

Avanesov, S. S. and Fedotova, N. G. (2022) *A city in search of identity*. St. Petersburg, Alethea. 408 p. (In Russ.).

Astakhova, I. S. (2016) Religious identity of the population of Yakutia: history and modernity. *Arktika. XXI vek. Gumanitarnye nauki*, no. 2 (8), pp. 26–31. (In Russ.).

Bitkeeva, A. N., Khokholova I. S. and Filippova V. V. (2023) Model of language comfort in urban space: New aspects and research methods. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 151–170. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.10>

Bitkeeva, A. N. (2024) Socio-cultural and linguistic parameters of the urban system of the northern Arctic cities of the Russian Federation. In: *Lights of the Highway: historical experience and strategies for the development of the regions of Siberia and the Far East (to mark the 50th anniversary of the construction of the Baikal-Amur railway)*: a collection of scientific papers based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation / edited by N. S. Baykalov. Ulan-Ude, Publishing House of the Buryat State University named after Dorzhi Banzarov. 456 p. Pp. 232–240. (In Russ.).

Bitkeeva, A. N. and Danilova, R. A. (2023) language biography of the arctic city (on the material of the field research in Anadyr). *Sociolinguistics*, no. 4 (16), pp. 92–106. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-16-92-106>

Bokaev, B. N. (2011) Language as a factor of ethnic identity. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 5, pp. 95–100. (In Russ.).

Burkova, E. I. (2011) Religious identity as a Factor of Russia's Political Development. *Diskurs-Pi*, no. 1 (42), pp. 91–113. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/1817-9568-2021-1-91-113>

Vakhtin, N. B. (2001) *The languages of the peoples of the North in the 20th century: essays on the linguistic shift*. St. Petersburg, Dmitry Bulanin. 338 p. (In Russ.).

Vakhtin, N. B. and Liarskaia, E. V. (2019) Human and infrastructural connectivity of the Arctic zone of the Russian Federation: methodological approaches to research. *Arctic and Antarctic Research*, vol. 65, no. 3, pp. 341–352. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30758/0555-2648-2019-65-3-341-352>

Vinokurova, D. M. and Tomaska, A. G. (2021) Internal and external migration in the Republic of Sakha (Yakutia): the attitude of student youth. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 1 (94), pp. 177–187. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-94-1-177-187>

Golovnev, A. V. (2022) *The North of Russia*. St. Petersburg, MAE RAS. 450 p. (In Russ.).

Egorova, A. I., Nafanailova, M. S., Makarova, A. P. and Sidorova, T. N. (2013) Features of the ethnic identity of the Chukchi people living in the Nizhnekolymsky district of the Republic of Sakha (Yakutia). *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova*, vol. 10, no. 2, pp. 150–158. (In Russ.).

Inglehart, R. (2022) *The unexpected decline of religiosity in developed countries*. Transl. from Engl. St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg. 237 p. (In Russ.).

Kazakevich, O. A., Budianskaia, E. M., Evstigneeva, A. P., Koriakov, Iu. B., Mordashova, D. D., Pokrovskaia, S. V., Polivanov, K. K., Renkovskaia, E. A., Khalilova, Z. M. and Sheifer, K. O. (2022) Scales of linguistic vitality and their applicability to the material of specific linguistic situations. *Voprosy iazykoznanii*, no. 4, pp. 7–47. (In Russ.).

Kibrik, A. A. (2020) Preserving the linguistic diversity of Russia: program outlines. *Sotsiolingvistika*, no. 1, pp. 17–28. (In Russ.).

Kolomiets, O. P. (2021) The modern ethnolanguage situation in Chukotka. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki*, vol. 8, no. 4 (32), pp. 119–131. (In Russ.).

Miasnikov, A. A. (2014) Russian identity: conceptual aspects. *Zapadno-Sibirskii pedagogicheskii vestnik*, no. 1, pp. 16–25. (In Russ.).

Pronina, T. S. (2015) Religious identity as a psychosocial phenomenon. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 16, issue 2, pp. 154–166. (In Russ.).

The Russian Arctic: Indigenous peoples and Industrial development (2016) / ed. by V. A. Tishkov. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 272 p. (In Russ.).

The Russian and Global Arctic: population, economy, and settlement (2022) / comp. by V. V. Fauzer, A. V. Smirnov, T. S. Lytkina and G. N. Fauzer; ed. by V. V. Fauzer. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia. 215 p. (In Russ.).

Halbwachs, M. (2007) *The social framework of memory*. Transl. from Fr. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 348 p. (In Russ.).

Submission date: 03.11.2024.

Acceptance date: 29.11.2024.

DOI: 10.25178/nit.2025.2.10

Статья

Структурные и семантические особенности имен собственных казахов и тувинцев

Жансеит К. Туймебаев, Айнур Т. Кикбаева

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан,

Надежда Д. Сувандии

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье рассматриваются личные имена казахов и тувинцев, анализируются их семантико-лексические параллели и морфологические особенности. Выявляются общие элементы в структуре и семантике личных имен. Сравнительное исследование обусловлено интересом к системе имен у двух генетически родственных тюркских языков, которые развивались в общей языковой ситуации XX в. в условиях контактирования с русским языком, что не могло не повлиять на сферу именования.

Источниками выступили материалы сборников имен, собранных и опубликованных исследователями в разных изданиях.

В результате проведенного анализа было выявлено 16 общих моделей образования производных и 13 семантических групп личных имен. Среди выявленных лексико-семантических групп особо выделяются личные имена, образованные от названий домашних и диких животных, этнокультурных бытовых принадлежностей, указывающих на особенности кочевого образа жизни и хозяйственной деятельности тувинского и казахского народов. Отмечены факты изменения имен под влиянием русского языка и советской культуры.

Ключевые слова: антропонимика; казахский язык; тувинский язык; билингвизм; лексико-семантическая параллель; имя собственное

Данное исследование финансируется Комитетом по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант «AP23486380 Тюркские языки Казахстана в условиях духовной модернизации общества: от графики к эпическому тексту»).

Для цитирования:

Туймебаев Ж. К., Кикбаева А. Т., Сувандии Н. Д. Структурные и семантические особенности имен собственных казахов и тувинцев // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 188-199. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.10>

Туймебаев Жансеит Кансеитович — доктор филологических наук, профессор, ректор Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050000, Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: turkology.ri@gmail.com

Кикбаева Айнур Темиржанкызы — докторант кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050000, Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: ainurkikbayeva@gmail.com. Научный руководитель — д-р филол. н., проф. Н. Ж. Шаймерденова.

Сувандии Надежда Дарыевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая лаборатории этнологии и лингвокультурологии, декан филологического факультета Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9В. Эл. адрес: suvandiin@mail.ru

Structural and semantic features of proper names of Kazakhs and Tuvans

Zhanseit K. Tuimebayev, Ainur T. Kikbayeva

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan,

Nadezhda D. Suvandii

Tuvan State University, Russian Federation

The article examines personal names of the Kazakhs and Tuvans, analyzing their semantic-lexical parallels and morphological features. Common elements in the structure and semantics of personal names are identified. This comparative study is motivated by an interest in the naming systems of two genetically related Turkic languages, which developed under a shared linguistic situation in the 20th century, shaped by contact with the Russian language.

The sources used include collections of names compiled and published by researchers in various editions.

As a result of the conducted analysis, 16 common models of name derivation and 13 semantic groups of personal names were identified. Among the revealed lexical-semantic groups, particular attention is given to personal names derived from names of domestic and wild animals, and items of everyday life that reflect the specifics of the nomadic lifestyle and economic activities of the Tuvan and Kazakh peoples. Instances of name changes influenced by the Russian language and Soviet culture are also noted.

Keywords: *anthroponymy; Kazakh language; Tuvan language; bilingualism; lexical-semantic parallel; proper name*

Financing

This research is funded by the Committee on Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (grant «AP23486380 Turkic languages of Kazakhstan in the context of spiritual modernization of society: from graphics to epic text»).

For citation:

Tuimebayev Zh. K., Kikbayeva A. T. and Suvandii N. D. Structural and semantic features of proper names of Kazakhs and Tuvans. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 188-199. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.10>

TUIMEBAYEV, Zhanseit Kanseitovich, Doctor of Philology, Professor, Rector, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71, Al-Farabi Ave., 050000, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: turkology.ri@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5495-1686

KIKBAYEVA, Ainur Temirzhankyzy, Doctoral Student, Departments of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71, Al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Kazakhstan. E-mail: ainurkikbayeva@gmail.com Scientific supervisor — N. Zh. Shaimerdenova, Doctor of Philology, Professor.

ORCID: 0000-0002-1278-8128

SUVANDII, Nadezhda Daryevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Dean, Philological Faculty, Tuvan State University. Postal address: 9B Mongush Sat St., 667010, Kyzyl, Russian Federation. E-mail: suvandiin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3817-2436

Введение

В культурах казахского и тувинского народов, как и многих других культурах, в именах собственных (ИС) сохраняются значения, связанные с природой, животными, историей, мифологией. Немало имен имеют лексические и структурные сходства, обусловленные тем, что и казахский, и тувинский языки относятся к тюркской группе агглютинативных языков. В этих именах отражаются этнокультурные особенности, а также наблюдаются смысловые пересечения, которые связывают языковую культуру на более глубоком уровне. В этой связи особое внимание привлекает семантика личных имен, те значения и символика, которые вкладываются в них родителями, родственниками, теми, кто принимает участие в именовании ребенка.

В статье рассматриваются личные имена с точки зрения их семантико-лексических и структурно-морфологических особенностей, проявляющихся в личных именах и их использование в билингвальной среде. Имена собственные с течением времени меняются под воздействием разных факторов, в том числе в результате взаимодействия с другими языками. Казахи и тувинцы жили на протяжении многих десятилетий в сходных условиях билингвальной среды и именно в этой среде они продолжали использовать именование своих детей. Мы рассматриваем, как менялись принципы именования, каким образом билингвальная среда влияла на сферу именований.

Методологическая база исследования основана на сравнительно-историческом и сопоставительном видах анализа, позволяющим выявить этимологию слова, параллели, употребление имени собственного в различных культурах. Также нами использованы методы семантического анализа значений имен, а также морфологического анализа для изучения суффиксов, префиксов и других формантов, характерных для разных языков.

Теоретическую базу исследования составляет прежде всего теория имен собственных А. В. Суперанской (Суперанская, 1969), С. Н. Булгакова (Булгаков, 1998). основополагающими в исследовании являются труды по казахской (Джанузаков, 1982) и тувинской антропонимике (Вайнштейн, 1969; Чадамба, 1993; Сувандии, 2011, 2020; Сувандии, Кара-оол, 2021; и др.). Для понимания проблемы билингвального образовательного контекста важными являются работы российских ученых (Александрова, 2018; Арефьев, Бахтикиреева, Синячкин, 2021; и др.).

Источниковую базу составили казахские личные имена из словаря Т. Жанұзақ «Қазақ есімдерінің анықтамалығы» («Справочник казахских имен»)¹ и тувинские личные из исследований одного из соавторов данной статьи — Н. Д. Сувандии (Сувандии, 2004) и Л. С. Кара-оол «Словарь странствующей ономастики тувинского языка» (Сувандии, Кара-оол, 2020).

Обзор литературы

Согласно энциклопедическому словарю Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (ЭСБЕ), собственные имена (лат. *nomina propria*) представляют собой имена, присвоенные известному неделимому, кому-нибудь одному отдельному понятию, но не целым группам или классам неделимых, получающим одно общее «нарицательное» имя².

Большой вклад в изучении ИС внесла А. В. Суперанская (Суперанская, 1969). Исследованиям антропонимии посвящали свои труды В. А. Никонов (Никонов, 1970, 1974), В. Д. Бондалетов³. С. Н. Булгаков развивает интересную точку зрения о природе ИС. Он считает, что имя «прирастает» к своему носителю как «постоянный предикат» (Булгаков, 1998).

Антропонимика в казахском языке активно развивается учеными. Например, Т. Жанузаковым (Жанұзақов, 1971; Джанузаков, 1982), Г. И. Кульдеевой⁴ и др. Работы Т. Жанузакова отличается тем, что он не только дал теоретико-методологические основания исследований, но и составил корпус казахских имен. Г. Кульдеева анализировала происхождение и формирование казахских имен, их лексико-семантическую основу, а также влияние арабских, персидских и тюркских языков на антропонимику казахского народа.

¹ Жанұзақ Т. Қазақ есімдерінің анықтамалығы. Алматы: Арыс баспасы, 2009.

² Собственные имена [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь. URL: https://broukgauzefron.slovaonline.com/94450-SOBSTVENNYIE_IMENA (дата обращения: 28.02.2025).

³ Бондалетов В. Д. Русская ономастика. Учебное пособие для студентов пединститутов. М.: Просвещение, 1983.

⁴ Кульдеева Г. И. Антропонимическая система казахского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. н. Казань. 2001

История изучения и способы образования личных имен представлены в трудах первых исследователей тувинского языка, в частности Н. Катанова. В начале XX в. он впервые зафиксировал перечень тувинских собственных имен (Катанов, 1903). С. Вайнштейн рассмотрел личные имена, прозвища, а также описал обычаи и традиции наречения именем тувинцев (Вайнштейн, 1969). Д. Монгуш писал о сокращенных именах в тувинском языке (Монгуш, 1973), а З. Чадамба — о способах образования тувинских личных имен (Чадамба, 1993) и т. д.

Один из соавторов данной статьи Н. Сувандии выявила основные лексико-семантические группы тувинских личных имен, описала об их происхождении, способах образования (Сувандии, 2004, 2011, 2014, 2015, 2020 и др.¹).

В настоящей статье мы впервые обращаемся к рассмотрению личных имен двух тюркоязычных народов — казахов и тувинцев в сравнительном аспекте.

Билингвальная ситуация в Казахстане и Туве: общее и особенное

Характер и исторические предпосылки сложившегося в Казахстане и Туве билингвизма были обусловлены контекстом общей советской эпохи, взаимодействием казахского и тувинского языков с русским языком. И языковая политика, и языковое строительство, и система образования и воспитания, а также социокультурные факторы, которые повлияли на имянаречение, и двух регионов мира — сходны.

В Казахстане билингвизм развивался в условиях СССР, когда строилось многонациональное национальное государство. Об этом подробно написано в работе Э. Д. Сулейменовой и ее коллег (Сулейменова, Шаймерденова, Аканова, 2008). Предложенный авторами анализ всех этапов формирования би- и полилингвального ландшафта Казахстана с опорой на коммуникативно мощные языки Казахстана — казахский и русский, позволяет увидеть протяженность процесса формирования билингвизма в Казахстане. Как видим, в течение длительного времени здесь функционировали и развивались казахский и русский языки, оказывая влияние друг на друга и способствуя развитию русско-казахского и казахско-русского двуязычия.

Русская культура и язык оказывала длительное влияние на повседневную жизнь и профессиональную деятельность населения способствовали также появлению русскоязычных писателей — билингвов, например, Б. Каирбекова, Б. Канапьянова, М. Ауэзова, О. Сулейменова, М. Б. Кенин-Лопсана, С. К. Тока, С. А. Сарыг-оола, Э. Мижита и др., которые сохраняют национальные образы и имена в литературных текстах на русском языке.

Слова русского и интернационального происхождения в качестве имен рассматриваемые народы активно заимствовали в советский период. В первую очередь к ним относятся имена собственные, связанные с историческими событиями. Например, в это время в казахской антропонимии появились такие русские мужские имена, как: *Андре* 'Андрей', *Ескендір* 'Александр', *Мекәйіл* 'Михаил', *Жебрәйіл* 'Григорий', *Жержіс* 'Георгий', *Мәби* 'Матвей', *Жагор* 'Егор', *Жандарал* 'Генерал', и русские женские имена: *Мәриям* 'Мария', *Сәтен* 'Сатин', *Бәтес* 'Батист'. Они вошли в казахский язык, подвергаясь фонетическим изменениям. Экономические, культурные и исторические события на долгое время сохранили в казахской антропонимике такие имена, как: Октябрь, Октябрина, Совет, Социал, Армия, Солдатбек, Маршал, Мая, Мира, Совхозбек, Колхозбек, Фермехан, Дохтырхан и др. (Жанұзақов, 1971: 215).

Подобные изменения наблюдаются и в тувинской антропонимике, о чем писал Н. Ф. Катанов: *Шышпар* 'Шишмарев', *Макишым* 'Максим' (Катанов, 1903: 283-285). Во второй половине XIX — начале XX в. в Туву (бывш. Урянхайский край, колонию маньчжурской империи Китая) стало переезжать на постоянное место жительства русское население из центральной и южной России (что позволялось межправительственными соглашениями). Некоторые тувинские родители стали давать своим детям имена, заимствованные у русских переселенцев: *Мачыылай* 'Василий', *Мыккылай* 'Николай' и т. п.

¹ Сувандии Н. Д. Официальные и «вторые» имена этнических тувинцев Монголии // *Oriental Studies*. 2019. № 4. С. 661–668; Сувандии, Н. Д. Сложные личные имена, образованные именными частями речи в тувинском языке // *Мир науки, культуры, образования*. 2019. № 3. С. 404–406; Сувандии Н. Д. Сложные собственные имена у этнических тувинцев Монголии // *Вестник Тувинского государственного университета*. Выпуск 1. Социальные и гуманитарные науки. 2021. № 4 (84). С. 6–13.

В тувинском именнике появились такие имена, как: *Социал* ‘Социальный’, *Сеср-оол*, *Сесер-оол* ‘СССР’, *Колхознай* ‘Колхоз’, *Бригад* ‘Биргада’.

В казахской антропонимике наблюдалось еще одно явление — появление вторых русских имен, которые бытовали в повседневном общении, особенно с русскоязычными собеседниками, которым было неудобно произносить казахские имена. Если в паспорте было указано *Нағима*, то неофициальным русским именем становилось *Надя*, *Ғалия* — становилась *Галя*, *Сағындық* — *Саша* и др. В результате паспортизации появились окончания *-ов*, *-ев*, *-ова*, *-ева* (Жанұзақов, 1971 : 128).

В Туве долгое время преобладал моноязычный тувинский контекст, а с течением времени русский язык стал более активно внедряться в образовательную и официальную сферы. Тем самым начинает складываться тувинско-русское двуязычие тоже в условиях СССР (в который Тува вошла в состав в 1944 г.).

В работах тувинских ученых также зафиксированы изменения в антропонимической системе, связанные с паспортизацией. Н. Д. Сувандии в своей работе отметила, что фамилии и отчества у тувинцев появились со времен вхождения Тувы в состав России и с внедрением паспортизации. Почти все фамилии были названиями родоплеменных групп (Сувандии, 2015: 171). Ч. К. Ламажаа писала, что вопрос о введении фамилий и паспортизации у тувинцев в советское время до недавних пор оставался практически неисследованной страницей истории Тувы и появление у тувинцев фамилий стало новшеством в системе именовании (Ламажаа, 2021).

В постсоветское время государственная политика в рассматриваемых территориях стала различаться в связи с тем, что Тува осталась субъектом Российской Федерации, а Казахстан стал независимым государством. Тем не менее ситуация билингвизма и влияние русского языка на социокультурную среду остаются примерно схожими, несмотря на курс на укрепление казахского языка в Республике Казахстан.

В этих условиях, несмотря на активное взаимодействие языков с русским языком, то есть на двуязычную среду, в Казахстане и Туве сохраняются этнокультурно-специфические особенности имен и традиции именовании.

Общие семантические особенности

Семантика — это раздел семиотики и логики, исследующий отношение языковых выражений к обозначаемым объектам и выражаемому содержанию. То есть это смысл, информационное содержание языка или его отдельной единицы. Семантика имен двух тюркских языков имеет много общего.

В казахской и тувинской антропонимике часто используются имена, связанные:

— с природными объектами (например, река, гора, цветок), животными (например, лев, волк), например,

на казахском языке:

Гульнара от слова *гүл* ‘цветок’,

Арыстан от слова *арыстан* ‘лев’,

Айжан от слов *ай* ‘луна’, *жан* ‘душа’,

на тувинском языке:

Чечек от слова *чечек* ‘цветок’,

Арзылаң от *арзылаң* ‘лев’,

Айдың от *айдың* ‘Лунный’,

— имена-пожелания:

на казахском языке:

Ақылжан от слова *ақыл* ‘мудрый’,

Бейбіт от слова *бейбіт* ‘мирный’,

на тувинском языке:

Мерген от *мерген* ‘мудрый’,

Тайбың, Тайбың-оол от слов *тайбың* ‘мир’ и *оол* ‘мальчик’.

И причины этой общности — одна языковая семья и общность хозяйственной культуры кочевников с их близостью к природе.

Остановимся на именах в казахской и тувинской культуре, которые имеют лексические параллели. Сходства наблюдаются и на лексическом уровне, они проявляются в схожих или родственных корнях, различных элементах имен, зачастую опирающиеся на исторические и культурные контакты между народами.

В казахской и тувинской антропонимической системе немало личных имен, образованных от нарицательной лексики. О тувинских именах З. Б. Чадамба пишет: «... традиция образовывать личные имена от нарицательных сохранилась у тувинцев по сей день и является наиболее распространенным способом имя образования» (Чадамба, 1993: 9). Казахский ономаст Т. Жанузаков также отмечает, что «сущность имен собственных в языке составляют имена нарицательные. Поэтому можно определить их основной смысл» (Жанузаков, 1971: 215).

Основываясь на словарных данных Т. Жанузакова (Жанузаков, 1971: 215) и Н. Сувандии (Сувандии, 2011: 15–30), можно выделить следующие семантические группы антропонимов (см. таблицу 1), образованные от нарицательных имён, которые в тематическом и семантическом плане являются общими для казахских и тувинских.

Таблица 1. Семантические группы казахских и тувинских личных имен
Table 1. Semantic groups of Kazakh and Tuvan personal names

Семантические группы	Казахские имена	Тувинские имена
Имена, связанные с названиями, относящимися к флоре	Гүлжан от слов <i>гүл</i> и <i>жан</i> 'цветок + душа', Анар от <i>анар</i> 'гранат', Алма от <i>алма</i> 'яблоко', Қызғалдақ от <i>қызғалдақ</i> 'тюльпан'	Кызыл-Кат от <i>кызыл-кат</i> 'красная смородина', Шеңне от <i>шеңне</i> 'пион', Артыш от <i>артыш</i> 'можжевельник', Чойган, Чойгана, Чойганмаа от <i>чойган</i> 'пихта', Чечек от <i>чечек</i> 'цветок'
Имена, связанные с фауной	Арыстан от <i>арыстан</i> 'лев', Қасқырбай от <i>қасқыр</i> 'волк', Жолбарыс от <i>жолбарыс</i> 'тигр', Аюбай от <i>аю</i> 'медведь'	Анай, Анай-кыс, Анай-оол от <i>анай</i> 'козленок' и <i>кыс</i> 'девочка' и <i>оол</i> 'мальчик', Кодан-оол, Коданмай от <i>кодан</i> 'заяц' и <i>оол</i> 'мальчик', Адыг, Адыгбай, Адыг-оол от <i>адыг</i> 'медведь' и <i>оол</i> 'мальчик', Булана от <i>булан</i> 'лось'
Имена, связанные с минералами и драгоценными камнями	Болат от <i>болат</i> 'сталь', Темір от <i>темір</i> 'железо', Гаухар от <i>гаухар</i> 'бриллиант', Алтынай от <i>алтын</i> 'золото' и <i>ай</i> 'луна', Күмісай от <i>күміс</i> 'серебро' и <i>ай</i> 'луна', Маржан от <i>маржан</i> 'жемчуг, кораллы'	Алдын, Алдын-оол, Алдын-кыс от <i>алдын</i> 'золото, золотой', <i>оол</i> 'мальчик' и <i>кыс</i> 'девочка', Мөңгүн-оол, Мөңгүн-кыс от <i>мөңгүн</i> 'серебро, серебряный', <i>оол</i> 'мальчик' и <i>кыс</i> 'девочка'
Имена, связанные с природными явлениями	Шолпан от <i>шолпан</i> 'Венера', Жұлдыз от <i>жұлдыз</i> 'звезда', Дауылбай от <i>дауыл</i> 'буря', Таубай от <i>тау</i> 'гора', Теңізбай от <i>теңіз</i> 'море', Боранбай от <i>боран</i> 'метель'	Шолбан, Шолбана, Шолбанмаа от <i>шолбан</i> 'Венера', Аяс, Аясмаа от <i>аяс</i> 'ясный', Хүннээрэк от <i>хүннээрэк</i> 'солнечный', Сылдыс от <i>сылдыс</i> 'звезда', Челээш от <i>челээш</i> 'радуга'

<p>Имена, указывающие на внешность и характер ребенка</p>	<p>Жомарт от <i>жомарт</i> ‘щедрый’, Калдыбай от слов <i>қал</i> ‘родинка’ и <i>бай</i> ‘богатый’, Сарыбас от слов <i>сары</i> ‘желтый’ и <i>бас</i> ‘голова’, Карашаш от слов <i>қара</i> ‘черный’ и <i>шаи</i> ‘волосы’, Батыр от <i>батыр</i> ‘смелый, герой’, Каракөз от <i>қара</i> ‘черный’ и <i>көз</i> ‘глаза’</p>	<p>Сарыг, Сарыг-оол, Сарыг-кыс от слов <i>сарыг</i> ‘желтый’, <i>оол</i> ‘мальчик’ и <i>кыс</i> ‘девочка’, Кызыл-Уруг от <i>кызыл</i> ‘красный’ и <i>уруг</i> ‘девушка’, Меңниг-оол от <i>меңниг</i> ‘с родинкой’ и <i>оол</i> ‘мальчик’, Эрес, Эреспен, Эрес-кыс, Эрес-оол от <i>эрес</i> ‘храбрый, смелый’, <i>кыс</i> ‘девочка’ и <i>оол</i> ‘мальчик’</p>
<p>Имена, отражающие различные обстоятельства рождения</p>	<p>Мейрамгуль от <i>мейрам</i> ‘праздник’ и <i>гуль</i> ‘цветок’, Сапарбай от <i>сапар</i> ‘путешествие’ и <i>бай</i> ‘богатый’, Көшкенбай <i>көш</i> ‘переезд’ и <i>бай</i> ‘богатый’</p>	<p>Ужар-оол от <i>ужар</i> ‘летать, лететь’ и <i>оол</i> ‘мальчик’, Көшкен-оол от <i>көшкен</i> ‘перекочевал’ и <i>оол</i> ‘мальчик’, Дой-оол от <i>дой</i> ‘праздник, пиршество’ и <i>оол</i> ‘мальчик’</p>
<p>Имена, связанные с названиями рода деятельности</p>	<p>Малшыбек от <i>малшы</i> ‘скотовод’, Койшыбай от слов <i>койшы</i> ‘чабан’ и <i>бай</i> ‘богатый’, Түйеши от <i>түйеши</i> ‘верблюдовод’, Жылқыбай от слов <i>жылқы</i> ‘лошадь’ и <i>бай</i> ‘богатый’</p>	<p>Чылгычы от <i>чылгычы</i> ‘табунщик’, Малчын, Малчын-оол от <i>малчын</i> ‘чабан’ и <i>оол</i> ‘мальчик’, Саарбай, Саар-оол от <i>саар</i> ‘доить’ и <i>оол</i> ‘мальчик’, Аңчы, Аңчы-Кара, Аңчы-кыс от <i>аңчы</i> ‘охотник’, <i>кара</i> ‘черный’ и <i>кыс</i> ‘девочка’, Дайынчы от <i>дайынчы</i> ‘боец’</p>
<p>Имена, связанные с числами</p>	<p>Елубай от <i>елу</i> ‘пятьдесят’ и <i>бай</i> ‘богатый’, Алпысбай от <i>алпыс</i> ‘шестьдесят’ и <i>бай</i> ‘богатый’, Жетпісбай от <i>жетпіс</i> ‘семьдесят’ и <i>бай</i> ‘богатый’, Сексенбай от <i>сексен</i> ‘восемьдесят’ и <i>бай</i> ‘богатый’, Мыңбай от <i>мың</i> ‘тысяча’ и <i>бай</i> ‘богатый’, Сансызбай от <i>сансыз</i> ‘бесчис- ленный’ и <i>бай</i> ‘богатый’</p>	<p>Дөртөн-оол от <i>дөртөн</i> ‘сорок’ и <i>оол</i> ‘мальчик’, Бежендей, Бежен-оол от <i>бежен</i> ‘пятьдесят’ и <i>оол</i> ‘мальчик’, Чедээлей, Чедей, Чедендей от <i>чеди</i> ‘семь’, <i>чеден</i> ‘семьдесят’</p>
<p>Имена, связанные с топонимами</p>	<p>Алтай, Орал — названия гор, Еділ, Жайық, Дария, Ертіс, Есіл — названия рек, Жамбыл, Талғар — названия местностей</p>	<p>Алаш, Алаш-оол от названия реки <i>Алаш</i>, Хавак-оол от <i>хавак</i> ‘пригорок’ и <i>оол</i> ‘мальчик’, Кахема от названия реки <i>Каа-Хем</i></p>
<p>Имена, связанные с этнонимами</p>	<p>Керей, Суан, Албан, Сыбан, Қаңлы, Дулат, Алшын — этнонимы, Орысбай от слова <i>орыс</i> ‘русский’ и <i>бай</i> ‘богатый’, Қырғызбай от <i>қырғыз</i> ‘киргиз’ и <i>бай</i> ‘богатый’</p>	<p>Салчак, Салчак-оол от этнонима <i>салчак</i>, Монгуш, Монгуш-оол от этнонима <i>монгуш</i>, Саая от этнонима <i>саая</i>, Орус, Орустук, Оруспай от слова <i>орус</i> ‘русский’, Моңгул-оол от <i>монгул</i> ‘монгол’ и <i>оол</i> ‘мальчик’</p>

Имена, связанные с этнокультурно-бытовыми особенностями	Сүттүбай от <i>сүт</i> 'молоко' и <i>бай</i> 'богатый', Киізбай от <i>киіз</i> 'войлок' и <i>бай</i> 'богатый', Ошақбай от <i>ошақ</i> 'очаг' и <i>бай</i> 'богатый'	Согааш от <i>согааш</i> 'ступа', Тарак-оол от <i>тарак</i> 'простокваша' и <i>оол</i> 'мальчик', Быштак-оол от <i>быштак</i> 'сыр' и <i>оол</i> 'мальчик', Сапык-оол от <i>сапык</i> 'сапоги' и <i>оол</i> 'мальчик', Чадаган от <i>чадаган</i> (национальный струнный музыкальный инструмент)
Имена, связанные с названиями национальных украшений	Шолпы от <i>шолпы</i> 'украшение для кос', Моншақ от <i>моншақ</i> 'бусы', Сырғабай от <i>сырға</i> 'серьги' и <i>бай</i> 'богатый'	Билзек от <i>билзек</i> 'кольцо', Шуру от <i>шуру</i> 'бусы, бусины', Чинчи от <i>чинчи</i> 'бусы, бусины'
имена-пожелания, охранительные и защитные имена	Жаманбай от <i>жаман</i> 'плохой', Мыңжасар от <i>мың</i> 'тысяча' и <i>жасар</i> 'будет жить', Өмірзақ от слов <i>өмір</i> 'жизнь' и <i>ұзақ</i> 'долго', 'долгожитель'	Самдараа от <i>самдар</i> 'рваный, оборванный', Быттыгбай от <i>быттыг</i> 'вшивый', Багай-оол, Бак-кыс от <i>бак</i> , <i>багай</i> 'плохой'

Таблица демонстрирует, что в семантике антропонимов двух тюркских языков — казахского и тувинского — общими в первую очередь являются личные имена, связанные с природными объектами: флорой, фауной, природными явлениями, драгоценными камнями. В системе личных имен данных народов похожими отмечаются личные имена, связанные с этнокультурно-бытовыми особенностями кочевых народов. Встречаются и похожие имена, связанные с этнонимами, названиями рода деятельности, местами и обстоятельствами рождения именованных. Также семантическими общими признаками выступают имена, описывающие внешность и характер младенцев.

Особое место в именовании занимают имена-обереги в казахской и тувинской культурах. Оба народа, несмотря на разные религии (буддизм и ислам), всегда верили в магическую силу имен и давали охранительные и доброжелательные имена. При этом они могут непривлекательными, имеющие отрицательные значения с целью обмана злых духов, забирающих себе детей. Таким образом, мы выявили 13 общих семантических групп, свойственных казахской и тувинской антропонимической системе.

Общие морфологические способы образования

Морфология является разделом грамматики, изучающий формы слов и их внутреннее строение. В нашем исследовании мы разбираем структуру казахских и тувинских личных имен, а также выявляем общие черты их структуры.

Структурно-морфологические параллели проявляются и в морфологических особенностях имен, в связи с чем представляют собой общности для казахской и тувинской антропонимии. Суффиксы и префиксы, типичные для уменьшительно-ласкательных форм придают именам эмоционально окрашенное звучание, что часто встречается в тюркских языках.

Одним из распространенных в образовании личных имен являются уменьшительно-ласкательные аффиксы (антропоформанты), которые с древних времен по настоящее время активно употребляются в качестве имяобразовательных по модели *имя суц. + -пай/-май/-кай/-ак* (таб. 2).

Как подтверждают примеры из *таблицы 2*, в казахском и тувинском языках имеются немало личных имен с уменьшительно-ласкательными аффиксами, образованные по похожим моделям.

Функционируют в казахском и тувинском языках и личные имена, образованные при помощи словообразовательных и формообразовательных аффиксов (*таб. 3*).

Таблица 2. Антропоформанты в казахском и тувинском языках
Table 2. Anthropoformants in Kazakh and Tuvan languages

Аффиксы	Казахские производные имена	Тувинские производные имена
имя сущ. + -бай/ -май	Сапарбай от <i>сапар</i> 'путешествие' + -бай', Малдыбай от <i>малды</i> 'богатый, зажиточный' + -бай	Адыгбай от <i>адыг</i> 'медведь' + -бай, Хураганмай от <i>хураган</i> 'ягненок' + -май
имя прил. + -пай	Серікпай от <i>серік</i> 'товарищ' + -пай	Чарашпай от <i>чараш</i> 'красивый' + -пай,
имя сущ. + -қай (каз.) -кай/ -кей	Төлекей от <i>төле</i> 'уплачено' + -кей', Жұмақай от <i>жұма</i> 'пятница' + -қай	Мажаккай от <i>мажак</i> 'колос' + -кай, Кестиккей от <i>кестик</i> 'ножик' + -кей, Кежиккей от <i>кежик</i> 'дар, благо' + -кей, Ашаккай от <i>ашак</i> 'мужик' + -кай
имя сущ. + -ақ (каз.) -ак/-ек	Қожақ от <i>қожа</i> 'хозяин' + -қ	Сыынақ от <i>сыын</i> 'марал' + -ак, Койгунақ от <i>койгун</i> 'заяц' + -ак, Аңгырак от <i>аңгыр</i> 'турпан' + -ак
имя сущ. + -ай	Бабай от <i>баба</i> 'мудрец'	Шолбанай от <i>шолбан</i> 'венера' + -ай, Долбанай от <i>долбан</i> 'румянец' + -ай
имя сущ. + -тай, -тей (каз.) -дай, -дей	Айдай от <i>ай</i> 'луна' + -дай, Алмастай от <i>алмас</i> 'сталь' + -тай, Ақтай от <i>ақ</i> 'белый' + -тай	Чарындай от <i>чарын</i> 'лопатка' + -дай, Бежендей от <i>бежен</i> 'пятьдесят' + -дей

Таблица 3. Словообразовательные аффиксы в казахском и тувинском языках
Table 3. Word-formation affixes in Kazakh and Tuvan languages

Аффиксы	Казахские производные имена	Тувинские производные имена
имя сущ. + -шы/ -ші (каз.) -чы/ -чи/	Қойшы от <i>қой</i> 'баран' + -шы = 'пастух'	Аңчы 'охотник' от <i>аң</i> + -чы,
имя сущ. + -дық/ -тық (каз.) -тук	Сағындық от <i>сағын</i> 'скучать, ждать' + -дық	Оттук 'огниво' от <i>от</i> 'огонь' + -тук
глагол + -кші (каз.) -кчи/ -кчу	Тілекші от <i>тіле</i> 'желай, мечтай' + -кші	Тиилекчи 'победитель' от <i>тииле-</i> 'побеждай' + -кчи, Соңгукчу 'избиратель' от <i>соңгу</i> + -кчу
имя сущ. + -лық (каз.) -луг	Жақсылық от <i>жақсы</i> 'добрый' + -лық, Аталық от <i>ата</i> 'дед' + -лық	Олчалыг от <i>олча</i> 'находка' + -лыг= <i>олчалыг</i> 'с находкой'
глагол + -ар	Ертуар от <i>ер</i> 'богатырь' и <i>ту</i> 'родить' + -ар, Тұрар от <i>тұр</i> 'стоять' + -ар	Адар от <i>ат</i> 'стреляй' + -ар = <i>адар</i> 'стрелять'

Как свидетельствуют примеры из *таблицы 3*, в казахском и тувинском языках имеются некоторые общие словообразовательные и формообразовательные аффиксы в образовании личных имен.

В тюркских языках с разными грамматическими циклами наблюдаются общие структурные модели: например, двусложные формы имен, широко распространенные в казахской и тувинской культурах (*таб. 4*).

Таблица 4. Общие модели имен собственных казахского и тувинского языков
Table 4. Common models of proper names in Kazakh and Tuvan languages

Модели	Казахские сложные имена	Тувинские сложные имена
имя. сущ.+ имя сущ.	Ақылжан от <i>ақыл</i> 'разум' и <i>жан</i> 'душа', Айжан от <i>ай</i> 'луна' и <i>жан</i> 'душа', Гүлнұр от <i>гүл</i> 'цветок' и <i>нұр</i> 'сияние, луч', Теміржан от <i>темір</i> 'железо' и <i>жан</i> 'душа'	Ай-Чечек от слов <i>ай</i> 'луна' и <i>чечек</i> 'цветок', Ай-Туман от <i>ай</i> 'луна' и <i>туман</i> 'туман', Ай-Бес от <i>ай</i> 'луна' и <i>бес</i> 'кандык', Каң-Демир от <i>каң</i> 'сталь' и <i>демир</i> 'железо'
имя. сущ.+ имя прил.	Күнсұлу от <i>күн</i> 'солнце' и <i>сұлу</i> 'красивый', Нұрсұлу от <i>нұр</i> 'луч' и <i>сұлу</i> 'красивый'	Аңчы-Кара от <i>аңчы</i> 'охотник' и <i>кара</i> 'черный', Күске-Кара от <i>күске</i> 'мышь' и <i>кара</i> 'черный'
имя. прил.+ имя сущ.	Ақгүл от <i>ақ</i> 'белый' и <i>гүл</i> 'цветок', Сарыбас от <i>сары</i> 'рыжий' и <i>бас</i> 'голова', Қарагөз от <i>қара</i> 'черные' и <i>көз</i> 'глаза'	Ак-Сал <i>ак</i> 'белый' и <i>сал</i> 'борода', Ак-Лама от <i>ак</i> 'белый' а <i>лама</i> 'монах', Алдын-Мерген от <i>алдын</i> 'золото, золотой' и <i>мерген</i> 'меткий', Алдын-Белек от <i>алдын</i> 'золото, золотой' и <i>белек</i> 'подарок'
имя прил. + имя прил.	Ақсұлу от <i>ақ</i> 'белый' и <i>сұлу</i> 'красивый', Ақсары от <i>ақ</i> 'белый' и <i>сары</i> 'рыжий', Есенаман от <i>есен</i> 'благополучный' и <i>аман</i> 'здоровый'	Амыр-Эрес от <i>амыр</i> 'покой, спокой- ствие' и <i>эрес</i> 'храбрый, смелый', Шыырак-Кара от <i>шыырак</i> 'сильный, смелый' и <i>кара</i> 'черный', Дүктүг-Бора от <i>дүктүг</i> 'волосатый' и <i>бора</i> 'серый'
имя сущ. + глагол	Ұлтуған от <i>ұл</i> 'мальчик' и <i>ту</i> 'родить' = 'мальчика родила', Аманкелді от <i>аман</i> 'благополучный, благополучие' и <i>келді</i> 'пришел', Ертуар от <i>ер</i> 'богатырь' и <i>ту</i> 'родить'	Өшкү-Саар от <i>өшкү</i> 'коза' и <i>саар</i> 'доить', Өрген-Кагар от <i>өрген</i> 'кол' и <i>кагар</i> 'вбивать'

Таким образом, мы выявили 16 общих морфологических структур образования личных имен. По таблице 4 можно увидеть, что структурные особенности часто следуют культурному направлению: например, особенно в тюркской культуре, используется традиция сочетанных имен, состоящих из двух слов. Эти примеры свидетельствуют об общих корнях в антропо-культурном развитии, способах именования, имеющих древние национальные общие тюркские традиции.

Заключение

В результате сравнительного анализа казахских и тувинских личных имен в данной статье представлен анализ шестнадцати общих моделей образования производных и тринадцати семантических групп личных имен.

Среди выявленных лексико-семантических групп особо выделяются личные имена, образованные от названий домашних и диких животных, национально-бытовых принадлежностей, указывающих на особенности кочевого образа жизни и хозяйственной деятельности тувинского и казахского этносов. У казахов и тувинцев до настоящего времени сохранились древние обычаи наречения имён собственных.

Среди морфологических структур выявлены общие одиннадцать уменьшительно-ласкательных и словообразовательных аффиксов (антропоформантов), характерных для казахской и тувинской ан-

тропонимике, пять моделей образования сложных личных имен, шестнадцать общих моделей образования производных личных имен, названы причины общности этих особенностей.

Анализ изменений в культуре именования под влиянием русского языка показывает появление вариативности в именах собственных казахов и тувинцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова, Н. Ш. (2018) Исчезновение языков, естественный билингвизм и нелинейная динамика // Восьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 18–21 октября 2018 г. / отв. ред. А. К. Крылов, В. Д. Соловьев. М. : Изд-во «Институт психологии РАН». 1368 с. С. 35–37.

Арефьев, А. Л., Бахтикиреева, У. М., Синячкин, В. П. (2021) Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 1. С. 255–272. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Булгаков, С. Н. (1998) Философия имени. СПб. : Наука. 446 с.

Вайнштейн, С. И. (1969) Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев // Ономастика / отв. ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская. М. : Наука. 260 с. С. 125–132.

Джанузаков, Т. С. (1982) Очерк казахской ономастики / отв. ред. А. Т. Кайдаров. Алма-Ата : Ғылым. 175 с.

Жанұзақов, Т. С. (1971) Қазақ есімдерінің тарихы / отв. ред. І. К. Кеңесбаев. Алматы : Ғылым. 215 с.

Катанов, Н. Ф. (1903) Опыт исследования урянхайского языка с главнейшими родственными отношениями его к другим языкам тюркского корня. Казань : Типо-лит. Имп. Казан. ун-та. Т. 2. 488 с.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–21. DOI: <http://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Монгуш, Д. А. (1973) Сокращенная форма личных имен в тувинском языке // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл : ТНИИЯЛИ. Вып. XVI. 296 с. С. 146–155.

Никонов, В. А. (1970) Задачи и методы антропонимики // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем / отв. ред. В. А. Никонов. М. : Наука. 343 с. С. 38–56.

Никонов В. А. (1974) Личные имена у тюркоязычных народов // Имя и общество / отв. ред. В. А. Никонов. М. : Наука. 278 с. С. 85–130.

Сувандии, Н. Д. (2004) Тувинская антропонимия. Кызыл : Редакционно-издательский отдел Тувинского государственного университета. 207 с.

Сувандии, Н. Д. (2011) Тувинская антропонимия. Кызыл : Тувинский государственный университет. 207 с.

Сувандии, Н. Д. (2020) Способы образования простых личных имен тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 88–95. DOI: <http://doi.org/10.25178/nit.2020.1.7>

Сувандии, Н. Д., Кара-оол, Л. С. (2020) Словарь странствующей ономастики тувинского языка. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 112 с.

Сувандии, Н. Д., Кара-оол Л. С. (2021) В стране собственных имен. Кызыл : Редакционно-издательский отдел Тувинского государственного университета. 264 с.

Сувандии, Н. Д. (2014) Личные имена в повести К. Кудажи «Бы (Плач)» // Казанская наука. № 4. С. 259–263.

Сувандии, Н. Д. (2015) Становление фамилий и отчеств в тувинском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12. С. 171–173.

Суперанская, А. В. (1969) Структура имени собственного. М. : Наука. 207 с.

Чадамба, З. Б. (1993) Способы образования тувинских личных имен // Вопросы тувинского языкознания / отв. ред. Д. А. Монгуш, Б. И. Татаринцев. Кызыл : Новости Тувы. 128 с. С. 98–105.

Сулейменова, Э. Д., Шаймерденова, Н. Ж., Аканова, Д. Х. (2008) Языки народов Казахстана. Социоллингвистический справочник / отв. ред. Э. Д. Сулейменова. Астана : Арман ПВ. 304 с.

Дата поступления: 12.01.2025 г.

Дата принятия: 20.03.2025 г.

REFERENCES

- Aleksandrova, N. Sh. (2018) Language extinction, natural bilingualism, and nonlinear dynamics. In: *The Eighth International Conference on Cognitive Science: Abstracts of reports*. Svetlogorsk, October 18–21, 2018. Ed. by A. K. Krylov, and V. D. Solov'ev. Moscow, Institut psikhologii RAN. 1368 p. Pp. 35–37. (In Russ.)
- Aref'ev, A. L., Bakhtikireeva, U. M. and Sinyachkin, V. P. (2021) Bilingualism in language education in secondary schools of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no.1, pp. 255–272. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>
- Bulgakov, S. N. (1998) *The philosophy of the name*. St Petersburg, Nauka. 446 p. (In Russ.)
- Vainshtein, S. I. (1969) Personal names, kinship terms and nicknames among Tuvans. In: *Onomastics*. Ed. by V. A. Nikonov, and A. V. Superanskaya. Moscow, Nauka. 260 p. Pp. 125–132. (In Russ.)
- Dzhanuzakov, T. S. (1982) *An essay on Kazakh onomastics*. Ed. by A. T. Kaidarov. Alma-Ata, Gylym. 175 p. (In Russ.)
- Zhanūzakov, T. S. (1971) *History of Kazakh names*. Ed. by I. K. Kenesbaev. Almaty, Gylym. 215 p. (In Kaz.)
- Katanov, N. F. (1903) *The experience of studying the Uriankhai language with its main kinship to other languages of the Turkic root*. Kazan, Tipolitografiya Imperatorskogo Kazanskogo Universiteta. Vol. 2. 488 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2021) The main problems of the study of kinship and kinship groups of modern Tuvans: certification, terminology and maintenance of kinship. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.) DOI: <http://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>
- Mongush, D. A. (1973) The abbreviated form of personal names in the Tuvan language. In: *Uchenye zapiski TNIYALI*. Kyzyl, TNIYALI. Vol. XVI. 296 p. Pp. 146–155. (In Russ.)
- Nikonov, V. A. (1970) Tasks and methods of anthroponymy. In: *Personal names in the past, present and future*. Ed. by V. A. Nikonov. Moscow, Nauka. 343 p. Pp. 38–56. (In Russ.)
- Nikonov, V. A. (1974) Personal names of the Turkic-speaking peoples. In: *Name and society*. Ed. by V. A. Nikonov. Moscow, Nauka. 278 p. Pp. 85–130. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2004) *Tuvan anthroponymy*. Kyzyl, Editorial and Publishing Department of Tuvan State University. 207 p. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2011) *Tuvan anthroponymy*. Kyzyl, Tuvan State University. 207 p. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2020) Ways of forming simple personal names of Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 88–95. (In Russ.) DOI: <http://doi.org/10.25178/nit.2020.1.7>
- Suvandii, N. D. and Kara-ool, L. S. (2020) *Dictionary of itinerant Onomastics of the Tuvan language*. Kyzyl, TuvSU Publ. 112 p. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. and Kara-ool, L. S. (2021) *In the country of proper names*. Kyzyl, Editorial and Publishing Department of Tuvan State University. 264 p. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2014) Personal names in K. Kudazha's novella "Yy (Crying)". *Kazanskaya nauka*, no. 4, pp. 259–263. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2015) Formation of surnames and patronymics in the Tuvan language. *Filologicheskie nauki Voprosy teorii i praktiki*, no. 12, pp. 171–173. (In Russ.)
- Superanskaya, A. V. (1969) *The structure of a proper name*. Moscow, Nauka. 207 p. (In Russ.)
- Chadamba, Z. B. (1993) Ways of forming Tuvan personal names. In: *Issues of Tuvan linguistics*. Ed. by D. A. Mongush, and B. I. Tatarintsev. Kyzyl, Novosti Tuvy. 128 p. Pp. 98–105. (In Russ.)
- Suleimenova, E. D., Shaimerdenova, N. Zh. and Akanova, D. Kh. (2008) *Languages of the peoples of Kazakhstan. Sociolinguistic reference book*. Ed. by E. D. Suleimenova. Astana, Arman PV. 304 p. (In Russ.)

Submission date: 12.01.2025.

Acceptance date: 20.03.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.2.11

Статья

Когнитивные основы новых словоупотреблений в современных казахском, турецком и тувинском языках

Акмарал З.-Г. Бисенгали

Институт языкознания имени А. Байтурсынова, Республика Казахстан,

Шынарай Д. Буркитбаева

Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Республика Казахстан,

Жамал А. Манкеева, Сарсенбай К. Кулманов

Институт языкознания имени А. Байтурсынова, Республика Казахстан

В статье исследуются когнитивные основы новых словоупотреблений в современных казахском, турецком и тувинском языках. Основное внимание уделяется анализу влияния глобализации, культурных изменений и технологического прогресса на формирование новых лексических единиц и трансформацию значений существующих понятий. Исследование охватывает три аспекта: заимствование иностранных слов, их адаптацию и создание собственных эквивалентов для обозначения новых концептов.

Необходимые для исследования языковые материалы были собраны со страниц казахской, турецкой и тувинской периодической прессы с 2000 по 2025 гг.: газет «Егемен Қазақстан», «Ана тілі»; «Hürriyet», «Sabah» и «Шын».

Анализ примеров показал, что в казахском языке значительное влияние оказывает политика языковой модернизации, направленная на сохранение национальной идентичности через транслитерацию и морфологическую адаптацию заимствованных слов. Турецкий язык, напротив, стремится к калькированию и поиску оригинальных турецких эквивалентов, что отражает давнюю языковую политику, направленную на «очищение» языка от заимствований. Тувинский язык чаще характеризуется гибридными формами адаптации, где заимствования сочетаются с локальными культурными концептами, что позволяет сохранять культурные особенности региона в условиях глобализации.

Ключевые слова: словоупотребление; заимствование; концепт; казахский язык; турецкий язык; тувинский язык

Статья подготовлена в рамках грантового финансирования комитета науки МОН РК АР19679140 «Сравнительное изучение лингвокогнитивных основ и процессов терминологизации “тюркского мира” в казахском и турецком языках».

Для цитирования:

Бисенгали А. З.-Г., Буркитбаева Ш. Д., Манкеева Ж. А., Кулманов С. К. Когнитивные основы новых словоупотреблений в современных казахском, турецком и тувинском языках // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 200-215. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.11>

Бисенгали Акмарал Зинок-Габденкызы — доктор философии (PhD), старший научный сотрудник Терминологического центра Института языкознания имени А. Байтурсынова. Адрес: Республика Казахстан, г. Алма-Ата, 050047, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: sarestek@gmail.com

 Буркитбаева Шынарай Дубировна — доктор философии (PhD), старший преподаватель кафедры тюркологии и теории языка, факультета филологии Казахского национального университета имени Аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, г. Алма-Ата, 050040 пр. Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: burkitbaeva.1975@mail.ru

Манкеева Жамал Айткалиевна — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела лексикологии Института языкознания имени А. Байтурсынова. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050047 ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: mankeeva1950@mail.ru

Кулманов Сарсенбай Куантаевич — кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Терминологического центра Института языкознания имени А. Байтурсынова. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050047 ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: k.k.sarsen@mail.ru

Cognitive foundations of new lexical usages in modern Kazakh, Turkish and Tuvan languages

Akmaral Z.-G. Bissengali

A. Baitursynov Institute of Linguistics, Republic of Kazakhstan,

Shynaray D. Burkitbayeva

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan,

Zhamal A. Mankeyeva, Sarsenbay K. Kulmanov

A. Baitursynov Institute of Linguistics, Republic of Kazakhstan

The article explores the cognitive foundations of new lexical usages in contemporary Kazakh, Turkish, and Tuvan languages. The primary focus is on analyzing the influence of globalization, cultural change, and technological advancement on the formation of new lexical units and the transformation of meanings associated with existing concepts. The study addresses three key aspects: the borrowing of foreign words, their adaptation, and the creation of native equivalents to denote new concepts.

The linguistic material necessary for the research was collected from the pages of Kazakh, Turkish, and Tuvan periodical press from 2000 to 2025, including newspapers such as *Egemen Qazaqstan*, *Ana tili*, *Hürriyet*, *Sabah*, and *Shyn*.

The analysis of examples demonstrated that the Kazakh language is significantly influenced by a policy of language modernization aimed at preserving national identity through transliteration and morphological adaptation of borrowed words. In contrast, the Turkish language tends to favor calquing and the creation of original Turkish equivalents, reflecting a long-standing language policy directed toward the “purification” of the language from borrowings. The Tuvan language is more often characterized by hybrid forms of adaptation, where borrowings are integrated with local cultural concepts, thus enabling the preservation of regional cultural specificities in the context of globalization.

Keywords: lexical usage; borrowing; concept; Kazakh language; Turkish language; Tuvan language

Financing

The article was prepared as part of the grant financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan AP19679140 “Comparative study of linguistic and cognitive foundations and processes of terminologization of the “Turkic world” in Kazakh and Turkish languages”.

For citation:

Bissengali A. Z.-G., Burkitbayeva Sh. D., Mankeyeva Zh. A. and Kulmanov S. K. Cognitive foundations of new lexical usages in modern Kazakh, Turkish and Tuvan languages. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 200-215. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.11>

BISSENGALI, Akmaral Zinol-Gabdenkyzy, Doctor of Philosophy (PhD), Senior Researcher, Terminological Center, A. Baitursynov Institute of Linguistics. Postal address: 050047, 29, Kurmangazy St., Alma Ata, Republic of Kazakhstan. E-mail: sarestek@gmail.com

BURKITBAYEVA, Shynaray Dubirovna, Doctor of Philosophy (PhD), Senior Lecturer, Department of Turkology and Language Theory, Faculty of Philology, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 050040, 71 Al-Farabi Ave., Alma Ata, Republic of Kazakhstan. E-mail: burkitbaeva.1975@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8235-4213

MANKEYEVA, Zhamal Aitkaliyevna, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher, Department of Lexicology, A. Baitursynov Institute of Linguistics. Postal address: 050047, 29, Kurmangazy St., Alma Ata, Republic of Kazakhstan. E-mail: mankeeva1950@mail.ru

KULMANOV, Sarsenbay Kuantayevich, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Terminological Center, A. Baitursynov Institute of Linguistics. Postal address: 050047, 29, Kurmangazy St., Alma Ata, Republic of Kazakhstan. E-mail: k.k.sarsen@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8289-9299

Введение

В последние десятилетия тюркские языки, как и все языки мира, претерпевают значительные изменения под воздействием глобализации и технологического прогресса. Процессы заимствования терминов и адаптации новых слов к культурной и языковой среде становятся неотъемлемой частью развития языков.

В данной работе рассматриваются казахский, турецкий и тувинский — тюркские языки, которые, как и все, сталкиваются с новыми вызовами и адаптируются к современным условиям.

Казахский язык, как отмечает А. Фазылжанова и ее коллеги, находится под влиянием русского и английского языков, но в последние десятилетия наблюдается стремление к сохранению национальной идентичности через создание оригинальных терминов и возрождение исконной лексики (Fazylzhanova et al., 2017). Турецкий язык, согласно С. Экеру, прошел масштабную языковую реформу, в ходе которой арабские и персидские заимствования заменялись исконными тюркскими терминами, что способствовало укреплению национальной языковой системы (Eker, 2015). Тувинский язык длительное время находился под влиянием русского языка; в последние годы активизировались процессы языкового возрождения, направленные на восстановление и развитие национальной лексики, однако эти усилия осложняются наметившимся языковым сдвигом (Биткеева, Цыбенкова, 2022).

Ментальные процессы и механизмы, которые обуславливают создание и употребление новых слов или значений в языке, образуют когнитивные основы новых словоупотреблений. Это связано с тем, как человек воспринимает окружающий мир и обрабатывает информацию. Через когнитивные процессы, такие как категоризация, ассоциация, метафорическое мышление и аналогии, человек находит связь между новыми явлениями и уже существующими концептами в своем опыте. Эти процессы позволяют ему создавать и использовать новые слова, при этом опираясь на уже известные смысловые структуры (Жаркынбекова, 2005).

Таким образом, когнитивные основы новых словоупотреблений формируются в соответствии с тем, как люди воспринимают, обрабатывают и осмысливают окружающий мир, переводя новые явления и понятия в уже знакомые и понятные языковые формы. Настоящая статья направлена на анализ когнитивных основ новых словоупотреблений в казахском, турецком и тувинском языках, а также на выявление особенностей адаптации новых понятий и терминов.

Цель исследования — определить, как когнитивные и культурные аспекты влияют на восприятие и интерпретацию новых лексем в разных тюркских языках — казахском, турецком и тувинском. Когнитивные аспекты включают особенности мышления, концептуализации и категоризации информации, которые определяют, каким образом носители языка осмысливают новые термины. Культурные аспекты связаны с историческими традициями, национальной идентичностью и социальными ценностями, которые оказывают влияние на принятие или адаптацию заимствованных слов.

Актуальность данной работы обусловлена возрастающей потребностью в изучении процессов языковых изменений, происходящих под воздействием внешних факторов. Глобализация и цифровизация требуют от языка гибкости, готовности интегрировать новые понятия, сохраняя при этом культурную идентичность. Важно понять, как современные казахский, турецкий и тувинский языки справляются с этими вызовами, каким образом происходит заимствование, и какие когнитивные стратегии применяются для адаптации новых терминов.

Методологическая основа данного исследования базируется на когнитивно-лингвистическом и сравнительно-аналитическом подходах, позволяющих выявить процессы заимствования и адаптации новых слов в казахском, турецком и тувинском языках.

Задачи исследования: проанализировать новые слова и их функционирование в современных казахском, турецком и тувинском языках; сравнить стратегии создания новых терминов в изучаемых языках; исследовать лексические изменения на основе анализа текстов современных газет и периодики.

Применяемые методы: когнитивно-лингвистический анализ, направленный на изучение особенностей заимствования, функционирования и смысловой нагрузки новых слов в дискурсе; сравнительный анализ, позволяющий определить сходства и различия в механизмах адаптации заимствованных слов и влияния культурных факторов; контент-анализ газетных статей, позволяющий зафиксировать употребление новых лексических единиц и их семантические особенности.

Исследование основано на анализе новостных статей, опубликованных в казахских, турецких и тувинских СМИ с 2020 по 2025 гг. Основные источники включают материалы казахских газет, с которыми авторы работали на сайтах данных СМИ: «Егемен Қазақстан» (<https://egemen.kz>), «Ана тілі» (<https://anatili.kazgazeta.kz>); турецких газет: «Hürriyet» (<https://www.hurriyet.com.tr>), «Sabah» (<https://www.sabah.com.tr>); тувинской газеты «Шын» (<https://shyn.ru>).

Обзор литературы

К вопросам нового словообразования и его когнитивного аспекта обращались такие исследователи, как Н. М. Шанский (Шанский, 2007), А. А. Уфимцева (Уфимцева, 1962), В. А. Маслова¹, Т. В. Попова², Н. З. Котелова (Котелова, 1988), В. И. Заботкина (Заботкина, 1999), С. И. Тогоева (Тогоева, 2007), А. Вежбицкая (Вежбицкая, 1997), В. Н. Телия (Телия, 1986), Е. С. Кубрякова (Кубрякова, 2001) и др.

В обсуждение актуальных проблем, связанных с наименованием новых понятий в казахском языкознании и формированием когнитивных аспектов национальных слов, значительный вклад внесли такие исследователи, как: А. Кайдар (Кайдар, 1993), Р. Сыздык (Сыздык, 2009), О. Айтбаев (Айтбаев, 1997), А. Алдашева³, К. Кадыркулов⁴ и другие.

С 1990-х гг. казахстанские учёные начали исследовать язык с позиций лингвокогнитивного подхода, анализируя его связь с когнитивными процессами, концептуальной картиной мира и культурной спецификой. Среди них можно отметить: Г. Г. Гиздатова (Гиздатов, 1997), Э. Д. Сулейменова⁵, С. Акаева⁶, К. А. Жаманбаеву (Жаманбаева, 1998), К. Айдарбек (Айдарбек, 2010), Э. Оразалиеву⁷, С. Исакову⁸, Н. Аитову⁹ и др.

Проблемы формирования и регулирования терминологического фонда турецкого языка рассматривались в трудах как турецких, так и зарубежных исследователей, среди которых можно отметить Р. Данкоффа (Dankoff, 1995), З. Коркмаз (Korkmaz, 2002), Т. Текина (Tekin, 2018), Х. Зюльффикара (Zülfi-kar, 1991), А. Б. Эрджиласуна (Ercilasun, 2004), С. Экера (Eker, 2007), и др.

Начиная с 1990-х гг. исследования тувинского языка приобрели новое направление, ориентированное на его сохранение, развитие и адаптацию к современным социокультурным условиям. Особое внимание уделяется вопросам языкового планирования, когнитивной лингвистики, а также взаимодействию тувинского языка с русским и другими языками. Среди учёных, занимающихся исследованием тувинского языка, можно отметить: М. Б. Мартан-оол (Мартан-оол, 2014), Б. Ч. Ооржак (Ооржак, 2014), Т. Г. Боргоякову (Боргоякова, Гусейнова, 2017), А. Н. Биткееву (Боргоякова, Биткеева, 2020), Ч. С. Цыбену (Цыбену, 2017), и др. Их работы охватывают широкий спектр вопросов, включая морфологические и синтаксические особенности языка, процессы заимствования, когнитивную лингвистику и языковую политику.

Однако, несмотря на вышеуказанные исследования, остаются аспекты, требующие дальнейшего изучения. В частности, недостаточно изучены когнитивные механизмы адаптации заимствованных

¹ Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию: учебное пособие. М.: Наследие, 1997.

² Попова, Т. В. Русская неология и неография: учебное издание. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2005.

³ Алдашева А. Қазіргі қазақ әдеби тіліндегі жаңа қолданыстар: филол. ғыл. канд. дисс. автореф. [Новые словоупотребления в современном казахском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук.] Алматы, 1992.

⁴ Қадырқұлов Қ. Қазіргі қазақ тіліндегі жаңа қолданыстар: филол. ғыл. канд. дис. [Новые словоупотребления в современном казахском языке: дис. ... канд. филол. наук.] Алматы, 1995.

⁵ Сулейменова Э. Д., Шаймерденова Н. Ж., Смагулова Ж. С., Аканова Д. Х. Әлеуметтік лингвистика терминдерінің сөздігі [Словарь социолингвистических терминов]. Алматы: Арман-ПВ, 2008.

⁶ Ақаев С. Т. Терминнің тілдік және танымдық сипаты: филол. ғыл. канд. дис. автореф. [Лингвистический и познавательный характер термина: автореф. дис. ... канд. филол. наук.] Алматы, 2002.

⁷ Оразалиева Э. Н. Қазақ тіл біліміндегі когнитивтік парадигма: филол. ғыл. докт. дисс. автореф. [Когнитивная парадигма в казахском языкознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук.] Алматы, 2007.

⁸ Исақова С.С. Қазақ терминтанымның когнитивтік-прагматикалық аспектісі: филол. ғыл. докт. дис. автореф. [Когнитивно-прагматический аспект казахского терминоведения: автореф. дис. ... канд. филол. наук.] Алматы, 2008.

⁹ Аитова Н. Н. Қазақ тіліндегі түр-түс атауларының когнитивтік семантикасы: оқу құралы [Когнитивная семантика названий видов и цветов в казахском языке: учебное пособие.]. Ақтөбе: Қ. Жұбанов атындағы Ақтөбе мемлекеттік университеті, 2006.

слов и влияние современных медиа на языковое развитие языков. Настоящая работа направлена на устранение данного пробела путем анализа когнитивных стратегий заимствования родственных языков и их функционирования в современных дискурсивных практиках, что определяет новизну исследования.

Адаптация заимствованных слов

Каждый из языков адаптирует заимствования в соответствии с собственными когнитивными стратегиями.

Общие когнитивные стратегии заимствования в тюркских языках следующие.

Фонетическая адаптация. Заимствованные слова подвергаются изменению в соответствии с фонетической системой языка. Например, в большинстве тюркских языков нет звуков [f] и [v], поэтому заимствованные слова могут адаптироваться через замену на звуки [p] или [b] (например, русское слово *фабрика* → турецкий *fabrika*, но в некоторых тюркских языках возможны варианты с [p]).

Морфологическая адаптация. Заимствованные слова включаются в грамматическую систему тюркского языка, принимая аффиксы склонения и спряжения. Например, русское *институт* в казахском языке принимает аффиксы множественного числа и принадлежности: *институттар* ‘институты’, *институтым* ‘мой институт’. В тувинском языке эти же слова имеют схожее строение: *институттар*, *институдым*.

Калькирование. Перевод значимых частей слова или словосочетания. Например, в казахском языке слово «самолет» передается как *ұшақ* (ұшу — ‘лететь’), а слово «телевидение» как *теледидар* (букв. ‘видеть на расстоянии’). В тувинском языке — самолет — *ужар-хеме*; также он передается прямым заимствованием «самолет». В турецком языке самолет — *uçak*.

Лексическая адаптация через словообразование. В ряде случаев для передачи нового понятия создается слово на основе исконных корней и словообразовательных моделей. Например, в тюркских языках для слова «компьютер» используются как заимствование *komputer*, так и исконные варианты: *есептеуіш* — в казахском, *bilgisayar* — в турецком. В тувинском языке слово «компьютер» пока сохраняется.

Особенное в стратегиях заимствований.

Казахский язык, несмотря на сильное влияние других языков (в основном это русский и английский), демонстрирует способность к обновлению, создавая оригинальные термины, которые отражают культурную и когнитивную специфику народа.

Например слово *тұсаукесер* заменившее слово «презентация»:

Астанадағы Ұлттық академиялық кітапханада «Ресей мемлекеттік думасы және Қазақстан» кітабының (авторы Өмірзақ Озғанбаев) тұсаукесері өтті¹

‘В Национальной академической библиотеке Астаны состоялась презентация книги “Государственная дума России и Казахстан” (автор Умирзак Озғанбаев)’.

Слово *тұсаукесер*, заменившее заимствованное «презентация», является примером оригинального подхода к созданию терминов на основе традиций, культуры и когнитивного восприятия языка (Манкеева, 2014). Это слово состоит из двух слов: 1) *тұсау* ‘путы, связывание’, традиционно обозначающее веревку, которой связывают ноги ребенка перед обрядом, и 2) *кесер* ‘разрезание’. Слово буквально означает ‘разрезание пут’. Так называется обряд, ритуал с пожеланием, чтобы ребенок быстро пошел после того, как встанет на ноги².

¹ «Ресей мемлекеттік думасы және Қазақстан» кітабының тұсаукесері өтті [Электронный ресурс] // Егемен Қазақстан. URL: <https://egemen.kz/article/358178-resey-memlekettik-dumasy-dgane-qazaqstan-kitabynynh-tusaukeseri-otti>. (дата обращения: 05.11.2024).

² Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Он бес томдық. 14-том / Құраст. : М. Малбақов, Қ.Есенова, Б. Хинаят және т.б. Алматы, 2011.

Термин эффективно переносит традиционное значение обряда на современный контекст, где презентация также является своего рода «первым шагом» в демонстрации нового проекта, идеи или продукта¹.

Слово *тінтуір*, заменившее слово ‘мышка’. Пример:

Ал енді, жазушы “Ұры” деген әңгімесінде бір мекеменің қатардағы қызметкерінің жұмыс орнынан компьютердің тышқан-мышка-тінтуірін ұрлағанын тілге тиек етті².

‘И вот в рассказе “Вор” писатель упоминает, как рядовой сотрудник учреждения украл с его рабочего места компьютерную мышшь/мышку’.

В «Казахском словаре» этот термин определяется следующим образом: «небольшое компьютерное устройство, перемещающее курсор по экрану, удерживая его и управляя им рукой»³.

Слово происходит от казахского глагола *тінту* ‘искать, обыскивать’. Это отражает основную функцию компьютерной мыши — поиск и перемещение в виртуальном пространстве. Таким образом, термин описывает не внешние признаки устройства (например, форму), а его действие. Как видим, в отличие от русского слова «мышка», ассоциирующего устройство с животным, казахское слово передаёт функцию через понятие, близкое к менталитету и лексике казахского языка.

Слово *тінтуір* — пример успешной лингвокогнитивной адаптации, когда новый термин создаётся на основе функциональных ассоциаций и соответствует языковым и культурным нормам. Это позволяет сохранить самобытность казахского языка, сделать термин понятным для носителей и укрепить независимость лексики от заимствований. «Если мы хотим усилить национальный характер терминов компьютерной техники, а не просто копировать их, нам следует ввести названия, рационально отражающие содержание таких понятий, как “мышшь”» (Кенес, Курманбайұлы, 2023).

Слово *шолғыш* вместо ‘браузер’:

Narakeet — мәтінді дауыстан оқуға арналған онлайн бағдарлама, оны кез келген веб-шолғыштан пайдалануға болады⁴.

‘Narakeet — это онлайн-приложение для чтения текста вслух, которым можно пользоваться из любого веб-браузера’.

Корень «шол» имеет широкое применение в языке: *шолу* ‘обзор’, *шолып шығу* ‘обойти, осмотреть’.

В 15-томном «Словаре казахского литературного языка» этот термин определяется следующим образом: 1. наблюдать что-либо на расстоянии, наблюдать; 2. просмотреть; 3. визуализировать, размышлять о чём-либо или событии⁵. Это способствует быстрому принятию нового слова, так как оно основано на привычной когнитивной модели. Слово вызывает ассоциации с действием исследования, что соответствует процессу серфинга в интернете. Слово *шолғыш* не требует дополнительного объяснения. Пользователь легко понимает, что речь идёт о средстве для «обзора» или «осмотра». Таким образом, новое словоупотребление *шолғыш* успешно заменило ‘браузер’ благодаря своей морфологической правильности, семантической ясности и когнитивной доступности для носителей казахского языка. Оно интуитивно понятно, соответствует казахским языковым традициям и поддерживает стремление к национальной языковой идентичности.

Турецкий язык активно формирует собственные термины, минимизируя влияние заимствований. Этот процесс имеет глубокие исторические корни и продолжается в современных условиях, сталкиваясь с вызовами глобализации и доминирования международных языков, таких как английский.

Идея создания оригинальных терминов берет свое начало в период языковой реформы (*Dil devrimi*), инициированной Мустафой Кемалем Ататюрком в 1928 г. Одной из главных целей реформы было

¹ Там же.

² Заманауи тақырыпты таңдай білген. [Электронный ресурс] // Ана тілі. URL: <https://anatili.kazgazeta.kz/news/60498> (дата обращения: 05.11.2024).

³ Қазақ сөздігі (Қазақ тілінің біртұмдық үлкен түсіндірме сөздігі) / Құраст.: Н. Уәли, Ш. Құрманбайұлы, М. Малбақов, Р. Шойбеков және т.б. Алматы: «Дәуір» баспасы, 2013.

⁴ Жасанды интеллектімен қазақша сөйлескіңіз келсе... [Электронный ресурс] // Ана тілі. URL: <https://anatili.kazgazeta.kz/news/62073> (дата обращения 01.11.2024).

⁵ Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Он бес томдық. 15-том / Құраст.: А. Жаңабекова, Т. Жанұзақ, Б. Әбілқасымов және т. б. Алматы, 2011.

устранение арабских и персидских заимствований, которые доминировали в Османском языке. В рамках реформы было создано Турецкое лингвистическое общество (*Türk Dil Kurumu*), которое активно занимается модернизацией языка, упрощением грамматики и созданием новых слов на основе тюркских корней (Lewis, 1999).

Например, вместо «computer» используется *bilgisayar*:

Operasyonlar sonucu çok sayıda bilgisayar, telefon, taşınabilir bellek ve banka/kredi kartı ele geçirildi¹.

‘В результате операций было изъято большое количество компьютеров, телефонов, портативной памяти и дебетовых / кредитных карт’.

Вначале слово *bilgisayar* вошло в турецкий язык в виде «komputer» (ориг. *computer*) что означает ‘вычислитель’, ‘обработчик информации’. В 1970-е гг. инженер, лингвист, профессор Айдын Коксал придумал новое название, состоящее из двух слов *bilgi* ‘информация’ и *saymak* ‘подсчет’. Таким образом, номинативное значение этих двух исконно тюркских слов, мотивированность которых всем знакома, позволило создать один из наиболее удачных терминов, который прочно закрепился в лексиконе современного турецкого языка (Köksal, 2010).

К сожалению, в казахском и тувинском языках этот весьма актуальный и популярный термин используется в его оригинальной форме без адаптации. Этот факт можно рассматривать как значительное достижение турецких терминоведов, свидетельствующее об их успешной работе по внедрению и популяризации термина на международной арене.

Вместо «принтер» — *yazıcı*:

Kimlikleri renkli yazıcı kullanarak yaptığını, yanında taşıdığı mermileri şarjörde ağırlık olsun diye taşıdığını herhangi bir olayda kullanmadığını iddia etti².

‘Он утверждал, что изготовил удостоверения личности с помощью цветного принтера, носил с собой патроны для утяжеления в магазине и ни при каких обстоятельствах не использовал их’.

Это слово произошло от слова *yaz* ‘пиши’ и суффикса *-ıcı*, который указывает на инструмент или субъект действия. Использование термина *yazıcı* в технической сфере упрощает понимание технологии для рядового носителя языка. Слово «принтер» может казаться сложным и отстраненным, так как оно требует знания английского языка. Например, носитель языка сразу связывает *yazıcı* с процессом записи информации, что точно отражает функцию принтера. Это укрепляет связь между языком и когнитивным восприятием технологий.

Вместо «селфи» — *özçekim*:

İstanbul Haliç Metro Köprüsü üzerinde 25 yaşındaki Nalan Kaya, cep telefonuyla özçekim (selfie) yaptığı esnada metrelerce yükseklikten denize düştü³.

‘25-летняя Налан Кая упала в море с высоты нескольких метров, когда делала селфи на свой мобильный телефон стоя на мосту станции метро Халич’.

Это слово состоит из двух слов *öz* ‘себя, собственный’ и *çekim* ‘съемка, запись’. Слово буквально переводится как ‘съемка себя’ или ‘самосъемка’. Как видим это слово когнитивно точно передает сущность действия, обозначаемого английским словом «selfie».

Строгая политика очищения турецкого языка играет важную роль в сохранении его уникальности и независимости. Хотя в современном мире язык сталкивается с вызовами глобализации, политика очищения остается важным инструментом для защиты национального культурного наследия и укрепления идентичности. Опыт Турции может служить примером для других тюркских языков, стремящихся сохранить свою самобытность.

¹ 4 ilde nitelikli dolandırıcılık ve yasa dışı bahis operasyonları: 46 şüpheli yakalandı! [Электронный ресурс] // Sabah. URL: <https://www.sabah.com.tr/yasam/4-ilde-nitelikli-dolandiricilik-ve-yasa-disi-bahis-operasyonlari-46-supheli-yakalandi-7190010> (дата обращения 01.11.2024).

² Sahte MİT ve polis kimliğiyle yakalanan şüpheli tutuklandı. [Электронный ресурс] // Sabah. URL: <https://www.sabah.com.tr/yasam/sahte-mit-ve-polis-kimligiyle-yakalanan-supheli-tutuklandi-o-kimlikleri-renkli-yaziciyla-uretmiş-7124775> (дата обращения 01.11.2024).

³ Haliç Metro Köprüsü'nde selfie korkunç sonla bitti! Denize düştü ardından tekne çarptı. [Электронный ресурс] // Hürriyet. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/halic-metro-koprusu-selfie-korkunc-sonla-bitti-denize-dustu-ardindan-tekne-carpti-42493053> (дата обращения 01.11.2024).

В тувинском языке часто заимствования из русского языка остаются в оригинальной форме или незначительно модифицируются. Многие актуальные новые слова, например такие как «интернет», «конституция», «конкурс» все еще используются в их русской форме, что отражает историческую связь с русским языком. Но все же в последнее время наблюдается стремление заменить иноязычные заимствования исконно тувинскими словами, в основном через калькирование или словообразование.

Вместо «кредит» — *чээли*:

Бо хүнде хамаатыларның чээлини ап турары көвей болуп турары чээлиде өрелериниң чүгле көвейи-биле эвес база оларны үезинде төлеп шыдавазы-биле илереттиниң турар¹.

‘Сегодня рост числа граждан, берущих кредиты, обусловлен не только большим количеством задолженностей по кредиту, но и невозможностью их своевременно погасить’.

Тувинское слово *чээли*, заменившее заимствованное слово «кредит», представляет собой пример адаптации понятия-заимствования в рамках культурной и когнитивной традиции тувинского языка. *Чээли* в тувинском языке означает ‘долг’ или ‘обязательство’. Таким образом, оно семантически связано с понятием кредита, который предполагает получение финансовых средств с обязательством их возврата. Кроме того оно легко вписывается в морфологическую систему тувинского языка, изменяясь по падежам и числам, что делает его удобным в использовании.

Как видим, тувинское слово описывает основную идею кредита — временную передачу ресурсов с последующим возвратом, что делает термин прозрачным и интуитивно понятным для носителей языка. В то же время оно избегает ассоциаций с иностранной системой понятий.

Вместо «скидка» — *чиигелде*:

Оон аңгыда чоннуң каддының байдалын экижидериниң бир аргазы спортка хандыкшып турарларга база үндүрүглерден чиигелделер ап болур арга тургустунган².

‘Кроме того, одним из способов улучшения здоровья населения является предоставление налоговых льгот любителям спорта’.

Тувинское слово *чиигелде*, заменившее заимствованное слово ‘скидка’, представляет интересный пример лингвокогнитивной адаптации экономического термина. В тувинском языке слово *чиигилде* обозначает: 1) облегчение; 2) снижение; скидка, льгота³. Суффикс *-илде* придаёт слову действие или процессуальный характер.

Таким образом, *чиигелде* буквально означает ‘уменьшение’ или ‘облегчение’, что точно отражает суть понятия ‘скидка’ — снижение цены. В родном языке слово *чиигелде* мотивировано и прозрачно: снижение цены связано с идеей уменьшения. Это облегчает понимание концепта без необходимости заучивания чужеродного термина.

Вместо «выборы» — *соңгулда*;

А соңгулдаларга хамаарыштыр алып чүве болза, бүрүткел эгелей бээри билек-ле, документилерни кишер мен деп, СЭТА-га берген интервьюзунга Ховалыг чугаалаан⁴.

‘Что касается выборов, то он подаст документы, как только начнется регистрация, сказал Ховалыг в интервью SETA’.

В словаре Тенишева слову *соңгулда* дается следующее определение: избрание; выборы||избирательный; выборный⁵. В тувинском языке и культуре слово *соңгулда* может ассоциироваться с ответственностью, итоговым решением, а также социальным процессом, который объединяет коллектив.

¹ Чээлини база кредитти чээп алыкчының үезинде төлевеэни дээш харыысалга. [Электронный ресурс] // Шын. URL: <https://shyn.ru/novosti/cheelini-baza-kreditte-cheep-alykchynyn-uezinde-toleveeni-deesh-kharyysalga> (дата обращения 03.11.2024).

² Саян Ондар: “Спортка хандыкшыл дээш чиигелделер бар” [Электронный ресурс] // Шын. URL: <https://shyn.ru/medeeler/sayan-ondar-sportka-handykshyl-deesh-chiigeldeler-bar> (дата обращения 03.11.2024).

³ Тувинско-русский словарь: около 22000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. С. 533.

⁴ Владислав Ховалыг Тываның Чазак Даргазының соңгулдаларына киржир күзелин илереткен [Электронный ресурс] // Шын. URL: <https://shyn.ru/novosti/vladislav-khovalyg-tyvanyn-chazak-dargazynyn-songuldalaryna-kirzhir-kuzelin-ileretken> (дата обращения 03.11.2024).

⁵ Тувинско-русский словарь ... С. 382.

Корень *-соң-* указывает на идею завершения или конечного результата, что связано с выбором как финальным этапом в процессе обсуждений, размышлений или голосования. Суффикс *-гул* усиливает динамическое восприятие, подчёркивая, что выборы — это не просто результат, а процесс, требующий вовлечённости.

Таким образом, слово *соңгулда* успешно заменило слово «выборы» благодаря его морфологической правильности, когнитивной близости к национальной картине мира, культурной релевантности и политике языкового возрождения. Оно воспринимается носителями языка как органичная часть их лексикона, что делает его более предпочтительным и удобным в использовании.

Таким образом, у тюркских языков есть общие когнитивные стратегии адаптации заимствований, но их реализация зависит от уровня языковой политики, культурной идентичности и когнитивных стратегий носителей. В то время как казахский и турецкий языки демонстрируют активное формирование национальных терминов, тувинский язык лишь начинает процесс интеграции собственных лексических ресурсов. Опыт турецкого языка показывает, что последовательная терминологическая политика может значительно уменьшить зависимость от заимствований, тогда как казахский язык успешно комбинирует традиционные и современные подходы. В целом, языковая адаптация в тюркских языках — это сложный, но важный процесс, который влияет на сохранение национальной идентичности и развитие языковой системы.

Стратегии создания новых терминов

Каждый язык создаёт новые термины на основе культурных и когнитивных ассоциаций, которые легко воспринимаются носителями языка.

Казахский язык использует метафоры и ассоциации с природой, что отражает традиционные культурные представления. Турецкий язык создаёт термины, которые передают универсальные понятия, оставаясь при этом понятными для других культур. В тувинском языке новые слова основываются на культурных символах и понятиях, отражающих привязанность к природе и традиционным ценностям.

Таблица 1. Кросс-лингвистическое сопоставление терминов в казахском, турецком и тувинском языках
Table 1. Cross-linguistic comparison of terms in Kazakh, Turkish and Tuvan languages

на русском	на казахском	на турецком	на тувинском
база данных	дерекқор	veritaban	баазазы
искусственный интеллект	жасанды зерде	yapay zeka	кылымал угааны
зеленый коридор	жасыл дәліз	yeşil koridor	ногаан коридор
администрация	басқарма	yönetim kurulu	башкарылга
общежитие	жатақхана	yurt	ништи чуртталга бажыңы
саммит	басқосу	zirve	ужуражылга
ученик	оқушы	öğrenci	өөреникчи
пространство	кеңістік	uzam	делгем
торговая палата	сауда палатасы	ticaret odası	садыг-саарылга палатазы
торговля	сауда	ticaret	садыглажылга
свидетель	куә	tanık	херечи

водитель	жүргізуші	sürücü	чолаачы
направление	бағыт	istikamet	угланыышкын
пресс-секретарь	баспасөз хатшысы	sözcü	парлалга секретары
здоровый образ жизни	салауатты өмір салты	sağlıklı yaşam tarzı	кадык амыдыралды чорудары
выборы	сайлау	seçim	сонгулдалар
лидер	көшбасшы	önder	баштыңчы
уровень	деңгей	seviye	деңнел
заместитель	орынбасар	yardımcı	оралакчы
дворец	сарай	saray	орду
доход	табыс	gelir	орулга
скидка	жеңилдік	indirim	чиигелде
целевая аудитория	мақсатты аудитория	hedef kitle	сорулгалыг аудитория
петиция	арыз-тілек	dilekçe	дилег бижиг
исполнительный комитет	атқару комитеті	icra komitesi	күүсекчи комитет
советник	кеңесші	danışman	чөвүлекчи
колл-центр	байланыс орталығы	iletişim merkezi	харылзаа-төвү
финансы	қаржы	finans	саң-хөө
кредит	несие	kredi	чээли
холодильник	тоңазытқыш	buzdolabı	соодукчу
торговый центр	сауда орталығы	alışveriş merkezi	садыг төвү
основа	негіз	temel	таваа
проект	жоба	proje	төлөвилел
сотрудник	қызметкер	görevli	ажылдакчы

В таблице жирным шрифтом выделены слова, эквиваленты которых на сегодняшний момент в данном языке не обнаружены. Как можно заметить, в будущем лингвистам предстоит значительная работа по разработке языковых эквивалентов на родном языке.

Для проведения анализа рассмотрим некоторые термины, представленные в таблице.

Это термины: *дерекқор* (казахский), *veritaban* (турецкий) и *баазасы* (тувинский). Данные термины являются эквивалентами термина 'база данных' и активно используются в современной лексике каждого языка. Здесь важно рассмотреть их когнитивные особенности в контексте лексической и культурной специфики каждого языка. Мы сосредоточимся на том, как эти термины отражают концептуальные структуры, культурные и языковые особенности, а также процессы заимствования и адаптации.

1. Казахский термин: *дерекқор* ‘база данных’.

Например:

*ҮЕҰ Дерекқорында болу ұйымдарға ҮЕҰ-ның табысты жобаларымен танысуға, тәжірибе алмасуға, ынтымақтастық пен серіктестік орнатуға мүмкіндік береді*¹.

‘Присутствие в базе данных НПО позволяет организациям знакомиться с успешными проектами НПО, обмениваться опытом, налаживать сотрудничество и партнерство’.

Лексический состав: *дерек* ‘данные’ + *қор* ‘хранилище, система’. Согласно «Казахскому словарю»: «Дерекқор — упорядоченный набор данных (информации) для длительного хранения, обработки и повседневного использования»².

Когнитивная структура: казахский термин явно выражает представление о месте хранения данных или системы данных. Использование слова *қор* ‘система, хранилище’ связано с концептом хранения, который является важным в казахской культуре, особенно в контексте традиционного хранения информации в физическом пространстве (например, архивах, библиотеках). Это может отражать более физическое восприятие хранения данных. Согласно «Словарю казахского языка»: *қор* — 1. средства, собранные для определенной цели; 2. в изобилии накопленное сокровище, богатство; 3. накопленный запас чего-либо³.

Культурная специфика: использование слова *қор* ‘система, хранилище’ может иметь корни в традиционном понимании сохранения и систематизации знаний, что акцентирует внимание на надежности и долговечности.

2. Турецкий термин: *veritabanı*. Лексический состав: *veri* ‘данные’ + *taban* ‘основа, база’.

Например:

*SETA'nın PKK Terörünün Analizi kitabıyla tanıttığı Türkiye Terör Olayları Veritabanı artık interaktif websitesinde*⁴.

‘База данных террористических инцидентов в Турции, представленная SETA в книге “Анализ терроризма РПК”, теперь размещена на интерактивном веб-сайте’.

Когнитивная структура: в турецком термине *veritabanı* более заметен абстрактный подход, с использованием слова *taban* (основа), что указывает на структурный и фундаментальный аспект данных. Это подчеркивает представление данных как основы, на которой строятся другие элементы информационной системы.

Создание новых терминов на основе лексем, обозначающих части тела (соматизмов), является одним из наиболее продуктивных и естественных способов словообразования в тюркских языках. Этот процесс опирается на метафорический и метонимический перенос значений, что способствует семантической прозрачности и легкости восприятия новых терминов носителями языка.

В данном случае слово *taban* также переводится как ‘подошва’. В основе данного феномена лежит концепция когнитивной лингвистики, согласно которой человеческое тело служит одной из ключевых когнитивных моделей для осмысления окружающей действительности (Lakoff, Johnson, 1980). Части тела часто используются для обозначения абстрактных понятий, пространственных характеристик и социальных категорий. Данный феномен в свое время детально исследовал выдающийся казахский тюрколог К. Жұбанов, отмечая его значимость в развитии и эволюции тюркских языков (Жубанов, 1966).

Культурная специфика: турецкий термин, скорее всего, отражает влияние западных (особенно англоязычных) концепций, где данные рассматриваются как фундаментальная база для дальнейших

¹ ҮЕҰ Дерекқорына мәліметтер тапсыру жүріп жатыр. [Электронный ресурс] // Егемен Қазақстан. URL: <https://egemen.kz/article/302719-ueu-derekqoryna-malimetter-tapsyru-dgurip-dgatyur>. (дата обращения 17.11.2024).

² Қазақ сөздігі (Қазақ тілінің біртұмдық үлкен түсіндірме сөздігі) / Құраст.: Н.Уәли, Ш.Құрманбайұлы, М.Малбақов, Р.Шойбеков және т.б. Алматы: «Дәуір» баспасы, 2013.

³ Қазақ тілінің сөздігі / Жалпы ред. басқарған: Т. Жанұзақов. Алматы: Дайк-пресс, 1999.

⁴ SETA'nın PKK Terörünün Analizi kitabıyla tanıttığı Türkiye Terör Olayları Veritabanı artık interaktif websitesinde [Электронный ресурс] // Sabah. URL: <https://www.sabah.com.tr/gundem/2020/01/30/setanin-pkk-terorunun-analizi-kitabıyla-tanittigi-turkiye-teror-olaylari-veritabanı-artık-interaktif-websitesinde> (дата обращения 15.11.2024).

операций и решений. Это также связано с понятием «основы», что может быть воспринято как создание фундамента для различных процессов, в том числе цифровых.

3. Тувинский термин: *баазазы*.

Например:

Медиатеканың медээлер баазазы хоойлу езугаар ооң ээзиниң, күүседикчилерниң, үезиниң, чериниң, бижидилгениң авторларының дугайында информацияларлыг¹.

“База данных медиатеки содержит информацию о владельце, исполнителях, времени, месте, авторах записи”.

Термин *баазазы* передает как общее понимание базы как хранилища, в том числе и определенных данных. При этом падежная форма слова с окончанием *-азы* требует указания на сумму какого-то явления, о хранилище чего идет речь. В указанном случае упоминается *медиатеканың медээлер* ‘сообщений медиатеки’ + *баазазы* ‘хранилище’.

То есть тувинский термин использует слово *баазазы*, которое происходит от латинского слова *basis*, что означает ‘основа’. Однако в данном случае термин имеет более локальную и культурно специфическую форму, отражая влияние тувинского языка и восприятие данных как «места», но, возможно, с акцентом на традиционное значение хранения.

Культурная специфика: в тувинском языке можно заметить сильную связь с традициями хранения данных в форме, которая близка к природным понятиям (например, в тувинской культуре часто используется образ баз и хранения в природных условиях). Это также может указывать на определенную степень локализации, где термин не только заимствуется, но и адаптируется в контексте местной специфики.

Все три термина (*дерекқор*, *veritaban* и *баазазы*) обозначают схожую концептуальную категорию — базу данных, место хранения информации. Однако, в их когнитивных структурах заложены различные акценты:

- казахский термин акцентирует внимание на хранении как таковом, акцентируя физический аспект;
- турецкий термин склоняется к абстрактному понятию «основы», что отражает более универсальный подход;
- тувинский термин придает внимание локальному восприятию «базы», что может быть связано с традициями хранения и восприятием информации в тувинской культуре.

Когнитивные стратегии адаптации:

- казахский язык использует концепты, которые связаны с конкретными реальными объектами (хранилище, система), что помогает сохранить культурные и когнитивные ассоциации с физическим миром;
- турецкий язык ориентируется на абстракцию и универсализацию, что соответствует глобализационным тенденциям в языковой политике и информационных технологиях;
- тувинский язык заимствует термин, но оставляет его в относительно неизменной форме, что может указывать на значительную зависимость от русского языка в плане технологических терминов и при этом сохранение культурной адаптации.

Как мы видим, казахский акцентирует физическую составляющую, турецкий ориентируется на абстракцию и универсальность, а тувинский язык активно заимствует с минимальной адаптацией, оставляя свою специфику в рамках культурного контекста.

¹ Хөгжүмнүг аас чогаалының медиатекасын таныштырган [Электронный ресурс] // Шын. 2023, декабрь 9. URL: <https://shyn.ru/medeeler/h-gzh-mn-g-aas-chogaalyny-mediatekazyn-tanyshytyrgan/> (дата обращения 15.11.2024).

Заключение

Таким образом, результаты исследования показали, что когнитивные стратегии адаптации новых слов варьируются в зависимости от культурного и исторического контекста. Важно отметить, что в тюркских языках адаптация новых терминов также связана с потребностью сохранять уникальные культурные черты, что проявляется в лексическом составе (Манкеева, 2014).

Исследование когнитивных основ новых словоупотреблений в казахском, турецком и тувинском языках позволило выявить, что каждый из этих языков адаптирует новые термины с учетом своей уникальной культурной, исторической и социальной специфики. На примере данных языков было показано, как глобализация, технологический прогресс и языковая политика, являясь экстралингвистическими факторами, влияют на когнитивные и лингвистические процессы в языке.

Казахский, турецкий и тувинский языки демонстрируют значительные различия в подходе к заимствованию и адаптации новых слов. Турецкий язык стремится к оригинальности, избегая заимствований и создавая собственные термины, что обусловлено националистическим настроением в языковой политике (Бисенгали, 2022). В казахском языке, напротив, заимствования из русского и английского языков более распространены, но национальная языковая политика всё больше акцентирует внимание на создании казахских эквивалентов. Тувинский язык показывает меньшую степень сопротивления заимствованиям, в значительной степени полагаясь на русскую лексику.

Процессы адаптации и создания новых терминов в исследуемых языках имеют свои особенности. В казахском языке наблюдается стремление к сохранению культурных ассоциаций, часто связанных с природой и традициями. Турецкий язык выбирает абстрактные и нейтральные концепты, способствующие интернационализации и универсальности терминов. Тувинский язык, ориентируясь на ближайший культурный и языковой контекст, чаще заимствует термины из русского, оставляя их в относительно неизменной форме или с минимальной адаптацией.

Под влиянием глобализации казахский, турецкий и тувинский языки стремятся соответствовать международным стандартам, но делают это разными способами. Турецкий язык сохраняет лингвистическую независимость, тогда как казахский и тувинский более открыты к заимствованиям из русского и английского. При этом казахский язык, в отличие от тувинского, стремится поддерживать баланс между заимствованиями и оригинальными терминами, демонстрируя приверженность к сохранению национальной идентичности.

Исследуемые языки иллюстрируют значимость когнитивных процессов в поддержании культурной идентичности через язык. Турецкий и казахский языки стремятся адаптировать новые понятия таким образом, чтобы сохранить уникальные культурные черты и традиции, в то время как тувинский язык, несмотря на сильное влияние русского, продолжает демонстрировать собственные когнитивные особенности при адаптации новых слов.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на более глубокое изучение когнитивных основ новообразований в других тюркских языках, которые находятся под влиянием глобальных и региональных факторов.

Вклад авторов:

Бисенгали А. З.-Г. — автор статьи, корреспондирующий автор;

Буркитбаева Ш. Д. — сбор и анализ материалов на турецком языке;

Манкеева Ж. А. — исследование когнитивных основ лексических новообразований в тюркских языках;

Кулманов С. К. — сбор и анализ материалов на казахском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айдарбек, К. Ж. (2010) Қазақ терминологиялық аталымының ономасиологиялық негіздері [Ономасиологияческие основы казахской терминологической номинации]. Алматы : Мемлекеттік тілді дамыту институты. 384 б. (На каз. яз.)

Айтбаев, Ө. (1997) Қазақ сөзі [Казахское слово]. Алматы : Рауан. 240 б. (На каз. яз.)

Бисенгали, А. З. (2022) Қазақ және түрік тілдеріндегі терминдену үдерістері (лингвомәдени және лингвокогнитивтік салыстырмалы талдау) [Процессы терминологизации в казахском и турецком языках (лингвокультурный и лингвокогнитивный сравнительный анализ)]. Алматы : Қазақ баспасы. 164 б. (На каз. яз.)

Биткеева, А. Н., Цыбенкова, Ч. С. (2022) Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Боргоякова, Т. Г., Гусейнова, А. В. (2017) Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. Абакан : Хакасский гос. унив. им. Н. Ф. Катанова. 136 с.

Боргоякова, Т. Г., Биткеева, А. Н. (2020) Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. № 1. С. 50–61. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>

Вежбицкая, А. (1997) Язык, культура, познание. М. : Русские словари. 416 с.

Гиздатов, Г. Г. (1997) Когнитивные модели в речевой деятельности. Алматы : Ғылым. 178 с.

Жаманбаева, Қ. Ә. (1998) Тіл қолданысының когнитивтік негіздері: эмоция, символ, тілдік сана [Когнитивные основы употребления языка: эмоция, символ, языковое сознание]. Алматы : Ғылым. 140 б.

Жаркынбекова, Ш. К. (2005) Сопоставительная лингвоконцептология как новое перспективное направление в современной лингвистике // Жизнь языка и язык в жизни : сб. статей, посвящ. юбилею Э. Д. Сулейменовой / под общ. ред. Н.Ж. Шаймерденовой. Алматы : Қазақ университеті. 478 с. С. 27-38.

Жубанов, К. (1966) Қазақ тілі жөніндегі зерттеулер [Исследования по казахскому языку]. Алматы : Ғылым. 362 с.

Заботкина, В. И. (1999) Когнитивно-прагматический подход к неологии // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований : сборник научных трудов / отв. ред. В. И. Заботкина. КГУ : Калининград. 95 с. С. 3–9.

Кенес, Б. Е., Курманбайұлы, Ш. (2023) Использование терминов информационных технологий (IT) в казахском языке // Tiltanym. № 1(89). С. 169-181. DOI: <https://doi.org/10.55491/2411-6076-2023-1-169-181>

Котелова, Н. З. (1988) Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов. М. : Энциклопедия. 275 с.

Кубрякова, Е. С. (2001) О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 4–10.

Қайдар, Ә. (1993) Қазақ терминологиясына жаңаша көзқарас [Новый взгляд на казахскую терминологию]. Алматы : Рауан. 43 б. (На каз. яз.)

Манкеева, Ж. А. (2014) Қазақ тіл білімінің мәселелері [Проблемы казахского языкознания]. Алматы : Абзал-Ай. 640 с. (На каз. яз.).

Мартан-оол, М. Б. (2014) Вопросы тувинского языка: диалектология, лексикография и социолингвистика : избранные научные труды. Абакан : Журналист. 276 с.

Ооржак, Б. Ч. (2014) Временная система тувинского языка. М. : Языки славянских культур. 184 с.

Сыздық, Р. (2009) Қазақ тіліндегі ескіліктер мен жаңалықтар [Старое и новое в казахском языке]. Алматы : Арыс. 272 б. (На каз. яз.).

Телия, В. Н. (1986) Когнитивный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука. 143 с.

Тогоева, С. И. (2007) Современная лексикография и новые единицы номинации. М. : Академия. 147 с.

Уфимцева, А. А. (1962) Опыт изучения лексики как системы. М. : АН СССР. 288 с.

Цыбенкова, Ч. С. (2017) Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социолингвистический аспект. Иркутск : Оттиск. 170 с.

Шанский, Н. М. (2007) Лексикология современного русского языка. М. : ЛКИ. 304 с.

Dankoff, R. (1995) Armenian Loanwords in Turkish. Wiesbaden : Harrassowitz. 217 p.

Eker, S. (2007) Türk Dil Bilimi Bakımından Tarihi Askeri Terminoloji. Modern Dönemde Rütbe ve Birlik Adları. Ankara : Grafiker Yayınları. 255 s.

Eker, S. (2015) Çağdaş Türk Dili. 9. Baskı. Ankara : Grafiker Yayınları. 544 s.

Ercilasun, A. (2004) Tarihi Akışı İçinde ve Cumhuriyet Döneminde Türk Dili // BAL-TAM Türklük Dergisi. Prizren. Sayı: 1 (17). S. 11–23.

Fazylzhanova, A., Kuderinova, K., Khabiyeva, A., Yali, N., Utebaeva, E. (2017) Kazakh linguistics: Problems, tendencies and prospects of the development // Astra Salvensis. Review of history and culture, year V, No. 10. Pp. 251-260.

Korkmaz, Z. (2002) Kitle iletişim araçlarında Türkçe // Türkçenin dünü, bugünü, yarını. Uluslararası bilgi şöleni. Bildiriler. Ankara, 7-8 Ocak, 2002/ Hazırlayan: H. Akbulut, Ş.H. Akalın, A. O. Güzel, T. Acar, H. Baraner. Ankara: Kültür Bakanlığı. 396 s. S. 45–59.

Köksal, A. (2010) Adı Bilgisayar Olsun. İstanbul : Cumhuriyet Kitapları. 504 s.

Lakoff, G., Johnson, M. (1980) *Metaphors We Live By*. Chicago ; London : The University of Chicago Press. 242 p.

Lewis, G. L. (1999) *The Turkish Language Reform: A Catastrophic Success*. New York : Oxford University Press. 190 p.

Tekin, T. (2018) *Türk Dilleri: Giriş*. Ankara : Bilgesu Yayıncılık. 224 s.

Zülfikar, H. (1991) *Terim Sorunları ve Terim Yapma Yolları*. Ankara : TDK Yayınları. 256 s.

Дата поступления: 12.01.2025 г.

Дата принятия: 01.04.2025 г.

REFERENCES

Aidarbek, Q. Zh. (2010) *Onomasiological foundations of Kazakh terminological nomination*. Almaty, Institute for the Development of the State Language. 384 p. (In Kazakh)

Aitbayev, O. (1997) *The Kazakh word*. Almaty, Rauan. 240 p. (In Kazakh)

Bissengali, A.Z. (2022) *Processes of terminologization in Kazakh and Turkish languages (linguocultural and linguocognitive comparative analysis)*. Almaty: Kazakh Publishing. 164 p. (In Kazakh)

Bitkeeva, A. N. and Tsybenova, Ch. S. (2022) Chronicle of language shift in the Tuvan language in the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–27. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Borgoyakova, T. G. and Guseinova, A. V. (2017) *Status and functioning of Turkic languages of Southern Siberia*. Abakan, Katanov Khakass State University. 136 p. (In Russ.)

Borgoyakova, T. G. and Bitkeeva, A. N. (2020) Tuvan language in legal and functional dimension. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 50–61. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>

Wierzbicka, A. (1997) *Language, culture, cognition*. Moscow, Russkie Slovari. 416 p. (In Russ.)

Gizdatov, G. G. (1997) *Cognitive models in speech activity*. Almaty, Gylym. 178 p. (In Russ.)

Zhamanbaeva, Q.A. (1998) *Cognitive foundations of language use: emotion, symbol, linguistic consciousness*. Almaty, Gylym. 140 p. (In Kazakh)

Zharkynbekova, Sh. K. (2005) Comparative linguoconceptology as a new promising direction in modern linguistics. In: Shaimerdenova, N. Zh. (ed.) *The life of language and language in life: Collection of articles dedicated to the jubilee of E. D. Suleimenova*. Almaty, Kazakh University. 478 p. Pp. 27–38. (In Russ.)

Zhubanov, K. (1966) *Research on the Kazakh language*. Almaty: Gylym. 362 p. (In Kazakh.)

Zabotkina, V. I. (1999) Cognitive-pragmatic approach to neology. In: *Cognitive-pragmatic aspects of linguistic research*. Ed. by V. I. Zabotkina. Kaliningrad, Kaliningrad State University. 95 p. Pp. 3–9. (In Russ.)

Kenes, B. E. and Kurmanbaiuly, Sh. (2023) The use of information technology (IT) terms in the Kazakh language. *Tiltanym*, no. 1(89), pp. 169–181. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.55491/2411-6076-2023-1-169-181>

Kotelova, N. Z. (1988) *Theoretical aspects of lexicographic description of neologisms*. Moscow, Encyclopedia. 275 p. (In Russ.)

Kubryakova, E. S. (2001) On cognitive linguistics and semantics of the term 'cognitive'. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhdokulturnaya kommunikatsiya*, no. 1, pp. 4–10. (In Russ.)

Qaidar, A. (1993) *A new perspective on Kazakh terminology*. Almaty, Rauan. 43 p. (In Kazakh)

Mankeyeva, Zh. A. (2014) *Problems of Kazakh linguistics*. Almaty, Abzal-Ai. 640 p. (In Kazakh.)

Martan-ool, M. B. (2014) *Issues of the Tuvan language: dialectology, lexicography and sociolinguistics. Selected scientific works*. Abakan, Journalist. 276 p. (In Russ.)

Oorzhak, B. Ch. (2014) *Temporal system of the Tuvan language*. Moscow, Languages of Slavic Cultures. 184 p. (In Russ.)

Syzdyk, R. (2009) *Old and new in the Kazakh language*. Almaty, Arys. 272 p. (In Kazakh.)

Teliya, V. N. (1986) *Cognitive aspect of the semantics of nominative units*. Moscow, Nauka. 143 p. (In Russ.)

Togoeva, S. I. (2007) *Modern lexicography and new units of nomination*. Moscow, Akademiya. 147 p. (In Russ.)

- Ufimtseva, A. A. (1962) *Study of vocabulary as a system*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR. 288 p. (In Russ.)
- Tsybenova, Ch. S. (2017) *Modern language situation in the Republic of Tuva: sociolinguistic aspect*. Irkutsk, Ottisk. 170 p. (In Russ.)
- Shansky, N. M. (2007) *Lexicology of the modern Russian language*. Moscow, LKI. 304 p. (In Russ.)
- Dankoff, R. (1995) *Armenian Loanwords in Turkish*. Wiesbaden, Harrassowitz. 217 p.
- Eker, S. (2007) *Historical Military Terminology from the Point of View of Turkish Linguistics. Rank and Union Names in the Modern Period*. Ankara, Grafiker Yayınları. 255 p. (In Turkish)
- Eker, S. (2015) *Modern Turkish Language. 9. Pressing*. Ankara, Grafiker Yayınları. 544 p. (In Turkish)
- Ercilasun, A. (2004) The Turkish Language in its Historical Flow and during the Republican Period. *BAL-TAM Türklük Dergisi. Prizren. Sayı: 1 (17)*, pp. 11–23. (In Turkish)
- Fazylzhanova, A., Kuderinova, K., Khabiyeva, A., Yali, N., Utebaeva, E. (2017) Kazakh linguistics: Problems, tendencies and prospects of development. *Astra Salvensis. Review of history and culture*, no. 10, pp. 251–260.
- Korkmaz, Z. (2002) Turkish in mass media. In: *Yesterday, today, tomorrow of Turkish*. International information festival. Papers. Ankara, January 7–8, 2002 / Prepared by: H. Akbulut, S. H. Akalin, A. O. Good, T. Acar, H. Baraner. Ankara, Kültür Bakanlığı. 396 p. Pp. 45–59. (In Turkish)
- Köksal, A. (2010) *Let His Name Be a Computer*. İstanbul, Cumhuriyet Kitapları. 504 p. (In Turkish)
- Lakoff, G. and Johnson, M. (1980) *Metaphors We Live By*. Chicago; London, The University of Chicago Press. 242 p.
- Lewis, G. L. (1999) *The Turkish Language Reform: A Catastrophic Success*. New York, Oxford University Press. 190 p.
- Tekin, T. (2018) *Turkish Languages: Introduction*. Ankara, Bilgesu Yayıncılık. 224 p. (In Turkish)
- Zülfikar, H. (1991) *Term Problems and Ways of Making Terms*. Ankara, TDK Yayınları. 256 p. (In Turkish)

Submission date: 12.01.2025.

Acceptance date: 01.04.2025.

Элементы геопоэтики в казахстанской и тувинской литературе

Раушан А. Маткеримова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан,

Альмира К. Калиева

Институт литературы и искусства имени М. О. Ауэзова, Республика Казахстан

В статье анализируются образы художественного пространства (различные элементы геопоэтики) в казахстанской и тувинской литературе XX–XXI вв. Источниками выступили литературные произведения казахстанских писателей: Г. Бельгера, Б. Канапьянова, Н. Черновой; тувинских авторов М. Монгуша, Ч. Куулара.

Казахстанские и тувинские писатели используют образы пространства для воссоздания особенностей мировосприятия народов, их понимания степи, гор, солнца и других природных объектов. Важнейшим элементом геопоэтики во всех рассмотренных произведениях казахстанских и тувинских авторов выступает степь как место проживания кочевников.

Отмечаются и отличия. В эссе Б. Канапьянова и Н. Черновой образы геопоэтики имеют более выраженный субъективный характер, чем в рассказах Г. Бельгера, М. Монгуша, Ч. Куулара. Г. Бельгер в описаниях ограничен пространством аула и его окрестностей. Геопоэтика рассказа М. Монгуша характеризуется масштабным характером, так как действие произведения происходит в самых разных местах (Тuve и Монголии). Разные подходы к изображению геопоэтики объясняются различными художественными задачами писателей.

Ключевые слова: геопоэтика; художественное пространство; степь; понимание пространства; тувинская литература; казахстанская литература; тюркская мифология

Статья опубликована при поддержке целевой программы BR21882298 «Литературоведение и искусствоведение Казахстана в контексте концептуальной эволюции мирового гуманитарного знания».

Для цитирования:

Маткеримова Р. А., Калиева А. К. Элементы геопоэтики в казахстанской и тувинской литературе // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 216–230. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.12>

Маткеримова Раушан Азхарбековна — докторант кафедры русской филологии и мировой литературы филологического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Казахстан, 050040, г. Алматы, пр-т Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: raushan_2003@mail.ru

Калиева Альмира Кайыртаевна — кандидат филологических наук, заместитель директора Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова. Адрес: Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: almira_kalieva.8@mail.ru

MATKERIMOVA, Raushan Azharbekovna, Doctoral Student, Department of Russian Philology and World Literature, Faculty of Philology, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71 Al-Farabi Ave., Almaty, Kazakhstan, 050040. E-mail: raushan_2003@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6491-2151

KALIYEVA, Almira Kayirtaevna, Candidate of Philology, Deputy Director, M. O. Auezov Institute of Literature and Art. Postal address: 29 Kurmangazy St., Almaty, Kazakhstan, 050010. E-mail: almira_kalieva.8@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2645-0918

DIALOGUE OF CULTURES

Article

Elements of geopolitics in Kazakh and Tuvan literature

Raushan A. Matkerimova*Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan,***Almira K. Kaliyeva***M. O. Auezov Institute of Literature and Art, Republic of Kazakhstan*

The article analyzes representations of artistic space (various elements of geopoetics) in Kazakhstani and Tuvan literature of the 20th – 21st centuries. The sources include literary works by Kazakhstani authors G. Belger, B. Kanapyanov, and N. Chernova, as well as Tuvan authors M. Mongush and Ch. Kuular.

Kazakhstani and Tuvan writers employ spatial imagery to recreate the unique worldview of their peoples, including their perception of the steppe, mountains, sun, and other natural elements. In all the analyzed works by Kazakhstani and Tuvan authors, the steppe – serving as the dwelling place of nomads—emerges as the most significant element of geopoetics.

Differences are also noted. In the essays by B. Kanapyanov and N. Chernova, geopoetic imagery exhibits a more pronounced subjective character compared to the stories by G. Belger, M. Mongush, and Ch. Kuular. G. Belger's descriptions are confined to the space of the aul and its surroundings. The geopoetics in M. Mongush's story is marked by a broad spatial scope, as the events unfold across various locations (Tuva and Mongolia). These different approaches to the depiction of geopoetics are explained by the diverse artistic objectives pursued by the authors.

Keywords: *geopoetics; artistic space; steppe; perception of space; Tuvan literature; Kazakhstani literature; Turkic mythology*

Financing

The article was published with the support of the target program BR21882298 "Literary and art criticism of Kazakhstan in the context of the conceptual evolution of world humanitarian knowledge".

For citation:

Matkerimova R. A. and Kaliyeva A. K. Elements of geopolitics in Kazakh and Tuvan literature. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 216-230. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.12>

Введение

Художественное пространство в литературных произведениях часто носит эмоциональное освещение, имеет богатые эстетические, смысловые и мировоззренческие контексты. Термин «геопоэтика» является относительно новым. «Слово “геопоэтика” вошло в оборот с середины 1990-х годов во многом благодаря поэту Игорю Сиду» (Абашев, 2012: 18). В современном литературоведении активно используется этот термин. В. В. Абашев характеризует понятие художественной геопоэтики следующим образом: если «понятие текста фиксирует прежде всего структуру творчески преобразованного пространства, то геопоэтика обращает нас к его образно-символической фактуре» (там же: 15). Для филологов геопоэтика, это «специфический раздел поэтики, имеющий своим предметом как образы географического пространства в индивидуальном творчестве, так и локальные тексты (или сверткесты), формирующиеся в национальной культуре как результат освоения отдельных мест, регионов географического пространства и концептуализации их образов» (там же).

Художественная литература вслед за традиционной культурой символизирует образы родной природы. В. В. Абашев утверждает: «геопоэтика — это и есть та исторически сложившаяся в дискурсивных практиках (и не в последнюю очередь благодаря литературе) символическая форма, в которой мы застаем объемлющую нас географию» (там же: 19).

Народы, постигая окружающую природную среду, обогащают свое мировидение, поэтому «гео-поэтические образы играют колоссальную роль в национальном самосознании» (там же: 23). Например, для тюркских народов значимы такие элементы пространства, как степь, солнце, небо, горы, растительный мир и др. Художественная литература транслирует и обогащает смыслы, закрепленные мифом в различных элементах пространства. Как пишут С. С. Имихелова с соавторами, авторы бурятских и тувинских романов передают сакральный характер родной местности, ее природным объектам по мере отражения в них культа гор, рек, деревьев и связанных с ними обрядов (Имихелова, Монгуш, Синячкин, 2024: 80).

Таким образом, геопоэтика является результатом отношения писателей к воссозданным в литературном произведении элементам художественного пространства. Геопоэтика изображается на основе определенных культурных, мировоззренческих и литературно-эстетических установок.

Писатели Казахстана и Тувы, двух регионов распространения тюркоязычной культуры, используют образы геопоэтики для решения различных литературно-эстетических задач. В их произведениях обнаруживаются точки соприкосновения, исторически обусловленное сходство сюжетов и образов. Тема схождения казахстанской и тувинской литератур, определенной общностью происхождения языка, культуры, пока мало обсуждалась в литературоведении.

Цель статьи заключается в сопоставительном исследовании различных элементов геопоэтики в произведениях казахстанской и тувинской литературы для выявления схождения и различия их тем и поэтик.

Для раскрытия темы статьи необходимо решить конкретные задачи — проанализировать отдельные элементы геопоэтики, встречающиеся в текстах обеих литератур: 1) степь; 2) солнце; 4) горы; 5) небо, звезды, ветер, деревья.

Объект исследования — рассказы и эссе казахстанских и тувинских писателей. Предметом исследования послужили элементы геопоэтики (степь, солнце, горы, небо, звезды, ветер, дерево) произведений казахстанской и тувинской литературы.

Материалами исследования выступили произведения казахстанских писателей XX–XXI вв.: Герольда Бельгера¹, Бахытжана Канапьянова², Надежды Черновой³, тувинских авторов: Мадона Монгуша⁴, Черлиг-оола Куулар⁵.

Г. Бельгер создавал свои произведения на казахском, немецком и русском языках. Рассказ Г. Бельгера «Абильмажин» был написан на русском языке. Произведения Б. Канапьянова созданы на рус-

¹ Герольд Карлович Бельгер (1934–2015) — известный казахстанский писатель, переводчик, публицист, литературовед. Создавал произведения различных жанров на казахском, немецком и русском языках. Автор многочисленных романов, повестей, рассказов. Тема депортации поволжских немцев в Казахстан, судьбы немецких переселенцев, их взаимоотношения с казахским народом — одна из основных в его творчестве. Лауреат президентской премии мира и духовного согласия (1992).

² Бахытжан Мусаханович Канапьянов (1951 г. р.) — казахстанский поэт, писатель, переводчик, сценарист, кинорежиссёр. Автор книг «Аист над Припятью: стихи и проза» (1987), «Кочевая звезда: стихи и поэмы» (1991) и др. Лауреат Государственной премии Республики Казахстан в области литературы и искусства (2020). Член Союза писателей Казахстана, член казахского и русского ПЕН-клубов (ПЕН-клуб от англ. PEN International — международная правозащитная неправительственная организация, объединяющая профессиональных писателей, поэтов и журналистов, работающих в различных литературных жанрах).

³ Надежда Михайловна Чернова (1947 г. р.) — казахстанская поэтесса. Окончила факультет журналистики Казахского государственного университета им. С. М. Кирова. Автор более двадцати книг стихов и прозы. Лауреат международной литературной премии «Алаш». Награждена орденом «Курмет». Член Союза писателей Казахстана.

⁴ Мадон Балдыжыкович Монгуш (1938–2014) — поэт, прозаик, переводчик, заслуженный работник Республики Тыва, член Союза журналистов России и Союза писателей Республики Тыва. Рассказам присущи точность воссоздания быта, природы, жизни народа. Автор книг: «Мөңгө назын: шүлүктөр» (Вечный возраст: стихи, 1986), «Мадонна: шүлүктөр» (Мадонна: стихи, 1996), «Элезинниг ховуга өлүм: тоолдар, чечен чугаалар, очулгалар» (Смерть в песчаной степи: рассказы, переводы, 2014) и др.

⁵ Черлиг-оол Чашкынмаевич Куулар (1940 г. р.) — поэт, прозаик, переводчик, фольклорист, критик, народный писатель Республики Тыва (2008). Автор книг: «Мой конь: стихи» (1975), «Время: стихи, поэма» (1978), «Камешки в воде: стихи, баллады, поэмы» (1983), «Утренние зори: стихи, поэма» (1988), «Ночь с вьюгой: стихи, поэмы, сонеты» (2000), «Мелодия: повесть» (1990) и др.

ском языке, в том числе его эссе «Два портрета. Иноходец судьбы». Язык творчества Н. Черновой — русский. М. Монгуш написал на тувинском языке рассказ «Смерть в песчаной степи»; мы рассматриваем в статье текст этого рассказа в переводе на русский язык. Рассказ Ч. Куулара «Мое имя» опубликован в журнале «Улуг-Хем» на русском языке, без пометки, что это переводное произведение.

Использованы методы и приемы мифопоэтики, историко-литературного и сравнительного подходов к анализу произведения. Для формирования широких представлений о геопоэтике осуществлен анализ произведений тувинских писателей в формате сравнения с казахстанской прозой.

Источниковая база: рассказы Г. Бельгера «Абильмажин»¹, М. Монгуша «Смерть в песчаной степи»², Ч. Куулара «Мое имя»³, эссе Б. Канапьянова «Два портрета. Иноходец судьбы»⁴, эссе Н. Черновой «Казачий круг»⁵. Все перечисленные произведения написаны на русском языке, кроме созданного на тувинском языке рассказа М. Монгуша «Смерть в песчаной степи» (перевод Г. Принцевой).

Теоретико-методологическая основа

Методологическая основа нашей статьи — исследования, посвященные семиотике географического пространства в литературе (Лотман, 1992: 9–21; Топоров, 1995: 259–367; Шукин, 2021); концепция моделирования географических образов (Замятин, 2006), труды по анализу художественной геопоэтики (Абашев, 2012) и др.

В художественной литературе образы геопоэтики представлены в виде значимых для определенной культуры локусов. «Так, в русской культуре есть геопоэтические образы- тексты Петербурга и Москвы, Крыма, Кавказа, Сибири, Урала, Поморья и т. п.» (Абашев, 2012: 18–19).

Геопоэтика отражает особенности мест обитания народов, что определяет своеобразие и содержание их мировосприятия. Так, в одном из новейших исследований О. В. Просяникова и ее коллеги приходят к выводу: «Англосаксонские племена, обосновавшиеся на острове, географически связаны с морем и, соответственно, в их картине мира важное место занимают море и его освоение...» (Просяникова, Скорик, Гребнев, 2023: 99). Затем они констатируют: «Для народов Алтая, к которым относятся тувинцы, пространством бытия являются горно-степные земли, а кочевой образ жизни, связанный со скотоводством, предполагает активное передвижение по земле» (там же).

Отметим решение проблем языка, языковой личности авторов рассматриваемых произведений. В современной науке исследуется проблема перевода ценностей, идей культуры в русскоязычном творчестве нерусского автора.

Б. Канапьянов, Г. Бельгер, М. Монгуш, Ч. Куулар — это писатели-билингвы. Литературные произведения, созданные билингвами не на родном языке, а на русском (втором), тем не менее, как полагают исследователи, способны отразить локус своей этнической культуры. В художественных произведениях писателей-билингвов, утверждает У. М. Бахтикиреева, «описывается национальный образ первичной культуры средствами его вторичной/приобретенной, в нашем случае — русской языковой культуры» (Бахтикиреева, 2009: 18). Писатели-билингвы создают такой художественный текст, в который «заложены качества “ценные” для восприятия русского читателя “как стилизаторы”. Именно эти качества текста писателя приобщают читателя к мироощущению “чужого” народа, к иной картине мира», — считает автор (Бахтикиреева, 2004: 46).

«Собственное прочтение произведений русскоязычных авторов нерусского происхождения, в которых воссозданы художественные образы, не входящие в систему русской культуры, подводит нас к выводу, — в другой работе рассуждает У. М. Бахтикиреева, — об уникальном способе перевода иной культуры в русской «языковой оболочке» (Бахтикиреева, Токарева, 2023: 81). Авторы имеют в виду проблему особого вида перевода культуры, который они рассматривают с учетом идеи Ю. М. Лотмана о двойственной роли «интериоризированного образа, от которого требуется, чтобы он был

¹ Бельгер Г. К. Казахские арабески: Статьи, эссе, рецензии, этюды. Алматы: ИД «Жибек жолы», 2014. С. 279–294.

² Монгуш М. Смерть в песчаной степи // Улуг-Хем. 2002. № 3. С. 39–45. (Перевод с тувинского языка Г. Принцевой).

³ Куулар Ч. Мое имя (рассказ) // Улуг-Хем. 1994. № 28. С. 24–26.

⁴ Канапьянов Б. Два портрета. Иноходец судьбы (эссе) // Простор. 2021. № 6. С. 99–122.

⁵ Чернова Н. Казачий круг // Простор. 2021. № 6. С. 16–91; № 7. С. 3–93; № 8. С. 3–90.

переводим на внутренний язык культуры (т. е. не был ‘чужим’) и был ‘чужим’ (т. е. не был бы переводим на внутренний язык культуры) (там же: 82).

«Перевод «непереводимого — непрозрачного» билингвальным автором осуществляется, — подчеркивают они, — благодаря двуязычию, своеобразному “двуголосому слову”, которое превосходит переводческое преобразование, осуществляемое профессиональным переводчиком, и описание “чужого” национальным (например, русским) писателем» (там же).

Литературные произведения, создаваемые писателями на неродном для них языке, обогащаются двойным зрением автора, так как «текст “звучит, как русский”, но транслирует вонне нерусское видение мира», также считают О. А. Валикова и ее коллеги (Валикова, Шагимгиреева, Кулиева, 2020: 245). Это естественно, поскольку «в распоряжении автора-билингва оказывается ресурсная база двух языков» (там же: 234).

Творчество современных казахстанских писателей рассматривается в контексте транскультурности. Авторы одной из работ на эту тему приходят к выводу, что «восприятие мира транслингвальными авторами происходит сквозь призму транскультурной картины мира, состоящей из сегментов двух и более национальных картин мира» (Темирова, Жакупова, 2023: 128).

Что касается творчества Надежды Черновой, создающей свои произведения на русском языке, то необходимо учитывать, что авторская картина мира писательницы сформировалась в условиях казахской этнокультурной среды. Это определило отражение в ее произведениях реалий казахской и русской культуры и истории.

Степь как элемент геопозитики

Рассматриваемые произведения казахстанских и тувинских писателей объединяет образ степи, выступающей центральным элементом геопозитики. Кроме того, геопозитика получила в них особое эмоциональное освещение как исторически сложившаяся среда обитания кочевых народов, как источник высоких и жизнеутверждающих смыслов, уходящих корнями в далекое прошлое тюрков.

Рассказ Герольда Бельгера «Абильмажин» представляет собой реалистическое произведение, посвященное теме взаимоотношений казахского народа и немецких переселенцев после Великой Отечественной войны.

Главный герой рассказа Абильмажин спасает от смерти в зимней степи заблудившегося немецкого мальчика. Абильмажин привозит ребенка к себе домой. Затем отправляется в соседний аул, откуда привозит младшую сестру мальчика. Так в его доме появились приемные сын и дочь.

«Эрих — его скоро в ауле стали звать на казахский лад Эриком или Эркином — рос смышленным, но не по годам серьезным и молчаливым»; «Эльзу старуха назвала на другой же день Ализой. Девочка так привязалась к старухе, что и ночью спала с ней, и днем не отставала ни на шаг, всюду ходила следом за ней, цеплялась за длинный бабушкин подол»¹.

Приемные дети росли в новой семье в любви и заботе.

«В доме стало веселее. Заглядывали аульчане, поздравляли стариков с детьми, желали им счастья. И соседние малыши приходили каждый день, чтобы поиграть-порезвиться с Эриком и Ализой, которые так потешно выговаривали иногда привычные казахские слова»².

Действие рассказа Г. Бельгера происходит в военные и послевоенные годы.

Старший сын главного героя Амиржан погиб в первый год войны. Младший сын Кенжебек вернулся с войны в родной аул с подорванным здоровьем, но вскоре умер. Главный герой рассказа тяжело переживает смерть своего сына. Но именно степь помогла отцу вынести это горе.

«Тогда-то и появились первые сединки в бороде Абильмажина. Он стал еще более молчаливым, часто уходил на охоту, но возвращался с пустыми руками. Все понимали, что не на охоту уходил старик, а просто в степь, чтобы побыть наедине со своим горем»³.

¹ Бельгер Г. К. Казахские арабески: Статьи, эссе, рецензии, этюды. Алматы: ИД «Жибек жолы», 2014. С. 286.

² Там же.

³ Там же. С. 287.

Степь осмысливается как пространство жизнеутверждения. Абилямжин «...смирился и, качая на коленях Ализу, благодарил Аллаха, что тот послал им такую дочку и такого сына, как Эркин»¹.

Ализа выходит замуж, в доме готовятся к свадьбе. Вся семья с нетерпением ждет приезда из города Эркина. Г. Бельгер рисует сцену встречи отца и сына. Семья воссоединилась накануне важного события — свадьбы приемной дочери Ализы.

В художественном мире рассказа Г. Бельгера центральное место занимает степь. Автор использует прием концептуализации образа степи. Степь — это пространство жизни и вдохновения казахского народа. Именно в зимней степи произошла судьбоносная история, когда Абилямжин случайно встретил осиротевшего мальчика Эриха, которого он спас от смерти. Эта встреча в степи подарила Абилямжину двоих приемных детей.

Далее рассмотрим рассказ тувинского писателя Мадона Монгуша «Смерть в песчаной степи». Это реалистическое произведение, повествующее о жизни главного героя — монгольского табунщика Шагдаржава.

Действие рассказа разворачивается на границе Тувы и Монголии в начале прошлого века. В геопоэтике этого рассказа особое место принадлежит степи. Главный герой рассказа вырос в степных краях.

«Арат Шагдаржав с детства сильно любил лошадей, всегда гонялся за красивой сбруей для них. Любил стремглав мчаться по степи, и, как орел, был свободен и крут нравом»².

Шагдаржав женился на красавице Серенмаа, но она не могла родить ему ребенка. Во время поиска пропавшего табуна лошадей Шагдаржав обнаружил мертвую молодую женщину-тувинку, на груди которой сидел ребенок. Шагдаржав забрал малыша с собой, привез его в свои южно-монгольские степи. Его мать и жена тепло приняли ребенка, окружили любовью и заботой. Мальчику дали имя Цеденжав. После того, как мальчик оказался в новой семье, жена табунщика родила дочь, а потом сына. Шагдаржав и его жена любили приемного сына, так как считали, что именно с ним в их семью пришло большое счастье. Цеденжав рос в любви и не знал, что он приемный сын.

Геопоэтика рассказа включена в состав глобального исторического времени. В России произошла революция во главе с Лениным, в Китае свергли власть манчжурской династии, в Монголии Сухэ-Баатор возглавил движение народных масс. Шагдаржав стал членом народной революционной партии, а Цеденжав учился в Улан-Баторе, а затем — в Москве. Цеденжав стал министром в Монголии. Родители гордятся успехами своего приемного сына. Цеденжав с женой, которая ждала ребенка, прилетел домой на самолете в гости. Отец и сын отправились в степь к могиле матери Цеденжава. Отец все рассказал сыну. Цеденжав слушал и плакал. А потом, обняв отца, сказал ему:

«— Отец, кем бы я ни был, я тебе — родной сын. Я — монгол! И буду верно служить своему народу и вам»³.

В эпилоге рассказа содержится следующая философская мысль автора. История урянхайки и ее сына рассматривается как «цепи перевоплощения сансары. Ведь, умирая, мать вдохнула в сына свою последнюю энергию и надежду». «В мире нет ничего вечного. Вечна только любовь матери. Она — источник всходов всего живого на земле»⁴. Степь разумна, содержит смыслы, в ней произошло чудо спасения ребенка, который принес счастье в семью простого монгольского табунщика. Этот мальчик объединил два народа — тувинцев и монголов. Идея рассказа М. Монгуша — народ продолжает свою жизнь благодаря героизму и самоотверженности простых людей. Это излюбленная тема тюркских авторов — поднимать проблемы сохранения жизни семьи и народа.

Сюжет рассказа тувинского писателя Мадона Монгуша «Смерть в песчаной степи» перекликается с произведением Г. Бельгера «Абилямжин».

Герои рассказов — сильные и добрые люди, живущие в степи. Степь для них — это родной дом. Женщины — мудрые и верные спутницы жизни. Именно в степи главный герой рассказа М. Монгуша табунщик Шагдаржав нашел мертвую женщину с ребенком, которого усыновил. Напомним, что также в зимней степи главный герой рассказа Г. Бельгера спас мальчика, которого они с женой усыновили. Объединяет эти рассказы идея гуманизма, интернационализма, тесной связи народов.

¹ Там же. С. 286.

² Монгуш М. Смерть в песчаной степи // Улуг-Хем. 2002. № 3. С. 40.

³ Там же. С. 45.

⁴ Там же.

Образ степи в рассказах М. Монгуша и Г. Бельгера имеет сакральный смысл, что привносит в художественную геоэтику универсальную идею вечного круговорота жизни.

Идея вечного движения жизни проводится и в рассказе тувинского писателя Черлиг-оола Куулара «Мое имя».

Это лаконичный реалистический рассказ, повествующий о жизни главного героя, который гордится своим именем. В рассказе воссоздана традиционная геоэтика тувинского народа. Это горы, Западные Саяны, степь, реки. Образ дороги — важный элемент в культурном коде тюрков. Именно в дороге главного героя зимой родила его мать. Капнула кровь пуповины на Землю, которая стала сакральной. Мальчику поэтому дали имя — Черлиг-оол. Автор дает объяснение семантики имени своего героя:

«‘Чер’ — земля, суффикс ‘лиг’ придает значение — с землей или пупом земли; ‘оол’ — мальчик, так можно расшифровать мое имя»¹.

В геоэтике рассказа «Мое имя» актуализируется образ степи, тесно связанный с образами дороги и земли. Во многих произведениях современной казахстанской литературы представлено описание значимых для казахской культуры художественных пространств. Эссе — литературный жанр, позволяющий автору эмоционально и субъективно, используя разнообразные художественные приемы, выражать свое отношение к миру.

Эссе Бахытжана Канапьянова и Надежды Черновой посвящены теме родины. Писатели выражают в произведениях любовь к казахской земле.

Бахытжан Канапьянов, пишущий на русском языке, в своем эссе воссоздал геоэтику родной страны. Писатель упоминает степь, родовое кладбище как пространство памяти об ушедших в иной мир предков.

«Где-то здесь, между землями Оренбурга, Орска, Актюбе, в неизвестном теперь ландшафте новых переименований есть и место великого Упокоя — родовое кладбище его предков»; «Человек всегда должен, хотя бы раз в десять, в пять лет, навещать свою малую родину, даже если ничего не осталось от бывшего аула...»².

Родовое кладбище — это пространство благодарности предкам за дарованную жизнь.

Далее автор пишет о таком значимом элементе национальной картины мира тюрков, как степь: «И родные и близкие, отец и мать завещали предать их земле именно на родине предков, где такой простор...»³.

Вся история казахского народа поэтизируется автором эссе в пределах авторской геоэтики, которая осмысливается как пространство универсальной гармонии земли и неба, прошлого и настоящего. Степь — доминанта геоэтики эссе Б. Канапьянова.

Русские авторы, живущие в Казахстане, также транслируют в своих произведениях значимые для традиционной казахской культуры смыслы, которые содержатся в образах геоэтики. Геоэтика эссе известной казахстанской писательницы Надежды Черновой формируется благодаря образу великого казахского писателя Абая:

«Центр Азии находится в Республике Тува, а центр Евразии — у нас, в Семипалатинской степи, в урочище Жидебай, рядом с зимовкой поэта Абая»⁴.

Далее она утверждает, что все на земле несет сакральный смысл для человека. Н. Чернова воспринимает степь как источник высоких жизнеутверждающих смыслов.

«Может, именно этот воздух и магические излучения Жидебая подпитывали талант поэта? По крайней мере, его всегда тянуло туда, и только там он обретал покой и вдохновение. Я неоднократно бывала в Жидебае и всякий раз слышала музыку, исходящую от земли и неба: звучал ветер, травы, облака, будто кто-то играл на кобызе. Это космическая музыка! Она завораживает. Она отодвигает земную суету. Она делает тебя поэтом и философом»⁵.

¹ Куулар Ч. «Мое имя», рассказ // Улуг-Хем. 1994. № 28. С. 25.

² Канапьянов Б. Два портрета. Иноходец судьбы. Эссе // Простор. 2021. № 6. С. 111.

³ Там же.

⁴ Чернова Н. Казачий круг // Простор. 2021. № 6. С. 78.

⁵ Там же. С. 79–80.

Н. Чернова пишет, что великий казахский поэт Абай «любил Степь — там столько воздуха, свободы, простора!»¹

Как видно, во всех рассмотренных выше произведениях образ степи является главным элементом воссозданной геопоэтики.

Геопоэтика казахстанской и тувинской прозы вписывается в контекст народной традиционной культуры. В тюркской мифологии пространству и времени принадлежит особое место (Традиционное мировоззрение ... , 1988). Тюрки воспринимали мир как единство ландшафта и живого мира, о чем, например, свидетельствуют зоокомпоненты в тувинской топонимии².

Степь — значимый элемент пространства в тюркской картине мира. Образ степи также является центральным в геопоэтике казахстанской и тувинской прозы. Это согласуется с народными представлениями о степи как основе жизни. «Степь (иситеп — от древнетюрк. «іс істеп» — делать дело, осваивать) — международный архаизм» (Шайгозова, Наурызбаева, 2023: 41). Пространство степи содержит значимые в тюркских культурах смыслы. «Степь в понимании казахов — сакральное место» (там же). «Огромные степные пространства ассоциируются с богатством и свободой» (там же). Подобного рода представления родственны трактовке образа степи в рассмотренных выше произведениях.

Согласно традиционной картине мира тюрков, степь — это исток жизни. В геопоэтике рассказов, а именно в степи, происходит ключевое событие — рождение или спасение человека. Мотив рождения человека в степи (рассказы М. Монгуша и Ч. Куулара) и тема второго рождения Эриха, который бы погиб, если бы его не нашел Абилямжин (рассказ Г. Бельгера), играют большую роль в сюжете этих произведений.

Обращение к мифологическим представлениям древних тюрков позволит более глубоко понять тему рождения человека в художественной литературе.

«Издревле существует сакральное понятие «рождения» и «появления человека» в этот мир: «адамның кіндік қаны тамған туған жері», которое имеет специфическое свое пространство и время... Тенгри дарует «кут». Отсюда формируется концепция «Жерұйық», которая обладает сакральным «кутом», тесно связанная с понятиями «кіндік», «центр». «Жерұйық» как важный сакральный концепт тюркского мировоззрения выделяет главную жизненную позицию кочевника: Земля, куда капнула кровь пуповины, сакральна, так как на ней печать Творца-Тенгри и его благословение»³.

Образ степи в рассказах М. Монгуша, Ч. Куулара и Г. Бельгера имеет сакральный смысл, что привносит в геопоэтику универсальную идею вечного круговорота жизни.

Степь хранит память о предках. Кладбище — пространство народной памяти. Родовые кладбища, могилы близких (как отражение идеи почитания предков, благодарной памяти о них) — это элемент геопоэтики произведений Г. Бельгера, М. Монгуша, Б. Канапьянова, Н. Черновой. Почитание предков — это форма выражения благодарности за подаренную жизнь, за сохранение жизни рода. Как известно, у казахов сильно развит культ предков (Каирбеков, 2014). Культ предков занимает важное место в миропонимании казахов (Кулумжанов, Жолдубаева, 2018). Почитание предков находит отражение в погребальном обряде древних тюрков (Васильев, 2018; и др.⁴).

Таким образом, степь выступает важнейшим элементом геопоэтики во всех рассмотренных выше произведениях казахстанских и тувинских авторов.

Солнце как элемент геопоэтики

Наряду со степью ключевым в геопоэтике произведений казахстанских и тувинских писателей выступает космический образ — солнце. Солнце — это источник света и жизни в воссозданном мире произведений. Зимой в степи царят морозы, дуют сильные ветра (бураны). Но иногда над степью оживает солнце.

¹ Там же. С. 19.

² Кара-оол Л. С. Зоокомпоненты в тувинской топонимии // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 280–284. DOI: <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00961>

³ Кулумжанов Н. Е. Феномен сакрального в традиционной культуре тюркских номадов: дис. ... докт. наук (PhD). Алматы, 2022. С. 64.

⁴ Безертинов Р. Н. Древнетюркское мировоззрение «Тэнгрианство»: учебное пособие. Казань : РИЦ «Школа», 2006.

Приведем описание солнца из рассказа Г. Бельгера «Абильмажин»:

«...Зимой, после долгих, изнуряющих душу буранов и лютых морозов, от которых с сухим треском лопается кора на деревьях, наступают вдруг ясные, веселые деньки. Солнце еще с утра засветит ярко-ярко, и смотрит как-то ласковей, и поднимается все выше и выше, щедро поливая золотом снежное безмолвие. Все вокруг становится сразу нарядным и праздничным»¹.

Характерно, что образ солнца в рассказе Г. Бельгера воссоздается с помощью олицетворений.

«...Короткий зимний день был на исходе. Солнце к вечеру потускнело. Недовольное, обиженное, оно висело над лесом, цепляясь за верхушки деревьев. Казалось, чей-то гигантский глаз хмуро смотрит на этот безмолвный, скованный морозами и снегами мир»².

Солнце — это глаз неведомого существа, знак иных миров.

Солнце выступает как значимый элемент геопоэтики рассказа М. Монгуша «Смерть в песчаной степи». Солнце занимает главное место в описании неба. «...утреннее солнце глянуло ярко, подмигнув ресницами лучей, как будто хотело скорей согреть открявшиеся табунщику просторы»³. Солнце олицетворяется, наделяется автором приветливым и добрым взглядом.

В эссе Н. Черновой образ солнца несет традиционную идею жизни. Характерно, что оно олицетворяется в форме сравнения с глазом беркута:

«Кто-то незримый властной рукой отодвинул завесу ливня, перебросил её за горизонт, и там, на краю Степи, повисли в небе тёмные косые полосы, а над рекой, над дымящимся, как остывающий вулкан, лесом вспыхнуло солнце — жёлтым беркутиным оком. И в ответ грянули птицы! В их звонких руладах — восторг, ликование жизни. Так, наверное, бывает, когда кончается большая война!»⁴

Образ солнца присутствует в пейзажных описаниях в эссе Б. Канапьянова: «На заходящий огненно-красный диск солнца, что на несколько мгновений застыл на краю бесконечной степи, а затем стал медленно опускаться за горизонт, мчался косяк лошадей»⁵.

В геопоэтике казахстанской и тувинской прозы образ солнца наделяется исключительно позитивными и жизнеутверждающими мотивами. В традиционной культуре имеет место такое же отношение к солнцу:

«В представлениях казахов солнце — символ долголетия, богатства и изобилия, с ним связано огромное количество обрядов и ритуалов. По поверьям казахов, заходящее солнце способно унести болезнь, что выразилось в обряде “ұшықтау”. Лекарь, прыская в лицо больного водой, приговаривал: “ұшық, кет пәле, кет, кет!” (Уйди хворь, уйди, уходи прочь!)» (Шайгозова, Наурызбаева, 2023: 17).

Култ солнца занимал особое место в мировоззрении тувинцев (Даржаа, 2007: 16–57; и др.⁶). Сакрализация восходящего солнца имеет место в тувинской мифологии⁷. Култ солнца существовал еще у хунну, которые встречали восход небесного светила поклоном (Давлетшина, 2021: 45).

Таким образом, солнце является одним из ключевых элементов геопоэтики во всех рассмотренных выше произведениях казахстанских и тувинских писателей. С образом солнца связана тема света и жизни, что вполне согласуется с традиционными представлениями тюрков о нем.

Горы как элемент геопоэтики

Горы как важный элемент геопоэтики упоминаются в рассказах М. Монгуша и Ч. Куулара.

Геопоэтику рассказа М. Монгуша «Смерть в песчаной степи» дополняют горы. Шагдаржав и его семья жили на берегу Селенги возле высоких гор. А если он был в пути, всегда видел «далекие силуэты гор»⁸.

¹ Бельгер Г. К. Казахские арабески: Статьи, эссе, рецензии, этюды. Алматы: ИД «Жибек жолы», 2014. С. 280.

² Там же. С. 283.

³ Монгуш М. Смерть в песчаной степи // Улуг-Хем. 2002. № 3. С. 41.

⁴ Чернова Н. Казачий круг // Простор. 2021. № 6. С. 18.

⁵ Канапьянов Б. Два портрета. Иноходец судьбы. Эссе // Простор. 2021. № 6. С. 99.

⁶ Монгуш Ч. А. С. Култ солнца в мировоззрении тувинцев // Ермолаевские чтения. Материалы юбилейной V научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию образования Тувинской Народной Республики / отв. ред. В. С. Чигжит. Кызыл, 2021. С. 121–131.

⁷ Самдан З. Б. Символика времени и пространства в тувинской мифологии // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 501–504.

⁸ Монгуш М. Смерть в песчаной степи // Улуг-Хем. 2002. № 3. С. 41.

О горах говорится в эссе Б. Канапьянова: «...ранним утром его поразили величественные снежные вершины Заилийского Алатау...»¹. В произведении Б. Канапьянова горы и степь образуют гармоничное пространство, сферу музыкальной гармонии. Он пишет, что «музыкальная сфера родной Казахской степи» — это музыка «горных вершин, ибо Казахская степь — понятие чисто условное»².

Н. Чернова утверждает, что Абай любил горы: «За стенами зимовки ... гудел ветер, в окне — волнистые очертания синих Чингисских гор. Как он их любил!»³.

В одном из эпизодов эссе Н. Черновой образ горы ассоциируется с далекой историей:

«Встретились мы с археологом в Нарынколе, где проходил праздник поэзии Мукагали Макатаева — на фоне священной для тюрков горы Хан-Тенгри (до сих пор в Степи есть приверженцы религии тенгрианства: Тенгри — бог Неба. Сохранились поговорки: “Пища на завтра от Тенгри”, “Пусть благословит Тенгри!”, “Пусть Тенгри покарает!” и т. д.). С гор, пограничных с Китаем, скатывались дымные облака. Они быстро заполняли зелёную, влажную долину, окутывая её туманом. Заоблачный воздух принёс запах снега. Альпийский холод всегда прилетал сюда внезапно и стремительно, как когда-то, в древности, потоки воинственных орд»⁴.

Н. Чернова сопрягает ключевые для казахского народа онтологические образы степи и гор в условном, исторически ориентированном пейзаже:

«Летит стрела, оперённая ветром, от алтайских хребтов, от казахских степей, от жёлтых рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, от Небесных гор (так с китайского переводится Тянь-Шань) — до степей Причерноморья, до Азова, Днепра и Дона, до Греции и Кавказа, до персидских городов, до древней страны Урарту, пронзая века, а за нею, за оперённой ветром стрелой, летят гортанные крики воинственных племён»⁵.

Смыслы образа горы как геопозитического элемента, утверждающего в проанализированных выше произведениях казахстанских и тувинских писателей идею величия мироздания, согласуются с мифологическими представлениями тюркских народов. Образ горы прочно вошел в традиционные представления тюрков. Свидетельство этому — горные святилища Тувы⁶. Образ горы играет большую роль в казахской мифологии: «Олицетворением Мировой горы у казахов является Көк төбе (буквально — синяя/голубая гора), на которой растёт Байтерек (мировое древо)» (Шайгозова, Наурзбаева, 2023: 41).

Культ горы уходит корнями в далекую историю. Древние тюрки обожествляли горы. «Согласно традиционным верованиям древних тюрков, родник, озеро, долина, а также горы имеют своего собственного духа-хозяина. К примеру, у тюрков Южной Сибири (алтайцев, хакасов, тувинцев) выделяются несколько компонентов традиции почитания гор: ежегодные коллективные моления; сооружение обо на склонах священных гор и др. Во многих тюркских эпосах матерью фольклорных героев представляется именно гора — Otukan, которой поклонялись ещё древние хунну (гунны). В целом, культ горных вершин у древних тюрков был составной частью почитания священной Жер-Су (Земля-Вода)» (Шайгозова, Наурзбаева, 2023: 41).

Образ гор — это важный элемент геопозитики в произведениях казахстанской и тувинской литературы. С их образом связана идея красоты и прочности мироздания, тема величия природы.

Небо, звезды, ветер, дерево как дополнительные элементы геопозитики

В геопозитике казахстанских и тувинских писателей особое внимание уделяется небу, образ которого является источником высоких и позитивных смыслов, утверждающих идею жизнелюбия и стойкости человека.

¹ Канапьянов Б. Два портрета. Иноходец судьбы (эссе) // Простор. 2021. № 6. С. 107.

² Там же. С. 111.

³ Чернова Н. Казачий круг // Простор. 2021. № 6. С. 19.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Чернова Н. Казачий круг // Простор. 2021. № 7. С. 31.

⁶ Семенов А. В. Горные святилища Тывы // Вестник СПбГУ. 2010. Сер. 2. Вып. 4. С. 140–146.

⁷ Чернова Н. Казачий круг // Простор. 2021. № 6. С. 16.

Н. Чернова воспринимает степь как продолжение неба: «На другом, пологом берегу простиралась Великая степь, уходящая в небо»⁷.

Б. Канапьянов осмысливает образ неба в исторической ретроспективе. «Тенгрианское небо слегка светлело»¹. Он использует эпитет «тенгрианское» для выражения своей картины мира.

М. Монгуш изображает небо как источник судьбоносного события. «Вдруг с неба ринулась огромная птица, гриф, и опустилась совсем близко с Шагдаржавом»². Благодаря этой птице табунщик обнаружил мертвую женщину и ее маленького сына.

Звезды являются частью геоэтики произведений казахстанской и тувинской прозы. Главный герой рассказа Ч. Куулар «Мое имя» в своих мечтах видит мерцающие «тайные звезды»³.

Б. Канапьянов упоминает такое необъятное небо над безбрежной степью, «что, кажется, звезды лежат в траве»⁴. Звезды — источник высших смыслов. Б. Канапьянов утверждает, что «музыкальная сфера ночного неба и звезд сродни органу»⁵.

Образ звезды в эссе Н. Черновой вводится в мифологические и исторические контексты. Писательница приводит пример из скифской мифологии. «Мать-Земля тоже была богиней. Её изображения украшались венцом из ста звёзд на голове»⁶. Н. Чернова смело включает звезды в свои фантазии на исторические темы:

«Ночью, когда полная луна встаёт над Пёстрыми горами, над Алатау, выгляньте в окно: у подъезда стоят скифские кони в парадном убранстве, ведь коней погребали вместе с воинами. Кони нетерпеливо перебирают крепкими ногами, готовые мчаться по свету — высекая огонь, отрываясь от земли. Видите в небе цепочку вспыхивающих звёзд? Это скачут скифы!»⁷

Звезды нашли отражение в традиционном миропонимании тюрков:

«Полярная звезда — Темір қазық — (Железный кол), по вечному кругу ходят привязанные к нему кони — звезды Ақбозат и Көкбозат (Малой Медведицы). Большую Медведицу казахи называли Жеті қарақшы (семеро разбойников), Жетіген (семерка) или Жеті қарт (семь старцев). На карте звездного неба особо выделяли Үркер (Плеяды), Үшар қар-таразы (Орион) и Сүмбіле (Сириус). Практически со всеми звездами связаны космогонические легенды и мифы. Құс жолы (Дорога птицы) — Млечный путь. Древние тюрки, как и другие народы мира, верили в то, что звезды влияют на человеческую судьбу, даруют или отнимают счастье» (Шайгозова, Наурзбаева, 2023: 17).

Степь невозможно представить себе без ветра. В рассмотренных выше произведениях упоминается ветер. В рассказе М. Монгуша читаем: «Вы, наверное, слышали про песчаные степи Гоби. Там постоянно ветра, иногда бушуют ураганы»⁸. В рассказе Г. Бельгера говорится о зимних ветрах (буранах) в степи. Солнечные дни «приходят зимой редко, как праздник, как радость, и после них уже не так страшен свирепый злыдень буран, и стужа и ветры переносятся уже легче, как и горе после настоящей радости. Ветер утих еще ночью, буран выдохся как-то сразу, словно выбившийся из сил шаман»⁹. В приведенном фрагменте обращает на себя внимание сравнение бурана с шаманом. Это пример олицетворения образа ветра.

Н. Чернова в эссе рисует образ ветра для художественной и смысловой иллюстрации своих рассуждений. Она также использует прием сравнения. Сравнивает ветер с сакральным казахским музыкальным инструментом — кобызом: «За стенами зимовки басовитой струной шан-кобыза гудел ветер»¹⁰.

Аналогичные подходы (олицетворение ветра, сравнение) использовались в тюркской мифологии: «Символика ветра у тюркских народов проецировалась на характеристику людей и животных:

¹ Канапьянов Б. Два портрета. Иноходец судьбы (эссе) // Простор. 2021. № 6. С. 111.

² Монгуш М. Смерть в песчаной степи // Улуг-Хем. 2002. № 3. С. 41.

³ Куулар Ч. «Мое имя», рассказ // Улуг-Хем. 1994. № 28. С. 26.

⁴ Канапьянов Б. Два портрета. Иноходец судьбы. Эссе // Простор. 2021. № 6. С. 111.

⁵ Там же.

⁶ Чернова Н. Казачий круг // Простор. 2021. № 7. С. 32.

⁷ Там же. С. 34.

⁸ Монгуш М. Смерть в песчаной степи // Улуг-Хем. 2002. № 3. С. 41.

⁹ Бельгер Г. К. Казахские арабески: Статьи, эссе, рецензии, этюды. Алматы: ИД «Жибек жолы», 2014. С. 281.

¹⁰ Чернова Н. Казачий круг // Простор. 2021. № 6. С. 19.

эпитетами награждались как правило быстрые скакуны. Ветер олицетворял мужское начало, космическую стихию и духовную сущность» (Шайгозова, Наурзбаева, 2023: 25). «Древние тюрки считали, что ветер напрямую связан с самим Тенгри и причисляли его к божеству второго ранга» (там же). Казахи умели отличать различную степень ветра. «У казахов насчитывается более семидесяти названий ветра, семантика которых разнообразна и варьируется от выражения наслаждения до страдания» (там же).

Растительный мир входит в геоэтику художественной литературы. Главный герой рассказа Г. Бельгера получает силы под тополями:

«Старик, кряхтя и отдуваясь, поднялся, постоял немного, держась за спинку кровати, и, осторожно переставляя негнувшиеся ноги, вышел на улицу, в огород. В конце огорода у плетня росли тополя и акации, посаженные Эркином. Там, под тополями, в тени кустов, под сонное жужжание шмелей старику всегда думалось легко»¹.

Н. Чернова рассуждает в эссе:

«Я новыми глазами глянула на высокую, сильную сосну, которая устояла под грозой, под стрелами молний. Я увидела в ней Древо Жизни. В русских преданиях Древо Жизни — Дуб, у казахов — Тополь-Байтерек, а у меня — Красная Сосна, любимое дерево моего детства»².

Характерно, что уже древние тюрки отметили особым отношением дерево. Это, например, нашло отражение в существовании культа дерева в традиционном мировоззрении тюрков Саяно-Алтая (Тадышева, 2018). «В тюркской культуре тополь—священное дерево» (Шайгозова, Наурзбаева, 2023: 53). «Один из видов тополя казахи называют “желторангы” — “призывающий ветер”. В старину рубить такой тополь считалось большим грехом, а древнее поверье гласит: когда засохнет последнее желторангы, погибнет и весь мир, превратившись в пустыню» (там же).

Образ тополя выражает тему истока жизни:

«В казахской культуре значение тополя выражается в мифе о Байтерек (в смысловом переводе “тополь прародитель”, “Мать-тополь”). На нем растут зародыши детей и скота, а когда приходит время, души детей летят в мир людей. У его корней находятся живительные родники, которые дают начало рекам» (там же).

В онтологических воззрениях древних тюрков дереву принадлежит одно из центральных мест:

«У тюрков-номадов в мифах имеются сюжеты о мировом дереве, к примеру, Байтерек как Мировое дерево, является моделью Вселенной. Мифологическое представление тюрков-номадов о космическом содержится в самом отношении к Дереву. Одинокое растущее дерево в степи служило предметом поклонения каждого проезжающего путника, который привязывал к нему куски материи. Культурное отношение к дереву отражает шаманистское миропредставление, согласно которому Мировое дерево связывало Небо и Землю. Мировое дерево считалосьместилищем душ и сакральным местом, где написана книга судеб»³.

Культ дерева берет начало в культуре гуннов. «В «стране гуннов» обряд жертвоприношения в честь Тенгри-хана проводился в святилищах-дубравах, где самые высокие деревья олицетворяли его самого» (Давлетшина, 2021: 46). Культ дерева получил затем распространение у тюркских племен. «В жизни народов Поволжья дерево издревле занимало центральную позицию. Понимая, какой мощью обладают деревья, болгары, сувары и берсулы обожествляли их, возле них совершались жертвоприношения» (там же).

Таким образом, небо, звезды, ветер, дерево выступают как дополнительные элементы геоэтики в казахстанской и тувинской литературе, иллюстрируют различные аспекты авторского мировосприятия.

В проанализированных выше эссе Б. Канапьянова и Н. Черновой образы геоэтики имеют более выраженный субъективный характер, чем в рассказах Г. Бельгера, М. Монгуша, Ч. Куулара. В эссе Б. Канапьянова и Н. Черновой представлена авторская картина мира, что возможно при использова-

¹ Бельгер Г. К. Казахские арабески: Статьи, эссе, рецензии, этюды. Алматы: ИД «Жибек жолы», 2014. С. 280.

² Чернова Н. Казачий круг // Простор. 2021. № 6. С. 18.

³ Кулумжанов Н.Е. Феномен сакрального в традиционной культуре тюркских номадов: дис. ... докт. философии (PhD). Алматы, 2022. С. 63.

нии различных художественных средств, в том числе радикальных. Авторы эссе смело включали элементы геопоэтики в различные мифологические и исторические контексты.

Проанализированные выше рассказы Г. Бельгера, М. Монгуша, Ч. Куулара являются реалистическими произведениями, в которых важны правдоподобие и достоверность. Элементы геопоэтики использованы в основном для строго реалистического воссоздания природной среды, окружающей литературных героев.

Следует показать отличие геопоэтики рассказа Г. Бельгера от геопоэтики рассказов тувинских писателей. Казахстанский автор рисует конкретный образ степи и других элементов геопоэтики. Таким образом, его геопоэтика носит локальный характер, она ограничена пространством аула и его окрестностей. Геопоэтика рассказа М. Монгуша характеризуется масштабным характером, так как действие произведения происходит в самых разных местах (Тuve и Монголии), далеко от родных мест главного героя. В рассказе Ч. Куулара «Мое имя» также показана масштабная панорама традиционной геопоэтики тувинского народа (горы, степь, реки). Ключевое событие рассказа (рождение в дороге главного героя) происходит далеко от родного дома действующих лиц.

Разные подходы к изображению геопоэтики объясняются различными художественными задачами писателей. Для Г. Бельгера важно было рассказать о судьбе своего главного героя, который практически не покидал своих родных мест. Отсюда локальный характер геопоэтики произведения. Тувинские писатели создали повествования о литературных героях, которые проводили много времени в пути, в дороге. Это определило масштабный характер геопоэтики их произведений.

Заключение

В произведениях казахстанской и тувинской прозы воссоздается исторически сложившаяся среда обитания тюркских народов, которая имеет геопоэтическую форму, отражающую особенности авторского мировосприятия. Геопоэтика и художественная антропология образуют органичное единство сюжета произведений казахстанской и тувинской прозы. Их герои — это мужественные, стойкие люди, которые поддерживают и продолжают жизнь семьи, народа в трудных природных условиях.

Элементами геопоэтики произведений казахстанской и тувинской прозы выступают образы степи, солнца, гор, неба, звезд, ветра, дерева, несущие авторские жизнеутверждающие смыслы.

Геопоэтика рассмотренных в нашей работе произведений выражает идею сильной эмоциональной привязанности казахстанских авторов и их героев к родной земле. В художественной тувинской литературе тема родной земли также получила эмоциональное освещение (Кужугет, 2023). Геопоэтика произведений казахстанской и тувинской прозы вписывается в контекст традиционных онтологических представлений тюркских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашев, В. В. (2012) Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики. Пермь : Перм. гос. нац. иссл. ун-т. 140 с.
- Бахтикиреева, У. М. (2004) Особенности русского художественного текста писателя-билингва // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. № 1 (2). С. 43–49.
- Бахтикиреева, У. М. (2009) Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана : Изд-во «ЦБО и МИ». 259 с.
- Бахтикиреева, У. М., Токарева, Н. А. (2023) Перевод культуры в русскоязычном творчестве нерусского автора // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. XX. Вып. 1. С. 80–86.
- Валикова, О. А., Шагимгиреева, Б. Е., Кулиева, Ш. А. (2020) Космос в логосе: транслингвальная поэзия Эдуарда Мижита и Бахыта Каирбекова // Новые исследования Тувы. № 4. С. 230–249. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.16>
- Васильев, В. Е. (2018) Культ предков в свете погребального обряда древних тюрков (по мифам и преданиям народа саха) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 1 (22). С. 49–56.
- Давлетшина, Л. Х. (2021) Древнетюркская мифология и фольклорная традиция татар: истоки и полисемантизм образов // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. № 5 (85). С. 43–54.

- Даржа, В. К. (2007) Тайны мировоззрения тувинцев-номадов. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 256 с.
- Замятин, Д. Н. (2006) Культура и пространство. Моделирование географических образов. Москва : Знак. 488 с.
- Имихелова, С. С., Монгуш, Е. Д., Синячкин, В. П. (2024) Тема родины в тувинской и бурятской прозе 1960–1970-х годов // Новые исследования Тувы. № 1. С. 74–87. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1>
- Каирбеков, Б. Г. (2014) Мир Кочевья. Мифы Великой Степи. Казахский этикет. Астана : Казахский научно-исследовательский институт культуры. 255 с.
- Кулумжанов, Н. Е., Жолдубаева, А. К. (2018) Культ предков в миропонимании казахов // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия Философия, культурология, политология. № 1 (63). С. 188–196.
- Кужугет, Ш. Ю. (2023) Отношение тувинцев к земле в тувинской литературе XX–XXI вв. // Новые исследования Тувы. № 1. С. 64–79. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.4>
- Лотман, Ю. М. (1992) Избранные статьи : в 3 т. Таллинн : Александра. Т. 2. Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX в. 478 с.
- Просьянникова, О. И., Скорик, К. В., Гребнев, А. Н. (2023) Пространственная модель в героическом тувинском и древнеанглийском эпосе // Новые исследования Тувы. № 3. С. 97–124. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.7>
- Тадышева, Н. О. (2018) Отражение культа дерева в традиционном мировоззрении тюрков Саяно-Алтая // Вестник Томского государственного университета. История. № 51. С. 118–123.
- Темирова, Ж. Г., Жакупова, А. Д. (2023) Явление транскulturности в современной казахстанской литературе // Вестник Кокшетауского университета имени Ш. Уалиханова. Серия филологическая. № 4. С. 121–131. DOI: <https://doi.org/10.59102/kufil/2023/iss4pp121-131>
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир (1988) / под ред. И. Н. Гемуева. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 225 с.
- Топоров, В. Н. (1995) Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М. : Прогресс ; Культура. 624 с.
- Шайгозова, Ж. Н., Наурызбаева, А. Б. (2023) Краткая энциклопедия знаков и символов казахской культуры. Алматы : КазНИИК. 320 с.
- Щукин, В. Г. (2021) Город и миф: Исследования в области геопоэтики. М. : ЛЕНАНД. 424 с.

Дата поступления: 02.12.2024 г.

Дата принятия: 27.02.2025 г.

REFERENCES

- Abashev, V. V. (2012) *Russian literature of the Urals. Problems of geopoetics*. Perm, Perm State National Research University. 140 p. (In Russ.)
- Bakhtikireeva, U. M. (2004) Features of the Russian literary text by a bilingual writer. *Vestnik RUDN. Serii: Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodavaniia*, no. 1(2), pp. 43–49 (In Russ.)
- Bakhtikireeva, U. M. (2009) *Creative bilingual personality (features of a Russian text by a Turkic author)*. Astana, TsBO i MI Publ. 259 p. (In Russ.)
- Bakhtikireeva, U. M. and Tokareva, N. A. (2023) Translation of culture in Russian-language works by non-Russian authors. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*, vol. XX, no. 1, pp. 80–86 (In Russ.)
- Valikova, O. A., Shagimgireeva, B. E. and Kuliyeva, Sh. A. (2020) Cosmos in the logos: translanguaging poetry of Eduard Mizhit and Bakhyt Kairbekov. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 230–249. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.16>
- Vasiliev, V. E. (2018) The cult of ancestors in the light of the funeral rites of the ancient Turks (based on myths and legends of the Sakha people). *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 1(22), pp. 49–56 (In Russ.)
- Davletshina, L. Kh. (2021) Ancient Turkic mythology and the folklore tradition of the Tatars: origins and polysemy of images. *Vestnik Severo-vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova*, no. 5(85), pp. 43–54 (In Russ.)
- Darzha, V. K. (2007) *Secrets of the worldview of Tuvan nomads*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing house. 256 p. (In Russ.)
- Zamyatin, D. N. (2006) *Culture and space. Modeling of geographic images*. Moscow, Znack. 488 p. (In Russ.)
- Imikhelova, S. S., Mongush, E. D. and Sinyachkin, V. P. (2024) The theme of homeland in Tuvan and Buryat prose of the 1960s–1970s. *New Research of Tuva* no. 1, pp. 74–87. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1>

Kairbekov, B. G. (2014) *The world of the nomad. Myths of the Great Steppe. Kazakh etiquette*. Astana, Kazakh Scientific Research Institute of Culture. 255 p. (In Russ.)

Kulumzhanov, N. E. and Zholdubaeva, A. K. (2018) The cult of ancestors in the worldview of the Kazakhs. *Vestnik KazNU im. al'-Farabi. Seriya Filosofii, kul'turologiia, politologiia*, no. 1(63), pp. 188–196 (In Russ.)

Kuzhuget, Sh. Yu. (2023) Tuvans' attitude to land in Tuvan literature of the 20th – 21st centuries. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 64–79. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.4>

Lotman, Yu. M. (1992) *Selected articles: in 3 vols. Tallinn, Aleksandra. Vol. 2. Articles on the history of Russian literature of the 18th – first half of the 19th centuries*. 478 p. (In Russ.)

Prosyannikova, O. I., Skorik, K. V. and Grebnev, A. N. (2023) Spatial model in the heroic Tuvan and Old English epic. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 97–124. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.7>

Tadysheva, N. O. (2018) Reflection of the cult of the tree in the traditional worldview of the Turks of Sayan-Altai. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, no. 51, pp. 118–123 (In Russ.)

Temirova, Zh. G. and Zhakupova, A. D. (2023) The phenomenon of transculturality in contemporary Kazakhstani literature. *Vestnik Kokshetauskogo universiteta imeni Sh. Ualikhanova. Seriya filologicheskai*, no. 4, pp. 121–131. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.59102/kufil/2023/iss4pp121-131>

Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. Material world (1988) / ed. by I. N. Gemyuev. Novosibirsk, Nauka. 225 p. (In Russ.)

Toporov, V. N. (1995) *Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the field of mythopoeics: Selected works*. Moscow, Progress-Kultura. 624 p. (In Russ.)

Shaigozova, Zh. N. and Naurzabayeva, A. B. (2023) *A brief encyclopedia of signs and symbols of Kazakh culture*. Almaty, KazNIIK. 320 p. (In Russ.)

Shchukin, V. G. (2021) *City and myth: Studies in geopoetics*. Moscow, LENAND. 424 p. (In Russ.)

Submission date: 02.12.2024.

Acceptance date: 27.02.2025.

Этнокультурные образы повседневности в прозе современных евразийских писателей

Айгерим Е. Бекмуратова

Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Республика Казахстан,

Динара А. Худайбердина

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье анализируются этнокультурные образы в прозе современных писателей, взрослые которых происходило в центрально-азиатских республиках (Кыргызстан, Узбекистан, Казахстан) на рубеже XX–XXI вв. Обосновывается целесообразность использования термина 'евразийский' и / или 'русскофонный' по отношению к писателям, которых ранее исследователи определяли термином 'русскоязычный', имея в виду билингвальных авторов, выбравших языком творчества русский язык, но этнически не являющихся русскими. Синтез русской языковой системы и нерусской системы образов обусловил существование особой литературы, которую однозначно не соотносят ни с русской литературой, ни с иной национальной литературой. Это особый пласт литературы, создаваемый творческими личностями с не единичной, полихромной картиной мира и нередко с не единичной этнической идентичностью.

Материалом послужили произведения Сухбата Афлатуни, Вадима Муратханова, Санджара Янышева, Шевкета Кешфидинова, Александра Гриценко, Ильи Одегова, созданные на русском языке, но отражающие нерусскую систему образов.

Показано, что в отличие от предшествующего поколения советских, этнически нерусских, но русскоязычных авторов, прозаическим произведениям этих писателей характерна интровертная поэтика образности. Отмечено их обостренное чувство самоидентификации и саморефлексии, детерминированное социальными и политическими переменами, связанными с процессом распада СССР и неизменно сопутствующими экзистенциальными потребностями. Анализу подверглись этнокультурные образы повседневности: ритуально-обрядовая жизнь (обрезание), элементы т. н. симпатической магии, вера в метаморфизм (превращение), артефакты, несущие метафизическую нагрузку (оберег, амулет), пространство — базар и музей, артефакт гастрономии (хлеб — лепешка). Отмечена схожесть антропологических тенденций и экзистенциальных проблем, воплощенных в художественной образности прозаических произведений названных выше авторов. Выявлено, что поэтика этнокультурных образов, созданных вышеуказанными писателями, отражает наделенную экзистенциальными функциями мифологию повседневности — без осмысления и описания которой невозможен процесс формирования новой исторической памяти.

Ключевые слова: евразийский; мифология повседневности; артефакт; этнокультурный образ; национальный образ; транскulturация; ритуально-обрядовая жизнь; обрезаение; базар; музей

Для цитирования:

Бекмуратова А. Е., Худайбердина Д. А. Этнокультурные образы повседневности в прозе современных евразийских писателей // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 231–245. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.13>

Бекмуратова Айгерим Ермековна — старший преподаватель кафедры практического английского языка Казахского национального педагогического университета имени Абая. Адрес: Казахстан, 041609, Алматинская область, с. Бесагаш, ул. Сабыра Рахимова, д. 1807/17. Эл. адрес: aigerim375@mail.ru

Худайбердина Динара Азреталиевна — докторантка кафедры русской филологии и мировых языков филологического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Казахстан, 050038, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: dinara.azretaliyeva@gmail.com

Article

Ethnocultural images of everyday life in the prose of modern Eurasian writers

Aigerim E. Bekmuratova

Abai Kazakh National Pedagogical University, Republic of Kazakhstan,

Dinara A. Khudaiberdina

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

The article analyzes ethnocultural imagery in the prose of contemporary writers who came of age in the Central Asian republics (Kyrgyzstan, Uzbekistan, Kazakhstan) at the turn of the 20th and 21st centuries. It substantiates the appropriateness of using the terms “Eurasian” and/or “Russophone” in reference to writers previously categorized by scholars as “Russian-language”— a designation that referred to bilingual authors who chose Russian as the language of their creative work, while not being ethnically Russian. The synthesis of the Russian linguistic system with a non-Russian system of imagery has given rise to a distinct literary tradition that cannot be unequivocally identified either with Russian literature or with any other national literature. This body of work constitutes a unique stratum of literature created by individuals possessing a non-singular, polychromatic worldview and, frequently, a hybrid or multiple ethnic identity.

The primary materials for this study are works written in Russian by Sukhbat Aflatuni, Vadim Muratkhanov, Sandzhar Yanashev, Shevket Keshfidinov, Alexander Grishchenko, and Ilya Odegov, whose prose, while rendered in Russian, conveys a non-Russian system of imagery.

It is demonstrated that, unlike the preceding generation of Soviet authors —ethnically non-Russian but writing in Russian — the prose of these contemporary writers is marked by an introverted poetics of imagery. Their heightened sense of self-identification and self-reflection is shown to be conditioned by the socio-political transformations associated with the dissolution of the USSR and the accompanying existential demands. The analysis focuses on ethnocultural images of everyday life: ritual practices (circumcision), elements of so-called sympathetic magic, belief in metamorphism (transformation), artifacts imbued with metaphysical significance (protective talismans, amulets), and spaces such as the bazaar and the museum, as well as a gastronomic artifact — the flatbread. The study notes convergences in anthropological tendencies and existential concerns as reflected in the artistic imagery of the selected authors. It reveals that the poetics of ethnocultural imagery in their works expresses a mythology of everyday life, endowed with existential functions — without the comprehension and representation of which the formation of a new historical memory becomes impossible.

Keywords: Eurasian; mythology of everyday life; artifact; ethnocultural image; national image; transculturation; ritual and ceremonial life; circumcision; bazaar; museum

For citation:

Bekmuratova A. E. and Khudaiberdina D. A. Ethnocultural images of everyday life in the prose of modern Eurasian writers. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 231-245. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.13>

BEKMURATOVA, Aigerim Ermekovna, Senior Lecturer, Department of Practical English, Abay Kazakh National Pedagogical University. Postal address: 1807/17 Sabyra Rakhimova St., 041609, Almaty, Kazakhstan. Email: aigerim375@mail.ru

KHUDAIBERDINA, Dinara Azretaliyevna, Doctoral Student, Department of Russian Philology and World Literature, Faculty of Philology, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71 al-Farabi Ave., 050040, Almaty, Kazakhstan. Email: dinara.azretaliyevna@gmail.com

Введение

Художественную прозу, созданную писателями, генезис которых отличает не единичная, а «полихромная» картина мира, детерминированная синтезом русской языковой системы и нерусскостью этнокультурного и ментального контекстов, и ныне инерционно называют «русскоязычной» литературой. С конца 1960-х и по 1980 гг. в рамки этого определения, как правило, включались произведения этнически нерусских советских авторов.

Прошло более тридцати лет после распада СССР, изменились не только географические карты и названия бывших советских республик, колористика флагов и топонимика населенных пунктов, но и реальное бытие людей и заботящие их экзистенциальные проблемы. Все эти обстоятельства обусловили социальный контекст и появление нового поколения писателей на т. н. «шестой части суши», среди которых есть и не соотносимые с конкретным этносом. На русском языке они создают образы, не свойственные русской этнокультуре, потому что объективно существующая среда в конкретной географической локальности и сами люди с их особенными традициями, обычаями и нравами формируют картину мира писателей, становление которых с детства происходило в постсоветских странах.

Как вид художественного творчества литература неотрывно связана с социально-политической реальностью. Неудивительно, что в публицистическом дискурсе современные писатели евразийского ареала именуются «писателями евразийского содружества / пространства». Осмысляя феномен евразийства в диалоге литератур, казахстанский ученый Ш. Р. Елеукунов отмечает: «Евразийское пространство рождает особый этнический тип, схожий с азиатскими и европейскими типами, но и не совпадающий с ними» (Елеукунов, 2013: 264). Известный критик, литературовед и киновед Л. А. Аннинский пишет о том, что единство людей, говорящих на разных языках, живущих под разными флагами, формирует все же евразийский континент, а это, несомненно, выше «любой другой “национальной” идеи» (Аннинский, 2001: 308).

Под условным, не зафиксированным в соответствующих академических изданиях термином «евразийские писатели» мы имеем в виду современных авторов с не единичной картиной мира, детерминированной их происхождением и становлением в евразийской «ойкумене». В данной статье мы привлекаем примеры из художественной прозы писателей, возрастной диапазон которых варьируется от 30 лет до немногим за пятьдесят. Им свойственна «полихромная» картина мира, обусловленная местом их происхождения, в том числе — «полукровством». Эти произведения отличаются от произведений старшего поколения русскоязычных писателей второй половины XX века.

Этнокультурные образы, ставшие предметом нашей работы, синонимичны «национальным образам мира» Г. Д. Гачева, известным также под названием «Этнические картины мира» (*Ethnic Pictures of the World*). Это «многоотное сравнительное описание культур и миропониманий разных народов» (Бахтикиреева, 2024: 11), в котором уникальный ученый представил «теоретическое познание сущности, “души” и “духа” каждого народа» (Гачев, 2002: 7), важно для науки и общества. Наблюдения и выводы Г. Д. Гачева — «своего рода точки опоры, на которые можно опереться, оттолкнуться, переосмыслить, сравнить с другими знаниями, дополнить собственными умозаключениями, а значит прирастить новое» (Бахтикиреева, 2024: 12). Транслируя язык быта и вещей на язык идей и смыслов (Гачев, 2002: 9), Г. Д. Гачев подводит нас к выводу о том, что становление каждого человека обусловлено местом и окружающей исторической и социально-культурной средой, которые влияют на объективацию этим человеком предметов и явлений мироздания: «Индивидуум, выросший в атмосфере определенной национальной культуры, одарен ею талантом особого видения явлений бытия — даже в физике, не говоря уже об искусстве и поэзии. Национальная природа и дух питают интеллект и воображение, снабжают особыми архетипами, оригинальными интуициями, неповторимыми образами, странными ассоциациями» (Гачев, 2008: 14).

Мы не хотим сказать, что иноэтноткультурные образы не могут быть созданы русскими авторами изнутри русской культуры. Напротив, русская литература богата примерами описания «чужого» средствами русского языка. Как отмечают исследователи с опорой на труды Ю. М. Лотмана и Г. Д. Гачева, созданные русскими писателями образы Запада и Востока конструировались «по контрасту с наблюдаемой ими русской действительностью» (Бахтикиреева, 2009: 155–156). Образ западного человека очень мало был похож на реального западника своей эпохи, потому что писатели плохо знали Запад. По Г. Д. Гачеву, многие произведения А. С. Пушкина наполнены восточными мотивами, как

и произведения Л. Н. Толстого о Кавказе и Крыме. Однако, Г. Д. Гачев оставляет эти «слишком родные и заманчивые сюжеты» и пытается «постигать Восток, а не русский миф о нем» (цит. по: там же: 156). Подобное произошло и с М. М. Пришвиным, поехавшим по заданию журнала «Русское богатство» на короткий срок в «неизвестную», «дикую в те годы страну». По мнению критиков, пришвинская повесть «Черный араб» (1907) стала Книгой Бытия, но не реальным бытием, не отражением реальных социальных перемен, происходивших в ту эпоху в Киргизии (Бахтикиреева, 2009: 75, 152).

Таким образом, целью нашего исследования является анализ этнокультурных образов, демонстрация общности поэтики евразийских авторов. Объектом является литература евразийских авторов, взросление и становление которых проходило «в атмосфере определенной национальной культуры», чей «интеллект и воображение» напитаны «особыми архетипами, оригинальными интуициями, неповторимыми образами, странными ассоциациями» (Г. Д. Гачев). Предмет — этнокультурные образы в прозе евразийских авторов нового поколения.

Задачи: а) показать отличие в изучении творчества русскоязычных писателей старшего и нового поколения; б) раскрыть отношение писателей нового поколения к месту и времени (базар, музей); в) рассмотреть этнокультурные образы из круга ритуалов и обрядов, сакральных артефактов, гастрономических реалий повседневности (еда, хлеб).

Методы: герменевтический, социально-исторический, семантико-контекстуальный, биографический.

Источниковой основой для нас послужили прозаические произведения, в которых воссозданы иноэтнокультурные образы средствами русского языка: нерусские герои, нерусские города, нерусские обычаи, нерусские артефакты: рассказ «Обрезание»¹ и очерк «Первородный грех колониста»² Вадима Муратханова, родившегося и выросшего в Кыргызстане; рассказ «Бульбуль»³, «Русский музей»⁴, «Ночь коротка», повесть «Глиняные буквы, плывущие яблоки»⁵ Сухбата Афлатуни, рассказ «Баллада о патыре»⁶ Санджара Янышева, рассказ «Ребро барана»⁷ Александра Грищенко, рассказы «Волчицы»⁸ и «Прости грехи наши»⁹ Шевкета Кешфидинова, родившихся и выросших в Узбекистане; «Крылатая невеста Махди» Ильи Одегова, выросшего и живущего в Казахстане.

Теоретико-методологическая основа

Поэтика — одна из старейших дисциплин литературоведения, изучающая художественную систему писателя, литературную эпоху и жанр на разных этапах его развития, художественное произведение. Поэтика этнокультурных образов, входя в проблемное поле исследований, изучающих национальное своеобразие литературы и национальный характер русскоязычного художественного текста, достигла особой популярности в 1970–1980-х годах.

Подробный анализ этих работ не является нашей целью. Однако для выявления разницы в изучении русскоязычного творчества старшего и нового поколения евразийских писателей, полагаем необходимым представить общее впечатление в отношении ряда работ, характерных для этого периода. По нашему мнению, противопоставление «национального» «советскому» несет идеологический налет. Не случайно в номинации — «русскоязычная литература», Е. В. Абдуллаев усматривает «кентавризм» термина, обусловленного «идеологической алхимией» (Абдуллаев, 2006: 322).

Особенности национального характера, рассматриваемые во взаимосвязи с фольклором, подвигли исследователей к выводу об устремленности национального характера в будущее и потому не

¹ Муратханов В. Приближение к дому: Поэзия и проза. Алматы: Искандер, 2011. С. 138–143.

² Муратханов В. Первородный грех колониста // Дружба народов. 2005. № 8. С. 164–174.

³ Афлатуни Сухбат. Бульбуль: Рассказ // Сухбат Афлатуни. Приют для бездомных кактусов. М.: Эксмо, 2021. С. 363–380.

⁴ Афлатуни Сухбат. Русский музей: Рассказ // Сухбат Афлатуни. Приют для бездомных кактусов. М.: Эксмо, 2021. С. 5–14.

⁵ Афлатуни Сухбат. Глиняные буквы, плывущие яблоки: Повести. М.: Эксмо, 2020.

⁶ Янышев С. Умр. Новая книга обращений. М.: Арт хаус медиа, 2017. С. 74–75.

⁷ Грищенко А. Ребро барана: Рассказ // Октябрь. 2009. № 6. С. 139–146.

⁸ Кешфидинов Ш. Р. Волчицы: Рассказ // Новый Орёл+XXI век. 2023. № 38. С. 13–14.

⁹ Кешфидинов Ш. Р. Прости грехи наши: Рассказ // Звезда. 2024. № 10. С. 9–10.

связанности его «с отжившей национальной психологией»¹. Другой автор, отмечая влияние русской литературы на другие национальные литературы, в национальном литературном опыте усматривала «отжившее» и противопоставляла его «гуманному», «советскому»². К. Х. Касумзаде под национальным характером подразумевает выдающуюся личность или личность героическую, характерные черты которой никак не сводятся к разным «несознательным» проявлениям³. Другой исследователь отмечала темы добра и зла, человека и мироздания и другие, как главные черты русскоязычной литературы⁴ и т. д. Во всех этих работах писалось о всеобщем, универсальном, очевидном, что не подвергается сомнению, но вместе с тем, в них транслировались «советские» идеологемы.

В последние два десятилетия появились работы, посвященные лингвистическому осмыслению «пограничной» / «маргинальной», транслингвальной, транскультурной, т. н. русскофонной⁵ личности и созданных ею художественных текстов. С лингвистической позиции изучаются разновидности творческого билингвизма (Хухуни, Валуйцева, 2021: 227–233). Исследователи, работающие на стыке лингвистики и литературоведения, рассматривают соотношение этнической и языковой идентичности билингвальных авторов и особенностей их русскоязычных текстов (Токарева, 2024; Бахтикиреева, Валикова, 2022; и др.⁶), предлагают для рассмотрения своего рода *навигационную карту* для исследовательских стратегий при изучении транслингвального текста в мировом пространстве (Бахтикиреева, Валикова, Токарева, 2021), изучают и ряд других проблем, имеющих отношение к нашей работе. Например, истоки транслингвизма / русскоязычия и история становления транслингвальной литературы на основе русского языка (Бахтикиреева, Валикова, 2017); философские аспекты креативного билингвизма («плодотворная дихотомия», «внезаходимость», «шизофреническая ситуация» и др.) (Бахтикиреева, 2009: 201–217). Все эти исследования свидетельствуют о том, что русскофонная литература, созданная авторами с не единичной картиной мира по сию пору не причисляется однозначно ни к русской, ни к другой национальной литературе. Даже в названии опубликованного в 2017 г. журнала «Дружба народов» материала с симптоматичным названием ««Среди других миров ...» Русская и русскоязычная литература на постсоветском пространстве» т. н. русскоязычная литература отделена от русской национальной литературы. Эти материалы были предоставлены самими современными писателями из евразийских стран⁷.

В работах литературоведов стало заметным акцентирование внимания на постсоветской проблематике транскультурных литературных процессов (Шафранская, 2023). Сложный, поликультурный, полидомный, а значит — транскультурный феномен писателя, этнического узбека Хамида Исмаилова, его метасознание исследуется Г. Т. Гариповой⁸. Концентрируясь на полидомности как транскультурном феномене исследователь изучает проблему поиска идентичности, свойственную «пограничным», транскультурным личностям (Гарипова, 2024). В диссертации У. В. Овчаренко анализируется национальное самосознание этнически русских казахстанских писателей и «русскоязычных» этнических казахов: Р. Сейсенбаева, Д. Накипова и др., относимых ею к транс-

¹ Мынжасарова К. Ж. Проблема национального характера в казахской советской прозе: дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1975. С. 99.

² Канафина К. Д. Национальное и интернациональное в советской литературе (на материале творчества двуязычных писателей): дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. С. 47, 64.

³ Касумзаде, К. Х. Национальное и интернациональное в азербайджанской литературе: дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1984. С. 131.

⁴ Давыдова Т. Т. Роль народно-поэтических традиций в обогащении повести Средней Азии: дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. С. 31.

⁵ Бахтикиреева У. М. в настоящее время предлагает термин «русскофонный» вместо русофонный, предлагаемый ею ранее в работе (см.: Бахтикиреева, 2021: 11–17).

⁶ Кремер Е. Н. Проблемы русско-инонационального билингвизма: языковая и этническая идентичность билингвальной личности: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010; Гринберг С. А. Белорусско-русский художественный билингвизм в когнитивно-дискурсивном и лингвокультурологическом аспектах : автореф. ... дис. ... к. филол. наук. М., 2011.

⁷ «Среди других миров ...» Русская и русскоязычная литература на постсоветском пространстве // Дружба народов. 2017. № 10. С. 236–256.

⁸ Гарипова Г. Т. Принципы миромоделирования в русской прозе XX века (неклассическая парадигма художественности): дис. ... д-ра филол. наук. Владимир, 2021.

культурному вектору¹. Тенденции «языкового беспамятства» писателей-этнофоров рассматривает А. А. Арзамазов (Арзамазов, 2021). Издаются учебные пособия для вузов, посвященные транскультурной литературе².

В совокупности научная литература, отвечающая нашим поискам, подводит к ряду выводов. Прежде всего, уверенно можно говорить о том, что проблемное поле, связанное с творчеством «русскоязычных» писателей, остается одним из актуальных направлений филологической науки. Основной фокус исследовательских интересов сходит в точку изучения транскультурного самосознания евразийских писателей, формирование которого происходило на рубеже веков и рубеже разлома империи — в тот исторический период, когда взамен коммунистической идеологии выдвигались новые аксиологические парадигмы. Последнее невозможно без работы с историческими травмами XX в., создания мест памяти, описания собственных травм, что убедительно показал русско-британско-американский исследователь — литературовед и культуролог А. М. Эткинд (Эткинд, 2016). Совершая «работу горя» по своим родным, он соотносит эту работу с обще-культурной «работой горя», обусловленной социальными катастрофами XX в., в которой участвовать должны и литература, и все виды искусств, и социальные сети. Такая работа необходима для формирования новой исторической памяти.

Саморефлексия, самоанализ перечисленных выше авторов выражается, в частности, образно-эстетической репрезентацией мифологической повседневности, связанной с представлениями отдельного человека и народа о мире и «атмосферой определенной национальной культуры» (Г. Гачев), в которой происходило личностное становление современных авторов. Далеко не случайно Е. Абдуллаев пишет: «Санджар Янышев живет в Москве, Вадим Муратханов в подмосковных Электроуглях, Шамшад Абдуллаев — в Алма-Ате, Хамид Исмаилов в Лондоне. И для всех них Узбекистан остается важной, активно разрабатываемой темой»³. Эту тему можно конкретнее определить как тему *genius loci*, разрабатываемую евразийскими авторами отнюдь не с целью создания экзотической иллюминации или «восточного колорита». Они решают проблемы, имеющие более глубокий смысл, которые можно назвать коммеморативными — связывающими человека с прошлым различными артефактами, пространственно-культурными институциями и другими реалиями.

Этнокультурные образы из ритуально-обрядовой повседневности

Вадим Ахматханович Муратханов — поэт и прозаик, родившийся в Бишкеке (1974 г. р.), перехавший в 16-летнем возрасте в Ташкент, с 2004 г. живущий в России⁴, говоря о новом поколении «русскоязычных» писателей, отметил, что создаваемая ими литература по стилю и ментальности проблематично соотносится с русской литературой⁵. Творчество своих коллег по перу он определяет как «пограничное явление», возникшее «на стыке эпох, в момент крушения имперского мифа и зарождения новой, постколониальной истории Центральной Азии», устойчивость которым придает «нога, стоящая на азиатской почве»⁶. Собственное творческое сознание он определяет как «между *там* и *здесь*, между *тогда* и *сейчас*»⁷.

Рассказ В. Муратханова «Обрезание» повествует об обряде инициации, воспринятом глазами пятилетнего мальчика. Имя его в повествовании не упоминается.

¹ Овчеренко У. Современная проза Казахстана на русском языке: основные тенденции развития: дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.

² Гарипова Г. Т., Шафранская Э. Ф. Локальные тексты в русской литературе: учебное пособие. М.: Юрайт, 2022; Шафранская Э. Ф., Гарипова Г. Т., Кешфидинов Ш. Р. Русская транскультурная литература XXI века: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2023.

³ Абдуллаев Е. Исчезает языковая среда — скукоживается литература // Дружба народов. 2017. № 10. С. 242.

⁴ Вадим Муратханов [Электронный ресурс] // «Журнальный зал» — литературный интернет-проект. URL: <https://magazines.gorky.media/authors/m/vadim-murathanov?ysclid=m4jkeitjfl572202087> (дата обращения: 14.11.2024).

⁵ См.: Русская литература в Средней Азии: Пути и перспективы: материалы круглого стола с участием литераторов Узбекистана и Казахстана // Малый шелковый путь: Новый альманах поэзии. Вып. 5. Ташкент: Фан, 2004. С. 130.

⁶ Муратханов В. К вопросу о «школе» // Малый шелковый путь: Новый альманах поэзии. Вып. 5. Ташкент: Фан, 2004. С. 119.

⁷ Там же; курсив источника. — *Авт.*

Появление в доме большого количества гостей самого разного возраста, сопровождавшегося танцами, угощениями, аплодисментами, остался в детской памяти навсегда. Гости были и почетные, редкие, как, например, аммашка, легендарная старушка, которую её внуки Расул и Азам привели с далекого проспекта «50 лет Киргизии»¹. Двух братьев рассказчика, Аколика и Марипика, уже прошедших обряд обрезания, одаривали конфетами и подарками, «хрустящими деньгами с Лениным на одной стороне»².

Об этих впечатлениях, врезавшихся в детскую память, рассказчик повествует, будучи уже зрелым человеком. Он вспоминает о том, что до случая инициации он не видел подобного обилия подарков и заинтересованного внимания к своим братьям, ни один из его сверстников не удостоивался такого почитания³. Несмотря на изобилие угощений, мама мальчика не позволила съесть ему даже самсу, сказав, что это можно сделать только после ухода гостей.

Изумление мальчика от увиденного на этом мероприятии получило свое продолжение в особом его поступке на следующее утро. Он толкает в спину своего брата Аколика, стоящего на ступенях и собиравшегося справить нужду в туалете, расположенного во дворе. Еще «больной» Аколик, упал, распластавшись словно паучок. Невнимание, ошеломившее сознание рассказчика накануне, искало выход и была отомщено таким образом.

Анализируя эту ситуацию, исследователи полагают, что став взрослым мужчиной, рассказчик признается себе в непонимании собственного поступка в детстве. Вероятно, это было своего рода мезтью, возмездием за то, что он не прошел подобный обряд? Возможно, это было глубокой детской обидой за то, что он полукровка, полурусский, не такой, как его братья? (Колмогорова, 2015: 269). Однако в тексте не упоминается «полурусскость». По всей видимости, Т. Колмогорова ассоциирует образ мальчика в контексте биографии самого автора рассказа узбекско-русского происхождения — В. Муратханова. Следует отметить, что «полурусскость» транслируется в других его рассказах, однако об этом не повествуется в рассказе «Обрезание».

Как нам представляется, душевная травма мальчика проявилась таким образом от осознания своей инаковости и выпадения из общего ряда. Это со всей очевидностью проявляется не только в ситуации почестей и подарков. Когда он попросил прошедших инициацию братьев откинуть одеяло, то клочки черной, густой бараньей шерсти, лежащие на их «укромных местах»⁴, поразили его сознание. Чувство отторгнутости, одинокого отчаяния углубляется и в случае, когда 5-летнему ребенку мать запрещает поесть самсу. Все это в совокупности сформировали душевную травму, отягощающую его жизнь. Рассказчик вспоминает, но не объясняет собственный детский поступок. Но его «психоанализ», подробное повествование детского проступка, позволяет ему изжить психологическую травму, которая осложнилась еще и его изгнанием, коллективным порицанием после падения Аколика. Осуждающие взгляды всех старших родственников, сопровождавшие мальчика, когда он, опустив голову, оставил двор⁵, сохранились в памяти. Будучи взрослым человеком, рассказчик поименно вспоминает длинный список всех, и родных, и знакомых, провожавших его укоризненными взглядами.

Рассказ «Бульбуль» посвящен жизненному пути героя по имени Бульбуль. Его автор Сухбат Афлатуни. Под этим псевдонимом пишет поэзию и прозу Евгений Викторович Абдуллаев (1971 г. р.) — известный поэт и прозаик, критик и переводчик, философ и педагог⁶, выросший и живущий в Узбекистане.

Ставший свидетелем исторически, социально и культурно меняющегося городского ландшафта от рождения до старости, Бульбуль жил на базаре — это было местом его постоянного обитания. В рассказе значимое место занимает обряд обрезания, через который в возрасте 6 лет прошел мальчик. Его громкий крик слышал весь базар. На следующий день мальчик уже лепил из глины птиц и животных с маленьким отростком, обрезанным, как у него⁷.

¹ Там же. С. 139.

² Муратханов В. Приближение к дому: Поэзия и проза. Алматы: Искандер, 2011. С. 138.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 142.

⁶ Сухбат Афлатуни — о поэте. [Электронный ресурс] // Livelib.ru. URL: <https://www.livelib.ru/author/159163-suhbat-aflatuni?ysclid=m4idvkugr8635112799> (дата обращения: 18.11.2024).

⁷ Афлатуни С. Бульбуль: Рассказ // Сухбат Афлатуни. Приют для бездомных кактусов. М.: Эксмо, 2021. С. 366.

Взросление мальчика с «говорящим» именем Бульбуль (рус.: соловей) сопровождается еще одной физиологической составляющей, связанной с мутацией голоса на этапе полового созревания мальчиков. Когда подросток стал ходить в школу, к его отцу наведался школьный учитель пения и сообщил ему о том, что у его сына уникальный голос и особый талант, превосходящий даже уникальный дар Робертино Лоретти. Бульбуля следует определить в музыкальную школу¹ — таков был совет учителя. Отец же своего сына готовил к продолжению собственного ремесла — базарного «скульптора» по изготовлению из глины разных фигурок животных и свистулек. Неприятное известие подвигло отца «уничтожить» голос сына, никакой великий певец ему не был нужен. Он напоил сына, вспотевшего и разгоряченного от беготни под жарким солнцем, ледяной водой, заранее раздобытой у мороженщика. Бульбуль заболел, а хрипловатый, сиплый голос сопровождал его до конца жизни.

В прозе С. Афлатуни данный мотив носит метатекстуальный характер. В произведении «Год барана» о бездетном корейце Тельмане Киме, герою, наоборот, сохранили голос, но посредством кастрации, с тем, чтобы детский хор участвовал в районном смотре. Тельман Ким — солист хора — в это время испытывал подростковую ломку голоса. Уже будучи взрослым, Тельман Ким при встрече у костра со случайными попутчиками на вопрос, почему он бездетен, ответил, что хоровая музыка забрала его детей².

Поэтике обрядовых действий в исследуемых нами прозаических текстах характерно наличие метаморфозы, сопряженной с т. н. симпатической магией³. Родитель Бульбуля, без колебаний уничтоживший в сыне певца, ценой своей жизни спасает его от смерти. Он перевоплощается в своего сына, тем самым обманывает смерть. Вместо жизни сына она забирает жизнь отца. На Бульбуля, оформлявшего на стройке зарисовки, сверху валятся кирпичи. Мальчик в тяжелом состоянии попадает в реанимацию, куда и приходит его отец с узелком, со сложенным в нем одеждой сына. Переодевшись в нее, замотав платком голову, как у больного Бульбуля бинтами, родитель лег возле сына. «Я — Бульбуль», — сказал отец и заснул. А на утро обнаружилось, что он умер⁴.

Судьба Бульбуля, чистая и бескомпромиссная в начале, к концу повествования заканчивается драматично. Уважаемый мужчина, к которому уже обращались не иначе, как Бульбуль-ака, принимает участие в «убийстве» своего места обетованного, служившего ему и колыбелью, и домом, и школой взросления жизни — базара. И это деяние не позволило случиться метаморфозе, когда Бульбуль решил повторить отцовский опыт чудного спасения его от смерти, желая спасти девушку. Одевшись в рубашку девушки, Бульбуль лег рядом с ней, сказал: «Я — Сунбуль» и уснул. Спустя два дня он проснулся и не обнаружил рядом девушки. Его жертва не была принята. По всей видимости, размышляет Бульбуль, так распорядился преданный им базар.

В рассказе «Волчицы» писателя, художника и литературного критика, этнически крымского татарина Шевкета Кешфидинова, родившегося в Узбекистане (1991 г. р.), в 1999 г. переехавшего в Крым, а ныне живущего в Москве⁵, сакральным артефактом предстает *перстень*.

В центре повествования история одной семьи, разворачивающаяся на фоне трагичной судьбы для выселенного с родной земли крымско-татарского народа, вдвойне испытавших суровую долю («Все в войну хлебнули горя полную чашу. А вам две досталось»⁶). Героини рассказа: Земине, невестка, уже через полгода войны получившая похоронку, лютующая свекровь и две золовки — сестры её погибшего мужа. От голода и болезни умирают дети Земине. Сначала смерть уносит сына. Но за жизнь дочери она пытается бороться. Усматривая спасение в перстне свекрови с изображением волчицы, тотема их жестокого рода, никому ничего не прощающего и по-настоящему никого не любящего⁷, Земине умоляет свекровь отдать его ей. Таким образом она намеревалась спасти свою дочку Шефику, откупившись от «печальника», уже готовящегося прийти для отпевания ребенка. Всегда выступаю-

¹ Там же. С. 367.

² Афлатуни С. Глиняные буквы, плывущие яблоки: Повести. М.: Эксмо, 2020. С. 332.

³ Термин «симпатическая магия» (sympathetic magic) предложен антропологом Дж. Фрезером (см.: Фрезер, 2001: 20–68).

⁴ Афлатуни С. Бульбуль... С. 370.

⁵ Biography — Devlet Saray Museum. Shevket Keshfidinov. [Электронный ресурс] // Biography — Devlet Saray Museum. URL: <https://devletsaray.org/biography-24.html> (дата обращения: 29.11.2024).

⁶ Амит Э. О. Последний шанс: роман. М.: Советский писатель, 1998. С. 12.

⁷ Кешфидинов Ш. Р. Волчица: Рассказ // Новый Орёл+XXI век. 2023. № 38. С. 13.

щие заодно, и свекровь, и золовки — враги невестки. Земине то бредит, то впадает в беспамятное состояние. Автор рассказа сворачивает последовательное изложение событий, а в финале неожиданно появляется в этих местах некто живой¹, что означает, что в живых не осталось никого. Этим живым был муж Земине — Якуб, который обнаружил всех мертвыми. Их прибрала волчица, а перстень оказался на руке Шефики, которая, открыв глаза, увидела отца.

Следует отметить, что *обереги* (амулеты, талисманы) как детали повседневной жизни в произведениях изучаемых нами евразийских авторов встречаются часто. Например, в «Глиняных буквах...» С. Афлатуни в качестве оберега / талисмана выступает веточка *исрыка*, принесенная детьми новому учителю с тем, чтобы он защитился от мертвого учителя². У С. Янышева в «Балладе о патыре» мы встречаемся с зернышками того же *исрыка*, который герой носил на себе, защищая себя от пуль, и *исрык* спас от голодной смерти его и других солдат³. У Е. Абдуллаева это *кузmunчок* на лобовом стекле машины, которым его хозяин защищается от сглаза⁴. В «Разговоре: Были» Ш. Кешфидинова повествуется о *тканевом треугольнике*, в котором персонаж Таир хранит молитвы⁵; такие треугольники в его народе принято называть *дуа*, или *дувалык*. Все эти артефакты относятся к этнокультурным образам, они как штрихи к картине мира любого народа, которые, по Г. Д. Гачеву, формируют их склад мышления и в соответствии с которыми человек ведет себя, слагает свои мысли в порядок — очевидный для одного народа, неочевидный для другого (Гачев, 1987: 165).

Этнокультурные образы городских институций (базар, музей)

Пожалуй, самый распространенный образ повседневной жизни азиатской части Евразии — это *базар*. В произведениях современных евразийских прозаиков этот образ занимает особое место. *Открытое* для постороннего взгляда пространство по сравнению с *закрытым* домом, базар является не просто местом торговли, но представляет собой особую социальную институцию.

Художественный образ базара как сакрального места, а не как экзотического, впервые появляется в повести «Завсегдатай» известного писателя узбекского происхождения Тимура Пулатова. Как отметили российские литературоведы, исследуя творчество этого прозаика:

«Пожалуй, впервые в словесности базар <...> предстает живым организмом, со своей философией, психологией, суевериями, легендами, в красках и запахах, которые разнятся в зависимости от времени года. У базара свой нрав <...>. Базар — особая модель общежития: у базара свое ревностное отношение к женитбе, семье, он не прощает предательства, ему надо отдаваться сполна <...>. Базар — сакральное пространство, несмотря на земную, плотскую функцию, сосредоточенную в его пределах» (Шафранская, Гарипова, 2024: 130, 134, 140).

Тема базара как особенного сакрального места продолжается в произведениях новой генерации евразийских писателей.

В рассказе «Бульбуль» Сухбата Афлатуни базар является эквивалентом дома, школы жизни. Если в «Завсегдатае» Т. Пулатова подтекст повествования содержит антитезу «дом — базар», то у С. Афлатуни эти концепты уравниваются; уже первое предложение: «Он родился на базаре»⁶ настраивает на такое прочтение рассказа. Пространство базара — это безграничный космос. Рассказчик акцентирует внимание читателя на том, что базар в жизни и базар на карте — отнюдь не одно и то же. Границы базара, обозначенные на карте тушью, оторваны от пульсирующей энергии повседневной жизни, выплескивающейся за пределы границ. На улицах и переулках на складных стульях, разложив свой немудреный товар, продавцы предлагают все, что имеет или не имеет цену⁷.

Там же, на базаре выбирают имя для родившегося мальчика. Имя Базарбай, выбранное отцом для сына, чтобы он «повелевал» базаром, отклоняется в силу наличия в соседней лавке одного Базарбая. И родитель нарекает сына Бульбулем, ассоциируя это имя с похожими на трели соловья звуками детских свистуллек.

¹ Там же. С. 14.

² Афлатуни С. Глиняные буквы, плывущие яблоки: Повести. М.: Эксмо, 2020. С. 53.

³ Янышев С. Умр. Новая книга обращений. М.: Арт хаус медиа, 2017. С. 75.

⁴ Абдуллаев Е. Страна Ташкения, или Летняя прогулка вдоль канала // Октябрь. 2011. № 10. С. 157.

⁵ Кешфидинов Ш. Р. Разговор: Быль // Знамя. 2024. № 5. С. 98.

⁶ Афлатуни С. Бульбуль: Рассказ // Афлатуни С. Приют для бездомных кактусов. М.: Эксмо, 2021. С. 363.

⁷ Там же. С. 363–364.

Бульбуль рос и вырос на базаре¹. Настоящий дом он не любил, на базаре он пел и свистел, приобретал первые навыки лепки из глины. С приходом новых времен базар претерпевал запрещения и разрешения, реконструирования и закрытия, новую реконструкцию и открытие. Мальчик вырос, обучался в училище искусств. Потом становится Бульбулем с приставкой *-ака*, человеком уважаемым, выполняющим уже дорогие заказы на изготовление скульптур. В его взрослой профессиональной карьере уже нет места тем музыкальным свистулькам, но есть глиняные Маркс, Ленин, поэт Хамза². В поздние моменты проезда мимо базара, Бульбуль-ака избегал смотреть на него. Таким образом, подводит автор своего читателя к восприятию образа базара. Базар содержит в себе некую одухотворенную субстанцию, не прощающей предательства.

Образ *музея* в прозаических произведениях некоторых современных евразийских писателей предстает не в его традиционной ипостаси — государственное или частное культурное учреждение в пространстве города (см. например: «Рассказ коллекционера» С. Афлатуни, в котором воссоздана создает гротесковая пародия на подобный музей)³, монолитное и статичное. Мы встречаемся с динамичным образом *музея* — *процесса*, характеризующего постсоветский период.

Рассказ «Ребро барана»⁴ писателя и ученого-филолога Александра Грищенко, родившегося в Ташкенте (1983 г. р.), а с 2000 г. живущего в Москве, предваряется эпиграфом, в котором фраза «вечный узник Ташкента», привлекает внимание, словно указывая на невозможность освободиться от картины мира, сформированной в конкретной среде:

«... я прошел сквозь него, не замедлив шага —
он растерянно моргал за спиной,
вечный узник Ташкента,
кровоточащий сбивчивым монологом.
Вадим Муратханов»⁵.

В этом произведении повествуется и об особенной коллекции одного из персонажей — ташкентца Рахима, скупавшего за бесценок, но чаще выменивающего на кислое молоко, заквашенное его женой — Фаридой-опа, у покидающих Ташкент русских. Подобно бальзаковскому Гобсеку, он любил рассматривать свои сокровища, среди которых были шахматные фигуры из слоновой кости, самовары, медные трубы, керосиновые лампы, бронзовое распятие, сделанные из гипса губы Давида и аж «четыре с половиной бюстика Сталина» из алюминия, выстраиваемые им «строго по росту, как в армии учили». Рахим очень дорожил всем этим «счастьем», свалившимся на его голову, он был твердо уверен в том, что с отъездом русских в его городе больше не будет ничего подобного. Образ рахимовского музея как бы завершает практически полтора-столетний проект русского Туркестана. Появившиеся здесь непрошенными, русские уезжали, завершая этот длительный исторический этап; они оставались на кладбищах, а по улицам города двигались их изможденные тени⁶. Их присутствие здесь и теперь воплощено и в этом необычном музее Рахима, свидетельствующем о драматическом периоде истории.

У С. Афлатуни заглавие рассказа «Русский музей»⁷ имеет двойную номинацию. Это и отсылка к Государственному Русскому музею в Санкт-Петербурге, где работала героиня Баболя (баба Оля) еще до начала Второй мировой войны, и *музей*, наполняемый хламом, подобно рахимовскому музею, Сергеем (Сирожетдином), нацеленным на вещи отъезжающих русских. Привитая ему Бабой Олей любовь не только к вещам, хранящим память об их предыдущих владельцах и символизирующим новый этап истории, распространялась на все «русское», запечатленное в памяти: рассказы о блокаде Ленинграда, его площадях, проспектах и улицах. Образ этого города теоретически был им усвоен от Бабы Оли, попавшей в среднеазиатский город во времена эвакуации.

¹ Там же. С. 364.

² Там же. С. 375.

³ Афлатуни С. Октябрь: Рассказ коллекционера // Октябрь. 2014. № 10. С. 80–83.

⁴ Грищенко А. Ребро барана: Рассказ // Октябрь. 2009. № 6. С. 139.

⁵ Там же. С. 139.

⁶ Там же. С. 145.

⁷ Афлатуни С. Русский музей: Рассказ // Афлатуни С. Приют для бездомных кактусов. М.: Эксмо, 2021. С. 5–14.

Бывшие когда-то модными пиджаки и платья, старые комоды, столы и стулья, картины и фотографии, большие люстры, тарелки с трещинами, половики, — все это стало «Русским музеем» Сирожетдина. В мечтах о скором времени отъезда всех русских он лелеял мечту об открытии собственного, частного музея, в котором он видел и «королевскую» кровать Бабы Оли с изображениями морд «львов и грифонов» и ножками «в виде львиных лап». Баба Оля умерла, а возделенная кровать развалилась на части, когда ее стали двигать. Каждый, кто пришел помянуть Бабу Олю, унес с собой по фрагменту этой кровати на память. «Королевская» кровать — символ развала «русской цивилизации», привнесенной в середине XIX в. в эти края. Такова поэтика художественного образа «музея», родившегося на рубеже смены «цивилизационного» вектора на евразийской территории.

В точке крушения длившейся полтора столетия цивилизации смыкаются образы *базара* и *музея*. В. Муратханов в основанном на реальных наблюдениях очерке «Первородный грех колониста» отмечает, что в Ташкенте единственным местом, где можно было увидеть сразу и много русских, была «толкучка». Тут встречались все — бывшие: ставшие не востребованными преподаватели, находящиеся в поисках заказов технические работники с золотыми руками, ищущие случайную возможность заработать рабочие с остановивших работу предприятий. Разложенные перед ними на картонках предметы: запчасти и железки не пользовались спросом, на вырученные деньги можно было приобрести лишь нехитрую закуску и выпивку¹.

Этнокультурные образы из круга гастрономических реалий

Национальная еда в художественных произведениях включает в себе культурные смыслы, выражающие специфику конкретного географического места обитания народа. «Каждый этнос рождается на своей земле» (Гачев, 2008: 61), — пишет Г. Д. Гачев; отсюда «пища — есть та часть национального Космоса, внешнего мира, которая пригодна войти внутрь нас, в святилище нашей тонкой и нежной внутренности, внутреннего мира» (там же: 63). Все, что произрастает на конкретной территории, какой род этнических способов хозяйствования культивируется, какие эстетически-вкусовые предпочтения у того или иного народа — все значимо для понимания национальных картин мира (там же: 61–70).

В современной евразийской прозе мотив *еды* представлен достаточно богато. Как и в прозе Т. Пулатова, где этот мотив является одним из «паттернов национальной картины мира среднеазиатского Востока» (Шафранская, Гарипова, 2024: 168), так и в произведениях современных евразийских авторов тема еды и «сопрягается с экзистенциальными наблюдениями» (там же).

В повести «Крылатая невеста Махди» казахстанского писателя и литературного переводчика Ильи Одегова, родившегося в Новосибирске (1981 г. р.), но выросшего и живущего в Алматы, приводится богатый ряд гастрономических реалий.

Здесь и *бешбармак* («О, беш!»²), *казы* и *карта*, *куырдак* и *кумыс*. Этими блюдами аульчане — казахи угощают русского парня по имени Игорь, потому что он гость. Еркебулан, местный житель, говорит гостю, что «пир горой», устроенный перед ним, не является повседневной практикой. Жители аула живут скромно и трудно, но это угощение — особый знак казахов. Это обязательное уважение к любому человеку, посетившего дом, для гостя выставляется все самое лучшее³.

Разнообразные гастрономические реалии представлены во многих произведениях евразийских авторов. Приведем несколько примеров на несущей историческую и философскую коннотацию реалии — *хлебе*. Сакральное отношение к хлебу характерно для всех народов, в том числе центральноазиатским. «Восточный хлеб — лепешки — еда сакральная. Ею поминают предков» (Шафранская, Гарипова, 2024: 165). У А. Грищенко встречаем непреложный закон восточных народов: «А выкидывать хлеб в мусорку — грех»⁴.

¹ Муратханов В. Первородный грех колониста // Дружба народов. 2005. № 6. С. 166.

² Одегов И. Крылатая невеста Махди: Повесть // Дружба народов. 2020. № 8. С. 109.

³ Там же. С. 112.

⁴ Грищенко А. Вспять: Большое стихотворение в прозе // Малый шелковый путь: Новый альманах поэзии. Вып. 5. Ташкент: Фан, 2004. С. 78.

Украденный хлеб — узбекские лепешки в рассказе Ш. Кешфидинова «Прости грехи наши» — являет собой рубеж между смертью и жизнью. Рассказчик повествует о своих детских впечатлениях. Их семью и все соседние семьи из Крыма — родной земли перевезли на чужую, жаркую и неприветливую землю, где многие из них от голода умирали. «Воровство» мальчика, с одной стороны, поступок аморальный, но с другой — спасительный. Обсуждая его, мама и бабушка мальчика пытаются осознать этот поступок. Мудрый вывод о поступке внука делает старая женщина:

«Если бы не он, мы умерли бы с голоду. Сама знаешь, если бы не эти три лепешки... <...> Кто украл хлеб, тот не вор»¹.

«Воровство» хлеба можно рассматривать как инициацию рассказчика. *Инициация — это стадия временной смерти, чтобы возродиться для новой жизни.* Если до кражи хлеба мальчик не находил общего языка со сверстниками, то после него он «возродился» для новой жизни, — отчуждение от других детей отступило. До дней создания рассказа повествующий испытывает не исчезающее из памяти, благодарное чувство к той молодой женщине, у которой он украл лепешки. Он думает о ней и желает встретить её.

Лепешка в рассказе С. Афлатуни «Ночь коротка» выполняет сакральную функцию. Будучи ребенком, рассказчик роняет лепешку в арык и сильно пугается. Он бежит за уносимой течением лепешкой, заранее осознавая, что водный поток унесет её в море, а он утонет. Однако лепешка доплыла до небольшого водоема с рыбами, которые набросились на неё. В момент, когда он приготовился камнем бить этих рыб, мальчика остановил мулла, сказавший ему, что это праведники, а не рыбы, и они когда-нибудь за доброе дело отблагодарят его. Хлеб был принесен мальчиком в жертву².

В освещении темы *хлеба* евразийские писатели следуют устоявшимся в народе традициям. Мальчику по имени Душан в произведении Т. Пулатова «Страсти бухарского дома» старый и мудрый человек — бабушка говорит: «Поцелуй быстро хлеб и попроси у него прощения, негодный!.. Хлеб нельзя ронять, проси прощения!»³, — таким образом приучая внука почтительно относиться к хлебу.

Короткий рассказ «Баллада о патыре» в книге «Умр» С. Янышева посвящен спасительной роли *лепешки* во время войны. В центре повествования пятнадцать «советских солдат, окруженных фронтом, болотами». Все они: комиссар Петелькин и политрук Птичкин, ефрейтор Минц и солдат Серега-Суслик, красноармеец Рустамов Азамат и другие, «почти безоружные, обескровленные, среди выгоревших дочерна сосен, чьими призраками они теперь, по сути, являлись», были заражены «чумой, зовущейся унынием». Семеро из них ранены, «трое — смертельно, четверо — не смертельно» и остальные понимали, что будут съедены⁴. Партизан Рустамов, «почти обезумев от окружающих стонов» уходит на поиски глины. Из нее он сооружает *тандыр*, в которых узбеки традиционно выпекают *патыр* — лепешку. В последнюю картофелину, размятую комиссаром, Азамат всыпает «сухие белесые почки какого-то растения», вынув их из тряпицы, висевшей у него на шее — зернышки *исрыка*. Уныние было побеждено не столько узбекским *патыром*, сколько поступком, который, учитывая отчаянные обстоятельства солдат, можно назвать подвигом.

Заключение

В прозе Сухбата Афлатуни, Вадима Муратханова, Санджара Янышева, Шевкета Кешфидинова, Александра Грищенко, Ильи Одегова доминантой выступает не русская культура, а этнический метатекст, с которым они ассоциируют себя и на который указывает их становление «в атмосфере определенной национальной культуры» (Г. Гачев). Поэтика созданных ими этнокультурных образов отражает наделенную экзистенциальными функциями мифологию повседневности. В данной работе мы сосредоточились на некоторых из них: ритуально-обрядовая жизнь (обрезание), элементы т. н. симпатической магии, вера в метаморфизм (превращение), артефакты, несущие метафизическую нагрузку (оберег, амулет), пространство — базар и музей, артефакт гастрономии (хлеб — лепешка).

¹ Кешфидинов Ш. Р. Прости грехи наши: Рассказ // Звезда. 2024. № 10. С. 10.

² Афлатуни С. Ночь коротка: Рассказ // Сухбат Афлатуни. Приют для бездомных кактусов. М.: Эксмо, 2021. С. 270.

³ Пулатов Т. И. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Современный писатель, 1995–1999. Т. 2. С. 39.

⁴ Янышев С. Умр. Новая книга обращений. М.: Арт хаус медиа, 2017. С. 74–75.

Суммируя нашу аналитику, можно сделать вывод о том, что круг перечисленных выше писателей и их творчество свидетельствует о схожести антропологических тенденций и экзистенциальных проблем, воплощенных в художественной образности их прозаических произведений. Можно говорить и о сходстве «семантической вселенной» (термин В. В. Налимова, Ж. А. Дрогалиной, см.: Налимов, Дрогалина, 1984), одновременно явленной в разных точках Земли — в нашем случае евразийской «ойкумене», о чем определенно говорится в «Мировой республики литературы»¹. Её автор — французская исследовательница П. Казанова отмечает, для того, чтобы увидеть оригинальность отдельного литературного произведения, следует взглянуть на совокупность текстов, их поэтику, поскольку каждая книга, появившаяся в мире является частью этой совокупности (Казанова, 2003).

Поколенческое отличие от предшествующего круга «русскоязычных» писателей выражается в интровертной поэтике образности в их текстах, в обостренном чувстве самоидентификации и саморефлексии, обусловленной социальными и политическими переменами и экзистенциальной потребностью «работы с горем» для формирования новой исторической памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллаев, Е. (2006) Современная русская литература Средней Азии: случай многослойного отражения // Вопросы литературы. № 3. С. 320–326.

Аннинский, Л. А. (2001) Русские плюс... М. : Алгоритм. 384 с.

Арзамазов, А. А. (2021) Между «своим» и «чужим»: языковые и художественные реалии, проблемы, перспективы литературы народов Крайнего Севера и Дальнего Востока // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6–2. С. 246–255.

Бахтикиреева, У. М. (2009) Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана : ЦБОиМИ. 259 с.

Бахтикиреева, У. М. (2021) Русофон — Русофонный — Русофония — Русофонная литература — слова глобальные или локальные? // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. 18. № 1. С. 11–17.

Бахтикиреева, У. М. (2024) Георгий Гачев и его метод мышления: меняя человека и мир // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.1>

Бахтикиреева, У. М., Валикова, О. А. (2017) Истоки транслингвальной русскоязычной литературы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. 14. № 1. С. 18–23.

Бахтикиреева, У. М., Валикова, О. А. (2022) «Языковые ключи»: иноязычная лексика в транслингвальном (русофонном) художественном тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13. № 1. С. 184–200.

Бахтикиреева, У. М., Валикова, О. А., Токарева, Н. А. (2021) На «Агоре» сегодня: подходы к изучению транслингвальной литературы // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6–2. С. 263–273.

Гарипова, Г. Т. (2024) Образ мыслящего мира «за пределами мозга» в романе Киора Янева «Южная Мангазея» // Палимпсест: Литературоведческий журнал. № 1 (21). С. 50–70.

Гачев, Г. Д. (1987) Национальные образы мира // Вопросы литературы. № 10. С. 156–191.

Гачев, Г. Д. (2002) Национальные образы мира. Кавказ. Интеллектуальные путешествия из России в Грузию, Азербайджан и Армению. М. : Издательский сервис. 416 с.

Гачев, Г. Д. (2008) Ментальности народов мира. М. : Алгоритм, Эксмо. 544 с.

Елеукенов, Ш. Р. (2013) Евразийский талисман. О литературных истоках движения // Классические исследования: Многотомник. Евразийство и диалог культур. / под ред. У. К. Калижанова. Алматы : Эдебиет әлемі. Т. 19. 396 с. С. 255–290.

Казанова, П. (2003) Мировая республика литературы / пер. с фр. М. Кожевниковой и М. Летаровой-Гистер. М. : Издательство им. Сабашниковых. 416 с.

Колмогорова, Т. Н. (2015) Этнокультурное своеобразие картины мира. О рассказах С. Афлатуни, В. Муратханова, И. Одегова, А. Торка, С. Янышева // Вопросы литературы. № 1. С. 260–283.

¹ Казанова П. Мировая республика литературы / пер. с фр. М. Кожевниковой и М. Летаровой-Гистер. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003.

Налимов, В. В., Дрогалина, Ж. А. (1984) Вероятностная модель бессознательного. Бессознательное как проявление семантической вселенной // Психологический журнал. Т. 5. № 6. С. 111–122.

Токарева, Н. А. (2024) Этническая и языковая самоидентификация Намжила Нимбуева в поэтическом дискурсе // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 21. № 2. С. 260–279.

Фрэзер, Дж. Дж. (2001) Золотая ветвь: Исследование магии и религии: в 2 т. / пер. с англ. М. Рыклина. М. : ТЕРРА — Книжный клуб. Т. 1. 528 с.

Хухуни, Г. Т., Валуицева, И. И. (2021) Билингвальное творчество: языковое переключение или языковой сдвиг? // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6–2. С. 227–233.

Шафранская, Э. Ф. (2023) Постсоветская проблематика в современной русской транскультурной литературе: роман «Руки-реки» Лианы Шахвердян // Этнос и судьбы в современном социуме: теория и практика/ под ред. М. П. Жигаловой. Брест : БрГТУ. 224 с. С. 54–61.

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т. (2024) Проза Тимура Пулатова : этнокультурный дискурс. СПб. : Свое издательство. 300 с.

Эткинд, А. М. (2016) Кривое горе: Память о непогребенных. М. : Новое литературное обозрение. 328 с.

Дата поступления: 16.12.2024 г.

Дата принятия: 08.01.2025 г.

REFERENCES

Abdullaev, E. (2006) Contemporary Russian literature of Central Asia: a case of multilayered reflection. *Voprosy literatury*, no. 3, pp. 320–326. (In Russ.)

Anninsky, L. A. (2001) *Russians plus...* Moscow, Algoritm. 384 p. (In Russ.)

Arzamazov, A. A. (2021) Between 'one's own' and 'the alien': linguistic and artistic realities, problems and prospects of the literature of the peoples of the Far North and the Far East. *Filologicheskie nauki Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. 6–2, pp. 246–255. (In Russ.)

Bakhtikireeva, U. M. (2009) *The creative bilingual personality (features of the Russian text of a Turkic author)*. Astana, TsBOiMI. 259 p. (In Russ.)

Bakhtikireeva, U. M. (2021) Russophone — Russophonie — Russophonia — Russophonie literature: global or local words? *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke*, vol. 18, no. 1, pp. 11–17. (In Russ.)

Bakhtikireeva, U. M. (2024) Georgy Gachev and his method of thinking: changing the person and the world. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–19. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.1>

Bakhtikireeva, U. M. and Valikova, O. A. (2017) The origins of translanguaging Russian-language literature. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke*, vol. 14, no. 1, pp. 18–23. (In Russ.)

Bakhtikireeva, U. M. and Valikova, O. A. (2022) 'Language keys': foreign vocabulary in the translanguaging (Russo-phonie) literary text. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov Seriya Teoriya yazyka Semiotika Semantika*, vol. 13, no. 1, pp. 184–200. (In Russ.)

Bakhtikireeva, U. M., Valikova, O. A. and Tokareva, N. A. (2021) On the 'Agora' today: approaches to the study of translanguaging literature. *Filologicheskie nauki Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. 6–2, pp. 263–273. (In Russ.)

Garipova, G. T. (2024) The image of the thinking world 'beyond the brain' in the novel *Southern Mangazeya* by Kior Yanov. *Palimpsest Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 1(21), pp. 50–70. (In Russ.)

Gachev, G. D. (1987) National images of the world. *Voprosy literatury*, no. 10, pp. 156–191. (In Russ.)

Gachev, G. D. (2002) *National images of the world Caucasus Intellectual journeys from Russia to Georgia, Azerbaijan and Armenia*. Moscow, Izdatelskii servis. 416 p. (In Russ.)

Gachev, G. D. (2008) *Mentalities of the peoples of the world*. Moscow, Algoritm Eksmo. 544 p. (In Russ.)

Eleukenov, Sh. R. (2013) The Eurasian talisman On the literary origins of the movement. In: Kalizhanov U. K. (ed.) *Classical studies: Collected volumes Eurasianism and dialogue of cultures*. Vol. 19. Almaty, Adebiet Alemi. 396 p. Pp. 255–290. (In Russ.)

Casanova, P. (2003) *The world republic of letters*, trans. by M. Kozhevnikova and M. Letarova-Gister. Moscow, Izdatelstvo im. Sabashnikovoykh. 416 p. (In Russ.)

Kolmogorova, T. N. (2015) Ethnocultural distinctiveness of the worldview: on the stories by S. Aflatuni, V. Murat-khanov, I. Odegov, A. Tork, S. Yanyshev. *Voprosy literatury*, no. 1, pp. 260–283. (In Russ.)

Nalimov, V. V. and Drogalina, Zh. A. (1984) A probabilistic model of the unconscious. The unconscious as a manifestation of the semantic universe, *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 5, no. 6, pp. 111–122. (In Russ.)

Tokareva, N. A. (2024) Ethnic and linguistic self-identification of Namzhil Nimbuev in poetic discourse. *Polilingvialnost i transkulturnye praktiki*, vol. 21, no. 2, pp. 260–279. (In Russ.)

Frazer, J. G. (2001) *The golden bough A study in magic and religion*: in 2 vols. Trans. by M. Rykhlin. Moscow, TERRA – Knizhnyi klub. Vol. 1. 528 p. (In Russ.)

Khukhuni, G. T. and Valuytseva, I. I. (2021) Bilingual creativity: code-switching or language shift? *Filologicheskie nauki Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. 6–2, pp. 227–233. (In Russ.)

Shafranskaia, E. F. (2023) Post-Soviet themes in contemporary Russian transcultural literature: the novel *Hands-Rivers* by Liana Shakhverdyan. In: Zhigalova, M. P. (ed.) *Ethnicities and destinies in the modern society Theory and practice*. Brest, BrGTU. 224 p. Pp. 54–61. (In Russ.)

Shafranskaia, E. F. and Garipova, G. T. (2024) *The prose of Timur Pulatov Ethnocultural discourse*. St. Petersburg, Svoe izdatelstvo. 300 p. (In Russ.)

Etkind, A. M. (2016) *Warped mourning Memory of the unburied*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p. (In Russ.)

Submission date: 16.12.2024.

Acceptance date: 08.01.2025.

TURKIC-MONGOLIAN WORLD

DOI: 10.25178/nit.2025.2.14

Article

Mongolian National (*Khalkha*) Wrestling's Uniforms of the 16th century

Dalanbayar Boldbaatar

Center Physical Culture of Avga Khoshuu, Xilingol, Inner Mongolia, China,
Buyandelger Batmunkh, Munguntuul Enkhbat, Bat-Ochir Ishjамts
Mongolian National University of Medical Sciences, Mongolia

This article examines the history of Mongolian wrestling uniform, with a special focus on the 16th century, and its importance for understanding the history of this kind of sport from the ancient times to the present day.

Judging from the wrestling uniforms which appear in the copy of the wall painting of Erdene Zuu monastery known as 'Abtai Sain Khan', preserved in the National Museum of Mongolia, we can conclude that 16th century wrestling uniforms of the are not only very similar to the their 13th century counterparts (found in Shaanxi), but have also survived as the national wrestling uniforms of Mongolia today. The modern Mongolian national wrestling uniform consists of *malgai* (hat), *zodog* (uniform covering the chest), *shuudag* (uniform similar to shorts), and *guta* (boots).

However, according to the picture, these elements were used in wrestling in the 16th century. In the present-day Mongolian national wrestling uniforms the part which differs most from its historic predecessors is the *malgai*, which is unique in that it is the first image that has never been depicted in Mongolian historical wrestling monuments. But the *zodog*, *shuudag*, and *guta* have been handed down without much change. Our research on Mongolian wrestling uniforms is important for a more accurate understanding of the culture, history, and evolution of Mongolian ethnicity.

Keywords: Mongolian national wrestling; wrestling uniform; Mongolia; *zodog* *shuudag*

For citation:

Dalanbayar B., Buyandelger B., Munguntuul E. and Bat-Ochir I. Mongolian National (*Khalkha*) Wrestling's Uniforms of the 16th century. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 246-257. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.14>

DALANBAYAR, Boldbaatar, PhD, Wrestling coach, Center Physical Culture of Avga Khoshuu, Xilingol, Inner Mongolia, China. Postal address: 1 Tsengel toirog, Khar Aduu zeel, Avga Khoshuu, Xilingol, Inner Mongolia, China. E-mail: 1435261530@qq.com

BUYANDELGER, Batmunkh, PhD, Associate Professor, Department of Basic Science, Mongolian National University of Medical Sciences. Postal address: School of Nursing, Mongolian National University of Medical Sciences, Street Ard Ayush, 6th khoroo, Bayangol district, Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: buyandelger.b@mnums.edu.mn

ORCID: 0000-0003-2476-5078

MUNGUNTUUL, Enkhbat, PhD, Senior Lecturer, Department of Public Health Nursing, Mongolian National University of Medical Sciences. Postal address: School of Nursing, Mongolian National University of Medical Sciences, Street Ard Ayush, 6th khoroo, Bayangol district, Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: munguntuul@mnums.edu.mn

ORCID: 0000-0001-7615-248X

BAT-OCHIR, Ishjамts, Teacher of Physical Culture, Doctoral Student, Department of Basic Science, Mongolian National University of Medical Sciences. Postal address: School of Nursing, Mongolian National University of Medical Sciences, Street Ard Ayush, 6th khoroo, Bayangol district, Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: batochir@mnums.edu.mn

ORCID: 0009-0008-2566-7510

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР

Статья

Форма монгольской национальной (халха) борьбы XVI века**Даланбаяр Болдбаатар**

Центр физической культуры Авга Хошуу, Китай,

Буянделгер Батмунх, Мунгунтуул Энхбат, Бат-Очир Ишжамц

Монгольский национальный университет медицинских наук, Монголия

В статье представлено исследование монгольской борцовской формы, имеющей древнюю историю. Анализируется борцовская форма, которая изображена на копии настенной росписи монастыря Эрденэ-Зуу, известной как «Абтай Саин хан» (XVI в.). Она хранится в Национальном музее Монголии.

Анализ показывает, что борцовская форма монастыря XVI в. не только очень похожа на их аналоги XIII в., найденные в Шэньси (Китай), но и сохранилась по сей день. Современная монгольская национальная борцовская форма состоит из основных частей: малгай (шапка), зодог (нагрудная форма), шуудаг (форма, похожая на шорты) и гутал (сапоги).

Тем не менее отличия все же есть. Больше всего от своих исторических предшественников отличается шапка-малгай. Интересно то, что на росписи обнаруживается ее наиболее раннее в истории изображение. Остальные элементы одежды — зодог, шуудаг и гутал — передавались из поколения в поколение без особых изменений.

Исследование важно для понимания истории монгольской культуры и национальных традиций спорта.

Ключевые слова: монгольская национальная борьба; борцовская форма; Монголия; зодог шуудаг

Для цитирования:

Dalanbayar B., Buyandelger B., Munguntuul E. and Bat-Ochir I. Mongolian National (Khalkha) Wrestling's Uniforms of the 16th century // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 246-257. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.14>

Даланбаяр Болдбаатар — доктор философии, тренер по борьбе, Центр физической культуры Авга Хошуу, Силингол, Внутренняя Монголия, Китай. Адрес: Цэнгел тойрог, 1, Хар Адуу зээл, Авга Хошуу, Силингол, Внутренняя Монголия, Китай. Эл. адрес: 1435261530@qq.com

 Буянделгер Батмунх — доктор философии, доцент кафедры фундаментальных наук Монгольского национального университета медицинских наук. Адрес: Школа сестринского дела, Монгольский национальный университет медицинских наук, ул. Ард Аюш, 6-й квартал, Баянгольский район, Улан-Батор, Монголия. Эл. адрес: buyandelger.b@mnums.edu.mn

Мунгунтуул Энхбат — доктор философии, старший преподаватель кафедры сестринского дела в сфере общественного здравоохранения Монгольского национального университета медицинских наук. Адрес: Школа сестринского дела Монгольского национального университета медицинских наук, ул. Ард Аюш, 6-й квартал, Баянгольский район, Улан-Батор, Монголия. Эл. адрес: munguntuul@mnums.edu.mn

Бат-Очир Ишьямц — преподаватель физической культуры, докторант кафедры фундаментальных наук Монгольского национального университета медицинских наук. Адрес: Школа сестринского дела Монгольского национального университета медицинских наук, ул. Ард Аюш, 6-й квартал, Баянгольский район, Улан-Батор, Монголия. Эл. адрес: batochir@mnums.edu.mn

Introduction

Eriin Gurvan Naadam ‘Three competitions for men’ had long been a part of the ceremony of the Mongolian state, and this role is now formally recognized in legislation¹. *Eriin Gurvan Naadam* traditionally includes horse racing, archery, and wrestling. Mongolian wrestling is not only a national sport, but also a key part of the identity of the Mongolian people (Batmunkh and Boldbaatar, 2021: 988), used in state ceremonies, and as an expression of the spiritual unity of the nation. The three major currents of Mongolian wrestling — Uzemchin, Oirat, and Khalkha — all reflect geographical location of the scattered Mongolians, and create very distinct differences in wrestling uniforms. It can be understood that the social and political situation of Mongolians greatly influenced the development of Mongolian wrestling uniforms in these three versions.

The history of Mongolian wrestling can be divided into four periods: 1) ancient era of wrestling in Mongolian territory (prehistory to 10th century); 2) the rise of wrestling’s root feature (11th century — 1368); 3) branching into three types (late 14th century to early 20th century); 4) development in combination with modern physical education and sports (since 20th century).

The rise of the ancient history of Mongolian wrestling began during the Bronze Age (3000–1200 BC), and the evidence of this can be found in the rock paintings of Shiveet Khairkhan, Tsagaan Salaa, and Baga Oygor of Bayan-Ulgii aimag, Javkhlant Khairkhan of Umnugovi aimag, and Del Mountain of Dundgovi aimag. Two bronze plaques with wrestling double human figures (from to the Xiongnu period), historical sources during the Rouran and Khitan periods, and a pottery bowl depicting wrestlers — these are the sources for the history of wrestling during the ancient Mongolian states. As seen from the ‘Secret History of the Mongols’, wrestling was widespread among the Mongols in the 12th and 13th centuries. In the 14th century, wrestling developed intensively at the royal court of the Mongolian Empire and was handed down to the Mongols in the 15th and 16th centuries.

Mongolians are very fond of watching their wrestling matches, and they have developed legends and stories about their famous wrestlers. However, the study of the history, traditions, and cultural elements of Mongolian wrestling is lagging behind, which is the main reason for our research. Therefore, we aimed to study the history of uniforms, one of the main characteristics of Mongolian wrestling.

The main source of our research is 16th century painting that includes an episode of Mongolian wrestling. A copy of Abtai Sain Khan’s painting from the 16th century is kept in the National Museum of Mongolia in Ulaanbaatar (132x80 cm, made at the beginning of the 20th century by artists Dende, Gonchig and Darisuren). The original painting was preserved on the decorated wall at Erdene Zuu monastery. Our research is focused on the 16th century, but based on information from other periods of the historical development of Mongolian wrestling, we shed light on the evolution of Mongolian wrestling uniforms.

Uzemchin Wrestling’s Uniforms

The Uzemchin wrestling uniform consists of four elements: 1) *Jangaa*, 2) *Zodog*, 3) *Banjil*, and 4) *Gutal*.

“*Jangaa* which the strong wrestler in *Uzemchin bukh* wears around his neck, partakes the symbolism in common with the rite of shamanism observed in the *Ovoo* festival, which worships the god of the universe” (Rikido, 2006: 105). *Jangaa* means strength and invincibility of the wrestlers (Perenleisambuu, 1997: 354), and traditionally, in the *Naadam*, or *Ovoo* festival, if featuring over 128 wrestlers, a silk ceremonial scarf called *khadag* (*khoshuu jangaa*) was awarded to the wrestler who defeated all his opponents. Those who received the *khoshuu jangaa* three times were eligible they had to make themselves and wear the *jangaa* (Erdenetsogt and Buyandelger, 2013: 24). Subsequently, in each *Naadam* festival, wrestlers who defeat more than three opponents in a row are awarded a ribbon about two centimeters wide (*zusmel jangaa*).

Uzemchin zodog (chest uniform) is the only uniform that can be worn during wrestling. Holding other parts of uniforms (*banjil*, *tuuhuu* etc) is considered a violation of the rules. *Uzemchin zodog* is made of processed cowhide leather and sewn with strong thread such as fine leather cord. The sleeves and hem are stitched with thin leather to ensure *Uzemchin zodog*’s durability and style (Tsogzolmaa et al., 2012: 34). Traditionally, copper and brass mirrors (*toli*) were attached to the back of the *Uzemchin zodog*. But recently, they have started using the four Buddhist dignities (garuda, snow lion, tiger, and dragon) symbolizing

¹ Law of Mongolian national Naadam festival. *Mongolian Parliament*. 2022, 28 June [online] Available at: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=16530657329231> (accessed 14 December 2023).

invincible power, or auspicious patterns and words symbolizing peaceful, prosperous, rich life. One of the main features of Uzemchin *zodog* is that it has metal studs (iron and brass) on both sleeves and the back, — an average of 300–350 per a *zodog* (Tsogzolmaa et al., 2012: 34). It makes the Uzemchin *zodog* even stronger, while retaining the ancient tradition of being reminiscent of military armor.

Banjil is a pair of baggy pants worn by Uzemchin wrestlers to allow free movement of the body while not letting the opponent guess the coming action from the leg movement (Tumurzurkh, Aruukhan, 1998: 58). By letting the broad part of the *banjil* partially cover the boots, the Uzemchin wrestling's adds more splendor to the wrestling run (*Buurin shogshoo*) and jump (*Arslangin choilolt*). In Uzemchin wrestling, the *tuuhuu* (knee pads) and *lavir* (layered garment to cover the belly and waist) are worn along with the *banjil*. *Tuuhuu* is worn on the outside of the *banjil*. Nowadays it is used for decoration, but in ancient times, it was used to protect Mongolians' knees from the cold while riding (Erdenetsogt, Buyandelger, 2013: 32). *Tuuhuu* are usually decorated with red, brown, and blue silk patterns, or colorfully stitched images of animals symbolizing power. *Lavir* is made of blue, red, and yellow crepe and it symbolizes three things: heaven, fire, and earth (Tumurzurkh, Aruukhan, 1998: 72). *Lavir* is not used in modern times because it makes it difficult for the wrestlers to hold the *zodog*, which covers the adjacent part of the *zodog* and *banjil*.

Uzemchin *gatal* is a sturdy boot made of leather and rounded at the toe. It is very important to prevent the wrestler's feet from getting injured or slipping during the fight. On the inside of the boots, cloth or felt socks are often fastened, or in some cases, a cloth scarf is wrapped around the legs. *Khuleg* is a thin thread that is tied crosswise under the sole to connect the laces and heels of the boots and prevent them from slipping. In order to protect the shin bones and muscles, the *savslaga*, — a thin piece of bamboo covered with silk — was in the past attached to the inside of the boots, but it is no longer used.

Oirat Wrestling Uniforms

Oirat wrestling has several names: Western Mongolian wrestling (*bukh nooldoon*) (Ochir, 2011: 69–73), Kalmyk national wrestling (Naranjargal, Mandakhbayar, 2020: 75–89) and Buryat traditional wrestling (Purev-Ochir, 2012). The traditional Oirat wrestling uniform is the *shalbuur* (leather shorts), made of up to eight layers of a he-goat or a bull hide¹ (Altan-Uul, 2008: 62). Common people use harness of camel and horse hides (*burantag*, *tsulbuur*) to wrestle by tying the fat part of the waist and thighs together (*shalbuur zangilaa*), except during *Naadam* festival (Altan-Uul, 2008: 2). In modern times, Kalmyks and Buryats wrestle with *shalbuur zangilaa*, or regular belts, wearing a variety of shoes and shorts, while in Inner Mongolia's Alxa (Alasha) League and China's Xinjiang Uygur Autonomous Region, the uniforms have evolved considerably. In these areas, only one traditional uniform — the *shalbuur* — was worn on its own, but during the reign of the Qianlong Emperor (1735–1796), it was decreed that the should be worn on the chest (*tseejmeg*) (Altan-Uul, 2008: 19). Since then, wrestlers have to wear the complete uniform consisting of 1) *Shalbuur*, 2) *Tseejmeg*, 3) *Boitog*, and 4) *Burkhuul*. *Shalbuur* is most symbolically made by using the skins of two bulls' heads, and it is believed that the wrestlers will absorb the strength of the bulls. *Tseejmeg* is a sleeveless vest-like garment that wrestlers wear over their chest. It is a uniform designed to enhance the appearance and is decorated with patterns that symbolize the strength and skill of the wrestlers. The tradition of barefoot wrestling has been abandoned in modern times, and wrestlers have started wearing *boitogs* (boots) made of soft leather, thin felt, or fabric sewn together in layers. Wrestlers cover their heads with the *burkhuul* — a piece of silk or other fabric — when they enter the wrestling arena. The yellow colour symbolizes Buddhism for monks, and red symbolizes success for others.

Mongolian National (Khalkha) Wrestling's Uniforms

Many researchers (Tsevel, 1951; Nyam-Osor, Batsukh, 1989) have stated in their works that Mongolian national (Khalkha) wrestling uniform consists of 1) *Malgai*, 2) *Zodog*, 3) *Shuudag*, and 4) *Gatal*. The four-sided *malgai* (hat) with its pointed top is taken off when wrestling with the opponent and doffed to the *zasuul* (referee) as a sign of respect before and after the round. Khalkha wrestling differs from other types of Mongolian wrestling in wearing a *malgai* and having a lot of special historical, symbolic and taboo contents (Buyandelger, Sukhbaatar, 2008: 7–16). The *Zodog* is made of fabric, with many rows of soft but strong thread stitching

¹ Batkhuu B. Shalbuur of Bukh nooldoon. *Mongolian National news agency*, 2020, 17 June [online] Available at: <https://montsame.mn/en/read/228583> (accessed 25 July 2023). (In Mongolian).

(*shirees*) along all edges for strength. Khalkha *zodog* has long sleeves that reach the wrists, open chest, back length from the shoulders to the 12th rib, and a belt (*eleg bus*) is attached to both lower ends. The Khalkha *zodog* is made with a narrow pattern around the shoulders (*senjig*) and armpits (Tsogt, Buyandelger, 2012: 51-52). *Shuudag* (textile shorts) are about four fingers (8 centimeters) wide at both hips, and the back covers half of the buttocks, while the front follows the crotch. The material and stitching are the same as the *zodog*, but the color is mostly different (Buyandelger, Sukhbaatar, 2008: 32-35). *Gutal* (boots) are traditional Mongolian boots made of cowhide, black or brown in color, very wide at the top, with upturned toes, and thick felt or cotton socks inside. The main distinguishing feature of *gutal* as a wrestler's outfit is the strip of leather fittings that fasten the soles and laces of the boots (*nogt*) and fix them around the shin (*turiinii bootl*) to prevent them from slipping during wrestling, similar to the Uzemchin *gutal*. Mongolian national (Khalkha) wrestlers are allowed to hold (*barits*) opponents by any part of *zodog* and *shuudag*, so it has been able to create many versions of *barits* and dozens of techniques (*mekh*) (Nyamdorj, 2013: 122-141). Mongolian national (Khalkha) wrestling uniforms are characterized by highlighting the wrestler's chest and thigh muscles.

It is appropriate to create a historical chronology based on the 'important turning points' (Stearns, 2017: 83-109) of its development, as indicated in Table 1, since explaining the history of Mongolian wrestling in a straightforward chronological order occasionally necessitates that readers have a deeper understanding of Mongolian wrestling and culture (*table 1*).

Mongolian National (Khalkha) Wrestling in the 16th Century

A number of sources can prove that Mongolian national wrestling matured as a part of royal court ceremonies in the 14th century (Batmunkh and Boldbaatar, 2021), but it is not clear how it changed and developed afterwards, during the 15th and 16th centuries. At this time, the political situation of the Mongols was very unstable. On the one hand, a civil war was raging due to the struggle between the princes who refused to submit to the king, and on the other hand, there was an ongoing war against the Chinese Ming dynasty (1368-1644) in order to strengthen their independence and regain strength (Ochir et al., 2003: 31-59). These reasons made the conditions for the development of Mongolian national culture very harsh, but the cultural heritage was never broken. It can be concluded that during the 15th and 16th centuries, Mongolian national wrestling was not redeveloped, but more focused on preserving the features of wrestling and uniform, symbolizing the desire to recall and revive the powerful empire. Only three wrestlers' names — Sorsun, Bayan, and Batbold — have survived in sources (Buyandelger, Dalanbayar, 2023).

The seven sons of Gersenji Jalayir Khongtaiji (1513-1549) ruled the territory of present-day Mongolia and celebrated the 'Khalkha seven banner festival (*Khalkha Doolon Khoshuu Naadam*)' once a year. From 1640 onwards, this festival was dedicated to *Undur Gegeen Zanabazar* (1635-1723) as the first head of Gelug (Yellow Hat) lineage of Buddhism in Khalkha and became known as *Danshig Naadam* of the *Khalkha Doolon Khoshuu* (Magsarjav, 1960). It can be considered that the division of the Khalkha administration into seven banners (*khoshuu*) in the 16th century had a positive effect on the development of Mongolian national wrestling. With the creation of a new administrative schedule called *Khoshuu*, the possibility of organizing an independent *Naadam* festival in *Khoshuu* has opened up. Training and sending wrestlers from every area to the joint *Naadam* festival helped develop wrestling in every *khoshuu* of Mongolia. Wrestlers are traditionally symbolic figures in their area (*nutag*) (Rikido, 2013: 84). The system of encouraging wrestlers to achieve better results than their competitors from other areas, and informally rewarding successful wrestlers, has been preserved not only in history, but also to this day.

Mongolians have a long-standing tradition of organizing *Naadam* festival for state ceremonies such as the King's coronation or the *Ikh Khural dai* (Batmunkh, Boldbaatar, 2021). This tradition has been updated, but nowadays the Mongolian parliament has legally confirmed that the state ceremony during the *Naadam* festival must be performed. There is also a tradition of organizing the *Naadam* festival for events such as the construction of a new city or monastery. Erdene Zuu Monastery, built in 1587 on the outskirts of Kharkhorum, the capital of the Mongol Empire, is one of the largest constructions of the 16th century. Erdene Zuu was no ordinary city, and being the first Mongolian Buddhist monastery, it was undoubtedly very important to its founders (Natsagdorj, Naigal, 2005). Erdene Zuu was built by Abtai Sain Khan (1554-1588), a descendant of Chinggis Khaan (Ichinnorov, Banzragch, 1999: 34). 16th century sources have no record of Abtai Sain Khan holding a *Naadam* festival for the occasion, but the Erdene Zuu wall decoration painting remarkably preserves a depiction of the queen and her attendants watching a wrestling match.

Table 1. Historical periodization of Mongolian national wrestling

Table 1. Historical periodization of Mongolian national wrestling											
Period and stage	Mongolian history	Ancient Period		Medieval Period					Modern Period		
		Prehistory (before third century BC)	Ancient States (third century BC-tenth century)	Khamag Mongol (eleventh-twelfth century)	Great Mongol (1206-1260)	Mongolian Empire (1260-1368)	Political dissolution (end 14 century to beginning 17 century)	Mongolia under Qing Empire (17 -beginning 20 century)	Early 20th century (1911-1923)	Socialist Mongolia (1924-1990)	Democratic Development (since 1991)
Mongolian wrestling	Ancient era of wrestling in Mongolian territory		Period when the root characteristics were formed			A period of branching into three types (this differentiation continued in the following period)		A period of development in combination with modern physical education and sports (On the example of Mongolia)			
Main feature	<i>Ancient wrestling</i>		<i>Mongolian wrestling</i>			<i>Mongolian ethnic wrestling</i>		<i>Modern Mongolian wrestling</i>			
	Origins of wrestling	Proto-Mongolian wrestling	Developed intensively reflecting the traditions of ancient and royal courts and the influence of neighboring countries			Khalkha wrestling, or Mongolian national wrestling		Inherited as a traditional culture	Developed as a national sport	National sport-culture-business complex	
						Oirat wrestling (Bukh nooldoon)			It was inherited by the Western Mongolians until the 1930s, when its development officially stopped		
					Uzemchin wrestling, or Inner Mongolian wrestling		In the framework of cultural cooperation between Mongolia and China (Inner Mongolia), irregular activities take place				
Main resource	Rock-carvings in Mongolian territory	Archaeological finds depicting wrestling	Secret History of the Mongols' and other written sources			Written sources and paintings		Research books, articles, daily newspaper reports, archival documents, photographs, etc			

Mongolian National (Khalkha) Wrestling's Uniforms in Erdene Zuu's Wall Decoration Painting

The painting presents three events related to Abtai Sain Khan, each with its own story. In the upper central part of the painting, Abtai Sain Khan is presented with a pipe, a bow and arrow, and a horse with saddle and bridle. In the next section, Abtai Sain Khan is watching a wrestling match with the queen and his subjects, while the other picture is unique in that he is performing a sacrifice to heaven with the nobles. This is the oldest surviving depiction of the full Mongolian national (Khalkha) wrestling costume (fig 1).

Malgai (hat)

The wrestlers' *malgai* is held by two men standing to the left of the king and queen. The *malgai* is a type of Mongolian traditional summer hat called a cymbal (*tsan*) worn by Yuan emperors, officials and male commoners (Wei, 2018: 165–185). With this illustration of wrestlers' hats, Mongolians have been able to express the popular custom of organizing the *Naadam* festival by wrestling in warm summer and autumn (Buyandelger, 2017: 98). However, it should not be forgotten that during the 12th–14th centuries Mongolian wrestling developed into a royal court ceremony. Wrestlers began to use *malgai* as ceremonial uniform, so it was customary to wear it regardless of the season, and the custom was passed down during the time of Abtai Sain Khan. Either way, *malgai* was an integral part of the Mongolian national wrestling uniform in the 16th century.

Wrestlers' hats have a little piece on top (*sampin*), a common decoration of Mongolian hats, and a ribbon hanging down from its base, which is distinguishable from the hats of the same shape in the rest of the painting. The fact that the wrestlers' hats are not held by the *zasuul* (the two men next to the wrestlers) shows that the current rituals of Mongolian national wrestling, where hats are worn after defeating an opponent, were not yet in use in the 16th century. Therefore, at that time, wrestlers' hats did not have any symbolism of success in wrestling. Thus, the painting depicts the Mongolian national wrestling hat for the first time, so it can become a supporting source for clarifying the renewal of wrestling hats after the 16th century.

Zodog

The *zodog* of 16th century Mongolian national wrestling as shown in 'Abtai Sain Khan' painting, is similar to the current wrestlers' uniforms. Just as now, it was made of silk or fabric, which we can deduce from the fact that the wrestler on the left is wearing a white *zodog*, and the wrestler on the right is wearing a blue one. According to the tradition of Uzemchin wrestling, which still makes use of leather *zodogs* (Purev-Ochir, Dalanbayar, 2013: 6–19), there is little opportunity to distinguish leather *zodog* by color. Interestingly, the image confirms the tradition that in Mongolian national wrestling, the *zodog* is made in white color (Shagdargochoo, 1960: 13). Previously, it was never supported by factual evidence. By the 16th century, the tradition of making *zodog* of Mongolian national (Khalkha) wrestling from silk and cloth has been already established (Batmunkh, Boldbaatar, 2021).

The 'Abtai Sain Khan' painting, is the first multicolor image related to the history of Mongolian wrestling. A brief description of the *zodog* in several pre-16th century monuments found in Central Asia and Mongolia is important for summarizing the history of Mongolian national wrestling uniforms. Rock-carvings from the Bronze Age (3000–1200 BC) in Mongolia are valuable relics of ancient wrestling, but they do not depict wrestling uniforms (Batchuluun, 1998; Tseveendorj et al., 2010). However, two bronze belt plaques from the Xiongnu period (En, 2003), an important relic of proto-Mongolian wrestling, depict a wrestling uniform, but as they are not paintings the color and material of the uniform cannot be determined. However, the shape and some features of Xiongnu wrestling *zodog* (hereinafter referred to as 'Xiongnu *zodog*') can be clearly observed from the bronze belt plaques. Because the Xiongnu *zodog* is shown covering the shoulders completely, the chest was closed. This is in accordance with the oral tradition among Mongolians that the *zodog* had a closed chest in ancient times (Buyandelger and Sukhbaatar, 2008). According to legend, the *zodog* became open-chested in order to reveal that the wrestler was not a woman trying to pass as a man (Munkhdul, 2010: 4). But how *zodog* were to be changed in the future can be seen from the historical monuments described below. The back of the Xiongnu *zodog* is long enough to reach the waist, the lower part has a belt that can be tied to the body, and there are openings on both sides. Xiongnu *zodog*'s sleeves are long enough to reach the wrist, and the fact that there are no decorations on the sleeves and the back suggest the possibility that they were originally made of leather.

A pottery bowl depicting wrestlers (Krippes, 1989; Wittfogel, Jia-Sheng, 1949: 254) found in the ruins of the capital of the Liao dynasty (Khitan), which ruled parts of Mongolia between 907 and 1125, also deserves

Figure 1. 'Abtai Sain Khan' (16th century). From the archive of the National Museum of Mongolia¹.
Рисунок 1. «Абтай Саин хан», XVI в. Из архива Национального музея Монголии.

¹ Published with permission of the National Museum of Mongolia.

a mention. The *zodog* (hereafter referred to as the ‘Khitan *zodog*’) is not shown clearly, but it is open on both sides and has a belt around the waist like the Xiongnu *zodog*. It is different in that it has an open chest that can be grasped from the shoulder area, but the wrestler wears a breastplate (*tseejivch*) that covers all of his chest. While it can be argued that Xiongnu *zodog* and Khitan *zodog* are distinct types that cannot prove the historical development of the same wrestling uniform, there is yet no published research findings on this. Therefore, we accept the line of argument (Nyambuu, 1992: 9; Altan-Ochir, 1986: 27) that these sources show the development of Mongolian wrestling about one thousand years apart from each other. Based on this concept, we propose the conclusion that the Xiongnu *zodog*, which was a closed chest type, gave way to an open chest-type of *zodog* by the Khitan period. However, it is suggested that the use of *tseejivch* that only partially covered the chest was a stage in the transition from the closed chest-*zodog* to the open chest-type.

One of the main reasons for making this proposal is the clay wrestling figurines found in Weinan, Shaanxi Province, China in 1986 (Lequan, 2009). The illustration gives a clear image of wrestling *zodog* (hereafter referred to as ‘Shaanxi *zodog*’), which is of great value. We support the suggestion that the ‘Shaanxi *zodog*’ was a direct influence on the Mongolian wrestling uniform (Batmunkh, Boldbaatar, 2021). The Shaanxi *zodog* belongs to the Jin dynasty (1115–1234) (Lequan, 2009), because the Jin dynasty included a certain part of the territory and population of the Khitan people, and Khitanese traditions were one of the three sources of language and culture (Hansen, 2018). Shaanxi *zodog* is not only similar in form to the 16th century *zodog* – it can be described as a direct continuation of the rise of an open chest-*zodog* and its next stage after the Khitan *zodog*. Shaanxi *zodog* seems to have been made of silk, or other fabric, judging by the shape of the body and the long sleeves that reach the wrists. According to this, the tradition was directly inherited and used in the wrestling uniform of the Mongolian royal court in the 14th century, and the basic form has remained almost unchanged until now.

Shuudag

The *shuudag* of the 16th century is similar in shape and style to the Mongolian national (Khalkha) wrestling uniform of today. *Shuudag* is thin enough to be grasped by hand on both hips, and can be tied to the body at the waist and upper thighs. As for the material, it may be made of silk or other fabric, and it is called ‘*shuudag*’ because the hem (*khormoi*) of the cloth pants or coat (*deel*) is turned around and (*shuuji baidag* is shortened to ‘*shuudag*’) worn (Buyandelger, Sukhbaatar, 2008: 32). The fact that the above story is found frequently in Mongolian oral literature is an important basis for determining the origin of *shuudag* (Buyandelger, Khosbayar, 2020). The truth of this premise needs to be proven or disproved by searching for depictions of wrestling uniforms from before the 16th century. As mentioned above, the 16th century *shuudag* took the form of shorts. The historical development of the *shuudag* must have been linked to the tradition of the Xiongnu, Khitan and Shaanxi uniforms. The fact that the Shaanxi *shuudag* is identical in design to its 16th century counterpart is so clearly depicted that it is a continuation of the development without further explanation. The design of Khitan *shuudag* cannot be accurately determined, but bare knees and thighs of the wrestlers are clearly visible, suggesting that it was in the form of shorts. Based on the above illustrations, we can conclude that the *shuudag* had already taken this shape by the 10th century. However, during the Xiongnu period, it can be seen from sources that wrestlers wore wide pants similar to the *banjil* of the current Uzemchin wrestling. Based on this feature of the pants, the Xiongnu wrestling cannot be directly equated with the current Uzemchin wrestling. For example, the depiction of Xiongnu wrestlers holding the legs and doing *mekh* shows that the wrestling procedure was very different from today’s Uzemchin wrestling. There is no need to doubt that it is wrong to equate ancient wrestling with the three major currents of Mongolian wrestling today. However, from the Xiongnu period to the 10th century, the shape of the *shuudag*, which was worn by turning the wide pants around and tying them around the thighs, was formed. The tradition has been passed down through the 16th century to the *shuudag* as it appears in the Mongolian national (Khalkha) wrestling.

Gutal

In the ‘*Abtai Sain Khan*’ painting, the wrestlers are wearing boots with upturned toes and thick soles. Also, there is a human standing at a distance holding boots similar to those of the wrestlers, as well as an arrow case (*saadag*) and a bow drawn. From this we can infer that 16th century wrestlers wore special boots for wrestling, not the regular ones. This leads to the conclusion that in Abtai Sain Khan’s palace, wrestlers used to wear full uniforms. It is reasonable to assume that such a procedure may have been formed by the 14th century, and this can only be seen in connection with the activities of the special organization responsible for

wrestling in the Yuan dynasty, which we mentioned earlier. The design of 16th century wrestlers' boots is similar to that of regular boots (*Mongol gutal*), worn by other people in the picture. It seems that originally the *gotal* was used every day except for ceremonial purposes, such as the events at the royal court. Mongolian oral narratives refer to 'wrapping old torn boots with leather cords' (Buyandelger, Khosbayar, 2020) for common use during wrestling, which is similar to the custom of using *nogt* and *turiinii boot* for Khalkha wrestling boots today. However, modern Mongolian national Khalkha wrestlers have a habit of changing their boots when they wrestle in a designated hall, as part of their uniform, while ordinary wrestlers in rural areas wear their everyday boots when they wrestle outside.

According to the records of Xiongnu, Khitan, and Shaanxi wrestling, the *gotal* was worn by wrestlers with a short around their ankles, but by the 16th century, wrestlers had traditionally worn boots as a *gotal*. It is interesting to know why and when wrestlers started wearing *Mongol gutal* in Mongolian wrestling. According to the relics from the Yuan dynasty stored in the Chinggis Khaan National Museum, noblemen started wearing *Mongol gutal* with an uneven vertical cut, flat sole, and upturned toe. It is concluded that this tradition was inherited from the 16th century wrestling uniforms and that Khalkha wrestling matured into a royal court wrestling. Also dating back to the 16th century, military-grade iron-plate boots¹ differ considerably in that they have a long shaft but with a smooth rounded toe, a narrow flat sole, and the length to cover the knee completely. So, the wrestling shoes of the 16th century are more similar to those used by ordinary people who accompanied the kings and nobles, rather than to the boots worn for warfare purposes.

Conclusion

Studying the history of Mongolian wrestling uniforms is important for clarifying the evolution of Mongolian wrestling. Researchers have found that the ancient Mongolian wrestling uniform dates back to the Xiongnu period (3rd century BC – late 1st century), but it has not yet been historically established when the three different types of Mongolian wrestling uniforms appeared. According to our research, a copy of the painting of the wall decoration of the Erdene Zuu Monastery known as 'Abtai Sain Khan' stored in the National Museum of Mongolia dating back to the 16th century is the oldest surviving monument of the national wrestling uniform of Mongolia.

The 16th century was one of the most complicated periods in the history of Mongolia. The power of the kings of Chinggis Khaan's dynasty decreased significantly, the split of the Mongols into the three major groups began – the south, the north, and the west (Ochir et al., 2003: 81–102). Accompanying this process, the foundation was laid for the development of Mongolian wrestling in its three distinct types: Uzemchin, Oirat, and Khalkha. *Naadam* festivals are the most important activities that regulate wrestling, which is widespread throughout the vast territory of Mongolia, a single set of rules. However, in the 16th century, as the non-recognition of the king expanded (due to the influence of political dissolution), it became impossible to organize a large-scale *Naadam* festival covering the territory of Mongolia. Thus, during the Mongol Empire, wrestling, which had been united by one set of rules, lost its unity and gave way to three currents of wrestling with their distinct rules and uniforms (Bayar, 1993: 4–6).

Mongolian national (Khalkha) wrestling developed in the territory of present-day Mongolia (the central, eastern, and northeastern parts of Mongolia at that time). This form of wrestling developed during the 14th century as part of the royal court ceremonies of the Yuan dynasty (Batmunkh and Boldbaatar, 2021). When the Ming dynasty was established and strengthened in China, the seat of royal power moved to its native land and made Kharkhorum, located in the central part of Mongolia, the capital (Rogers et al., 2005), and the Khalkha wrestling was inherited by the local people. It is thus possible to conclude that the abovementioned form of wrestling was spread among the Khalkha people who lived in the eastern part of Mongolia from the beginning of the 16th century when the power of Bodi Alagh Khan was concentrated in the eastern half of Mongolia. The only painting that can be clearly studied about wrestling at that time is a copy of the wall decoration painting of the Erdene Zuu monastery built in Kharkhorum at the end of the 16th century.

It can be concluded that the Mongolian national wrestling uniform of the 16th century is not only very similar to the one that appears in the Shaanxi monument of the 13th century. It has also been handed

¹ Bolor J. From the collection of the National Museum of Mongolia: Plated armored shoes. *Mongolian National news agency*, 2020, 27 November [online] Available at: <https://www.montsame.mn/mn/read/244735> (accessed 25 July 2023). (In Mongolian).

down to modernity and is the current Mongolian national wrestling uniform. It includes the *malgai*, *zodog*, *shuudag*, and *gutal* as its main parts, all of which were used in 16th century wrestling. The most different from the current Mongolian national wrestling uniform is the *malgai*, and *gutal* is its two parts which has never been depicted in Mongolian historical wrestling monuments. The *zodog* and *shuudag* have reached modern times without much change.

REFERENCES

- Altan-Ochir (1986) *Mongolian Traditional Festival*. Hailar, Inner Mongolian Cultural Press Committee. 486 p. (In Mongolian traditional script).
- Altan-Uul, Ts. (2008) *Mongolian Wrestling Oirat Style (Shalbuur Bukh)*. Bayanhot. 416 p. (In Mongolian traditional script).
- Batchuluun, L. (1998) Ancient wrestling on petroglyphs. *The Skill of Art* 7. 27-35. (In Mongolian).
- Batmunkh, B. and Boldbaatar, D. (2021) Mongolian Wrestling (Bukh) during the Twelfth-Fourteenth Centuries. *The International Journal of the History of Sport*, no. 38(9), pp. 988–1007. DOI: <https://doi.org/10.1080/09523367.2021.1973443>
- Bayar, D. (1993) Differences in the Historical Traditions of Mongolian Wrestling Development and Types of Wrestling. *Mongolian wrestling*, pp. 4–6. (In Mongolian).
- Buyandelger, B. (2017) *History of Mongolian Wrestling*. Ulaanbaatar, Mongolian National Wrestling Federation. 271 p. (In Mongolian).
- Buyandelger, B. and Dalanbayar, B. (2023) Mongolian wrestling title (tsol): A symbol of the struggle for Mongolian independence (Seventeenth-Nineteenth Centuries). *Cogent Arts & Humanities*, no. 10(1). DOI: <https://doi.org/10.1080/23311983.2023.2191787>
- Buyandelger, B. and Khosbayar, A. (2020) *The 44 heroic epics with wrestling content*. Ulaanbaatar, Arvai Press. 321 p. (In Mongolian).
- Buyandelger, B. and Sukhbaatar, Ch. (2008) *Uniforms of Mongolian Wrestling*. Ulaanbaatar, Nomos Press. 101 p. (In Mongolian).
- En, W. (2003) On the Origin of Bronze Belt Plaques of Ancient Nomads in Northern China. *Chinese Archaeology*, no. 3(1). DOI: <https://doi.org/10.1515/CHAR.2003.3.1.186>
- Erdenetsogt, D. and Buyandelger, B. (2013) *Taboo of Mongolian Wrestling*. Ulaanbaatar, Arvai Printing. 92 p. (In Mongolian).
- Hansen, V. (2018) The Kitan-Liao and Jurchen-Jin. In: Xiong, V. C. and Hammond, K. (eds) *Routledge Handbook of Imperial Chinese History*. London, Routledge. 376 p. Pp. 213–231.
- Ichinnorov, S. and Banzragch, N. (1999) *Erdene Zuu monastery and Tusheet Khan's khoshuu*. Ulaanbaatar, Ild Bamba Printing. 214 p. (In Mongolian).
- Krippes, K. (1989) Wrestling and Wrestler as Epic Aspects of the “Secret History”. *Mongolian Studies*, no. 12, pp. 95–100.
- Lequan, C. (2009) Archaeological Discoveries and Tang-Song Period Sports and Games. *Chinese Archaeology*, no. 9 (1), pp. 55–62. DOI: <https://doi.org/10.1515/CHAR.2009.9.1.55>
- Magsarjav, N. (1960) *Doloon Khoshuu Naadam (Seven Banner Naadam)*. Ulaanbaatar, State Press Committee. 38 p. (In Mongolian).
- Munkhdul, B. (2010) Legend how *zodog* became open-chested and other legends. Ulaanbaatar, Irmuun Printing. 29 p. (In Mongolian).
- Naranjargal, N. and Mandakhbayar, G. (2020) History and Modernity of Kalmykia National Wrestling. In: Tuvshintugs, B. (ed) *Bukh Nooldoon*. Ulaanbaatar: Soyombo Printing. 136 p. Pp. 75–89. (In Mongolian).
- Natsagdorj, Kh. and Naigal, Y. (2005) *History of the Erdene Zuu*. Ulaanbaatar, Soyombo Printing. 264 p. (In Mongolian).
- Nyam-Osor, L. and Batsukh, B. (1989) *Development of Mongolian Wrestling*. Ulaanbaatar, Mongolian Press Secretariat. 349 p. (In Mongolian).
- Nyambuu, Kh. (1992) *The Highest Respect of the Mongolian state*. Undurkhaan, Golden Letter Press. 155 p. (In Mongolian).
- Nyamdorj, R. (2013) *Mekh of Mongolian wrestling*. *Encyclopedia of Mongolian Wrestling*. Ulaanbaatar, Mongolian National Wrestling Federation. 679 p. (In Mongolian).
- Ochir, A. (2011) “Bukh nooldoon” or the Mongols National Free-style Wrestling. In: Chuluun, S. (ed) *Mongolian Historical Research*. Ulaanbaatar, Mongolian Academy of Sciences. 394 p. Pp. 69–73. (In Mongolian).
- Ochir, A., Dalai, Ch., Ishjamts, N., Natsagdorj, Sh., Shirendev, B., Boldbaatar, J., Jamsran, L., Ishdorj, Ts., Tseveen-dorj, D. (2003) *History of Mongolia: From the middle of the 14th century to the beginning of the 17th century*. Ulaanbaatar, Mongolian Academy of Sciences. 226 p. (In Mongolian).

Perenleisambuu (1997) *Culture of dressmaking in Mongolia*. Huhhot, Press Committee of the Inner Mongolian Nation. 709 p. (In Mongolian traditional script).

Purev-Ochir, G. (2012) *Buryatia Wrestling*. Ulaanbaatar, Sod Press. 51 p. (In Mongolian).

Purev-Ochir, G. and Dalanbayar, B. (2013) *Wrestling with Jangaa (Uzemchin)*. Ulaanbaatar, Sod Press. 55 p. (In Mongolian).

Rikido, T. (2006) Mongolian Wrestling (Bukh) and Ethnicity. *International Journal of Sport and Health Science*, no. 4(1), pp. 103–109. DOI: <https://doi.org/10.5432/ijshs.4.103>

Rikido, T. (2013) Symbolism of Mongolian Wrestling. In: Ganchimeg, O. (ed) *Well Being — Sport — Philosophy*. Ulaanbaatar, Mongolian Philosophy of Sports Federation. 118 p. Pp. 80–99. (In Mongolian).

Rogers, J., Ulambayar, E. and Gallon, M. (2005) Urban centres and the emergence of empires in Eastern Inner Asia. *Antiquity*, vol. 79(306), pp. 801–818. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003598X00114942>

Shagdargochoo, Ts. (1960) *Mongolian Wrestling*. Ulaanbaatar, State Press Committee. 118 p. (In Mongolian).

Stearns, P. N. (2017) Periodization in World History: Challenges and Opportunities. In: Weller, R. (ed) *21st-Century Narratives of World History*. Cham, Palgrave Macmillan. 445 p. Pp. 83–109.

Tseveendorj, D., Kubarev V. D. and Jacobson-Tepfer, E. (2010) *Monuments in the Sacred Mountain Shiveet Khairkhan*. Ulaanbaatar, Mongolian Academy of Sciences. 440 p. (In Mongolian).

Tsevel, Ya. (1951) *About Wrestling of Mongolians*. Ulaanbaatar, State Press Committee. 92 p. (In Mongolian).

Tsogt, B. and Buyandelger, B. (2012) *Mongolian Wrestling — Culture*. Ulaanbaatar, Mongolian Philosophy of Sports Federation. 119 p. (In Mongolian).

Tsogzolmaa, B., Kui, J. H. and Vei, P. D. (2012) *Mongolian Wrestling*. Ulaanbaatar, Tuguldur Uils Foundation. 346 p. (In Mongolian).

Tumurzurkh and Aruukhan (1998) *The three games of men*. Huhhot, Inner Mongolia Educational Publishing Committee. 552 p. (In Mongolian traditional script).

Wei, L. (2018) A Preliminary Study of Mongol Costumes in the Ming Dynasty. *Social Sciences in China*, vol. 39(1), pp. 165–185. DOI: <https://doi.org/10.1080/02529203.2018.1414417>

Wittfogel, K. A. and Jia-Sheng, F. (1949) *History of Chinese society: Liao (987–1125)*. Virginia, American Philosophical Society. 752 p.

Submission date: 21.08.2024.

Acceptance date: 04.11.2024.

DOI: 10.25178/nit.2025.2.15

Статья

Образ верховного бога якутского пантеона божеств в эпосе олонхо: семантические признаки статики и динамики

Марианна Т. Сатанар

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Российская Федерация

В статье анализируется проблема идентификации одного из наиболее сложных по происхождению образов в якутском пантеоне божеств — образа Юрюнг Айыы Тойона. Наиболее цельные представления о нем сохранились в текстах архаического эпоса олонхо. Осуществлен обзор более ста эпических текстов, начиная с последней четверти XIX — начала XX в. Такой подход вызван стремлением установить наиболее устойчивые признаки образа Юрюнг Айыы Тойона в текстах олонхо.

В результате анализа характерных черт образа в описательной статике выделены семантические признаки, связанные с именем собственным, эпитетом, описанием портрета, социальным статусом, атрибутами, особенностями характера и локуса, родословной исследуемого образа.

Анализ характеристик в сюжетной деятельности позволяет фиксировать устойчивые черты, демонстрирующие функциональную направленность главного бога — творение, устройство жизни, мощь, дарение божественной воды, вершение судьбами, наказание. Отмечается семантическая связь рассматриваемого образа с последовательностью цепи символов «молочный дар (живая вода) размером с яйцо — конь — орленок — мировой столб».

Сделано заключение, что группа семантических признаков может отражать разновременные рудименты, появившиеся в разные исторические периоды.

Ключевые слова: олонхо; Юрюнг Айыы Тойон; якутский фольклор; якутский язык; верховный бог; эпическая традиция; мифологический образ

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова «Культурные универсалии и регионально-локальные уникалии якутской эпической традиции: междисциплинарные исследования, цифровизация, технология популяризации».

Для цитирования:

Сатанар М. Т. Образ верховного бога якутского пантеона божеств в эпосе олонхо: семантические признаки статики и динамики // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 258-279. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.15>

Сатанар Марианна Тимофеевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора «Олонхование» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Адрес: 677000, Россия, г. Якутск, пр. Ленина, д. 2. Эл. адрес: satanar68@mail.ru

SATANAR, Marianna Timofeevna, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector "Olonkho Studies", Olonkho Research Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University. Postal address: 2 Lenina Ave., 677000, Russia, Yakutsk. E-mail: satanar68@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3546-7343

Article

The Image of the Supreme god of the Yakut Pantheon of Deities in the Olonkho epic: semantic signs of statics and dynamics

Marianna T. Satanar

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russian Federation

The article examines the issue of identifying one of the most complex figures in terms of origin within the Yakut pantheon of deities — the image of Ürüŋ Ayu Toyon. The most coherent conceptions of this figure have been preserved in the texts of the archaic epic Olonkho. The study reviews over one hundred epic texts, beginning from the last quarter of the 19th to the early 20th century. This approach is motivated by the aim to determine the most stable features of the image of Ürüŋ Ayu Toyon in the Olonkho texts.

As a result of the analysis of the descriptive static features of the image, semantic markers related to the proper name, epithet, portrait description, social status, attributes, personality traits, locus, and genealogy of the examined figure were identified.

The analysis of the character's roles in narrative action makes it possible to record stable traits that demonstrate the functional orientation of the supreme deity — creation, organization of life, assistance, granting of divine water, governance of destinies, and punishment. A semantic connection is noted between the image under study and the symbolic sequence of the chain “milky gift (living water) the size of an egg — horse — young eagle — world pillar”.

It is concluded that the group of semantic markers may reflect temporally diverse rudiments that emerged during different historical periods.

Keywords: *olonkho; Ürüŋ Ayu Toyon; Yakut folklore; Yakut language; supreme deity; epic tradition; mythological image*

Financing

The study was carried out within the framework of the research project of the North-Eastern Federal University «Cultural universals and regional-local uniqueness of the Yakut epic tradition: interdisciplinary research, digitalization, technology of popularization».

For citation:

Satanar M. T. The Image of the Supreme god of the Yakut Pantheon of Deities in the Olonkho epic: semantic signs of statics and dynamics. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 258-279. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.15>

Введение

На современном этапе развития науки о фольклоре парадигму «антропологизации фольклористики» принято считать одним из перспективных научных направлений. Этот ракурс изучения фольклорных традиций, наравне с интертекстуальными и контекстными отношениями, предполагает необходимость учета в исследованиях и предтекстовых форм (Неклюдов, 2006: 126), т. е. связь текста с процессом творчества. Мифотворчество, как ключевая линия в человеческой культуре в целом, и, как процесс становления мифа, в настоящее время остается в якутской фольклористике вне поля научных исследований. В связи с этим, значимым представляется изучение генезиса и эволюции мифа в исторической динамике «для понимания природы и генезиса позднейших культурных формаций» (Мелетинский, 2018: 16). И первоначально важным при «изучении генетических истоков» (Виноградова, 2000: 60) предстает вопрос выявления набора характеристик мифологического образа, достаточного для его идентификации (там же: 59).

Не менее назревшей представляется и проблема общепринятой классификации божеств якутского пантеона, не находящей пока адекватного решения в якутской фольклористике. В этом отношении мы полностью согласны с Л. Н. Виноградской, предложившей путь решения проблемы классификации: «Надежным способом идентификации можно признать определение персонажа как совокупности признаков (функций, мотивов), которые составляют ядро идентифицирующего минимума характеристик <...>. От решения этой центральной проблемы зависит и разработка принципов классификации» (там же: 21).

Для получения наиболее полного описания образа в основу настоящей работы была положена схема-анкета, разработанная сотрудниками Института славяноведения и балканистики РАН СССР (Л. Н. Виноградова, А. В. Гура, О. А. Терновская, Г. И. Кабакова, С. М. Толстая, В. В. Усачева), позволяющая обеспечить выявление черт образа на лингвистическом, морфологическом, функциональном уровнях (там же: 14). Характерные черты образа условно сгруппированы в разделы: 1) фиксация признаков образа в его «статике»; 2) фиксация признаков образа в его «динамике», иначе, в деятельности (там же: 28).

Статические признаки образа, такие как название, эпитет, внешний вид, характер, атрибуты, спутники, локус, родословная представляют собой описательные части в эпосе, которые «могут содержать элементы действия» (Гутов, 1993: 32). Наличие внутренних «динамических составляющих» статических описаний объясняется принадлежностью этих «динамик» строго к мифологической теме (Неклюдов, 2010: 137), другими словами, соответствием этих действий (событий) мифологическому времени и пространству. Показательно, что и с точки зрения лингвистической репрезентации мифа, мифологема¹ характеризуется двойственной природой, одновременно имея и статическую, и динамическую структуру (Варламова, 2016: 26). Важность дефиниций в образе вышеотмеченных признаков подтверждается научной установкой А. Ф. Лосева: «Каждый миф представляет собой исторический комплекс разного рода мотивов прогрессивного и регрессивного характера. Необходимо исследовать в каждом мифе ведущую прогрессивную тенденцию и сопровождающие его рудименты, остающиеся в нем в том или ином виде от самых разнообразных предыдущих ступеней его развития, действующих в нем с самой разнообразной интенсивностью и данных в самых причудливых сочетаниях и переплетениях» (Лосев, 1957: 18). Вторая группа характерных черт образа в «динамике» отражает пучок его функциональных особенностей. В последних отчетливо проявляется коммуникативная цель действий образа — «вредительство, помощь, наказание, “творение” и т. п.» (Виноградова, 2000: 48).

В якутской фольклористике образ главного бога Юрюнг Айыы Тойона можно характеризовать как достаточно изученный образ, рассмотренный в исследованиях с разных ракурсов. Первый этап изучения представлен трудами дореволюционного, послереволюционного и советского периодов, носящими описательный характер (Трошанский, 1902: 32–37; Худяков, 2016: 257–259; Серошевский, 1993: 629–631; Попов, 1949: 259–260; Кулаковский, 1979: 15–18; Ойунский, 2013: 10–11; и др.). На втором этапе был изучен и расширен смысловой, функциональный, структурный контекст образа с применением подходов объяснительной науки (Эргис, 2008: 132–136; Жеребина, 2011: 30–32; Захарова, 2004: 72–90; Решетникова, 2005: 99–101; Фрейденберг, 1998: 76–79 и др.). Необходимо отметить репрезентативность работ: В. В. Ушницкого о тесной связи образа с религиозными верованиями якутов (Ушницкий, 2017: 109–110), Е. П. Слепцова и А. И. Егоровой в ракурсе идеологической роли «в формировании патриархальной организации якутского общества» (Слепцов, Егорова, 2020: 141); О. Н. Степановой — с точки зрения лексического анализа имени образа (Степанова, 2024), в том числе автор статьи уже внес определенный вклад в выявлении семантики образа в свете естественнонаучной теории (Сатанар, 2021).

Исследователи едины во мнении, что образ Юрюнг Айыы Тойона в олонхо статичен; проживая на девятом ярусе небес (Попов, 1949: 259), он является создателем и творцом мира², а также строителем жизни на земле; образ бога олицетворяет собой природное явление — светило Солнце;

¹ Термин «мифологема» используется многими лингвистами для обозначения устойчивых и повторяющихся конструкций общечеловеческой мысли, обобщенно отражающих действительность в виде чувственно конкретных ассоциаций, которые появляются в человеческом сознании (Варламова, 2016: 21).

² Подробнее см.: Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. М.: Академия наук СССР, 1959. Т. I. Стб. 32–33.

самодостаточность образа объясняется отсутствием в нем чудесных качеств и героических деяний (Трошанский, 1902: 36–37; Кулаковский, 1979: 9–10; Емельянов, 1980: 14; Эргис, 2008: 132; Слепцов, Егорова, 2020: 143; и др.).

Итак, настоящая работа нацелена на выявление устойчивого набора семантических признаков образа верховного бога Юрюнг Айыы Тойона, представленного в текстах эпоса олонхо. Для достижения цели решаются задачи: 1) провести анализ признаков образа в его статическом описании; 2) провести анализ признаков образа в сюжетной динамике (деятельности).

Материалы исследования выбраны из записей текстов разных лет — раннего (дореволюционного), а также позднего (советского) периодов, иначе, периода с середины XIX — до конца XX в. Тексты ранних записей представляют олонхо, включенные в серию «Образцы народной литературы якутов» под редакцией Э. К. Пекарского¹ на якутском языке; в записи С. В. Ястремского² во время Якутской экспедиции 1894–1896 гг. и переведенные им на русский язык; зафиксированные В. Н. Васильевым³ в 1906 г. на якутском языке; в записи И. А. Худякова⁴ в период верхоянской ссылки 1867–1874 гг. на якутском языке; опубликованные в журнале «Живая старина» 1890–1891 гг. В. Л. Приклонским⁵ на русском языке. Тексты поздних записей составляют олонхо, изданные в рамках XXI–томной книжной серии «Саха боотурдара» (Богатыри саха) на якутском языке: «Тойон Ньургун» 2003 г.⁶; «Дыырай Бэргэн» 2009 г.⁷; «Уол Дуолан бухатыыр» 2010 г.⁸; «Мүлдүүт Бөҕө» 2012 г.⁹; «Бүдүрүйбэт сүһүөхтээх Мүлдүү Бөҕө» 2011 г.¹⁰; «Күн Тэгиэримэ» 2012 г.¹¹; «Мүгүлү Бөҕө» 2014 г.¹²; «Кыыдааннаах Кыыс буха-

¹ Дьулурыйар Ньургун Боотур [Нюргун Боотур Стремительный] // Образцы народной литературы якутов / под ред. Э. К. Пекарского. Вып. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1907. (На якут. яз.); Тойон Ньургун бухатыыр. Өлбөт Бэргэн. Удаҕаттар Уолумар Айгыр икки [Тойон Нюргун богатырь. Бессмертный Бэргэн. Шаманки Уолумар и Айгыр] // Образцы народной литературы якутов / под ред. Э. К. Пекарского. Вып. 2. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1908. (На якут. яз.); Үүт-аас бэйэлээх Үрүң айыы Тойон ыччаттара. Орто дойдуга ороһулаан төрөөбүт Орой Хара аттаах Оҕо Тулаайах. Өлүү Үөдүлбэ бухатыыр. Аландаайы-Куландаайы Кулун Куллунуускай [Потомки молочно-белотелого Юрюнг Айыы Тойона. Рожденный недоношенным Ого Тулаайах на коне Орой Хара. Богатырь Ёлю Юёдүлбэ. Аландаайы-Куландаайы Кулун Куллунуускай] // Образцы народной литературы якутов / под ред. Э. К. Пекарского. Вып. 5. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1911. (На якут. яз.)

² Ястремский С. В. Образцы народной литературы якутов. Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1929.

³ Васильев В. Н. Сказка: Куруубай Хааннаах Кулун Куллуустуур [Строптивный Кулун Куллуустуур] // Образцы народной литературы якутов / Вып. 1. Петроград: Типография Императорской Академии наук, 1916. (На якут. яз.)

⁴ Худяков И. А. Ураныкаан оҕонньор. Бэр Хара. Оҕонньордоох эмээхсин. Хаан Дьаргыстай [Старик Ураныкаан. Бэр Хара. Старик со старухой. Хаан Джаргыстай] // Образцы народной литературы якутов / Вып. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1913. (На якут. яз.)

⁵ Приклонский В. Л. Якутские народные поверья и сказки // Живая старина / под ред. В. И. Ламанского. СПб.: Типография Петербургской газеты, 1890. С. 169–176; Приклонский В. Л. Якутские народные сказки // Живая старина / под ред. В. И. Ламанского. СПб.: Типография Петербургской газеты, 1891. С. 165–179.

⁶ Тойон Ньургун: олонхо [Тойон Нюргун: олонхо] / И. М. Давыдов тылыттан Р. А. Кулаковской суруйуута [сказитель И. М. Давыдов; запись Р. А. Кулаковского]; ред. В. Н. Иванов. Дьокуускай: Бичик, 2003. (На якут. яз.)

⁷ Дыырай Бэргэн: олонхо [Дыырай Бэргэн: олонхо] / олонхоһут У. Г. Нохсоров сурукка бэйэтин түһэриитэ [самозапись сказителя У. Г. Нохсорова]; ред. Н. Н. Ефремов. Дьокуускай: Бичик, 2009. (На якут. яз.)

⁸ Уол Дуолан бухатыыр: олонхо [Богатырь Уол Дуолан: олонхо] / М. З. Мартынов тылыттан А. А. Саввин суруйуута [сказитель М. З. Мартынов; запись А. А. Саввина]; ред. Н. А. Алексеев. Дьокуускай: Бичик, 2010. (На якут. яз.)

⁹ Мүлдүүт Бөҕө: олонхо [Мюлджюёт Бёгё: олонхо] / М. И. Саввин тылыттан И. В. Охлопков суруйуута [сказитель М. И. Саввин; запись И. В. Охлопкова]; ред. В. В. Илларионов. Дьокуускай: Бичик, 2012. (На якут. яз.)

¹⁰ Бүдүрүйбэт сүһүөхтээх Мүлдүү Бөҕө: олонхо [Неспотыкающийся Мюлджю Бёгё: олонхо] / И. В. Николаев тылыттан П. Я. Тулааһынап суруйуута [сказитель И. В. Николаев; запись П. Я. Туласынова]; ред. Н. Н. Ефремов. Дьокуускай: Бичик, 2012. (На якут. яз.)

¹¹ Күн Тэгиэримэ: олонхо [Кюн Тэгиэримэ: олонхо] / К. Л. Федоров тылыттан П. Н. Дмитриев суруйуута [сказитель К. Л. Федоров; запись П. Н. Дмитриева]; ред. В. В. Илларионов. Дьокуускай: Бичик, 2012. (На якут. яз.)

¹² Мүгүлү Бөҕө: олонхо [Мюгюлю Бёгё: олонхо] // Горнай олонхолоро [Олонхо Горного улуса] / Г. М. Тарасов тылыттан П. Я. Тулааһынап суруйуута [сказитель Г. М. Тарасов; запись П. Я. Туласынова]; ред. А. Н. Алексеев. Дьокуускай: Бичик, 2010. (На якут. яз.)

тыыр» 2016 г.¹; «Үс уоллаах Лабангхаччаан оҕонньор» 2016 г.² Издания серии «Саха олонхото» 'Якутские олонхо' на языке оригинала: «Даадар Хара» 2013 г.³, «Хангалас Боотур» 2014 г.⁴ и с переводом на русский язык «Сылгы уола Дыырай Бэргэн» 2013 г.⁵ Источниками поздних записей также послужили тексты олонхо, вошедшие в академическую двуязычную серию «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»: «Кыыс Дэбилийэ» 1993 г.⁶ и «Модун Эр Соҕотох» 1996 г.⁷ выпуска. Эпические тексты, изданные к ежегодному Ысыаху Олонхо: «Уол Дугуй бухатыыр» 2014 г.⁸; «Эрбэктэй Мэргэн» 2017 г.⁹; «Төбөт Мэник бухатыыр» 2017 г.¹⁰; «Дыырыбына Дыырылыатта кыыс бухатыыр» 2019 г.¹¹; «Куллуйа Куллустуур» 2020 г.¹²; «Көр Буурай» 2022 г.¹³; «Мохсоҕоллой Боотур» 2022 г.¹⁴; «Дугуйа Бөҕө» 2023 г.¹⁵, из которых тексты трех олонхо «Дыырыбына Дыырылыатта кыыс бухатыыр», «Көр Буурай», «Дугуйа Бөҕө» снабжены переводом на русский язык. К последним дополнительно привлекаются: «Сүүлэддын Боотур»¹⁶ в записи П. Я. Туласынова от 1940 г., «Үөлэн Кыырдыт»¹⁷ в записи П. Н. Дмит-

¹ Кыыдааннаах Кыыс бухатыыр: олонхо [Девушка богатырь Кыыдааннаах: олонхо] / М. Н. Горохов тылыттан Н. В. Емельянов суруйуута [сказитель М. Н. Горохов; запись Н. В. Емельянова]; ред. А. Н. Жирков. Дьокуускай: Бичик, 2016. (На якут. яз.)

² Үс уоллаах Лабангхаччаан оҕонньор: олонхо [Старик Лабангхаччаан с тремя сыновьями] // Орто Халыма олонхолоро [Олонхо Среднеколымского улуса] / бэчээккэ бэлэмнээтилэр В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова [подг. к печати В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова]; ред. А. Н. Жирков. Дьокуускай: Бичик, 2016. (На якут. яз.)

³ Даадар Хара: олонхо [Даадар Хара: олонхо] / Н. П. Яковлев тылыттан П. Я. Тулааһынап суруйуута [сказитель Н. П. Яковлев; запись П. Я. Туласынова]; ред. В. Н. Иванов. Дьокуускай: ХИФУ изд. Дьийэтэ, 2013. (На якут. яз.)

⁴ Хангалас Боотур: олонхо [Хангалас Боотур: олонхо] / А. Н. Алексеев тылыттан Е. Е. Лукина суруйуута [сказитель А. Н. Алексеев; запись Е. Е. Лукиной]; ред. В. Н. Иванов. Дьокуускай: ХИФУ изд. Дьийэтэ, 2014. (На якут. яз.)

⁵ Сылгы уола Дыырай Бэргэн = Сын лошади Богатырь Дыырай / сказитель И. И. Бурнашев; запись Г. У. Эргиса; пер. Е. С. Сидоров; отв. ред. А. Н. Жирков. Якутск: Изд-й дом СВФУ, 2013. (На русс. и якут. яз.)

⁶ Кыыс Дэбилийэ = Кыыс Дэбилийэ: якутский героический эпос // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / сказитель Н. П. Бурнашев; запись С. К. Дьяконова; отв. ред. С. Ю. Неклюдов. Новосибирск: Наука, 1993. (На русс. и якут. яз.)

⁷ Модун Эр Соҕотох = Могучий Эр Соҕотох: якутский героический эпос // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / сказитель В. О. Каратаев; запись В. В. Илларионова; отв. ред. Н. А. Алексеев, Н. В. Емельянов. Новосибирск: Наука, 1996. (На русс. и якут. яз.)

⁸ Уол Дугуй бухатыыр: олонхо [Богатырь Уол Дугуй: олонхо] / олонхоһут Е. И. Кардашевскай; В. В. Илларионов уһулуута [сказитель Е. И. Кардашевский; запись В. В. Илларионова]; ред. И. И. Данилов. Дьокуускай: Медиахолдинг Якутия, 2014. (На якут. яз.)

⁹ Эрбэктэй Мэргэн: олонхо [Эрбэктэй Мэргэн: олонхо] / Б. А. Алексеев тылыттан С. И. Боло суруйуута [сказитель Б. А. Алексеев; запись С. И. Боло]; ред. В. В. Илларионов. Дьокуускай: Бичик, 2017. (На якут. яз.)

¹⁰ Төбөт Мэник бухатыыр: олонхо [Богатырь Төбөт Мэник: олонхо] / Еремеев С. И. — Дэдэгэс тылыттан А. А. Саввин суруйуута [сказитель С. И. Еремеев; запись А. А. Саввин]. Дьокуускай: Бичик, 2017. (На якут. яз.)

¹¹ Дыырыбына Дыырылыатта кыыс бухатыыр = Девушка богатырь Джырыбына Джырылыатта: олонхо / сказитель П. Я. Ядрихинский – Бэдьээлэ; запись П. Н. Дмитриева; ред. В. Н. Иванов. Якутск: Кёмюёл, 2019. (На русс. и якут. яз.)

¹² Куллуйа Куллустуур: олонхо [Куллуйа Куллустуур: олонхо] // Куллуйа Куллустуур; Турбутунан төрөөбүт Дуо бухатыыр: олонхолоор [Куллуйа Куллустуур; Стоймья рожденный Богатырь Дуо: олонхо] / олонхоһут М. Т. Шарборин — Кумаарап [сказитель М. Т. Шарборин — Кумаарап]; ред. В. В. Илларионов. Дьокуускай: Алаас, 2020. (На якут. яз.)

¹³ Көр Буурай = Көр Буурай: олонхо / сказитель Н. С. Александров — Ынта Никиитэ; ред. пер. Е. С. Герасимова; отв. ред. М. Т. Сатанар. Якутск: Дани-Алмас, 2022. (На русс. и якут. яз.)

¹⁴ Мохоҕоллой Боотур: олонхо [Мохоҕоллой Боотур: олонхо] // Хабытта Бэргэн, Мохоҕоллой Боотур, Күн Эрбийэ: олонхолоор [Хабытта Бэргэн, Мохоҕоллой Боотур, Күн Эрбийэ: олонхо] / олонхоһут К. Н. Никифоров [сказитель К. Н. Никифоров]; ред. Р. Н. Анисимов. Дьокуускай: Дани-Алмас, 2022. (На якут. яз.)

¹⁵ Дугуйа Бөҕө = Дугуйа Бөгө: олонхо / сказитель С. Ф. Аммосов; запись С. И. Боло; пер. А. И. Шапошникова; отв. ред. М. Т. Сатанар. Якутск: Алаас, 2023. (На русс. и якут. яз.)

¹⁶ Сүүлэддын Боотур: олонхо [Сүүлэддин Боотур: олонхо] / С. Н. Каратаев тылыттан П. Я. Тулааһынап суруйуута [сказитель С. Н. Каратаев; запись П. Я. Туласынова]; ред. И. Е. Алексеев. Дьокуускай: Цумори Пресс, 2011. (На якут. яз.)

¹⁷ Үөлэн Кыырдыт: олонхо [Юөлэн Кыырдыт: олонхо] / В. Н. Попов – Бочоох тылыттан П. Н. Дмитриев суруйуута [сказитель В. Н. Попов — Бочоох; запись П. Н. Дмитриева]; ред. А. Г. Нелунов. Дьокуускай: Сайдам, 2009. (На якут. яз.)

риева от 1984 г. на якутском языке; «Дьулуруйар Ньургун Боотур»¹ П. А. Ойунского, переизданный в 2003 г. на языке оригинала, а также изданный только с переводом В. В. Державина на русский язык² от 2007 г.

Подобный подход в выборе материала для исследования основывается на положении В. Я. Проппа, что «Любая былина относится не к одному году и не к одному десятилетию, а ко всем тем столетиям, в течение которых она создавалась, жила, шлифовалась, совершенствовалась или отмирала, вплоть до наших дней. Поэтому всякая песнь носит на себе печать пройденных столетий» (Пропп, 1999: 26).

В исследовании также приняты во внимание материалы базы данных (далее — БД), составленной С. Д. Львовой³, в которой приведен перечень номинаций главного бога якутов Юрюнг Айыы (Аар) Тойона в олонхо на якутском языке. Реестр текстов олонхо состоит из 66 единиц. Важно отметить, что вышеотмеченный массив текстов охватывает все три локальные эпические традиции якутов (центральную, вилюйскую, северную), введенные в научный оборот фольклористом В. В. Илларионовым (Илларионов, 1982). В силу того, что представления характеристик главного бога якутского пантеона божеств Юрюнг Айыы Тойона встречаются и в других источниках, в настоящей работе привлекаются и тексты малых жанров фольклора, а также этнографические материалы.

Семантические признаки образа в «статике»

К проблеме номинации в народном сознании главного бога в виде вариантов Юрюнг Айыы Тойон или Юрюнг Аар Тойон обращались многие исследователи (Кулаковский, 1979: 17; Гоголев, 2002: 19; Оросина, 2017; Павлова, 2018; Сатанар, 2019; и др.). Их исследования в целом констатируют, что в более архаических воззрениях под данными именами подразумевались разные боги с разными функциями, которые при дальнейшей трансформации народного сознания (а именно «с введением христианства») — сливаются. Такое явление отмечается закономерным, наблюдающимся в мировой практике развития религий (Гоголев, 2002: 19). Как известно, массовая христианизация якутского населения была начата с первой половины XVIII в., и уже к 1815 г. православную веру исповедовали 98% населения (Юрганова, 2020: 381). Так как собирание и фиксация большинства текстов якутского олонхо началось со второй половины XIX в., тексты зафиксированных олонхо также отражают слияние образов Юрюнг Аар Тойона и Юрюнг Айыы Тойона (Оросина, 2017: 291).

Сравнительный обзор данных БД С. Д. Львовой и дореволюционных текстов показывает, что более подробное описание с богатой эпитетацией анализируемого образа прослеживается в поздних записях текстов. В большинстве ранних записей главный бог якутского пантеона лишь упоминается в вариантах без эпитетов Айыы Тойон, Юрюнг Айыы, Юрюнг Айыы Тойон, Юрюнг Аар, Юрюнг Аар Тойон. В текстах, записанных С. В. Ястремским, имя бога представлено в переводе автора — *Айыы Тойон* 'Создатель Господь'⁴ (олонхо «Грозный-Разящий (Сюнг Джасын)»), *Үрүҥ Айыы Тойон* 'Белый Создатель Господь'⁵ («Эр Соготох»), *Үрүҥ Тойон Танара* 'Белый небожитель Господь'⁶ («Бессмертный витязь»). В текстах В. Л. Приклонского имя встречается в варианте *Күн Тойон* 'Солнце Господин'⁷. В некоторых олонхо ранней фиксации имя отмечается с кратким описанием в виде «с молочным озером-седалищем»⁸, «ослепительно светлый, истинно сияющий»⁹ и т. д. Исключение составляют ранние тексты центральной локальной традиции, где обнаруживается более развернутое описание имени:

¹ Дьулуруйар Ньургун Боотур: олонхо [Ньургун Боотур Стремительный: олонхо] / П. А. Ойунускай суруккабэйэтин түһэриитэ [самозапись П. А. Ойунского]; ред. В. Н. Иванов. Дьокуускай: Сахаполиграфиздат, 2003. (На якут. яз.)

² Ньургун Боотур Стремительный: олонхо / сказитель П. А. Ойунский; пер. В. В. Державина. М.: ИПЦ ДИК, 2007.

³ Львова С. Д. База данных «Номинации верховного божества якутов Юрюнг Айыы (Аар) Тойона в текстах олонхо». Свидетельство о государственной регистрации: RU 2021622627. Дата регистрации: 19.11.2021. Правообладатели: ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова».

⁴ Ястремский С. В. Образцы народной литературы якутов ... С. 80.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ Там же. С. 101.

⁷ Приклонский В. Л. Улкупуну Улань // Живая старина. Вып. III / под. ред. В. И. Ламанского. СПб.: Тип. С. Н. Худякова, 1891. С. 140; Бяртэ уоль Бяретэ Бяргянь [Лучший сын передовой меткий] // Там же. С. 145.

⁸ Ястремский С. В. Образцы народной литературы якутов ... С. 80.

⁹ Там же. С. 114.

<p>Үүт күөл үктэллээх, Үкэр куйаас тыыннаах Үүт ас бэйэлээх Үрүг Айыы Тойон¹</p>	<p>С подножием из беломолочного озера, С дыханием знойно жарким, С молочно-белым телом Юрюнг Айыы Тойон²</p>
---	---

Или:

<p>Үүт чөмчүүк артыктаах, Үрдэл таас опуостаах, Үүт куйаас үктэннээх, Үөр кулун күйүгэстээх, Үрүмэ долгун үктэллээх, Үрүг чэчир сэргэлээх, Үүт маҗан аттаах Өтөҗөлөөх Үрүг Айыы тойон оҗонньор, эһэм</p>	<p>С перевалом беложемчужим, С каменным проходом высоким, С берегами изобильным, С табунами жеребят резвых, С поступью пенистой и волнистой, С коновязью беловеточной, С конем белым Старик Тойон Юрюнг Айыы, дед мой³</p>
--	---

Или к примеру:

<p>Аҗыс халлаан ыраахтааҗыта, Сэттэ халлаан кинээһэ, Мүлчүрүйбэт күлүмэх дьүүллээх, Арахсыбат тыйыс ыйаахтаах, Өрөһөлөөх-өтөҗөлөөх Үрүг Айыы Тойон</p>	<p>Царь восьмого неба, Князь седьмого неба, Чи беспощадные решения неотменяемы, Чи жестокие повеления окончательны; С конусообразной шапкой с перьями и рогами Юрюнг Айыы Тойон⁴</p>
--	---

Такие описания с незначительными вариациями сохраняются и в поздних фиксациях текстов олонхо:

<p>Айыылааҗы-буруйдааҗы Ыйааһынҗа-хаантаарга туруорбут, Сордооҗу-дъайдааҗы Түһүүнэн-холоругунан боруостаспыт, Ынырыктаах ыйаахтаах, Сүрдээх сокуоннаах, Үс дойду киэнэ Үнсэр суута, Үнсэр тангарата буолбут, Өрүллээх төбөлөөх, Үрүг көмүс торуоскалаах, Төлөн бороу түптэлээх, Өтөҗөлөөх Үрүг Айыы оҗонньор Тойон эһэм⁵</p>	<p>Злосчастного-нечистого На кантарь-весы поставивший, Повинностями-вихрями взыскавший, С грозным приговором, Со страшным уставом, Со всех трех стран Жалобы принимающим судом, Мольбам внимающим божеством ставший, С орлом на голове, С тростью серебряной, С пламенеющим дымокурором, С перьями-рогами Старик Юрюнг Айыы Господин Дедушка</p>
---	--

¹ Ионова-Андросова М. Н. Олонхолор, ырыалар, этнографическай бэлиэтээһиннэр, ыстатыйалар [Олонхо, песни, этнографические заметки, статьи] / ред. П. А. Слепцов. Дьокуускай: Кудук, 1998. С. 155. (На якут. яз.)

² Здесь и далее, где нет дополнительных указаний, переводы выполнены автором статьи.

³ Захаров Т. В. Ала Булкун бухатыыр = Ала Булкун богатырь / отв. ред. Нь. И. Илларионова. Якутск: Алаас, 2018. С. 392, 393.

⁴ Тимофеев-Теплоухов И. Г. Куруубай хааннаах Кулун Куллуустуур = Строптивный Кулун Куллуустуур: олонхо / гл. ред. А. А. Петросян; пер. А. А. Попова и И. В. Пухова. М.: Гл. редакция восточной литературы, 1985. С. 48, 323.

⁵ Дыырай Бэргэн: олонхо ... С. 160.

В олонхо фрагмент описания «с орлом на голове» может варьироваться «с тремя орлами на лбу»¹.
Примечательна портретная характеристика образа:

<p><i>Бу сардангалаах аҕыс халлаан Баай айхаллаах Сыдыаайа муньнустубут, Тоҕус күлүгэ көстүбэт Добун манган халлаан Дьоллоох сардангата Түмүллэн дьүһүннэммит</i></p>	<p>Воплотивший в себя Изобильное сияние этих лучистых восьми небес, Волшебные лучи Девяти верхних небес, Не имеющих тени, Соткали его образ²</p>
---	---

В некоторых олонхо пространно описывается не только внешний вид, но и детально повествуется место жительства Юрюнг Айыы Тойона:

<p><i>Үс хартыгастаах Үрдүк мэнгэ халлаан Үрүт өттүгэр Күлэр күөх салгыннаах, Күндүл күнүс дойдулаах, Үрүмэтийбэт үүт күөллээх, Үрүг илгэ үктэллээх, Үкээр куйаас тыыннаах, Үүт-таас бэйэкэлээх, Үс киис кыыл тириштэ өллүргэлээх Үрдүк нуоҕай бэргэһэлээх Үрүг Аар Тойон³</i></p>	<p>На вершине трехъярусных Светлых небес, В обители полуденных лучей, Где воздух ласково голубой, Среди озера — никогда Не видавшего ни стужи, ни льда, На престоле, что вырублен целиком Из молочно-белой скалы, Нежным зноем дыша, В седирах белых, как молоко, В высокой шапке из трех соболей, Украшенной алмазным пером, Говорят — восседает он, Говорят — управляет он, Белый Юрюнг Аар Тойон⁴</p>
---	---

Эпитеты могут сообщить также о характере исследуемого образа:

<p><i>Кырай халлаан Кырытыгар олохтоох, Кыыһырымтаҕай майгылаах, Кырыктаах өйдөөх, Көмүскэтээх санаалаах Үрүг Айыы Тойон оҕонньор⁵</i></p>	<p>Живущий на грани высокого неба С гневным характером, С грозным умом, С сердобольными мыслями Старик Юрюнг Айыы Тойон</p>
---	---

Иногда в текстах имплицитно содержится идея сотворения самого владыки Юрюнг Айыы Тойона:

<p><i>Аҕыс халлаан арҕаатыгар айыллыбыт, Тоҕус халлаан дьулайыгар дойдуламмыт, Уон халлаан оройугар олохтоммут... Үрүг Айыы Тойон⁶</i></p>	<p>Сотворённый на задней стороне восьми небес, Осевший на самом темени девяти небес, Обосновавшийся на верхушке десяти небес... Юрюнг Айыы Тойон</p>
---	--

¹ Төбөт Мэник бухатыыр: олонхо ... С. 36.

² Говоров Д. М. Бүдүрүйбэт сүһүөхтээх Мүлдүү Бөҕө = Непобедимый Мюльджю Бёгё: олонхо: в 2-х кн. / пер. Е. С. Сидорова. Якутск: Бичик, 2010. Кн. 1–2. С. 105, 71.

³ Дьулуруйар Ньургун Боотур: олонхо ... С. 24.

⁴ Нюргун Боотур Стремительный: олонхо / сказитель П. А. Ойунский; пер. В. В. Державина. М.: ИПЦ ДИК, 2007. С. 12.

⁵ Үөлэн Кыырдыт: олонхо ... С. 124.

⁶ Төбөт Мэник бухатыыр: олонхо ... С. 36.

В источниках по этнографии содержание эпитета верховного бога тождественно описаниям в олонхо: «*Үт-таас олбохтоох, өнгүрүк куйаас тыыннаах, үс киис бэргэхэлээх, үүс-аас бэйэлээх Үрүг Аар Тойон* — ‘С седалищем из бело-молочного камня, с дыханием из сильной жары, с шапкой из трех соболей, подобный белой рыси, Белый Старец Господин’. Он единственный представитель айыы, сохранившийся в чистом виде» (Кулаковский, 1979: 17); «В старину пелись на свадьбах песни Белому Богу Творцу, восседающему на бело-молочном камне» (Серошевский, 1993: 523); «Белый Господь бог с бело-молочным седалищем, “родившийся, наступив на взбивающуюся кверху челку светло-белого неба”, живущий за третьим небом и все определяющий» (Худяков, 2016: 257) и т. д.

Отмечается, что Юрюнг Айыы Тойон —

«почтенный старец, облаченный в дорогие меха, источающие жару и свет... В образе персонифицировано солнце. Иногда его называли Юрюнг Аар Тойон — Белый Престарелый Господин, здесь эпитет употреблен в значении старейший, главнейший из всех айыы» (Эргис, 2008: 132).

Показательным является обобщающая таблица имен и эпитетов исследуемого образа, фиксированных в научной литературе с 1785 по 1949 г. Эти сведения по хронологии:

- *Юру нар* (1785 г. фиксации);
- *Ар Тойон* (в записи Н. Ф. Остолопова от 1806 г.);
- *Ют-тас олбохтоох Юрюн Аи тоен* (в записи Ф. Соловьева от 1876 г.);
- *Юют олбохтоох Юрюнг Аи Тойон* (Н. П. Припузова от 1884 г.);
- *Ар тойон-ага и Юрюнг Айыы тойон* (А. Слепцова от 1886 г.);
- *Айыы тойон (Ар тойон)* (в записи В. Л. Серошевского от 1896 г.);
- *Юрюнг айыы тойон* (В. Ф. Трошанского от 1902 г.);
- *Юрюнг Айыы тойон* (В. М. Ионова с 1894–1896 гг.);
- *Юрюнг Аар Тойон и Юрюнг айыы тойон* (А. Е. Кулаковского от 1923 г.);
- *Юрюнг Аар Тойон* (С. И. Боло от 1937 г.);
- *Юрюнг Айыы Тойон* (1947 г. фиксации);
- *Юрюнг Айыы Тойон* (в записи А. А. Попова от 1949 г.) (Алексеев, 2008: 178–179) — в целом, не противоречат данным в текстах эпоса олонхо.

Итак, из вышеизложенного складывается облик почтенного, величественного старца. В мифологических представлениях выражен следующий «антропоморфный состав»: светлый лик, молочно-белое тело, белая седина, жаркое дыхание. По общественному положению — господин, главный царь, князь и судья, повелитель; по характеру — грозный, гневный, но мудрый и сострадательный старик; место жительства — высокие небеса Верхнего мира.

Наряду с мужской сущностью рассматриваемого образа отличительным признаком Юрюнг Айыы Тойона является способность источать свет и жару, а доминирующей чертой внешности — преобладание исключительно белого цвета.

В текстах олонхо четко выражены и атрибутивные характеристики Юрюнг Айыы Тойона. Во многих олонхо он изображается сидящим на молочно-белом камне (седалище) с отверстием (вариант: престоле с пенисто-волнистым молоком), а иногда молочно-каменной подножкой (вариант: подножием из молочного озера) — *үрүмэтийбэт үттээх таас олбохтоох*¹ ‘не покрывающийся коркой камнем-седалищем с отверстием’; *үүт таас үктэллээх*² ‘с подножкой молочно-каменной’ или *үүт таас түһүлгэлээх*³ ‘с молочно-каменной стоянкой’; *үрүмэ долгун олохтоох*⁴ ‘с сиденьем пенно-волнистым’; *үүт күөл үктэллээх*⁵ ‘с подножием из молочного озера’ или *үрүг илгэ үктэллээх*⁶ ‘с подножием из белого молока’; *көлүйэ күөл курдук үрүг көмүс бүрүстүүлээх*⁷ ‘подобно озеру серебряным престолом’ и т. д.

¹ Кыыдааннаах Кыыс бухатыыр: олонхо ... С. 83.

² Дырыбына Дырылыатта кыыс бухатыыр = Девушка богатырь Джырыбына Джырылыатта ... С. 40.

³ Мүлдүүт Бөфө: олонхо ... С. 312.

⁴ Уол Дуолан бухатыыр: олонхо ... С. 14.

⁵ Ионова-Андросова М. Н. Олонхолор, ырыалар, этнографическай ... С. 155.

⁶ Дьулуруйар Ньургун Боотур: олонхо ... С. 77.

⁷ Сылгы уола Дырай Бэргэн = Сын лошади Богатырь Дырай ... С. 85.

Из приведенных примеров видно, что якутская традиция наделяет Юрюнг Айыы Тойона камнем с отверстием, бурлящим молочным озером (который не покрывается пленкой, коркой).

Типичным атрибутом также является трость (палка, посох) в руке, описываемая как *кириэстээх тайах*¹ ‘посох с крестом’; *кэрдиис-кэрдиис ойуулаах кириэстиктээх торуоска*² ‘трость с крестиками с рубчатым узором’; *уолах тиит быһаҕаһын саҕа кыһыл көмүс торуоска* ‘золотая трость — длиной с половину высокой лиственницы’³; *үрүҥ көмүс торуоска*⁴ ‘серебряная трость’ и т. д., которой он пользуется при оглашении важных решений:

<p><i>Мин киһи эппит тылбын Икки чуор кулгааххытынан Сэгэтэ иһиттигит — диэн баран, Сымара таас муостатын Тоҕус бууттаах Сиэллээх-сэлэлээх торуоскатынан Үстэ төхтөрүүйэн оуста</i>⁵.</p>	<p>Мной произнесенные слова Двумя ушами чуткими своими Отчетливо услышали — сказав, Каменный пол свой Девятипудовой Тростью увенчанной конскими волосами Трижды ударил.</p>
--	---

Иногда трость служит и орудием пресечения действий эпического героя:

<p><i>Үрүҥ Айыы Тойон сангарар: “Былыр былыргыттан Сүһүөҕүн үрдүгэр боҕуйар, Туран эрэ ииктиир – Бука барыта Биһиэхэ бэргэһэтин устан Үгэр хонкуйар дьоно этибит. Хайдах киниттэн туора миэрэлээх кинигиний? Бэргэһэҥин уһул!” — диир... Уолах тиит быһаҕаһын саҕа Кыһыл көмүс торуоскатынан... Куруубай Хааннаах Кулун Куллуштуур гиэнин.. Муос кураах бэргэһэтин Ханас өттүнэн Туора мииннэрэр...</i></p>	<p>Юрюнг Айыы Тойон говорит тогда: “Испокон веков Все, кто стоя мочится, У кого колени сгибаются, – Все до единого, – Сняв шапки и в коленях ноги сгибая, Нам кланялись. У тебя что — другие обычаи? Сними шапку!”... Ударяет слева наотмашь Золотой тростью Величиною в половину Высокой лиственницы По рогатой шапке Строптивного Кулун Куллуштуура...⁶</p>
---	--

В олонхо устойчиво наличествующим атрибутом главного бога также является его головной убор, отмечающийся в виде *үүс киис тириитэ өлбүргэлээх бэргэһэ*⁷ ‘рысино-соболья шапка из меха огузка’; *тоҕус сиринэн нуоҕайдаах ураа көмүс бэргэһэ* ‘островерхая серебряная шапка, украшенная девятью воткнутыми в нее перьями’⁸; *үүс-киис кыыл тириитэ өлбүргэлээх үрдүк нуоҕай бэргэһэ* ‘из рысино-собольих шкурок-огузков высокая шапка с перьями’⁹; *өтөҕөлөөх*¹⁰ ‘с перьями на головном уборе’; *өрөһөлөөх-өтөҕөлөөх*¹¹ ‘конусообразная шапка с перьями’ (согласно исследованию Н. И. Филипповой,

¹ Уол Дуолан бухатыыр: олонхо ... С. 14.

² Хангалас Боотур: олонхо ... С. 32.

³ Тимофеев-Теплоухов И. Г. Куруубай хааннаах Кулун Куллуштуур = Строптивный Кулун Куллуштуур: олонхо ... С. 41, 316.

⁴ Дьырай Бэргэн: олонхо ... С. 160.

⁵ Мохсоҕоллой Боотур: олонхо ... С. 298.

⁶ Тимофеев-Теплоухов И. Г. Куруубай хааннаах Кулун Куллуштуур = Строптивный Кулун Куллуштуур: олонхо ... С. 62, 336.

⁷ Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр = Девушка богатырь Джырыбына Джырылыатта ... С. 334.

⁸ Тимофеев-Теплоухов И. Г. Куруубай хааннаах Кулун Куллуштуур = Строптивный Кулун Куллуштуур: олонхо ... С. 41, 316.

⁹ Кыыс Дэбилийэ = Кыыс Дэбилийэ ... С. 248, 249.

¹⁰ Сылгы уола Дьырай Бэргэн = Сын лошади Богатырь Дьырай ... С. 129.

¹¹ Тимофеев-Теплоухов И. Г. Куруубай хааннаах Кулун Куллуштуур = Строптивный Кулун Куллуштуур: олонхо ... С. 63, 336.

см.: Филиппова, 1980: 73–74); *өрүүлээх бэргэн*¹ ‘шапка с орлом’; *өрүүл көмүс хоруона*² ‘золотая корона с орлом’ и т. д.

Наиболее часто встречающимися деталями шапки Юрюнг Айыы Тойона являются: высокая конусообразная форма, рысьи-собольи шкурки, перья, воткнутые на верхушке.

Характерным во многих текстах отмечаются описания рассматриваемого образа с атрибутами, отражающими реалии православной веры: *ый уота чимэчилээх, күн уота банаардаах, ахтаах ладааннаах*³ ‘с лунным светом вместо свечи, с солнечным светом вместо фонаря, прогорклым ладаном’; *араҕас наадал түптэлээх, манган чүмэчи уота банаардаах* ‘с дымокурором из ладана, свечкой белой с фонарём-огоньком’⁴; *аҕыс күннүк сиринэн ахтаах даадан арчылаах*⁵ ‘с ладаном, очищающим прогорклостью на расстоянии восьмидневного пути’; *кыһыл көмүс ырыысалаах, араҕас манган лампаадалаах, тоҕус Ньюкуола тангаратын түһүгэр мараччы көтөхпүт, аҕыс аанньал тангаратын арҕаһыгар сүкпүт, сэттэ сибэтиэй тангаратын сиһигэр кэккэлэппит* ‘с золотой ризой, светло-желтой лампадой, на выпяченной груди — с девятью иконами Николы-угодника, на плечи взваленными восьмью иконами с ангелами, на спине разложенными семью иконами со святыми’⁶ и т. п.

Внимание привлекает приписывание главному богу черт культурного героя. В олонхо повествуется:

<p><i>Арана туос курдук Аркыыба кумааҕылаах, Сытар ынах саҕа дьыалалаах, Сымара таас курдук чэрэншилээх, Кыдама атырдьах курдук куоссуннаах.</i></p>	<p>С архивом из бумаг, Сложенных кипами, как береста, С чернильницей с лежащую корову, С пером, как вила стогометательная⁷.</p>
--	--

Отмечаются варианты: *аранас туос аркыыма*⁸ ‘берестяной архив’; *биэдэмэс*⁹ ‘ведомость’; *араҕас аркыыба* ‘священный желтый архив’¹⁰; *аҕыс ат баараннан тардар аркыыма кинигэ*¹¹ ‘архивная книга, которая по силам восьми парам запряженных лошадей’; *аҕыс халлаан аркыыбата*¹² ‘архив восьми небес’ и т. д. Заметим, что данный атрибут в некоторых олонхо принадлежит небесному писарю всех трех миров (Усун Джурантая, Ытык Джуорсун, Арангас Маган, Дума Мыдарас и т. д), относящемуся к его свите. Согласно Н. В. Емельянову, писарь является пятым из девяти сыновей Юрюнг Айыы Тойона (Емельянов, 1980: 12).

Менее часто Юрюнг Айыы Тойон изображается с махалкой (веером), к примеру, *арыы хатын саҕа араҕас манган чачыр дэйбиурдээх*¹³ ‘подобной островку с растущим березовым лесом светло-желтой березовой веткой-махалкой’; с *өлбөт мөнгө уута утахтаах*¹⁴ ‘утоляющий жажду живой водой’, и этот напиток в сюжетном развитии может функционировать в виде *куньялгы кус сымытын саҕа сүлэгэй* ‘молочный дар величиной с яйцо шилохвости’¹⁵, хранящегося в серной пробке уха богатырского коня¹⁶ (иногда при критических ситуациях конь сам поднимается с жалобой к Юрюнг Айыы Тойону, вследствие чего владыка отправляет для помощи богатырю шаманку с *үрүн илгэ* ‘молочным продуктом, тем же божественным даром’¹⁷).

¹ Уол Дуолан бухатыыр: олонхо ... С. 14.

² Куллуйа Куллустуур: олонхо ... С. 16.

³ Күн Тэгиэримэ: олонхо ... С. 25.

⁴ Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр = Девушка богатырь Джырыбына Джырылыатта ... С. 40, 41.

⁵ Мүгүлү Бөҕө: олонхо ... С. 48.

⁶ Тимофеев-Теплоухов И. Г. Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур ... С. 47–48, 322.

⁷ Сылгы уола Дыырай Бэргэн = Сын лошади Богатырь Дыырай ... С. 129, 255.

⁸ Күн Тэгиэримэ: олонхо ... С. 26.

⁹ Тимофеев-Теплоухов И. Г. Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур ... С. 73, 346.

¹⁰ Захаров Т. В. Ала Булкун бухатыыр = Ала Булкун богатырь ... С. 284, 285.

¹¹ Бүдүрүйбэт сүһүөхтээх Мүлдү Бөҕө: олонхо ... С. 183.

¹² Мүлдүөт Бөҕө: олонхо ... С. 467.

¹³ Ионова-Андросова М. Н. Олонхолор, ырыалар, этнографической ... С. 155.

¹⁴ Уол Дуолан бухатыыр: олонхо ... С. 78.

¹⁵ Дугуйа Бөҕө = Дугуйа Бөгё: олонхо ... С. 102, 103.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Дыырай Бэргэн: олонхо ... С. 189–195.

Добавим, что знаток олонхо П. А. Ойунский отмечал, что

«Кони посылаются из Верхнего мира, страны Солнца... кони иногда предлагают своим хозяевам по-рыться в их ухе и вытащить оттуда орленка. Этот орленок, если его отхлестать как следует, то набухает и растет как гора. Если войти в его пасть — то войдешь в страну, покрытую зеленью, где имеются два столба, ... а на другом столбе — “үрүң илгэ”, или “араҕас илгэ” (кушанье из молока). Богатырь съедает это кушанье, чувствует бодрость, рост силы и прилив боевой страсти» (Ойунский, 2013: 31).

В некоторых текстах и ранней, и поздней фиксации интересно наличие у рассматриваемого образа *үрүң чэчир сэргэ* ‘сэргэ-коновязи беловеточной’¹, входящего в состав его эпитета. Часто *үрүң чэчир* (вариант: *манган чэчир* ‘белая молодая березка с листво́й’²) оказывается почетной коновязью владыки Юрюнг Айыы Тойона, предстающей в текстах олонхо продолжением верхней ветки мирового древа Аал Луук мас:

<p><i>Бу аҕыс салаата</i> <i>Үрүң Аар Тойонго</i> <i>Арыы мас саҕа</i> <i>Араҕас манган чэчир буолан</i> <i>Анньылыннаҕа буолуоҕа</i>³</p>	<p>Восьмая ветка древа Видимо, проросла белой березкой с листво́й, Подобным лесному островку У самого Юрюнг Аар Тойона</p>
---	---

Иногда в описании траектории веток древа присутствует прямое указание трансформации последней в сэргэ-коновязь владыки Верхнего мира:

<p><i>Үс хос хаттыгастаах үүт минньиэр халлааны</i> <i>Өтөрү үүнэн тахсан</i> <i>Биир уһуга үс хос хомпорууннаах,</i> <i>Үүт-таас олбохтоох Үрүң Айыы Тойон оҕонньорго</i> <i>Бастын маллаах сэргэтэ буолан турар</i>⁴</p>	<p>Один конец древа Произрастая сквозь Трехслойное молочно-белое небо Стал лучшей коновязью Старика Юрюнг Айыы Тойона, С тремя орлами, Восседающего на беломолочном седалище</p>
---	--

В отдельных текстах ветка древа изображается переплетенной с коновязью владыки небес:

<p><i>Үрүң Айыы Тойон оҕонньор</i> <i>Муус чылаҕай тиэргэнин</i> <i>Хаба ортотунан</i> <i>Тоҕус устаах</i> <i>Дуолан сэргэтин кытары</i> <i>Эриллэн-хатыллан</i> <i>Үүнэн тахсыбыта, доҕоор!</i>⁵</p>	<p>Древо то проросло, Обвиваясь-закручиваясь Вокруг девятиголового громадного сэргэ, Стоящего в самом средоточии Ледового блестящего двора Старика Юрюнг Айыы Тойона!</p>
--	--

В связи с этим подчеркнем, что исследователями отмечается принадлежность к одному семантическому ряду сэргэ-коновязи с мировым деревом (Львова и др., 1988: 33; Сайкенева, Наурзбаева, Хазбулатов, 2022: 9). При этом верхняя часть образа древа, априори связанная с Юрюнг Айыы Тойоном, в традиционном мировоззрении устойчиво связывается с образом орла:

¹ Захаров Т. В. Ала Булкун бухатыыр = Ала Булкун богатырь ... С. 394, 395.

² Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. / под. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2017. Т. XIV. С. 303.

³ Абрамов Н. Т. Өлбөт Бэргэн: олонхо [Бессмертный Бэргэн: олонхо] // Дьүлэй нэһилиэгин олонхолоро [Олонхо Джюляйского наслега] / ред. Н. И. Попова. Дьокуускай: ГЧУоХААНПИ, 2013. С. 17. (На якут. яз.)

⁴ Үс уоллаах Лабанхаччаан оҕонньор: олонхо ... С. 158.

⁵ Сүүлэлдьин Боотур: олонхо ... С. 9.

<p><i>Тохсус салаата суубу Туруйа кыыл нуоҕайын курдук Туона халлаантан токуруччу үүнэн түспүт. Ол төбөтүгэр Айыы Тойонтон оноруулаах Тойон кыыл чоргуйа олорор¹.</i></p>	<p>Девятая ветка древа Подобно гнущимся крыльям журавля Изогнувшись спустилась вниз, На верхушке ее Созданный Айыы Тойоном Орел клекочет.</p>
--	---

В олонхо примечательны свидетельства о присутствии постоянных спутников владыки: *үтүө салгын тыыннаах, үчүгэй ардах көлөһүннээх, үрүг былыт көлгөннөөх* ‘с дыханием благодетельным, с по- том — дождем благодатным, с санями — облаками белыми’²; *толон самыыр суорумнуулаах, тобус сүүлэр этин илдьиттээх* ‘его гонцы — дождь с градом, вестники — девять разящих громов’³ и т. д. В примерах прослеживается связь со стихией воды и воздуха. Однако, анализируемый образ стати- чен, видимо, поэтому во многих текстах народное сознание акцентирует внимание на его спутниках (первостихиях):

<p><i>Үрүг Аар Тойон... Сүллэр этин лүнсүүрдээх, Сааллар чабылҕан дапсыырдаах, Кутаа уот куйбуурдаах Халлаан сүллэр дьааһын Түөрт бухатыырын арыалдьыттанан, Халлаан сэттэ алгыстаах Айыы намыһын удаҕаттарын арыалдьыттанан... Аралдьыйбат аранас туос аркыымаларын Арыян көрбүт⁴</i></p>	<p>Юрюнг Аар Тойон... В сопровождении четырех небесных грозных богатырей, Семи небесных благословенных шаманок Айыы Намысын, С раскатом громов, С разящими молниями, С извивающимся огненным кнутом... Священный берестяной архив Открыв посмотрел</p>
---	--

Исходя из содержания многих олонхо, к многочисленному «улусу» (Н. В. Емельянов) главного божества относятся не только богатыри Кюн Джёллут, удаганки Айыы Намысын, слуги Джёсюёл- джют и вестники, но в некоторых текстах он окружен советниками, к примеру:

<p><i>Оол дьиз сэргэ ыккардынан Түөрт уон түөрт добуолу тойоттор, Оҕолоох кус курдук, Субуһан иһэллэр. Добуолу тойоттор иннилэригэр Бойлюот ыал ураһатын саҕа Кыһыл көмүс ырыысалаах,... Тобус халлаан тойоно, Үрүг Айыы Тойон, Бастаан баран иһэр</i></p>	<p>Между этим домом и коновязью Идут друг за другом, Словно утята за уткой, Сорок четыре тойона божественной свиты. Впереди этих Сорока четырех тойонов Торжественно шествует почтенный старец, Облаченный в золотую ризу Величиною в урасу зажиточных людей,... Он — ... Юрюнг Айыы Тойон⁵</p>
--	--

Далее, тексты олонхо свидетельствуют о наличии семьи у главного бога (супруги, детей, внуков). Дети и внуки действительно принимают активную роль в развитии сюжета олонхо (Оросина, 2017: 292). В последнем сам владыка предстает лишь сторонним наблюдателем, и «послав часть своих детей на землю жить, перестал интересоваться их судьбою и совсем не вмешивается в дела людей» (Трощанский, 1902: 32). Его деятельность завершается в пору мифологического времени первотво- рения, а далее он пребывает в роли «удалившегося бога» (Элиаде, 2010: 98–103).

¹ Абрамов Н. Т. Өлбөт Бэргэн: олонхо ... С. 17.

² Көр Буурай = Кёр Буурай: олонхо ... С. 20, 21.

³ Тимофеев-Теплоухов И. Г. Куруубай хааннаах Кулун Куллуштуур = Строптивый Кулун Куллуштуур: олонхо ... С. 40, 316.

⁴ Күн Тэгиэримэ: олонхо ... С. 27.

⁵ Тимофеев-Теплоухов И. Г. Куруубай хааннаах Кулун Куллуштуур = Строптивый Кулун Куллуштуур: олонхо ... С. 47–48, 322.

Спутниками Юрюнг Айыы Тойона могут предстать и звери:

<p><i>Икки саннын кэбэтиттэн үүммүт Кылбалдьыйар Икки кыһыл көмүс кынаттаах, Түүлээх ох Түргэнинээбэр түргэн, Уоттаах буулдьа Айанныырынаафар ордук Тыллаах сытыы тылбаас буолбут, Икки кэй сыыдам кыыл Норуоһунайдаах...</i></p>	<p>С нарочными из двух Быстрых, как ветер, зверей, С сверкающими золотыми крыльями На обоих плечах, Летящих быстрее Оперенной стрелы, Сильнее пули огненной Несущих живое слово...¹</p>
---	--

Связь с деревом (растительностью) у анализируемого образа проявляется в олонхо имплицитно, а связь с конем — эксплицитно. К примеру, иногда она проявляется через эпитеты: *үүт манган аттаах*² ‘на беломолочном коне’ или *даллан өксөкү аттаах*³ ‘на коне с орлиными крыльями’. Согласно содержанию большинства текстов, главный бог изначально изобилен и богат, на это указывает в том числе и многочисленность его табунов:

<p><i>Үөһээ үрдүк манган халлаантан Үрүг Айыы Тойон Үүрдээн-сүүрүктээн, Үүрэн-түрүйэн бизэбит Үргүүк үрүг сүүрүк сүөһү Үгүс ахсааннаах Үльлэн-аллан үөскээбитэ.</i></p>	<p>От табунов белой масти, Юрюнг Айыы Тойон, Восседая на белом престоле неба, Назначил некогда ему [богатырю] в долю Неисчислимое множество⁴.</p>
---	--

В научной литературе также отмечается, что «Юрюнг Аар, высшее божество, которому посвящается первый удой кобыл, и которое, как можно думать на этом основании, является покровителем конного скота» (Трощанский, 1902: 37); «В сказке говорится: “С молочно-каменным подножием, с двухгодовалыми кобылами... Белый господь бог”» (Худяков, 2016: 268) и т. д.

Важным семантическим признаком выступает также локус Юрюнг Айыы Тойона, описываемый в основном во вступительной части олонхо. В эпитетах анализируемого образа устойчиво обнаруживается указание на место его постоянного пребывания — *үрдүк халлаан үрдүгэр олохтоох*⁵ ‘живущий выше высокого неба’; *үс хартыгастаах үрдүк дьүрүс манган халлаан үөһээ өттүгэр*⁶ ‘выше трехслойного высокого белого неба’; *аҕыс хаттыгастаах араҕас манган халлаан алын кырытыгар, үс хаттыгастаах халлаан үрүт өттүгэр*⁷ ‘на нижней стороне восьмислойного белого неба, на верхней стороне трехслойного неба’. При этом примечательны подробности местожительства божества типа *күн уота тохто турар дойдута* ‘страна, где льются солнечные лучи’, *кыһыл көмүс олбуордаах дьиз* ‘дом с золотой оградой’⁸, *сырдык таас дьиз*⁹ ‘светлый каменный дом’, куда богатыри айыы попадают поднимаясь по *айыы чамалҕан аартык* ‘божественному небесному проходу’, *араҕас манган аартык*¹⁰

¹ Говоров Д. М. Бүдүрүйбэт сүһүөхтээх Мүлдү Бөҕө = Непобедимый Мюльджю Бёгё ... С. 105, 71.

² Захаров Т. В. Ала Булкун бухатыыр = Ала Булкун богатырь ... С. 394.

³ Даадар Хара: олонхо ... С. 87.

⁴ Дугуйа Бөҕө = Дугуйа Бёгё: олонхо ... С. 24, 25.

⁵ Даадар Хара: олонхо ... С. 87.

⁶ Дыырай Бэргэн: олонхо ... С. 160.

⁷ Ионова-Андросова М. Н. Олонхолор, ырыалар, этнографической ... С. 184.

⁸ Тимофеев-Теплоухов И. Г. Куруубай хааннаах Кулун Куллуустуур = Строптивый Кулун Куллуустуур: олонхо ... С. 47, 322.

⁹ Даадар Хара: олонхо ... С. 36.

¹⁰ Тойон Ньургун-бухатыыр // Образцы народной литературы якутов / под ред. Э. К. Пекарского. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1908. Вып. II. Т. 1. С. 84.

‘бело-молочной дороге’, или как уточняет П. А. Ойунский, по *сиэллээх сиэҕи манан аартык* ‘бело-молочной дороге, украшенной конскими волосами’, простирающейся под восточным небом (Ойунский, 2013: 25).

Таким образом, Юрюнг Айыы Тойон является статичным образом со строго закрепленным локусом.

Семантические признаки образа в «деятельности»

Уже в зачине почти всех текстов олонхо выраженным действием Юрюнг Айыы Тойона является творение мира в мифологическое «раннее время» (С. Ю. Неклюдов):

<p><i>Айгырдаах-силиктээх Аҕа бараан дойдубун Аан бастаан соғурдук Айан испиттэр эбит...</i></p>	<p>В роскошном наряде-убранстве Отчую почтенную страну мою Изначально вот так Сотворяли, оказывается...¹</p>
--	---

В большинстве олонхо поздних записей имя творца (творцов) не упоминается, однако присутствие его (их) очевидно. Частичный ответ на интересующий вопрос может контекстом угадываться в эпитете анализируемого образа в виде *аан дойду аҕата*² ‘отец мира’, *аҕыс халлаан аҕата* ‘отец восьми небес’³ и т. п. В ранних записях функция творения образа становится явным при разворачивании сюжета: «спорую закваску даровавший, похотливо плодущий скотный двор жаловавший, ... три края создавший, четыре края породивший Создатель Господь»⁴, «Сотворивший тебя отец, услышал просьбу твою; ты сотворен был в давнопрошедшие времена на небе Аи-Гоёном, сотворившим и всех нас»⁵. Как творец-создатель не только мироздания, но и людей айыы, рассматриваемый образ еще более явно манифестируется в народных песнях ранней фиксации:

<p><i>Айгыр-силик аан ийэ дойдукабыт Хайдах айыллыбыта эбитэй диэн Ахтан-санаан көрдөххө:... Сол курдук Үөһээ Үрүң Айыы Тойон Оңоруутунан олохтоммут эбит, ... Аан ийэ дайдыкабыт, доҕоттоор!⁶</i></p>	<p>Если вспомнить, Как создавалась-появлялась Эта нарядная красивая Наша мать-земля: ... Вот так, оказывается По соизволению Юрюнг Айыы Тойона Появилась она, изначальная мать-земля, друзья!</p>
---	---

Или:

«С свободно поворачивающейся головой, / Смуглые урянхайцы-якуты мы, / Наше происхождение доведывая, / Наше зарождение обдумывая, / Как раз на восток, на край трех небес вверх гляючи: / От живущего на безо всякой тени ясном, / На безо всякого следа гладком небе / Создателя Господа ведя начало, произошли мы, вот что мы скажем»⁷.

Судя по содержанию многих олонхо, известно, что верховный бог является также творцом-создателем всей фауны: «белые бегуны его по всем речкам разбрелись, расплодились»⁸, «расплодившиеся в дебрях стада коров, вольно бродят»⁹, *Үрүң Айыыттан айыллыбыт маа бэйэлээх көтөрдөөх-сүүрүрдээх аан дойдубут*¹⁰ ‘Созданная Юрюнг Айыы, вот с таким обилием животных и птиц, страна’.

¹ Модун Эр Соҕотох = Могучий Эр Соготох: якутский героический эпос ... С. 80.

² Мохсоҕоллой Боотур: олонхо ... С. 293.

³ Говоров Д. М. Бүдүрүйбэт сүһүөхтээх Мүлдү Бөҕө = Непобедимый Мюльджю Бёгё ... С. 105, 71.

⁴ Бессмертный витязь // Образцы народной литературы якутов: Труды Совета по изучению Якутской Автономной Советской Социалистической Республики / под ред. С. В. Ястремского. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1929. Т. VII. С. 102.

⁵ Приклонский В. Л. Эр Соготох // Живая старина. Вып. II. СПб.: Типография Петербургской газеты, 1890. С. 175.

⁶ Ионова-Андросова М. Н. Аан дойду айыллыбыт ырыата [Песнь о создании мира] // Олонхолоор, ырыалар, этнографическай ... С. 229–236.

⁷ Песнь о происхождении человека // Образцы народной литературы якутов: Труды Совета по изучению Якутской Автономной Советской Социалистической Республики / под ред. С. В. Ястремского. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1929. Т. VII. С. 187.

⁸ Бессмертный витязь // Образцы народной литературы якутов ... С. 102.

⁹ Дугуйа Бөҕө = Дугуйа Бёгё: олонхо ... С. 25.

¹⁰ Абрамов Н. Т. Удаҕаттар Уолумар уонна Айгыр икки: олонхо ... С. 71.

В научной литературе подтверждается, что «Верховное божество якутов Юрюнг Айыы Тойон, создатель мира и человека» (Трошанский, 1902: 32); «Он — создатель Вселенной и человека» (Кулаковский, 1979: 17); «Үрүң Ајыы Тојон» — белый светлый господин, создатель мира» (Попов, 1949: 267); «Юрюнг Айыы Тойон считался создателем Вселенной, а все остальные божества айыы — его домочадцами, или прислужниками... считался творцом душ людей, рогатого скота и пр.» (Алексеев, 2008: 82); «Айыы, т. е. божества, творцы. Создатели, — это общее название высших существ, олицетворяющих собой начала творчества и добра. Человек, скот, полезные человеку животные и растения считались созданиями этих существ» (Эргис, 2008: 129).

Важной функциональной особенностью является устройство жизни Юрюнг Айыы Тойоном на Срединной земле. Так, в олонхо «Потомки молочно-белотелого Юрюнг Айыы Тойона» верховный бог не только заселяет своими детьми разные небеса Верхнего мира и мать-землю (хаанов¹, айыы², иччи³) с миссией охранять благополучие и счастливую жизнь людей айыы с точки зрения своих различных функциональных обязанностей, но и устраивает своих младших детей — сына и дочь, чтобы они стали прародителями людей айыы (якутов)⁴. Этот мотив повторяется в содержании многих текстов, при котором главный бог отправляет с Верхнего мира героев олонхо с предназначением стать родоначальниками людей племени айыы. Заметим, что фольклористом Н. В. Емельяновым в научный оборот было введено наличие трех групп основных тематик текстов олонхо: о заселении мать-земли; о родоначальниках племени айыы; о ее защитниках (Емельянов, 1983: 4).

Следующей устойчивой «коммуникативной целью действий» (Л. Н. Виноградова) рассматриваемого образа в олонхо является способность вершить судьбами людей айыы.

В эпитете образа прямо упоминается *үс дойду киэнэ үнсэр суута*⁵ ‘судья всех трех миров’, *сырдык дүүлү сыананан сьдъайбыт* ‘справедливый суд производящий’⁶, *үөһээ дойдуга үнэр тангаралара, үнсэр сууттара буолбут*⁷ ‘ставший молений богом, жалоб судьей’, *мүлчүрүбэт күлүмэх дүүллээх, арахсыбат тыйыс ыйаахтаах* ‘чьи беспощадные решения неотменимы, чьи жестокие повеления окончательны’⁸, *ынырыктаах ыйаахтаах, сүрдээх дүүллээх, соботох сокуоннаах*⁹ ‘державший одну присягу крепкую, выносящий окончательный приговор суда, единым законом владеющий’. В спешных или спорных ситуациях удаганки айыы¹⁰, посыльные владыки, духи слов и челюсти хозяйки земли¹¹ или богатыри (богатырки) айыы¹², духи глаз и ушей богатырского коня¹³ поднимаются по «бело-молочной дороге» с жалобой к самому Юрюнг Айыы Тойону. Владыка мира заранее знает предопределение героя, его (ее) суженую (суженого), исход любых споров, иногда приказывает посмотреть¹⁴ или сам смотрит записи с архива небесных писарей¹⁵.

Эпические традиции приписывают главному богу и функцию благодетеля. Так, согласно содержанию олонхо герои часто обращаются к нему с просьбой о помощи, на что последний отвечает ее исполнением. К примеру, посылает душу ребенка в ответ на мольбу бездетного старика¹⁶, спускает предназначенных богатырям коней¹⁷, ниспосылает волшебные предметы (восьмиконечную

¹ Хааны — божества, живущие в верхних ярусах неба.

² Айыы — общее название высших существ, олицетворяющих доброе начало.

³ Иччи — духи-хозяйева явлений природы.

⁴ Ионова-Андросова М. Н. Үт аас бэйэлээх Үрүң Айыы Тойон ыччаттара ... С. 184–219.

⁵ Дыырай Бэргэн : олонхо ... С. 160.

⁶ Говоров Д. М. Бүдүрүбэт сүһүөхтээх Мүлдү Бөҕө = Непобедимый Мюльджю Бөгө ... С. 105, 71.

⁷ Куллуйа Куллустуур : олонхо ... С. 16.

⁸ Тимофеев-Теплоухов И. Г. Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур = Строптивный Кулун Куллустуур: олонхо ... С. 48, 323.

⁹ Сылгы уола Дыырай Бэргэн = Сын лошади Богатырь Дыырай ... С.129, 255.

¹⁰ Тойон Ньургун: олонхо ... С. 56.

¹¹ Дьулуруйар Ньургун Боотур: олонхо ... С. 77.

¹² Кыыс Дэбилийэ = Кыыс Дэбилийэ ... С. 246, 247.

¹³ Сылгы уола Дыырай Бэргэн = Сын лошади Богатырь Дыырай ... С.138, 300.

¹⁴ Тимофеев-Теплоухов И. Г. Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур = Строптивный Кулун Куллустуур: олонхо ... С. 73, 346.

¹⁵ Күн Тэгиэримэ: олонхо ... С. 26.

¹⁶ Төбөт Мэник бухатыыр: олонхо ... С. 36.

¹⁷ Абрамов Н. Т. Өлбөт Бэргэн: олонхо ... С. 32.

божественную острогу¹, доспехи², шаманские атрибуты, три золотых волоска с темени³, шкуру птицы-стерха⁴ и т. п.) богатырям айыы, отправляет небесных богатырей и удаганок.

В связи с последним отметим, что Юрюнг Айыы Тойон также предстает в олонхо и «дарителем волшебной силы» (В. Я. Пропп) — *өлбөт мөнгө* (*мэнэ, мүнэ, мүгэ, мөгө*) *уута* ‘живой воды’ (варианты: *сүлэгэй, сөлөгэй* ‘молочный дар’, *үрүн, араҕас илгэ* ‘молочный продукт с божественным даром’) (см. выше). Эта благословенная и ниспосылаемая владыкой целебная вода бросается «с неба прямо в рот богатыря» (Кулаковский, 1979: 57), она восстанавливает утраченные силы богатыря в самые критические моменты.

В некоторых олонхо этот божественный дар содержится в ухе спущенного с небес богатырского коня. К примеру, вот что ведаёт конь богатырке Джырыбына Джырылыатта:

<p><i>Орто туруу дьаҕыл дойдуга Тоҕуорутан түһэрэр күннэригэр Ханас кулгааҕым кулукутугар Араҕас илгэни ингэрбиттэрэ...</i></p>	<p>В мир срединный Меня спускали, Защелку, чеку-кулуку Левого уха моего Желтым маслом-илгэ впитали...⁵</p>
---	---

Тексты олонхо свидетельствуют также о характерности воспрещающих, а далее и наказательных действий главного бога. Так, часто Юрюнг Айыы Тойон останавливает чрезмерно разрушительную во всем мироздании схватку богатырей айыы (между богатырями айыы и абаасы), передавая наказ через посланников⁶. Верховный бог может наказать не только богатырей, но и родных детей и внуков. К примеру, восьмого сына по имени Тойон Кулут, опасаясь его бессмертного духа и чрезвычайной силы, отец приказывает еще младенцем навечно приковать к восьмигранному железному столбу, заточив в железный амбар, висячий на западном небе⁷. Или, родного внука, провинившегося еще в утробе матери, он повелевает спустить его мать в Срединный мир с тем, чтобы она родила внука досрочно, а далее оставить это дитя там навсегда⁸. Богатыря Мюлджю Бөгё за строптивость нрава верховный бог наказывает лишением обеих ног по колено посредством произведения арчы⁹ и велит спустить на жительство в Срединный мир¹⁰.

Заключение

Полученный перечень характерных признаков образа Юрюнг Айыы Тойона отражает достаточно цельную картину представлений предков народа саха.

Проведенный анализ позволил выявить следующие статистические признаки мифологического образа:

1) *Название, эпитеты, имя.* В ранних фиксациях текстов олонхо имя образа фиксируется в вариациях Кюн Тойон, Айыы Тойон, Юрюнг Айыы, Юрюнг Айыы Тойон, Юрюнг Аар, Юрюнг Аар Тойон без применения названия «главный бог», «верховный владыка» и т. д., в поздних записях текстов образ наделяется богатой эпитетикой с динамикой в сторону доминирования имени Юрюнг Айыы Тойон;

¹ Хаан Дьаргыстай: олонхо [Хаан Джаргыстай: олонхо] / И. А. Худяков суруйуута [запись И. А. Худякова]; ред. Т. В. Илларионова. Дьокуускай: Алаас, 2016. С. 172. (На якут. яз.)

² Эрбэхтэй Мэргэн: олонхо ... С. 60.

³ Горохов Н. С. Юрюнг Уолан. Якутская сказка // Известия ВСОИРГО. Иркутск: Типография Н. Н. Сеницына, 1885. Т. 15. С. 48.

⁴ Ионова-Андросова М. Н. Үүт аас бэйэлээх Үрүн Айыы Тойон ыччаттара ... С. 184.

⁵ Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр = Девушка богатырь Джырыбына Джырылыатта ... С. 274, 275.

⁶ Баһымны Баатыр уонна Эрбэхтэй Бэргэн икки: олонхо [Басымны Баатыр и Эрбэхтэй Бэргэн: олонхо] // Дьүлэй нэһилиэгин олонхолоро ... С. 149.

⁷ Ионова-Андросова М. Н. Үүт аас бэйэлээх Үрүн Айыы Тойон ыччаттара ... С. 188–189.

⁸ Сылгы уола Дьырай Бэргэн = Сын лошади Богатырь Дьырай ... С. 87, 256.

⁹ Арчы — обряд изгнания нечисти из человека.

¹⁰ Абрамов Н. Т. Элик Боотур Ньыгыл Боотур икки: олонхо [Элик Боотур и Ныгыл Боотур] // Дьүлэй нэһилиэгин олонхолоро ... С. 177.

эпитеты демонстрируют устойчивость в описании внешнего вида — светлый, белотелый, с сединой и жарким дыханием; эпические традиции интерпретируют образ как грозного старика-повелителя, главного царя;

2) *Портрет образа*. Предстает антропоморфным существом; определяющим признаком служит принадлежность к мужскому полу; его возраст — старик, дед; выраженной чертой описаний внешнего облика является белый цвет; из предметов одежды традиционным отмечается наличие высокой конусообразной рысино-собольей шапки с перьями;

3) *Общественное положение, статус*. Господин, главный царь, повелитель, князь, судья;

4) *Постоянные атрибуты или спутники*. Характерно наличие трости, седалища-сиденья из белого камня с отверстием, архивной книги (ведомости), иногда — махалки из конского хвоста, живой воды; встречаются церковные атрибуты (риза, ладан, лампада, свеча, иконы); образ изображается в сопровождении природных стихий (воздуха, огня, воды), в отдельных случаях в окружении отмечаются как антропоморфные спутники (семья, слуги, богатыри, шаманки-удоганки, свита советников), так и животные (конь, орел, звери с орнитоморфными чертами);

5) *Локус*. Строго статичным местом постоянного пребывания обозначается жилое пространство (с домом, двором, хозяйственными постройками) мифологического Верхнего мира (выше трехслойного неба); устойчивой следует указать закреплённость к локусу сэргэ-коновязи (прообраза мирового дерева) с выраженной привязкой образа орла;

6) *Родословная*. Образ является божественным началом, богом-создателем мира, человека, животных и птиц.

Приведем перечень динамических признаков образа Юрюнг Айыы Тойона:

1) *Способности*. В текстах олонхо выражена способность к прорицанию (знает будущее, прошедшее); во многих текстах проявляется склонность к пресечению особо разрушительных схваток между богатырями двух миров;

2) *Функциональные характеристики*. Юрюнг Айыы Тойону свойственны функции творца мироздания, божеств якутского пантеона, человека, флоры и фауны, устроителя жизни на Среднем мире, дарителя «живой воды (божественного дара)», вершителя судьбами и помощника людей айыы, а также функция главного судьи и наказателя во всем мироздании (во всех трех мирах).

Итак, в выявленном выше составе «идентифицирующего минимума характеристик» (Виноградова, 2000: 21) уже достаточно отчетливо видно присутствие разновременных рудиментов¹ (см. имя, портрет, атрибуты, локус, функции) в пределах мифа об Юрюнг Айыы Тойоне. При этом становление образа априори связывается со «становлением человеческого мышления», отражающего «такую же текучую, такую же беспокойную и творчески развивающуюся историческую действительность» (Лосев, 1957: 11). Дальнейшим шагом исследования станет дефиниция генетических корней, а далее реконструкция пути эволюции антропоморфного образа верховного владыки божеств якутского пантеона Юрюнг Айыы Тойона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев, Н. А. (2008) Этнография и фольклор народов Сибири / отв. ред. Е. Н. Кузьмина. Новосибирск : Наука. 494 с.

Варламова, В. Н. (2016) Лингвистические особенности мифологемы в художественном тексте // Вопросы методики преподавания в вузе. № 5 (19). С. 20–27.

Виноградова, Л. Н. (2000) Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик. 432 с.

Гоголев, А. И. (2002) Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. Якутск : Изд-во ЯГУ. 99 с.

Гутов, А. М. (1993) Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М. : Наука. 208 с.

¹ «Рудименты, т. е. остатки прежних эпох в той или иной степени своей интенсивности» (Лосев, 1957: 17).

Емельянов, Н. В. (1980) Мифологические божества в олонхо «Потомки Юрюнг Айыы Тойона» и «Баай Барыылаах — дух-хозяин черного леса» // Мифология народов Якутии: сборник научных трудов / отв. ред. В. Т. Петров. Якутск : Книжное изд-во. 98 с. С. 12–25.

Емельянов, Н. В. (1983) Сюжеты ранних типов якутских олонхо. М. : Наука. 245 с.

Жеребина, Т. В. (2011) Шаманизм и христианство (на материале религии народа саха XVII–XX вв.). СПб. : Изд-во РХГА. 173 с.

Захарова, А. Е. (2004) Архаическая ритуально-обрядовая символика народа саха (по материалам олонхо). Новосибирск : Наука. 312 с.

Илларионов, В. В. (1982) Искусство якутских олонхосутов / ред. С. Н. Азбелев, Н. В. Емельянов. Якутск : Книжное изд-во. 128 с.

Кулаковский, А. Е. (1979) Научные труды / подг. к печати Н. В. Емельянов, П. А. Слепцов. Якутск : Книжное изд-во. 484 с.

Лосев, А. Ф. (1957) Античная мифология в ее историческом развитии. М. : Изд-во Министерства просвещения РСФСР. 620 с.

Львова, Э. Л., Октябрьская, И. В., Сагалаев, А. М., Усманова, М. С. (1988) Традиционное мировоззрение тюрков южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / отв. ред. И. Н. Гемуев. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 225 с.

Мелетинский, Е. М. (2018) Миф и историческая поэтика / отв. ред. Е. С. Новик. М. : РГГУ. 694 с.

Неклюдов, С. Ю. (2006) Фольклор и его исследования: век двадцатый // Экология культуры. № 2. С. 121–127.

Неклюдов, С. Ю. (2010) Морфология и семантика эпического зачина в фольклоре монгольских народов // Китай и окрестности: мифология, фольклор, литература: сборник научных трудов / ред. И. С. Смирнов. М. : Издательство РГГУ. 636 с. С. 137–149.

Ойунский, П. А. (2013) Якутская сказка, ее сюжет и содержание / отв. ред. В. Н. Иванов. Якутск : Сайдам. 96 с.

Оросина, Н. А. (2017) Образ верховного божества Юрюнг Аар (Айыы) Тойона в якутской эпической традиции (на примере олонхо таттинской и вилюйской традиций) // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность: сборник статей VI-й Международной научно-практической конференции (Астана, 14–16 июня 2017 г.) / отв. ред. Л. В. Федорова. Астана : ТОО Мастер По. 509 с. С. 289–293. DOI: <https://doi.org/10.58687/9786013019970>

Павлова, О. К. (2018) Образы высшего божества Айыы в олонхо северо-восточной традиции якутов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. № 2 (10). С. 85–91. DOI: <https://doi.org/10.25587/SVFU.2018.10.14557>

Попов, А. А. (1949) Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа // Сборник музея антропологии и этнографии / отв. ред. С. П. Толстов. М., Л. : Типография изд-ва АН СССР. Т. XI. 394 с. С. 255–323.

Пропп, В. Я. (1999) Русский героический эпос / комм. статья Н. А. Криничной, сост. С. П. Бушкевич. М. : Лабиринт. 640 с.

Решетникова, А. П. (2005) Фонд сюжетных мотивов и музыка олонхо в этнографическом контексте. Якутск : Бичик. 408 с.

Сатанар, М. Т. (2019) К вопросу структурной интерпретации локуса глав якутского пантеона в ракурсе геометрии форм // Айыы Тангара и кузнечный культ в тенгрианстве: сборник материалов I-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Якутск, 19–21 сентября 2018 г.) / отв. ред. Л. В. Федорова. Якутск : Офсет. 256 с. С. 106–114.

Сатанар, М. Т. (2021) Семантика мифологического образа Юрюнг Айыы Тойона в его первооснове (на материалах архаических текстов олонхо) // Научный диалог. № 7. С. 266–285. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-7-266-285>

Сайкенева, Д. К., Наурзбаева, А. Б., Хазбулатов, А. Р. (2022) Символ мирового дерева в ритуально-бытовой практике казахов // Вестник Казахского национального женского университета. № 4 (92). С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.52512/2306-5079-2022-92-4-6-16>

Серошевский, В. Л. (1993) Якуты. Опыт этнографического исследования. М. : РОССПЭН. 736 с.

Слепцов, Е. П., Егорова, А. И. (2020) Үрүн Айыы Тойон как ключевой мужской образ патриархальной мифологии якутов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 2 (28). С. 141–148. DOI: <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2020-2-141-148>

Степанова, О. Н. (2024) Эпитет Аар в имени главы пантеона божеств в якутской мифологии // The scientific heritage. № 131. С. 43–47. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.10700355>

Трошанский, В. М. (1902) Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань : Типо-литография Императорского университета. 216 с.

Филиппова, Н. И. (1980) Об одном эпитете Юрюнг Айыы Тойона // Мифология народов Якутии: сборник научных трудов / отв. ред. В. Т. Петров. Якутск : Книжное изд-во. 98 с. С. 71–74.

Филиппова, Н. И. (2016) Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика. Якутск : Институт национальных школ РС(Я). 104 с.

Фрейденоберг, О. М. (1998) Миф и литература древности. 2-е изд. / отв. ред. Е. М. Мелетинский. М. : Вост. литература РАН. 800 с.

Худяков, И. А. (2016) Краткое описание Верхоянского округа. Якутск : Бичик. 448 с.

Ушницкий, В. В. (2017) Религиозные верования якутов: шаманизм, политеизм, монотеизм // Народы и религии Евразии. Т. 10–11. № 1–2. С. 107–114.

Элиаде, М. (2010) Аспекты мифа / пер. с фр. В. П. Большакова. М. : Академический Проект. 251 с.

Эргис, Г. У. (2008) Очерки по якутскому фольклору / отв. ред. В. Е. Гусев. Якутск : Бичик. 400 с.

Юрганова, И. И. (2020) Межкультурные коммуникации: Русская православная церковь в Якутии (XVII–XIX вв.) // Вестник Кемеровского государственного университета. № 22 (2). С. 379–386. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-379-386>

Дата поступления: 29.10.2024 г.

Дата принятия: 18.02.2025 г.

REFERENCES

Alekseev, N. A. (2008) *Ethnography and folklore of the peoples of Siberia* / ed. by E. N. Kuz'mina. Novosibirsk, Nauka. 494 p. (In Russ.).

Varlamova, V. N. (2016) Linguistic features of a mythologeme in a literary text. *Voprosy metodiki prepodavaniia v vuze*, no. 5 (19), pp. 20–27. (In Russ.).

Vinogradova, L. N. (2000) *Folk demonology and mytho-ritual tradition of the Slavs* / ed. by S. M. Tolstaia. Moscow, Indrik. 432 p. (In Russ.).

Gogolev, A. I. (2002) *The origins of mythology and the traditional Yakut calendar*. Yakutsk, Izd-vo YaGU. 99 p. (In Russ.).

Gutov, A. M. (1993) *Poetics and typology of the Adyghe Nart epic*. Moscow, Nauka. 208 p. (In Russ.).

Emel'ianov, N. V. (1980) Mythological deities in Olonkho “Descendants of Yuryung Ayyy Toyon” and “Baai Barylakh – the master spirit of the black forest”. In: *Mythology of the peoples of Yakutia: a collection of scientific papers* / ed. by V. T. Petrov. Yakutsk, Book Publishing House. 98 p. Pp. 12–25. (In Russ.).

Emel'ianov, N. V. (1983) *Plots of the early types of Yakut olonkhos*. Moscow, Nauka. 245 p. (In Russ.).

Zherebina, T. V. (2011) *Shamanism and Christianity (based on the religion of the Sakha people of the XVII–XX centuries)*. St. Petersburg, Publishing House of the Russian Academy of Sciences. 173 p. (In Russ.).

Zakharova, A. E. (2004) *Archaic ritual and ceremonial symbols of the Sakha people (based on Olonkho materials)*. Novosibirsk, Nauka Publ. 312 p. (In Russ.).

Illarionov, V. V. (1982) *The art of the Yakut Olonkhosuts* / ed. by S. N. Azbelev, N. V. Yemelyanov. Yakutsk, Book Publishing House. 128 p. (In Russ.).

Kulakovskii, A. E. (1979) *Scientific works* / ed. by N. V. Yemelyanov, P. A. Sleptsov. Yakutsk, Book Publishing House. 484 p. (In Russ.).

Losev, A. F. (1957) *Ancient mythology in its historical development*. Moscow, Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR. 620 p. (In Russ.).

L'vova, E. L., Oktiabr'skaia, I. V., Sagalaev, A. M. and Usmanova, M. S. (1988) *The traditional worldview of the Turks of southern Siberia. Space and time. The material world* / ed. by I. N. Gemuev. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch. 225 p. (In Russ.).

Meletinskii, E. M. (2018) *Myth and historical poetics* / ed. by E. S. Novik. Moscow, RGGU. 694 p. (In Russ.).

Nekliudov, S. Yu. (2006) Folklore and its research: the twentieth century. *Ekologiya kul'tury*, no. 2, pp. 121–127. (In Russ.).

Nekliudov, S. Yu. (2010) Morphology and semantics of the epic origin in the folklore of the Mongolian peoples. In: *China and its surroundings: mythology, folklore, literature: a collection of scientific papers* / ed. by I. S. Smirnov. Moscow, RGGU Publishing House. 636 p. Pp. 137–149. (In Russ.).

Oiunskii, P. A. (2013) *The Yakut fairy tale, its plot and content* / ed. by V. N. Ivanov. Yakutsk, Saydam. 96 p. (In Russ.).

Orosina, N. A. (2017) The image of the supreme deity Yuryung Aar (Ayyy) Toyon in the Yakut epic tradition (on the example of the Olonkho Tatta and Vilyu traditions). In: *Tengrianism and the epic heritage of the peoples of Eurasia: origins and modernity: collection of articles of the VI-th International Scientific and Practical Conference (Astana, June 14–16, 2017)* / ed. by L. V. Fedorova. Astana, Master Software LLP. 509 p. Pp. 289–293. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.58687/9786013019970>

Pavlova, O. K. (2018) Images of the supreme deity Ayyy in the Olonkho of the Northeastern Yakut tradition. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova: Seriya Eposovedenie*, no. 2 (10), pp. 85–91. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25587/SVFU.2018.10.14557>

Popov, A. A. (1949) Materials on the history of the religion of the Yakuts of the former Vilyui district. In: *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography* / ed. by S. P. Tolstov. Moscow, Leningrad, Printing House of the USSR Academy of Sciences. Vol. XI. 394 p. Pp. 255–323. (In Russ.).

Propp, V. Ya. (1999) *Russian heroic epic* / comm. article by N. A. Krinichnaya, comp. S. P. Bushkevich. Moscow, Labyrinth. 640 p. (In Russ.).

Reshetnikova, A. P. (2005) *The foundation of plot motifs and the music of olonkho in an ethnographic context*. Yakutsk, Bichik. 408 p. (In Russ.).

Satanar, M. T. (2019) On the issue of the structural interpretation of the locus of the heads of the Yakut pantheon from the perspective of the geometry of forms. In: *Ayyy Tangara and the blacksmith cult in Tengrianism: a collection of materials of the I-th All-Russian Scientific and Practical Conference with International participation (Yakutsk, September 19–21, 2018)* / ed. by L. V. Fedorova. Yakutsk, Offset. 256 p. Pp. 106–114. (In Russ.).

Satanar, M. T. (2021) Semantics of the mythological image of Yuryung Ayyy Toyon in its primary basis (based on the materials of the archaic texts of Olonkho). *Nauchnyi dialog*, no. 7, pp. 266–285. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-7-266-285>

Saikeneva, D. K., Naurzbaeva, A. B. and Khazbulatov, A. R. (2022) The symbol of the world tree in the ritual and household practice of the Kazakhs. *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo zhenskogo universiteta*, no. 4 (92), pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.52512/2306-5079-2022-92-4-6-16>

Seroshevskii, V. L. (1993) *The Yakuts. The experience of ethnographic research*. Moscow, ROSSPEN. 736 p. (In Russ.).

Sleptsov, E. P. and Egorova, A. I. (2020) Urun Ayyy Toyon as a key male image of the patriarchal mythology of the Yakuts. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, no. 2 (28), pp. 141–148. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2020-2-141-148>

Stepanova, O. N. (2024) The epithet Aar is in the name of the head of the pantheon of deities in Yakut mythology. *The scientific heritage*, no. 131, pp. 43–47. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.10700355>

Troshchanskii, V. M. (1902) *The evolution of black faith (shamanism) among the Yakuts*. Kazan, Printing and Lithography of the Imperial University. 216 p. (In Russ.).

Filippova, N. I. (1980) About one epithet of St. George's Lord. In: *Mythology of the peoples of Yakutia: a collection of scientific papers* / ed. by V. T. Petrov. Yakutsk, Book Publishing House. 98 p. Pp. 71–74. (In Russ.).

Filippova, N. I. (2016) *Proper names of characters in the Yakut epic Olonkho: structure and semantics*. Yakutsk, Institute of National Schools of the RS(Ya). 104 p. (In Russ.).

Freidenberg, O. M. (1998) *Myth and literature of antiquity*. 2nd ed. / ed. by E. M. Meletinsky. Moscow, East. literature of the Russian Academy of Sciences. 800 p. (In Russ.).

Khudiakov, I. A. (2016) *A brief description of the Verkhoyansk district*. Yakutsk, Bichik. 448 p. (In Russ.).

Ushnitskii, V. V. (2017) Religious beliefs of the Yakuts: shamanism, polytheism, monotheism. *Narody i religii Evrazii*, vol. 10–11, no. 1–2, pp. 107–114. (In Russ.).

Eliade, M. (2010) *Aspects of myth* / transl. from French by V. P. Bolshakov. Moscow, Academic Project. 251 p. (In Russ.).

Ergis, G. U. (2008) *Essays on Yakut folklore* / ed. By V. E. Gusev. Yakutsk, Bichik. 400 p. (In Russ.).

Yurganova, I. I. (2020) Intercultural communication: The Russian Orthodox Church in Yakutia (XVII–XIX centuries). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 22 (2), pp. 379–386. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-379-386>

Submission date: 29.10.2024.

Acceptance date: 18.02.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.2.16

Статья

Карачаево-балкарская топонимия как средство кумуляции и хранения этнокультурной информации

Светлана К. Башиева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Российская Федерация,

Улданай М. Бахтикиреева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова;

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье рассматриваются карачаево-балкарские топонимы, содержащие этнокультурную информацию. Наиболее ярко выраженным этнокультурным содержанием обладают группы топонимов, в основе создания которых лежат ассоциативные связи с религиозной жизнью, историческими событиями, межэтническими контактами, духовной культурой, с природными богатствами и т. д. Материалом для исследования послужили 123 номинации географических объектов, зафиксированных в разных изданиях.

Топонимы рассмотрены по видам этнокультурной информации, вербализованной в номинациях географических объектов, распределенных по группам. Первая группа свидетельствует о том, что до принятия карачаевцами и балкарцами ислама их верования представляли собой смесь элементов средневекового христианства с первобытными религиозными представлениями и обрядами. Языческие верования карачаевцев и балкарцев связаны в первую очередь с тенгрианством (тенгризмом), сыгравшим огромную роль в формировании древнетюркской культуры.

Вторая группа отображает исторические события, которые происходили в Карачаево-Балкарии. Третья группа показывает межэтнические контакты в регионе, которые были обусловлены трудовой миграцией, торговыми контактами и смешанными браками.

Ключевые слова: топоним; карачаево-балкарский язык; тюркский язык; этнокультурная информация; тенгрианство

Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (договор № 43) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования:

Башиева С. К., Бахтикиреева У. М. Карачаево-балкарская топонимия как средство кумуляции и хранения этнокультурной информации // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 280-289. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.16>

Башиева Светлана Конакбиевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: bfo-pdo@mail.ru

Бахтикиреева Улданай Максумовна — доктор филологических наук, профессор, приглашенный профессор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова; профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка Российского университета дружбы народов. Адреса: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10А. Эл. адрес: uldanai@mail.ru

Karachay-Balkarian toponymy as a means of accumulation and storage of ethnocultural information

Svetlana K. Bashieva

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Russian Federation,

Uldanai M. Bakhtikireeva

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, RUDN University, Russian Federation

The article examines Karachay-Balkar toponyms that contain ethnocultural information. The groups of toponyms based on associative connections with religious life, historical events, interethnic contacts, spiritual culture, natural resources, and similar factors possess the most distinct ethnocultural content. The research is based on 123 geographical object names recorded in various publications.

The toponyms are analyzed according to the types of ethnocultural information verbalized in the geographical names, which are categorized into groups. The first group demonstrates that, prior to the adoption of Islam by the Karachays and Balkars, their beliefs constituted a mixture of elements of medieval Christianity with primitive religious notions and rituals. The pagan beliefs of the Karachays and Balkars are primarily associated with Tengrism, which played a significant role in shaping ancient Turkic culture.

The second group reflects historical events that took place in Karachay-Balkaria. The third group illustrates interethnic contacts in the region, which were shaped by labor migration, trade relations, and mixed marriages.

Keywords: toponym; Karachay-Balkar language; Turkic language; ethnocultural information; Tengrism

Financing

The study was conducted with the financial support of an Internal grant from the Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov within "Priority 2030" program (agreement no. 43).

For citation:

Bashieva S. K. and Bakhtikireeva U. M. Karachay-Balkarian toponymy as a means of accumulation and storage of ethnocultural information. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 280-289. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.16>

Bashieva, Svetlana Konakbievna, Doctor of Philology, Professor, Head, Department of Russian Language and General Linguistics, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia. E-mail: bfo-pdo@mail.ru

Bakhtikireeva, Uldanai Maksutovna, Doctor of Philology, Professor, Visiting Professor, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov; Professor, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University. Postal addresses: 173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia; 10A Miklukho-Maklaya St., 117198, Russia, Moscow. E-mail: uldanai@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5088-7568

Введение

Как известно, топонимия является одним из ключевых способов кумуляции и хранения большого объема этнокультурного знания, отражающего особенности миропонимания и мировосприятия народа. Изучение ее важно для выяснения и описания специфики вербального моделирования объективной и субъективной реальности, истории возникновения номинаций географических объектов, расположенных в ареале жизнедеятельности этнического коллектива.

Топонимия карачаево-балкарского языка — карачаево-балкарского народа, проживающего в Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской Республиках Российской Федерации — исследована в нескольких работах. В них описаны структурно-семантические, лексико-тематические разряды, деривационные, морфологические особенности, осуществлена стратиграфическая классификация географических номинаций (Мусукаев, 1981, 2007, и др.; Хабичев 1982, и др.¹).

Несмотря на это, топонимическая система остается одной из малоисследованных областей карачаево-балкарского языка, особенно если говорить о ней как о части лингвокультуры. Топоним может трактоваться «не только как единица языка (лингвистический знак), но и как лингвокультурологический знак, как этнокультурное явление (этнокультурный текст), как структура знания» (Корнева, 2016: 150), что предопределяет необходимость исследования его с точки зрения всевозможных подходов в рамках современного гуманитарного знания.

С этих позиций карачаево-балкарская топонимия может рассматриваться как культурно значимая совокупность номинаций, сложившихся на протяжении многих веков. В ней сохранились сведения не только о ландшафтных особенностях, но и о процессах, происходивших в жизнедеятельности этноса в ходе длительного исторического развития. По происхождению она имеет неоднородный характер, но доминантный в ней слой, безусловно, общетюркский. Гетерогенность данного пласта объясняется тем, что Северный Кавказ является полиэтническим регионом, топонимический «портрет» которого сформировался в результате взаимодействия многочисленных этносов, поэтому он отражает результаты как объективного, так и субъективного восприятия когнитивного, социального опыта освоения территории, культурные предпочтения и т. д. Его научное осмысление в значительной степени возможно в контексте экстралингвистических факторов, прежде всего таких, как история, материальная, духовная культура. Примером углубленных исследований топонимии можно назвать публикации по тувинской топонимике, в которых выявлены связи топонимов с религиозными верованиями местного населения (Сувандии, 2024), особенностями цветового восприятия тувинцев (Сувандии, 2019).

Эти обстоятельства обуславливают актуальность темы нашей работы.

Цель статьи — рассмотрение карачаево-балкарских топонимов, содержащих этнокультурную информацию. Наиболее ярко выраженным этнокультурным содержанием обладают группы топонимов, в основе создания которых лежат ассоциативные связи с религиозной жизнью, историческими событиями, межэтническими контактами, духовной культурой, с природными богатствами и т. д. Соответственно задачами исследования являются выборка и анализ топонимов по видам этнокультурной информации, вербализованной в номинациях географических объектов, распределенных по следующим группам: 1) религиозные топонимы, 2) исторические топонимы, 3) полиэтнические топонимы.

Материалом для исследования послужили 123 номинации географических объектов, зафиксированных преимущественно в словарях², а также в научно-популярном издании «Географические названия Карачая и Балкарии»³. При отборе топонимов было принято во внимание наличие в их значениях этнокультурной коннотации, актуализирующей различные фрагменты карачаево-балкарской картины мира. Безусловно, в рамках одной статьи невозможно охватить все топонимы, поэтому основное внимание обращено на наименования, в которых сохранились представления о религиозно-мифологических воззрениях, информация о межэтнических контактах, исторических событиях.

¹ Чочаева Х. И. Структура и семантика микропонимов Черекского района Кабардино-Балкарской Республики: автореф. дис. ... канд. филол. н. Нальчик, 2010.

² Рототаев П. С. Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1969; Коков Дж. Н., Шахмураев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1970.

³ Хапаев С. А. Географические названия Карачая и Балкарии. М.: ОО «КосмоПолиграф», 2013.

Методологической основой работы явился принцип рассмотрения номинаций географических объектов с учетом их связи с территориальными, культурными, историческими, социально-экономическими особенностями жизнедеятельности этноса и т. д. В статье использованы метод сплошной выборки, описательный метод.

Новизна исследования состоит в рассмотрении в комплексе карачаево-балкарского языкового материала, репрезентирующего важную этнокультурную информацию, сохранившуюся в топонимах, на моделирование которых повлияли такие факторы, как смена религиозных традиций (языческая, христианская, мусульманская), исторические события, межэтнические контакты.

Религиозные топонимы

В этнической культуре карачаевцев и балкарцев тесно переплетены мировоззренческие установки, основанные на вере в сверхъестественные силы.

М. Ч. Джуртубаев отмечает, что

«предки балкарцев и карачаевцев (алано-болгары) исповедовали особую разновидность общетюркской религии — тенгрианство вплоть до X века, когда Алания восприняла христианство, проповедь которого шла из Византии. В результате монгольского нашествия в XIII веке и нашествия полчищ Тамерлана в конце XIV века Алания была стерта с карты Кавказа. Остатки населения, укрывшиеся в горах и лесах, долго сохраняли элементы слабо еще усвоенного христианства, как о том свидетельствуют записи русских и иностранных путешественников...» (Джуртубаев, 1997: 189–190).

То есть мы знаем, что основанием для формирования одного из древних культурно значимых пластов карачаево-балкарской топонимии стали три религиозные картины мира: языческая, христианская, исламская.

По мнению В. М. Батчаева, к началу XVIII в. в регионе превалировал «традиционный» языческо-христианский синкретизм, а далее началось господство ислама (Батчаев, 2006: 163–180). Существование до принятия ислама в ритуальной жизни языческих и христианских традиций в Карачае и Балкарии М. Ч. Джуртубаев объясняет тем, что «христианство не успело пустить прочных корней..., а прекращение связей с Византией и вовсе привело к возвращению населения к прежней, языческой религии предков — тенгрианству» (Джуртубаев, 1997: 26).

Языческие верования карачаевцев и балкарцев связаны в первую очередь с тенгрианством (тенгризмом), сыгравшим огромную роль в формировании древнетюркской культуры, поэтому особый интерес для нас представляют топонимы с этнокультурным компонентом *Тейри* — именем верховного божества языческого пантеона тюрков, который присутствует в других тюркских языках: азербайджанском — *Тенгри/Тейри*; алтайском — *Тенри/Тенгри*; башкирском и татарском — *Тәңре*, казахском — *Тәңір*; киргизском — *Теңир*, кумыкском — *Тэнгири*; турецком — *Танри*, чувашском — *Тура*; якутском — *Тангара*.

Как отмечается в работах по этногенезу балкарцев и карачаевцев, «Тейри — это владыка и повелитель богов, он руководил ходом всей жизни, давал счастье, посылал беды, обеспечивал богатые урожаи и хороший приплод скота, от него шли все невзгоды и наказания и т. п.»¹ Это понимание Тейри отражено в карачаево-балкарской мифологии: «Дунияны, жер-сууну, жулдузланы, малланы, адамны да Тейри жаратханды. Битеу дуния аны оноунда, кьолундадыла»² — «Мир, землю, воду, звезды, животных, людей создал Тейри. Весь мир под его руководством, в его руках»³.

В топонимии зафиксированы следующие номинации с компонентом Тейри:

- *Тейри тау* 'гора Тенгри' (одно из названий Эльбруса),
- *Тейри шаудан* 'родник Тейри' (родник в Чегемском ущелье),
- *Тейри тьюбу* 'низовье Тенгри' (местность в Черекском ущелье). Как утверждает С. А. Хапаев, в Тейри тьюбу «совершались жертвоприношения» (Хапаев, 2013: 343).

¹ История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева: в 3 т. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. Т. 1. С. 289.

² Къарачай-малкъар мифле [Карачаево-балкарские мифы] / сост. М. Ч. Джуртубаев. Нальчик: Эль-Фа, 2007. С. 457.

³ Перевод С. К. Башиевой.

Т. М. Хаджиева, исследователь эпоса «Нарты», отмечает: «Согласно карачаево-балкарским нартским песням и сказаниям, сотворение мира и нартов связано с деятельностью богов — Тейри (Тенгри) Неба, Тейри Солнца и Тейри Земли» (Хаджиева, 2017: 233). Поэтому уместно обратить внимание и на древние топонимы со следующими компонентами:

1) *нарт* 'герой-богатырь', восходящий к героическому эпосу карачаевцев и балкарцев:

— *Нартия/Нарт уя* 'гнездовье нартов' (река ниже с. Хасанья),

— *Нарт жиякь* 'сторона нартов' (местность выше с. Верхний Чегем в Чегемском ущелье),

— *Нарт орман* 'лес нартов' (местность в Черекском районе),

— *Нарт кьонакь шаудан* 'родник нартского гостя' (родник в Чегемском ущелье),

— *Нарт кёл* 'озеро нартов' (озеро в Хуламо-Безенгиевском ущелье),

2) а также *Ёрюзмек* 'герой Нартского эпоса':

— *Ёрюзмек тёбе* 'курган Ёрюзмека' (курган недалеко от Ачкерил кьол в Баксанском ущелье)

3) и *эмеген* 'чудовище':

— *Эмеген кёл* 'озеро эмегена' (озеро в районе местности Арт зыгьыр).

В топонимах отражены имена и других языческих богов:

— *Аймуш* 'покровитель овец и чабанов': *Аймушну эшик аллы* 'перед дверью Аймуша' (пещера по р. Худес),

— *Апсаты* 'покровитель охотников и диких зверей': *Апсаты таи* 'камень Апсаты' (местность в начале Дуутского ущелья),

— *Кемисхан* 'покровительница озер': *Кемисханны аякь-таякь ызлары* 'следы ног и посоха Кемисхана' (местность в окрестностях озера Хурла),

— *Тотур* 'покровитель волков': *Тотур* (урочище и селище на р. Чипи в Холамо-Безенгиевском ущелье), *Тотур ауузу* 'ущелье Тотура' (местность на левом берегу р. Булунгу Чегемского района), *Тотур тала* 'поляна Тотура' (поляна на левом берегу р. Ак-суу), *Тотур тюзю* 'равнина Тотура' (местность на севере аула Хурзук).

По мнению Л. И. Лаврова, «и пережитки культа Тейри, и специфические особенности народных мелодий указывают на то, что первоначальное ядро карачаево-балкарского народа попало сюда из тюркско-азиатского мира» (Лавров, 1969: 90).

В топонимах прослеживается и христианский след:

— *Никола/Николла башы* 'холм святого Николая' (холм в Хуламо-Безенгиевском ущелье),

— *Байрым* 'святая Мария' (местность у устья р. Шыкы в Хуламо-Безенгиевском ущелье, *Байрым тюз* 'равнина святой Марии' (местность недалеко от селища Джазлык),

— *Шовгенбаш* 'холм священника' (местность в Чегемском ущелье),

— *Бабас сабан* 'пашня попа' (местность между селами Булунгу и Эль-Тюбю),

— *Монахла туруучу* 'стоянка монахов' (местность в Черекском ущелье) и др.

Исследователь истории Балкарии Е. Г. Битова утверждает, что «эволюция религиозной системы балкарцев связана не столько с эволюцией их общественного строя, сколько с экзогенными факторами — со спорадическим распространением христианства на Центральном Кавказе сначала византийцами, а позднее грузинскими миссионерами» (Битова, 2005: 66).

Л. И. Лавров отмечает, что существование христианства

«в Карачае и Балкарии доказывается не только следами почитания в старину "святых" Федора (Тотур), Ильи (Элиа), Георгия (Герге), Николая, Параскевы (Барас), девы Марии (Байрым), но и вещественными памятниками. Сюда принадлежат изображение крестов, развалины церквей, христианских могил и предметы церковного обихода. Христианские церкви существовали в балкарских селениях: Верхней Балкарии, Шканти, Хуламе, Зилги, Курнояте, Бызынги, Джабоеве, Советском (б. Кашхатау), Верхнем Чегеме, Былыме и, кажется, у Нижнего Чегема...» (Лавров, 1968: 131).

В подтверждение можно привести также топонимы с компонентами *жор* 'крест', *кьач* 'крест':

— *Жора* (селище в Чегемском ущелье),

- *Бий къачы* ‘крест князя’ (местность в Чегемском ущелье),
- *Къач арты* ‘за крестом’ (местность в Хуламо-Безенгиевском ущелье),
- *Къач башы* ‘над крестом’ (местность недалеко от с. Хурзук),
- *Акъ къач* ‘белый крест’ (местность в Чегемском ущелье),
- *Абай къачы* ‘крест Абая’ (местность недалеко от села Верхняя Балкария).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что лексемы *жор* ‘крест’, *къач* ‘крест’ имели в прошлом сакральный смысл. В современном карачаево-балкарском языке слово *къач* используется в значениях ‘честь’, ‘святость’, а его первоначальный смысл сохранился в проклятии «*Сени мени къачым урсун!*» ‘Пусть тебя накажет мой крест!’

Как утверждает Л. И. Лавров,

«проникновение ислама к карачаевцам и балкарцам началось, видимо, еще до XVIII в., но коснулось оно сперва только феодалов. Уже в 1651 г. некоторые из них носили мусульманские имена. Наиболее ранний мусульманский памятник в Балкарии имеет дату 1734–1735 гг. (Лавров, 1969: 150).

Процесс исламизации отразился в топонимах с этнокультурными компонентами:

- *азан* — в арабском языке ‘объявление, приглашение’, в исламе ‘призыв к намазу, молитве’: *Азан сырты* ‘холм, где призывают к молитве’ (местность недалеко от урочища Тамакъла),
- *эфенди* ‘богослужитель у мусульман’: *Эфендини жолу* ‘дорога эфенди’ (дорога в Малкинском ущелье),
- *хаджи* ‘мусульманин, совершивший паломничество в Мекку’: *Хаджиле букъгъан къулакъ* ‘балка, в которой прятались хаджи’ (балка на правом берегу р. Схауат),
- *межгит* ‘мечеть’: *Межгит дорбун* ‘мечеть-пещера’ (местность в Тызыльском ущелье Эльбрусского района),
- *намаз* ‘ритуальная молитва в исламе’: *Намазлыкъ-таш* ‘молитвенный камень’ (местность в Чегемском районе).

Рассмотренный топонимический материал подтверждает мнение Л. И. Лаврова о том, что «до принятия карачаевцами и балкарцами ислама их верования представляли собой причудливую смесь элементов средневекового христианства с первобытными религиозными представлениями и обрядами» (Лавров, 1969: 135).

Исторические топонимы

Некоторые карачаево-балкарские топонимы являются результатом репрезентации географических объектов с опорой на исторические события, то есть объективируют историческое знание. В частности можно привести номинации, связанные с нашествием в конце XIV в. на Северный Кавказ Хромого Темира (Тимура, Темирлана), среднеазиатского тюркского полководца и завоевателя (большинство из них представлено в Чегемском ущелье Балкарии):

- *Темир-асхакъ* ‘возвышенность хромого Тимура’ (возвышенность на левом берегу р. Лаба),
- *Темир-асхакъ айры* ‘седловина хромого Тимура’ (урочище в верховье р. Уруп),
- *Акъсакъ Темир бодуркъусу* ‘чучело (пугало) хромого Темира’ (местность между Чегемским и Хуламо-Безенгиевским ущельями),
- *Акъсакъ Темир ызлары* ‘следы хромого Темира’ (местность в Чегемском ущелье),
- *Акъсакъ Темирни аскерини тьюрюю* ‘ставка войска хромого Темирни’ (местность в Чегемском ущелье),
- *Акъсакъ Темирни атлы къошу* ‘конюшня хромого Темира’ (местность в Чегемском ущелье),
- *Темир Акъсакъ дуптурла* ‘холмы хромого Темира’ (местность недалеко от с. Важное Усть-Джегутинского района),
- *Акъсакъ Темирни кёчюю* ‘брод хромого Темира’ (местность в Чегемском ущелье),
- *Акъсакъ Темирни къанлы ташлары* ‘кровавые камни хромого Темира’ (местность в Чегемском ущелье),

- *Акьсакъ Темирни кьошу* ‘стоянка хромого Темира’ (местность в Чегемском ущелье),
- *Акьсакъ Темирни мурдар агъачы* ‘лес-убийца хромого Темира’ (местность в Чегемском ущелье).

Топонимы с собственным именем Темир нашли отражение в карачаево-балкарском песенном фольклоре. Х. Х. Малкондуев отмечает интересные сведения, сохранившиеся в исторической памяти этноса:

«Между Хуламом и Ак-Су на равнине Жайлык, выше ложбины Шау-Хуна в местности Баш-Тыкыр находится груда аккуратно сложенных небольших камней, которую местные жители называли Акьсакъ-Темирни-Турусу — местом Стоянки Аксак Темира. Согласно преданиям, каждый оставшийся в живых его воин в этой местности бросал камень, и количество их составило несколько сотен» (Малкондуев, 2015: 49).

Другой исторический пласт в карачаево-балкарской топонимии отразил походы крымских татар в XVI–XVIII вв. «на Северный Кавказ как самостоятельно, так и по приглашению местных князей в качестве арбитров в ходе феодальных междоусобиц» (Карачаевцы. Балкарцы, 2014: 41).

К нему можно отнести топонимы:

- *Бий ёлген дорбун* ‘пещера, в которой погиб князь’ (пещера в Малкинском ущелье): согласно преданию, в этом месте погиб предводитель крымских татар, совершивших набег,
- *Къанжол* ‘кровавая дорога’ — место, где в XVIII в. были разгромлены крымские татары (гора на правом берегу р. Малка),
- *Тонуу юлешген тёбе* ‘холм раздела добычи’ (место, где горцы делили между собой трофеи после победы над войсками крымского хана (холм недалеко от горы Къанжол).

В нескольких топонимах этнокультурными компонентами являются собственные имена, репрезентирующие статусное положение владельцев географических объектов в дореволюционный период.

Например:

- *Абай къала* ‘крепость Абаевых’, *Абайланы тала* ‘поляна Абаевых’, *Абайланы бау орун* ‘загон Абаевых’, *Абай тюзю биченлик* ‘сенокосная поляна Абаевых’ (в Черекском районе),
- *Амырхан къала* ‘башня Амирхановых’ (в Черекском районе),
- *Жаболаны къала* ‘башня Жабоевых’ (в Черекском районе),
- *Малкъарукланы къала* ‘Малкаруковых башня’ (в Чегемском районе) и др.

Номинации *Абай къала*, *Амырхан къала*, *Жаболаны къала*, *Малкъарукланы къала* с компонентом *къала* «замок, дворец, крепость хана, бия, царя»¹, «крепость, укрепленное место, замок, город» (Мурзаев Э., Мурзаев В., 1959: 95) номинируют родовые сторожевые башни влиятельных балкарских родов. Данная лексема в современном карачаево-балкарском языке является маркером древности материальной культуры балкарского народа (XII–XV в).

Полиэтнические топонимы

В топонимии сохранились следы и межэтнических контактов, так как Кавказ был зоной постоянного взаимодействия родственных и неродственных народов.

К. Г. Азаматов и Х. И. Хутуев пишут, что «несмотря на натуральный характер своего хозяйства, балкарцы часть своих изделий вывозили на рынок. Они с давних времен поддерживали торгово-экономические связи с Кабардой, Осетией, Закавказьем» (Азаматов, Хутуев, 1980: 30). Это нашло отражение в следующих топонимах с этнонимическими компонентами:

- *Дюгер ыфчыгы* ‘дигорский перевал’ (перевал в Черекском районе),
- *Тегей тюз* ‘осетинская равнина’ (старое название с. Коста Хетагурова на левом берегу Кубани),
- *Дюгерлиле жыргъан къл* ‘лощина, прорытая осетинами’ (балка в Черекском ущелье),
- *Орус ыфчыкъ* ‘перевал русского’ (перевал в Черекском районе),
- *Орус тюзген къл* ‘балка, по которой спустился русский’ (балка в Баксанском ущелье),

¹ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гужеев. Нальчик: Эль-Фа. Ючтомлукъ, 2002. Т. II. 3–Р. С. 509.

- *Ногъай аууш* ‘перевал ногайца’ (перевал в верховье р. Гондарай),
- *Эбизеле аууш* ‘перевал сванов’ (перевал в Черекском районе),
- *Эбизеле къонуучу жер* ‘стоянка сванов’ (местность в Черекском районе),
- *Хазар бызгъы аллы* ‘линия хазар’ (местность в бассейне р. Большой Чамлык),
- *Черкес чат* ‘черкесская балка’ (местность в верховье р. Архыз),
- *Черкес сырт* ‘черкесская возвышенность’ (местность в верховье р. Малка),
- *Гюржю тау* ‘грузинская гора’ (одна из номинаций горы Казбек) и др.

Все эти топонимы представляют собой богатый эмпирический материал для реконструкции и изучения историко-культурного опыта карачаево-балкарского народа. Известный историк И. Мизиев обращает внимание исследователей и на топонимы с компонентом *ас* «Ас-кала» (Крепость асов), «Ассия-кам», в частности он пишет, что «в этих топонимах без труда видно имя древнетюркского племени “ас”, известного как в Орхоно-Енисейских надписях, так и на Северном Кавказе в VII в. Этноним “ас” до сих пор сохранился и бытует как родоплеменное имя у алтайцев, киргизов, ногайцев, каракалпаков, казахов»¹.

В отдельную группу мы выделили географические названия, содержащие:

1) осетинские (далее — осет.) лексические элементы: урочище *Дудардон* (осет. *Дон* ‘река’); село *Къоспарты* (осет. ‘обряд сбора приношений богу при стихийных бедствиях’), гора *Галдор* ‘бычий камень’ (осет. *гал* ‘бык’, *дор* ‘камень’), *Гинах* (осет. ‘крепость’), *Фардык* (осет. ‘бусина’). В предисловии к «Балкарскому топонимическому словарю» авторы отмечают, что они зафиксировали семьдесят «названий, объясняемых средствами осетинского языка полностью или частично» (Коков, Шахмурзаев, 1970: 5).

На наличие в Балкарии топонимов осетинского происхождения указывал известный русский этнограф, фольклорист В. Ф. Миллер (1848–1913). В частности он акцентировал внимание на номинациях рек, родников, перевалов, скал и т. д., в которых содержится

«осетинское слово *дон* (река, вода) в виде *дан* — Кара-дан, Шау-дан (осет. Сау-дон — черная река), *Гар-дан* (осет. Гар-дон — теплая река), Шак-дан; осетинское название для ущелья *ком* повторяется у них в виде *кам* (Шау-кам, Асия-кам, Фаза-кам и др.); гроты в скалах называются у них *дор-бун* (осет. *дор* — камень, *бун* — под); перевалы носят название *вчик*, *фчак* (осет. афцаг), например: *Шау-фчик* (черный перевал), *Джуар-фчик* (Крестовый перевал)» (Миллер, 2006: 85);

2) сванские лексические элементы: *Бечо аууш* ‘горный перевал Бечо’ (сванское; далее — сван. Бечо ‘плечо’ (Хапаев, 2013: 130); гора *Геран* (сван. *геран* ‘кислый’) и др.

На наш взгляд, следует также обратить внимание на топонимы, происхождение которых неясно. С. А. Хапаев со ссылкой на М. А. Хабичева предполагает возможность образования номинаций *Башиль ауу* ‘башильское ущелье’, *Башиль тар* ‘башильская теснина’ и др. от древнейшего этнонима *башил*, *басил*. Кроме того, он приводит и мнение М. М. Мизиева о том, что «башил означает название одного из племен хазар — басил (варианты: баса, баслы, барсула, барсилы)» (там же: 125). К топонимам с этнонимом хазар С. А. Хапаев относит и *Гацар-Къала* «средневековое городище в Баксанском ущелье» (там же: 150). Он также допускает, что топоним Ликергили образован «от этнонима лакор, группы волжских племён, явившихся предками закамских татар; к этому термину прибавилось общетюркское слово *эль/иль*, таким образом сложился термин «село Лакор» или «племя Лакор», звучащее на кар.-балк. языке как Лыкар-эль» (там же: 272).

В словаре Дж. Н. Кокова, С. О. Шахмурзаева представлены две номинации *Ликерилги* ‘луга по п. б. Чегема’ и *Ликаргъы* ‘пастбище по л. б. Чегема’, без этимологии². Б. Х. Мусукаев приводит Ликерилги в группе названий, «этимология которых окончательно еще не установлена» (Мусукаев, 1981: 41–42), но имеющих однотипные форманты -гъы, -ги, -гъу, -гу, -гю, -хы. Однако он придерживается мнения В. Д. Беленькой о том, что «морфологическая структура топонимов также непосредственно связана с той или иной культурно-исторической эпохой и часто указывает на время и условия возникновения того или иного географического названия» (Мусукаев, 1981: 41–42).

¹ История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева: в 3 т. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. Т. 1. С. 279.

² Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1970. С. 94–95.

Межэтнические контакты были обусловлены различными факторами: 1) трудовой миграцией, о чем пишет и Л. И. Лавров, в частности, он отмечает, что рачинцы и сваны в связи с малоземельем в некоторых горных местностях уходили на постоянную или сезонную работу в Карачай, Балкарию, Осетию, поэтому знали балкарский, карачаевский, осетинский языки (Лавров, 1969: 43); 2) торговыми контактами; 3) смешанными браками, что способствовало развитию не только экономических, но и культурных связей.

Заключение

Таким образом, проанализированный эмпирический материал позволил рассмотреть этнокультурную информацию номинирования географических объектов в карачаево-балкарском языке, важную для понимания специфики восприятия этническим коллективом окружающей действительности, проследить ассоциативные связи с историческими событиями, межэтническими контактами, социально-бытовой жизнью народа. Особого внимания заслуживают топонимы, в которых сохранились представления о религиозных феноменах, изменявшимся, подвергавшимся трансформации в соответствии с развитием нового вектора в мировоззрении этноса.

В целом рассмотренный корпус единиц можно позиционировать как этнокультурный фрагмент топонимической картины мира карачаево-балкарского языка, обусловленный различными экстралингвистическими (историко-социальными, общественно-культурными, религиозными) факторами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азаматов, К. Г., Хутуев, Х. И. (1980) Мисост Абаев: общественно-политические взгляды. Нальчик : Эльбрус. 130 с.
- Батчаев, В. М. (2006) Балкария в XV — начале XIX вв. М. : ТАС-ИЗДАТ. 239 с.
- Битова, Е. Г. (2005) Между христианством и исламом: религиозный аспект российской административной политики на Северном Кавказе в XIX веке (балкарские общества) // Научная мысль Кавказа. № 1(41). С. 65–75.
- Джуртубаев, М. Ч. (1997) Душа Балкарии. Нальчик : Эльбрус. 225 с.
- Карачаевцы. Балкарцы (2014) / отв. ред. М. Д. Каракетов, Х. А. Сабанчиев. М. : Наука. 814 с.
- Коков, Дж. Н., Шахмурзаев, С. О. (1970) Предисловие // Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик : Эльбрус. 171 с. С. 3–17.
- Корнева, В. В. (2016) Топонимические исследования в новой научной парадигме // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 150–154.
- Лавров, Л. И. (1968) Комментарии // Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском, турецком языках / издание текстов, перев., комм., статья и прилож. Л. И. Лаврова : в 2 ч.; отв. ред. О. Г. Большаков, В. К. Гарданов. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы. Ч. 2. Надписи XVIII–XX вв. 242 с. С. 118–178.
- Лавров, Л. И. (1969) Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник / отв. ред. В. К. Гарданов. М. : Наука. Вып. IV. 253 с. С. 70–187.
- Малкондуев, Х. Х. (2015) Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII века). Нальчик : ООО «Печатный двор». 312 с.
- Миллер, В. Ф. (2006) Терская область. Археологические экскурсии (извлечение) // Балкария: страницы прошлого. Вып. 3. / сост. Е. Тютюнина. Нальчик : Издательство М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т). 128 с. С. 82–105.
- Мурзаев, Э., Мурзаев, В. (1959) Словарь местных географических терминов. М. : Государственное издательство географической литературы. 301 с.
- Мусукаев, Б. Х. (1981) Топонимия высокогорья Балкарии. Нальчик : Эльбрус. 167 с.
- Мусукаев, Б. Х. (2007) Очерки балкарской ономастики. Нальчик : Изд-во КБНЦ РАН. 171 с.
- Сувандии, Н. Д. (2019) Топонимы-цветообозначения в тувинском языке // Новые исследования Тувы. № 4. С. 195–206. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.16>
- Сувандии, Н. Д. (2024) Святые топонимы Тувы: лексико-семантические группы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 191–202. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.11>
- Хабичев, М. А. (1982) К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик : Эльбрус. 134 с.

Хаджиева, Т. М. (2017) Тенгрианство в карачаево-балкарской «нартаде» // Вестник КИГИ РАН. № 10 (5). С. 231-236.

Хапаев, С. А. (2013) Географические названия Карачая и Балкарии. М. : КосмоПолиграф. 576 с.

Дата поступления: 05.02.2025 г.

Дата принятия: 01.04.2025 г.

REFERENCES

- Azamatov, K. G., Khutuev, Kh. I. (1980) *Misost Abaev socio-political views*. Nalchik, Elbrus. 130 p. (In Russ.)
- Batchaev, V. M. (2006) *Balkaria in the 15th – early 19th centuries*. Moscow, TAS-IZDAT. 239 p. (In Russ.)
- Bitova, E. G. (2005) Between Christianity and Islam: the religious aspect of the Russian administrative policy in the North Caucasus in the 19th century (Balkar societies). *Nauchnaya Mysl' Kavkaza*, no. 1(41), pp. 65–75. (In Russ.)
- Dzhurtubaev, M. Ch. (1997) *The soul of Balkaria*. Nalchik, Elbrus. 225 p. (In Russ.)
- Karachays Balkars* (2014) / eds. Karaketov M. D., Sabanchiev Kh. A. Moscow, Nauka. 814 p. (In Russ.)
- Kokov, Dzh. N., Shakhmurzaev, S. O. (1970) Preface. In: Kokov Dzh. N., Shakhmurzaev S. O. *Balkar toponymic dictionary*. Nalchik, Elbrus. 171 p. Pp. 3–17. (In Russ.)
- Korneva, V. V. (2016) Toponymic research in a new scientific paradigm. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, no. 1, pp. 150–154. (In Russ.)
- Lavrov, L. I. (1968) Commentaries. In: *Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic Persian and Turkish*. Texts publication, translation, commentaries, introduction and appendix by Lavrov L. I.; eds. Bol'shakov O. G., Gardanov V. K. Moscow, Nauka, Main Editorial Office of Oriental Literature. Part 2. Inscriptions of the 18th – 20th centuries. 242 p. Pp. 118–178. (In Russ.)
- Lavrov, L. I. (1969) Karachay and Balkaria before the 1830s. In: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik*. Ed. by V. K. Gardanov. Moscow, Nauka. Vol. 4. 253 p. Pp. 70–187. (In Russ.)
- Malkonduev, Kh. Kh. (2015) *Historical and heroic songs of the Karachay-Balkar people (late 14th–18th centuries)*. Nalchik, OOO Pechatnyi dvor. 312 p. (In Russ.)
- Miller, V. F. (2006) Terek region Archaeological excursions (excerpt). In: *Balkaria: Pages of the Past*. Issue 3 / comp. by Tyutyunina E. Nalchik, M. and V. Kotlyarovykh Publishing House (Poligrafservis i T). 128 p. Pp. 82–105. (In Russ.)
- Murzaev, E., Murzaev, V. (1959) *Dictionary of local geographical terms*. Moscow, State Publishing House of Geographical Literature. 301 p. (In Russ.)
- Musukaev, B. Kh. (1981) *Toponymy of the highlands of Balkaria*. Nalchik, Elbrus. 167 p. (In Russ.)
- Musukaev, B. Kh. (2007) *Essays on Balkar onomastics*. Nalchik, Publishing House of KBNTS RAN. 171 p. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2019) Color-designating toponyms in the Tuvan language. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 195–206. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.16>
- Suvandii, N. D. (2024) Sacred toponyms of Tuva: lexico-semantic groups. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 191–202. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.11>
- Khabichev, M. A. (1982) *On the hydronymy of Karachay and Balkaria*. Nalchik, Elbrus. 134 p. (In Russ.)
- Khadzhieva, T. M. (2017) Tengrianism in the Karachay-Balkar “nartade”. *Bulletin of the KIH of the RAS*, no. 10 (5), pp. 231–236. (In Russ.)
- Khapaev, S. A. (2013) *Geographical names of Karachay and Balkaria*. Moscow, KosmoPoligraf. 576 p. (In Russ.)

Submission date: 05.02.2025.

Acceptance date: 01.04.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.2.17

Статья

Орнаментированные полотенца в традиционной культуре башкир

Розалия Р. Баязитова

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Российская Федерация

В статье анализируются сферы применения орнаментированных полотенец — «тастамал», «һөлгө» — и их семантическая нагрузка в традиционной культуре башкир (XIX — начало XX в.), которые использовались в качестве атрибутов этикета и определенных обрядов. Источниками выступили опубликованные и неопубликованные материалы, в том числе полевой материал, собранный автором в ходе экспедиционных выездов в 2000–2019 гг. и 2024 г. по районам Башкортостана.

Применение узорных полотенец в оформлении жилища способствовало формированию эстетического вкуса, вышивка служила оберегом. В зависимости от контекста, ситуации его применения полотенце выполняло различные функции, что нашло отражение в названии этикетных и обрядовых действий. Вручение орнаментированного полотенца свату родителями девушки обозначало согласие на брак, одаривание полотенцем старших мужских родственников супруга (младше его родителей) означало прекращение избегания, вхождение в семью. В народных праздниках полотенце помогало передавать атмосферу праздника, выполняло информативную функцию, помогая определять место проведения мероприятия, родовую принадлежность батыров и т. п. Подготовка подарка в виде вышитого полотенца самой молодой невесткой аула победителю состязаний на празднике символизировало ее принятие в новое общество. В гостевом этикете полотенце выступало предметом дарообмена, закрепляющим родственные, дружеские связи, а в похоронно-поминальной обрядности полотенца преподносились в виде милостыни, подаяния.

Отмечается, что в последние годы произошли изменения в изготовлении вышитых полотенец, частично утеряна их знаковая нагрузка в этикете и обрядах жизненного цикла.

Ключевые слова: башкиры; башкирская культура; традиционная культура; женское рукоделие; полотенце; традиционный этикет; традиционная обрядность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01650, <https://rscf.ru/project/24-28-01650/>

Для цитирования:

Баязитова Р. Р. Орнаментированные полотенца в традиционной культуре башкир // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 290–299. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.17>

Баязитова Розалия Рафкатовна — кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научно-организационной работе, старший научный сотрудник отдела этнологии Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Адрес: 450054, Россия, г. Уфа, пр. Октября, д. 71. Эл. адрес: rosali8@mail.ru

BAIAZITOVA, Rozaliia Rafkatovna, Candidate of History, Associate Professor, Deputy Director for Scientific and Organizational Work, Senior Researcher, Department of Ethnology, Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 71, Oktyabrya Ave., Ufa, 450054, Russian Federation. E-mail: rosali8@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5731-2019

Ornamental towels in the traditional Bashkir culture

Rozaliia R. Baiazitova

Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article analyzes the areas of application and the semantic significance of ornamented towels — “taštamal” and “hölgö” — in the traditional culture of the Bashkirs (19th — early 20th century), where they functioned as attributes of etiquette and specific ritual practices. The sources for the study include both published and unpublished materials, among them field data collected by the author during expeditions across various regions of Bashkortostan from 2000 to 2019 and in 2024.

The use of patterned towels in the interior decoration of the home contributed to the development of aesthetic taste, while the embroidery itself served as a protective amulet. Depending on the context and situation in which it was used, the towel performed various functions, which was reflected in the naming of related etiquette and ritual acts. For example, the presentation of an ornamented towel to a matchmaker by the bride’s parents signified consent to marriage; the gifting of a towel to the husband’s older male relatives (excluding his parents) marked the end of avoidance and the woman’s integration into the family. During folk celebrations, towels conveyed the festive atmosphere and fulfilled an informational role, helping to indicate the location of an event or the clan affiliation of “batyrs”, among other functions. The preparation of a gift in the form of an embroidered towel by the youngest daughter-in-law of the village for the winner of a competition during a celebration symbolized her acceptance into the new community. In the context of guest etiquette, the towel functioned as a gift of exchange, reinforcing kinship and friendly ties; in funeral and commemorative rituals, towels were presented as alms or offerings.

It is noted that in recent years, changes have occurred in the production of embroidered towels, and their symbolic significance within etiquette and life-cycle rituals has been partially lost.

Keywords: *Bashkirs; Bashkir culture; traditional culture; women’s handicraft; towel; traditional etiquette; traditional ritual practices*

Financing

The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01650, <https://rscf.ru/project/24-28-01650/>

For citation:

*Baiazitova R. R. Ornamental towels in the traditional Bashkir culture. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 290-299. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.17>*

Введение

Фольклорные и этнографические источники свидетельствуют о широкой распространенности предметов женского рукоделия в традиционной культуре. В статье рассматриваются особенности применения орнаментированных полотенец в традиционном обществе башкир, которые выполняли не только практическую функцию, но и служили важным атрибутом в этикете и обрядах, подчеркивая значимость тех или иных семейных и общественных событий. Более того, в контексте обрядов и этикета они наделялись символическим смыслом.

Целью исследования явилось осмысление роли и значения орнаментированных полотенец — *таштамал*, *hölgö* ‘полотенце’ — в традиционной культуре башкир. Исходя из цели, были поставлены следующие задачи: изучить сферы применения орнаментированных полотенец, выявить их семантическую нагрузку в зависимости от контекста и ситуации его применения. Хронологические рамки

исследования охватывают XIX — начало XX в., а полевые исследования позволили получить новые сведения о бытовании данного предмета материальной культуры в прошлом и в современных условиях.

Материалы и методы. При написании статьи были использованы различные источники, включая неопубликованные архивные данные Научного архива Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (далее — НА УФИЦ РАН). Применялись материалы из личного архива автора, полученные в результате полевых исследований в юго-восточной, юго-западной частях Республики Башкортостан, а также в Пермском крае Российской Федерации (2000–2019 гг., 2024 г.; далее полевые материалы автора — ПМА). Опубликованные источники, использованные в работе, включают фольклорные тексты и записи ученых-путешественников XIX в., которые позволили глубже изучить особенности использования орнаментированных полотенец в традиционном обществе.

Методологическую основу исследования составил комплексный подход, принцип аналитического и ретроспективного анализа опубликованных материалов. Были применены сравнительно-исторический, типологический, структурно-семантический, описательный методы исследования.

Исследование изготовления и применения предметов материальной культуры, а также женского рукоделия у башкир привлекало внимание многих исследователей, но при этом применение орнаментированных полотенец в обрядах и этикете и их семантическая нагрузка были изучены недостаточно. Так, С. И. Руденко был одним из первых ученых, обративших внимание на декоративное искусство башкир. Он провел специальное исследование этой темы, посвятив ей отдельную главу в монографии «Башкиры» в 1955 г. (Руденко, 1955). В 1964 г. был издан фундаментальный коллективный труд «Декоративно-прикладное искусство башкир», где наряду с остальными изделиями были рассмотрены узорные полотенца (Авижанская, Бикбулатов, Кузеев, 1964). На декоративные функции полотенец, их роли в оформлении интерьера жилища башкир обратила свое внимание А. Г. Янбухтина (Янбухтина, 1993). С. Н. Шитовой исследовано народное искусство южных башкир, также орнаменты и узоры, используемые в различных изделиях (Шитова, 2006). З. М. Давлетшина в своей работе рассказывает о традиционных видах женского рукоделия, применении узорных полотенец в традиционно-бытовой культуре гайнинских башкир, а также об использовании орнаментированных полотенец в свадебных обрядах (Давлетшина, 2011). В 2011 г. увидела свет книга любителя народного прикладного искусства С. А. Нуриджановой, посвященная старинным полотенцам башкирского, марийского, татарского, чувашского народов¹. Краткий обзор научной литературы по изучению декоративно-прикладного искусства башкир показывает отсутствие специальных работ, посвященных изучению сфер применения орнаментированных полотенец в традиционном обществе и их семантической нагрузки в контексте повседневной и обрядовой культуры.

Новизна исследования заключается в том, что в работе систематизирован и проанализирован архивный, фольклорно-этнографический материал по представленной теме, выявлены сферы применения орнаментированных полотенец в традиционном обществе и их семантическая нагрузка в повседневной и праздничной культуре, этикете, впервые вводятся в научный оборот полевые материалы автора, касающиеся использования орнаментированных полотенец.

Общие сведения

Тастамал, һөлгө ‘полотенце’ — текстильное изделие, длиной от 2–3-х и более метров и шириной от 30 до 60 см, украшенное посредством ткачества, вышивки или нашивки (фото 1).

В башкирском языке, наряду с общеупотребительными названиями *тастамал, һөлгө* ‘полотенце’, сохранились различные диалектные наименования этого предмета, свидетельствующие о его значении и обширных возможностях его применения. З. М. Давлетшина приводит следующие локальные названия данного изделия: «тастымал — у кара-идельских башкир; күбәләкле тастымал, сөртеу, сөртенке, салфитка — у пермских, гайнинских башкир; майлык — у токчуранских и сакмарских; һөлөнгө — у миасских; кызыл осло тастамал — у зианчурунских; тастар — у иргизских башкир и др.» (Давлетшина, 2011: 66). Согласно полевым материалам автора, также повсеместно встречаются такие варианты как *һауыт-һаба тастамалы* ‘полотенце для утвари’, *кул сепрәге, кул һөрткөһө* ‘полотенце для рук’, *ак тастамал* ‘белое полотно’, *кара тастамал* ‘полотенце, применяемое в похоронно-поминальных

¹ Нуриджанова С. А. Читайте полотенца. Уфа: Китап, 2011.

Фото 1. Г. Г. Валиева из Иглинского района Республики Башкортостан держит в руках баштастамал / баш тастамал 'полотенце, вручаемое в знак согласия на брак'. Фото А. И. Баязитовой, 2024 г.

Photo 1. G. G. Valieva from the Iginsky district of the Republic of Bashkortostan holds in her hands a bashtamal / bashtamal 'towel given as a sign of consent to marriage'. Photo by A. I. Bayazitova, 2024.

обрядах', киндер тастамал 'полотенце, сотканное из конопля', кизеле тастамал 'холщовое вышитое полотенце', кунак тастамалы 'полотенце для гостей' и др. (ПМА, 2002, 2024). Отметим, что в различных диалектных названиях рассматриваемого текстильного изделия прослеживаются функциональные (повседневные, обрядовые), декоративные характеристики и материал изготовления полотенца.

Сферы применения полотенца

Развитие декоративно-прикладного искусства тесно связано с освоением окружающего мира, природно-географическими условиями проживания и особенностями ведения хозяйственной деятельности определенного этноса. Народное творчество базируется на мировосприятии, древних верованиях и религии, ценностных ориентациях, отражает художественно-эстетический вкус народа. Подчеркивая обусловленность традиционно-художественных ремесел калмыков кочевым укладом хозяйства, Т. И. Шараева считает, что произведения декоративно-прикладного искусства имеют как художественное, так и утилитарное значение (Шараева, 2017: 85). Как известно, предметы народного творчества широко применялись в повседневной жизни людей, в удовлетворении их материальных потребностей, служили для украшения интерьера, создания уюта, а также для трансляции культурных ценностей и традиций из поколения в поколение.

Орнаментированные полотенца применялись в различных сферах жизни. Они удовлетворяли бытовые потребности, применялись в обрядовой и праздничной культуре. Функции полотенца зависели от ситуации их применения. Они служили для украшения интерьера, выступали в роли подарка, были частью приданого, использовались в качестве подаяния, передавали культурные ценности и др.

Башкирские женщины умело использовали полотенца в украшении интерьера жилищ. П. И. Небольсин отмечал: «По стенам, на видных местах, развешиваются разные вещи, свидетельствующие

о зажиточности хозяина. Промежь окон, сверху, размещаются седла, наборные уздечки; пониже их — маленькое зеркальцо, кругом его — вышитые по концам полотенцы...»¹. О декоративной функции полотенца А. Г. Янбухтина писала следующее: «Полотенца, подвешенные за серединку, ниспадали двумя узорными концами и вторили вертикальным членениям окон. Своей декоративной насыщенностью они подчеркивали новый ритм, возникший в интерьере избы за счет появления окон — новых источников света, создающих и новую ориентацию в пространстве интерьера» (Янбухтина, 1993: 79). По поверьям башкир, узорные полотенца, развешанные между оконными проемами, наряд с декоративной функцией оберегали и защищали от злых сил.

Кроме того, что узорные полотенца выполняли эстетическую функцию, они служили, как пишет З. М. Давлетшина, жертвой для духов предков и средством их задабривания. Им также приписывались функции защиты и обеспечения психологического микроклимата для новобрачной в доме супруга (Давлетшина, 2011: 69). Она же, подчеркивая многофункциональность орнаментированных полотенца в традиционно-бытовой культуре разных народов мира, определяет следующие их функции: «... ритуальную, декоративную, интерьерную, приобщения, жертвы духам-покровителям и т. д.» (там же: 66).

В традиционной культуре вышитый домашний текстиль играл важную роль в быту и в обрядовой сфере. Так, девушки на выданье участвовали в подготовке своего *бирнэ* 'приданого'. Это было некоторым испытанием для нее на умение мастерски создавать красивые вещи своими руками. Обычно в состав *бирнэ* входили такие изделия ручной работы, как полотенца, карманные платки, скатерти, кисеты и др. Некоторые изделия использовались в качестве подарка для родственников жениха, а также для украшения интерьера жилища. Собиратель образцов прикладного искусства С. А. Нуриджанова пишет следующее:

«Молоденькая девушка готовится к свадьбе... Она ткёт свою судьбу, и все лучшее в ней, все поэтичное, все ее творческое начало находило свое воплощение в тканых ею тастамалах. Поэтому они так гармоничны в композиции, в них так много слаженных ритмов и так своеобразно владение цветом. Каждое полотенце несет на себе печать того глубоко национального художественного мира, который сформировался в душе молодой девушки всем укладом родительского дома»².

Нужно отметить, что вышитые изделия способствовали трансляции узоров из рода в род, так как башкиры, согласно обычаю экзогамии, женились на представителях иного рода (племени), чтобы избежать негативных последствий от брака между родственниками. Полотенца, вышитые к свадьбе, орнаментированные изделия, полученные в подарок, применялись в качестве декора или их хранили как память о своем роде. Как известно, для каждого башкирского рода были присущи свои мотивы и особенности вышивки. Информант Г. Г. Валиева рассказала о тонкостях вышивания полотенца тамбурным швом. Она поведала, что рукодельницы северо-восточных районов Республики Башкортостан вышитые узоры заполняют тамбурной вышивкой, а башкирки Курганской области тамбурной вышивкой обводят только контур рисунка (ПМА, 2024).

Орнаментированные полотенца в традиционной культуре часто использовались как символы и подарки в различных семейно-бытовых обрядах. Заметим, что в некоторых обрядах, этикетных ситуациях в качестве подарка применялись и покупные, и орнаментированные полотенца. В башкирском языке сохранились названия некоторых способов преподнесения данного предмета материальной культуры: *тастамал биреу* 'дать, подарить полотенце', *тастамал таратыу* 'раздавать полотенце', *тастамал халыу* 'класть полотенце', *тастамал элп кереу* 'в значении: зайти в дом, повесив полотенце' и т. п. Названные этикетные, ритуальные действия сопровождали разные жизненные, обрядовые ситуации. Например, в гостевом этикете полотенце служило подарком, его вручали молодым людям, которые младше хозяина или одного возраста с ним (ПМА, 2009). У челябинских башкир, по данным Ф. Ф. Гайсиной, повешенное невесткой полотенце при входе в дом родителей супруга символизировало ее готовность связать судьбу с новыми родственниками, стать частью семьи (Гайсина, 2024: 159).

В похоронной обрядности башкир применялись неорнаментированные полотенца. Тем, кто первым начинал копать могилу, укладывал покойного в могильную нишу полагалось дать полотенце,

¹ Небольсин П. И. Рассказы проезжего. СПб.: Типография штаба военно-учебных заведений, 1854. С. 252.

² Нуриджанова С. А. Читайте полотенца. Уфа: Китап, 2011. С. 20.

что соблюдается поныне. По данным исследователей, покойника опускали в могилу на полотенцах или на руках. Затем эти полотенца раздавали тем, кто участвовал в процессе погребения (Бикбулатов, Фатыхова, 1991: 126). В Бурзянском районе республики нашими коллегами записан следующий материал: «4 мөйөшкә 4 тастамал, һәр тастамалдың осона 10-ар һум акса бәйләйзәр» 'По четырем углам четыре полотенца, на каждом из которых завязывают десятирублевую купюру'¹.

Полотенца до наших дней раздают в качестве *хәйер* (милостыня, подаяние) во время проведения поминальной трапезы. Возможно, коннотация полотенца, связанная с похоронной обрядностью, проявляется в запретах. Например, нельзя укрывать полотном спящего человека. Объясняли данный запрет тем, что человек может скоропостижно скончаться (ПМА, 2002).

Отметим, что сферой применения узорных полотенца были не только семейные праздники и обряды, но и общественные мероприятия. Так, вышитые изделия дарили во время всенародных праздников. Молодые женщины в первый год замужества, возможно, в знак приобщения к новому обществу вручали победителям различных соревнований орнаментированные полотенца, платки. Л. И. Нагаева отмечает, что:

«...платки, полотенца, имели в праздниках и обрядах большое значение, и их функции были самые различные. Так, на сабантуе полотенце являлось символом благополучия, плодородия, считалось самым ценным призом. Оно использовалось и как атрибут различных игр, плясок во время соревнования, служило предметом украшения праздничного майдана» (Нагаева, 1995: 23).

Орнаментированные полотенца выполняли информативную функцию в народных праздниках. Например, полотенца-кушаки были важным атрибутом башкирской борьбы. По сообщению Д. П. Никольского, перед началом борьбы борцы снимают с себя практически всю одежду, кроме рубахи и нижнего белья. Затем они подпоясываются кушаками и, хватая за них друг друга, пытаются повалить соперника или бросить его через себя². Заметим, что в качестве пояса чаще использовали полотенце. По данным информанта из Пермского края, по узору на полотенце определяли откуда родом борец (ПМА, 2024).

Полотенце широко применялось в семейных обычаях и обрядах разных народов. Приведем материал, записанный в 2024 г. в г. Чернушка Пермского края РФ. Информант (чувашка по национальности, 1949 г. р.), рассказала об особенностях изготовления тканых полотенца в прошлом и применения их в обрядовой сфере, а также в повседневной жизни. Вышитое полотенце широко применялось при встрече молодоженов, гостей хлебом и солью на новоселье и т. п. Причем в некоторых случаях полотенце стелили под ноги новобрачной по приезду ее на сторону жениха. Особенно запомнились информанту проводы солдат в прошлом. Уезжающий, стоя на телеге, с двух сторон держал развернутое полотенце и вышитые платки, размахивал ими провожающим. Друзья придерживали его, пели солдатские песни. Полотенце также использовали для украшения дома, вешали его на божницу, окна, зеркало (ПМА, 2024).

Семантика орнаментированных полотенца

В традиционной культуре предметы материальной культуры в определенных ситуациях общения приобретали символическое значение, отражая важные аспекты мировоззрения и духовных традиций конкретного этноса. Так, полотенце наделялось такими значениями: согласие или отказ от брака, сохранение благополучия, изменение семейного статуса, прекращение избегания, приобщение к обществу, символ уважения и пр.

В обряде сватовства разных народов использовались предметы, символизирующие согласие на брак или отказ от него, благословение и т. п. Например, у тувинцев на сватовство родители жениха приезжали с различными подарками, среди которых был и кадак — ритуальная лента-шарф. Как пишут Ч. К. Ламажаа и М. Дж. Шаймерденова, если родители девушки не были согласны на брак, то кадак возвращали вместе с остальными вещами родителям жениха. Кадак также выступал обязательным ритуальным атрибутом в родинных и поминальных обрядах тувинского народа (Ламажаа, Шай-

¹ Экспедиция материалдары – 2009: Бөрйән районы [Материалы экспедиции — 2009: Бурзянский район] / сост. Г. Р. Хусаинова, Г. В. Юлдыбаева, А. М. Хакимьянова. Уфа: Деловая династия, 2011. С. 38. (На башк. яз.).

² Никольский Д. П. Из поездки к лесным башкирам // Землеведение. Кн. 4. 1895. С. 17.

мерденова, 2024: 165–166). Этикетное действие *тастамал халыу* ‘класть полотенце’ у башкир наделено знаковым содержанием, означающим согласие родителей девушки выдать дочь замуж. Встречается также аналогичное выражение *һөлгө алырға барыу* ‘получить в подарок полотенце в знак согласия родителей девушки на брак’.

Приведем данные, зафиксированные у курганских башкир: «*Кызың ата-әсәһе риза булһа, шуның билгеһе итеп, яусыға тастамал бирәләр*» ‘В знак согласия родители девушки вручают свату полотенце’¹. В следующем примере более подробно раскрывается поведение договаривающихся сторон. Отец жениха вместе с близким родственником ездил к родителям девушки для получения *баштастамал / баш тастамал* ‘полотенце, вручаемое в знак согласия на брак’. Женщины не участвовали в сговоре. Согласно обычаю, сначала расспрашивали о делах, затем речитативом иносказательно сообщали о цели своего визита:

«*Һеззә бер аккош бар икән,*

Беззә бер аусы бар,

Шуны аулай килгәнбез...»

‘У вас есть лебедь, у нас есть

охотник, пришли на нее охотиться’.

Хозяева гостей приглашают за стол. Затем родители девушки, выказывая свое согласие на брак молодых, перед главным сватом кладут полотенце: «*Баштастамалды егеттең атаһы алдына һалғас, был як, котлап, акса һала. Бер үк буш кул менән алмай. Тастамалды үзенә шылдырып куя ла аксаһын һала*» ‘Отец жениха, получив полотенце, одаривает родителей будущей невесты деньгами, но ни в коем случае нельзя оставлять их без подарка. Чуть подвинув полотенце к себе, главный сват кладет деньги на стол’².

Получение полотенца в знак успешного сговора нашло отражение в колких такмаках *еңгә* (в частушках жены старшего брата или старшего родственника):

«Свату, который вот приехал,

Дари полотенце, пусть радуется.

А полотенце ему на шею —

Змеею пусть обовьется»³.

После удачного сговора родители жениха устраивали у себя дома *тастамал сәйе, һөлгө сәйе* ‘чаепитие в честь получения полотенца’ для родственников.

В свадебной обрядности особое значение придавали ритуалу переезда молодой в деревню супругу. Участники свадебного «поезда» украшали своих лошадей и конскую упряжь лентами, а конскую дугу обматывали полотенцами, которых затем вручали встречающим. У дома новобрачных собираются жители деревни и родственники. С приближением свадебного «поезда» открывают ворота, берут лошадей под уздцы и вводят во двор подводы. Когда последняя подвода въезжает в ворота, стреляют в ружье, сообщая о прибытии невесты. Тем, кто открыл ворота и произвел выстрел, дарят подарки, те, кто вел телеги, получают узорные полотенца, привязанные к дугам конской упряжи (Бикбулатов, Фатыхова, 1991: 74).

По приезде в дом супруга свекровь подводила к невестке скотину, называемую *таянсык мал* — скотина, на которую молодая опиралась, спускаясь с телеги. Соблюдая обычай, она клала полотенце на подаренную скотину, так как ее нельзя касаться без подарка. Нужно заметить, что в таком же качестве полотенце использовалось при купле-продаже скота. Применение полотенца в данном случае информанты объясняют необходимостью сохранения благополучия, удачи (ПМА, 2002). Чтобы сохранить благополучие домашнего хозяйства (*кот*), тому, кто занимается забоем скота, преподносят полотенце с завязанной на конце монетой (НА УФИЦ РАН, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 945, л. 126).

¹ Фольклор курганских (ялан-катайских) башкир: материалы комплексной экспедиции / отв. ред. Р. М. Юсупов. Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. С. 128.

² Там же. С. 172.

³ Башкирское народное творчество. / сост., вступ. ст., коммент., глоссарий Р. А. Султангареевой, А. М. Сулейманова. Уфа: Китап, 2010. Т. 12. Обрядовый фольклор С. 348.

Как известно, в прошлом у некоторых народов соблюдалось избегание, ограничивающее общение между отдельными членами семьи и рода. Так, у башкир некоторые запреты соблюдались: «... между супругами; между каждым из супругов и их родственниками (преимущественно старшими) — между женой и старшими мужскими (женскими) родственниками мужа, между мужем и старшими мужскими (женскими) родственниками жены» (Баязитова, 2007: 50). Молодая женщина получала право общаться с родственниками мужа только после обмена подарками. Однако в некоторых случаях запрет на общение со свекром сохранялся на протяжении всей жизни. Она начинала разговаривать со старшими мужчинами в семье мужа также после обмена подарками. Как правило, невестка обычно им вручала орнаментированные полотенца. Согласно архивным материалам, молодая начинала разговаривать со старшими родственниками супруга только после вручения им полотенца. Так, при своем первом визите к ним невестка приносила полотенце и, войдя в дом, вешала его на гвоздь (НА УФИЦ РАН, ф. 112, оп. 1, ед. хр. 27, л. 21). Данный способ прекращения избегания назывался *тақта-мал элп керепү*, т. е. зайти в дом, повесив полотенце.

Полотенце был практичным и символическим подарком на всенародных праздниках, который вручался победителю соревнований. Примечательным является тот факт, что: «Доверенные люди обходили дома по всей деревне и в первую очередь те дома (семьи), которые обзавелись за истекший год молодой невестой. Молодая обязательно готовила к этому празднику в подарок что-либо ценное — полотенце, шаль, шелковый платок и т. д.» (НА УФИЦ РАН, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 174, л. 38). В данном случае, возможно, полотенце выполняло функцию приобщения молодой к новому обществу. «Победителю на скачках преподносили полотенце, лучшему борцу — барана, бегуну — бочонок кумыса или бузы, платки, плешивому-ловкачу — шапку или тубетейку»¹.

У других народов полотенце тоже считалось ценным призом и вручалось победителям различных соревнований. Например, у казанских татар полотенце вручали лучшему бегуну: «Обычно в качестве приза давали вышитые полотенца, причем уже до начала бега бегунам бывало известно, какой приз они могут получить, выиграв состязание...» (Татары Среднего ... , 1967: 296). А также батыра, победителя борьбы на поясах, «...награждали самым ценным призом: лучшим полотенцем или чем-нибудь более ценным, специально приобретенным для него» (там же: 297). Чувашки на празднике *акатуй* устанавливали длинный шест с вышитым полотенцем наверху — флаг *акатуй ялавё*. На этом празднике конные скачки занимали важнейшее место среди состязаний: «Победитель скачек становился знаменитым на всю округу, ему дарили полотенце, иногда — какую-либо праздничную одежду» (Этнография чувашского ... , 2017: 276).

Заключение

Таким образом, анализ различных источников позволил выявить сферы применения, функции полотенца и их семантическую нагрузку в традиционной культуре башкир. Применение узорных полотенца в оформлении жилища способствовало формированию эстетического вкуса. Кроме того, вышивка служила оберегом. Издавна рукодельницы в узоры и орнаменты вкладывали сильную защитную силу от злых сил. Узорные полотенца широко применялись в семейно-бытовых обрядах и общественных праздниках.

Орнаментированное полотенце в зависимости от контекста, ситуации его применения выполняло различные функции, что нашло отражение в названии этикетных и обрядовых действий *баш тақта-мал алыу*, *элп инеү* и т. д. Вручение орнаментированного полотенца свату родителями девушки обозначало согласие на брак, одаривание полотенцем старших мужских родственников супруга (младше его родителей) означало прекращение избегания, вхождение в семью.

В народных праздниках полотенце помогало передавать атмосферу праздника (например: полотенце, привязанное к шесту, украшение места проведения праздника), выполняло информативную функцию, помогая определять место проведения мероприятия, родовую принадлежность батыров и т. п. Подготовка подарка в виде вышитого полотенца самой молодой невесткой аула победителю состязаний на празднике символизировало ее принятие в новое общество. В гостевом этикете

¹ Башкирское народное творчество. Т. 12. Обрядовый фольклор / сост., вступ. ст., коммент., глоссарий Р. А. Султангареевой, А. М. Сулейманова. Уфа: Китап, 2010. С. 215.

полотенце выступало предметом дарообмена, закрепляющим родственные, дружеские связи, а в похоронно-поминальной обрядности полотенца преподносились в виде *хэйер* ‘милостыни, подаяния’.

Сравнительно-историческое изучение применения предметов материальной культуры и осмысление их роли в повседневной и обрядовой жизни отдельных народов важно, так как они отражают этническую историю, культурно-бытовые традиции, взаимодействие и взаимовлияние разных народов. Эти предметы позволяют нам понять мировоззрение, обычаи и традиции наших предков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авижанская, С. А., Бикбулатов, Н. В., Кузеев, Р. Г. (1964) Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа : Полиграфкомбинат. 260 с.

Баязитова, Р. Р. (2007) Традиционный семейный этикет башкир / отв. ред. М. В. Мурзабулатов. Уфа : Изд-во БГПУ. 176 с.

Бикбулатов, Н. В., Фатыхова, Ф. Ф. (1991) Семейный быт башкир. XIX–XX вв. М. : Наука. 189 с.

Гайсина, Ф. Ф. (2024) Фольклор челябинских башкир: история и перспективы изучения // Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. Т. 1. № 2. С. 156–162. DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.017>

Давлетшина, З. М. (2011) Женское рукоделие у башкир (прошлое и настоящее). Уфа : ИП Поляковский Ю. И. 132 с.

Ламажаа, Ч. К., Шаймерденова, М. Дж. (2024) Кадак — шарф подношения и освящения (из истории традиции) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 152–176. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.10>

Нагаева, Л. И. (1995) Башкирская народная хореография. Уфа : Китап. 144 с.

Руденко, С. И. (1955) Башкиры. Историко-этнографические очерки. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 392 с.

Татары Среднего Поволжья и Приуралья (1967) / отв. ред. Н. И. Воробьев, Г. М. Хисамутдинов. М. : Наука. 538 с.

Шараева, Т. И. (2017) Образы божеств в декоративно-прикладном искусстве калмыков : Зеленая Тара // *Oriental Studies*. № 10 (3). С. 84–92. DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-31-3-84-92>

Шитова, С. Н. (2006) Народное искусство: войлоки, ковры и ткани у южных башкир (Этнографические очерки). Уфа : Китап. 200 с.

Этнография чувашского народа (2017) / под ред. В. П. Иванова. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во. 351 с.

Янбухтина, А. Г. (1993) Народные традиции в убранстве башкирского дома. Уфа : Китап. 136 с.

Дата поступления: 15.09.2024 г.

Дата принятия: 09.12.2024 г.

REFERENCES

Avizhanskaya, S. A., Bikbulatov, N. V. and Kuzeev, R. G. (1964) *Decorative and Applied Art of the Bashkirs*. Ufa, Polygrafkombinat. 260 p. (In Russ.)

Bayazitova, R. R. (2007) *Traditional Family Etiquette of the Bashkirs*, ed. by M. V. Murzabulatov. Ufa, Bashkir State Pedagogical University Press. 176 p. (In Russ.)

Bikbulatov, N. V. and Fatykhova, F. F. (1991) *Family Life of the Bashkirs. 19th–20th Centuries*. Moscow, Nauka. 189 p. (In Russ.)

Gaisina, F. F. (2024) Folklore of the Chelyabinsk Bashkirs: History and Prospects for Study. *Izvestiya UFIC RAN. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'tura*, vol. 1, no. 2, pp. 156–162. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.017>

Davletshina, Z. M. (2011) *Women's Handicrafts among the Bashkirs (Past and Present)*. Ufa, IP Polyakovskiy Yu. I. 132 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. and Shaimerdenova, M. Dzh. (2024) Kadak — A Scarf of Offering and Sanctification (From the History of the Tradition). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 152–176. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.10>

Nagaeva, L. I. (1995) *Bashkir Folk Choreography*. Ufa, Kitap. 144 p. (In Russ.)

Rudenko, S. I. (1955) *The Bashkirs: Historical and Ethnographic Essays*. Moscow; Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 392 p. (In Russ.)

Tatars of the Middle Volga and the Urals (1967). Ed. by N. I. Vorobyev and G. M. Khisamutdinov. Moscow, Nauka. 538 p. (In Russ.)

Sharaeva, T. I. (2017) Images of Deities in the Decorative and Applied Art of the Kalmyks: Green Tara. *Oriental Studies*, no. 10(3), pp. 84–92. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-31-3-84-92>

Shitova, S. N. (2006) *Folk Art: Felt, Carpets, and Fabrics of the Southern Bashkirs (Ethnographic Essays)*. Ufa, Kitap. 200 p. (In Russ.)

Ethnography of the Chuvash People (2017) ed. by V. P. Ivanov. Cheboksary, Chuvash Book Publishing House. 351 p. (In Russ.)

Yanbukhtina, A. G. (1993) *Folk Traditions in the Decoration of the Bashkir House*. Ufa, Kitap. 136 p. (In Russ.)

Submission date: 15.09.2024.

Acceptance date: 09.12.2024.

DOI: 10.25178/nit.2025.2.18

Статья

Мудрость и юмор Ходжи Насреддина в контексте различных версий притчи о казане

Акбота Кенжекожаева, Жолдасбек О. Мамбетов

Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Республика Казахстан,

Пакизат Т. Ауесбаева

Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова, Республика Казахстан

В статье рассматриваются три национальные версии (казахская, уйгурская, узбекская) притчи о казане, в которых отразились качества Ходжи Насреддина, показан процесс адаптации и изменения текста в зависимости от культурных и литературных контекстов тюркских народов. Источниковой базой послужили тексты: казахской притчи «Почивший казан», уйгурской версии «Казан был беременным» и узбекская версия «Разве может умереть казан?»

Выявлены и описаны сходства в версиях и отличия в сюжете, описаниях характеров, в действиях. Отмечается, что Ходжа Насреддин не ведет открытую борьбу, а использует выгоду от сложившейся ситуации, использует юмор, его действия опираются на народную мудрость. Обсуждаются трактовки его образа, варианты его образа в национальных традиций. Подчеркивается такое свойство образа Ходжи Насреддина как легкая адаптируемость к меняющимся условиям.

Ключевые слова: Ходжа Насреддин; тюркская литература; тюркский фольклор; притча; образ соседа

Для цитирования:

Кенжекожаева А., Мамбетов Ж. О., Ауесбаева П. Т. Мудрость и юмор Ходжи Насреддина в контексте различных версий притчи о казане // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 300-311. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.18>

Кенжекожаева Акбота — докторант кафедры казахской литературы и теории литературы филологического факультета Казахского национального университета имени Аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050040, пр. Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: ak_bota555@mail.ru Научный руководитель — к. филол. н. Ж. О. Мамбетов.

Мамбетов Жолдасбек Ормаханович — кандидат филологических наук, доцент кафедры казахской литературы и теории литературы филологического факультета Казахского национального университета им. Аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050040, пр. Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: zholdas_19@mail.ru

Ауесбаева Пакизат Тенизбаевна — кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050000, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: ksaryarka@inbox.ru

The wisdom and humor of Hodja Nasreddin in the context of various versions of the parable of kazan

Akbota Kenzhekozhayeva, Zholdasbek O. Mambetov

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan,

Pakizat T. Auesbayeva

M. O. Auezov Institute of Literature and Art, Republic of Kazakhstan

The article examines three national versions (Kazakh, Uighur, and Uzbek) of the parable about the cauldron, in which the qualities of Hodja Nasreddin are reflected, and the process of adaptation and transformation of the text is shown depending on the cultural and literary contexts of Turkic peoples. The source base includes the following texts: the Kazakh parable “The Deceased Cauldron”, the Uighur version “The Cauldron Was Pregnant”, and the Uzbek version “Can a Cauldron Die?”.

The study identifies and describes similarities among the versions, as well as differences in plotlines, character descriptions, and actions. It is noted that Hodja Nasreddin does not engage in open confrontation, but rather takes advantage of the situation, employing humor; his actions are grounded in folk wisdom. The article discusses various interpretations of his image and its manifestations within national traditions. Special attention is given to the adaptability of Hodja Nasreddin’s character to changing conditions.

Keywords: Hodja Nasreddin; Turkic literature; Turkic folklore; parable; image of the neighbor

For citation:

Kenzhekozhayeva A., Mambetov Zh. O. and Auesbayeva P. T. The wisdom and humor of Hodja Nasreddin in the context of various versions of the parable of kazan. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 300-311. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.18>

KENZHEKOZHAYEVA, Akbota, PhD Doctoral Student, Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Faculty of Philology, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71, Al-Farabi Ave., Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan. E-mail: ak_bota555@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1380-2753

MAMBETOV, Zholdasbek Ormakhanovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Kazakh Literature and Literary Theory, Faculty of Philology, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71, Al-Farabi Ave., Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan. E-mail: zholdas_19@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6389-5356

AUYESBAEVA, Pakizat Tenizbaevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, M. O. Auezov Institute of Literature and Art. Postal address: 29 Kurmangazy St., Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. E-mail: ksaryarka@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-7716-9715

Введение

Широко распространенные в фольклоре народов мира элементы сатиры и юмора через языковое сознание каждого народа насыщают его мировоззрение и этническую картину мира. Социальные явления, вызванные столкновением таких противоположных понятий, как добро и зло, молодость и старость, мудрость и невежество, бескорыстие и подлость, жизнь и смерть, посредством художественного мышления, выражаются в литературных произведениях. Поэтому в разных уголках мира люди создают сатирические персонажи, с помощью которых могут высказать вслух и поделиться с обществом проблемами и тяготами жизни. Большинство подобных героев — глашатаи справедливости, критики богатых, сторонники слабых. Они красноречивы, умны, хитры, их поступки и слова забавны, порой наивны. Содержание и цель сатирических произведений относятся к общечеловеческим, а их герои продолжают переходить от одного народа к другому, иногда меняя внешний вид и имя, но всегда сохраняя свое «естество».

Одним из таких персонажей является Ходжа Насреддин, который широко распространен в литературе Средней Азии и на Ближнем Востоке (Юлдашева, 2020). В различных сюжетах он предстает перед читателями и мудрецом, и проказником, и шутником, и глупцом, и простаком, и чудаком и т. д. Вариации Ходжи Насреддина каждого народа не только имеют общие, но и индивидуальные черты. Возможно, это связано с наложением на образ Ходжи Насреддина некоторых особенностей каждого тюркского народа и созданием модели героя согласно собственным представлениям.

Литературовед Я. Мадалиев считает, что главным критерием признания юмористического и сатирического жанра народного творчества является национальная идентичность: «Сатирический фольклорный персонаж, должен проявлять одно из главных качеств национального характера, чтобы быть героем народного творчества. Ходжа Насреддин не мог бы стать Ходжой Насреддином, если бы не приобрел национальный характер тюркоязычных народов»¹ (Мадалиев, 2010: 131). По мнению Л. Гергоковой, в результате развития культуры и традиций любого этноса вносятся или исчезают некоторые черты национального характера, формирующие его индивидуальность, этот процесс затронул и рассказы Ходжи Насреддина: «Следовательно, Насреддин, вобрав в себя разные качества национальных героев, предстает перед читателем как один из сложных характеров, и масштаб данного образа определяется в его взаимоотношениях с другими персонажами» (Гергокова, 2019: 210).

Доказательством уникальности и важности литературного образа Ходжи Насреддина для всех тюркских народов стало включение традиции пересказа притчей о Ходже Насреддине в репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества на 17-й сессии межправительственного комитета ЮНЕСКО по охране нематериального культурного наследия, которая состоялась в декабре 2022 г.² Кроме того, образ Ходжи Насреддина способствует более глубокой оценке всего богатства и разнообразия мудрости и юмора тюркских народов, тем самым содействует культурному обмену и взаимопониманию между народами.

Научная новизна данной работы заключается в том, что впервые был проведен сравнительный анализ версий притчи о казане, центральным персонажем которого является Ходжа Насреддин. В ходе этой работы было установлено, что версий этой притчи в литературе разных народов имеют свои отличия. Также посредством присущих образу Ходжи Насреддина мудрости и юмору была установлена важность данного персонажа в тюркской литературе.

Для характеристики образа Ходжи Насреддина, его ума, находчивости и смекалки, была выбрана притча о казане, версии которой встречаются сразу у нескольких тюркских народов: казахов, кыргызов, узбеков, уйгуров, татар, турок, караимов, туркменов. Но, так как сюжетные линии татарской, турецкой, кыргызской, караимской и туркменской версий практически совпадают, в качестве объекта исследования были взяты казахский, уйгурский и узбекский варианты.

¹ Перевод А. Кенжекожаевой.

² Telling tradition of Nasreddin Hodja / Molla Nesreddin / Molla Ependi / Apendi / Afendi Kozhanasyr Anecdotes [Электронный ресурс] // UNESCO. URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/telling-tradition-of-nasreddin-hodja-molla-nesreddin-molla-ependi-apendi-afendi-kozhanasyr-anecdotes-01705> (дата обращения: 30.12.2024).

В притче присутствует традиционный мотив юмора и мудрости, характерный для литературы и в целом для культуры тюркских народов. В сюжете произведения отразились тюркское мировоззрение и обычаи, связанные с понятиями «казан», «сосед», «соболезнование». Изобретательность Ходжи Насреддина, алогичные и иррациональные выводы в развитии действия произведения придают этой истории уникальный характер. Главный герой притчи Ходжа Насреддин пытается убедить людей жить в мирных и дружеских отношениях, а также обратить внимание на свои проступки и ошибки, исправить недостатки. Какую бы из версий притчи о казане у вышеупомянутых тюркских народов ни рассматривали, основной темой остаются нравственность, духовные ценности, различие между добром и злом.

По мнению турецких литературоведов Г. Торусдаг и И. Айдын, главный смысл рассказов о Ходже Насреддине — гуманистические ценности. Заложенные в произведениях послания могут одновременно вызвать смех и заставить задуматься (Torusdağ, Aydın, 2020: 2892). Также в них представлены такие ценные человеческие качества, как чувство юмора, стремление к размышлению, обучению, умение привлечь внимание (Adar, 2019: 32). На первый взгляд Ходжа Насреддин либо пытается рассмешить соседа, либо уличить его в непристойном поступке. Однако, если присмотреться, смысл притчи более глубокий — это размышление, анализ действий, определение различия между иррациональным и логическим мирами.

Цель работы состоит в изучении трех — казахской, уйгурской и узбекской — версий притчи о казане, в которых отразились качества Ходжи Насреддина и показан процесс адаптации и изменения текста в зависимости от культурных и литературных контекстов тюркских народов. Задачи: рассмотреть последовательно все три версии, обсудить общее и различное в трех версиях притчи о казане с определением ключевых элементов, подчеркивающих мудрость и юмор Ходжи Насреддина.

Теоретико-методологической основой настоящей статьи явились публикации учёных, занимавшихся исследованием образа Ходжи Насреддина (Зарифов, 1970; İmomov, 1990; Öğüt-Eker, 2005; Молдатаев, 2007; Feng, 2007; Özdemir, 2009; Мадалиев, 2010; Озюнель, 2010; Aslan, 2011; Рахман, 2012; Кортабаева, 2013; Каскабасов, 2014; Sabatos, 2016; Karaçalı, 2017; Гергокова, 2019; Adar, 2019; Юлдашева, 2020; Torusdağ, Aydın, 2020; Болтаева, 2022).

Источниковой базой послужили тексты версий притчи о казане из различных изданий: казахская версия представлена притчей «Өлген қазан» (Бабалар сөзі, 2013)¹, уйгурская версия — «Казан был беременным» (Проделки хитрецов. Мифы, сказки, басни и анекдоты о прославленных хитрецах, мудрецах и шутниках мирового фольклора, 1972)², узбекская версия — «Қозон хам уладими» (Афанди латифалары, 1990)³.

Методологической основой исследования выступают сравнительный и типологический методы, при помощи которых были определены различия и сходства в образе Ходжи Насреддина, а также общие темы и мотивы в собранных текстах.

Казахский Кожанасыр и притча о казане

Для казахской литературы образ Ходжи Насреддина, каз. *Кожанасыр*, занимает важное место, поскольку он воплощает народную мудрость и юмор, являющиеся неотъемлемой частью казахской культуры. Притчи о Ходже Насреддине часто используются для передачи моральных уроков и жизненных принципов. Например, К. Молдатаев в историях Ходжи Насреддина выделил 12 тем, одну из которых он описал так:

¹ Бабалар сөзі [Слово предков]. Жүз томдық [В ста томах] // Құраст / состав.: Әлбеков Т., Алпысбаева Қ., Мүрсәлімова Н. М. Астана: Фолиант, 2013. Т. 98: Күлдіргі әңгімелер [Юмористические устные рассказы]. 440 б. (На каз. яз.)

² Проделки хитрецов. Мифы, сказки, басни и анекдоты о прославленных хитрецах, мудрецах и шутниках мирового фольклора / сост.: Г. Л. Пермякова. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1972. С. 559.

³ Афанди латифалары [Анекдоты Афанди]. Туплам [Сборник]. Тупловчи / состав.: Б. И. Саримсоқов. Тошкент: Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1990. С. 272. (На узб. яз.)

«Жадность — одно из негативных проявлений в поведении общества и личности. В своих юмористических рассказах Ходжа высмеивал необходимость людей избегать такого рода поведения и привычек, из-за которых они не могут наладить хорошие отношения друг с другом» (Молдатаев, 2007: 74).

Кроме того, его образ помогает сохранять и передавать культурное наследие, связывая поколения через общие истории и ценности.

Приведем текст казахской версии притчи о казане.

«Почивший казан.

Однажды в дом Кожанасыра пришли гости. Но в доме был только небольшой казан, которого для гостей оказалось недостаточно. Поэтому Кожанасыр попросил у живущего по соседству богача большой казан. Богач был очень недоволен просьбой и не хотел давать свой казан. Тогда Кожанасыр взмолился богачу и выпросил казан. Накормив и проводив гостей, Кожанасыр принес его обратно хозяину.

Завидев соседа, богач сразу спросил:

— Эй, Кожа, ты не разбил мой казан?

— Нет, господин, Ваш казан целый, и к тому же родил ребенка! — ответил Кожа.

— О чем ты говоришь? Разве казан может родить? — воскликнул богач.

— Если не верите, сами посмотрите! Вот дитя Вашего казана, — ответил Кожанасыр и показал богачу маленький казан, который находился внутри большого.

“Интересно, что сделает сосед?», — подумал Кожанасыр. Ведь это был его собственный казан, который он специально принес, надеясь, что сосед “вернет маленький казан”. Но разве богач откажется от такой добычи?

— Ну, Кожа, спасибо, до свидания! Если понадобится, можешь снова взять казан, — сказал сразу повеселевший богач. Почему бы не порадоваться, получив вместо одного казана сразу два?! Так Кожа остался без своего казана. Но что поделать? Он сам его принес. Оставив соседу казан, Кожанасыр отправился домой. А по дороге решил: “Дай-ка, я что-нибудь сделаю для этого хапуги”.

И вот через некоторое время Кожанасыр снова обратился к соседу с просьбой дать займы большой казан.

— Берите, берите, Кожа! — на этот раз с удовольствием ответил алчный сосед. А сам подумал: “Возможно, Кожанасыр опять что-нибудь положит в мой казан”.

Проходит день, проходит два, а Кожа все не возвращает казан. В конце концов, на третий день богач сам отправился искать свой казан.

— Господин, не считайте меня виноватым! Ваш казан болел два дня и сегодня умер. Я только собрался Вас предупредить и выразить соболезнование, — с грустью сообщил Кожанасыр. На это богач сильно разозлился и стал кричать:

— Дурак! О чем ты говоришь? Разве казан может умереть? Немедленно верни его!

— Не ругай меня, господин! Родивший казан может и умереть. Не я глупый, а ты глупец! — ответил ему Кожа. Обескураженный такими словами богач вернулся домой ни с чем»¹.

В этой притче изображены отношения не просто между соседями, а между богатым и бедным, то есть представителями двух противоположных социальных групп. Перед нами знакомый образ богатого человека, как правило, завистливого, ненасытного и жадного. Также в этой версии присутствуют такие характерные для быта казахского народа этнологические понятия, как гостеприимство, выражение соболезнования.

В сравнении с другими вариантами версия казахского фольклора более длинная, в ней хорошо показаны внутренние мотивы Ходжи Насреддина. Например, «Интересно, что сделает сосед?», — по-

¹ Бабалар сөзі [Слово предков]. Жүз томдық [В ста томах] // Құраст / состав.: Әлбеков Т., Алпысбаева К., Мүрсәлімова Н. М. Астана: Фолиант, 2013. Т. 98: Күлдіргі әңгімелер [Юмористические устные рассказы]. 51 б. (На каз. яз.). Перевод текста выполнен Ж. О. Мамбетовым.

думал Кожанасыр»; А по дороге решил: «Дай-ка, я что-нибудь сделаю для этого хапуги». И он, сожалея о проявленной глупости, решает вернуть утраченное, и добивается своего. Однако в данном контексте в поступках Ходжи Насреддина отсутствует злой умысел. В то же время перед нами персонаж, который напоминает героя, из-за своей беспечности оказавшегося в нелепой ситуации, но силой слова все же добившегося справедливости.

Наиболее точное описание этого образа Ходжи Насреддина дал казахский литературовед и фольклорист С. Каскабасов: «Внешне казахский Кожанасыр выглядит как простой человек с невысоким интеллектом. А если более пристально всмотреться в образ этого слегка сгорбленного человека, который, казалось бы, не смотрит дальше своего подбородка, то за невидимой завесой увидишь теплое, мягкое, веселое и одновременно грустное лицо» (Каскабасов, 2014: 223). Однако Кожанасыр у казахов особенный: он наивен, добродушен, иногда веселит людей, иногда смеется над самим собой. Более интересную характеристику образу дает Г. Кортабаева: «Хотя его действия, натура, поведение забавны, рассказы о нем поучительны и познавательны. В современном обиходе его имя является апеллятивом, так как человека, умеющего приукрасить, пошутить или вовремя подобрать необходимые слова, мы нередко называем «ходячим Кожанасыром» (Кортабаева, 2020: 32).

Таким образом, имя Ходжи Насреддина в казахском языке стало нарицательным, возможно, благодаря тому, что в понимании казахов этот персонаж чист душой и сердцем. Даже став объектом для насмешек, казахский Кожанасыр продолжает давать жизненные уроки и делиться своей мудростью с другими.

Уйгурский Насреддин Афанди и притча о казане

Исследователь юмора уйгурского народа К. Бату пишет, что при упоминании об уйгурском фольклоре, в первую очередь на ум приходят шутки о Насреддине Афанди. По словам Бату, имя «Афанди» происходит от тюркского слова «эфенди». Уйгуры, добавив к притчам о Ходже Насреддине народные шутки и сюжеты, образовали в своей современной литературе целый цикл юмористических рассказов и историй о Насреддине Афанди¹. Еще один исследователь А. Рахман считает, что Насреддин Афанди посредством силы комического языка разоблачает невежество и несправедливость феодального общества и придает народу нравственную опору (Rahman, 2012: 162).

Версия притчи из уйгурского фольклора.

«Казан был беременным.

Как-то Ходжа попросил у богатого соседа казан. Через неделю возвратил его, а с ним — и маленький казанчик в придачу. «Что это значит?» — «Оказывается, казан ваш был беременным, и у нас разродился. Вот я и принес вам мать и дитя». Довольный глупостью Афанди, сосед принял оба казана и ответил: «Спасибо, спасибо, Афанди. Почаще приходи ко мне и бери казан».

Через некоторое время Афанди опять взял казан у соседа. Прошла неделя, месяц, но Афанди не возвращает казан. «Почему не приносишь посуду», — спрашивает сосед. «Превыше всего воля божья», — ответил Афанди. — «Через два дня после того, как я взял ваш казан, он у меня в доме, вот на этом месте, скончался». — «Ты что, в своем уме? — возмутился сосед. — Разве казан может умереть?» — «Как же не может? Если вы верите, что казан может рожать, так почему же не верите, что он может умереть?» — засмеялся Афанди².

Представленный сюжет, как и представленная выше казахская версия, демонстрирует такие качества человеческой личности, как наивность, доверчивость, глупость. Абсурдность информации Ходжи Насреддина о «размножении» казана была принята соседом за истину. В конце притчи Ходжа Насреддин воспользовался легковерием соседа в своих интересах. В итоге, мы видим, как сосед Ходжи Насреддина, приняв первую нелепость, вынужден был на основе логики и иррационального мышления, принять и «смерть» казана.

¹ Batu K. Uygur halk mizahinin önemli tipleri (Nesirdin Ependi, Seley Çakkın, Molla Zeydin, Hisam kurban) [Важные персонажи уйгурского народного юмора (Насреддин Эфенди, Селяй Чаккан, Мулла Зейдин, Хисам Курбан)]. Antalya, Akdeniz Üniversitesi, 2018. S. 28. (на тур. яз.)

² Пермякова Г. Л. Прodelки хитрецов. Мифы, сказки, басни и анекдоты о прославленных хитрецах, мудрецах и шутниках мирового фольклора. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1972. С. 379.

Отдельного внимания в уйгурской версии заслуживает предложение «Довольный глупостью Афанди, сосед принял оба казана...». Следовательно, в интерпретации уйгурского народа одним из качеств Ходжи Насреддина была глупость. В этой связи К. Бату отмечает, что

«в некоторых шутках Насреддин Афанди фигурирует как “глупый”, “невежественный”. Тем не менее, эти обстоятельства не сильно влияют на благородный образ героя. Глупость и ум — это две противоположности. При этом не только ум, но и глупость тоже может чему-нибудь научить. За глупостью и невинностью Насреддина Афанди скрываются большой ум и отвага»¹.

Еще одна отличительная особенность уйгурской версии — опора на религиозное познание. Воспользовавшись словами «Превыше всего воля божья», Ходжа Насреддин заявляет о невозможности идти против веления свыше. То есть установленный Богом порядок не подлежит обсуждению, а потому богач не должен более говорить о «почившем казане». В казахской и узбекских версиях такого утверждения не обнаружено.

Итак, главным героем широко распространенных в уйгурском фольклоре юмористических произведений является признанный в уйгурском народе персонаж Ходжи Насреддина. Наряду с такими качествами, как ум, мудрость, справедливость и юмор, ему также свойственны и глупость, наивность. Хотя в сознании народа последние из них не оказывают особого влияния на его имидж. Именно обладание такими качествами позволяют Ходже пользоваться уважением среди народа, защищать людей, призывать их к борьбе с несправедливостью.

Узбекский Насреддин Афанди и притча о казане

По мнению узбекского литературоведа и фольклориста Х. Зарифова, изначально героями узбекских народных анекдотов были персонажи, именуемые «один человек», «один правитель», «один мудрец», «один дервиш», «один бедняк». Однако со второй половины XIX в. все эти герои объединяются в один комический образ Насреддина Афанди, который вытеснил все предыдущие. Такая ситуация сложилась благодаря переводу юморесок на узбекский язык у турецкого и азербайджанского народов (Зарифов, 1970: 224).

Узбекская версия притчи о казане.

«Разве может умереть казан?»

Соседом Насреддина Афанди был Мингбоши. Однажды, когда в дом пришел гость, Афанди попросил у Мингбоши большой казан. Сосед, отдавая казан, сказал:

— Афанди, мой казан ждет ребенка, в этом месяце он должен родить, если мой казан родит у вас дома, обязательно верни его вместе с ребенком.

Афанди очень удивился, но сказал “хорошо” и ушел. На следующий день Афанди отдал Мингбоши вместе с большим казаном свой маленький казан. Мингбоши принял свой казан вместе с ребенком. Несколько дней спустя Афанди снова попросил у Мингбоши большой казан.

Мингбоши, считавший Афанди глупцом, и на этот раз сказал, что его казан ждет ребенка.

— Если у казана будет ребенок, я его принесу, — сказал Афанди и унес казан. Вот уже прошло несколько дней, но казан не возвращался.

Мингбоши разозлился и вызвал Афанди к себе домой.

— Почему ты не вернул мой казан, как обещал? — спросил он.

— Господин, как Вы и сказали, Ваш казан ждал ребенка, но во время родов он умер в мученьях, — с грустью сказал Афанди.

Возмущенный такими словами Мингбоши спросил:

— Разве может казан умереть? На это Афанди ответил самым серьезным тоном:

— Вы верили, что казан родит, и забрали ребенка, так почему не верите, что он умер?»²

¹ Batu K. Uygur halk mizahinin önemli tipleri (Nesirdin Ependi, Seley Çakkan, Molla Zeydin, Hisam kurban) [Важные персонажи уйгурского народного юмора (Насреддин Эфенди, Селяй Чаккан, Мулла Зейдин, Хисам Курбан)]. Antalya, Akdeniz Üniversitesi, 2018. S. 158. (на тур. яз.)

² Афанди латифалары [Анекдоты Афанди]. Туплам [Сборник]. Тупловчи / состав.: Б. И. Саримсоков. Тошкент: Фафур Фулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1990. S. 63. (На узб. яз.). Перевод текста выполнен Ж. О. Мамбетовым.

Как видно, эта версия отличается от сюжета казахского и уйгурского вариантов. В предыдущих версиях притчи о казане Ходжа Насреддин обращается с просьбой к богатому соседу, а в узбекской вариации — к соседу Мингбоши (от узбекского *mingboshi* ‘старейшина’ или ‘начальник армии’)¹.

Еще одно отличие: сосед сообщает, что казан, который он отдает, «ожидает ребенка». Ходжа Насреддин, отметив корыстолюбие соседа, возвращает казан вместе с «детищем» — маленьким казанчиком. И чтобы разоблачить злые намерения Мингбоши, Ходжа Насреддин вновь просит дать ему казан. Так и не дождавшегося очередного возврата соседу он сообщил: «Ваш казан ждал ребенка, но во время родов он умер в мученьях».

Узбекский литературовед М. Ш. Болтаева отмечает, что Насреддин умеет выходить из любой ситуации победителем с помощью слова. «Насреддин, виртуозно владея словом, нейтрализует любое свое поражение. Частые приемы Ходжи — притворное невежество и логика абсурда» (Болтаева, 2022: 90). А Юлдашева считает, что рассказы Насреддина — это противостояние «низа» — «верха». Насреддин представляет «низ», всегда одерживающий победу в конкретных бытовых ситуациях, тем самым нарушая установленный миропорядок. По ее словам, Насреддин как бы играет роль простого человека по внешнему виду, но на самом деле он точно просчитывает наперед действие вышестоящих по социальному статусу людей. Часто Насреддин ничего преднамеренно не придумывает, ему не приходится лгать, он просто подчиняется логике сложившейся социальной системы (Юлдашева, 2020: 645).

То есть, обладая способностями к аналитическому мышлению, он способен точно определить характер и психологию другого — своего противника, заранее предсказать его намерения и принять решение для ответного действия. По этому поводу турецкий литературовед Ф. Аслан отметил: «Люди могут верить в события, которые вряд ли произойдут, если они отвечают их собственным интересам. Однако они не хотят верить в те же события, если они не соответствуют их интересам» (Aslan, 2011: 45). Также турецкий фольклорист З. Байрактар писал, что Ходжа дал жизнь неодушевленному существу, приписав казану человеческие качества². Эта ситуация, противоречащая нашему восприятию и ожиданиям в повседневной жизни, породила дисгармонию, и таким образом несовместимая, неожиданная ситуация могла вызвать смех. А исследователь узбекского фольклора Э. Солмаз отмечает, что смысл, содержащиеся в шутках узбекского Насреддина Афанди важны не только с точки зрения причин смеха, но и с точки зрения ценностных суждений узбекского народа³.

В понимании узбеков, Ходжа Насреддин способен не только сочетать в себе такие качества и способности, как гуманность, мудрость, изобретательность, но и эффективно использовать и контролировать их противоположности. Вместе с тем образ Ходжи Насреддина демонстрирует идеальную комбинацию мудрости, нравственности, изобретательности и понимания особенностей человеческой природы.

Общее и различия в трёх версиях притчи о казане

Анализ упомянутых выше версий притчи о казане в фольклоре трех народов выявил следующее: главный герой — Ходжа Насреддин, второстепенный герой — сосед; предмет, который дополняется к возвращенному казану — маленький казан; победитель в споре — Ходжа Насреддин; блюдо, которое готовится в казане, — неизвестно. Во всех версиях отсутствует описание внешности персонажей, но представлены их действия. Также во всех версиях отсутствует образ соседа, обладающего такими положительными качествами, как человечность и совесть. Ни один из соседей не предложил Ходже Насреддину забрать маленький казан обратно.

¹ O‘zbek tilining izohli lug‘ati [Электронный ресурс] // Izoh.uz. URL: <https://izoh.uz/word/mingboshi> (дата обращения: 30.12.2024).

² Bayraktar Z. Mizah teorileri ve mizah teorilerine göre Nasreddin Hoca fıkralarının tahlili [Анализ идей Насреддина Ходжи с точки зрения юмористических теорий]. İzmir, Ege Üniversitesi, 2010. S. 108. (На тур. яз.)

³ Solmaz E. (2016) Özbek mizahında Nasreddin Hoca tipi ve fıkraları [Типы и идеи Насреддина Ходжи в узбекском юморе]. İzmir, Ege Üniversitesi, 2018, S. 533. (На тур. яз.)

Также определены и следующие различия. В казахской литературе Ходжа Насреддин представлен под именем Кожанасыр, а в уйгурской и узбекской — Афанди. В казахской и уйгурской версиях сосед Ходжи Насреддина богат. В этой части узбекская версия имеет свою особенность: соседом является Мингбоши, но о его материальном положении ничего не говорится. Кроме того, в казахской и узбекской версиях он берет казан взаймы, потому что к нему в дом пришел гость, в уйгурской версии цель такого действия остается неизвестной. В казахской версии казан «болеет» два дня и «умирает», а в узбекском варианте — казан «умирает» во время родов. В казахской версии в связи со смертью казана Кожанасыр выражает соболезнование его владельцу. В уйгурской версии прослеживаются религиозные мотивы.

В данном произведении «казан» является не только важным понятием в познании, быту и культуре тюркских народов, но и одним из основных элементов, определяющих социальные и материальные различия в обществе. Так как Ходжа Насреддин — представитель простых людей, он не имеет в своем хозяйстве большого казана. И по этой причине просит его у соседа или у богача. В свою очередь, образ Ходжи Насреддина символизирует человека, обладающего способностью проявлять мудрость и терпение в простых житейских ситуациях, проникать вглубь вещей, улавливать и понимать неприметные глазу детали и истины. В то же время Ходжа Насреддин хорошо знает конечную цель, натуру и психологию хозяина казана. Поэтому он не ведет открытую борьбу, а использует выгоду от сложившейся ситуации: помогая вначале соседу достичь намеченной и желанной цели, сам становится триумфатором.

Также все версии дают повод для размышлений над вопросом: являются ли действия Насреддина результатом его наивности или проявлением его изобретательности. Некоторые ученые выдвигают идею о неоднозначности образа Насреддина. Например, К. Имомов считает, что образ Афанди в узбекской литературе представлен в двух нарративах. В первом случае, Афанди обладает богатым жизненным опытом, красноречием, мудростью, любит правду и с помощью сатиры и юмора противостоит несправедливости. Во втором — Афанди забавляет людей шутками, в то время как над ним самим смеются, считая его беспечным, наивным человеком (İmımov, 1990: 217). Этому же мнения придерживается и И. Шах. Он считает, что к Насреддину относятся по-разному: «то он очень глупый, то он невероятно умен, то он обладатель мистических тайн»¹. По словам Бату, «Когда Насреддин Афанди предстает перед нами в образе глупца, мы много смеемся, но в этот момент мы также воспринимаем его мудрость»². На наш взгляд, образ Насреддина не следует рассматривать только как находчивого, иногда глуповатого и забавного персонажа. Его «нелепые действия» в некоторых ситуациях являются ярким проявлением присущей Насреддину мудрости. Он приспосабливается к сложившимся обстоятельствам, поэтому для достижения определенных целей порой ведет себя как глупый и наивный человек. В связи с этим, образ Насреддина необходимо воспринимать не только в качестве рационального, красноречивого, остроумного или наивного, глупого и смешного персонажа, опираясь на его характеристику, а больше как впитавшего в себя все эти свойства сложного и уникального героя. То есть анализировать образ Насреддина необходимо в направлении «от частного — к общему».

Мы видим, что ни в одной из версий Ходжа Насреддин не является чужим по духу, перешедшим из литературы другого народа, персонажем. Яркое проявление национального характера в его образе каждой из трех версий, на наш взгляд, можно считать одним из доказательств того, что все названные выше народы считают Ходжу Насреддина своим. И казахи, и уйгуры, и узбеки сделали из него собственного национального литературного героя. Так, по словам Фэна, «... уйгурский народ вооружил его новыми идеями и новым пониманием, приобретенными в ходе многолетней практической деятельности, сделав его героем народа» (Feng, 2007: 99). Точно так же казахский и узбекский народы через образ Насреддина стремились, начиная от повседневного быта, передать, свой многовековой опыт, мудрость, знания и понимание жизни. По мнению Карачалы, «именно благодаря ценностям

¹ Шах И. Подвиги несравненного Ходжи Насреддина. М.: Эннеагон пресс, 2009. С. 6.

² Batu K. Uygur halk mizahinin önemli tipleri (Nesirdin Ependi, Seley Çakkın, Molla Zeydin, Hisam kurban) [Важные персонажи уйгурского народного юмора (Насреддин Эфенди, Селяй Чаккан, Мулла Зейдин, Хисам Курбан)]. Antalya, Akdeniz Üniversitesi, 2018. S. 158. (на тур. яз.)

суждениям Ходжи Насреддина и универсальному содержанию повествований его принимают в каждом обществе и принимают как члена этого общества» (Karaçalı, 2017: 243).

То, что притчи о Насреддине получили широкое распространение в литературе разных народов и обществ, возможно, заключается в многогранности историй о нем, поднимающих социальные и прочие важные проблемы, а также «в его адаптивности и гибкости перед лицом контекстуальных трансформаций» (Özdemir, 2009: 593). Таким образом, Насреддин, будучи типичным для литературы определенного народа персонажем, все же постепенно усложняется и преобразовывается. Мы считаем, что различия в образах Насреддина в литературе разных народов зависят от географического положения, религии, языка, особенностей культуры, истории, традиций и образа быта этих народов. По мере того, как Насреддин входил в определенный географический регион, он вбирал в себя специфику и элементы этой страны, формировал свою «новую версию» в литературе народа, проживающего в данном регионе. Таким образом, Насреддин постепенно приобретает масштабность в тюркской и мировой литературе.

Также считаем необходимым упомянуть о том, как притча о казане была адаптирована к современным условиям. По данным Ф. Аслана, «в виртуальной культурной среде видно, что некоторые элементы в ней изменились», что «ноутбук» заменил «казан», а рожденное от ноутбука «дитя» — это теперь не маленький казан, а «веб-камера» (Aslan, 2011: 45). Несмотря на трансформацию отдельных компонентов, как и прежде, притча о Ходже Насреддине «в юмористической форме подчеркивает противоречия, не оскорбляя, но направляя человека на истинный путь, иногда удивляя и заставляя его задуматься»¹. В настоящее время истории о Ходже Насреддине «во многих культурах мира стали символом смеха и веселья» (Özdemir, 2009: 593), за которыми скрыт глубокий и серьезный по содержанию смысл.

На наш взгляд, Ходжа Насреддин является ярким представителем общего литературного наследия, традиций и знаком преемственности тюркских народов. Посредством создания таких культурных, духовных, социальных и исторических связей этот персонаж вносит существенный вклад в укрепление международной коллаборации. Он способен вобрать в себя национальные черты и характер любого сообщества. К тому же притчи о нем легко адаптируются к глобальным изменениям, различным инновационным процессам и научно-технологическим новшествам, сохраняя при этом основную идею и цель. Это главный показатель жизненной силы литературного наследия, относящегося к имени и уникальному образу Ходжи Насреддина.

Таким образом, мы видим, что Ходжа Насреддин — «национальный герой, который позволил сохранить культурные ценности и единство тюркского мира» (Öğüt-Eker, 2005: 33), «как транскультурная икона» (Sabatos, 2016: 37) он и в дальнейшем может способствовать установлению мира и братства в разных странах и сообществах.

Заключение

В результате проведенного исследования нами был рассмотрен образ Ходжи Насреддина в контексте трех версий притчи о казане тюркских народов, а именно: казахского, уйгурского и узбекского. Сравнительный анализ этих трех версий показал, что каждая версия имеет свои особенности, сходства и различия, которые непосредственно связаны со специфическими знаниями, образом жизни и религиозными взглядами этих народов. В ходе работы на примере трех версий одной притчи была дана характеристика персонажу Ходжи Насреддина, ценным качествам его личности. Также было установлено, что образы Ходжи Насреддина каждого народа не только имеют общие, но и индивидуальные черты, при этом именно последние и делают его образ более масштабным и многослойным в тюркской и мировой литературе.

Необходимо отметить, что варианты сюжета данного произведения были также найдены в татарской, кыргызской, караимской и туркменской литературе. Мы полагаем, что эти версии притчи о казане могут стать основой для проведения новых исследований в будущем. Так как дальнейшее изуче-

¹ Кая М. Ходжа Насреддин. Анекдоты и сатирические миниатюры в стихах. Астана: Фолиант, 2019. С. 5.

ние версий притчи о казане других тюркских народов позволит углубить понимание литературных и культурных контекстов, влияющих на адаптацию и изменения притчи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Болтаева, М. Ш. (2022) Образ Ходжи Насреддина как источник духовно-нравственного воспитания молодёжи // *Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture*. Vol 3. Issue 12. P. 88–91.

Гергокова, Л. С. (2019) Воплощение типических черт национального характера в образе Ходжи Насреддина в карачаево-балкарском фольклоре // *Вестник КБИГИ*. № 3 (42). С. 207–215. DOI: <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2019-3-42-207-215>

Зарифов, Х. (1970) Ўзбек фольклористикаси тарихидан. Ўзбек фольклори масалалари [Из истории узбекской фольклористики. Проблемы узбекского фольклора]. Ташкент : Фан. 264 с. (На узб. яз.)

Қасқабасов, С. (2014) Тандамалы [Избранное] : жеті томдық [в 7 томах]. Астана : Фолиант. Т. 1. Қазақтың халық прозасы. Зерттеулер [Казахская народная проза. Исследования]. 320 б. (На каз. яз.)

Қортабаева, Г. (2020) Қазақ ономастикасы: поэтонимдердің этнолингвистикалық сипаты (сатиралық-юморлық шығармалар бойынша) [Казахская ономастика: этнолингвистический характер поэтонимов (по сатирико-юмористическим произведениям)]. Алматы : Қазақ университеті. 237 б. (На каз. яз.)

Мадалиев, Я. (2010) Түркі халықтары әдебиетіндегі Қожанасыр, зерттелу мәселелері [Қожанасыр в литературе тюркских народов, проблемы исследования] // *Қазақ тілі мен әдебиеті*. № 1. С. 130–134. (На каз. яз.)

Молдатаев, К. (2007) Насреддин Хожа әңгімелерінің тақырыптары [Темы рассказов Ходжи Насреддина] // *ҚазҰУ Хабаршысы. Филология сериясы*. № 6. С. 73–77. (На каз. яз.)

Озюнель, Е. О. (2010) Ходжа Насреддин: герой чи антигерой, мудрец чи пройдисит? [Ходжа Насреддин: герой или антигерой, мудрец или пройдоха] // *Народна творчість та етнографія*. № 5. С. 90–93. (На укр. яз.)

Рахман, А. (2012) Қашғар халқ сөзлук әдәбияти. [Кашгарская устная народная литература]. Қашғар : Қашғар уйғур нәшри. Б. 292. (На уйғ. яз.)

Юлдашева, С. Т. (2020) Изучение образа Ходжи Насреддина в мировой литературе // *Молодой ученый*. № 22 (312). С. 643–647.

Adar, C. S. (2019) The most commonly used visual images in Nasreddin Hodja anecdotes and the meanings attributed to these images // *International Journal of Educational Policy Research and Review*. Vol. 6. Issue 2. P. 31–38. DOI: <https://doi.org/10.15739/IJEP RR.18.005>

Aslan, F. (2011) Sanal kültür ortamında güncellenen Nasreddin Hoca fikralari [Обновление идей Насреддина Ходжи в виртуальной культурной среде] // *Turkish Studies — International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*. Vol 6. Issue 4. P. 39–60. DOI: <https://dx.doi.org/10.7827/TurkishStudies.2801> (На тур. яз.)

Feng, X. (2007) Afanti Xinxiang: Shengming, Wenhua, Shenmei de Fuhao 阿凡提形象: 生命、文化、审美的符号 [The image of Afanti: Symbol of life, culture and aesthetics]. *Xinjiang Shifan Daxue Xuebao 新疆师范大学学报 [Journal of the Xinjiang University]*. Vol. 28. Issue 2. P. 97–100. (На кит. яз.)

İmomov, K. (1990) O`zbek xalq og`zaki ijodi [Узбекское устное народное творчество]. Taşkent : Oqıtuvçı Neşriyatı. S. 217. (На узб. яз.)

Karaçalı, M. (2017) Özbek, kirgiz, kazak, azerbaycan ve gagauz türkləri ekseninde Nasreddin Hoca fikralarının ortak paydası [Общий знаменатель идей Насреддина Ходжи у узбекских, кыргызских, казахских, азербайджанских и гагаузских тюрков] // *Avrasya Uluslararası Araştırmalar Dergisi*. Vol. 5. Issue 11. S. 242–257. (На тур. яз.). DOI: <https://doi.org/10.33692/avrasyad.509676>

Öğüt-Eker, G. (2005) Nasrettin Hodja in the Turkic World // *International Journal of Central Asian Studies*. Vol. 10. Issue 1. P. 33–53.

Özdemir, N. (2009) Sanal Kültür Ortamında Nasreddin Hoca [Насреддин Ходжа в виртуальной культурное среде]. 21. Yüzyılı Nasreddin Hoca İle Anlamak Uluslararası Sempozyum Bildirileri [Понимание XXI века через призму Насреддина Ходжи. Материалы международного симпозиума]. Atatürk Kültür Merkezi Yayınları, Ankara. S. 593. (На тур. яз.)

Sabatos, C. (2016) Nasreddin Hodja's foolish wisdom: Slavic literary adaptations of a Turkish folk hero // *World Literature Studies*. Vol. 51. Issue 1. P. 18–32.

Torusdağ, G., Aydın, İ. (2020) The power of discourse, critical discourse analysis on Nasreddin Hodja anecdotes // *Journal of Social and Humanities Sciences Research*. Vol. 7. Issue 60. P. 2888–2893. DOI: <https://doi.org/10.26450/jshsr.2118>

Дата поступления: 30.10.2024 г.

Дата принятия: 18.02.2025 г.

REFERENCES

Boltayeva, M. Sh. (2022) The image of Hodja Nasreddin as a source of spiritual and moral education of youth. *Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture*, vol. 3, no. 12, pp. 88–91. (In Russ.)

Gergokova, L. S. (2019) Embodiment of typical features of the national character in the image of Hodja Nasreddin in Karachay-Balkar folklore. *Vestnik KBIGI*, no. 3(42), pp. 207–215. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2019-3-42-207-215>

Zarifov, Kh. (1970) *From the history of Uzbek folkloristics. Issues of Uzbek folklore*. Tashkent, Fan. 264 p. (In Uzbek)

Kasqabasov, S. (2014) *Selected works: in 7 volumes. Astana, Foliant. Vol. 1. Kazakh folk prose. Studies*. 320 pp. (In Kazakh)

Kortabayeva, G. (2020) *Kazakh onomastics: ethnolinguistic features of poetonyms (based on satirical and humorous works)*. Almaty, Kazakh University. 237 p. (In Kazakh)

Madaliev, Ya. (2010) Hodja Nasreddin in the literature of Turkic peoples: research issues. *Kazaq tili men adabiet*, no. 1, pp. 130–134. (In Kazakh)

Moldatayev, K. (2007) Themes of Hodja Nasreddin stories. *KazUU Khabarshysy. Filologiya seriyasy*, no. 6, pp. 73–77. (In Kazakh)

Ozunel, E. O. (2010) Hodja Nasreddin: hero or antihero, sage or rogue? *Narodna tvorchist ta etnohrafiya*, no. 5, pp. 90–93. (In Ukrainian)

Rakhman, A. (2012) *Kashgar oral folk literature*. Kashgar, Kashgar Uyghur Publishing House. 292 p. (In Uighur)

Yuldasheva, S. T. (2020) The study of the image of Hodja Nasreddin in world literature. *Molodoy uchenyy*, no. 22 (312), pp. 643–647. (In Russ.)

Adar, C. S. (2019) The most commonly used visual images in Nasreddin Hodja anecdotes and the meanings attributed to these images. *International Journal of Educational Policy Research and Review*, vol. 6, issue 2. P. 31–38. DOI: <https://doi.org/10.15739/IJEP.18.005>

Aslan, F. (2011) Updating Nasruddin Hodja's ideas in a virtual cultural environment. *Turkish Studies – International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*, vol 6, issue 4, pp. 39–60. (In Turkish). DOI: <https://dx.doi.org/10.7827/TurkishStudies.2801>

Feng, X. (2007) 阿凡提形象：生命、文化、审美的符号 [The image of Afanti: Symbol of life, culture and aesthetics]. *Journal of the Xinjiang University*, vol. 28, issue 2, pp. 97–100. (In Chinese)

İmomov, K. (1990) *Uzbek oral folk art*. Taşkent, Okıtuvçı Neşriyatı. 217 p. (In Uzbek)

Karaçalı, M. (2017) The common denominator of Nasreddin Hodja's ideas among Uzbek, Kyrgyz, Kazakh, Azerbaijani and Gagauz Turks. *Avrasya Uluslararası Araştırmalar Dergisi*, vol. 5, issue 11, pp. 242–257. (In Turkish). DOI: <https://doi.org/10.33692/avrasyad.509676>

Öğüt-Eker, G. (2005) Nasrettin Hodja in the Turkic World. *International Journal of Central Asian Studies*, vol. 10, issue 1, pp. 33–53.

Özdemir, N. (2009) Nasreddin Hodja in a virtual cultural environment. In: *21. Understanding the 21st century through the prism of Nasruddin Hodja. Proceedings of the International Symposium*. Atatürk Kültür Merkezi Yayınları, Ankara. Pp. 593. (In Turkish).

Sabatos, C. (2016) Nasreddin Hodja's foolish wisdom: Slavic literary adaptations of a Turkish folk hero. *World Literature Studies*, vol. 51, issue 1, pp. 18–32.

Torusdağ, G. and Aydın, İ. (2020) The power of discourse, critical discourse analysis on Nasreddin Hodja anecdotes. *Journal of Social and Humanities Sciences Research*, vol. 7, issue 60, pp. 2888–2893. DOI: <https://doi.org/10.26450/jshsr.2118>

Submission date: 30.10.2024.

Acceptance date: 18.02.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.2.19

Статья

Историко-поэтический подкорпус Национального корпуса казахского языка

**Айнур А. Сейтбекова, Анар М. Фазылжан, Асел К. СейдаMAT,
Мадина К. Абаева, Айкерим Мурсал**

Институт языкознания имени А. Байтурсынулы, Республика Казахстан

В статье анализируются ключевые аспекты оцифровки образцов устного народного творчества казахского народа XV–XIX вв., написанных на арабской графике, и их интеграция в Национальный корпус казахского языка (НККЯ). Данная работа составляет первый этап создания историко-поэтического подкорпуса НККЯ. В ходе исследования проведён сравнительный анализ существующих поэтических подкорпусов на других языках (русский, чешский, башкирский и персидский), что позволило выявить наиболее эффективные методы и подходы для создания казахского подкорпуса.

Важным результатом работы стало создание модели метатекстовой разметки, включающей 28 параметров, с учётом специфики казахской поэзии. Были определены ключевые элементы казахского стиха: структура строф, количество слогов, рифмы и стопы. Разработанная разметка позволяет точно отражать поэтические особенности текстов и учитывать влияние восточной литературы и народных жанров на развитие казахской поэтической традиции. Одной из важных инноваций стала семантическая разметка устаревших слов.

Представлена разработка интерфейса подкорпуса, который даёт возможность пользователям исследовать поэтические произведения в арабской графике и их транскрибированные варианты на кириллице. Это делает подкорпус ценным инструментом для лингвистических и литературных исследований.

Ключевые слова: поэтический подкорпус; метатекстовая разметка; арабская графика; письменность; текстовая база; казахский язык; казахская поэзия; Национальный корпус казахского языка

Исследование проводилось в рамках работ, поддержанных программно-целевым финансированием Министерства науки и высшего образования РК, проект ИРН BR21882249 «Совершенствование Национального корпуса казахского языка (НККЯ) как средства межкультурной коммуникации и расширение его подкорпусов».

Для цитирования:

Сейтбекова А. А., Фазылжан А. М., СейдаMAT А. К., Абаева М. К., Мурсал А. Историко-поэтический подкорпус Национального корпуса казахского языка // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 312-338. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.19>

Сейтбекова Айнур Аташбеккызы — кандидат филологических наук, заведующая отделом истории языка и тюркологии Института языкознания имени А. Байтурсынулы. Адрес: Республика Казахстан, г. Алма-Ата, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: ainurseit@mail.ru

Фазылжан Анар Мураткызы — кандидат филологических наук, директор Института языкознания имени А. Байтурсынулы. Адрес: Республика Казахстан, г. Алма-Ата, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: nar20@bk.ru

СейдаMAT Асел Казбеккызы — докторант, младший научный сотрудник отдела истории языка и тюркологии Института языкознания им. А. Байтурсынулы. Адрес: Республика Казахстан, г. Алма-Ата, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: assel.seidamat@gmail.com

Абаева Мадина Кабылкызы — кандидат филологических наук, заведующая отделом психолингвистики Института языкознания имени А. Байтурсынулы. Адрес: Республика Казахстан, г. Алма-Ата, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: madina-258@mail.ru

Мурсал Айкерим — докторант, младший научный сотрудник отдела истории языка и тюркологии Института языкознания имени А. Байтурсынулы. Адрес: Республика Казахстан, г. Алма-Ата, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: aigerimmursal@mail.ru

Historical and Poetic Subcorpus of the National Kazakh Language Corpus

**Ainur A. Seitbekova, Anar M. Fazylzhan,
Asel K. Seydamat, Madina K. Abaeva, Aykerim Mursal**

The Institute of Linguistics named after Akhmet Baitursunuly, Republic of Kazakhstan

The article analyzes the key aspects of digitizing the samples of Kazakh oral folk literature from the 15th to 19th centuries, originally written in Arabic script, and their integration into the National Corpus of the Kazakh Language (NCKL). This work constitutes the first stage in the creation of a Historical and Poetic Subcorpus of the NCKL. As part of the study, a comparative analysis of existing poetic subcorpora in other languages (Russian, Czech, Bashkir, and Persian) was conducted, allowing for the identification of the most effective methods and approaches for developing the Kazakh subcorpus.

A significant outcome of the project is the development of a metatextual annotation model comprising 28 parameters that consider the specifics of Kazakh poetry. Key elements of Kazakh verse were identified, including stanza structure, syllable count, rhyme schemes, and metrical feet. The annotation system developed enables an accurate representation of the poetic features of the texts while accounting for the influence of Eastern literature and folk genres on the evolution of the Kazakh poetic tradition. One of the important innovations introduced is the semantic annotation of archaic vocabulary.

The article also presents the design of the subcorpus interface, which allows users to explore poetic works in their original Arabic script alongside their transcribed Cyrillic versions. This makes the subcorpus a valuable tool for linguistic and literary research.

Keywords: poetic subcorpus; metatextual annotation; Arabic script; writing system; text database; Kazakh language; National Corpus of the Kazakh Language

Financing

The research paper was obtained within the framework of the program BR 21882249 "Improvement and Expansion of the Subcorpus of the National Corpus of the Kazakh Language as a Means of Intercultural Communication".

For citation:

Seitbekova A. A., Fazylzhan A. M., Seydamat A. K., Abaeva M. K. and Mursal A. Historical and Poetic Subcorpus of the National Kazakh Language Corpus. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 312-338. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.19>

SEITBEKOVA, Ainur Atashbekkyzy, Candidate of Philology, Head, Department of History of Language and Turkology, The Institute of Linguistics named after Akhmet Baitursunuly. Postal address: 29 Kurmangazy St., Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: ainurseit@mail.ru **ORCID: 0000-0003-4268-1572**

FAZYLZHAN, Anar Muratkyzy, Candidate of Philology, Director, The Institute of Linguistics named after Akhmet Baitursunuly. Postal address: 29 Kurmangazy St., Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: nar20@bk.ru **ORCID: 0000-0002-0562-4846**

SEIDAMAT, Assel Kazbekkyzy, Doctoral Student, Junior Researcher, Department of History of Language and Turkology, The Institute of Linguistics named after Akhmet Baitursunuly. Postal address: 29 Kurmangazy St., Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: assel.seidamat@gmail.com **ORCID: 0009-0001-0471-3249**

 ABAYEVA, Madina Kabylykyzy, Candidate of Philology, Head, Department of Psycholinguistics, The Institute of Linguistics named after Akhmet Baitursunuly. Postal address: 29 Kurmangazy St., Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: madina_abaeva@mail.ru **ORCID: 0000-0001-6463-9354**

MURSAL, Aikerim, Doctoral Student, Junior Researcher, Department of History of Language and Turkology, The Institute of Linguistics named after Akhmet Baitursunuly. Postal address: 29 Kurmangazy St., Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: aigerimmursal@mail.ru **ORCID: 0000-0001-8035-4236**

Введение

Языковой корпус — крупная лингвистическая база, обеспеченная полной и удобной разметкой — широко используется во многих странах мира как вспомогательный инструмент, проливающий свет на множество вопросов, связанных с развитием языка. В свою очередь, корпус требует постоянных изысканий и кропотливой работы лингвистов и программистов: необходимо пополнять и совершенствовать корпусную базу согласно запросам современных пользователей. Профессор А. Жубанов, основоположник казахской прикладной лингвистики, отмечает следующее о важности и необходимости автоматизации текстов на казахском языке: «Определение стилевых, структурных, семантических, функциональных характеристик казахских текстов — это одна из актуальных проблем. Поэтому создание компьютерной базы автоматизированных текстов на казахском языке — проблема, имеющая и научную, и практическую ценность» (Жубанов, 2010: 191).

С учетом современных возможностей цифровых технологий и направлений и темпа развития науки, с целью повышения стойкости языка и укрепления государственного авторитета казахского языка в 2016 г. в Институте языкознания им. Ахмета Байтурсынова под руководством А. М. Фазылжан была начата разработка¹ Национального корпуса казахского языка (далее — НККЯ). В настоящее время НККЯ² — это обширный корпусный ресурс, который доступен для широкой публики (Жаңабекова, 2017; Жаңабекова, Пирманова, Карбозова, 2020; Фазылжан, 2023). Он состоит из нескольких подкорпусов: терминологического, диалектологического, культурно-репрезентативного, параллельного и др. Каждый подкорпус имеет собственные функциональные и лингвистические особенности. Существование обширной, систематизированной, аннотированной, адаптивной базы эмпирических материалов — незаменимая помощь при повышении качества исследований в гуманитарной сфере для специалистов, изучающих историю, культуру и литературу казахского языка. Так, терминологический подкорпус обеспечивает научное исследование и нормализацию специализированной лексики, что особенно важно для стандартизации терминологии в условиях технологического и научного прогресса. Диалектологический подкорпус необходим для изучения географического варьирования казахского языка, позволяя фиксировать диалектные особенности и динамику их изменений. Культурно-репрезентативный подкорпус включает тексты, отражающие национальное языковое сознание, традиции и ментальные особенности, что играет ключевую роль в этнолингвистических исследованиях. Таким образом, расширение числа подкорпусов отвечает потребностям современной лингвистики, социолингвистики и цифровой гуманитаристики, обеспечивая комплексный анализ языка в его различных проявлениях.

Расширение Национального корпуса казахского языка за счет историко-поэтического подкорпуса обусловлено не только общими технологическими возможностями и социальными задачами, но, прежде всего, конкретными научными потребностями, выявленными в процессе использования корпуса: необходимостью изучения эволюции казахского языка (для исследования исторической динамики, архаизмов, диалектизмов и трансформации литературных норм); недостатком данных для корпусной лингвистики (поэтические и исторические тексты демонстрируют особенности синтаксиса, метафоры и стилистики, которые не были адекватно представлены в основном корпусе); определенными запросами исследователей (в ходе работы над корпусом ученые, филологи и лингвисты неоднократно указывали на нехватку специализированных данных для анализа влияния устной традиции, эпоса и классической поэзии на современный язык); необходимостью поддержки инструментов укрепления национальной идентичности казахов.

Историко-поэтический подкорпус, добавленный в состав подкорпусов в 2023 г.³, охватывает лингвистическую информацию из письменного наследия казахского языка (на основе арабской графики), особенностей письма, авторских рукописей, лексики, традиционной казахской речи, структуры

¹ Исследование проводилось в рамках работ, поддержанных грантом Министерства науки и высшего образования РК ИРН BR21882249 «Совершенствование Национального корпуса казахского языка (НККЯ) как средства межкультурной коммуникации и расширение его подкорпусов».

² Национальный корпус казахского языка. Главная страница [Электронный ресурс] // Национальный корпус казахского языка. URL: <https://qazcorpus.kz/?lang=ru> (дата обращения: 25.02.2025).

³ Историко-поэтический корпус Национального корпуса казахского языка. Главная страница [Электронный ресурс] // Историко-поэтический корпус Национального корпуса казахского языка. URL: https://qazcorpus.kz/_tarihi-poetikalyq-ishkorpus/index.php?soz=%D1%81%D3%A9%D0%B7 (дата обращения: 25.02.2025).

стихосложения, искусства слова, стиля, устойчивых оборотов. Наличие историко-поэтических корпусов в национальных корпусах позволяет поднять на новый уровень с качественной и статистической точки зрения исследовательские работы, связанные междисциплинарным подходом.

Актуальность данного вида подкорпуса представлена и в обзоре изменений Национального корпуса русского языка, где отмечено, что «пополнение Поэтического корпуса включало в себя тексты поэтов второй половины XX в., а также большую коллекцию русских переводов античной поэзии: “Илиаду” Гомера в переводе Н. И. Гнедича, “Энеиду” Вергилия переводах В. Я. Брюсова и С. М. Соловьева и сатиры Горация в переводе А. А. Фета» (Савчук и др., 2024: 11).

На данный момент, в состав историко-поэтического подкорпуса Национального корпуса казахского языка включены поэтические тексты XV–XIX вв. Выбор данного временного периода обусловлен рядом объективных научных факторов. Во-первых, сохранилось значительное количество письменных источников этого времени, что обеспечивает репрезентативность языкового материала. Во-вторых, рукописи поэтических произведений XV–XIX вв. хорошо документированы, исследованы и доступны для анализа, что позволяет проводить их систематизированное включение в корпус. Кроме того, поэзия этих столетий представляет собой важнейший пласт казахского литературного наследия, оказывая влияние на дальнейшее развитие языка, его поэтические и риторические традиции. Таким образом, на этом этапе формирования подкорпуса приоритет был отдан материалу, который сочетает высокую степень сохранности, лингвистическую и культурную значимость, а также доступность для включения в корпус.

Включение историко-поэтического подкорпуса в Национальный корпус казахского языка представляется важным шагом в сохранении и изучении как прошлого, так и настоящего казахского языка. Этот подкорпус станет уникальным источником, отражающим богатую духовную культуру, риторику и поэтическое искусство, что представляет собой бесценное наследие для исследователей и будущих поколений. В связи с этим, в январе 2023 г., в рамках программно-целевого финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН BR21882249) по проекту «Совершенствование Национального корпуса казахского языка (НККЯ) как средства межкультурной коммуникации и расширение его подкорпусов» на период 2023–2025 гг., началась работа по созданию историко-поэтического подкорпуса казахского языка.

Цель настоящей работы — описать проект создания историко-поэтического подкорпуса Национального корпуса казахского языка, содержащий образцы устного народного творчества XV–XIX вв. В ходе исследования нами решались следующие задачи: 1) составить хронологизацию казахской поэзии и составить характеристики ее этапов; 2) проанализировать опыт разработки поэтических корпусов на таких языках, как русский, башкирский, чешский и персидский; 3) описать трудности, возникшие при лингвотекстологической работе с оцифрованными рукописями, особенно ошибки транскрибирования арабографических текстов на кириллицу; 4) определить параметры разработки сетки метаразметки, максимально отражающей информацию о поэтических текстах данного периода; 5) проанализировать и определить поэтические параметры, отражающие особенности казахского стиха; 6) представить семантическую разметку и разработать интерфейс историко-поэтического подкорпуса.

В качестве материала исследования послужили научные труды, посвящённые созданию поэтических корпусов и сам процесс формирования подкорпуса историко-поэтических текстов НККЯ, ведущими разработчиками которого являлись авторы статьи. В том числе теоретические труды создателей Национального корпуса казахского языка А. Жубанова (Жұбанов, 2016; Жұбанов, Жаңабекова, 2017), А. Жанабековой (Жанабекова, 2013; Жаңабекова, Кожахметова, 2021), А. М. Фазылжан (Фазылжан, 2023), исследователей поэтического корпуса русского языка Е. А. Гришиной (Гришина и др., 2009), К. М. Корчагина (Корчагин, 2015), В. А. Плунгяна (Плунгян, 2014), Д. В. Сичиनावы (Сичинава, 2012) стали основой нашего исследования. Также при определении поэтической метаразметки мы руководствовались трудами А. Байтұрсынова (Байтұрсынов, 2003), Ч. Ч. Валиханова (Валиханов, 1986), Р. Сыздыковой (Сыздыкова, 1970), К. Омирәлиева (Өмірәлиев, 2010), З. Ахметова (Ахметов, 1973), З. Базарбаевой (Базарбаева, 2008), К. Жанабаева (Жанабаев, 2014; Жанабаев, Ислямова, Сейітбекова, 2022), и пр.

В процессе исследования по формированию поэтического корпуса и анализу международного опыта в данной области осуществляется описание, сравнительный анализ исследования текстов наци-

ональной литературы, написанных на кириллице и латинице, с использованием лингвотекстологических и поэтических параметров метатекстовой разметки поэтических текстов, описание историко-сравнительных методов, сравнительный анализ поэтических параметров, контекстный анализ семантических характеристик и формирование базы исторических поэтических текстов и их классификация с использованием метода систематизации.

Источниками для создания историко-поэтического подкорпуса послужили литературное и культурное наследие казахского народа, поэтические образцы устного народного творчества (повествовательные дастаны, религиозные дастаны, героический эпос, лирический эпос, героические дастаны, айтысы, стихи назидания и пр.). Источниками подкорпуса послужил фонд Научно-инновационного центра «Рукопись и фольклористика» при Институте литературы и искусства имени М. О. Ауэзова¹.

Хронологизация казахской поэзии

В связи с тем, что данный подкорпус представляет собой историко-поэтический подкорпус, целесообразно остановиться на особенностях и хронологизации казахской поэзии.

Казахская народная поэзия является неотъемлемой частью казахской литературы и представляет собой духовное и культурное наследие народа. Эта традиция восходит к древним временам существования тюркоязычных племен. Основу народного фольклора и поэзии составляют их сказки, легенды и пословицы. Казахская народная поэзия, уходящая корнями в глубь веков, является синкретическим явлением, тесно переплетающимся с устной литературой, музыкой и фольклором. Это наследие передавалось из поколения в поколение, пережив многие исторически значимые периоды, и сохранилось до наших дней в виде рукописей, выполненных в различных формах каллиграфии. Также важно отметить, что лексический состав поэтических произведений, дошедших до наших дней, включает в себя значительное количество древнетюркских, среднетюркских и арабopersидских слов. Это отражает письменную взаимосвязь различных культур в разные исторические эпохи. В периоды расцвета тюркских цивилизаций в Средней Азии, период существования Тюркского каганата (VI–VIII вв.) общепринятым письменным языком был тюркский (Гумилев, 1999). Однако, начиная с X в., с распространением ислама в этот регион, арабский и персидский языки начали оказывать сильное влияние на литературные и научные тексты (Суворов, 2015). В результате этих изменений лексика произведений обогатилась заимствованиями из арабского и персидского языков, что стало отражением новой культурной и религиозной среды. Этот процесс демонстрирует, как менялись и взаимодействовали языковые традиции через письменные системы, создавая уникальные многослойные тексты, которые сохранились до наших дней.

Поэтому эти рукописи являются важным источником для изучения казахской поэзии, а также истории языка и культуры народа.

Особенно важным является выделение периодов, в которые сохранились рукописи казахской поэзии. Периодизация рукописей отражает эволюцию не только литературных жанров, но и изменений в письменных традициях и графических системах. Это позволяет исследователям более точно установить временные рамки создания поэтических произведений и выявить особенности каждого этапа, начиная с древней казахской поэзии, связанной с устным народным творчеством, и заканчивая поздними письменными образцами. Периодизация казахской поэзии тесно связана с общей периодизацией казахской литературы, поскольку поэзия является одной из ключевых форм литературного выражения.

В периодизации казахской литературы мы основываемся на трудах авторитетных исследователей, таких как Х. Суюншалиев (Суюншалиев, 1983), А. Кыраубаева (Кыраубаева, 1999), Н. Келимбетов (Келимбетов, 1991) и М. Жолдасбеков (Жолдасбеков, 1990), которые считают началом истории казахской литературы древнетюркский период V–VII вв. Данные ученые аргументируют свою позицию тем, что именно в этот период зарождаются основы казахской письменности и поэтической традиции, что отражается в фольклоре и древних текстах, сохранившихся в письменной форме. Далее по

¹ Научно-инновационный центр «Рукопись и фольклористика». Главная страница [Электронный ресурс] // Научно-инновационный центр «Рукопись и фольклористика». URL: <https://litart.kz/> (дата обращения: 13.11.2024).

хронологической периодизации казахской литературы следует Исламский период (X–XII вв.), за ним период Золотой Орды или кыпчакский период (XII–XIV вв.). Затем идет литература эпохи Казахского ханства (XV–XVIII вв.), литература первой половины XIX в., литература второй половины XIX в., и заканчивается период литературой начала XX в. (Жумагулов, 2012).

В связи с этим, полноценную текстовую базу, планируемую для ввода в историко-поэтический подкорпус, можно разделить на несколько хронологических периодов, отражающих этапы развития казахской поэзии. Такой подход позволит систематизировать материалы и обеспечить более глубокое понимание их историко-культурного контекста. Поэтому составители поэтического подкорпуса казахского языка, в соответствии с указанными этапами развития казахской литературы, обозначили эти периоды следующим образом:

1. Древнетюрская поэзия V–IX вв.,
2. Средневековая поэзия X–XIV вв.,
3. Староказахская поэзия XV–XIX вв.,
4. Казахская поэзия XX–XXI вв.

На первом этапе (2023–2025 гг.) разработки базы историко-поэтических текстов были охвачены староказахские поэтические произведения XV–XIX вв. Этот период выбран из-за большого объема сохранившихся текстов и их ключевой роли в развитии казахской поэзии. В этих произведениях ярко проявляется мастерство стихосложения, что делает их особенно важными для анализа поэтической традиции. Кроме того, они хронологически ближе и понятнее современным пользователям корпуса. Фокус на этом этапе позволяет систематизировать материал и заложить основу для последующего расширения подкорпуса с добавлением более древних текстов.

Обзор корпусов

На сегодняшний день известно несколько примеров поэтических корпусов, доступных широкой публике. К ним относятся поэтические корпуса: башкирского языка¹, русского языка², чешского языка³, персидского языка⁴, и др.

Среди них одним из крупнейших электронных подкорпусов, имеющим большие размеры и имеющее особое поэтическое обозначение, является поэтический подкорпус русского языка, состоящий из 13 миллионов словоупотреблений. Работа по созданию Поэтического подкорпуса русского языка осуществлялась группой Института русского языка Российской академии наук (далее — ИРЯ РАН) под руководством В. А. Плунгяна, корпус был открыт для свободного доступа в декабре 2006 г. (Гришина и др., 2009). Тексты данного поэтического подкорпуса состоят из двух систем разметки. Во-первых, это лингвистическая разметка общего корпуса (грамматическая, морфологическая и пр.), а во-вторых, это поэтическая разметка, обозначающая структурные особенности стихотворений и предназначенная для литературоведов и лингвистов (метр, длительность строки, клаузула, строфа, рифма и т. д.) (Сичинава, 2012).

Поисковая система в интерфейсе русского поэтического подкорпуса позволяет найти не только отдельные слова и словоупотребления, встречающиеся в стихотворениях, но также предоставляет возможность поиска по таким структурным стихотворным параметрам, как *метр*, *строфа*, *клаузула*. Источник текстов в корпусе — тексты, предоставленные П. М. Нерлером, издательством «Академический проект», а также проектами «Русская виртуальная библиотека» и «Фундаментальная

¹ Башкирский поэтический корпус [Электронный ресурс] // Башкирский поэтический корпус. URL: <http://webcorpora.net/bashcorpus/search/> (дата обращения: 21.11.2024).

² Поэтический корпус русского языка. Главная страница [Электронный ресурс] // Поэтический корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/corpus/poetic?search=CgQuAggJMAE=> (дата обращения: 19.11.2024).

³ Корпус чешского стиха. Главная страница [Электронный ресурс] // Корпус чешского стиха. URL: <https://lindat.mff.cuni.cz/services/teitok-live/czechverse/> (дата обращения: 21.11.2024).

⁴ Персидский поэтический корпус [Электронный ресурс] // Персидский поэтический корпус. URL: https://linghub.ru/persian_poet_corpus/# (дата обращения: 21.11.2024).

⁵ Поэтический корпус русского языка. О корпусе [Электронный ресурс] // Поэтический корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/corpus/poetic?search=ChIqDAoICAAQChgyIApACjICCAk=> (дата обращения: 19.11.2024).

электронная библиотека»⁵. Также составители поэтического подкорпуса русского языка опирались на труды известного ученого, исследователя русской поэтики М. Л. Гаспарова (Гаспаров, 1974, 2002, 2013) при определении условий сбора текстов в корпусную базу (Орехов, 2015: 113–127).

В результате обозначены следующие требования, предъявляемые к текстам:

1. Авторские произведения, вносимые в поэтический подкорпус, должны входить в крупные книжные серии, содержащие издания русской поэзии и фольклора, как «Библиотека поэта»;
2. По авторским произведениям, вносимым в поэтический подкорпус, должны существовать исследования;
3. Для авторских произведений последних 50-ти лет, вносимых в подкорпус, должна существовать литературная критика (Корчагин, 2015).

На основе приведенных параметров, составители проводят тщательный отбор поэтических произведений. Это в первую очередь позволяет наиболее полно охватить произведения XVIII–XXI вв., вносимые в корпусную базу, и в результате составить базу отборных текстов.

Мы полагаем, что наличие чётких критериев отбора текстов является одним из ключевых преимуществ поэтического подкорпуса. По нашему наблюдению, особенностью этого подкорпуса является продвинутая метатекстовая разметка, которая охватывает:

- лексико-грамматическую информацию;
- маркировку ритмических и метрических особенностей стихотворений;
- разметку поэтических фигур, таких как аллитерации, рифмы, строфические формы и другие литературные приёмы (Сейтбекова, Елесбай, 2024).

Важным аспектом также является исторический контекст: в подкорпусе уделяется особое внимание изменениям языка и стиля на протяжении времени. Это позволяет исследователям проследить эволюцию поэтического языка на различных этапах его развития и изучать язык в динамике.

Таким образом, методологический подход русского поэтического подкорпуса направлен на детализированную разметку всех ключевых элементов поэтического текста. Это способствует более глубокому изучению как формальных, так и содержательных аспектов поэзии, а также изменений языка и стиля в историческом контексте.

Следующий поэтический корпус, имеющий лингвистическую (морфологическую) и поэтическую (метрическую) разметку текстов — это поэтический корпус башкирского языка. Данный корпус был создан в Башкирском государственном университете коллективом исследователей под руководством Б. В. Орехова в 2012–2013 гг. (Орехов, 2019а). Поэтический корпус башкирского языка на момент написания статьи охватывает около 17 тысяч поэтических произведений 101 поэта, написанных в XX–XXI вв., в целом содержащий 1,8 млн словоупотреблений¹. Поиск текстов поэтического корпуса возможен с использованием лексико-грамматических и поэтических обозначений.

На наш взгляд, можно выделить следующие особенности поэтического подкорпуса башкирского языка:

- учёт агглютинативной природы башкирского языка в разметке. Башкирский язык относится к агглютинативным, то есть слова образуются путём последовательного присоединения аффиксов, что существенно влияет на морфологическую и синтаксическую структуру текста. В разметке необходимо учитывать каждую добавленную морфему, так как она может менять значение или грамматическую функцию слова;
- фокус на традиционных формах башкирской поэзии (например, *кыска йыр*, тюркские формы стихосложения). В подкорпусе особое внимание уделено классическим поэтическим формам, таким как *кыска йыр* ‘короткие песни’ и традиционные тюркские стихотворные формы. Это позволяет детально исследовать структуру стихосложения и ритмические особенности башкирской поэзии. Учет специфики метрического строя этих форм имеет ключевое значение для их анализа;
- семантическая и ритмическая разметка, отражающая музыкальные элементы, что особенно важно для эпических произведений. Ритмическая разметка является важным компонентом анализа,

¹ Башкирский поэтический корпус. Главная страница [Электронный ресурс] // Башкирский поэтический корпус. URL: <http://webcorpora.net/bashcorpus/search/> (дата обращения: 21.11.2024).

особенно для произведений, связанных с музыкальной традицией и устной эпической поэзией (например, баиты и эпические песни). Для точного анализа таких текстов необходимо учитывать ритмическую и мелодическую структуру произведений. Семантическая разметка также играет важную роль, помогая отразить культурные и исторические контексты, которые являются неотъемлемой частью содержания поэтических произведений.

Таким образом, поэтический подкорпус башкирского языка предоставляет уникальные возможности для всестороннего исследования башкирской поэтической традиции, её ритмических, лингвистических и культурных особенностей, а также её связи с устным народным творчеством.

Корпус чешского стиха (Corpus of Czech Verse) охватывает поэтические произведения на чешском языке, написанные в XIX–XX вв. В настоящее время корпус содержит почти 1700 поэтических сборников (почти 80 000 стихотворений, более 2,5 миллионов стихотворных строк). В создании корпуса чешского стиха участвовали исследователи Чешского литературного института, и первый период работы был завершён в 2013 г. (Plecháč, Kolár, 2015). В интерфейсе данного корпуса каждой словоформе в базе поэтического корпуса присвоена фонетическая транскрипция, определена поэтическая разметка в соответствии с грамматической категорией и структурными особенностями каждого произведения. На основе базы поэтического корпуса чешского языка создано приложение «Эвфонометр», позволяющее определить фонетическую мелодику чешских стихотворений (там же).

Корпус чешского стиха может быть незаменимым инструментом для исследователей языка поэзии при разработке области поэтики, рассматривающей мелодику звука.

Поэтический корпус персидского языка (опубликован в 2020 г.) — на данный момент один из самых молодых поэтических корпусов по времени создания и по объёму (Орехов, Степина, 2022). Корпус создан Б. В. Ореховым и Д. С. Степиной. Предварительная морфологическая разметка произведена Т. Л. Кононовой. Сегодня база данных корпуса включает 16842 поэтических произведения, охватывающих период с IX–XVII вв. База постоянно пополняется. Общая поэтическая база корпуса на момент написания статьи составляет 4,3 миллиона слов. Авторы корпуса особенно отмечают жанровое разнообразие корпуса, включающее в себя до 15 наименований (*газели, касыды, маснави, рубаи* и т. п.). Тексты персидского поэтического корпуса имеют морфологическую и поэтическую метрическую систему обозначений. По результатам изучения данного корпуса можно сказать, что одним из безусловных преимуществ метаразметки текста является транскрипция и перевод (с персидского на английский) каждого слова в стихах. Он представляет собой незаменимое вспомогательное средство для исследователей персидской поэзии и персидского языка, для востоковедов и тюркологов.

Исследуя опыт создания поэтических корпусов в современной корпусной лингвистике, мы также проанализировали следующие корпусные базы: полный корпус англосаксонской поэзии¹; корпус древнеанглийской поэзии (по анализу Йорк-Хельсинки)²; базу эстонских рунических стихотворений³; поэтический корпус тувинского языка⁴, представленный поэтическими текстами тувинских писателей из литературного альманаха «Улуг-Хем» и других источников (Ш. М. Куулар «Собрание стихов», А. А. Даржай «Игил ызы»). Однако в результате сравнения указанных образцов корпусов с поэтическими корпусами русского, башкирского и персидского языков было выявлено, что вышеуказанные образцы не охватывают результаты поэтического анализа и являются не более чем базами данных, представленных в виде коллекции систематизированных поэтических произведений, принадлежащих к определенному временному периоду или жанру.

Исследование опыта создания поэтических корпусов для русского, башкирского, чешского и персидского языков показывает, что подходы к разработке корпуса должны учитывать уникальные лингвистические и культурные особенности каждого языка.

¹ The Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry. Главная страница [Электронный ресурс] // The Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry. URL: <https://sacred-texts.com/neu/ascp/> (дата обращения: 21.11.2024).

² The York-Helsinki Parsed Corpus of Old English Poetry. Главная страница [Электронный ресурс] // The York-Helsinki Parsed Corpus of Old English Poetry. URL: <https://www-users.york.ac.uk/~lang18/pcorpus.html> (дата обращения: 23.11.2024).

³ The database of Estonian runic songs. Главная страница [Электронный ресурс] // The database of Estonian runic songs. URL: <https://www.folklore.ee/regilaul/introduction> (дата обращения: 23.11.2024).

⁴ Электронный корпус тувинского языка. Главная страница [Электронный ресурс] // Электронный корпус тувинского языка. URL: <https://tuvancorpus.ru/?q=content/korpusy> (дата обращения: 23.11.2024).

Применяя этот опыт к казахскому языку, были выделены следующие ключевые аспекты, которые позволили создать историко-поэтический подкорпус, способствующий всестороннему исследованию казахской поэзии:

Агглютинативная природа казахского языка. Как и в башкирском корпусе, агглютинативная природа казахского языка требует разметки, которая позволит учитывать аффиксацию на морфологическом уровне. Это облегчит анализ синтаксической структуры и грамматических функций слов, создавая условия для точного исследования текстов;

Метрика и ритмика в традиционных формах. Важным элементом, аналогичным русскому и башкирскому, чешскому, персидскому корпусам, является акцент на метрических и ритмических особенностях текстов. В казахском корпусе следует обеспечить разметку, отражающую ритмические структуры традиционных форм стихосложения, таких как *айтысы*, *жыры* и *терме*, что позволит исследователям глубже анализировать эти формы с точки зрения поэтической структуры;

Жанровое и стилистическое разнообразие. Опыт персидского, чешского корпуса подчеркивает важность жанровой классификации, особенно при включении перевода текстов. Казахский поэтический корпус может включать разнообразные жанры, такие как *жыр*, *терме*, *дастан* и эпические произведения. Это позволит выделить уникальные особенности казахской поэзии и её взаимосвязь с традиционной литературной и устной культурой;

Семантическая разметка и исторический контекст. Как и в русском корпусе, семантическая разметка с учётом исторического контекста является необходимой для анализа культурных и исторических элементов. В казахском корпусе это позволит не только исследовать язык и стиль в динамике, но и проследить изменения, связанные с историческим развитием, создавая условия для исследований в области культурологии и исторической лингвистики.

Созданный на основе выделенных рекомендаций историко-поэтический подкорпус казахского языка даёт возможность исследователям доступ к инструменту, способствующему не только изучению формальных и содержательных аспектов казахской поэзии, но и углубленному пониманию её культурного значения. Примеры русского, башкирского, чешского и персидского корпусов демонстрируют, что продвинутая лексико-грамматическая, метрическая и семантическая разметка, дополненная жанровой классификацией, создаёт основу для межкультурных исследований и помогает в сохранении и изучении культурного наследия через призму языка и поэзии.

Лингвотекстологическая работа с оцифрованными рукописями

подавляющее большинство старо-казахских поэтических произведений XV–XIX вв. было записано арабской графикой и в настоящее время хранится в Научно-инновационном центре «Рукопись и фольклористика» при Институте литературы и искусства имени М. О. Ауэзова¹. Эти рукописи представляют собой важный источник для изучения казахской поэтической традиции, и их сохранность позволяет провести лингвотекстологический анализ, а также внести их в текстовую базу историко-поэтического подкорпуса для дальнейших исследований. За годы независимости, в период с 2004 по 2013 г., специалисты Института литературы и искусства им. М. Ауэзова в рамках государственной программы «Культурное наследие» подготовили 100 томов фольклорного наследия и представили его широкой публике в серии «Слова предков» («Бабалар сөзі»). Разработчики многотомной серии в предисловии к первому тому указывают на несколько причин, по которым некоторые поэтические образцы устной литературы, сохранившиеся в виде рукописей, не были ранее опубликованы. Во-первых, они не соответствовали общественным и идеологическим интересам. Во-вторых, характер фольклорных произведений не был учтён, и их не публиковали из-за требований, предъявляемых к письменной литературе. Опубликованные тексты часто подвергались сокращению и редактированию из-за строгого политико-идеологического цензурного контроля². Сегодня эти издания, вышедшие многотомной серией, стали богатым исследовательским материалом для лингвистов.

¹ Научно-инновационный центр «Рукопись и фольклористика». Алтын қор цифровые ресурсы [Электронный ресурс] // Научно-инновационный центр «Рукопись и фольклористика». URL: <https://litart.kz/> (дата обращения: 13.11.2024).

² Бабалар сөзі [Слова предков] : в 100 т. / под ред. С. Қасқабасова, С. Қирабаева. Астана: Фолиант, 2004. Т. 1. С. 5–6.

По степени обнаружения, публикации и распознавания поэтических образцов устной литературы, сохранившихся в виде рукописей, их можно разделить на три группы.

Первая группа включает *жыры* и *дастаны*, которые ранее не были опубликованы. Некоторые из них основаны на сюжетах классической восточной литературы. Например, хисса Асылбека и Гүлжиһан (Асылбек пен Гүлжиханның қиссасы), Мариям сирота (Жетім Мариям), Карга батыр (Қарға батыр), хисса Шеризат Кулшат (Шеризат Құлшат қиссасы), Мырқы батыр (Мырқы батыр), хисса Нугыман-Нагиман (Нұғымен-Нағиман қиссасы), Сырым батыр (Сырым батыр), Этот хисса Зенгир Жухуд (Үшбу хисса Зеңгір Жүһүд), История о Абушахыма (Хикая Әбушаһыма), и т. д.

Вторая группа включает распространенные среди народа, опубликованные произведения, такие как «Козы Корпеш — Баян сулу» (Қозы Көрпеш — Баян сұлу)¹, «Кыз Жибек» (Қыз Жібек)², «Богенбай батыр» (Бөгенбай батыр)³. Поскольку тексты эпосов и дастанов претерпели множество веков, у них бывает по два и более варианта. Порой основной сюжет произведения пополняется новыми историями, а во втором варианте такие изменения не сохраняются, тогда как в третьем варианте конфликт и развязка могут быть совершенно иными.

Третья группа охватывает малоизвестные произведения с несколькими вариантами. Например, «Мырзаш батыр» (версия Ниязбека Кыдырмоллы, 1–2–3 части), «Мырзаш батыр» (версия Сагидоллы Нуралина), «Мырзаш батыр» (версия Ержана Ахметова)⁴ и т. д.

Составителями историко-поэтического подкорпуса казахского языка в рамках Национального корпуса казахского языка были выделены следующие трудности и лингвистические особенности при анализе арабографичных рукописей:

- в арабографичных рукописях встречающиеся среднетюркские лексические и грамматические употребления зафиксированы в неизменном виде, как в оригинале: *түрлік, тірік, дүр, бірлән, илә, сәна, үшбу, анығ, андын, айла, соңыра*, и т. д.;
- также в этих рукописях арабские и персидские слова были написаны на языке оригинала по принципу цитирования. Например, *Аллаһ, нашында* и др.

Следует отметить, что процесс преобразования арабографичных рукописей в кириллическую графику, используемую в настоящее время, осуществлялся различными специалистами, и данный опыт не является уникальным. В ходе этих преобразований значительное количество арабо-персидских слов было адаптировано с учётом фонетических особенностей казахского языка, а не исходных языков. В результате такие заимствованные лексические единицы, сохраняя своё семантическое содержание, получили графическое оформление и произношение, соответствующее казахской фонетической системе. Данная адаптация способствовала упрощению восприятия текстов казахоязычной аудиторией, обеспечивая их доступность при сохранении культурной и исторической значимости оригиналов. Например, хотя в рукописи слово *Аллаһ* дано как *Аллаһ*, в кириллице сохраняется форма «Алла».

Одно из таких персидских слов, адаптированных к фонетическим особенностям казахского языка, — это *нашін*. Оно прошло процесс фонетической адаптации, сохраняя свое значение, но изменяясь в соответствии с правилами произношения и звуковой системы казахского языка. В арабографичном тексте рукописи слово написано как *нашында* (рис. 1), но при преобразовании в кириллицу записан вариант *нашінде* с мягкими гласными, которая более соответствует казахскому произношению.

¹ Бабалар сөзі [Слова предков] : в 100 т. / под ред. С. Қасқабасова, С. Қирабаева. Астана: Фолиант, 2009. Т. 54. С. 11–54. Вариант: Ш.Уалиханова.

² Бабалар сөзі [Слова предков]: в 100 т. / под ред. С. Қасқабасова, С. Қирабаева. Астана: Фолиант, 2006. Т. 26. С. 88–287; Бабалар сөзі [Слова предков] (2009а): в 100 т. / под ред. С. Қасқабасова, С. Қирабаева. Астана: Фолиант, 2009. Т. 53. С. 37–82. Вариант: Мусабай жырау.

³ Бабалар сөзі [Слова предков]: в 100 т. / под ред. С. Қасқабасова, С. Қирабаева. Астана : Фолиант, 2010. Т. 58. С. 11–138.

⁴ Бабалар сөзі [Слова предков]: в 100 т. / под ред. С. Қасқабасова, С. Қирабаева. Астана: Фолиант, 2010. Т. 63. С. 97–349. Версия: Ниязбека Кыдырмоллы, С. 350–362. Версия: Ержана Ахметова, С. 363–410. Версия: Сагидоллы Нуралина.

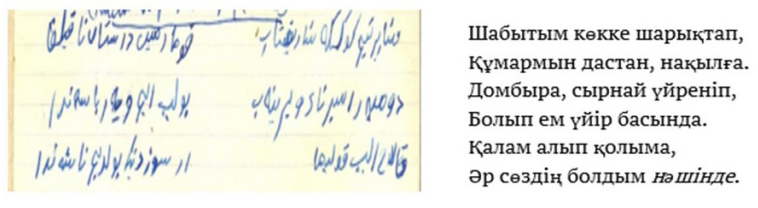

Рисунок 1. Отрывок из второй страницы произведения

«Қисса Шеризат — Құлшат»¹.

Figure 1. Excerpt from the second page of the work “Kissa Sherizat — Kulshat”.

Согласно содержанию стихотворения, это слово обозначает «по ритму речи». В казахском языке по сей день встречаются словосочетания *нашына/нәшіне/машына келтірді*. Это согласовано с мнением Р. Сыздықовой о том, что «слова в казахском языке гармонируют по мягкости-твердости в соответствии с сингармоническим тембром. Несмотря на обозначение слова, несмотря на присутствие и мягких, и твердых гласных, в целом оно должно обозначаться либо в мягком, либо в твердом варианте» (Сыздықова, 2000: 87).

Кроме того, необходимо выделить несколько ключевых трудностей, с которыми сталкиваются специалисты при преобразовании арабографических текстов рукописей в кириллическую графику:

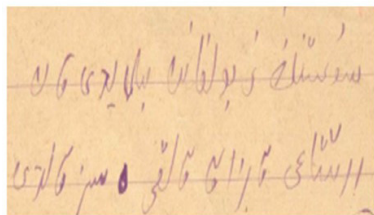
- отсутствие гласных и знаков препинания в арабской вязи. Арабская графика не предусматривает использование заглавных букв и знаков препинания, а также содержит скрытые гласные. Эти особенности существенно осложняют точное воспроизведение и интерпретацию текста при переводе его на кириллицу;
- фонетическая несовместимость языковых систем. Казахский и арабский языки принадлежат к различным языковым системам, что делает арабскую письменность недостаточной для точной передачи звуков казахского языка;
- отсутствие единых стандартов для использования арабской вязи. В XIX в. не существовало общепринятых норм для применения арабской графики в казахских текстах, что приводило к вариативности написания одних и тех же слов;
- проблемы с устаревшими лексическими единицами. Распознавание и корректное преобразование лексических архаизмов и устаревших слов также представляют значительные трудности. При переводе этих слов на современную графику нередко возникают орфографические ошибки, а их форма и содержание изменяются до неузнаваемости, что затрудняет их правильный анализ и интерпретацию (Сыздықова, 2009: 92).

Каждая из указанных проблем усложняет процесс перевода арабографических рукописей в кириллическую графику и требует системного и внимательного подхода. В связи с этим специалистами и составителями корпуса была проведена лингвотекстологическая работа с рукописями и их найденными кириллическими вариантами, включающая коррекцию и адаптацию текста, установление точного смысла, внесение редакционных и корректорских правок, а также выравнивание нумерации и согласование арабской графики с кириллическими текстами. Например, при сверке арабографической рукописи с её найденным кириллическим вариантом выражение *жеткізер бізді димешке* было исправлено на *жеткізер бізді бейішке* ‘доставят нас в рай’ в соответствии с контекстом. Исправление было необходимо, так как в казахском языке отсутствует слово «димеш», что указывает на допущенную грамматическую ошибку.

Далее некоторые выдержки из исправлений, внесенных в некоторые тексты.

В эпосе «Как Галдан-Церен взял Абылая в плен» (Қалдан Серен Абылайды тұтқынға алғаны) (рис. 2) нами была произведена следующая замена: *Арттағы қазақ халқы иесіз қалды* ‘И остался народ казахский без владыки’. Причина замены словосочетания *иесіз қалды* ‘и остался народ казахский в смятении’ на *иесіз қалды* объясняется контекстом. В предшествующих и последующих строфах опи-

¹ Бабалар сөзі [Слова предков]: в 100 т. / под ред. С. Қасқабасова, С. Қирабаева. Астана: Фолиант, 2005. Т. 18. С. 158–199.

Аң іздеп Абылай хан ұйықтап қапты,
Мың батыр қыз алатын мұны тапты.
Мың батыр жолы болып Абылайдан,
Танымай сол арада жөн сұрапты.
Сол жерде хан Абылай ойға қалды,
Жан-жаққа артын ойлап көзін салды.
*Соғыстың, не болғанын білмейді хан,
Артағы қазақ халқы иесіз қалды.*

Рисунок 2. Отрывок из третьей страницы рукописи под названием «Как Галдан-Церен взял Абылая в плен» (Қалдан Серен Абылайды тұтқынға алғаны)¹.

Figure 2. Excerpt from the third page of the manuscript entitled “How Galdan-Tseren captured Abylai” (Kaldan Seren Abylaydy tutkynga algany).

сывається, как далада ұйықтап жатқан Абылайды, қалың қалмақ қапыда байлап алғаны ‘когда спал Абылай в степи, калмыки внезапно захватили его’. Абылай был казахским ханом, и, таким образом, естественно, что народ, лишившийся своего хана, остался без владыки, что логически соответствует контексту повествования.

Также при сверке арабографичной рукописи с её найденным преобразованным кириллическим вариантом нами было обнаружено, что следующее предложение из рукописи вовсе отсутствовало:

«Қазақ халқы басқа халыққа бағынады, күндердің күнінде менің бұл сөзім тарихта қалмақ, қош Олжабай, — деп қоштасты. Олжабай қайтып кетеді. Хан Абылай алған Тобыш сұлудан Қасым хан туғанда қан ұстап жалғыз туады, онан кейін Сары Наурызбай туады»

‘Казахский народ будет повиноваться другому народу, однажды эти мои слова останутся в истории, прощай, Олжабай, — попрощался он. Олжабай уезжает. От красавицы Тобыш, на которой женился хан Абылай, рождается сын Касым хан, рождается один, в крови; затем рождается Сары Наурызбай’.

Изменение отдельных слов или фраз в произведениях устного народного творчества при преобразовании с арабографичного текста на кириллицу может привести к ряду негативных последствий, затрагивающих как содержание, так и форму произведений:

- искажение устной традиции. Изменение текста нарушает аутентичность устного народного творчества, что приводит к утрате культурных и этнолингвистических элементов;
- нарушение ритмико-мелодической структуры. Модификация слов может разрушить ритм и мелодику, важные для запоминания и передачи произведений;
- искажение смыслов. Лексические изменения могут исказить или утратить исходные значения, затрудняя правильную интерпретацию произведений;
- нарушение фонетической целостности. Преобразование может нарушить сингармонизм и фонетическую гармонию, что ухудшит звучание текста;
- потеря эмоциональной и эстетической ценности. Лексические изменения могут снизить эмоциональный и художественный эффект произведений.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что ошибки, допущенные в процессе преобразования произведений устного народного творчества с арабографичных текстов на кириллицу, не позволяют сохранять их культурную, историческую и лингвистическую ценности. Эти недостатки исправляются составителями и специалистами подкорпуса путём сверки оригинальных рукописей с кириллическими версиями, найденными в процессе исследования.

¹ Бабалар сөзі [Слова предков]: в 100 т. / под ред. С. Қасқабасова, С. Қирабаева. Астана: Фолиант, 2005. Т. 57. С. 257-272.

Историко-поэтические метатекстовые разметки

Параметры метаразметки текста отличаются особыми метатекстовыми параметрами в связи с содержанием подкорпуса. Например, в метаразметке поэтического подкорпуса русского языка указано 17 параметров, 6 из них — общие, 11 параметров взяты в соответствии со структурными особенностями русских стихотворений: число строк, строфика, графическая строфика, метр, число стоп/иктов, слогов, клаузула, рифма, дополнительные параметры, метрическая формула, предложение, словоформа.

Поэтическая метатекстовая разметка историко-поэтического подкорпуса образцов устного народного творчества XV–XIX вв., разрабатываемого в рамках НККЯ, включает 28 параметров. Эти параметры можно разделить на три группы по видам информации о тексте, которую они предоставляют:

1. Базовые параметры, используемые во всех корпусах: название поэтического произведения, тема текста, стиль текста, жанр текста, возраст аудитории, вид подкорпуса, количество словоупотреблений, век и год, количество страниц в тексте, текст введен в корпус (кем), время введения текста;

2. Параметры, обозначающие поиск, публикацию, известность или неизвестность авторов рукописей, принадлежащих к древним эпохам: краткая аннотация текста, повествователь текста, рукопись предоставлена (кем), графика текста, первая публикация текста, варианты текста, место хранения рукописи, текст перевел, форма текста, текст пронумерован (кем), примечания;

3. Необходимые параметры, связанные со структурой и размером стихотворений в поэтическом тексте: количество строф, количество строк, количество стоп, количество слогов, вид рифмы.

Остановимся на принципах использования некоторых параметров, которые считаются необходимыми среди поэтических обозначений текстов, входящих в текстовую базу историко-поэтического корпуса:

Краткая аннотация текста. Краткая информация об основном содержании произведения;

Повествователь текста. У некоторых произведений, вносимых в корпус, отсутствует автор (сказитель). В данном случае, при наличии, указывается имя-отчество сказителя;

Рукопись предоставлена (кем). Рукописное наследие, не опубликованное в советское время из-за жесткой социально-идеологической цензуры, исчезнувшее или хранимое в домах по сей день, порой сдается в центры редких рукописей. Поэтому необходимо указывать имя-отчество человека, предоставившего рукопись;

Век и год/период — ясно или неясно. У некоторых рукописей отсутствует год публикации или его сложно разобрать. Поэтому ставится пометка «ясно» или «неясно»;

Графика текста. Поскольку образцы устной литературы XV–XIX вв. были написаны разной графикой (арабско-кадимской, арабско-джадидской, арабской тоте), то приводятся сведения о том, какой графикой был написан текст;

Первая публикация текста. Первые публикации ранних дастанов и эпосов не сохранились. Поэтому читателю важно показать первую публикацию;

Место хранения рукописи. Ценные сведения о том, где хранятся оригиналы устной литературы, написанной арабской и латинской графикой;

Варианты текста. Ценные сведения о том, что существуют две и более версии ранних устных дастанов и эпосов;

Примечания. Большинство рукописных текстов редкой рукописи арабской графикой были записаны в зашифрованных, пронумерованных связках (папках) тетрадей, а на страницах тетрадей стихи записывались по-разному. Стихи, написанные крупным шрифтом у некоторых авторов, занимают одну страницу, а несколько строк стихотворений, написанных некоторыми авторами мелким шрифтом, умещаются на одной странице тетради. В связи с этим параметр «Примечания» был взят согласно порядку расположения стихов на бумаге.

На основе вышеизложенных параметров метатекстовой разметки составителями, а также исследователями историко-поэтического подкорпуса казахского языка была предпринята попытка составить метатекстовую характеристику по образцам имеющихся у нас рукописей. Образец одного из таких текстов представлен в (табл. 1).

Таблица 1. Образец «Историко-поэтической метатекстовой разметки» жыра (эпоса) «Айдос батыр».
Table 1. Sample of the “Historical and poetic metatext markup” of the zhyr (epic) “Aidos Batyr”.

Параметр разметки	Содержание
Название поэтического произведения	Айдос батыр
Краткая аннотация текста	<p>Жырдың оқиғасы қызықты, тартымды болып келеді. Жыршы Айдостың шайқас кезіндегі ерлігін сипаттауға ерекше мән берген. Батырдың соғыс кезіндегі күш-қайраты, ерлігі айрықша мадақталып суреттеледі. Сол сияқты “Айдос батыр” жырының сюжеттік құрылымында әлем халықтарының фольклорлық шығармаларында жиі ұшырасатын түс көру, түс жору, бал ашу, жалбарыну, бата беру, қоштасу, атымен арыздасу, жоқтау сияқты тұрақты мотивтер ұшырасады.</p> <p>‘История эпоса интересна и привлекательна. Сказитель уделяет особое внимание описанию героизма Айдоса во время сражения. Восхваляется, ярко описывается сила батыра во время войны, его подвиги. Также в сюжете жыра “Айдос батыр” встречаются такие мотивы, характерные для фольклорных произведений народов мира, как увидеть сон, гадание, мольба, бата, прощание, ссора с конем, оплакивание и пр.’</p>
Тема текста	Об Айдос батыре
Сказитель текста	Айдарбеков Жүмаділ
Век или год/период «ясно» или «неясно»	*
Графика текста	Араб-тоте
Первая публикация текста	Некоторые отрывки из жыра «Айдос батыр» были опубликованы в 1883 году в Ташкенте в «Киргизской хрестоматии» Я. Лутша.
Стиль текста	Художественный
Жанр текста	Исторический эпос
Место хранения рукописи	Рукопись эпоса хранится в Фонде Рукописей ОГК (Ш. 765, тетр. 3).
Варианты текста	*
Форма текста	Устная
Количество строф	8 строф
Количество строк	30 строф
Количество стоп	3
Количество слогов	11
Вид рифмы	Рифма «қара өлең» (а а б а)
Возраст аудитории	Нейтральный
Текст перевел	Қарашаш Алпысбаева
Вид подкорпуса	Историко-поэтический подкорпус
Количество словоупотреблений	3911
Количество страниц в тексте	25
Текст пронумеровал(а)	Әйгерім Мурсал
Текст введен в корпус	Гүлжиһан Көбденова
Период введения в корпус	17.11.2023
Примечание:	В два ряда на каждой странице

Прим.: звёздочкой (*) в графах «Век или год/период» и «Варианты текста» обозначены случаи отсутствия конкретных данных. В первом случае это связано с устной природой произведения, из-за чего невозможно установить точный период его возникновения. Во втором случае звёздочка указывает на отсутствие других известных вариантов данного текста.

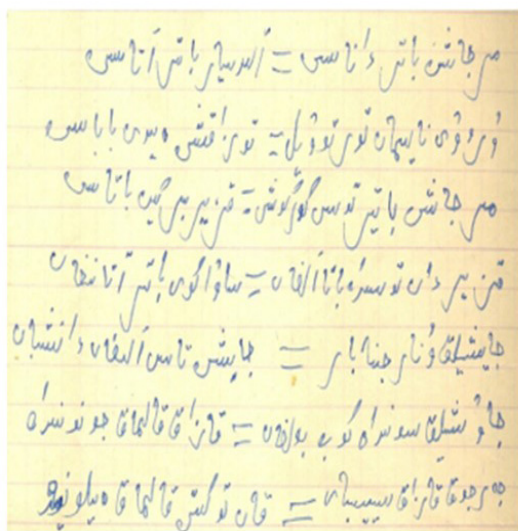
И так по составленным образцам метатекстовой разметки сделаны следующие выводы. Во-первых, перед созданием модели метатекстовой разметки историко-поэтического подкорпуса образцов устного народного творчества XV–XIX вв., разрабатываемого в рамках НККЯ, был проведён всесторонний анализ и сравнительное исследование аналогичных параметров в ведущих поэтических подкорпусах, таких как поэтический подкорпус русского языка, поэтический подкорпус башкирского языка, а также поэтический подкорпус персидского языка. Во-вторых, с учётом особенностей сохранившихся рукописей устной литературной традиции казахского языка, специалистами и составителями данного историко-поэтического подкорпуса была разработана более точная и детализированная модель метатекстовой разметки, включающая 28 параметров. Данная разметка учитывает специфические особенности анализируемых текстов, что обеспечивает её высокую точность и расширенную применимость для описания материалов устной поэтической традиции.

Поэтическая разметка

Структура казахских стихотворений является категорией теории казахской литературы и считается основным условием и закономерностями системы казахских стихотворений. Первым, кто изучал структуру казахской поэзии как категорию теории литературы, был А. Байтұрсынов. Он разделил параметры стихотворения на следующие: строфа, строка, стопа, рифма (Байтұрсынұлы, 1991: 82).

К. Омирәлиев, исследователь языка казахской поэзии, отмечает основные признаки стихотворений XVIII–XIX вв.: 1) повторение вслед за тем, кто говорит первым; 2) нестабильная рифма: а/б/а/б, а/б/в/ю; 3) вид ритма и интонации; 4) отсутствие стабильности в количестве слогов; 5) ударение на первую стопу стихотворной строки (Өмірәлиев, 1976: 82). Мы выявили ряд особенностей рассматриваемых поэтических текстов и сочли целесообразным остановиться на каждой из них.

Если в рукописи стихотворение не делится на строфы и является астрофическим, при переводе на кириллицу строки, рифмующиеся друг с другом и обозначающие единую мысль, объединяются в строфу, то есть строки не делятся по четыре, по шесть или по восемь согласно правилам, а формируют многострочные строфы с разным количеством строк — по 4, по 5, иной раз по 20 или более (рис. 3).

Вариант на кириллице

Мырзаш батыр данасы,
Алдияр батыр атасы.
Руы найман төртуыл,
Тұзақшы еді бабасы.
Мырзаш батыр түс көргіш,
Қызыр берген батасы.

Қызырдан түсте бата алған,
Сәуегәй батыр атанған.
Жайшылық ұнар және бар,
Жайшын тас алған данышпан.
Жаушылық сонан көп болған
Қазақ, қалмақ жонынан.
Жері жоқ қазақ сиыспай,
Қан төкті қалмақ елінде

Рисунок 3. Отрывок из жыра Мырзаш (по варианту Ержана Ахметова)¹.
Figure 3. Excerpt from Myrzash fat (according to Yerzhan Akhmetov's version).

Многие исследователи отмечали, что объединение множества строк одной рифмой — распространённое явление в эпосах (Сыздықова, 1970: 22). В поэтических произведениях башкирского языка

Бабалар сөзі [Слова предков]: в 100 т. / под ред. С. Қасқабасова, С. Қирабаева. Астана: Фолиант, 2010. Т. 63. С. 350.

в изосиллабических и гетеросиллабических стихотворных формах 7–8-строчные строфы называются *кыска-күй*, а 9–10-строчные — *узун-күй* (Орехов, 2019b: 41). В связи с этим в эпохах многострочные стихотворения, обозначающие единую мысль, объединены в одну строфу.

Количество слогов. Основа ритма казахской поэзии — слог. Такая силлабическая система стихосложения, основанная на количестве слогов, характерна также для узбекского, татарского, каракалпакского, киргизского, уйгурского, азербайджанского, туркменского языков (Ахметов, 1973). Исследователь уйгурской поэзии А. Хамраев отмечает: «семи-восьми-слоговые, также десяти-слоговые стихотворные размеры являются древними образцами тюркской поэзии»¹. К примеру, в каракалпакском дастане «Шарьяр» количество слогов — 7–8. Приведем отрывок из этого дастана:

Бурынгы айем заманда,
Ол заманнын кадиминде.
Коп ноғайдынг ишинде,
Уллы ноғай журтында (Сапарниязов, Хожаниязов, 1959: 11).

Сюжет этого дастана схож с сюжетами таких эпосов, распространенных среди узбекского, каракалпакского, татарского, башкирского и алтайского народов, как «Алпамыс» и «Кобыланды». Возможно поэтому и в казахской поэзии встречаются 7–8, 11 слогов.

Количество стоп. Стихотворный размер зависит не только от количества слогов в строке, но и от количества стоп. Стопа (*икт*) — это колебания звуковой волны, заметные при декламировании стихотворения. Стопа — наименьшая единица казахского стихотворения, а в лингвистике это универсальная семантически-синтаксическая, интонационная наименьшая синтагма (Базарбаева, 2022: 337). З. Ахметов, описывая структуру стихотворения, говорит, что первые стопы казахских стихотворений состоят из трех слогов, срединные из четырех, а заключительные — снова из 4 (Ахметов, 1973: 81). К примеру, в «Хиссе Асылбека и Гүлжихан»² (рис. 4).

3	4	4
Патшаның / оң көзінде / бұлар болып, /		
3	4	4
Сыйласып / зор сияпат, / құрмет көріп. /		
3	4	4
Байларды / құзырына / қабыл етті, /		
3	4	4
Падиша / Ғабдүмәлік / көңіл бөліп. /		

Рисунок 4. Стихотворная структура «Хиссы Асылбек и Гүлжихан»³.
Figure 4. The poetic structure of “Khisseyasylbek and Gulzhikhan”.

Б. Кенжебаев объясняет перемену мест стоп по количеству слогов следующим образом: «Есть три причины, по которым стопы стихотворных строк и слоги в составе стоп могут поменяться: по словесному ударению, по тому, какую мысль хочет высказать поэт, по ударению и ритму стихотворения» (Кенжебаев, 2004: 81). В корпусных текстах стопа обозначается косой линией. В основном такие стихотворения состоят из 2 или 3 стоп.

Вид рифмы. Одно из главных требований поэзии — рифма. Есть несколько видов рифмы. В рассматриваемых нами поэтических произведениях наиболее часто встречаются следующие виды: рифма *қара өлең* (А-А-Б-А); сплошная рифма (А-А-А-А); вольная рифма (А-Б-В-Г-Б); попеременная рифма (А-Б-В-Б); перекрестная рифма (А-Б-А-А); парная рифма (А-А-Б-Б); перекрестная рифма (А-А-Б-В-Б-В-Б-Б-Б); современные виды рифмы (А-Б-А-Б-В-Г-Д). Мы опираемся на высказывание А. Лорда о том, что «Формула обозначает важную, основную идею произведения» (Lord, 1991: 107). Такие формулы позволяют определить виды рифмы в стихотворении.

¹ Хамраев А. Т. Рифма и звуковая организация уйгурского стиха (в сопоставительном плане с русским стихом) : дисс. ... кандидата филол. н. Алматы, 1994. С. 8.

² Бабалар сөзі [Слова предков]: в 100 т. / под ред. С. Қасқабасова, С. Қирабаева. Астана: Фолиант, 2005. Т. 21. Указать страницу. С. 222.

³ Там же.

Ниже рассмотрим примеры для каждого из видов рифм:

«Аңшыбай батыр» (вариант 1) — *сплошная рифма (А-А-А-А)*:

— *Қайсы болса да, біл, — деді. (А)*

Орақшы мінген кер еді. (А)

Ол да мықты ер еді. (А)

“Алысалық, кел”, — деді. (А)

В строках стихотворения по 7–8 слогов. Каждая строка четко обозначает мысль и показывает идею сказителя. В основном стихотворения, написанные сплошной рифмой, динамично и логично демонстрируют высказываемую мысль.

Стихотворение Майлыкожи Султанкожаулы «Көштің көркі түйе еді» написано с рифмой (А-Б-В-Б):

Көштің көркі түйе еді, (А)

Шыңырауға қауға байлап бақ. (Б)

Жетекшіл келер жылқы мал, (В)

Семізін мініп, айдап бақ. (Б)

В этом стихотворении также по 7–8 слогов. Попеременная рифма, объединяя по две строки, украшает стихотворение. Если верблюды — украшение коша (кочевья), то лошади — это ценный скот, который можно вести на поводу: проводится сравнение. Этот вид рифмы распространен в казахской поэзии со времен Абая. В каждой строфе рифмуются вторая и четвертая строка, и количество строк не превышает 4.

Эпос Мурына Сенгирбаева «О Аншибай батыре» (Аңшыбай батыр туралы) (11-й вариант) написан парной рифмой (А-А-Б-Б).

Ақылың жоқ баласың, (А)

Қарғам, қайда барасың? (А)

Менде бір киер киім жоқ, (Б)

Сататұғын тиын жоқ. (Б)

Попарно рифмуются строки стихотворения. Первая строка и вторая строка, третья и четвертая. Автор приводит свои примечания и замечания в стихотворении, а также информацию и о своем состоянии.

Хисса Ниязбека Кыдырмоллы «Мырзаш батыр» написана рифмой *қара өлең (А-А-Б-А)*:

Бастайын бір-екі істі келсе шамам, (А)

Баянсыз сұм дүнияға болмай алаң. (А)

Құдайым өзі оңдаса сапарымды, (Б)

Ұзартып алға қарай создым қалам. (А).

В таком виде рифмы четко прослеживается мысль каждой строки, и рифмуются первая, вторая и четвертая строки. Автор умещает в одну строфу мысль о том, как он, не отвлекаясь ни на что, берет перо в руки и пытается завершить пару дел по мере возможности.

Исторический эпос «Сырым батыр» Азамата Тайыра Ауатанулы, собирателя западно-казахстанского устного народного творчества, написан вольной рифмой (А-Б-В-Г-Б):

Екі ғасыр бұрынғы, (А)

Сонау атам заманда. (Б)

Айбат шегіп ысқырып, (В)

Екі басты айдаһар, (Г)

Аранын ашып адамға. (Б).

В стихотворении 7–8 слогов. В каждой строфе рифмуются вторая и пятая строки, остальные строки не повинуются общему правилу. Используются разные виды рифмы. Однако все пять строк обращают внимание на одну проблему и выражают одну мысль.

Хисса Асылбека и Гүлжихан (Асылбек пен Гүлжихан қиссасы), Мариям сирота (Жетім Мариям), Карга батыр (Қарға батыр), Хисса Шеризат Кулшат (Шеризат Кулшат қиссасы), Мырқы батыр (Мырқы батыр), Хисса Нұғыман-Нағиман (Нұғыман-Нағиман қиссасы), Сырым батыр (Сырым батыр), Этот хисса Зенгир Жухуд (Үшбу хисса Зеңгір Жүһүд), История о Абушахыма (Хикая Әбушаһыма) и прочие — основаны на классических сюжетах восточной литературы.

В процессе внесения материалов в корпус было замечено, что часто встречается тип рифмы А-А-Б-А. К примеру: эпос Айдарбекова Жумадила «Айдос батыр», стихотворение Майлыкожи Султанкожаулы «Стихотворение хана Худияра его сыну» (Қудияр ханның ұлына айтқан өлеңі), Посвящение Майлыкожи Султанкожаулы «Мулле Есенбаю, отправляющемуся в хадж» (Қажылық сапарына аттанып бара жатқан Есенбай молдаға), «Стихотворение-жалоба Кадиру» (Қадірге айтқан арыз өлеңі) Майлыкожи Султанкожаулы, «Как поэт Майлы восстанавливал прошлую справедливость» (Майлы ақын өткен датқаларды қылған сипаты) Майлыкожи Султанкожаулы, «Второе слово поэта Майлы торе Сейтжаппару» (Сейітжаппар төреге екінші айтылған Майлы ақын сөзі) Майлыкожи Султанкожаулы, «Хисса батыра Мырзаша» Ниязбека Кыдырмоллаулы, «Мырзаш батыр» Сагидоллы Нуралина, эпос Ашима Нурлыбаева «Мырқы батыр» (Мырқы батыр), «Асанқайғы» (Асанқайғы) Ильяса Ыскакулы, эпос «Богенбай батыр» (Бөгенбай батыр), эпос «Мырзаш батыр» Ержана Ахметова, «Этот хисса Зенгир Жухуд» (Үшбу хисса Зеңгір Жүһүд) Кошенова Ташмухаммеда Баймухаммедулы, «Хисса Асылбека и Гүлжихан» (Асылбек пен Гүлжихан қиссасы) Жусупбекулы Нура, «Қарга батыр» (Қарға батыр) Абиқая Кусайынұлы, «Мариям сирота» (Жетім Мариям) Машырапа Ақылбекова и пр. Этот вид стихосложения был замечен в середине девятнадцатого века.

Название *қара өлең* было впервые задокументировано и исследовано Чоканом Валихановым (Валиханов, 1986: 55). Причина, по которой этот вид рифмы наиболее часто встречается в рукописях — связь этой рифмы с устным народным творчеством казахского народа. А. Сейдимбек отмечает: «В сравнении с другими видами рифмы, “қара өлең” удобна для передачи отдельной мысли в отдельной строфе. Это — поэтическая галерея образа жизни, морально-этических норм, понятий о красоте, чувств и состояний»¹.

Поэтическая разметка историко-поэтического подкорпуса казахского языка разработана после детального анализа текстовой базы, а также основывается на выводах, полученных в результате изучения трудов ведущих исследователей казахского стиха, таких как А. Байтурсынов и К. Омиралиев. Их исследования позволили выделить ключевые особенности казахской поэзии, такие как структура строф, рифм и ритмическая организация, которые будут отражены в разметке подкорпуса:

- структура строф: разметка будет фиксировать количество строк в строфах, включая многострочные строфы, характерные для эпических произведений. Это позволит определить единство мысли и ритмическую организацию текста;
- количество слогов: основой ритмической разметки станет количество слогов в строке, что важно для силлабической системы казахской поэзии. Будет фиксироваться диапазон слогов от 7–8 до 11, что характерно для тюркской поэзии;
- стопы: разметка будет включать информацию о количестве и типах стоп, так как это влияет на ритм и интонацию стихотворения. Особое внимание уделяется изменению стоп в зависимости от словесного ударения и ритмической структуры текста;
- типы рифмы: в разметке будут отмечены виды рифм, такие как «қара өлең» (А-А-Б-А), сплошная рифма (А-А-А-А), перекрёстная и попеременная рифма. Это поможет в изучении закономерностей рифмования в казахской поэзии;
- эволюция и традиции: поэтическая разметка будет отражать преемственность традиций устного народного творчества и их интеграцию в письменные формы, фиксируя влияние восточной литературы и народных жанров на казахскую поэзию.

Таким образом, разметка будет охватывать ключевые элементы казахского стихосложения и позволит систематизировать структурные и ритмические особенности поэтических текстов в подкорпусе.

¹ Сейдiмбек А. Қазақтың дәстүрлі халық лирикасындағы қара өлең жанры [Жанр «қара өлең» в традиционной казахской народной лирике]: автореф. дис. ... канд. филол. н. Алматы, 1989. С. 34.

Семантическая разметка

В текстах устной литературы казахского народа XV–XIX вв. встречается множество слов, которые устарели и в настоящее время могут быть незнакомы современным носителям казахского языка. Эти архаизмы отражают культурные и языковые особенности эпохи, а также традиции и обычаи, которые изменились со временем. Их изучение позволяет глубже понять исторические контексты и развитие казахского языка и культуры. Поскольку база подкорпуса состоит из древних текстов с устаревшей лексикой, его семантическая разметка сложна. В связи с этим раскрытие устаревших значений, разработка их семантической разметки повышает ценность историко-поэтического подкорпуса.

Например, словосочетания с неясным значением *irgeden шығарып жіберу* буквально — ‘прогнать с порога: отец не дает сыну часть наследства в связи со ссорой’, *ту түбінде тұр* буквально — ‘стой у флага: стать воином, солдатом, частью армии’, *қосалықтап отау тігу* ‘возводит юрты попарно, объединяя две соседние’, *қазақ шығу, қазақ шығып кету* ‘становиться казахом’, *ұран отын жағу* ‘дать знак о том, что приближается вражеское войско’, *қала шығу* ‘поехать на базар за покупками’ не только обозначают определенные понятия, но и ярко демонстрирует словесное искусство, талант к образной речи и точное описательское мастерство казахского народа (Сыздықова, 2009: 95).

Поэтому составителями историко-поэтического подкорпуса казахского языка было принято решение ввести семантическую разметку для устаревших слов. Это позволит не только сохранить их значение для современных исследователей и читателей, но и прояснить контексты их использования в текстах, что способствует более глубокому пониманию культурных и исторических особенностей устной литературы казахского народа.

Предлагаем образец семантической разметки устаревших слов в тексте. Разметка включает следующие параметры: *слово*; *часть речи*; *тематическая группа*; *контекстуальное значение*. Этот подход обеспечивает структурированное описание лексических единиц, позволяя точно отразить их место и роль в устной литературе казахского народа. В будущем планируем расширить семантическую разметку, вносимую в корпус.

Семантическая разметка присваивается лексическим единицам из образцов устного народного творчества. К примеру, слово *аға*¹ имеет несколько значений в современном казахском языке 1. Старший из мужчин-родственников; 2. Обращение к любому старшему мужчине; 3. Путеводитель, предводитель, лидер; 4. Человек на высокой должности, имеющий власть; 5. Глава предприятия, общества, собрания. В историко-поэтических произведениях² это слово употребляется в значениях «военачальник» (*қол басы*), «предводитель ста воинов» (*жүз басы*), «предводитель тысячи воинов» (*мың басы*), «глава тумена — десяти тысяч воинов» (*түмен басы*), «герой, воин» (*ер*) согласно контексту.

Семантическая разметка слова *аға* из указанных стихотворений продемонстрирована в конкордансе следующим образом (рис. 5).

В следующих образцах устного народного творчества слово *ауыр* ‘тяжелый’ используется в значении «многочисленный, бесчисленный народ» (рис. 6).

Слово: АҒА
 Часть речи: существительное.
 Тематическая группа: военная должность
 Семантика в контексте: қол басы (военачальник), жүз басы (глава ста воинов), мың басы (глава тысячи воинов), түмен басы (глава тумена), әскери башсы, қолбасы, ер (герой, воин).
 Сочетаемость:
 Есік аға (ишик аға) – в средние века – главный страж порога ханского дворца.
 Қол ағалық – военачальник.
 Ел ағасы – глава какого-либо сообщества.
 От ағасы, ауыл ағасы, жігіт ағасы – главный человек, владелец, глава аула, глава семьи.

Батыр жігіт жау бастар,
Аға жігіт қолч бастар
 (Шалкиіз жырау.
 «Бес ғасыр жырлайды». 1. т., 56 с.)

Рисунок 5. Семантическая разметка слова «Аға»³.

Figure 5. Semantic markup of the word “Aga”.

¹ Қазақ әдеби тілінің сөздігі [Толковый словарь казахского литературного языка] словарь: в 15 т. / сост. Т. Жанұзақ, С. Омарбеков, Ә. Жүнісбек и др. Алматы : Арыс баспасы, 2011. Т. 1. С. 59.

² Бабалар сөзі [Слова предков]: в 100 т. / под ред. С. Қасқабасова, С. Қирабаева. Астана: Фолиант, 2006. Т. 26. С. 21; Бабалар сөзі [Слова предков]: ... 2009. Т. 53. С. 54; Бабалар сөзі [Слова предков]: 2009. Т. 54. С. 66; Бабалар сөзі [Слова предков]: ... 2009. Т. 55. С. 46; Бабалар сөзі [Слова предков]: ... 2010. Т. 58. С. 13.

³ Бес ғасыр жырлайды [Пять веков поют]: сборник стихов : в 2 т. / сост. М. Мағауин, М. Байділдаев. Алматы: Жазушы, 1989 Т. 1. С. 56.

Сере, сере, сере қар,
Асты кілең, үсті мұз,
Күн-түн қатса жібімес.
Мен көлікке қосымды артқанмын,
Көмбідей ару жаларға
Күректей мұзды тондырып,
Кірмембес **ауыр** қолға бас болып,
Күңіреніп күн түбіне жортқанмын!
(Доспамбет жырау. «Бес ғасыр жырлайды». 1. т., 52 с.)

Слово: АУЫР
Часть речи: прилагательное.
Тематическая группа: военная
Семантика в контексте: многочисленный, бесчисленный народ.
Сочетаемость:
Ауыр әскер – большое войско
Ауыр қылыш – острый меч

Рисунок 6. Семантическая разметка слова «Ауыр»¹.

Figure 6. Semantic markup of the word “Auыр”.

Асыра қыпшақ баласы,
Жатқаннан соң байлауда..
Арыстан туған екен деп,
Асыра жұрты қуанды
(«Қобыланды батыр» жыры, 8 с.)

Словосочетание: Асыра жұрт
Тематическая группа: общественная лексика
Семантика в контексте: бағынышты (подчиненные), қол астындағы жұрт (подданные), бас иген (повиновавшиеся), мойынсұнған (завоеванные).

Рисунок 7. Семантическая разметка слова «Асыра жұрт»².

Figure 7. Semantic markup of the word “Assira zhurt”.

Казахи весьма искусны в метафоризации, сравнении, преувеличении, восхвалении либо преуменьшении какого-либо действия, в данном случае в историко-поэтических текстах встречаются фразеологизмы с неясным значением, вышедшие из употребления: «бесплодная лошадь» (*бедеу ат*), «мерин» (*ақта ат*), «военный конь» (*алаша ат*) и пр. В связи с этим разрабатывается семантическая разметка для словосочетаний в конкордансе. Например, в эпосе Кобыланды батыр сочетание *асыра жұрт* использовано в значении «подданные, народ, повиновавшиеся, завоеванные» (рис. 7).

Слово «народ» (*жұрт*) имело большое значение в языковом сознании казахского народа. Это общественно-политическая лексическая единица, обозначающая единение страны, ханства, воссоединение распавшегося на части народа. Слово синонимично с такими единицами, как *ел* ‘страна’, *халық* ‘народ’, также встречается в жырах и дастанах в составе словосочетаний *астана жұрт*, *аса жұрт*, *асыра жұрт*, *ауыр жұрт*, *байтақ жұрт*, *Еділ жұрт*, *алаң жұрт*. В настоящее время сочетаемость данного слова сузилась, и оно употребляется только в ограниченных контекстах.

Р. Сыздыкова, изучавшая устаревшие слова в языке поэзии, отмечает:

«Все сказанное нами в адрес тех, кто ставит перед собой цель собрать, изучить, проанализировать и продемонстрировать древние, устаревшие или начинающие выходить из употребления лексико-фразеологические единицы такого богатого, с долгой историей, гибкого и довольно чистого (сохранившего свой архетип) языка, как казахский, не подчеркивает сложность лексикологических и этимологосемасиологических исследований, а наоборот — указывает на то, насколько интересна, актуальна и значима эта тема» (Сыздыкова, 2009: 95).

¹ Бес ғасыр жырлайды [Пять веков поют]: сборник стихов : в 2 т. / сост. М. Мағауин, М. Байділдаев. Алматы: Жазушы, 1989 Т. 1. С. 32.

² Байганин Н. Алпамыс батыр. Қобыланды батыр [Алпамыс батыр. Кобыланды батыр] : в 3 т. Алматы: Қазығұрт, 2012. Т. 2. (На каз. яз.). С. 8.

Сбор текстов в корпус сам по себе является важным этапом для сохранения и изучения языка, однако этого недостаточно для полноценного анализа языковых данных. Важно также пополнять корпус семантической разметкой устаревших и древних слов. Семантическая разметка позволяет не только фиксировать эти слова, но и отслеживать их смысловые изменения, исследовать развитие языка и восстанавливать утраченные культурные и исторические контексты. На наш взгляд, данная разметка будет способствовать углубленному пониманию эволюции языка и его роли в сохранении культурного наследия.

Таким образом, при разработке базы историко-поэтических текстов XV–XIX вв. в рамках НККЯ были достигнуты важные научные результаты, которые не только отражают существующий опыт других стран, но и предлагают новые перспективы по изучению устного и письменного народного творчества. В отличие от ранее проведенных исследований, данное исследование объясняет причины, по которым определенные образцы устного народного творчества XV–XIX вв. не были опубликованы, что вносит важный вклад в понимание публикационной истории этих текстов. Этот аспект редко затрагивается в существующей литературе, и наши выводы предлагают новый способ анализа данного вопроса.

Во-первых, опыт других стран, включая анализ поэтических корпусов башкирского, русского и чешского языков, был полезен для определения ключевых преимуществ подходов к созданию аналогичных корпусов. В существующей литературе отмечается важность создания таких баз данных для лингвистических и литературных исследований. Наше исследование подтверждает эти выводы, но также предлагает новый взгляд на необходимость адаптации таких методик к специфике тюркской поэтической традиции, особенно в отношении арабографической графики.

Во-вторых, лингвотекстологический анализ выявил типичные ошибки и проблемы с транскрибированием арабографических текстов на кириллицу. Эти проблемы обсуждались в существующей литературе, но наше исследование предлагает более глубокую классификацию и объяснение причин возникновения ошибок, что позволяет лучше понять трудности работы с древними текстами.

В-третьих, наше исследование углубило понимание параметров сетки метатекстовой разметки, что соответствует современным тенденциям в литературоведении и корпусной лингвистике. Однако, наш подход ориентирован на специфические особенности тюркской поэтической традиции, что вносит новые идеи в существующую литературу, посвященную корпусной разметке поэтических текстов.

В-четвертых, наша работа подтверждает и развивает идеи о важности анализа поэтических размеров и структур, отражающие особенности казахского стиха. В то время как существующие исследования уже подчеркивали значение рифмы и метра, наше исследование впервые применило сравнительный анализ стихотворных структур в тюркских языках, что позволило выявить закономерности, ранее не описанные в литературе.

В пятых, предложенная нами модель семантической разметки архаических и устаревших слов вносит значительный вклад в теорию корпусной лингвистики. В существующей литературе мало уделяется внимания таким аспектам, и наши результаты открывают новые возможности для дальнейших исследований в этом направлении.

Создание интерфейса для «Историко-поэтического подкорпуса казахского языка» также важно не только для исследователей, но и для более широкой аудитории, включая студентов и преподавателей. Интерфейс будет состоять из двух частей (рис. 8) и (рис. 9).

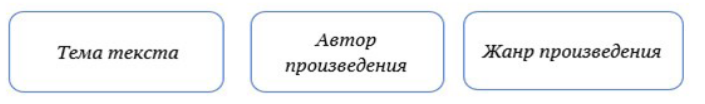

Рисунок 8. Первое — теги, посвященные параметрам поэтических стихотворений.
Figure 8. The first is the tags dedicated to the parameters of poetic poems.

Рисунок 9. Второе — параметры стихотворного размера.
Figure 9. The second is the parameters of the verse size.

Тағы да келді кеңес Қараменнен, Басына бақыт-дәулет бәрін берген. Есептеп аяқты мал айтып болмас, Қара жер қайысқандай төңкерілген. Отарлап қырға көшіп малы сисмай, 50 Исімен мұрын жарып жас көкорай. Айдынды қайда болса бәрін біліп, Қанаттас қонышы еді көл жағалай. Жайласып мал өріске, ел қонысқа, Самалы салқын көлдің көңілге жай. Ордасы Қараменнің тоғыз канат, Жайылған жібек кілем сән-салтанат. Екі үйдің арасына керме керіп, Ойнатып түр-түрімен тізілген ат. Алты ауыл алты ағайын аймақтары, 60 Жылып ертеңді кеш соның бәрі. Кезекпен алты ауылға қонақтасып, Шарада сапырулы қымыздары. Базарбай бөлек ауыл кейін қонып, Дейтұғын келеді ауыл аңыздары. Бір Нияз бір енесі аты шыққан, Жауапсыз жан кіргізбес үйге сырттан. Бүржіттей бүрген адам онбайтұғын, Есіне дұшпан түгіл досы бүкқан. Айбыны Қараменнің сенетұғын, 70 Бұған сай адам жоқ деп жөнелетұғын. Екі ұлы Қараменнің Егіз, Жатақ, Ынжық деп елі шулап күлетұғын. Келеді қатар өсіп Егіз, Жатақ, Егізге берген қалың малды матап. Екі ұлы біреуінен бірі өтеді, Бола ма жайылмасқа жаман атак. Жайылды момын аты ел ішіне, Туысы риза болмай жүрісіне. Қарамен құдасымен ат салысып, 80 Қуанып мақтанғандай өресіне. Егіз де көріп тәуір кісі оны, Мырза деп сыйлайтұғын елі мұны. Сен десе қымырайып кететұғын, Болғанмен аузы қисық байдың ұлы. Ағалары ызаланып ұрысса да, Ешкімді тындамайды келсе жыны.

Рисунок 10. Интерфейс оригинальных и транскрибированных текстов в историко-поэтическом подкорпусе.
Figure 10. The interface of original and transcribed texts in the historical and poetic subcorpus.

литературе о цифровых корпусах часто подчеркивается значимость удобного интерфейса, но наше исследование предлагает новый подход к визуализации текстов на двух графиках (арабографической и кириллической) (рис. 10), что способствует углубленному анализу текстов и истории их передачи.

Если пользователю необходимо произведение «Кыз Жибек» (*Қыз Жібек*), его можно найти по тегу «тема произведения» (*шығарма тақырыбы*). Если пользователю нужно собрать стихотворения с шестью строфами, он нажимает тег «строфа» (*шумақ*). В результате корпус показывает список стихотворений, состоящих из шести строф. Таким образом, поэтический корпус может использоваться для самых разнообразных задач на стыке литературоведения и лингвистики, где каждый пользователь может получить необходимые ему материалы и информацию в интерфейсе поэтического корпуса с помощью указанных тегов.

Историко-поэтический подкорпус в рамках НККЯ предоставляет следующие преимущества.

Пользователь может ознакомиться с текстами поэтических рукописей и глубже исследовать язык того времени, проводя статистический мониторинг языковых средств. Это расширяет эмпирическую базу исследований в лингвистике и литературоведении, предлагая новые возможности для систематизации и анализа данных.

Подкорпус позволяет не только изучить стихотворную форму и историю развития поэзии, но и выявить семасиологические, прагматические и стилистические изменения лексем, а также поэтические размеры. Это помогает лучше понять изменения в тюркской поэтической традиции.

Также пользователь может находить слова в контексте, что улучшает понимание текста и освоение национальной культуры, истории и поэтического мастерства.

Следовательно, подкорпус предлагает новые перспективы для анализа и изучения поэтических текстов и является важным инструментом для дальнейших исследований.

Заключение

Итак, мы описали проект создания историко-поэтического корпуса, который находится на стадии своего формирования. Историко-поэтический подкорпус казахского языка в рамках НККЯ — это электронный фонд, выполняющий функцию информационного инструмента и состоящий из базы историко-поэтических текстов, сохранившихся со времен древности, а также из специальной поэтической и лингвистической разметки, описывающей особенности поэтического вида устной речи.

Цель исследования, направленного на изучение опыта разработки поэтических подкорпусов других языков и внедрение эффективных практик для создания историко-поэтического подкорпуса казахского языка, была успешно достигнута. Все поставленные задачи выполнены. В частности, был проведён сравнительный анализ разработки поэтических корпусов на русском, башкирском, чешском и персидском языках, что позволило выявить и адаптировать ценные подходы для казахского подкорпуса. Описаны основные трудности, возникшие в процессе лингвотекстологической работы с оцифрованными рукописями, включая проблемы транскрибирования арабографических текстов на

кириллицу. Определены параметры метаразметки, отражающие поэтические особенности текстов, и проведён детальный анализ поэтических параметров казахского стиха. Важным результатом исследования стало создание семантической разметки и разработка интерфейса для историко-поэтического подкорпуса.

Тем не менее, для полной реализации целей проекта необходимо продолжение исследований, особенно в направлении включения в подкорпус произведений более ранних периодов казахской поэзии, таких как средневековая и древнетюркская поэзия. Это расширит текстовую базу и углубит анализ эволюции казахской поэтической традиции. Перспективы дальнейших исследований связаны с продолжением работы по включению текстов разных эпох и углублённым анализом их языковых и культурных особенностей.

В дальнейшем, при продолжении исследований по разработке Историко-поэтического подкорпуса, планируется включение произведений более ранних периодов казахской поэзии. Данный этап является необходимым для расширения и углубления текстовой базы подкорпуса, что позволит охватить все важные этапы развития казахской поэтической традиции.

Развитие подкорпуса зависит от продолжения финансирования в рамках новых исследовательских программ, когда можно расширить корпус за счет текстов более ранних эпох. Это позволит создать более полную и репрезентативную базу данных для изучения исторической эволюции казахского языка и его поэтической традиции. Среди этих произведений особое место займут тексты средневековой поэзии X–XIV вв., которые отражают культурные и литературные процессы эпохи расцвета исламского влияния в регионе. Также будут включены произведения древнетюркской поэзии (V–IX вв.), которые служат ключевым источником для понимания раннего этапа зарождения казахской поэтической традиции и ее связи с древними тюркскими племенами. Эти тексты важны не только для лингвистических и культурных исследований, но и для понимания корней казахского языка и поэзии в контексте общего развития тюркского мира (Сейтбекова и др., 2024)

Работа над обеспечением объемности, многоаспектности и гибкости Национального корпуса казахского языка будет продолжаться с опорой на мировые достижения корпусной лингвистики и на опыт создания и использования национальных корпусов (Фазылжан, 2023: 18).

Вклад авторов:

Сейтбекова А. А. — разработка концепции исследования, написание текста статьи;

Фазылжан А. М. — выполнение анализа поэтических текстов;

Сейдамаат А. К. — анализ поэтических корпусов на других языках;

Абаева М. К. — перевод статьи с казахского на русский язык, оформление статьи; корреспондирующий автор;

Мурсал А. — написание текста статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахметов, З. (1973) *Өлең сөздің теориясы* [Теория стихотворного слова]. Алматы : Мектеп. 212 с. -
- Базарбаева, З. М. (2008) *Казахская интонация*. Алматы : Дайк-Пресс, 281 с.
- Базарбаева, З. (2022) *Интонология* : в 5 т. Алматы : Everest. Т. 1. 440 с.
- Байтұрсынов, А. (2003) *Әдебиет танытқыш* [Литературовед]. Алматы : Атамұра. 208 с. (На каз. яз.).
- Байтұрсынұлы, А. (1991) *Ақ жол* [Светлый путь]. Алматы : Жалын. 494 с. (На каз. яз.).
- Валиханов, Ч. Ч. (1986) *О формах казахской народной поэзии*. М. : Наука. 416 с.
- Гаспаров, М. Л. (1974) *Современный русский стих. Метрика и ритмика*. М. : Наука. 487 с.
- Гаспаров, М. Л. (2002) *Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика*. 2-е изд., доп. М. : Фортуна Лимитед. 319 с.
- Гаспаров, М. Л. (2013) *Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти*. М. : Фортуна ЭЛ. 414 с.

Гришина, Е. А., Корчагин, К. М., Плунгян, В. А., Сичинава, Д. В. (2009) Поэтический корпус в рамках НКРЯ: общая структура и перспективы использования // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы / отв. ред. В. А. Плунгян. СПб. : Нестор-История. 502 с. С. 71–113.

Гумилев, Л. Н. (1999) Древние тюрки / сост. А. И. Куркчи. М. : Институт ДИ-ДИК. 480 с.

Жанабаев, К. (2014) Поэтическая система произведений жырау XV–XVIII веков. К начальным основаниям художественного перевода. Алматы : Қазақ университеті. 260 с.

Жанабаев, К., Ислямова, У., Сейітбекова, А. А. (2022) Частотный поэтический словарь языка жырау XV–XVIII вв. // Tiltanym. № 86 (2). С. 28–38. DOI: <https://doi.org/10.55491/2411-6076-2022-2-26-36>

Жанабекова, А. (2013) Роль лингвистической аннотации на опыте создания национального корпуса казахского языка // Проблемы современной прикладной лингвистики: сборник статей / отв. ред. А. В. Зубов. Минск : МГЛУ. 531 с. С. 212–216.

Жаңабекова, А. (2017) Қазақ тілінің ұлттық корпусына енгізілетін метабелгіленімдер әзірлемесі туралы [О разработке метадаанных для включения в национальный корпус казахского языка] // «Ахмет Байтұрсынұлы мұрасы: зерттеу, жүйелеу және насихаттау» атты халықаралық ғылыми-теориялық конференция материалдары [Материалы международной научно-теоретической конференции «Наследие Ахмета Байтурсыновича: исследование, систематизация и популяризация»] / отв. ред. М. Малбақов. Алматы : Елтаным. 396 с. С. 229–234. (На каз. яз.).

Жаңабекова, А., Пірманова, К. К., Карбозова, Б. Д. (2020) Разработка лексико-семантической разметки в национальном корпусе казахского языка // Тюркология. № 4. С. 201–216.

Жаңабекова, А., Кожаметова, А. К. (2021) Обработка текстов, включенных в метаразметку, на специальном компьютерном программном обеспечении // Tiltanym. № 3. С. 37–52. DOI: <http://doi.org/10.55491/2411-6076-2021-3-37-52>

Жолдасбеков, М. (1990) Асыл арналар [Драгоценные истоки]. Алматы : Жазушы. 352 с. (На каз. яз.).

Жұбанов, А. (2010) Қазақ әдеби тілінің электрондық корпусын түзудің теориялық бастаулары [Теоретические истоки построения электронного корпуса казахского литературного языка] // Тіл және мәдениет: тілдің антропоэктік парадигмасы. Профессор Ж. А. Манкееваның 60 жылдығына арналған республикалық ғылыми-теориялық конференцияның материалдары [Язык и культура: антропоцентрическая парадигма языка. Материалы республиканской научно-теоретической конференции, посвященной 60-летию профессора Ж. А. Манкеевой] / отв. ред. А. Хабиева, Г. Нұрымқызы. Алматы : А. Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институты. 385 с. С. 191–197. (На каз. яз.).

Жұбанов, А. (2016) Самая ценная часть поискового аппарата в национальном корпусе казахского языка — метаразметка, которая характеризует текст в целом // Tiltanym. № 2. С. 3–9.

Жұбанов, А., Жаңабекова, А. (2017) Корпустық лингвистика [Корпусная лингвистика]. Алматы : «Қазақ тілі» баспасы. 336 с. (На каз. яз.).

Жумагулов, А. Б. (2012) Қазақ әдебиетін дәуірлеу тарихы [История периодизации казахской литературы]. Қарағанды : Академик Е. А. Букетов ат. ҚарМУ. 143 с. (На каз. яз.).

Келимбетов, Н. (1991) Ежелгі дәуір әдебиеті [Литература древности]. Алматы : Мектеп. 264 с. (На каз. яз.).

Кенжебаев, Б. (2004) Түрік қағанатынан бүгінге дейін [От турецкого каганата до наших дней]. Алматы : Ана тілі. 344 с. (На каз. яз.).

Корчагин, К. М. (2015) Поэзия XX века в поэтическом подкорпусе Национального корпуса русского языка: проблема репрезентативности // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. № 3 (6). С. 235–256.

Кыраубаева, А. (1999) Ежелгі әдебиет [Древняя литература]. Алматы : Қазақ университеті. 138 с. (На каз. яз.).

Орехов, Б. В. (2015) Еще раз об исследовательском потенциале поэтического корпуса: метр, лексика, формула // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 6. С. 449–463.

Орехов, Б. В. (2019a) Башкирский стих XX века. Корпусное исследование. СПб. : Алетейя. 344 с.

Орехов, Б. В. (2019b) Метр отрезков длиннее строки в башкирском силлабическом стихе // Известия РАН. Серия Литературы и Языка. Т. 78. № 2. С. 41–50.

Орехов, Б. В., Степина, Д. С. (2022) Персидский поэтический корпус // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. № 1. С. 65–72.

Өміралиев, Қ. (1976) XV–XIX ғасырлардағы қазақ поэзисының тілі [Язык казахской поэзии XV–XIX веков]. Алматы : Ғылым. 269 с. (На каз. яз.).

Өмірәлиев, Қ. (2010) Көне түркі әдеби ескерткіштері туралы зерттеулер [Исследования древнетюркских литературных памятников]. Алматы : Арыс. 650 с. (На каз. яз.).

Плунгян, В. А. (2014) Неклассический стих Лермонтова: некоторые детали // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. № 7 (144). С. 40–51.

Савчук, С. О., Архангельский, Т. А., Бонч-Осмоловская, А. А., Доница, О. В., Кузнецова, Ю. Н., Ляшевская, О. Н., Орехов, Б. В., Подрядчикова, М. В. (2024) Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. № 2. С. 7-34. DOI: <http://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.7-34>

Сапарниязов, Н., Хожаниязов, У. (1959) Шарьяр [Шарьяр]. Нокис : Қарақалпақ мемлекет баспасы, 107 с.

Сейтбекова, А., Елесбай, Н. (2024) Исторический поэтический подкорпус: база староказахских поэтических текстов // Tiltanym. № 3. С. 140–150. DOI: <http://doi.org/10.55491/2411-6076-2024-3-140-150>

Сичинава, Д. В. (2012) Поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка: несколько примеров поиска стиховедческой информации // Славянский стих. Т. 9. С. 482–491.

Суворов, М. Н. (2015) Средневековая литература мусульманского мира. СПб. : Президентская библиотека. 151 с.

Суюншалиев, Х. (1983) Қазақ әдебиеті. XVII–XIX ғ.ғ. [Казахская литература. XVII–XIX вв.]. Алматы : Мектеп. 168 с. (На каз. яз.).

Сыздықова, Р. (1970) Абай өлеңдерінің синтаксистік құрылысы [Синтаксическое построение стихов Абая]. Алматы : Ғылым. 173 с.

Сыздықова, Р. (2000) Қазақ тілінің анықтағышы (емле, тыныс белгілері, сөз сазы) [Справочник казахского языка (правописание, знаки препинания, орфоэпия)]. Астана : Елорда. 480 с. На каз. яз.).

Сыздықова, Р. (2009) Қазақ тіліндегі ескіліктер мен жаңалықтар [Архаизмы и неологизмы в казахском языке]. Алматы : Арыс. 182 с. На каз. яз.).

Фазылжан, А. М. (2023) Қазақ тілінің ұлттық корпусын әзірлеу тәжірибесі [Опыт разработки Национального корпуса казахского языка]. Алматы : ЖК Асыл. 446 с. На каз. яз.).

Lord, A. B. (1991). *Epic Singers and Oral Tradition*. Ithaca and London: Cornell University Press. 280 p.

Plecháč, P., Kolár, R. (2015) The corpus of Czech verse // *Studia Metrica et Poetica*. V. 2. № 1. P. 107–118.

Дата поступления: 30.08.2024 г.

Дата принятия: 02.04.2025 г.

REFERENCES

- Akhmetov, Z. (1973) *Theory of the poetic word*. Almaty, Mektep. 212 p. (In Kazakh)
- Bazarbayeva, Z. M. (2008) *Kazakh intonation*. Almaty, Daik-Press. 281 p. (In Russ.)
- Bazarbayeva, Z. (2022) *Intonology*: in 5 vols. Almaty, Everest. Vol. 1. 440 p. (In Russ.)
- Baitursynov, A. (2003) *The study of literature*. Almaty, Atamura. 208 p. (In Kazakh)
- Baitursynuly, A. (1991) *Bright path*. Almaty, Zhalyyn. 494 p. (In Kazakh)
- Valikhanov, Ch. Ch. (1986) *On the forms of Kazakh folk poetry*. Moscow Nauka 416 p. (In Russ.)
- Gasparov, M. L. (1974) *Modern Russian verse Metrics and rhythmic*. Moscow, Nauka. 487 p. (In Russ.)
- Gasparov, M. L. (2002) *Essay on the history of Russian verse Metrics Rhythm Rhyme Stanza*. 2nd ed. ext. Moscow, Fortuna Limited. 319 p. (In Russ.)
- Gasparov, M. L. (2013) *Meter and meaning On one of the mechanisms of cultural memory*. Moscow, Fortuna EL. 414 p. (In Russ.)
- Grishina, E. A., Korchagin, K. M., Plungian, V. A. and Sichinava, D. V. (2009) The poetic subcorpus within the Russian National Corpus: general structure and application prospects. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka 2006–2008*. In: *Novye rezul'taty i perspektivy*, ed. by V. A. Plungian. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 502 p. Pp. 71–113. (In Russ.)
- Gumilev, L. N. (1999) *Ancient Turks*, comp. by A. I. Kurkchi Moscow, Institute DI-DIK. 480 p. (In Russ.)
- Zhanabayev, K. (2014) *The poetic system of the zhyrau works of the 15th–18th centuries Towards the foundations of literary translation*. Almaty, Kazakh University. 260 p. (In Russ.)
- Zhanabayev, K., Islyamova, U. and Seitbekova, A. A. (2022) Frequency poetic dictionary of the zhyrau language of the 15th–18th centuries. *Tiltanym*, no. 86(2), pp. 28–38. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.55491/2411-6076-2022-2-26-36>

- Zhanabekova, A. (2013) The role of linguistic annotation based on the experience of creating the National Corpus of the Kazakh Language. In: Zubov, A. V. (ed.) *Problems of modern applied linguistics*. Minsk, MSLU. 531 p. Pp. 212–216. (In Russ.)
- Zhanabekova, A. (2017) On the development of metadata for inclusion in the National Corpus of the Kazakh language. In: Malbakov, M. (ed.) *Materials of the international scientific-theoretical conference "The legacy of Akhmet Baitursynuly: research, systematization and popularization"*. Almaty, Eltany. 396 p. Pp. 229–234. (In Kazakh)
- Zhanabekova, A., Pirmanova, K. K. and Karbozova, B. D. (2020) Development of lexico-semantic annotation in the National Corpus of the Kazakh language. *Tyurkologiya*, no. 4, pp. 201–216. (In Russ.)
- Zhanabekova, A. and Kozhakhmetova, A.K. (2021) Processing of texts included in the metatagging using special computer software. *Tiltany*, no. 3, pp. 37–52. (In Russ.) DOI: <http://doi.org/10.55491/2411-6076-2021-3-37-52>
- Zholdasbekov, M. (1990) *Precious sources*. Almaty, Zhazushy. 352 p. (In Kazakh)
- Zhubanov, A. (2010) Theoretical foundations of building the electronic corpus of the Kazakh literary language. In: Khabieva, A. and Nuryumkyzy, G. (eds.) *Language and culture: the anthropocentric paradigm of language*. Materials of the republican scientific-theoretical conference dedicated to the 60th anniversary of Professor Zh. A. Mankeyeva. Almaty, Institute of Linguistics named after A. Baitursynuly. 385 p. Pp. 191–197 (In Kazakh)
- Zhubanov, A. (2016) The most valuable part of the search engine in the National Corpus of the Kazakh language is the metatagging characterizing the text as a whole. *Tiltany*, no. 2, pp. 3–9 (In Russ.)
- Zhubanov, A. and Zhanabekova, A. (2017) *Corpus linguistics*. Almaty, Kazakh language publishing house 336 p. (In Kazakh)
- Zhumagulov, A. B. (2012) *History of the periodization of Kazakh literature*. Karaganda, Buketov KarSU. 143 p. (In Kazakh)
- Kelimbetov, N. (1991) *Ancient literature*. Almaty, Mektep. 264 p. (In Kazakh)
- Kenzhebayev, B. (2004) *From the Turkic Khaganate to the present*. Almaty, Ana tili. 344 p. (In Kazakh)
- Korchagin, K. M. (2015) 20th century poetry in the poetic subcorpus of the Russian National Corpus: the problem of representativeness. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, no. 3(6), pp. 235–256 (In Russ.)
- Kyraubayeva, A. (1999) *Ancient literature*. Almaty, Kazakh University. 138 p. (In Kazakh)
- Orekhov, B. V. (2015) Once again about the research potential of the poetic corpus: meter, lexis, formula. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, no. 6, pp. 449–463 (In Russ.)
- Orekhov, B. V. (2019a) *Bashkir verse of the 20th century. A corpus-based study*. St Petersburg, Aleteya. 344 p. (In Russ.)
- Orekhov, B. V. (2019b) Meter of segments longer than a line in Bashkir syllabic verse. *Izvestiya RAN. Seriya literaturny i yazyka*, vol. 78, no. 2, pp. 41–50 (In Russ.)
- Orekhov, B. V. and Stepina, D. S. (2022) The Persian poetic corpus. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*, no. 1, pp. 65–72 (In Russ.)
- Ömiraliev, Q. (1976) *Language of Kazakh poetry of the 15th–19th centuries*. Almaty, Gylym. 269 p. (In Kazakh)
- Ömiraliev, Q. (2010) *Studies on Old Turkic literary monuments*. Almaty, Arys. 650 p. (In Kazakh)
- Plungyan, V.A. (2014) Non-classical verse of Lermontov: some details. *Uchyonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, no. 7 (144), pp. 40–51 (In Russ.)
- Savchuk, S. O., Arkhangelsky, T. A., Bonch-Osmolovskaya, A. A., Donina, O. V., Kuznetsova, Y. N., Lyashevskaya, O. N., Orekhov, B. V. and Podryadchikova, M. V. (2024) The Russian National Corpus 2.0: new possibilities and development prospects. *Voprosy yazykoznanii*, no. 2, pp. 7–34. (In Russ.) DOI: <http://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.7-34>
- Saparnyyazov, N. and Khozhaniyazov, U. (1959) *Sharyar*. Nukus, Karakalpak State Publishing House. 107 p. (In Russ.)
- Seitbekova, A. and Elesbay, N. (2024) Historical poetic subcorpus: a database of Old Kazakh poetic texts. *Tiltany*, no. 3, pp. 140–150. (In Russ.) DOI: <http://doi.org/10.55491/2411-6076-2024-3-140-150>
- Sichinava, D.V. (2012) Poetic subcorpus of the Russian National Corpus: some examples of searching for verse metrics. *Slavyanskiy stikh*, vol. 9, pp. 482–491 (In Russ.)
- Suvorov, M. N. (2015) *Medieval literature of the Muslim world*. St Petersburg, Presidential Library. 151 p. (In Russ.)
- Suyunshaliev, Kh. (1983) *Kazakh literature. 17th–19th centuries*. Almaty, Mektep. 168 p. (In Kazakh)
- Syzdykova, R. (1970) *Syntactic structure of Abai's poems*. Almaty, Gylym. 173 p. (In Kazakh)
- Syzdykova, R. (2000) *Kazakh language reference book (spelling, punctuation, orthoepy)*. Astana, Elorda. 480 p. (In Kazakh)

- Syzdykova, R. (2009) *Archaisms and neologisms in the Kazakh language*. Almaty, Arys. 182 p. (In Kazakh)
- Fazylzhan, A. M. (2023) *Experience of developing the National Corpus of the Kazakh language*. Almaty, ZhK Asyl. 446 p. (In Kazakh)
- Lord, A. B. (1991) *Epic Singers and Oral Tradition*. Ithaca, London, Cornell University Press. 280 p.
- Plecháč, P. and Kolár, R. (2015) The corpus of Czech verse. *Studia Metrica et Poetica*, vol. 2, no. 1, pp. 107–118.

Submission date: 30.08.2024.

Acceptance date: 02.04.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.2.20

Статья

Этнокультурный смысл артефактов карачаево-балкарской свадьбы: процессы десемантизации и приращения

Улданай М. Бахтикиреева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова;
Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Светлана К. Башиева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Российская Федерация

В статье рассматривается такой аспект изучения карачаево-балкарской свадебной обрядности, как десемантизация и приращение этнокультурных смыслов артефактов, прямо или косвенно связанных с обрядами свадьбы. Эмпирический материал получен методом выборки наименований предметов и явлений из документальных, лексикографических, этнографических, фольклорных источников и включает номинации артефактов двух видов — «околосвадебные» и свадебные.

Заложенные этнокультурные смыслы «околосвадебных» артефактов обеспечивают реализацию ценностно-ориентационной, регулирующей, аксиологической и др. функций, межпоколенной трансмиссии. Их можно разделить на актуальные, функционирующие в современной жизни этноса и неактуальные, сохраняющиеся в языковой системе в качестве историзмов и архаизмов, которые получили замены.

Актуальными для обряда сватовства в прошлом являлись различные предметы. Они не имеют прямого отношения к свадебному обряду, однако их сопроводительная функция заключалась в содержащейся в них невербальной информации, которые сватам необходимо «прочитать» и принять адекватные решения. Ряд артефактов ярко демонстрируют процесс десемантизации этнокультурного смысла, они принципиально не декодируются, как прежде.

Ключевые слова: свадебная обрядность; культурный артефакт; этнокультурный смысл; десемантизация; карачаево-балкарская культура

Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (договор № 43) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования:

Бахтикиреева У. М., Башиева С. К. Этнокультурный смысл артефактов карачаево-балкарской свадьбы: процессы десемантизации и приращения // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 339-353. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.20>

Бахтикиреева Улданай Максумовна — доктор филологических наук, профессор, приглашенный профессор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова; профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка Российского университета дружбы народов. Адреса: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10А. Эл. адрес: uldanai@mail.ru

Башиева Светлана Конакбиевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: bfo-pdo@mail.ru

Article

The ethnocultural meaning of the artifacts of the Karachay-Balkarian wedding: the processes of desemantization and increment

Uldanai M. Bakhtikireeva

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, RUDN University, Russian Federation,

Svetlana K. Bashieva

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Russian Federation

The article examines an aspect of the study of Karachay-Balkar wedding rituals — namely, the desemantization and the accretion of ethnocultural meanings in artifacts directly or indirectly related to wedding ceremonies. The empirical material was collected through a sampling method of object and phenomenon names drawn from documentary, lexicographic, ethnographic, and folkloric sources. It includes nominations of two types of artifacts: “pre-wedding” and wedding related.

The embedded ethnocultural meanings of “pre-wedding” artifacts serve to realize various functions, including value-orientational, regulatory, and axiological, as well as intergenerational transmission. These artifacts can be classified into those that remain relevant and function within the contemporary life of the ethnic group, and those that are no longer relevant preserved within the linguistic system as historicisms and archaisms that have since been replaced.

In the past, various items were considered essential to matchmaking rituals. While not directly related to the wedding ceremony itself, their accompanying function was rooted in the non-verbal information they conveyed—information that had to be “read” and interpreted appropriately by the matchmakers. A number of these artifacts vividly illustrate the process of desemantization of ethnocultural meaning, as they are no longer decoded in the same way as before.

Keywords: wedding ritual; cultural artifact; ethnocultural meaning; desemantization; Karachay-Balkar culture

Financing

The study was conducted with the financial support of an Internal grant from the Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov within “Priority 2030” program (agreement no. 43).

For citation:

Bakhtikireeva U. M. and Bashieva S. K. The ethnocultural meaning of the artifacts of the Karachay-Balkarian wedding: the processes of desemantization and increment. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 339-353. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.20>

BAKHTIKIREEVA, Uldanai Maksutovna, Doctor of Philology, Professor, Visiting Professor, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov; Professor, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University. Postal addresses: 173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia; 10A Miklukho-Maklaya St., 117198, Russia, Moscow. E-mail: uldanai@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5088-7568

BASHIEVA, Svetlana Konakbievna, Doctor of Philology, Professor, Head, Department of Russian Language and General Linguistics, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia. E-mail: bfo-pdo@mail.ru

Введение

Термин *десемантизация*, который в лингвистике принято использовать в случаях изучения постепенной утраты лексического значения слова, используется в разных дисциплинах гуманитарного цикла. Он заметно актуализировался в исследованиях, посвященных десемантизации сакральных конструктов, культурных процессов, психологических практик в общем культурном контексте (Щербинин, Щербинина, 2019; Дичковская, 2018; Соколова, 2022; Михайлова, 2010; и др.).

В данной статье под этим термином понимается исчезновение ранее имевшегося этнокультурного смысла в отдельных артефактах—предметах действительности (вещь, явление, процесс, признак). Этнокультурный артефакт — любой феномен бытовой и духовной жизни этноса: орудие труда, жилище, одежда, предмет бытовой утвари, продукт национального ремесла и др., традиционные обряды и ритуалы, как правило, наряду с собственными физическими характеристиками, раскрывающими утилитарный смысл конкретного артефакта, имеет и знаковое, символическое содержание в силу включенности в «семиотическое пространство» (Лотман, 1996: 165)¹ бытовой и духовной культуры этноса.

Единство трех элементов (*означающее — денотат — означаемое*) как категория значения и основная единица семантики², транслируется не только словом, но и сочетанием, включая фразеологические единицы, и содержит дополнительный, этнокультурный смысл. В исторической перспективе сопутствующие любому обряду этнокультурные артефакты, как и сами обряды, могут утрачивать заложенный предшествующими поколениями этноса смысл, то есть подвергаться процессу десемантизации или наращению.

Процессы десемантизации этнокультурных смыслов свойственны и свадебной обрядности. Это всемирное явление сохраняет непреходящую актуальность как объект научных исследований. Описание свадебных обрядов и ритуалов, традиций их организации и проведения в различных регионах мира³ свидетельствуют о том, что свадьба как «комплекс обрядов, отмечающих заключение брака»⁴, является одним из наиболее важных событий, сопровождающих жизнь отдельного субъекта и общества (рождение ребенка, внука, переезд в другую страну, похороны и др.). Обрядовые и ритуальные действия, в т. ч. предсвадебные и свадебные представляют собой образец синкретизма слова и действия, реалий и символов, номинации и этнокультурных смыслов. Вбирая в себя фрагменты разных исторических эпох, этот вид действий отражает общественные отношения и является социально-детерминированным фактом.

Современные глобализационные процессы, экспансия массовой культуры, переход к новой ступени развития цивилизации—информатизации также, как и предыдущие, влияют на трансформацию этнических обрядностей, общественного сознания этноса и его системы ценностей. Собственно этот вывод справедлив по отношению к большинству ритуально-обрядовой деятельности этносов, живущих на постсоветской территории. Свадебная обрядность остается одним из важнейших индикаторов этнической идентичности, несмотря на заметную трансформацию их социальных функций, и является интересным объектом для исследований (Ламажаа, 2021: 77, 97; Тувинцы. Родные ... , 2022: 138).

¹ «Таким образом, любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать. Неразложимым работающим механизмом — единицей семиозиса — следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство» (Лотман, 1996: 165).

² Семантика [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3546954?ysclid=m9gnx58h7m65193787> (дата обращения: 15.03.2025).

³ См. напр.: Островский Е. Б. Вологодский свадебный фольклор: История, традиции, поэтика: дисс. ... канд. филол. н. М., 1999; Финько О. С. Лексика свадебного обряда Кубани: на материале обрядовой практики станицы Черноерковской Краснодарского края: дисс. канд. филол. н. Курск, 2011; Абаева Ф. О. Обрядовый свадебный текст осетин: лексика, семантика, символика: дисс. ... канд. филол. н. Владикавказ, 2013; Романюк П. Ф. Лексика некалендарных обрядов Правобережного Полесья (на материале свадебного обряда): дисс. ... канд. филол. н. Киев, 1984; и мн. др.

⁴ Свадьба [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/4994474?ysclid=m8rg61p53887277941> (дата обращения: 23.03.2025).

Вне сомнений, не статична, но динамична и карачаево-балкарская пред- и свадебная традиция. При сохранении смыслового ядра наблюдается динамика периферийной зоны — приращение или исчезновение этнокультурных смыслов, прежде имевшихся в тех или иных сопутствующих данной обрядности вещах, явлениях. Это обнаруживается при анализе номинаций артефактов, репрезентирующих особенности кодирования предметов и явлений бытовой и духовной культуры этноса. Одни «архетипические» ритуалы свадебной обрядности сохранились до наших дней, а другие приобретают характер архаики, что демонстрирует «свадебный» лексический состав языка (Шаймердинова, 2019: 86).

Результатом процесса десемантизации считается редукция или полная утрата, или приращение этнокультурного смысла той или иной вещи или явления, что в свою очередь ведет к трансформации семантики этнокультурного пространства в целом, развитию новых смыслов и форм этнокультуры. В «свадебном» дискурсе карачаево-балкароведения, берущем начало своего письменного оформления с середины XIX в. и продолжающемся в отдельных исследованиях постсоветского периода, в которых в той или иной мере рассматриваются историко-социокультурные изменения свадебной обрядности, процессы десемантизации и приращения этнокультурного смысла артефактов недостаточно подвергаются научной рефлексии.

Цель настоящей статьи — актуализировать такой аспект изучения карачаево-балкарской свадебной обрядности, как десемантизация и приращение этнокультурных смыслов артефактов, прямо или косвенно связанных с обрядами свадьбы. Достижение поставленной цели реализуется посредством решения следующих задач: а) изучение и обобщение документальных источников (публикаций) с последующим выявлением уровня научной рефлексии в заявленном аспекте; б) анализ эмпирического материала, репрезентирующий процессы десемантизации и актуализации этнокультурных смыслов артефактов.

Эмпирический материал, использованный в статье для аргументации выдвинутого аспекта изучения, получен методом выборки наименований предметов и явлений из документальных, лексикографических, этнографических, фольклорных источников и включает номинации артефактов двух видов: а) «околосвадебные», т. е. применяемые в повседневной жизни карачаевцев и балкарцев как этнокультурные объекты и занимающие важное место в свадебных мероприятиях; б) свадебные, непосредственно являющимися самостоятельными объектами свадебной обрядности.

Обзор литературы

В научной литературе, исследующей различные аспекты карачаево-балкарской свадебной обрядности, получили свое отражение исторические, этнографические, социальные и другие особенности церемониала создания семьи. Представители разных отраслей научного знания, преследуя свои цели и задачи, неизменно работают с языковым материалом, относящимся непосредственно или косвенно к изучаемому объекту, поскольку «учет языкового контекста имеет большое значение для адекватного освещения вопросов, находящихся в поле зрения таких смежных научных дисциплин, как культурология, социология и история и т. п.» (Нещименко, 1994: 78).

До сих пор точкой отсчета в научном изучении этого объекта остается работа русского историка Н. Ф. Грабовского, впервые в рамках сбора материалов о народах, проживающих на Кавказе, описавшего модель балкарской свадьбы в российской науке середины XIX в.¹ Значительно позже появились другие исследования. Особенности заключения брака и свадебных обрядов карачаевцев в период с XIX до начала XX в. описаны этнографом И. М. Шамановым (Шаманов, 1979); информативные сведения о свадебной обрядности представлены в ряде трудов балкарского хореографа М. Ч. Кудаява (Кудаяв, 1988, 2003, 2011, 2012). Значимой для наших поисков представляется монография этнолога и историка М. Ч. Кучмезовой, в которой рассматриваются компоненты соционормативной культуры балкарцев в прошлом и их современных функций (Кучмезова, 2003). Субстратные и суперстратные напластования в культуре, традиционные и общественные институты социальной адаптации индивида выживания этноса в конкретной географической и геополитической среде, воздействие совре-

¹ Грабовский Н. Ф. Свадьба в горских обществах Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 3–24.

менной массовой культуры с её объективно новой эстетикой и ценностями, по ее наблюдениям, не обошли и свадебные обряды.

Специалист в области педагогики К. Б. Семенов фокусирует исследовательское внимание на дидактическом потенциале запретов, знание которых можно использовать в качестве одного из эффективных средств формирования подрастающего поколения. Владение информацией о запретах и избеганиях, существующие во внутрисемейных отношениях карачаевцев и регулирующие взаимоотношения между молодожёнами и родителями мужа, между женой и мужем, между детьми и их родителями, между зятем и родителями (Семенов, 2006), несомненно, важно для поддержания этнической культуры, этнической педагогики и нравственного воспитания в целом.

Работа А. М. Сарбашевой, посвященная анализу традиционной свадебной обрядности, рассматривает, в частности, и малоизученный комплекс вопросов, связанных с фольклорно-этнографическими истоками драматургических форм балкарцев (Сарбашева, 2014).

Этнолог и историк А. Н. Болурова посвятила свою статью регулированию брачных отношений у карачаевцев. В ней освещаются вопросы экзогамных запретов, предписывающих невозможность заключение брака между лицами, имеющими общих предков, и сословных ограничений и др. (Болурова, 2018).

Из краткого обзора исследований в смежных с лингвистикой отраслях знаний можно сделать вывод о том, что трансформация этно-коннотированных артефактов, основным механизмом функционального статуса которых в карачаево-балкарских обрядовых мероприятиях являются этнокультурные смыслы, еще недостаточно исследована. Перспективу в плане развертки разноаспектных исследований карачаево-балкарской свадьбы мы усматриваем в указанных выше трудах М. Ч. Кудаева. Наряду с различными особенностями культуры проведения церемониала создания семьи ученый сосредоточил внимание на этнокультурной специфике древних свадебных танцев и, в частности, на номинациях предметов, символизировавших тактики поведения родителей девушки при приеме сватов (Кудаев, 2011). Описание процесса трансформации этнокультурных смыслов нами выявлено в упомянутой выше монографии М. Ч. Кучмезовой, где среди других аспектов уделяется внимание и свадебной традиции.

Из последних работ, отвечающих нашим поискам, особо отметим работу историков Р. М. Бегулова и Р. Ш. Зельницкой. Преимущественно на полевом материале, собранном в ходе этнографической экспедиции в 2017 г. в Карачаево-Черкесию (Большой Карачай: села Карт-Джурт, Учкулан, Хурзук; населенные пункты Теберды и нового Карачая), исследователи изучили проблему трансформации свадебной обрядности, произошедших на протяжении XX в. Анализируя важнейшие этапы свадебного ритуала в Карачае, авторы статьи делают вывод о том, что влияние ислама и русско-европейских традиций, заметное упрощение некоторых обрядов и ритуалов за столетний период не разрушило этнокультурное ядро карачаевского свадебного и предсвадебного «института» (Бегулов, Зельницкая, 2018).

С лингвистических позиций активное осмысление и описание карачаево-балкарской свадебной обрядности, как полагаем, началось в 2000-х гг. К первым работам относим статью А. К. Аппоева¹, в которой собранные автором термины условно делятся «на несколько групп: а) термины, обозначающие персонажей свадьбы; б) термины декоративного убранства праздничных церемоний; в) термины дарообмена; 2) термины штрафов и шуточных выкупов; д) термины циклов традиционной свадьбы»². В небольшой по объему статье А. К. Аппоева прозвучал и такой вывод: «Наши наблюдения показывают, что в последние годы некоторые обряды постепенно исчезают или подвергаются трансформации. Этот процесс, к сожалению, способствует ослаблению функционального потенциала этнографической лексики»³.

¹ Аппоев А. К. Этнографические термины, связанные со свадебными обрядами балкарцев // Материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых : в 5 т. Нальчик Каб.-Балк. ун-т, 2002. Т. 1. С. 15–17.

² Там же. С. 15–16.

³ Там же. С. 17.

Чуть позже в диссертации А. К. Аппоев осуществил попытку выявления системного описания этнографической лексики карачаево-балкарского языка¹. По сути, это был первый опыт всестороннего этнографического исследования этнографизмов в карачаево-балкароведении (1 тыс. лексических единиц). Этнографическая лексика охарактеризована автором в зависимости от ее отношения к современному карачаево-балкарскому литературному языку, рассмотрена структура, основные способы и типы образования этнографической лексики, выделены архаизмы, историзмы, неологизмы².

Этнографизмам, репрезентирующим повседневную жизнь карачаевцев и балкарцев и занимающим важное место в свадебных мероприятиях, и собственно «свадебным» уделено отдельное внимание. Так, в номинациях по материалу представлены следующие «свадебные и околосвадебные» этнографизмы: *саман юй* 'саманный дом', *таш юй* 'дом из камня; *томуроу / тёнгертке (карач.) юй* 'рубленный (бревенчатый) дом' и др., а также *ожакъ* 'очаг, который образуется в результате горения' (от *жакъ* 'развести огонь'), *келинни юйге кийириу* 'обряд введения невесты в дом' (от *келинни юйге кийирген* 'ввод невесты в дом'), *киеу кёрюне барыу* 'обряд посещения зятем дома жены'; *киеу кёрюне баргъан* 'посещение зятем родительского дома жены'; *бёрк алыу* 'обычай срывания шапки' (после свадьбы, во время первого прихода зятя в дом родителей невесты кто-либо из молодых родственников невесты может сорвать шапку с головы жениха, за что дружки жениха должны дать выкуп); *къыз кёрюу* 'обычай смотра невесты, смотрины'; *къыз къачырыу* 'обычай умыкания девушки'; *тил тутуу* 'обычай молчания (запрет невестке разговаривать со старшими родственниками мужа до их ритуального разрешения)'; *келин келтириу* 'обычай доставки невесты в дом жениха' и др.; *балдыз* 'свояченица', *келин 'сноха'*³.

В более поздней работе, посвященной свадебной обрядности, А. К. Аппоев (Аппоев, 2011) выбранные номинации разделяет на две большие лексико-семантические группы на основе денотативной функции: термины материальной культуры и термины духовной культуры, которые в свою очередь подразделяются на более мелкие разряды и подгруппы. К наименованиям, связанным с традиционными обрядами сватовства, бракосочетания исследователь относит: *келечи* 'сват'; *келинни юйге кийириу* 'обряд введения невесты в помещение, где живут родители мужа, и показ ее родителям и родственникам жениха'; *жоллукъ* 'выкуп за проезд или проход' (свадебный обряд); *жегенден тюшюрюу* 'вывод невесты из родительского дома'; *неках* 'бракосочетание (по мусульманскому обряду)'; *къалын* 'калым, выкуп за невесту'; *неках сый* 'подарки, которые приносят со стороны жениха в дом девушки при помолвке'; *аталыкъ* 'подарки, даримые невестой свекру'; *аналыкъ* 'свадебный подарок матери (от жениха или невесты)'; *баш ау алыу* 'показ невесты родителям и родственникам жениха, после чего она приобщается к домашнему труду'; *дигиза* 'женщина или девушка, обслуживающая молодую невесту, в первые брачные дни'; *атланган той* 'танцы, устраиваемые по случаю проводов гостей в путь'; *атланган аякъ* 'чаша с напитком (бузой) или спиртные напитки с закуской, подаваемые жениху и его товарищам для выпивания перед отъездом из дома или гостям, уходящим от праздничного стола'; *юйге киргенлик* 'подарок в дом родственников мужа в честь первого визита молодой невестки'; *сый* 'подарки в виде продуктов, вещей, скота, которые посылает дом жениха в дом невесты после свадьбы'; *кёрюмдюк* 'подарок за смотрины' (в честь того, что впервые увидел молодую невестку или новорожденного); *къоз бёрк* 'ореховая шапка', высоко устанавливаемая шапка из прутьев, обтянутая шелковой тканью, чаще бархатом, с лакомствами и подарками, за которыми парни-смелычаки лезут по промасленному ремню; доставший шапку раздает лакомства и подарки девушкам; *тенгек сый* 'приз, выделяемый из сувениров невесты для награждения победителя по стрельбе'; *неках табакъ* 'поднос — подношение со свадебной ритуальной пищей в знак бракосочетания'; *гяпчи* 'ряженный — персонаж свадьбы, развлекающий народ на свадьбах'; *болуш юй* 'дом, где в первые брачные дни пребывает жених'; *орайда* 'народная песня, которая исполняется, когда выводят невесту и приводят в дом жениха' и др. (там же: 25–29).

Для наших поисков значимым является вывод ученого о том, что изучение этнографической лексики по лексико-семантическим группам предоставляет возможность «установить природные ус-

¹ Аппоев А. К. Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка : автореф. дис. ... канд. филол. н. Нальчик, 2003.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 15, 20–22.

ловия, в которых проходила жизнь народа, его основные занятия, особенности хозяйства, жилища, древнейших верований, психологию народа» (там же: 30). Этот вывод расценивается нами как наличие в лингвистическом «свадебном» дискурсе понимания необходимости системного осмысления тематических этнографизмов.

Вместе с тем мнение о том, что среднему и молодому поколению практически неизвестны «общелитературные, народные и региональные их наименования», потому что многие этнографизмы «не отражены в словарях» (там же: 26), мы не разделяем. Незнание той или иной тематической лексической единицы связано не с тем, что молодые люди не заглядывают в словари. Актуальность и витальность этнографизмов определяется частотностью их использования в этнолингвокультуре, а частотность в свою очередь напрямую зависит от социально-культурных изменений.

А. А. Девеева сосредоточивает внимание на описании основных лексико-семантических групп свадебной лексики, репрезентирующей процесс подготовки к свадьбе, процесса сватовства. Здесь также проводится идея актуальности изучения этнокультурных свадебных ритуалов, посредством которых возможно более глубокое познание самобытности духовной культуры карачаево-балкарского этноса (Девеева, 2017). Однако развернутого описания эта идея не получила, так же, как и в другой статье (Девеева, Додуева, 2016).

Более результативной представляется статья А. Т. Додуевой, А. А. Жабоевой, А. А. Девеевой, посвященная локативам в лексике свадебного обряда карачаевцев и балкарцев, которые репрезентируют пространственные значения номинаций жилища человека: *юй* 'дом', *ата юйю* 'отчий дом' и др., и его частей: *отоу* 'комната молодожёнов' и др. Такой подход позволил прийти к выводу о том, что полисемичное слово *жер* 'место, местность; пространство; земля, территория' является центром поля локативности и «общим идентификатором» имён пространственной семантики, раскрывающей свадебную обрядность, и «выполняет функцию конкретизатора пространственных отношений» (Додуева, Жабоева, Девеева, 2018: 166–168).

Определенный вклад в преодоление статичности лексико-семантического описания внес один из авторов настоящей статьи в работе, посвященной лингвокогнитивному осмыслению гендерной обрядовой нормы — соблюдение девушкой правил добрачного поведения, сохранение целомудрия, этап перехода невесты в статус замужней женщины. На примерах вербального оформления гендерных норм в рамках «свадебных» фразеологических единиц обосновывается вывод о связи морально-этических ценностей с понятиями честь рода, семьи, девушки; любое неблагоприятное деяние расценивается как позор семьи, рода (Аликаев, Башиева, 2013).

Значимым заделом для нашего исследования является и другая работа этих же лингвистов. Справедливо отметив, что современная кавказская свадьба представляет собой синтез традиционных и новых, «посткоммунистических форм отражения коллективного знания», авторы отмечают, что карачаево-балкарская свадебная традиция обогатилась элементами, ранее свойственными русской свадьбе («комсомольской»), «появилась инвариантная модель свадьбы при сохранении основных черт свадебного обряда, таких, как сценарность, праздничность, коллективность, эстетичность, эмоциональность, символичность, динамичность» (Аликаев, Башиева, 2019: 65). На материале ассоциативного эксперимента авторы статьи подвергли анализу лексико-фразеологические и паремнологические единицы и предложили ряд тематических групп, отражающих различные этапы свадебной обрядности (брачный возраст невесты; смотрины; сватовство; подготовка к свадьбе и др.). Особое внимание уделено взаимосвязи языковых и этнокультурных смыслов номинаций, отражающих специфику мироощущения, этнического сознания носителей карачаево-балкарской этнолингвокультуры, указано на факт утраты некоторыми словами и сочетаниями этнокультурного смысла (там же: 65–69).

Резюмируя обзор лингвистических исследований, посвященных карачаево-балкарской свадебной обрядности, можно определенно утверждать, что проблемное поле десемантизации и приращения этнокультурных смыслов является недостаточно изученным. Отдельные выводы языковедов, упоминающих о процессах изменений и новаций, не получили специального описания. Вместе с тем некоторые артефакты как базовые элементы свадебной обрядности, транслирующие вербальную и невербальную объективацию этнической картины мира карачаевцев и балкарцев, деактуализировались (Аликаев, Башиева, 2019), другие, напротив, расширили этнокультурный смысл. И эти процессы требуют изучения не только в рамках узконаправленных координат одной лингвистической дис-

циплины: социоллингвистика, этнолингвистика, этнопсихоллингвистика, лингвистическая культурология, когнитивная лингвистика и др.

В совокупности обзор представленных выше документальных источников позволяет сделать вывод о том, что интерес к свадебной обрядности в карачаево-балкарском языке не ослабевает. В некоторых работах (Кучмезова, 2003; Бегеулов, Зельницкая, 2018; Аликаев, Башиева, 2019) так или иначе отмечается трансформация ранее имевшихся этнокультурных смыслов. Вместе с тем представляется очевидным то, что прошлые и современные формы данного объекта, изменения и новации, трансформация его функционала, и в частности — десемантизации и приращения этнокультурных смыслов артефактов требуют междисциплинарного изучения не только в рамках одной науки.

«Околосвадебные» этнокультурные артефакты

Составной частью терминологии свадебного обряда являются лексические единицы, объективирующие различные этапы торжества и связанные с ними ритуалы, представляющие этнокультурную ценность как сакральные знаковые компоненты. Они, наряду с другими средствами репрезентации многочисленных составляющих свадебного торжества, ситуативно обусловленных на всех этапах, способствуют укреплению этнической идентификации, сохранению этнокультурной памяти, этнической картины мира.

Суммируя исследования предшественников, можно уверенно говорить о том, что свадьба в карачаево-балкарском языке номинируется общетюркской лексемой *той* 'празднество, торжество' и его дериватом *юйленгенде... этилиучю... кэуанч*¹. Компонент *юйленген* от лексемы *юй* 'дом, квартира, жилье, место обитания или жизни людей' имеет значение 'обзаводиться семьей' и в основном репрезентирует семейный статус мужчины² (ср.: карач.-балк. *юй болургъа*, казах. *уй болу*, киргиз. *уйлөнүү*, турец. *evlenmek*). Наличие в карачаево-балкарском языке лексических единиц *юйюр* 'семья', *юйдеги* 'супруга' (досл. та, которая дома), *юйдегилендириу* 'женитьба', *юй башчы* 'глава семьи' (досл. глава дома), *юй бийче* 'супруга' (досл. княгиня дома), *юй кэуаргъа* 'создать семью' (досл. создать дом), *юйленирге* 'жениться, вступить в брак', *юйдегили* 'семейный, женатый', *юйлю* 'член семьи, домашний, семейный'³, фразеологических единиц *кэызыны юйден чыгъарыргъа* 'выдать замуж' (досл. вывести девушку из дома), *келинни юйге кийирирге* 'выйти замуж' (досл. ввести невесты в дом; имеется в виду в дом жениха) является свидетельством того, что семантика слова *юй* 'дом' не ограничивается значением жилища, содержит этнокультурный смысл сакрального места в картине мира карачаево-балкарского этноса.

Другая ситуация обстоит с некоторыми «околосвадебными» номинациями, которые можно вывести в разряд *историзмов, архаизмов* в карачаево-балкарской языковой системе.

Так, например, центральное место в жилище занимал *отжагъа* 'очаг', который символизировал отчий дом, единение семьи⁴. Он представлял собой окруженное плоскими камнями место для разведения огня в центре жилища. Над ним к потолку крепились *от сынжырла* 'очажные цепи'. Они, как и у других народов, символизировали незыблемость семейного очага и традиций. В карачаево-балкарской мифологии дом олицетворял космос, очажная цепь символизировала ось, свисающую с неба (Джуртубаев, 2011:418), поэтому образно-символическим компонентом свадебного обряда являлся ритуал приобщения невесты к очагу — *келинни юйню отжагъасына тийдирген адет* 'обычай прикосновения невесты к очагу', который состоял из вождения невесты вокруг очага женщиной — старшей в семье жениха, прикосновения правой руки невесты к надочажной цепи. В ходе изменения архитектуры жилища, адаптации его к более комфортным условиям, появления печи с дымоходом *отжагъа* 'очаг', *сынжыр* 'цепь' утратили утилитарные свойства, но сохранились как архаичные вербальные репрезентанты этнокультурных объектов. Этнокультурный смысл этих артефактов редуцирован и далеко не конвенционален, а сами номинации в силу привязанности их к определенному сценарию конвенциональны в языковой системе лишь в качестве историзмов или архаизмов.

¹ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка] / отв. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 2005. Ючтомлукъ III. С. 540.

² Там же. С. 1134.

³ Там же. С. 1132–1135.

⁴ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка] / отв. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 2002. Ючтомлукъ II. С. 1077.

От 'огонь', как и у других народов, имел сакральный смысл: его гасили при смерти члена семьи, что репрезентировано в карачаево-балкарском фразеологизме *оту ёчюлдю* досл. 'его огонь погас', *оту суууду* досл. 'его очаг остыл', *отуна суу тёгюлдю* досл. 'его очаг залили водой', *оту жукълады* досл. 'его огонь заснул', а также в проклятии *отунг ёчюлсюн* 'пусть погаснет твой огонь'.

Зона очага *от жери* состояла из двух локусов — дальнего от двери — *от башы* (букв. 'голова огня'), *от аягъы* (букв. 'нога огня') — близкого к двери. Гостей сажали на самое почетное место в доме — *от башы*, символизирующее почитание старших по возрасту, поэтому предназначенное, как правило, для главы семьи *юй тамата*, гостей *къонакъла*, в том числе и сватов — *келечиле*. М. Ч. Кудаяев отмечает, что «огонь в очаге выступал как очистительная сила, способная помочь в успехе переговоров. Тушить огонь, когда шли переговоры, считалось большим оскорблением для сватов» (Кудаяев, 1988: 35). В данном случае также наблюдается процесс редукции этнокультурного смысла в устойчивых ранее словосочетаниях: *от башы*, *от аягъы*.

В современной повседневной традиции вместо *очага* используются артефакты *къанга башы* (досл. 'голова стола') — почетная часть помещения, *эшик арты* (досл. 'за дверью') — менее почетная часть. Следы специфики этнического восприятия огня, этнокультурной памяти карачаевцев и балкарцев сохранились во фразеологических единицах с компонентом *от 'огонь'*, например, *от башына олтурургъа* 'сесть на почетное место'. Вокруг очага совершались различные обряды, которые включали обязательное обращение к божествам, главным из которых в пантеоне тюрков, как известно, был *Тенгри* (*Тейри*) — персонифицированное существо, которое, по представлениям тюрков, обладало неограниченной властью¹.

Таким образом, анализ представленных «околосвадебных» артефактов позволяет сделать вывод о том, что заложенные в них этнокультурные смыслы обеспечивают реализацию важных функций — межпоколенной трансмиссии, ценностно-ориентационной, регулирующей, аксиологической и др. функций. Их можно разделить на актуальные, функционирующие в современной жизни этноса, и неактуальные, сохраняющиеся в языковой системе в качестве историзмов и архаизмов. Такие лексемы, как *той*, *юйленген той* продолжают репрезентировать в вербальной форме явления, относящиеся к ядру не только этнолингвокультуры, но и сохраняют этнокультурный смысл. Это же утверждение справедливо в отношении лексемы *юй* 'дом', не ограничиваемой, как было подчеркнуто выше, значением жилища, а в сочетании с дериватами расширяет этнокультурный смысл: *юйюр*, *юйдеги*, *юйдегилендириу*, *юй кзуаргъа*, *юйленирге*, *юйдегили*, *юйлю*, *къызыны юйден чыгъарыргъа*, *келинни юйге кийирирге* и др. Все они входят в словообразовательную систему, объединенную сакральным значением в картине мира карачаево-балкарского этноса.

Вместе с тем такие артефакты, как *от башы*, *от аягъы*, *от сынжырла*, *келинни юйню отжагъасына тийдирген адет* — десемантизировались и остаются в качестве архаичных вербальных репрезентантов этнокультурных объектов; они могут быть отражены при необходимости в лексикографических источниках как архаизмы и историзмы. В современной же традиции вместо *от башы* используется сочетание *къанга башы* 'почетное место', а вместо *от аягъы* — *эшик арты* 'менее почетное место'.

Десемантизированные ритуальные коммуникативные практики

Согласно этикету карачаевцев и балкарцев, сватов принимали за столом в верхней части очага, вокруг которого происходили все дальнейшие обрядовые действия. Поскольку родителям нельзя было хвалить дочь, задавать вопросы, касающиеся жениха, его семьи, они пользовались различными предметами, в частности орудиями труда, кухонной утварью и т. д., которые, по мнению М. Ч. Кудаяева, символизировали виды желаемой информации (Кудаяев, 1988). Таким образом, речь идет об этнокультурной ритуальной коммуникации. Полагаем, что о таком виде коммуникации писал М. Эпштейн еще четыре десятилетия, призывавший к осмыслению и описанию новой отрасли знания — реалогии — науки и вещах (Эпштейн, 1985). Постижение духовного содержания, этнокультурных смыслов вещи, её историко-социокультурной значимости следует рассматривать как по-

¹ В карачаево-балкарском языке нечасто, но используются до сих пор пожелания и проклятия с компонентом *Тейри*: *Тейри насыпны кёп берсин* (досл. 'пусть Тейри даст много счастья'), *Тейри урсун* (досл. 'пусть Тейри ударит тебя').

стижение мировоззренческих установок, исторических, идеологических и других смыслов, которыми наделяет вещи тот или иной этнос в историческом процессе — в этом заключается призыв М. Эпштейна.

Актуальными для предварительного этапа свадьбы — обряда сватовства — в карачаево-балкарской этнолингвокультуре в прошлом являлись различные предметы, по локации которых в помещении сваты получали информацию о тактиках поведения семьи девушки, то есть артефакты выступали в качестве особого канала коммуникации. Для их декодирования гости должны были владеть определенными ритуально-коммуникативными компетенциями. Аналитика эмпирического материала подтверждает данную мысль: ни один из предметов по своему лексикографическому значению не имеет прямого отношения к свадебному обряду, однако их сопроводительная функция заключалась в содержащейся в них невербальной информации, которые сваты должны были «прочитать» и принять адекватные решения.

Некоторые артефакты ярко демонстрируют процесс десемантизации этнокультурного смысла, они принципиально не декодируются, как прежде.

Так, например, это можно показать на совершенно неожиданном предмете — очажные щипцы *кысхач* / *кычхач* (карач.-балк. *кысхач*; алт. *кыскаш*; каз. *қысқаш*; тув. *кыскаш* от общетюркского полисемичного глагола *кыс* в значении ‘сжимать, сдавливать, стискивать’)¹ в значении ‘орудие труда, используемое для сжимания, схватывания чего-либо’². Устойчивое словосочетание *от кысхач* ‘очажные щипцы’ у карачаевцев и балкарцев связано с культом отжагъа — очага, *от орун* — места очага, *от сынжыр* — ‘надочажной цепи’. Посредством очажных щипцов родители девушки сигнализировали о своем решении (Кудаев, 2011: 7). Повернутые к очагу раскрытые очажные щипцы означали готовность семьи к переговорам; повернутые ручками к окну — исключение умыкания девушки, так как она не достигла брачного возраста; повернутые к двери — продолжение переговоров в другой день; закрытые щипцы — окончание переговоров. Иногда вместо щипцов использовались другие функционально активные предметы, например, *къашыкъ* ‘ложка’. Если её головка была повернута к очагу, семья согласна начать переговоры; к окну — переговоры переносятся; к дверям — переговоры окончены. «В случае согласия семьи девушки мать прикасалась к очажным цепям» (Аликаев, Башиева, 2019: 66).

Кстати, заметим, что в других этнокультурах очажные щипцы и другие очажные атрибуты также, помимо утилитарного значения, заключают в себе этнокультурные смыслы. В современных карачаево-балкарских коммуникативных предсвадебных стратегиях такой канал коммуникации деактуализировался, соответственно, и коммуникативные навыки, свойственные предшествующим поколениям, утратились.

Каналом коммуникации выступала и новая обувь *жангы аякъ кийим*. Если её ставили около гостей, это означало, что к девушке сватаются и другие. Если на столе были *альчики* ‘надкопытные косточки животных (чаще всего бараньи)’, то требовалась дополнительная информация о материальном положении жениха. Информацию о статусе жениха родственники невесты получали и с помощью других артефактов. Например, профессию кузнеца символизировал *чѣгюч* ‘молоток’, профессию ювелира *жюзюк* ‘кольцо’ и т. д.

Гастрономические артефакты, которые сторона девушки использовала как маркер оценки ситуации и своеобразный, этнокультурный канал коммуникации, имели целью получить информацию о наличии или отсутствии проблем, препятствующих согласию родителей. Например, подача на стол *бушто* ‘тюри’ означала, что жених намного старше невесты; *кзуут*, *талкъан* ‘толокна’ — жених бедный, *кѣозла* ‘орехов’ — у жениха много братьев, *хыяр урлукъла* ‘тыквенных семечек’ — у жениха много сестер (Кудаев, 2011: 18–20); *айрана* ‘кисломолочного продукта’ — у девушки есть старшая сестра, молока ‘*сут*’ — не устраивает возраст парня, масла ‘*жау*’ — девушка богата сыра ‘*бишлякъ*’ — у невесты много женихов, яйца в сметане — родители хотят узнать поподробнее о женихе (Семенов, 2006: 148). Отрицательную символику имели *бишген къаз* ‘вареный гусь’ — парень не нравится девушке; *сарымсакъ* ‘чеснок’ — несогласие дяди по матери; *шишлик* ‘шашлык’ — нужно много подарков, потому что много родственников; *бишген баппуш* ‘вареная утка’ — отказ; жареные кусочки легкого — намек на второй визит сватов и др. (Аликаев, Башиева: 2019: 66).

¹ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. С. 447.

² Къарачай-малкъар тилни ангылатма сѣзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка] / отв. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 2002. Ючтомлукъ II. С. 798.

В современной свадебной практике приведенные артефакты не используются, поскольку смысловой контекст обряда сватовства упростился до обмена мнениями сторонами жениха и невесты о дате и процедуре проведения торжества при сохранении устойчивых элементов (Бегеулов, Зельницкая, 2018: 15).

Таким образом, как показал анализ отдельных ритуальных коммуникативных стратегий, с течением времени динамика этнокультурных смыслов характеризуется отрицательным приростом, т. е. десемантизируется. С другой стороны, плотность этнокультурного смысла иных артефактов возрастает.

Наращение этнокультурного смысла

Если вышеперечисленные коммуникативные стратегии ушли в историю, то подготовка *той байракъ* 'свадебного флага' (от слова *байракъ* 'флаг, стяг, знамя')¹, являясь одним из древних семейных ритуалов карачаевцев и балкарцев, активизировался в последние годы. Еще Н. Ф. Грабовский писал об импровизированном знамени на балкарской свадьбе, которое служило «знаком соединения молодых людей для одной общей цели — защиты вверенной им девушки»². Полуторавековой давности случай на свадьбе срывания с древка знамени, означавший величайший позор, способный «вызвать серьезную драку и неприятные ее последствия», к которым можно отнести и похищение невесты³, декодируется, «считывается» подобным же образом и современными карачаевцами и балкарцами.

Той байракъ изготавливают из плотного шелка, на котором вышивают тамгу, родовой герб. Некоторые семьи, живущие в частных домах, к внутренней стороне забора прикрепляют тамги из камня. Тамги «существовали не только как наследственные знаки, обозначающие родовую и сословную принадлежность, но и использовались как символы территориального присутствия, удостоверения личности, покровительства» (Галимова, 2022: 156). *Той байракъ*, изначально несущий сакральный смысл, остается в современном обществе носителем «божественной, мистической субстанции», а тамга связана с тюркским миром (Хатуев, 2012: 11, 6). В словаре зафиксированы следующие значения слова *тамгъа* 'тавро, клеймо; знак, мета, пометка, опознавательный знак'⁴, свидетельствующие о полифункциональном характере артефакта.

В случае успешного сватовства семья жениха вывешивала *тукъум* (род/племя) *байракъла* 'флаги обоих родов', чтобы возвестить жителей о предстоящем событии. Этот ритуал актуализировался и наращивает этнокультурный смысл в настоящее время, что может говорить о стойком желании самопозиционирования родов.

В парадигме доминантных ритуалов одним из самых экспрессивных является древний обряд *баш ау алгъан* 'показ невесты родителям и родственникам жениха, после чего она приобщается к домашнему труду'⁵. Он актуален на любой свадьбе, в том числе и межэтнических торжествах, независимо от того, выдают дочь или женят сына. Таким образом, карачаевцы и балкарцы сохраняют значимость приоритетности этого ритуала, несмотря на то, что входят в пределы иной этнокультуры. Традиционно семьи с пониманием принимают новое для них культурно-символическое явление с новым этнокультурным смыслом.

Баш ау (балк.), *ау жаулукъ* (карач.) 'покрывало невесты', *гыранча* 'большой шелковый с кистями платок', используемый для выполнения обряда *бет ачыу* 'открытие лица'⁶, актуален в этнокультурах и других тюркских народов (казах. *бет ашар*; кумык. *бет ачыв*; ног. *бет ашар*). На голову невесты перед

¹ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка] / отв. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 1996. Ючтомлукъ I. С. 315.

² Грабовский Н. Ф. Свадьба в горских обществах Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 4.

³ Там же. С. 6.

⁴ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка] / отв. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 2005. Ючтомлукъ III. С. 347.

⁵ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка] / отв. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 1996. Ючтомлукъ I. С. 362.

⁶ См.: Карачаево-Балкарский свадебный обряд знакомства с невестой [Электронный ресурс] // Яндекс.Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/2694133869129785186> (дата обращения: 09.03.2025) и др.

вводом в помещение, в котором проходит торжество, накидывают три платка, два из которых снимает палочкой мальчик из многодетной благополучной семьи и передает старшей в роду женщине. Первый платок символизирует *жамаутха бет ачыу* ‘открытие лица обществу’, второй платок — *юйге бет ачыу* ‘открытие лица для членов семьи’, третий платок остается на голове невесты как атрибут замужней женщины. Два небольших платка, привязанные к рукам, снимают, чтобы девушка получила право выполнять домашнюю работу в доме мужа — ‘*юй жумуш этерге эркинлик*’, пятый платок, которым обвязывают поясицу, *кзыз намыс* — символ невинности невесты’, после снятия которого невеста получает право иметь детей. На межэтнических свадьбах, как правило, ведущий с целью сближения традиций обеих сторон дает участникам торжества информацию о смысловом контексте ритуала снятия платков как культурно обусловленных артефактов, подчеркивает их сакральную ценность. В современной вариации обряд сопровождается специальным танцем вокруг невесты¹.

Как факт интегрированности карачаево-балкарской традиции в контекст иной свадебной обрядности, вследствие проживания карачаевцев и балкарцев в Казахстане и этнокультурного взаимодействия, можно привести проведение обряда открывания лица невесты *бет ачыу* (казах. *бет ашар*) в смешанных / межэтнических семьях с исполнением *тегерек теңсеу* — балкарского кругового танца. Такое этнокультурное единство вполне оправдано тем, что карачаевцы, балкарцы, оказавшись в Центральной Азии во время депортации в 1940-х гг., с одной стороны, сохранили этнокультурные скрепы, константы, а с другой — органично вписались в казахское этнокультурное пространство. С обрядом снятия платка связан ритуал расставания с девичеством ‘*кзызлыкъ*’: *кзыз кийимле тешген, кзыз эрге баргынчы кийген быстырла*² — свекровь дарит родственницам одежду, которую невестка носила до бракосочетания, а ей покупает новую.

В традиционной символической системе свадебного обряда важное место занимает один из культурно маркированных элементов процесса подготовки к свадьбе *кзоз бёрк* (ног. *козы боьрк*) ‘обрядовая ореховая шапка, которая преподносилась родителям невесты от имени жениха’ (Кудаев, 2012: 49). Её изготавливают из войлока и прикрепляют к древку из ореха, так как *кзоз терек* ‘орех’ был одним из почитаемых мифологизированных деревьев, поэтому прямые обструганные ветки использовали в качестве шеста для укрепления флага, шапки. Об этом свидетельствует и то, что, как пишет М. Ч. Кудаев, «лучшему исполнителю танца на свадьбе преподносили ореховые бусы, исполнительнице — ореховую крестообразную куклу. Охотники, увидев ореховое дерево, перед охотой исполняли фрагменты из охотничьих танцев около или вокруг него» (там же: 236). Этот обычай характерен преимущественно для сельской местности.

Различные предметы, которыми украшают войлочную шапку, обшитую шелком или бархатом, содержат в себе этнокультурные смыслы: *кзозла* ‘орехи’ — счастье, *татлы* ‘сладости’ — благополучная семейная жизнь, *ару баучукъла* ‘ленточки из дорогих тканей’, *гитче жаулукъчукъла* ‘маленькие платочки’ — красивая жизнь, *темир ахча* ‘монеты’ — богатство, *минчакъла* ‘бусы’ — много детей и т. д.

Порядок использования артефактов в качестве этнокультурных маркеров, включения их в систему актуальных ценностных норм поведения при реализации ритуалов требует адекватной реакции участников обряда, чтобы не выходить за пределы морально-нравственного поля, потому что каждый предмет выполняет не только эстетическую, но и регулятивную функцию, а также функцию межпоколенной трансмиссии. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что в карачаево-балкарской свадебной обрядности, наряду с десемантизированными, активно функционируют артефакты, плотность этнокультурных смыслов которых характеризуется положительным, содержательным приростом.

¹ См.: Баш ау алгъан адет — Карачаево-Балкарский свадебный обряд Таулу той [Электронный ресурс] // Яндекс. Дзен. URL: <https://dzen.ru/video/watch/65f8bbc029815d3a18401847?ysclid=m9xwh705ez172770924> (дата обращения: 09.03.2025) и др.

² Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка] / отв. ред. Ж. М. Гужеев. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 2002. Ючтомлукъ II. С. 746.

Заключение

Карачаево-балкарская свадебная обрядовая культура, как и все ритуально-обрядовые действия любого этноса, направлена на удовлетворение духовных потребностей, поскольку в ней аккумулируется этнокультурный смысл. Формируясь под влиянием факторов, обусловленных историческим и социокультурным развитием этноса, карачаево-балкарская свадебная обрядность функционирует в комплексе объектов и субъектов коммуникации.

Передача последующим поколениям этнокультурных смыслов артефактов осуществляется посредством «околосвадебных» и свадебных артефактов, часть из которых с течением времени десемантизировалась и перешла в разряд архаичных, а часть, вступая во взаимодействие с новым жизненным опытом этноса, сохраняет и/или обретает новые ценностные смыслы. Редукция, полная утрата или приращение этнокультурного смысла той или иной вещи или явления трансформирует семантику карачаево-балкарского этнокультурного пространства.

Дальнейшие исследования свадебной обрядности не представляется продуктивными вне междисциплинарных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аликаев, Р. С., Башиева, С. К. (2013) Гендерная норма в контексте свадебного обряда (лингвокогнитивный аспект) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. № 1. С. 154–157.
- Аликаев, Р. С., Башиева, С. К. (2019) Особенности номинации лингвокультурной информации в свадебной картине мира карачаевцев // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 4. С. 64–69.
- Аппоев, А. К. (2011) Лексико-семантические группы этнографической терминологии карачаево-балкарского языка // Вестник Челябинского государственного университета. № 13 (228). С. 26–30.
- Бегеулов, Р. М., Зельницкая, Р. Ш. (2018) Трансформация современной свадебной обрядности у карачаевцев // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 1 (214). С. 15–27.
- Болурова, А. Н. (2007) Брачный обряд у карачаевцев в XIX — начале XX вв. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. С. 38–47.
- Галимова, Н. В. (2022) Графическая символика фамильных тамга-знаков кабардинцев и балкарцев // Herald of Humanitarian Education. Вып. 2 (26). С. 155–161.
- Девеева, А. А., Додуева, А. Т. (2016) Репрезентация лексики свадебного обряда в карачаево-балкарском языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. № 8. С. 137–141.
- Девеева, А. А. (2017) Языковая экспликация основных этапов карачаево-балкарской свадьбы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7 (73): в 3-х ч. Ч. 3. С. 101–103.
- Джуртубаев, М. Ч. (2011) Мифология и эпос карачаево-балкарского народа: Древние верования балкарцев и карачаевцев. Карачаево-балкарский героический эпос. Нальчик : Эльбрус. 488 с.
- Дичковская, Е. А. (2018) Десемантизация как базовый концепт эволюции культурных процессов // Вести Института современных знаний. № 3 (76). С. 85–90.
- Додуева, А. Т., Жабоева, А. А., Девеева, А. А. (2017) Локативные составляющие лексики свадебного обряда в карачаево-балкарском языке // Международный научный журнал «Инновационная наука». Т. 3. № 4. С. 166–168.
- Кудаев, М. Ч. (1988) Карачаево-балкарский свадебный обряд. Нальчик : Эльбрус. 124 с.
- Кудаев, М. Ч. (2003) Карачаево-балкарская этнохореография и символика. Нальчик : Эльбрус. 108 с.
- Кудаев, М. Ч. (2011) Старинная карачаево-балкарская свадьба. Нальчик : Книга. 200 с.
- Кудаев, М. Ч. (2012) Культурное наследие балкарцев и карачаевцев. Нальчик : Книга. 279 с.
- Кучмезова, М. Ч. (2003) Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик : ЭЛЬ-ФА. 210 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.
- Лотман, Ю. М. (1996) Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М. : Языки русской культуры. 464 с.
- Михайлова, Е. Л. (2010) О культурных контекстах, испытании десемантизацией и судьбе психологических практик // Московский психотерапевтический журнал : консультативная психология и психотерапия. № 1 (64). С. 103–120.

Нещименко, Г. П. (1994) Язык и культура в истории этноса // Язык — культура — этнос / отв. ред. Г. П. Нещименко. М. : Наука. 242 с. С. 78–98.

Сарбашева, А. М. (2014) Традиционная свадебная обрядность и балкарское драматическое творчество // Вестник Дагестанского научного центра. № 54. С. 118–121.

Семенов, К. Б. (2006) Методы торможения в традициях и обычаях карачаевского народа // Вестник Адыгейского государственного университета. № 1. С. 148–152.

Соколова, А. Д. (2022) «Смерть отброшенная»: десемантизация смерти и новое понимание человека в раннем СССР // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (56). С. 235–243.

Тувинцы : Родные люди (2022) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 360 с.

Хатуев, Р. Т. (2012) Карачаево-балкарская символика. Опыт этнической семиотики. Черкесск : ИКО «Аланский Эрмитаж». 89 с.

Шаманов, И. М. (1979) Брак и свадебные обряды карачаевцев в XIX — начале XX в. // Археология и этнография Карачаево-Черкесии / отв. ред. Я. А. Федоров. Черкесск : Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт экономики, истории, языка и литературы. 192 с. С. 78–111.

Шаймердинова, Н. Г. (2019) «Киргизско-русский словарь» (1897): культурные и языковые экспликации // *Turkic Studies Journal*. № 1. Вып. 1. С. 73–86. DOI: <https://doi.org/10.32523/tsj.01-2019/5-5>

Щербинин, А. И., Щербинина, Н. Г. (2019) Десемантизация сакраментальных конструктов «Ленин» и «Родина» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 47. С. 200–215.

Эпштейн, М. (1985) Реалогия — наука о вещах // Декоративное искусство СССР. № 6. С. 1–22.

Дата поступления: 04.02.2025 г.

Дата принятия: 14.04.2025 г.

REFERENCES

Alikaev, R. S., Bashieva, S. K. (2013) Gender norm in the context of the wedding ceremony (linguocognitive aspect). *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, no. 1, pp. 154–157. (In Russ.)

Alikaev, R. S., Bashieva, S. K. (2019) Features of the nomination of linguocultural information in the wedding worldview of the Karachays. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, no. 4, pp. 64–69. (In Russ.)

Appoev, A. K. (2011) Lexical-semantic groups of ethnographic terminology in the Karachay-Balkar language. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 13(228), pp. 26–30. (In Russ.)

Begeulov, R. M., Zelnitskaya, R. Sh. (2018) Transformation of modern wedding rituals among the Karachays. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*, issue 1 (214), pp. 15–27. (In Russ.)

Bolurova, A. N. (2007) Wedding rite among the Karachays in the 19th — early 20th centuries. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, special issue, pp. 38–47. (In Russ.)

Galimova, N. V. (2022) Graphic symbolism of family tamga-signs of Kabardians and Balkars. *Herald of Humanitarian Education*, issue 2(26), pp. 155–161. (In Russ.)

Deveeva, A. A., Dodueva, A. T. (2016) Representation of wedding ritual vocabulary in the Karachay-Balkar language. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 8, pp. 137–141 (In Russ.)

Deveeva, A. A. (2017) Linguistic explication of the main stages of a Karachay-Balkar wedding. *Filologicheskie nauki Voprosy teorii i praktiki*, no. 7(73), part 3, pp. 101–103. (In Russ.)

Dzhurtubaev, M. Ch. (2011) *Mythology and epic of the Karachay-Balkar people: Ancient beliefs of Balkars and Karachays. Karachay-Balkar heroic epic*. Nalchik, Elbrus. 488 p. (In Russ.)

Dichkovskaya, E. A. (2018) Desemantization as a basic concept of cultural processes evolution. *Vesti Instituta sovremennykh znaniy*, no. 3(76), pp. 85–90. (In Russ.)

Dodueva, A. T., Zhaboeva, A. A. and Deveeva A. A. (2017) Locative components of wedding ritual vocabulary in the Karachay-Balkar language. *Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal Innovatsionnaya nauka*, vol. 3, no. 4, pp. 166–168. (In Russ.)

Kudaev, M. Ch. (1988) *Karachay-Balkar wedding ceremony*. Nalchik, Elbrus. 124 p. (In Russ.)

Kudaev, M. Ch. (2003) *Karachay-Balkar ethnochoreography and symbolism*. Nalchik, Elbrus. 108 p. (In Russ.)

- Kudaev, M. Ch. (2011) *Old Karachay-Balkar wedding*. Nalchik, Kniga. 200 p. (In Russ.)
- Kudaev, M. Ch. (2012) *Cultural heritage of Balkars and Karachays*. Nalchik, Kniga. 279 p. (In Russ.)
- Kuchmezova, M. Ch. (2003) *Socionormative culture of the Balkars: traditions and modernity*. Nalchik, EL'-FA. 210 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Essays on modern Tuvan culture*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 192 p. (In Russ.)
- Lotman, Yu. M. (1996) *Inside thinking worlds: Man — Text — Semiosphere — History*. Moscow, Yazyki russkoi kultury. 464 p. (In Russ.)
- Mikhailova, E. L. (2010) On cultural contexts undergoing desemantization and the fate of psychological practices. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, no. 1(64), pp. 103–120. (In Russ.)
- Neshchimenko, G. P. (1994) Language and culture in the history of an ethnos. In: *Language — culture — ethnicity* / ed. by G. P. Neshchimenko. Moscow, Nauka. 242 p. Pp. 78–98 (In Russ.)
- Sarbashieva, A. M. (2014) Traditional wedding rituals and Balkar dramatic creativity. *Vestnik Dageskogo nauchnogo tsentra*, no. 54, pp. 118–121. (In Russ.)
- Semenov, K. B. (2006) Methods of restraint in traditions and customs of the Karachay people. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 148–152 (In Russ.)
- Sokolova, A. D. (2022) “Rejected death”: desemantization of death and the new understanding of man in the early USSR. *Vestnik arkheologii antropologii i etnografii*, no. 1(56), pp. 235–243 (In Russ.)
- Tuvans : Native people* (2022) / eds. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 360 p. (In Russ.)
- Khatuev, R. T. (2012) *Karachay-Balkar symbolism: Experience of ethnic semiotics*. Cherkessk, IKO “Alanskii Ermitazh”. 89 p. (In Russ.)
- Shamanov, I. M. (1979) Marriage and wedding rituals of the Karachays in the 19th — early 20th century. In: *Arkheologiya i etnografiya Karachaevo-Cherkessii* / ed. by Ya. A. Fedorov. Cherkessk, Karachaevo-Cherkesskii nauchno-issledovatel'skii institut ekonomiki istorii yazyka i literatury. 192 p. Pp. 78–111. (In Russ.)
- Shaimerdinova, N. G. (2019) “Kirgizsko-russkii slovar” (1897): Cultural and linguistic explications. *Turkic Studies Journal*, no. 1, issue 1, pp. 73–86. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.32523/tsj.01-2019/5-5>
- Shcherbinin, A. I. and Shcherbinina, N. G. (2019) Desemantization of sacramental constructs “Lenin” and “Motherland”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya Sotsiologiya Politologiya*, no. 47, pp. 200–215 (In Russ.)
- Epstein, M. (1985) Realogy — the science of things. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR*, no. 6, pp. 1–22. (In Russ.).

Submission date: 04.02.2025.

Acceptance date: 14.04.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.2.21

Статья

Семантические особенности многозначных слов в народных говорах (на материале среднего и западного диалектов татарского языка)

Альфия К. Булатова, Миннира Р. Булатова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
Российская Федерация

В статье анализируются семантические особенности многозначных слов в народных говорах татарского языка, на материале среднего и западного диалектов. Изучение полисемии в диалектах актуально не только для лингвистики, но и для сохранения культурного наследия, понимания языковой эволюции и развития современных технологий.

Авторы анализируют специфику полисемии в диалектной лексике, выявляя ключевые закономерности формирования и функционирования многозначных единиц. Рассматриваются примеры слов, которые в разных диалектных зонах приобретают уникальные значения, отражающие культурные, исторические и бытовые особенности ареала. Особое внимание уделяется взаимодействию диалектной полисемии с литературным языком, а также влиянию межъязыковых контактов на семантическую структуру слов.

Многозначность диалектных глаголов обусловлена местными культурными, бытовыми и обрядовыми особенностями, что способствует возникновению уникальных смысловых оттенков и лексико-семантических вариантов, не свойственных литературному языку. В диалектах продолжают сохраняться значения, связанные с традиционной культурой и укладом жизни татар исследуемых ареалов.

Показано, что в изучаемых говорах происходит семантическое расширение лексических единиц, отражающих местные обряды и обычаи. В речи диалектоносителей сохраняется особая этнокультурная лексика. Подавляющее большинство глаголов-диалектизмов характеризуются многозначностью, которая реализуется через расширение и сужение семантики, семантические сдвиги внутри отдельных говоров (в группе различных говоров).

Исследование выявило не только сохранение архаичных семантических элементов, но и активное развитие новых значений, а также динамику в виде расширения или сужения смысловых границ глаголов. Эти процессы позволяют лучше понять механизмы семантической эволюции и значение диалектов в сохранении языкового наследия.

Ключевые слова: полисемия; тюркский язык; татарский язык; западный диалект; средний диалект; диалектоноситель

Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (пост-докторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Для цитирования:

Булатова А. К., Булатова М. Р. Семантические особенности многозначных слов в народных говорах (на материале среднего и западного диалектов татарского языка) // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 354-364. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.21>

Булатова Альфия Каримовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 12. Эл. адрес: alf_0082.82@mail.ru

Булатова Миннира Рахимовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 12. Эл. адрес: m.r.bulatova@mail.ru

Semantic features of polysemous words in folk dialects (based on the material of the middle and Western dialects of the Tatar language)

Alfiya K. Bulatova, Minnira R. Bulatova

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Russian Federation*

The article analyzes the semantic features of polysemous words in the folk dialects of the Tatar language, based on the materials of the Central and Western dialects. The study of polysemy in dialects is relevant not only to linguistics but also to the preservation of cultural heritage, the understanding of language evolution, and the development of modern technologies.

The authors examine the specificity of polysemy in dialectal vocabulary, identifying key patterns in the formation and functioning of polysemous units. Examples are provided with words that acquire unique meanings in different dialectal regions, reflecting the cultural, historical, and everyday features of the area. Special attention is given to the interaction between dialectal polysemy and literary language, as well as the influence of interlingual contacts on the semantic structure of words.

The polysemy of dialectal verbs is conditioned by local cultural, every day, and ritual practices, which contributes to the emergence of unique semantic nuances and lexico-semantic variants that are not characteristic of the literary language. The dialects preserve meanings associated with the traditional culture and way of life of the Tatars in the studied regions.

It is shown that in the analyzed dialects, there is a semantic expansion of lexical units that reflect local rituals and customs. The speech of dialect speakers retains a distinctive ethnocultural vocabulary. Most dialectal verbs are characterized by polysemy, which is realized through semantic expansion and narrowing, as well as semantic shifts within individual dialects and across dialect groups.

The study reveals not only the preservation of archaic semantic elements but also the active development of new meanings and the dynamics of semantic boundaries of verbs in the form of expansion or narrowing. These processes contribute to a better understanding of the mechanisms of semantic evolution and the importance of dialects in preserving linguistic heritage.

Keywords: polysemy; Turkic language; Tatar language; Western dialect; Central dialect; dialect speaker

Financing

The work was supported by a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, provided to young candidates of sciences (postdoctoral fellows) for the purpose of defending their doctoral dissertation, performing research, as well as performing labor functions in scientific and educational organizations of the Republic of Tatarstan within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan «Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan».

For citation:

Bulatova A. K. and Bulatova M. R. Semantic features of polysemous words in folk dialects (based on the material of the middle and Western dialects of the Tatar language). *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 354-364. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.21>

BULATOVA, Alfiya Karimovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Department of Areal Linguistics, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Postal address: 12 K. Marksa St., 420111, Russia, Kazan. E-mail: malf_0082.82@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9225-0853

BULATOVA, Minnira Rakhimovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Department of Areal Linguistics, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Postal address: 12 K. Marksa St., 420111, Russia, Kazan. E-mail: m.r.bulatova@mail.ru

ORCID: 0009-0005-2663-919X

Введение

Исследование полисемии в диалектах представляет собой важное направление современного языкознания, которое имеет как теоретическую, так и практическую значимость. С одной стороны, под влиянием глобализации, урбанизации и стандартизации языка диалекты быстро утрачиваются. Изучение полисемии помогает зафиксировать уникальные семантические структуры, которые могут быть утрачены. С другой стороны, диалекты отражают историю, традиции и менталитет локальных сообществ. Диалекты и их многозначность являются частью культурной идентичности татар, проживающих в различных регионах.

Диалекты также предоставляют богатый материал для сравнения с литературным языком и другими территориальными разновидностями, что углубляет понимание семантических универсалий. В народных говорах часто сохраняются архаичные значения, и есть возможность проследить уникальные пути развития полисемии (расширение, сужение, перенос значений и др.). Их изучение помогает понять, как язык меняется во времени и пространстве. Диалектная полисемия позволяет восстановить этапы семантической эволюции слов, что важно для исторической лингвистики. Создание диалектных словарей с учётом многозначности слов помогает систематизировать и сохранить диалектную лексику.

Диалекты отражают менталитет, традиции и историю региона. Изучая многозначность слов, можно раскрыть связь языка с местными обычаями (например, диалектизмы, связанные с ремёслами или обрядами).

В татарском языке выделяют пять диалектов: средний, западный, тоболо-иртышский, томский и барабинский. Диалекты в свою очередь делятся на говоры и подговоры¹.

Наибольшей способностью к образованию новых лексико-семантических вариантов обладают лексические единицы, которые активно используются в повседневной речи и обозначают важные для человека явления и объекты окружающей действительности. Семантическое поле таких слов распределяется между различными словообразовательными моделями, каждая из которых охватывает определённую сферу смыслов и функций.

В данной статье рассматривается многозначность глаголов-диалектизмов. А. Я. Салчак и М. Д. Чертыкова отмечают: «Для большинства глаголов в тюркских языках характерно явление многозначности, которое основывается на метафорических переносах, учитывающих как внешнее, так и одновременно функциональное сходство обозначаемых действий»².

¹ В средний диалект входят следующие говоры: дубьязский, мамадышский, лаишевский, балтасинский (Заказанье), параньгинский (Марий Эл), нурлатский, камско-устинский, тарханский (Нагорная сторона Татарстана), заказанский говор крещенных татар, нижекамский говор крещенных татар (Татарстан, Башкортостан); нагайбакский говор (Челябинская обл.), мензелинский (Татарстан, Башкортостан), бирский (Башкортостан), касимовский (Рязанская обл.), бастанский (Рязанская обл.), нукратский (Удмуртия, Кировская обл.), пермский (Пермский край), златоустовский (Башкортостан), красноуфимский (Свердловская обл.), ичкинский (Курганская обл.), каргалинский, бугурусланский (Оренбургская обл.), камышлинский (Самарская обл.), астраханский (Астраханская, Волгоградская обл., Ставропольский край), татарско-каракалпакский (Волгоградская, Саратовская обл.), турбаслинский, тепекеевский, учалинский, курмантауский (Башкортостан), сафакульский (Курганская и Челябинская области) говоры. Говоры западного (мишарского) диалекта: азеевский (Рязанская обл.), темниковский (Мордовия, Пензенская обл.), лямбирский (Мордовия), кузнецкий (Пензенская обл.), хвалынский (Ульяновская обл.), карсунский (Ульяновская обл.), мелекесский (Ульяновская и Самарская области), мордва-каратаевский (Татарстан), чистопольский (Татарстан), чистопольско-кряшенский (Татарстан), подберезинский (Татарстан), стерлитамакский (Башкортостан), шарлыкский (Оренбургская обл.), костромской (Костромская обл.), волгоградский (Волгоградская и Астраханская области), сергачский (Нижегородская обл.), дрожжановский (Татарстан, Чувашия), сыркыдинский (Мордовия), куршинский (Тамбовская обл.), байкибашевский (Башкортостан). Тоболо-иртышский диалект состоит из тюменского (Тюменская обл.), тобольского (Тюменская обл.), заболотного (Тюменская обл.), тарского (Омская обл.), тевризского (Омская и Тюменская области) говоров. Томский диалект делится на зуштинско-чатский (Томская обл.), калмакский (Кемеровская обл.) говоры (Баязитова и др., 2008: 21).

² Салчак А. Я., Чертыкова М. Д. Основные модели метафоризации многозначных глаголов со значением поведения в тувинском и хакасском языках // Мир науки, культуры и образования. 2017. № 5 (66). С. 357.

Цель настоящей статьи заключается в анализе семантической структуры диалектной лексики среднего и западного диалектов татарского языка с точки зрения многозначности. Исходя из цели, выделены следующие задачи исследования: провести краткий обзор литературы по указанной проблеме; выявить закономерности семантической эволюции слов в локальных языковых системах; определить специфику полисемии в диалектах по сравнению с литературным языком; определить связь полисемии с этнокультурными факторами.

Объектом исследования являются средний и западный диалекты татарского языка. Предмет исследования — особенности полисемии в диалектах татарского языка.

Теоретическую основу труда составляют работы в области диалектологии и лингвогеографии, а также посвященные вопросам многозначности в литературном языке, семантики лексики народных говоров таких ученых как О. И. Блинова (Блинова, 1972), С. А. Мызников (Мызников, 2001), Т. Е. Лебедева¹, Е. А. Нефедова (Нефедова, 2008), Р. Хикей (Hickey, 2003), Л. С. Кара-оол², М. В. Бавуу-Сюрюн³ и мн. др., а также исследования татарских диалектологов Л. Т. Махмутовой (Махмутова, 1978), Ф. С. Баязитовой (Баязитова, 1986), Т. Х. Хайрутдиновой (Хайрутдинова, 1993), посвященные описанию лексических особенностей диалектов татарского языка. Также авторы данной статьи имеют ряд работ, внесших некоторый вклад в развитие рассматриваемой темы: М. Р. Булатовой (Булатова, 2016), А. К. Булатовой (Булатова, 2018), Д. Б. Рамазановой (Рамазанова, Булатова, 2022).

В рамках исследования были применены различные методы и приемы, среди которых ключевую роль сыграл описательный метод (систематизация эмпирических данных, синтез полученных результатов и др.). Также были использованы полевой метод, анализ сочетаемости слов, метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный, структурно-семантический анализ.

Материалом исследования послужили данные диалектных словарей татарского языка⁴, материалы к идеографическому словарю⁵, а также труды по диалектологии и этнолингвистике. В качестве иллюстративного материала была использована диалектная лексика, собранная авторами статьи в результате полевых экспедиций в разные годы в населенные пункты Республик Удмуртия (2012) и Мордовия (2023–2024), Ульяновской (2017), Оренбургской (2015), Пензенской (2019–2022) областей, Камско-Устинского (2013), Мамадышского (2016), Чистопольского (2018), Азнакаевского (2019–2021), Высокогорского (2024), Заинского (2022), Лаишевского (2024), Пестречинского (2024) районов Республики Татарстан, являющимися территориями распространения среднего и западного диалектов татарского языка.

Обзор литературы

В основном в трудах отечественных и зарубежных исследователей рассматриваются явление лексической многозначности в рамках нормированного литературного языка. Вопросы полисемии диалектной лексики остаются менее изученными. Отметим некоторые исследования, которые, на наш взгляд, являются актуальными в изучении указанной проблемы.

¹ Лебедева Т. Е. Полисемия в русских народных говорах (на материале имен существительных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.

² Кара-оол Л. С. Тувинский язык. Лексикология: учебно-методическое пособие. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2019.

³ Бавуу-Сюрюн М. В. История формирования диалектов и говоров тувинского языка: дис. ... докт. филол. наук. Новосибирск, 2018.

⁴ Диалектологик сүзлек [Диалектологический словарь] / отв. ред. Л. Заляй. Вып. 1. Казан: Татар. китап нәшр. 1948; Диалектологик сүзлек [Диалектологический словарь] / отв. ред. Л. Заляй. Вып. 2. Казан: Татар. китап нәшр. 1953; Диалектологик сүзлек [Диалектологический словарь] / отв. ред. Л. Заляй. Вып. 3. Казан: Татар. китап нәшр. 1958; Татар теленең диалектологик сүзлеге [Диалектологический словарь татарского языка] / ред. Л. Т. Махмутова. Казан: Татар. китап нәшр. 1969; Татар теленең диалектологик сүзлеге [Диалектологический словарь татарского языка] / отв. ред. Д. Б. Рамазанова. Казан: Татар. китап нәшр. 1993; Татар теленең зур диалектологик сүзлеге [Большой диалектологический словарь татарского языка] / төз. Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан: Татар. китап. нәшр., 2009.

⁵ Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка / авт.-сост. А. Г. Шайхулов, Л. У. Бикмаева, З. Р. Садыкова. Уфа: РИО БашГУ. 2005. Т. 1. Ч. 1.; Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка / авт.-сост. А. Г. Шайхулов, Л. У. Бикмаева, З. Р. Садыкова. Уфа: РИО БашГУ. 2005. Т. 1. Ч. 2.

Есть несколько диссертационных исследований по полисемии русских народных говоров, в т. ч. труд Т. Е. Лебедевой¹, в котором подвергается комплексному анализу феномен полисемии существительных в русских народных говорах. Ученый отмечает, что «полисемантическая лексическая единица интегрирует массивы информации о разнородных объектах материальной и духовной действительности и эксплицирует их связи и отношения, репрезентируя значительные объемы данных в максимально сжатой форме и представляя особый способ концептуальной организации совокупного опыта, знания, приобретенного конкретной языковой общностью»².

Е. А. Нефедова на материале архангельских говоров русского национального языка исследует³ многозначность и синонимию диалектной лексики. Она справедливо отмечает: «Важным фактором, влияющим на появление вариантов, является устная форма существования говоров и отсутствие в них кодифицированной нормы, облегчающие возникновение словообразовательных и семантических единиц разной степени устойчивости по готовым моделям. Эта особенность тесно связана с повышенным “эмоциональным тонусом” народной речи, вообще характерным для разговорного языка, в том числе и литературного»⁴.

Работа Ю. А. Ермолаевой посвящена проблеме разграничения полисемии и омонимии в литературном и диалектном языках⁵.

Изучению семантического словообразования диалектов посвящены работы некоторых лингвистов. Так Е. А. Жданова рассматривает вопросы семантической деривации в русских говорах Удмуртии⁶.

Диалектной лексике татарского языка посвящены работы Л. Т. Махмутовой (Махмутова, 1978), Ф. С. Баязитовой (Баязитова, 1986), Т. Х. Хайрутдиновой (Хайрутдинова, 1993); М. Р. Булатовой (Булатова, 2016), А. Я. Хусаиновой (Хусаинова, 2017), Д. Б. Рамазановой (Рамазанова, 2021) и др., в которых рассматриваются особенности употребления лексического богатства диалектов татарского языка в рамках одной или группы говоров, так же даются описания отдельных лексико-тамаических групп в диалектной системе татарского языка.

В то же время полисемия диалектной лексики татарского языка не являлась объектом специального всестороннего изучения.

В ряде работ автора статьи А. К. Булатовой рассматриваются вопросы многозначности диалектной лексики. В монографии «Полисемия в современном татарском литературном языке» анализируются особенности, факторы, обусловившие возникновение полисемии в татарском литературном языке, даются сравнения с диалектными формами (Булатова, 2018). В статье «Полисемия диалектной лексики татарского языка» автор отмечает, что в основном появление полисемии диалектной речи происходит так же, как и в литературном языке, хотя имеет ряд специфических особенностей (Булатова, 2019b). Также были подвергнуты анализу семантические диалектизмы, семантическая деривация диалектной лексики (Булатова, 2019a).

Таким образом, изучение многозначности диалектной лексики имеет фрагментарный характер. В татарском языкознании отсутствует специальное исследование, посвящённое вопросам полисемии диалектной лексики, что обуславливает новизну данной работы.

Семантические трансформации многозначных глаголов-диалектизмов в татарском языке

Как показывают материалы татарских диалектных словарей, большинство глаголов-диалектизмов обладают полисемантической структурой. Это может проявляться в процессах семантической де-

¹ Лебедева Т. Е. Полисемия в русских народных говорах (на материале имен существительных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.

² Лебедева Т. Е. Полисемия в русских народных говорах (на материале имен существительных): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. С. 33.

³ Нефедова Е. А. Лексико-семантическое варьирование в пространстве диалекта: дис. ... докт. филол. наук. М., 2008.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Ермолаева Ю. А. Семантическое варьирование диалектного слова в русских говорах Башкирии : В связи с проблемой разграничения полисемии и омонимии: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2000.

⁶ Жданова Е. А. Семантическая деривация в русских говорах Удмуртии на материале корпуса диалектных текстов : дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2009.

ривации (расширении или сужений значений и т. п.) в пределах одного говора, или же развитию значений в различных группах говорах, или в сравнении с семами литературного языка.

Так, например, в литературном татарском языке глагол *аралау* [*aralau*] имеет номинативное значение ‘открывать путь, расталкивая в сторону группы людей или чего-либо густого, плотного (разросшегося); открывать проход’: *Асия, кешеләр төркемен аралап, ашыга бирде* ‘Асия спешно продолжила путь, расталкивая людей в толпе’.

Наряду с этим используется сема ‘очищение семян, плодов и т. д. от мусора или избавление от чего-либо; сортировка и сортировка семян, овощей и фруктов’: *Мансур бер капчык бодайны аралады* ‘Мансур рассортировал мешок пшеницы’. Также может употребляться сема ‘разделение тех, кто воюет или спорит, прекращение борьбы или спора или выделение кого-либо из них’: *Гайния апа урам уртасында сугышуучы малайларны араламакчы булды* ‘Тетя Гайния попыталась разнять мальчишек, дерущихся посреди улицы’.

В разговорной речи часто используется лексико-семантический вариант ‘отделить кого-либо или что-либо от запутавшегося или связанного’: *Әби буталып беткән җепләргә аралады* ‘Бабушка распутала окончательно запутанные нити’. В переносном значении слово употребляется в лексико-семантическом варианте «выделение сотрудников, родственников и т. д.»: *Ул еш кына, ир ягыннан туганнарын аралап, кунакка дәшеп тормый иде* ‘Она часто выделяла родственников со стороны мужа, не считала нужным звать их в гости’¹.

Аралау [*aralau*] в говорах нагорной стороны используется в лексико-семантическом варианте ‘разрезать, сделать реже, малочисленнее’²: *Чәчкән кишер куйы тишелгән, быраз аралап чыктым* ‘Посаженная морковь взошла густо, немного ее разрядила’ (с. Большие Кармалы Камско-Устинского района Республики Татарстан, 2013). В этом же говоре бытует значение ‘освободить, избавить, помочь избавиться’. Например, *Төштөм авыр қайгыларга, дусларым, аралагыз* ‘Душа разрывается от горя, друзья мои, помогите’ (с. Большие Кармалы Камско-Устинского района Республики Татарстан, 2013). Здесь мы видим процесс расширения значения в речи диалектоносителей в ареале распространения одного говора на основе метафоризации значений.

Собственно диалектная лексема *гөдәу* [*gödäü*] (литературная форма *туйдыру*) в чистопольском говоре бытует в значении ‘надоедать, докучать’: *Инәңе гөдәмә, эчсен чәйен тынычлап* ‘Не докучай своей маме, пусть спокойно попьет чай’, в результате употребления она приобрела значение ‘нуждаться, испытывать недостаток в чём-либо’³: *Әпәйгә гөдәмәдек, эшләдек тә эшләдек* ‘У нас был хлеб (мы не нуждались в хлебе), так как мы много работали’ (с. Кутлушкино Чистопольского района Республики Татарстан, 2018).

В ходе полевых исследований в этом же говоре нами была зафиксирована сема ‘утомиться, изнуриться’: *Мин гөдәдем* ‘Я устал’ (пос. Ерыклинский Чистопольского района Республики Татарстан, 2018).

Глагол *биречләну* [*bireçläni*] является лексическим диалектизмом (литературная норма *бирчәю*) и в мамадышском говоре среднего диалекта используется в основном значении ‘загрубеть, стать мозолистым (о руках, ногах)’: *Кулларым биречләнен бетте(е) инде көрәк тотоп* ‘Руки совсем загрубели от того, что работал лопатой’ (дер. Ишкеево Мамадышского района Республики Татарстан, 2016). В какой-то момент использования слово расширило значение и также начало употребляться в варианте ‘затвердеть, стать твердым, плотным или жестким (о земле)’ (литературная форма *кату*): *Биречләнен беткән бәрәңгә жире, көрәк тә керми* ‘Картофельное поле совсем затвердело, даже лопата не входит’⁴.

Глагол *булыгу* — *булык-у*, варианты *болык-у*, *былык-у* [*buçgi*] (литературная форма *тынчыгу*) восходит к тюркской основе *бу-у* и в камско-устинском и дубьязском говорах среднего диалекта используется в значении ‘захлебнуться, задохнуться или поперхнуться от попадания в дыхательное

¹ Татар теленең анлатмалы сүзлеге [Толковый словарь татарского языка] / ред. Ф. Ф. Гаффарова, Г. Г. Саберова, Ф. И. Таһирова. Казан: ТӘНСИ, 2015. Т. 1: А–В. Б. 45.

² Татар теленең зур диалектологик сүзлеге [Большой диалектологический словарь татарского языка] / төз. Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан: Татар. китап. нәшр., 2009. Б. 48.

³ Там же. Б. 155.

⁴ Там же. Б. 132.

горло жидкости, дыма и т. п.¹: *Тамам булыга жаздым* ‘Чуть не задохнулся’ (дер. Салкын Чишма Пестречинского района Республики Татарстан, 2024). В дубъязском говоре лексема приобрела лексико-семантический вариант ‘быть жадным, завистливым’: *Кеше кергачт та булықмаған безнең эни, кечткенә өй булса да* ‘Несмотря на то, что дом был маленький, мама, когда приходили гости, не жадничала’ (с. Ямашурма Высокогорского района Республики Татарстан, 2024).

Диалектизмы часто имеют свои собственные значения, которые могут не совпадать с общепринятыми. Например, в одном регионе слово может означать одно, а в другом — совсем другое. Так, например, глагол *ардақлану* [*ardaqlanu*] в лямбирском и нижнекамско-кряшенском говорах ‘нежиться; рассчитывать, надеяться на кого-либо’²: *Кемгә ардакланып тырасың?* ‘На кого ты надеешься?’ (с. Сарапала Заинского района РТ, 2022). Также в лямбирском говоре развилось значение ‘стать чистым’: *Ардакланырсыз, ыртәгә мынча йагабыз* ‘Очиститесь, завтра затопим баню’ (с. Белоозерка Ромодановского района Мордовии, 2023). Параллельно с этим в лаишевском говоре среднего диалекта нами был выделен лексико-семантический вариант ‘избавиться, отделаться’: *Үзеңкеләрдән ардақлангач, баланың баласы бик тәмне була бит ул* ‘После того, как от своих (детей) отделаешься, дети детей становятся очень сладкими’ (с. Именьково Лаишевского района Республики Татарстан, 2024).

Проведённый анализ на материале татарских диалектных словарей и полевых исследований позволяет сделать выводы об универсальности полисемии в диалектной лексике. Большинство глаголов-диалектизмов обладают многозначной структурой, что проявляется в расширении, сужении, метафорическом переносе значений в пределах одного говора, а также в региональной вариативности (развитие разных значений в отдельных группах говоров).

Лексико-семантическая вариативность диалектных глаголов в сравнении с литературным языком

Диалектизмы часто обладают значениями, отсутствующими в литературном языке. Например, слово *тыну* [*tipu*] ‘перестать говорить, петь, кричать и т. д., замолчать’ обладает полисемантической структурой в литературном языке и имеет следующие семы: 1) ‘неслышно начать; остановиться, прерваться’. *Музыка тыңгач кына яшьләр таралышты* ‘Только когда музыка затихла, молодежь разошлась’; 2) ‘прекращение какого-либо действия; вообще прекращение движения, возвращение к чему-либо, отказ от намерения’. *Кыз тынмас, үзенең барыбер эшләп* ‘Девушка не остановится, сделает свое’³.

В диалектах татарского языка наряду с вышеуказанными семами бытуют дополнительные значения. В говорах западного диалекта, в мамадышском, нукратском говорах среднего диалекта *тыну* прежде всего употребляется в значении ‘отдыхать, отдыхом восстанавливать силы; проводить свой отдых’⁴: *Тынарга кирәк инде йул арты* ‘После дороги следует отдохнуть’ (с. Бестянка Кузнецкого района Пензенской области, 2019). В хвалынском и мелекесском говорах наряду с этим возникло значение ‘успокоиться, получить покой’: *Эшләп бетсә, әнисе тынар инде* ‘Если закончились бы дела, его мама успокоилась бы’ (д. Старый Мостяк Ульяновской области РФ, 2017).

Для сравнения ‘дышать’ в литературном языке — *сулау, тын алу* (где *тын* ‘дыхание; пар изо рта на морозе; воздух’ (в каракалпакском⁵, хакасском⁶, тувинском⁷ *тын*, чувашском *тән*⁸) от древнетюркской основы *tip* ‘дыхание; душа, жизнь’⁹). В темниковском говоре западного диалекта *тыну кене* ‘день отдыха, выходной’: *Атнарас кен киталәр Питергә, тыну кене* ‘В воскресенье уезжают в Питер, в выходной’ (с. Яндовище Инсарского района Мордовии, 2024).

¹ Там же. Б. 137.

² Татар теленең аңлатмалы сүзлегә [Толковый словарь татарского языка] / ред. Ф. И. Таһирова, Р. Т. Сәфәров. Казан: ТӘҺСИ, 2019. Т. V: С–Т. Б. 50.

³ Там же. Б. 872.

⁴ Татар теленең зур диалектологик сүзлегә [Большой диалектологический словарь татарского языка] / төз. Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыйкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан: Татар. китап. нәшр., 2009. Б. 672.

⁵ Каракалпакско-русский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. С. 667.

⁶ Бутанаев В. Я. Русско-хакасский словарь. Петропавловск: Полиграфия, 2011. С. 186.

⁷ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1968. С. 429.

⁸ Чувашско-русский словарь / ред. М. И. Скворцов. М.: Русский язык, 1985. С. 712.

⁹ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Ленинград: Наука, 1969. С. 566.

Представляет интерес многозначный лексический диалектизм *сандырау* (*сәндәрәү*) [*sandırau*] ‘болтать чепуху; одряхлеть, лишаться ясности мысли из-за старости’, данная лексема встречается также в башкирских диалектах в формах *һамтыра-у*, *һандыра-у*¹, в казахском *сандырақ* ‘болтать чепуху, пустословить’². Слово восходит к древнетюркским *sanrı-* ‘повторятся’, *sanruš-* ‘больтатъ пустое’, *sandırıš* ‘шум-гам’³.

В татарском литературном языке данная лексема использовалась вплоть до первой половины XX в., однако вышла из употребления (основа сохранилась в словах *сантый* ‘человек не далекого ума’ и *анда-санда* ‘там-сям’). В то же время слово продолжает активно бытовать в народных говорах, так в пермском говоре оно используется в значениях: 1. ‘говорить чушь, ерунду’: *Исерек көйенә сандыраб жыйма ни!* ‘Не нужно болтать попусту пьяным’, 2. ‘отупеть, стать bestолковым’: *Мин сандырап беткәнмен инде* ‘Я совсем отупела’⁴.

Как видим, слово в данных значениях сохранилось в диалектной разновидности языка и была утрачена в литературной форме.

Рассмотренные глаголы в основном относятся к глаголам, выражающим физическое состояние, и они развили свои значения на основе метафоризации (на основе схожести действия, процесса, ассоциативности и др.). Приведем еще примеры.

Глагол *тетү* [*tetü*] в лямбирском говоре имеет номинативное значение ‘сорить’⁵: *Ызба алын тетмә, Наилә, хәзер генә йудым* ‘Наиля, не сори перед домом, только что помыла’ (с. Алтары Ромодановского района Мордовии, 2023). В лямбирском и сергачском говорах среднего диалекта также имеется лексико-семантический вариант ‘разбрасывать, раскидывать’. *Бер өстәлне теткәннәр* ‘Раскидали один стол’ (с. Пензятка Лямбирского района Мордовии, 2023). В кузнецком, хвалынском, темниковском говорах — ‘разобрать’: *Калунканы тетүвен теттеләр, ә эшләмәделәр* ‘Разобрали совсем колонку, однако не сделали’ (д. Старый Мостяк Ульяновской области РФ, 2017).). В лямбирском и хвалынском говорах развилось также значение ‘распороть’: *Тетмә йепне* ‘Не распоривай нити’ (с. Татарская Тавла Лямбирского района Мордовии, 2023). В темниковском говоре ‘пылить, поднимать — о пыли’: *Тузан тетмим инде, йывып кына алам* ‘Не буду пылить уж, просто помою’ (с. Татарская Пишля Рузаевского района Мордовии, 2024). В кузнецком говоре бытует значение ‘привести в упадок, разлагать’: *Семйаны теттеләр, өч баласы калды* ‘Разрушили семью, (у нее) три ребенка осталось’ (с. Бестянка Кузнецкого района Пензенской области, 2019). В нукратском говоре слово зафиксировано в значении ‘утомлять’: *Шул амырганнан соң өч көн рәтләнгә алмады, тетә тегене* ‘В течении трех дней не мог прийти в себя после той болезни, так утомился’⁶.

Лексема *ирешү* [*ireşü*] в каргалинском говоре ‘браниться, вздорить, поругаться с кем-либо’⁷: *Бабай белән ирешеп алдым* ‘Немного поругалась с дедом’ (дер. Ильинка Кувандыкского района Оренбургской области, 2015). В мелекесском говоре используется в варианте ‘подвергнуться, попасть, например, в тяжёлое положение’: *Бик амыр хәлгә ирешкән бу* ‘Он попал в очень тяжелое положение’ (с. Аллагулово Мелекесского района Ульяновской области, 2017).

Многозначная лексема *ирәйү* [*iräü*] в лаишевском говоре среднего диалекта ‘вырасти, стать больше, крупнее’⁸: *Ике жыл эчендә сыйырлар ирәйделәр* ‘В течение двух лет коровы выросли’ (с. Именьково Лаишевского района Республики Татарстан, 2024), в бирском говоре ‘зазнаваться, гордиться’, в соседних мензелинском и златоустовском говорах развило значение ‘кривляться, представляться’. *Кит, ирәйеб утырма* ‘Не кривляйся!’ (д. Чалпы Азнакаевского района Республики Татарстан, 2019).

¹ Башкорт теленә диалекттары һүзлегә [Диалектологический словарь башкирского языка]. Өфө: Китап, 2002. С. 371.

² Казахско-русский словарь / под ред. Р. Г. Сыздаковой, К. Ш. Хусаина. Алматы: Дайк-Пресс. 2008. С. 705.

³ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Ленинград: Наука, 1969. С. 484.

⁴ Татар теленә зур диалектологик сүзлегә [Большой диалектологический словарь татарского языка] / төз. Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан: Татар. китап. нәшр., 2009. Б. 521.

⁵ Там же. Б. 629.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Б. 215.

⁸ Там же. Б. 214.

Слово *өшәнү* [öšänü] в златоустовском говоре среднего диалекта ‘считать что-либо для себя трудным, затруднительным’: *Берәй тустақ сәй йасап йебәр, өшәнмәсәң* ‘Если тебя не затруднит, сделай, пожалуйста, чашку чая’¹. В мензелинском и златоустовском говорах ‘уставать, утомляться’: *Кыз эшли-эшли өшәнә бит* ‘Девушка устаёт же работая’ (с. Чалпы Азнакаевского района Республики Татарстан, 2019). В глазовском подговоре нукратского говора ‘завянуть, завядать, испортиться’: *Печәннәрегез өшәнеп бетәр әле* ‘Ваше сено испортится’ (дер. Татарские Парзи Глазовского района Удмуртии, 2017).

Анализ показал, что наряду с близостью к литературному языку основной части глаголов в исследуемых говорах, наблюдается сохранение архаичных элементов, развитие новых смыслов, а также движение семантики глаголов в плане расширения и сужения значений, что позволяет глубже понять механизмы семантических изменений и роль диалектов в сохранении языкового наследия.

Локальные реалии и многозначность диалектных глаголов

Многозначность диалектизмов часто связана с локальными реалиями (ремесла, природа, обряды и др.). Так, например, фонетический диалектизм *сүләү* от *сөйләү*. Слово литературного языка *сөйләү* [söläü] имеет следующие значения:

- 1) ‘вести разговор, беседовать’: *Ул яхшы сөйли белә* ‘Он умеет красиво говорить’;
- 2) ‘сообщать о чем-либо’: *Бала мәктәптә булганнарны сөйләп бирде* ‘Ребенок рассказал, что произошло в школе’;
- 3) ‘делать доклад’: *Сәрия конференциядә доклад сөйләде* ‘Сария рассказала доклад на конференции’;
- 4) ‘владеть еще одним языком’: *Ул инглизчә итеп сөйли белә* ‘Она хорошо разговаривает на английском’;
- 5) ‘рассказывать наизусть’: *Укучы шигърьне матур сөйләп бирде* ‘Ученик выразительно рассказал выученный стих’;
- 6) ‘отображать’: *Күрсәтелгән нәтиҗәләр теманың актуальлеген сөйли* ‘Указанные выводы отображают актуальность темы’².

Слово *сүләү* в лямбирском и темниковском говорах наряду со вышеуказанными значениями имеет лексико-семантический вариант ‘договориться’ (преимущественно в обрядах сватовства): *кием-том сүләү* ‘в свадебных обрядах прийти к мнению какую одежду дарить в качестве подарка на свадьбу, часть свадебного сговора’³; *акча сүләү* ‘договориться о сумме денег, даваемых родственникам невесты со стороны жениха на свадебные расходы’: *Бирнә кыздан, йегет йагы калын этә, акча сүли* ‘Подарок (приданое) от невесты, а со стороны жениха выкуп за невесту, договариваются о сумме денег’⁴.

Как видно из анализа в исследуемых говорах лексема претерпевает деривацию в сторону расширения значения, поскольку в ареале распространения данных говоров активно бытуют традиции обряда сватовства с большим разнообразием такого обрядового компонента, как сговор. Таким образом, в речи диалектоносителей отражаются специфические оттенки значения, которые сохраняют лексику традиционной культуры.

Заключение

Таким образом, в статье представлен анализ семантической структуры диалектной лексики среднего и западного диалектов татарского языка с точки зрения многозначности. Авторами выявлены закономерностей семантической эволюции слов в локальных языковых системах. В семантической структуре многозначных диалектизмов наблюдается семантический сдвиг, например, процесс расширения значения в говорах татарского языка на основе метафоризации. Определена специфика полисемии в диалектах по сравнению с литературным языком. Проведённый анализ

¹ Татар теленең аңлатмалы сүзлеге [Толковый словарь татарского языка] / ред. Ф. И. Таһирова, Р. Т. Сәфәров. Казан: ТӘҺСИ, 2019. Т. V: С–Т. Б. 514.

² Там же. Б. 173.

³ Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка / авт.-сост. А. Г. Шайхулов, Л. У. Бикмаева, З. Р. Садыкова. Т.1. ч.2. Уфа: РИО БашГУ. 2005. С. 422.

⁴ Татар теленең зур диалектологик сүзлеге [Большой диалектологический словарь татарского языка] / төз. Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан: Татар. китап. нәшр., 2009. Б. 34.

диалектных глаголов татарского языка демонстрирует их семантическое богатство и вариативность. Диалектизмы часто сохраняют архаичные значения, утраченные в литературном языке.

Многозначность диалектных глаголов тесно связана с локальными культурными, бытовыми и обрядовыми реалиями, что приводит к формированию уникальных семантических оттенков, отсутствующих в литературном языке. Диалекты сохраняют и развивают специальные значения, отражающие традиционные обряды и социальные практики.

Как показал анализ, в рамках исследуемых говоров наблюдается семантическое расширение лексем, отражающих обряды и обычаи региона. Это способствует закреплению в речи носителей диалектов специфических смысловых оттенков, в которых сохраняется лексический пласт традиционной культуры.

При изучении языковых явлений, таких как полисемия, антонимия, синонимия, омонимия и др., возникает необходимость в создании диалектного корпуса. Данные о диалектной полисемии важны для разработки систем для машинного перевода, которые должны учитывать региональные особенности речи. На данный момент языковой материал по татарской диалектологии представлен в виде транскрибированных текстов в различных сборниках, записях полевых исследований и как приложения монографий и диссертационных исследований. В описание языковых явлений приходится зачастую ограничиваться диалектными словарями. При учетывании того, что диалектный язык это прежде всего устная форма языка, и того, что диалекты быстро исчезают под влиянием глобализации и стандартизации языка, создание единой базы данных по диалектной речи различных ареалов распространения татарского языка и представлении фонологизированной записи текста позволило бы специалистам-диалектологам, другим лингвистам анализировать, как эти явления развиваются в разных диалектах, сравнивать с литературным языком. Это даст понимание эволюции языка в целом. Корпус фиксировал бы уникальные слова и их многозначность, предотвращая утрату ценной лингвистической информации. Также помог бы избежать субъективности в интерпретации значений. Электронные переводчики часто игнорируют диалекты из-за нехватки данных. Разработка корпуса улучшит их работу для носителей нестандартных языковых форм.

Также с лингвистической точки зрения, полезным будет сопоставление полисемии в разных диалектах (например, в говорах среднего, западного и восточного диалектов татарского языка).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баязитова, Ф. С. (1986) Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М. : Наука. 247 с.
- Баязитова, Ф. С., Рамазанова, Д. Б., Садыкова З. Р., Хайрутдинова Т. Х. (2008) Татар халык сөйләшләре [Татарские народные говоры] : в 2 кн. Казан : Мәгариф. 463 с. Кн. 1. (На тат. яз.)
- Блинова, О. И. (1972) Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика / ред.: Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Л. : Наука. 216 с. С. 92–104.
- Булатова, А. К. (2018) Полисемия в современном татарском литературном языке. Казань : ИЯЛИ. 108 с.
- Булатова, А. К. (2019а) Полисемия диалектной лексики татарского языка // Материалы Первого Международного алтаистического форума «Тюркомонгольский мир большого Алтая: историко-культурное наследие и современность». Барнаул — Горно-Алтайск, 12–14 сентября 2019 г. / отв. ред. Р. И. Райкин. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 396 с. С. 30–31.
- Булатова, Ә. К. (2019b) Татар теленен диалектларында күпмәгънәлек күренеше [Явление многозначности в татарских диалектах] // Тюркское языкознание XXI века: лексикология и лексикография: материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию создания ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. 10-11 сентября 2019 года / сост. Ә. И. Сафина. Казань : ИЯЛИ. 320 с. С. 54–56. (На тат. яз.)
- Булатова, М. Р. (2016) Курмантауский говор среднего диалекта татарского языка в этнолингвистическом аспекте. Казань : Магариф-Вақыт, 384 с.
- Махмутова, Л. Т. (1978) Опыт исследования тюркских диалектов: мишарский диалект татарского языка. М. : Наука. 271 с.

Мызников, С. А. (2001) Лексика финно-угорского и тюркского происхождения в русских диалектах: (Разграничение и определение конечного источника) [Электронный ресурс] // Известия Уральского государственного университета. № 20. С. 103–106. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/23755> (дата обращения: 24.02.2024).

Нефедова, Е. А. (2008) Многозначность и синонимия в диалектном пространстве М. : МГУ. 466 с.

Рамазанова, Д. Б. (2021) Формирование татарских говоров юго-западного Башкортостана. Казань : ИЯЛИ. 208 с.

Рамазанова, Д. Б., Булатова А. К. (2022) Русские и европейские заимствования в татарском языке // Лексикология татарского языка: в 3 т. / науч. ред. Г. Р. Галиуллина. Казань : ИЯЛИ. Т. 2. 392 с. С. 98–119.

Хайрутдинова, Т. Х. (1993) Названия пищи в татарском языке. Казань : ИЯЛИ. 140 с.

Хусаинова, А. Я. (2017) Татарские говоры Оренбуржья: лексико-семантический аспект. Казань : ИЯЛИ. 188 с.

Hickey, R. (2003) How do dialects get the features they have? On the process of new dialect formation // *Motives for Language Change*. Ed. by R. Hickey. Cambridge : Cambridge University Press. 286 p. Pp. 213–239.

Дата поступления: 14.03.2025 г.

Дата принятия: 03.04.2025 г.

REFERENCES

- Bayazitova, F. S. (1986) *Kryashen Tatar dialects in comparative perspective*. Moscow, Nauka. 247 p. (In Russ.)
- Bayazitova, F. S., Ramazanova, D. B., Sadykova, Z. R. and Khayrutdinova, T. Kh. (2008) *Tatar folk dialects: in 2 vols.* Kazan, Magarif. 463 p. Vol. 1. (In Tatar)
- Blinova, O. I. (1972) Lexical motivation and some problems of regional lexicology. In: *Questions of studying the vocabulary of Russian folk dialects. Dialect vocabulary*. Eds. by F. P. Filin and F. P. Sorokoletov. Leningrad, Nauka. 216 p. Pp. 92–104 (In Russ.)
- Bulatova, A. K. (2018) *Polysemy in the modern Tatar literary language*. Kazan, IYALI. 108 p. (In Russ.)
- Bulatova, A. K. (2019a) Polysemy in the dialectal vocabulary of the Tatar language. In: *Proceedings of the First International Altaistic Forum "Turkic-Mongolian World of Greater Altai: Historical and Cultural Heritage and Modernity"*. Barnaul – Gorno-Altaysk 12–14 September 2019. Ed. by R. I. Raykin. Barnaul, Altai Univ. Press. 396 p. Pp. 30–31 (In Russ.)
- Bulatova, A. K. (2019b) The phenomenon of polysemy in Tatar dialects. In: *Turkic linguistics of the 21st century Lexicology and lexicography*. Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 80th anniversary of the foundation of G. Ibragimov Institute of Language Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan 10–11 September 2019. Comp. by E. I. Safina. Kazan, IYALI. 320 p. Pp. 54–56. (In Tatar)
- Bulatova, M. R. (2016) *The Kurmantau dialect of the Middle Tatar dialect in the ethnolinguistic aspect*. Kazan, Magarif-Vakyt. 384 p. (In Russ.)
- Makhmutova, L. T. (1978) *Research on Turkic dialects Mishar dialect of the Tatar language*. Moscow, Nauka. 271 p. (In Russ.)
- Myznikov, S. A. (2001) Vocabulary of Finno-Ugric and Turkic origin in Russian dialects (Delimitation and identification of the ultimate source). *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* no. 20, pp. 103–106 [online] Available at: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/23755> (accessed: 24.02.2024) (In Russ.)
- Nefedova, E. A. (2008) *Polysemy and synonymy in the dialectal space*. Moscow, Moscow State University. 466 p. (In Russ.)
- Ramazanova, D. B. (2021) *Formation of Tatar dialects in the south-west of Bashkortostan*. Kazan, IYALI. 208 p. (In Russ.)
- Ramazanova, D. B. and Bulatova, A. K. (2022) Russian and European borrowings in the Tatar language. In: *Lexicology of the Tatar language: in 3 vols*. Ed. by G. R. Galiullina. Kazan, IYALI. Vol. 2. 392 p. Pp. 98–119 (In Russ.)
- Khayrutdinova, T. Kh. (1993) *Names of food in the Tatar language*. Kazan, IYALI. 140 p. (In Russ.)
- Khusainova, A. Ya. (2017) *Tatar dialects of the Orenburg region Lexical and semantic aspect*. Kazan, IYALI. 188 p. (In Russ.)
- Hickey, R. (2003) How do dialects get the features they have? On the process of new dialect formation. In: *Motives for Language Change*. Ed. by R. Hickey. Cambridge, Cambridge University Press. 286 p. Pp. 213–239.

Submission date: 14.03.2025.

Acceptance date: 03.04.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.2.22

Статья

Лексема *ай* (луна, месяц) в старотатарских письменных текстах (XIII — начало XIX в.)

Энзе Х. Кадилова, Милеуша З. Валиева, Фаузия К. Сагдеева

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
Российская Федерация

В статье представлен анализ значимой для старотатарского письменного языка лексемы «ай» 'луна, месяц'. С древних времен в татарской языковой картине мира, как и у всех народов мира, сложилось представление о Луне как об особом небесном объекте, космическом символе земной жизни всего живого. Выбор данного слова обусловлен тем, что она широко употребляется в старотатарском языке и отражает богатство смыслов, представленных в письменных текстах XIII — начала XIX века. Источниковой базой выступили двадцать четыре письменных памятников указанных периодов.

В работе выявлено, что в изучаемых старописьменных памятниках татарского языка *ай* представляет собой один из наиболее постоянных образов. Анализ языкового материала позволяет установить, что лексема *ай* (луна, месяц) при употреблении в переносном значении впечатляет своей семантической разнообразностью.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что различные авторы по-разному используют ресурсы данной лексемы в своих произведениях. Уникальность семантики данного слова состоит в том, что почти все словарные значения этой лексемы дают широкий простор для ее использования в символических контекстах. Образное употребление слова *ай* в старотатарских письменных памятниках актуализирует прежде всего следующие смыслы: небесное светило, источник света, период времени от новолуния до новолуния, символ здоровья-исцеления, символ красоты и др., которые являются актуальными и для настоящего времени. Данные лексические значения все дошли до наших времен.

Ключевые слова: *ай*; луна; татарский язык; старотатарский письменный язык; тюркский язык

Для цитирования:

Кадилова Э. Х., Валиева М. З., Сагдеева Ф. К. Лексема *ай* (луна, месяц) в старотатарских письменных текстах (XIII — начало XIX в.) // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 365-377. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.22>

Кадилова Энзе Ханафиевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела общей лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 12/4. Эл. адрес: enge@inbox.ru

Валиева Милеуша Закиевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела общей лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 12/4. Эл. адрес: miliy21@mail.ru

Сагдеева Фаузия Кабировна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела общей лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 12/4. Эл. адрес: fauziya.sagdeewa@yandex.ru

Article

The lexeme *ai* (moon, month) in Old Tatar written texts (XIII – early XIX century)

Enze Kh. Kadirova, Milyausha Z. Valieva, Fauziya K. Sagdeeva

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Russian Federation

The article presents an analysis of the lexeme “ay” (moon, month), which holds significant importance in the Old Tatar written language. Since ancient times, in the Tatar linguistic worldview—as in those of all peoples of the world—the Moon has been perceived as a special celestial object, a cosmic symbol of earthly life in all its forms. The choice of this word is motivated by its widespread usage in the Old Tatar language and its rich semantic potential as reflected in written texts from the 13th to the early 19th century. The source base consists of twenty-four written monuments from the specified periods.

The study reveals that in the analyzed Old Tatar written sources, ay is one of the most consistent and enduring images. The analysis of the linguistic material shows that the lexeme “ay” (moon, month), when used in a figurative sense, demonstrates remarkable semantic diversity.

The results of the study indicate that different authors employ the semantic resources of this lexeme in various ways in their works. The uniqueness of the word’s semantics lies in the fact that nearly all dictionary meanings of this lexeme offer wide opportunities for its use in symbolic contexts. The figurative use of the word ay in Old Tatar written monuments primarily actualizes the following meanings: celestial body, source of light, period from one new moon to the next, symbol of health and healing, symbol of beauty, among others — all of which remain relevant today. These lexical meanings have been preserved up to the present time.

Keywords: ay; Moon; Tatar language; Old Tatar written language; Turkic language

For citation:

Kadirova E. Kh., Valieva M. Z. and Sagdeeva F. K. The lexeme ai (moon, month) in Old Tatar written texts (XIII – early XIX century). *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 365-377. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.22>

KADIROVA, Enze Khanafievna, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of General Linguistics, G. Ibragimov’s Institute of Language, Literature and Arts of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Postal address: 12/4 Karla Marxa St., Kazan, Russia, 420111. E-mail: enge@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-3208-6975

VALIEVA, Mileusha Zakievna, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of General Linguistics, G. Ibragimov’s Institute of Language, Literature and Arts of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Postal address: 12/4 Karla Marxa St., Kazan, Russia, 420111. E-mail: miliy21@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7128-1442

SAGDEEVA, Fauziya Kabirovna, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of General Linguistics, G. Ibragimov’s Institute of Language, Literature and Arts of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Postal address: 12/4 Karla Marxa St., Kazan, Russia, 420111. E-mail: fauziya.sagdeewa@yandex.ru

Введение

Татарский язык — один из древнетюркских языков, письменная традиция которого в тюркской семье начинается с VI–VIII вв., а дата написания первых письменных памятников определяется XI (штамп-тексты на болгарских надгробных камнях) — XIII (поэма Кул Гали «Кыссаи Йусуф») веками (Татар әдәби теле тарихы ... , 2015: 12). Таким образом, современный татарский литературный письменный язык имеет историю, насчитывающую тысячи лет.

В данной статье рассмотрение истории татарского письменного литературного языка начинается с XIII в. Авторы опираются на периодизацию старотатарского языка, общепринятую в татарском языкознании: болгарский период (XII–XIII вв.), период Золотой Орды (XIV — первая половина XV в.), период Казанского ханства (вторая половина XV — XVI вв.), старотатарский письменный литературный язык второй половины XVI — начала XIX в. (Тенишев, 1997; Хаков, 1999; Баширова, 2018; Нуриева, 2004; Хисамова, 2012; Татар әдәби теле тарихы, 2015).

Поэма Кул Гали «Кыссаи Йусуф»¹ — крупное поэтическое произведение, написанное в Поволжье в первой половине XIII в. — в период Волжской Булгарии. Золотоордынский период представлен письменными памятниками «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари², «Хосров и Ширин» Кутба³, «Мухаббат-наме» Хорезми⁴, «Гулистан бит-тюрки» Сейифа Сараи⁵. Произведения Мухаммедьяра⁶, Кул-шарифа⁷, Умми Камала⁸, памятник «Зафар-наме-и вилайет-и Казан»⁹, «Сираджел-кулуб» Аднаш хафиза¹⁰, «Кыз хикәяте»¹¹, ярлык хана Сахиб-Гирея¹², ярлык хана Ибрагима¹³ — представляют татарский язык в один из значительных периодов развития татарского языка — периода Казанского ханства. Более известными старотатарскими письменными источниками второй половины XVI — начала XIX в. являются поэтические произведения Мауля Куля¹⁴, Габдессаляма¹⁵, Максуда¹⁶, Габдрахман бине Туймухаммеда Тайсугани¹⁷, Габдельжаббара Кандалий¹⁸, «Таварихе Булгария» Муслими¹⁹, «Дафтаре Чингизнамэ» неизвестного автора²⁰, «Маджмуг-аль-хикаят» неизвестного автора²¹, «Рисалия Газиза» Таджеддина Ялчыгула²² и др.

В текстах этих упомянутых письменных памятников лексема *ай* 'луна, месяц' является широко употребительной, приобретая часто символическое, образно-метафорическое значение. Тем самым мы можем говорить об особенностях использования анализируемой лексемы разными авторами в разные периоды старотатарского языка.

¹ Кол Гали Кыйссаи Йосыф. Казан: Татар. кит. нәшр., 1983.

² Мәхмүд әл-Болгари Нәһжәл-Фәрадис. Казан: Татар. кит. нәшр., 2002.

³ Zajaczkowski A. Najstarsza wersja turecka Ğusräv u Ğirin Qutba. Część I. Warszawa, 1958.

⁴ Хорезми Мухаббат-наме / издание текста, транскрипция, перевод и исследования Э. Н. Наджиба. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961.

⁵ Наджип Э. Н. Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейифа Сараи и его язык. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Каз. ССР, 1975. Ч. 1. С. 32.

⁶ Мөхәммәдьяр Нуры содур. Поэмалар, шигырь. Казан: Татар. кит. нәшр., 1997.

⁷ Кол Шәриф И күңел, бу дөньядыр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1997.

⁸ Фатхтдинов Ф. Книга Умми Камала. Казань: ИЯЛИ, 2022.

⁹ Özyetgin Melek A. Astrahanli Şerifi'nin 1550 Tarihli Zafer-nâme'si // Türkoloji Dergisi, 1993. P. 321–413.

¹⁰ Сиражел-кулуб. Казань: Типография Т-го Дома Братьевъ Каримовыхъ, 1903.

¹¹ Кыз хикәяте / төз.-авт. Мәрданов Р. Ф. Казан: «Милли китап» нәшр., 2012.

¹² Мустакимов И. А. Еще раз о казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5: Вопросы источниковедения и историографии средневековых тюрко-татарских государств / отв. ред. И. К. Загидуллин. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 1993. С. 34.

¹³ Мустакимов И. А. Некоторые замечания к чтению и интерпретации ярлыка хана Ибрагима // Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа. Казань, 2010. С. 162–164.

¹⁴ Мәүлә Колый Хикмәтләр. Казан: «Иман» нәшрияты, 2001. 136 с.

¹⁵ Габдессәлам // XVIII гасыр әдәбияты. Поэзия. Казан: Дом печати, 2006. С. 41–73.

¹⁶ Максуд // XVIII гасыр әдәбияты. Поэзия. Казан: Дом печати., 2006. С. 76–77.

¹⁷ Тайсугани Габдерахман бине Туймөхәммәд // XVIII гасыр әдәбияты. Поэзия. Казан: Дом печати, 2006. С. 31–40.

¹⁸ Кандалий Г. Шигырьләр һәм поэмалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988.

¹⁹ Мөслими Тәварихи Болгария / Басмага әзерләүче С. Гыйләжетдинов. Казан: Иман, 1999.

²⁰ Дәфтәре Чыңгызнамә // Миранстан биш сәхифә: XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкярләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. С. 37–96.

²¹ Мәжмүгъ әл-хикәят // Борынгы татар әдәбияты. Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. С. 503–522.

В настоящее время существует ряд исследований, в которых рассматривается лексема *ай* 'луна, месяц', в татарском языке (Кадилова, 2010; Валиева, 2021; Хайруллин, Шарьяфетдинов, 2022; Сагдеева, 2024; и др.) и в других тюркских языках, например, в хакасском (Бурнаков, Цыденова, 2013; и др.), тувинском (Кара-оол, 2015), якутском (Анисимов, 2016; Кузьмина, 2023; и др.), карачаево-балкарском (Кетенчиев, Додуева, Хуболов, 2019; и др.) и др. Однако в татарской лингвистике отсутствуют работы, в которых описываются особенности употребления лексемы *ай* 'луна, месяц' в старотатарских письменных текстах (XIII — начало XIX в.). В обращении к этой теме видится актуальность и научная новизна исследования.

Целью статьи является выявление особенностей употребления лексемы *ай* 'луна, месяц' в письменных текстах старотатарского языка (XIII — начало XIX в.). Рассматривая данную лексему сквозь призму исторического развития старотатарского письменного языка, можно предположить преемственность употребления этой языковой единицы.

В статье решаются следующие задачи: 1) выявить содержание лексемы *ай* (луна, месяц) в этимологических словарях тюркских языков, арабско-татарско-русском словаре заимствований и толковом словаре татарского языка; 2) рассмотреть функционирование лексемы *ай* 'луна, месяц' в старотатарском литературном языке в различные периоды его развития.

Основные методы, применяемые в данной работе: описательный, сравнительно-исторический, метод контекстуального анализа. При анализе памятников письменности соблюдается хронологический принцип.

Материалом для исследования служат старотатарские письменные тексты XIII — начала XIX в.¹, различные толковые, этимологические словари татарского и тюркских языков и словарь заимствований², являющиеся фактическим источником сведений о развитии значений в старотатарском языке.

Теоретико-методологическую основу статьи составили основные положения, представленные в трудах, посвященных исследованиям истории тюркских языков, в частности, татарского языка, следующих языковедов: И. Б. Башировой (Баширова, 2018), Г. Ф. Благовой (Благова, 1994), М. З. Закиева (Закиев, 1995), Э. Н. Наджипа (Наджип, 1989), Э. Р. Тенишева (Тенишев, 1987, 2006), В. Х. Хакова (Хаков, 1999, 2003), Ф. М. Хисамовой (Хисамова, 2012) и др.

¹ Кол Гали Кыйсай Йосыф. Казан: Татар. кит. нәшр., 1983; Мәхмүд әл-Болгари Нәһжел-Фәрадис. Казан: Татар. кит. нәшр., 2002; Zajaczkowski A. Najstarsza wersja turecka *Ḥusrāv u Şirīn Qutba*. Część I. Warszawa, 1958; Хорезми Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследования Э. Н. Наджипа. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961; Мөхәммәдьяр Нуры содур. Поэмалар, шигырь. Казан: Татар. кит. нәшр., 1997; Фатхтдинов Ф. Книга Умми Камала. Казань: ИЯЛИ, 2022; Özyetgin Melek A. *Astrahanli Şerifi'nin 1550 Tarihli Zafer-nâme'si* // *Türköloji Dergisi*, 1993. P. 321–413; Сиражел-колуб. Казань: Типография Т-го Дома Братьевъ Каримовыхъ, 1903; Кыз хикәйте / төз.-авт. Мәрданов Р. Ф. Казан: «Милли китап» нәшр., 2012; Мустакимов И. А. Еще раз о казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея // *Средневековые тюрко-татарские государства*. Вып. 5: Вопросы источниковедения и историографии средневековых тюрко-татарских государств / отв. ред. И. К. Загидуллин. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 1993. С. 34.; Мустакимов И. А. Некоторые замечания к чтению и интерпретации ярлыка хана Ибрагима // *Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа*. Казань, 2010. С. 162–164; Мәүлә Колый Хикмәтләр. Казан: «Иман» нәшрияты, 2001; Габдессәлам // XVIII гасыр әдәбияты. Поэзия. Казан: Дом печати, 2006. С. 41–73; Максуд // XVIII гасыр әдәбияты. Поэзия. Казан: Дом печати, 2006. С. 76–77; Тайсугани Габдрахман бине Туймөхәммәд XVIII гасыр әдәбияты. Поэзия. Казан: Дом печати, 2006. С. 31–40; Кандалий Г. Шигырьләр һәм поэмалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988; Мөслими Тәварихы Болгария / Басмага әзерләүче С. Гыйләжетдинов. Казан: Иман, 1999; Дәфтәре Чыңгызнамә // *Мирастан биш сәхифә: XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкярләре*. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. С. 37–96; Мәжмүгъ әл-хикәят // *Борынгы татар әдәбияты*. Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. С. 503–522; Тажеддин Ялчыгол Рисаләи Газизә. Казан: «Иман» нәшр., 2001.

² Ахметьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. I том. Казань: Магариф — Вакыт, 2015; Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге / М. И. Мәхмүтов, К. З. Хәмзин, Г. Ш. Сәйфуллин. Казань: Иман, 2018; Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, ЛО АН СССР, 1969; Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974; Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000; Татар теленең аңлатмалы сүзлеге : 6 томда. Тулыл. һәм төзәт. 2 нче басма. I том: А – В / җав. мөх. Р. Т. Сәфәров. Казан: Татар. кит. нәшр., 2020.

Описание лексемы ай в словарях тюркских языков

Луна как небесное светило в жизни тюркских народов, как и других народов мира, с древнейших времен играла важную роль. Среди значительного количества элементов лексико-семантической группы «небо и небесные явления», регулярно используемых поэтами, особо выделяется лексема ай 'луна'. С древности в тюркской языковой картине мира сложилось представление о Луне как об особом небесном объекте, космическом символе земных циклов (рождения, роста, взросления, старения, смерти и возрождения и др.)

Космогонические представления народа, связанные с небесными телами, сформировались уже в древности. Люди наблюдали за солнцем, луной, звездами, обожествляли их, поклонялись им. У тюркских народов все это запечатлелось и сохранилось как в многочисленных мифах, обрядах, в фольклоре.

Лексема ай 'луна, месяц' — общетюркское слово, которое происходит от древнетюркского *aj*, *aj*. В «Древнетюркском словаре» (1969) эта лексема имеет значения 'месяц, луна; астр. Луна (планета)' и иллюстрирована примерами из «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни¹. Данная лексическая единица также употребляется в составе религиозного выражения *aj täñri* 'божество Луна': *küçlüg iki jaruq kün aj täñrilär* 'буков. Оба сильные, светлые божества Солнце и Луна'².

Автор этимологического словаря тюркских языков Э. В. Севортян указывает в своем словаре значения лексической единицы ай: 1. луна; 2. месяц; уст. лунный месяц (по древнему тринадцатимесячному чувашскому календарю — чув.; 3. металлическое изображение луны на одежде шамана — як., 4. перен. красавица — уйг., алт. Ученый пишет, что Г. Вамбери связывал *aj* с *ak* 'белый', который при этом ссылался на выражения *aj jüzlik* 'со светлым, ясным лицом' и видел аналогичную близость между *kij* 'гореть' и *kün* 'солнце'³. Б. И. Татаринцев предположил, что, вероятно, первоначальное значение слова ай 'луна, месяц' / «первоначальное значение, вероятно, не 'луна', а 'круг' или 'шар'...»⁴. В этимологическом словаре татарского языка Р. Г. Ахметьянова, ай — луна; месяц (календарный) < др. тюрк. ай < *aaï*, в якутском языке *ый*, чув. *уйах* < *ойах* < булг. *айх*. Судя по всему, ай — это ай калку 'восход луны', и в действительности в турецком диалекте есть выражение *ау ау* — 'лунное освещение'. Известны и другие варианты звучания слова ай — *ань*, *аань*⁵.

В «Арабско-татарско-русском словаре заимствований» зафиксированы арабские и персидские заимствования, обозначающие название луны: *камэр* ар. 'луна, месяц'⁶, *бадер* ар. 'полная (четырнадцатидневная) луна'⁷, *маһ* перс. 'месяц, 1. луна. 2. месяц (часть года)⁸, *һиллал* ар. 'молодой месяц (семидневный), полумесяц'⁹, также сложные прилагательные, образованные от слова *маһ*: *маһликаэ* ар.-перс. '1. луноликий, прекрасный. 2. красавец, красавица'¹⁰, *маһнәйкәр* перс. '1. луноподобный 2. красавец, красавица'¹¹, *маһрох* перс. 'луноликий, красивый'¹², *маһру*, *маһруй* перс. 'лунолика, красавица'¹³. Они иллюстрированы в словаре примерами из произведений, написанных на старотатарском языке.

В современном толковом словаре татарского языка приводятся следующие значения рассматриваемой нами лексемы: 1) небесное тело, отражающее свет Солнца и являющееся самым ближайшим естественным спутником Земли; 2) каждая из двенадцати частей астрономического года, ко-

¹ Древнетюркский словарь / авт.-сост. Т. А. Боровкова, Л. В. Дмитриева, А. А. Зырин и др. Л.: Наука, ЛО АН СССР, 1969. С. 24.

² Там же.

³ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974. С. 99.

⁴ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. С. 76.

⁵ Ахметьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. I том. Казань: Магариф — Вақыт, 2015. С. 80.

⁶ Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге / М. И. Мәхмүтов, К. З. Хәмзин, Г. Ш. Сәйфуллин. Казань: Иман, 2018. С. 201.

⁷ Там же. С. 38.

⁸ Там же. С. 256.

⁹ Там же. С. 784.

¹⁰ Там же. С. 257.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

торая имеет отдельное название; 3) период времени, приблизительно равный одному месяцу в календарном году; 4) серповидный предмет, помещенный на вершине минарета мечети; 5) изображение, встречающееся на флагах некоторых стран, населенных тюркскими народами (например, Турции)¹.

Функционирование лексемы ай в разные периоды развития старотатарского литературного языка

В старотатарских письменных источниках ай функционирует в разных значениях. К примеру, в письменном памятнике периода Казанского ханства в толковании Корана в суре «Ясин» лексема ай актуализируется в прямом номинативном значении — небесное тело: <...> *yägñi Aya dâhi mänâzil tâqdir qilduq. Küktâ gah artar, gah tular, gah âkselür*² ‘букв. То есть луне также предполагали много положений. На небе луна то увеличивается, то уменьшается’³.

В письменных памятниках старотатарского языка лексема ай является широко употребительной. Например, в письменном памятнике периода Золотой Орды в «Мухаббат-наме» Хорезми на 473 бейтов⁴ приходится 28 лексем, обозначающих ‘луну’: *чехрәси ай*⁵ ‘ее лицо — луна’; *Чечәк дермин йүзүңга, қәмәр хәм*⁶ ‘Я называю твое лицо цветком и луной’ и др.

В старотатарской поэзии слово ай ‘луна, месяц’ отличается семантической разнопланностью. Красота и душевная чистота человека ассоциируется с образом луны.

Так, в источнике болгарского периода старотатарского языка в поэме «Кыссаи Йусуф» красота человеческого лица (как мужского, так женского) уподобляется луне — *Зөләйха уйқудан мәхрүм қалди, ай кеби күркүлү йүзе, биңзе сулди*⁷ ‘букв. Зулейха лишилась сна, Лицо, подобное луне, поблекло, красота увяла’; полной луне — *тулун ай дик балқыр иди аның йүзи*⁸ ‘букв. Лицо его сияло, как полная луна’; светится как полная луна — *тулун ай тик балқыр ирде сәнең йүзең* ‘букв. Где сиявшее, как полная луна, лик свое’⁹.

В памятниках золотоордынского периода лик девушки метафорически представляется следующим образом: ‘ее лик — луна’, ‘луна — твой лик’.

Образ самой девушки описывается как луноликая красавица, праздничная луна: *Чечәк дермин йүзүңга, қәмәр хәм*¹⁰ ‘Я называю твое лицо цветком и луной’; *Кел, ей ай йүзлү дилбәр, тут бирар қуш*¹¹ ‘букв. Приди, о луноликая красавица подайпару (бокалов)’; *Йүзүңдә көрдүм ей жан бәйрәм айын*¹² ‘букв. Я увидел в твоём лице, о душа, праздничную луну’. Такое же употребление слова ай зафиксировано в памятниках «Хосров и Ширин» Кутба, «Гулистан» Сейфа Сарай, «Нахдж ал-фарадис» Махмуда ал-Булгари: *Cün esrüdi qazij, ol aj jüzlini Öpmägä ning çan bilän rägbät qilur; Ol qämär jüzli, şakar sözli häbib Bir öpüşka çan alip minnät qilur*¹³ ‘букв. Когда кады опьянел, то ту луноликую Всея душой устре-

¹ Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 6 томда. Тулыл. һәм төзәт. 2 нче басма. I том: А–В / жав. мөх. Р. Т. Сәфәров. Казан: Татар. кит. нәшр., 2020. С. 95–96.

² Тефсир Корана: рукопись // Фонд письменных источников Национального музея РТ. С. 26–27.

³ Перевод авторов статьи.

⁴ Бейт — «двустигшие в арабо-, фарси- и тюркоязычной поэзии, основная единица строфики аруза, выделяемая в стихотворном произведении любого жанра. См.: Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 47.

⁵ Хорезми Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследования Э. Н. Наджиба. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. С. 46.

⁶ Там же. С. 46.

⁷ Кол Гали Кыйссаи Йосыф. Казан: Татар. кит. нәшр., 1983. С. 130.

⁸ Там же. С. 136.

⁹ Там же. С. 214.

¹⁰ Хорезми Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследования Э. Н. Наджиба. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. С. 46.

¹¹ Хорезми Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследования Э. Н. Наджиба. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. С. 47.

¹² Там же. С. 30.

¹³ Наджип Э. Н. Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сарай и его язык. Ч. 1. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Каз. ССР, 1975. С. 32.

мился целовать. Та лунолика, сладкоречивая возлюбленная За один поцелуй отнимает твою душу, да ещё требует признательности'. Красивый лик парня уподобляется полной луне: *Ул кәчә ибне Йәсәр төшөндә Йосыф пәйгамбәрне күрдө, инкән жамаллыг йөзе тулун ай мәңизлег ирде*¹ 'букв. Той ночью Ибне Ясар увидел во сне Пророка Юсуфа, его очень красивое лицо было, как полная луна' и др.

В поэмах «Тухфа-и мардан» и «Нур-и содур» Мухаммедьяра (в памятниках периода Казанского ханства) объективируются образные, ассоциативные значения, связанные с женской красотой: *ай йөз, маһе ру, ай ру* в значении 'лунолика' и др. Например, *Күрмәсә ул ай йөзөн бер ләхзә шаһ, Төшәр ирди жаныңа йөз дәрди аһ*² 'букв. Если хоть недолго не видел луноликую, Душою огорчился шах'.

В письменных источниках XVII–XVIII вв. несравненная красота девушки передается с помощью эпитетов *нурлы* 'лучистый', *якты* 'яркий'.

Девушка для поэта является воплощением светоносной, лучезарной красоты: *Ал шәһребан сурәтеңне / Күрдем шул дәм бу күзем / Ай кеби йакты йөзең, һай, / Бал кеби татлы сүзең*³ 'букв. В один миг мои глаза увидели твой лучезарный, словно луна, образ, луноликое лицо, сладкие, словно мед твои слова...'; *Ай кеби йакты йөзең һәм бал кеби татлы сүзең, / Салды бәне гыйшык утыйга шул ике кара күзең*⁴ 'букв. Твое лицо лучистое как луна, твои слова сладкие как мёд, а твои черные очи меня бросили в огонь любви'; *Әй мәнем жаным, ай тик йөзеңне күрмәгәйдем, қяшки, / Ширбәт ширин ләбеңдин танмагайдым, қяшки*⁵ 'букв. Ой моя душенька, если бы я не видел твоё луноликое лицо, если бы не утонул в твоих сладких устах'.

В семантике слово *ай* заложено представление о красоте. В старотатарском языке представление об образе красивой девушки ассоциируется со светлым, ясным лицом, блеском, сиянием, светом: *Жәмәлендән хөршиде маһ гаҗиз калди*⁶ 'букв. Солнце и месяц побледнели перед сиянием его лица'; *Йөзе тулун ай тәг кумыйур*⁷ 'букв. Его лицо сияет, как полная луна'; *ай хөснә*⁸ 'красота луны'; *Йүзүң нуры дин ай нуқсан ичиндә*⁹ 'Луна меркнет от сияния твоего лица'; *Йөзләрең аһа биңзәшдер* 'Твой лик похож на луну'¹⁰; *Тулган ай итде йөзеңне* 'Твой лик превратил в полную луну'¹¹ и др.

В поэзии XVII — начала XIX в. красота женщины также сравнивается с яркой луной, с ее чистотой, лучистостью, таинственностью: *Нәркәс кара күзләрең, / Тулган ай тик йөзләрең / Һич күңелемнән китмәйдер*¹² 'букв. Твои черные очи, твоё лицо словно полная луна, никак не выходит из моей души, никак не могу забыть'; *Лалә әхсән йөзләрең / Мисле ләйләтел-бәдер*¹³ 'букв. Твой лицо как цветок тюльпана похоже на полную луну'; *Байның кызы бай кебек, / Йөзе тулган ай кебек*¹⁴ 'букв. Лицо дочери богатого красиво, словно полная луна'; *Үзу яңа үсеп бара, Йөзе мисле маһа пара*¹⁵ 'букв. Она только подрастает, лицо полную луну напоминает'.

Как показывают приведенные примеры, лексические единицы *ай, камәр, бәдер, маһи* чаще используются в качестве сравнений.

Поэты XVII–XVIII вв. часто описывали внешнюю красоту человека, сравнивая ее с лунным светом. В данном случае этот смысл у Габдессаляма передается сочетаниями *маһи бәдер нуры, маһи әнвәр: Ни гаҗәп хуш мәҗһүд улмыш / Сән нигярнең әгъзасы? / Маһи бәдер нуры һәм / Мисле тавис риккәтәсе*¹⁶ 'букв. До чего же ты красива! Яркая, словно полная луна и нежная, мягкая, словно павлин'; *Сәйер*

¹ Мөхмүд әл-Болғари Нәһжел-фәрадис. Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. С. 295.

² Мөхәммәдьяр Нуры содур. Поэмалар, шигырь. Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. С. 60.

³ Габдессәләм // XVIII гасыр әдәбияты. Поэзия. Казан: Дом печати, 2006. С. 58.

⁴ Там же. С. 67.

⁵ Там же.

⁶ Кол Гали Кыйссаи Йосыф. Казан: Татар. кит. нәшр., 1983. С. 202.

⁷ Мөхмүд әл-Болғари Нәһжел-фәрадис. Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. С. 36.

⁸ Хорезми Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследования Э. Н. Наджиба. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. С. 46.

⁹ Там же. С. 40.

¹⁰ Кандалий Г. Шигырьләр һәм поэмалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. С. 122.

¹¹ Там же. С. 159.

¹² Габдессәләм // XVIII гасыр әдәбияты. Поэзия. Казан: Дом печати, 2006. С. 44.

¹³ Максуд // XVIII гасыр әдәбияты. Поэзия. Казан: Дом печати, 2006. С. 76.

¹⁴ Габдессәләм // XVIII гасыр әдәбияты. Поэзия. Казан: Дом печати, 2006. С. 45.

¹⁵ Кандалий Г. Шигырьләр һәм поэмалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. С. 138.

¹⁶ Габдессәләм // XVIII гасыр әдәбияты. Поэзия. Казан: Дом печати, 2006. С. 53.

идеп китте ниягарем / Мисле маһи энвэр зыйллам¹ ‘букв. Оглядела меня моя любимая, Моя тень, слово новорожденная луна’.

Словом ай ‘луна’ поэты называли не только лик прекрасной возлюбленной, но и ее саму: Сен ай ны бүйлэ би нуқсан йэратты² ‘создал тебя, луну, безупречной’.

Поэты описывая брови девушки, сравнивают их с формой новой луны: Пәри рухсарларның көрккә байы, Йүзүң нэвруз-о қашың бәйрәм айы³ ‘О красавица, щедро наделенная красотой пери, твое лицо — весна, твои брови — народившийся месяц’; Кашлары һиләл әлне пәр әнвар үлүм вар⁴ ‘букв. Смерть есть и для тех, чьи брови подобны новой луне и чьи руки полны лучей’. Данная традиция нашла яркое отражение и в поэзии XVII–XVIII вв.: Мисле айдыр кашларың, / Сыйфатә инжү дешләрең, / Кылды бәни шурида, Зөлөф кылган сачләрен⁵ ‘букв. Брови твои подобны луне, зубы, словно жемчуга, твои локоны сводят меня с ума’; Мисле һиләлдыр кашларың, / Инжү дик һәм дешләрең⁶ ‘букв. Брови словно рожденная луна, зубы, словно жемчуга’; Кашларың һиләлә тиңдәшдер, / Буйларың сәрви шәжәр⁷ ‘букв. Брови подобны молодой луне, стан ее подобен кипарису’; Кашлары һиләл кебидер, / һәм йаңақы-ләләсә⁸ ‘букв. Брови словно рожденная луна, и щеки словно тюльпан’.

Глаза возлюбленной Хорезми сравнивает с луной: Қәмәр тек чехрәңә бақсә қәмәр көз ‘букв. Если посмотрит на твое луноподобное лицо луноподобные глаза’⁹.

В старотатарских письменных текстах ай ‘луна’ осмысливается как покровительница всей природы, земного шара: Bulgar Vilayeti, yedi iklimde yedinci iklimdir. Aya mensuptur yani ayın himayesindedir¹⁰ ‘букв. Вилайет Болгар является седьмым в семи делениях земного шара к северу от экватора. Он находится под воздействием и покровительством Луны’; Бу иқлим Қәмәр йолдызының тәрбийәсендә улыр, алты Уралның күркәмрәгедер ‘букв. Данная часть света находится под покровительством Луны, она самая красивая из шести гор Урала’¹¹; Бу диңгез Камәр тәрбиясендәдер, мәширикътан чыгар¹² ‘букв. Это море под покровительством Луны, оно начинается с востока’.

Поэты, прославляя Аллаха, пророков и их силу, обращаются к образу луны расколотой на две части: Дүним улды бармакыңдин / Дәһим маһи асман¹³ ‘букв. Когда ты (пророк) прошел, даже луна расколосась на две части’; Син хак пәйгамбәр улсан, бу беткән айны ундүртенче көне әйләгел, тулып чыксын, күк уртасына йитсен, андин соң бармакың берлә ишарәт кылгыл: ай икегә ярылсын...¹³ ‘букв. Если ты истинный пророк, то сделай так, чтобы убывающая луна стала полной — как 14-дневная, после этого пальцем делай такие движения (жестами указывай), чтобы луна расколосась на две части...’.

Затмение луны ассоциируется с бедствием и несчастьем: Kätürdi namä kim oş aj tutuldy jeti iqlim tahty häli boldy¹⁵ ‘букв. Принесли весть, что произошло затмение луны, трон семи сфер остался без шаха’; Tutuldy ärsä Nüşärvän-нуң ају қонуб Hürmiz üzä дәвләт һумәјү¹⁶ ‘букв. Когда произошло затмение луны Науширвана, возлюбленная Хумаи вернулась в Хурмуз’.

¹ Там же. С. 61.

² Хорезми Мухаббат-наме / издание текста, транскрипция, перевод и исследования Э. Н. Наджиба. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. С. 31.

³ Хорезми Мухаббат-наме / издание текста, транскрипция, перевод и исследования Э. Н. Наджиба. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. С. 35.

⁴ Фатхтдинов Ф. Книга Умми Камала. Казань: ИЯЛИ, 2022. С. 293.

⁵ Габдессәләм // XVIII гасыр әдәбияты. Поэзия. Казан: Дом печати, 2006. С. 43.

⁶ Там же. С. 58.

⁷ Там же. С. 63.

⁸ Кандалий Г. Шигырьләр һәм поэмалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. С. 134.

⁹ Хорезми Мухаббат-наме / издание текста, транскрипция, перевод и исследования Э. Н. Наджиба. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. С. 36.

¹⁰ Özyetgin Melek A. Astrahanli Şerifi'nin 1550 Tarihli Zafer-nâme'si // Türkoloji Dergisi, 1993. P. 333.

¹¹ Мөслими Тәварихы Болгария / Басмага әзерләүче С. Гыйләжетдинов. Казан: Иман, 1999. С. 19.

¹² Мөслими Тәварихы Болгария / Басмага әзерләүче С. Гыйләжетдинов. Казан: Иман, 1999. Б. 19. С. 23.

¹³ Тайсугани Габдерахман бине Туймөхәммәд // XVIII гасыр әдәбияты. Поэзия. Казан: Дом печати, 2006. С. 33.

¹⁴ Тажәддин Ялчыгол Рисаләи Газизә. Казан: «Иман» нәшр., 2001. С. 63.

¹⁵ Zajączkowski A. Najstarsza wersja turecka Husräv u Şirin Qutba. Część I. Warszawa, 1958. P. 45.

¹⁶ Там же. С. 34.

Новая луна оказывает на человека особенно сильное воздействие, избавляет его от различных болезней и слеза: *Безнең шифа тапмағымыз <...> бу йаңа туған айданмы, диде*¹ ‘букв. Наше излечение и выздоровление от молодой луны’.

Тюрки соотносили с лунным циклом обрядовые, хозяйственные и иные мероприятия. Жизненно важные дела, как правило, планировали на период «роста» месяца — от новолуния до полнолуния: *Һәрдем ай-ның йаңы-си улдугында, ләшкәр дирлеб жәмлә хазир кәлдегендә Йүсеф тази бенүб сәйран кылдыгында — Сикез йүз бең ләшкәр берлә чыкар имди*² ‘И каждый раз, когда в небесной высоте День приходил взойти вновь луны, И с войском шел Йүсеф, красуясь на коне, — Восемьсот тысяч шло с ним воинов теперь’³.

В старотатарских письменных памятниках встречаются многочисленные и разнообразные обращения к Богу, пророкам, чтецам, вождям, народу и возлюбленным, выражающие эмоциональное и экспрессивное состояние говорящего. В поэме «Мухаббат-наме» ласковое обращение к возлюбленной объективируется словом *маһ* ‘луна’: *Көнүл лар ахы дин иймангил, ей маһ*⁴ ‘букв. Вздохов сердца стыдись, о луна’. В творчестве поэта Гадерахима Утыз Имяни аль-Булгари лирик герой, выражая свое почтение шаху, обращается к нему *маһе таб*, т. е. сравнивает с лучами луны: *Килде телгә бу гарәб, вирде жәуаб: «Төхфә китердем сәңа, и маһе таб!»*⁵ ‘Придя в себя, араб дал удивительный ответ: ‘букв. Принес подарок тебе, о, лучезарная луна!’.

В письменных текстах *ай* упоминается и как образ, выражающий уровень образованности человека, его духовное развитие. Например, в творчестве Мауля Куляя, Габдерахима Утыз Имяни ученые ассоциируются с солнцем, а учащихся медресе — с полной луной: *Галимнәр күк йөзәндә көнәш яңлыг, / Шәкердәр тулыб торған айға йаңлыг*⁶ ‘букв. Ученые как солнце на небе, шакирды как ‘полная луна’; *Һәркемнең кем гыйльме чуктыр, байдыр ул, / Барча йолдызлар кебидер — айдыр ул*⁷ ‘букв. Каждый, у кого есть знания — он богат, подобен луны, а остальные подобны звездам’; *Тәгәллемдин улырсән сахибе садр, / Көнәшдиндер һилалның улмасы бәдр*⁸ ‘букв. Получая знания, ты завоеуешь души, как под влиянием солнца молодая луна превращается в полную’.

В старотатарских письменных памятниках слово *ай* используется для передачи чувства радости: *Күңле ачлыб, хатеринә шади йагди, һәмәна-кем, ун түртенчи күн ай тугди*⁹ ‘букв. Повеселело, сердце наполнилось радостью, словно наступило полнолуние’. Еще пример: *Анлар әйдүр: «Сәни кем хөррәм қыйлды? Биңзең нуры д[у]луң ай-тик! — дирләр имди»*¹⁰ ‘букв. Они сказали: «Кто тебя так обрадовал? Лицо твоё светится подобно луны!»’. В этих примерах радости буквально уподобляется наступлению полнолуния, а также светит как луна.

У неизвестного автора, написавшего «Мәжмүгъ әл-хикәят» (XVIII в.), в поэзии Габдельджаббара Кандалый психическое состояние лирического героя, томимого чувствами грусти и тоски, сравнивается с серповидной формой молодой луны, таким образом передается его внутренняя нестерпимая душевная боль: *Гашыйкыкта ай дик бөкелде <...>*¹¹ ‘букв. Изнемогая от любовных чувств, он согнулся как новая луна <...>’; *Сулды йөзем дәрдеңләң, улды һилал*¹² ‘букв. От тоски сохнуло мое лицо, оно стало как новая луна’.

¹ Мөслими Тәварихы Болгария / Басмага әзерләүче С. Гыйләжетдинов. Казан : Иман, 1999. С. 13.

² Кол Гали Кыйссаи Йосыф. Казан: Татар. кит. нәшр., 1983. С. 210.

³ Кол Гали Йосыф кыйссасы / төз. Н. Хисамов. Казан: «Дом печати» нәшр., 2008. С. 502–503.

⁴ Хорезми Мухаббат-наме / издание текста, транскрипция, перевод и исследования Э. Н. Наджиба. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. С. 48.

⁵ Габдерәхим Утыз Имяни әл-Булгари Шигырьләр, поэмалар / төз. Ә. Шәрипов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. С. 108.

⁶ Мөүлә Колый // Борынгы татар әдәбияты. Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. С. 496.

⁷ Габдерәхим Утыз Имяни әл-Булгари Шигырьләр, поэмалар / төз. Ә. Шәрипов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. С. 45.

⁸ Там же. С. 103.

⁹ Кол Гали Кыйссаи Йосыф. Казан: Татар. кит. нәшр. 1983. С. 248.

¹⁰ Там же.

¹¹ Мәжмүгъ әл-хикәят // Борынгы татар әдәбияты. Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. С. 515.

¹² Кандалый Г. Шигырьләр һәм поэмалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. С. 121.

С лексемой *ай* в памятнике Казанского ханства «Зафар-наме-и вилайет-и Казан» Шарифа Хаджи-Тархани образованы:

1) имя одного из беков — *Айкелди* ‘взошла луна’: *ba ‘zı dilâverân-ı nâm-dâr ve bahâdırân-ı kâmkâr narıhı bik ve ay keldi bik ve ak matay bik ve cema’a-i hâciler*¹ ‘букв. Некоторые известные храбрецы и удачливые герои — Нарыхи-бей, Ай Келди-бей и Ак-Матай-бей, а также сообщество паломников’;

2) «Дафтаре Чыңгызнамэ» — прозвище: *Кунгратка Ай култык дигэн саутны бирде*² ‘букв. Кунграту было дано прозвище Айкултык’;

3) в «Таварихе Булгария» Муслими — название реки: *Бонлар Ай дәрьясындан килеб, сәхабәдән тәгълим алыб кайтыб йортларыныд мөселман әйләндермешләрдәр*³ ‘букв. Они пришли со стороны реки Ай, получили от вероучителей знания, сделали свою страну мусульманской’.

Также одним из основных значений *ай* является ‘время’: <...> *bir kiçe kündüz ğuzât ümmîdiyle at bağlamak yahşıdur bir ay tutuş şavm u kiçe i ‘mâldin*⁴ ‘букв. Привязывать коня день и ночь с надеждой завоевать лучше, чем месяц поститься и поклоняться ночью’; *Өч айгача яхшы хезмәтләр кылыр ирде*⁵ ‘букв. Три месяца он все делал хорошо’.

В большинстве письменных памятников реализуется значение ‘каждая из двенадцати частей астрономического года, которая имеет отдельное название’: *Тарих тукуз йөз, йөкерме тукузда мөбарәк сәфәр айының үнөченче көн ирде*⁶ ‘букв. Это был тринадцатый день месяца Сафар в девятьсот двадцать девятом году’; *Зөлкәгъдә айында анадин тугды*⁷ ‘букв. Он родился в месяце зулькагда’.

Употребление слова *ай* в сочетании с составным глаголом *иңгән ирде* встречается в письменном памятнике XVIII в. в значении ‘приближение времени родов’: *Жәнибәк ханның бичәсе Тайдулы ханшаның ай-көне иңгән ирде*⁸ ‘букв. Приближалось время родов жены Джанибек-хана Тайдулы’.

Заключение

Таким образом, анализ семантики лексической единицы *ай* показал, что данный образ значим для письменных памятников старотатарского языка. В них актуализируются как прямые значения слова *ай*, так и образные, ассоциативные значения. Лексема *ай* ‘луна’ и созданные с ее помощью сравнения, эпитеты, метафоры, символы и др. стилистические средства на протяжении веков употреблялись в старотатарском языке. Авторы используют их для выражения чувств возлюбленных. Наиболее часто сравниваемыми элементами красоты возлюбленного являются его/ее лицо, щеки, брови. Их сравнивают с луной по яркости, цвету и форме. Такие словосочетания встречаются в произведениях практически каждого поэта. Лексемы *камәр* ‘луна’, *һилал* ‘молодой месяц’ и *бәдер* ‘полная луна’ в письменных источниках также функционируют как единицы, передающие поэтические оттенки и символы, стилистически обогащающие произведение.

В дальнейшем изучение пратюркского корня *ай* (луна / месяц) и его эволюции в современных тюркских языках, сравнительно-исторический анализ этого слова, исследование мифологических представлений о Луне в тюркской традиции позволит углубить понимание семантики данной лексемы.

¹ Özyetgin Melek A. Astrahanli Şerifi'nin 1550 Tarihli Zafer-nâme'si // Türkoloji Dergisi, 1993. P. 338.

² Дәфтәре Чыңгызнамэ // Мирастан биш сәхифә: XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкярләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. С. 80.

³ Мөслими Тәварихы Болгария / Басмага әзерләүче С. Гыйләжетдинов. Казан: Иман, 1999. С. 28.

⁴ Özyetgin Melek A. Astrahanli Şerifi'nin 1550 Tarihli Zafer-nâme'si // Türkoloji Dergisi, 1993. P. 334.

⁵ Мәжмүгъ әл-хикәят // Борынгы татар әдәбияты. Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. С. 519.

⁶ Мустакимов И. А. Еще раз о казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5: Вопросы источниковедения и историографии средневековых тюрко-татарских государств / отв. ред. И. К. Загидуллин. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 1993. С. 34.

⁷ Дәфтәре Чыңгызнамэ // Мирастан биш сәхифә: XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкярләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. С. 81.

⁸ Там же. С. 88.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисимов, Р. Н. (2016) Лексемы, обозначающие небесные светила и небесную сферу в составе фразеологизмов якутского языка // Культурное наследие традиционных сообществ в контексте мировой цивилизации: проблемы перевода и межкультурного диалога: материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием), посвященной 60-летию СВФУ им. М. К. Аммосова (г. Якутск, 10–11 ноября 2016 г.) / отв. ред. А. А. Находкина. Якутск : Издательский дом СВФУ. 292 с. С. 105–112.

Бәширова, И. Б. (2018) Тәрки-татар әдәби теле нәзарияте [Теория тюрко-татарского литературного языка]. Казан : ТӘҺСИ. 316 б. (На татар. яз.)

Благова, Г. Ф. (1994) «Бабур-наме»: Язык, прагматика текста, стиль. К истории чагатайского литературного языка. М. : Восточная литература РАН. 404 с.

Валиева, М. З. (2021) Лексические средства выражения категории времени в письменных источниках XVII–XVIII вв. // Мир науки. Социология, филология, культурология. Т. 12. № 4.

Бурнаков, В. А., Цыденова, Д. Ц. (2013) Луна в традиционном мировоззрении хакасов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 12. Вып. 3. Археология и этнография. С. 267–279.

Зәкиев, М. З. (1995) Татары: проблемы истории и языка. Казань : Полиграфическое объединение им. К Якуба. 464 с.

Кадилова, Э. Х. (2010) Космонимы в тюрко-татарских письменных памятниках // Материалы XII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» / отв. ред. И. А. Гилязов. Казань : Отечество. 443 с. С. 334–336.

Кара-оол, Л. С. (2015) Понятие «месяц» в тувинском языке: зимние месяцы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12(54): в 4-х ч. Ч. IV. С. 93–97.

Кетенчиев, М. Б., Додуева, А. Т., Хуболов, С. М. (2019) Название месяцев в карачаево-балкарском языке // Вестник Череповецкого государственного университета. № 6. 237 с. С. 109–117.

Кузьмина, А. А. (2023) Концепт «луна» в якутской языковой картине мира // Вестник НГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 21(3). С. 106–117. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2023-21-3-106-117>

Наджип, Э. Н. (1989) Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М. : Наука. 281 с.

Нуриева, Ф. Ш. (2004) Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. Казань : Казанский государственный университет. 376 с.

Сагдеева, Ф. К. (2024) Мифическое время в языке и сознании татар ((на примере слов ел (год), ай (месяц), атна (неделя)) // Национальные языки и межъязыковые процессы в современном мире: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. 9–10 октября 2024 года / сост.: М. Р. Булатова и др. Казань : ИЯЛИ. 492 с. С. 353–361.

Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр — XX йөз башы) [История татарского литературного языка (XIII — начало XX века)] (2015) / И. Б. Бәширова, Ф. Ш. Нуриева, Э. Х. Кадилова; фәнни ред. Ф. М. Хисамова. Казан : ТӘҺСИ. 1 т. : Фонетика. Графика: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык [Фонетика. Графика: письменные традиции, норма и вариативность]. Казан : ТӘҺСИ. 696 б. (На татар. яз.)

Тенишев, Э. Р. (1987) О языке поэмы «Кысса-и Йусуф» Кул Гали // Поэт-гуманист Кул Гали / ред. Н. Ш. Хисамов. Казань : Татар кн. Изд.-во. 264 с. С. 133–137.

Тенишев, Э. Р. (1997) Тюркоязычные письменные памятников языки // Языки мира: Тюркские языки / отв. ред. Э. Р. Тенишев. Бишкек : Кыргызстан. 547 с. С. 35–46.

Тенишев, Э. Р. (2006) Избранные труды. Уфа : Гилем. 304 с.

Хайруллин, Р. З., Шаряфетдинов, Р. Х. (2022) Мифологизм астральных образов Солнца и Луны в современной татарской литературе // Вестник Марийского государственного университета. Т. 16. № 1. С. 113–120. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-1-113-120>

Хаков, В. Х. (1999) Татар әдәби теле: Стилистика [Татарский литературный язык: Стилистика]. Казан : Тат. кит. нәшр. 302 б. (На татар. яз.)

Хаков, В. Х. (2003) Тел — тарих көзгесе. Татар әдәби теленең борынгы чорлардан башлап үсеш тарихыннан [Язык — зеркало истории. Развитие татарского литературного языка в донациональную и национальную эпохи]. Казан : Татар. кит. нәшр. 295 б. (На татар. яз.)

Хисамова, Ф. М. (2012) Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI — начало XIX вв.). Казань : Татар. кн. изд-во. 405 с.

Дата поступления: 12.02.2025 г.

Дата принятия: 03.04.2025 г.

REFERENCES

Anisimov, R. N. (2016) Lexemes denoting celestial bodies and the celestial sphere in Yakut phraseology. In: *Cultural Heritage of Traditional Communities in the Context of World Civilization: Problems of Translation and Intercultural Dialogue*. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation Dedicated to the 60th Anniversary of M.K. Ammosov NEFU Yakutsk November 10–11 2016. Ed. by A. A. Nakhodkina. Yakutsk, Publishing House of NEFU. 292 p. Pp. 105–112. (In Russ.)

Bashirova, I. B. (2018) *Theory of the Turko-Tatar Literary Language*. Kazan, ТӘСИ. 316 p. (In Tatar)

Blagova, G. F. (1994) *Babur-name: Language, Text Pragmatics, Style. On the History of the Chagatai Literary Language*. Moscow, Vostochnaya Literatura RAN. 404 p. (In Russ.)

Valieva, M. Z. (2021) Lexical means of expressing the category of time in written sources of the 17th–18th centuries. *Mir nauki. Sotsiologiya Filologiya Kulturologiya*, vol. 12, no. 4. (In Russ.)

Burnakov, V. A. and Tsydenova, D. Ts. (2013) The moon in the traditional worldview of the Khakas. *Vestnik NSU. Seriya: Istoriya Filologiya*, vol. 12, issue 3, pp. 267–279. (In Russ.)

Zakiev, M. Z. (1995) *Tatars: Problems of History and Language*. Kazan: Printing Association named after K. Yakub. 464 p. (In Russ.)

Kadirova, E. Kh. (2010) Cosmonyms in Turko-Tatar written monuments. In: *Proceedings of the XII International Scientific Conference "Onomastics of the Volga Region"*. Ed. by I. A. Gilyazov. Kazan, Otechestvo. 443 p. Pp. 334–336. (In Russ.)

Kara-ool, L. S. (2015) The concept "month" in the Tuvan language: winter months. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12(54): in 4 parts. P. 4. Pp. 93–97. (In Russ.)

Ketenchiev, M. B., Dodueva, A. T. and Khubolov, S. M. (2019) Names of the months in the Karachay-Balkar language. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6, pp. 109–117. (In Russ.)

Kuzmina, A. A. (2023) The concept "moon" in the Yakut linguistic worldview. *Vestnik NSU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, no. 21 (3), pp. 106–117. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2023-21-3-106-117>

Nadzhip, E. N. (1989) *Studies on the History of Turkic Languages of the 11th–14th Centuries*. Moscow, Nauka. 281 p. (In Russ.)

Nuriyeva, F. Sh. (2004) *Historical and Linguistic Conditions for the Formation of the Turko-Tatar Literary Language of the Golden Horde Period*. Kazan, Kazan State University. 376 p. (In Russ.)

Sagdeeva, F. K. (2024) Mythical time in the language and consciousness of the Tatars (on the example of the words el (year), ay (month), atna (week)). In: *National Languages and Interlingual Processes in the Modern World*. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 85th Anniversary of the Institute of Language Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. October 9–10 2024. Comp. by M. R. Bulatova et al. Kazan, IYALI. 492 p. Pp. 353–361. (In Russ.)

Bashirova, I. B., Nuriyeva, F. Sh. and Kadirova, E. Kh. (2015) *History of the Tatar Literary Language (13th – early 20th century) vol. 1: Phonetics. Graphics: Writing Traditions Norm and Variability*. Ed. by F. M. Khisamova. Kazan, ТӘСИ. 696 p. (In Tatar)

Tenishev, E. R. (1987) On the language of the poem "Kyssa-i Yusuf" by Kul Gali. In: *Poet-Humanist Kul Gali*. Ed. by N. Sh. Khisamov. Kazan, Tatar Book Publishing House. 264 p. Pp. 133–137. (In Russ.)

Tenishev, E. R. (1997) Turkic written monument languages. In: *Languages of the World: Turkic Languages*. Ed. by E. R. Tenishev. Bishkek, Kyrgyzstan. 547 p. Pp. 35–46. (In Russ.)

Tenishev, E. R. (2006) *Selected Works*. Ufa, Gilem. 304 p. (In Russ.)

Khayrullin, R. Z. and Sharyafetdinov, R. Kh. (2022) Mythologism of astral images of the sun and moon in modern Tatar literature. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 16, no. 1, pp. 113–120. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-1-113-120>

Khakov, V. Kh. (1999) *Tatar Literary Language: Stylistics*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 302 p. (In Tatar)

Khakov, V. Kh. (2003) *Language as a Mirror of History. On the Development of the Tatar Literary Language from the Ancient to the National Period*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 295 p. (In Tatar)

Khisamova, F. M. (2012) *The Tatar Language in Russian Eastern Diplomacy (16th – Early 19th Centuries)*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 405 p. (In Russ.)

Submission date: 12.02.2025.

Acceptance date: 03.04.2025.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор Ч. К. Ламажаа.
Редакторы Б. Н. Гайдин, В. С. Макаров.

№ 2, 2025

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/66>

Для иллюстрации обложки использована фотография Ш. Майны, Россия.

Подписано к публикации 01.06.2025 г.

Объем - 47,75 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia